АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Исторический ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ

сказания и предания

834734

Запись текстов,
перевод и комментарии
Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА·ЛЕНИНГРАД
1966

Ответственный редактор
В. И. ЦИНЦИУС

7-4-3
146—66

ВВЕДЕНИЕ

Эвенки — наиболее многочисленная (24.6 тыс. человек) и широко расселенная народность из малых народов Сибири. Перепись 1959 г. зарегистрировала их во всех краях и областях Сибири, за исключением Алтая и степной полосы, примыкающей к Байкалу (в Забайкалье степные тунгусы ассимилировались с бурятами и монголами к началу XX в.). Таким образом, помимо тех мест, где они постоянно жили (Амурская, Иркутская, Томская, Сахалинская и Читинская области, Якутская и Бурятская АССР, Красноярский и Хабаровский края и Усть-Ордынский национальный округ), в 1959 г. эвенки отмечены также в Хакасской АССР, в Тюменской области, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах.

В настоящее время эвенки составляют основное население в охотничье-оленеводческих колхозах Эвенкийского национального округа Красноярского края и Катангского района Иркутской области, в глубинных охотничье-оленеводческих колхозах Бурятской и Якутской АССР, Амурской и Читинской областей и Хабаровского края (Аянский, Чумиканский, Верхне-Буреинский и Хабаровский районы). В колхозах и совхозах остальных упомянутых выше областей и районов они составляют меньшую часть населения.

Эвенки по языковым и этнографическим особенностям делились в начале советского периода на следующие группы: 1) сымская (потомки нижнеангарско-енисейских тунгусов XVII в.) — расселена к западу от Енисея и к северу от Ангары (по притокам Подкаменной Тунгуски); 2) подкаменнотунгусская — в бассейне Подкаменной Тунгуски и севернее, до р. Нижней Тунгуски; 3) илимпийская — к северу от Нижней Тунгуски, до зоны расселения долганов и нганасанов, а также в районе г. Туруханa и севернее, на запад от Енисея; 4) ербогоченская — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Илимпеей и Еромой, и восточнее, в бассейне вилюйской Чоны; 5) непская — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Еромой и Икой (притоком Непы), и восточнее, включая верховья Чоны (притока Вилюя),

Пеледуя (притока Лены) и нижнюю часть бассейна Витима, а также верховья притоков Лены (до Киренги); 6) токминская — в верхней части бассейнов Нижней Тунгуски, Ноны (притока Нижней Тунгуски), Куты (притока Лены), Илима (притока Ангары); 7) верхнеленская — в верхней части бассейнов Лены и Киренги; 8) северобайкальская — в северном Прибайкалье и в бассейне Верхней Ангары; 9) баргузинская — в верхней части бассейна Баргузина; 10) баунтовская — в бассейнах средних и верхних левых притоков Витима; 11) витимо-олекминская — в бассейнах верхних и средних правых притоков Витима и во всем бассейне Олекмы; 12) токкинская — в верхней части бассейнов Токко и Чары (левых нижних притоков Олекмы); 13) верхнеалданско-зейская — в бассейне верховьев Алдана, Томмота, Сутама (притока Учура), Амги и Гилюя (левого притока Зеи) с его притоком Тындой; 14) учурско-зейская — в верхней части бассейнов Учура, Зеи и смежной с последней Алгомы (притока Учура); 15) буреинско-урмийско-амгунская — в верхней части бассейнов Буреи, Амгуни и Урми (притоков Амура); 16) чумиканская — в бассейнах Уда, Тугура, Торома, Чумикана; 17) аянская — в районе Аяна и в бассейне Нелькана и его притока Тотты; 18) сахалинская — в северной части Сахалина.

За годы Советской власти хозяйство, культура и быт эвенков — таежных охотников-оленеводов были коренным образом преобразованы. В настоящее время эвенки объединены в охотничье-оленеводческие колхозы, в которых наряду с ведущими отраслями развиваются и новые отрасли, такие как звероводство, а местами животноводство и огородничество. Охотничьи и оленеводческие бригады составляются главным образом из эвенков.

Неизменно выросла и культура эвенкийского населения. За эти годы большинство эвенков получило образование, и сейчас многие из них работают в административных, кооперативных, школьных, медицинских, культурно-просветительных и других учреждениях.

До сих пор в быту эвенков, особенно среди колхозного населения, сохраняются многие элементы национальной культуры. К ним в первую очередь следует отнести родной язык. Зная русский язык, большинство колхозных семей говорит дома по-эвенкийски. Сохраняется и сокровищница духовной культуры — фольклор.

Фольклор играл в жизни эвенков большую роль. Он включал как рациональные, так и иррациональные знания об окружающей природе, о происхождении окружающего мира, — знания, выработанные сотнями поколений в значительной части на основе наблюдений и опыта. Фольклор отразил и устную историю народа. Он оказывал значительное влияние на формирование мировоззрения охотника.

С раннего детства, как только ребенком эвенк начинал понимать речь, и до возмужания он впитывал в себя те знания,

которые ему могло дать устное творчество. Первые сведения о животных дети получали из сказок, рассказываемых во время отдыха по вечерам и днем во время домашней работы. Сказки эти обычно начинались с вопроса познавательного характера (например, почему дятел имеет красные перышки на голове), ответ на который давался в художественной, поэтической форме. До сих пор большинство эвенкийских сказок сохраняет этиологическую концовку.[1] Имелись и специальные детские сказки, из которых дети узнавали, чем питаются животные, и в которых раскрывались качества и свойства предметов или говорилось о способах их починки, если они ломались. Для усвоения счета в большом ходу были считалки, благодаря которым порядок счета до десяти запоминался с помощью сочетаний чисел со словами, имеющими сходные первые один-два слога. Во время рассказов старики рисовали на земле следы птиц и животных, которые затем показывали детям в действительности.

Загадки тренировали сообразительность; их начинали загадывать детям, когда они осваивали стрельбу из игрушечного лука. Считалось, что охотник, убивший впервые копытного зверя, должен уметь быстро отгадать любую загадку. Все загадки, как и сказки, начинались с вопроса: *Тар ēкун?* — «Это что?». Возможно, что форма загадывания распространилась и на сказки. Наряду с загадками и оберегами подростки узнавали и мифы о вселенной, о ее происхождении, о происхождении человека и животных, о древних шаманах и др. Наконец, когда дети становились «настоящими людьми» (т. е. взрослыми), им рассказывали сказания и предания. Еще Георги писал в XVIII в. об эвенках, что «знания их утверждаются только на преданиях».[2] Сказания формировали представления об идеале охотника-воина, показывали его выносливость, храбрость, стойкость, знакомили с людьми иной культуры. Если между событиями героического сказания и современностью временная связь была уже утеряна и сказитель не воспринимал как реальные названия родов, имена героев и топонимы, то рассказчик родовых преданий видел в героях своих предков. Названия родов, личные имена и географические названия в преданиях соответствуют современным. В отдельных случаях рассказчик помнил все поколения, от поколения действующего лица до своего. Таким образом, у молодого поколения вырабатывались знания правил и норм поведения, обязанностей и мо-

---

[1] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936 (Труды Инст. народов Севера); Г. М. Василевич. Ранние религиозные представления о мире у эвенков. Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. V).

[2] П. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. 3. СПб., 1776—1777, стр. 36—37.

рали. По некоторым героям определяли время действия («до» и «после» того или иного героя).[3]

Эвенки относились к сказаниям и преданиям как к неписанной истории и старались передавать их в неизмененном виде.

Известно, какую роль играет фольклор как источник для разных отраслей науки: фольклористики, лингвистики, истории, этнографии и археологии. Тексты сказаний и преданий, созданные самим народом, творцом и носителем истории, в художественной форме отражают разные этапы ее и «служат источником при разработке важнейших историко-этнографических проблем»,[4] например таких, как связи между родами, взаимоотношения с соседними народами, общественная организация, моральные и правовые кодексы, развитие религиозных представлений и др. Героические сказания, служа источником для фольклориста-тунгусоведа, являясь своего рода зародышем эпоса, интересны и в общем плане генезиса этого жанра. Тексты, записанные у разных групп эвенков, отражают местные разновидности речи и служат источником для диалектологических и общих лингвистических исследований.

Богатый и красочный эвенкийский фольклор еще недостаточно записан и очень слабо изучен. В нем представлено большинство жанров: песни (в их числе импровизации, песни с устойчивым текстом — самобытные и переводные, шаманские песни), рассказы о случаях из жизни, родовые предания, эпические или героические сказания и мифы (о происхождении вселенной, человека и животных и др.), сказки (о животных, бытовые, юмористические, детские и другие, как свои, так и заимствованные), поговорки, загадки, считалки, обереги. Но углубленным анализом каждого из жанров этого фольклора почти никто не занимался, если не считать жанра загадок.[5]

Сами эвенки различают в своем устном творчестве следующие виды: 1) *нимнакāн* (*нимкāн* у сахалинских и аянских эвенков) — этим термином называются сказка, миф, предание и сказание; 2) *улгур* (букв. «рассказ») — бытовой рассказ о случае из жизни взрослого поколения; 3) *икэ̄н*, *хаҙан* (*хāн*) — песня-импровизация и песня с коротким устоявшимся текстом; *давлавӯн* (заимствовано из монгольского) — песня переводная; *эрӣвӯн* (букв.

---

[3] Еще в начале нашего века илимпийские эвенки, рассказывая К. М. Рычкову о чем-либо, датировали события «до» и «после» войн оленных пришельцев с местными эвенками (К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II, 1917; кн. III—IV, 1922).

[4] В. К. Соколова. Фольклор как историко-этнографический источник. Сов. этнография, 1960, № 4, стр. 11.

[5] М. Г. Воскобойников. Эвенкийская загадка. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 249—271; В. И. Цинциус. Загадки негидальцев. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 216.

«клич») — песня шаманская; 4) *ноновко*, *тагивка* — загадка; 5) *од'б*, *ңэлумэ* — оберег; 6) *турэчивкэ* — поговорка.[6]

На термине *нимңакăн* следует остановиться подробнее. Он характерен для всех тунгусо-маньчжурских языков, за исключением маньчжурского, и имеет несколько значений. Например, в эвенкийском: 1) устное народное произведение (миф, сказка, сказание, предание; производные слова: *нимңакат*— «сказывать сказание», *нимңакăчимнă* — «сказитель» и др.); 2) старина, традиция, время (*тар нимңакăндў бичэн* — «это было в старину»); 3) камлать, шаманить (производные слова: *нимңаңки* — «шаманский бубен», *нимңанивка* — «камлание»).[7]

Между устным народным творчеством и обрядом также прослеживается связь.[8] Так, юноша, чтобы стать признанным охотником, кроме обладания специальными навыками, должен был знать сказки о животных и уметь быстро отгадывать любую загадку. Некоторые сказки можно было рассказывать только в тайге у костра или в охотничьем шалаше, так как, по представлениям эвенков, их слушали звери. Во время сказа сказитель, как и шаман, иногда покрывал голову платком и, рассказывая, подражал голосам зверей, а также имитировал их движения. Сказ, как и камлание, начинался с вечера и продолжался всю ночь до утра, а нередко и на следующий вечер. Все это происходило при притушенном огне очага, а когда сказитель пел, слушатели иногда подпевали (*д'арид'ачăтин*) ему, как и шаману на камлании. В обоих случаях слушатели должны были быть внимательными и не разговаривать; разрешалось только вставлять реплики, отражая свое отношение к содержанию.[9] У забайкальских тунгусов во время посвящения в шаманы начинающий шаман должен был рассказывать биографии шаманов-предков.[10] Наиболее древ-

[6] См. образцы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1.

[7] Интересно, что сходное с *нимңан* слово *лымн'ыл* имеется также в чукотском и корякском языках, но здесь оно известно только в значении «сказка». Имея в виду соответствие согласных *л* ~ *н*, можно говорить об общем происхождении тунгусо-маньчжурского и чукотско-корякского терминов. См. подробно: G. Wassilewitsch. Ursprung der Gesänge, Tänze, Spiele, Legendenerzählungen und Schamanierens bei den Ewenki. Acta ethnographica, t. IX, fasc. 1—2, Budapest, 1960.

[8] О тесных связях народной поэзии с магическим обрядом, о совмещении ролей певца, вождя и шамана у тюркских народов см.: В. М. Жирмунский. 1) Введение в изучение эпоса. В кн.: Киргизский героический эпос Манас. М., 1961; 2) Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 169—171.

[9] Аналогичное отмечено и в процессе сказа у бурят и монголов: «Рапсод, как и шаман, есть своего рода вдохновенный поэт. Хотя и поет по трафарету, но всегда вносит какие-нибудь варианты, в зависимости от настроения и обстановки. И стоит только остановить хотя бы на один момент поющего рапсода или шамана, как он собьется, начнет путать и вдохновение исчезнет» (Образцы народной словесности монгольских племен. Собр. Ц. Ж. Жамцарано. Т. 1, вып. 3. Пгр., 1918, стр. XIV—XV).

[10] S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the Tungus. London, 1935, p. 352.

ние из таких биографий превратились в мифы.[11] У илимпийских эвенков в обязанности шамана входило «хранение» биографий духов-предков.[12] Все эти факты свидетельствуют о первоначальной связи между сказителем и шаманом и о совмещении этих двух профессий в одном лице, что характерно также для кетов, тюркских, монгольских и других народов.[13]

В настоящее время в связи с ростом культуры исчезли некоторые жанры эвенкийского фольклора, связанные с первобытными религиозными представлениями и шаманством, такие как мифы, обереги, шаманские песни, некоторые сказки.

Сейчас широко бытуют песни, в значительной степени переводные *(давлāвӯн)*. Песнями (в разных вариантах) стали многие стихи, опубликованные в первых учебниках. Широкое распространение в бригадах и на колхозных праздниках получила песня-импровизация. По своей роли она может быть приравнена к частушкам. Многие варианты сказок о животных через школьную литературу проникли туда, где их раньше не знали. До сих пор поются и рассказываются в бригадах сказания и предания. Слушают их с удовольствием, громко произнося реплики и подпевая сказителю.[14]

Большую роль сыграл фольклор в создании оригинальной эвенкийской литературы.[15] В послевоенный период в газете «Совет-

---

[11] Например, мифы сымских эвенков о Муревуле, Гуривуле, Хеладане (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 38—41, 45—52, 59—64).

[12] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. III—IV.

[13] Изложенное выше не говорит о признании «приоритета шаманов в сказкотворчестве», как это приписывают мне (см.: М. Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. Учебник для педучилищ. Л., 1960, стр. 12), а указывает лишь на то, что на определенном этапе функции сказителя (хранителя устного народного творчества) и шамана были недифференцированы и что шаманство в формах камлания наследовало многое от форм сказа.

[14] К. А. Новикова в 1949 г. застала еще широкое бытование сказаний среди сахалинских эвенков, см.: К. А. Новикова и В. Н. Савельева. К вопросу о языках коренных народов Сахалина. Ученые записки Лен. гос. унив., серия факультета малых народов Севера, № 157, 1955; В. Соловьев. Исполнение нимнгаканов у сахалинских эвенков. Северянин. Л., 1955, № 1 (журнал научн. студенческ. общ. при Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).

[15] Еще в 1925—1929 гг. при разъездах по тайге с эвенками-проводниками я записывала от них новые песни, сочиненные ими в пути на мотивы старых песен или на несколько измененные мотивы русских песен. В Ленинграде, в Институте народов Севера, мы разбирали на занятиях ритмы записанных песен и сравнивали с ритмами русских песен и стихов. Затем на ритмы родных песен эвенки стали сочинять стихи. Через некоторое время в литературном кружке эвенки начали зачитывать не только стихи, но и предания и сказания, а также сказки, написанные ими в стихах. Многие из них были позже опубликованы. См.: А. Салаткин. 1) Тайга играет (Аги эвидерэн). Сб. стихов. Под ред. Г. Василевич. Л., 1937; 2) Гегдаллу и Ульгорик (Гегдаллукэн, Улгэриккэн). Поэма. Под ред. Г. Василевич. Л., 1935; Г. Чинков-Эден. 1) Родная земля (Балдыдяк

ская Эвенкия», издающейся в Эвенкийском национальном округе, время от времени публикуется литературная страничка. В ней на русском и эвенкийском языках печатаются старые и вновь созданные сказки.[16]

Публикации исторического фольклора на эвенкийском языке очень незначительны. В сборнике «Материалы по эвенкийскому фольклору» (Л., 1936) мы поместили четыре сказания: два, записанные у сахалинских эвенков, одно амурское и одно аянское. Там же помещены родовые предания, записанные у сымских и ербогоченских эвенков, и фрагменты — у северобайкальских и тунгирских эвенков. Тексты преданий с переводом приложены в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков» (Л., 1936). Они представляют собой переданные в виде рассказа ответы на вопросы собирателя, и только последний текст (№ 10) является подлинным преданием о столкновении рода Момо с родом Нюрумня. В 1937 г. нами был издан на эвенкийском языке сборник «Торганэй». Тексты в нем несколько сокращены и по языку приближены к литературному диалекту. Полный текст первого сказания мы помещаем в настоящей книге (сказание 15). В 1960 г. вышел учебник для педучилищ «Эвенкийский фольклор» М. Воскобойникова. В нем опубликованы два сказания сахалинских эвенков (из «Материалов по эвенкийскому фольклору», т. 1), три текста баргузинских эвенков (одно предание, опубликованное впервые в 1927 г.,[17] фрагмент текста о происхождении названия реки Баргузин, записанный Воскобойниковым, и одно предание о столкновении Киндигиров с Чангурами, записанное Н. Гладковой) и одно предание подкаменнотунгусских эвенков, записанное В. Колесниковой и В. Горцевской. Этими материалами пока исчерпывается публикация исторического фольклора (тексты с переводом).

В начале XX в. у эвенков с р. Котуй (илимпийская группа) несколько преданий записали на якутском языке В. Н. Васильев и К. М. Рычков; последний делал записи также у сымских эвенков. В 20—30-х годах были произведены записи и у ербогоченских эвенков. Бо́льшая часть их вошла в приложение к сборнику «Ма-

---

бугав). Сб. стихов. Под ред. Г. Василевич. Л., 1938; 2) Гарпани (Гарпаниндя). Сказание в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1939; 3) Стихи (Стихил). Под ред. Г. Василевич. Л., 1940; 4) Лис (Сулакичан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1940; А. Салаткина-Вакувагир. Совенок (Иптылгучан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1946; А. Платонов. 1) Песни эвенка (Эвенки давлавурин). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1938; 2) Лучшие стихи (Аяткул стихилин). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1946; «Прежде. Теперь» («Учэлэ. Тыкин»). Литературный альманах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1938.

[16] В 1961 г. эти произведения были собраны в сборник и изданы в Красноярске под названием «Слово эвенка» («Эвэнки туранин»).

[17] Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.

териалы по эвенкийскому фольклору».[18] Из неопубликованных текстов сказаний и преданий известны записи К. Новиковой 1948 г. у сахалинских эвенков; записи преданий подкаменнотунгусских эвенков, сделанные В. Колесниковой, В. Горцевской, О. Константиновой и Е. Лебедевой. В Якутии в 1959—1963 гг. производили записи исторического фольклора сотрудницы Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, сами эвенкийки, А. Романова и М. Мыреева.

В настоящей книге представлены тексты героических сказаний и родовых преданий, которые записаны нами на эвенкийском языке в 1935—1960 гг. во время экспедиций в разные районы расселения эвенков. Записи производились попутно со сбором этнографических, лингвистических и других материалов в чумах (на стоянках бригад), в школах и в домах колхозников (см. карту маршрутов).

Так, в 1935—1936 гг. мы принимали участие в экспедиции Министерства просвещения в Эвенкийский национальный округ Красноярского края по следующему маршруту: Красноярск—Подкаменная Тунгуска—Байкит—Тычаны—Байкит—Тура—Кербо—Стрелка-Чуня—Вановара—Кежма—Канск—Красноярск. Весь маршрут был проделан с помощью местного транспорта (лодки, оленные нарты и верховые олени).

В 1947—1948 гг. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Якутской АССР. Маршрут экспедиции следующий: Якутск—Чульман—Золотинка—Тында—Золотинка—Сутам—Алгома — Покровское—Алгома—Учур—Якутск. Весь путь был совершен верхом на олене и на нарте.[19]

Продолжением этой экспедиции явилась поездка летом 1948 г. из Хабаровска в эвенкийские колхозы на реках Урми и Амгунь.

В 1959 г. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР по маршруту: Киренск на Лене—Ербогочен—Тетея—Ербогочен—Хомокор—Наканна—Ербогочен — Преображенка—Непа—Токма—Ербогочен—Киренск.[20]

В 1960 г. тексты были записаны во время экспедиции Института этнографии АН СССР в Эвенкийский национальный округ.

---

[18] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 245—255, 262—263, 269, 271—272. К. М. Рычков оставил и неопубликованные тексты (Рукописный отдел бывш. Института востоковедения Академии наук, ныне Института народов Азии, фонд 49, тетр. 1—4).

[19] Г. М. Василевич. 1) Эвенкийская экспедиция. Краткие сообщ. Инст. этнографии, вып. V, 1949; 2) По колхозам джугдырских эвенков. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., вып. 2, 1950; 3) Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948; 4) Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. Сб. МАЭ, т. XX, 1961.

[20] Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М., 1962 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. 78).

Маршрут экспедиции проходил через следующие пункты: Красноярск—Байкит—Тура—Нидым—Тутончаны—Учами—Тура—Байкит—Полигус—Байкит—Куюмба—Байкит—Красноярск.

Из наиболее известных сказителей, которые нам рассказывали в 1935—1936 гг., могут быть отмечены Лучаткан Чемда и Кокотой Нюшкагир, оба из поселка Вановара. В их передаче мы записали пять преданий. На р. Тычаны нами было записано семь преданий от Чурчанчи Момо. Последний, кроме того, знал много фрагментов. В 1960 г. на Полигусе был еще жив слепой сказитель Павел Баяки, который хотя и помнил много преданий, но рассказывал их не так хорошо, как другие, часто забывал и повторялся. Интересно, что, рассказывая, он вставлял свои реплики. Рассказывая в третьем лице, он иногда переходил на рассказ от первого лица. В 1948 г. в восточных районах был широко известен среди эвенков живший на р. Урми в пос. Талакан сказитель-колхозник Гаврила Эдян. От него мы записали пять сказаний (сказания 1, 3, 4, 5, 7).

Остальные рассказчики из встреченных нами на Урми и Амгуни знали не больше одного сказания. Сказание 2 записано на магнитофон в Ленинграде от эвенка С. М. Савина, приехавшего в гости к сыну. По отцу С. М. Савин якут, по матери — эвенк, но считает себя эвенком. Он слышал много якутских олонхо. Записанное с магнитофона сказание 2 (о Кодакчоне) значительно отличается от других сказаний большим количеством включений из якутских олонхо. Сказания 10, 11 и 12 записаны от студентов родом с рек Тугур и Чумикан и с Сахалина. В 1947 г. мы записали на р. Тынде (притоке зейского Гилюя) от учительницы тындинской школы Александры Боярковской (из рода Хэбгимнгу) сказания и сказки, которые она слышала от своего деда Донгоя. Записи нескольких текстов от Анастасии Салаткиной (из рода Вакувагир) произведены в Ленинграде. А. Салаткина после войны училась два года на подготовительных курсах Ленинградского университета. Она имела отличную память и очень любила свои нимнгаканы, которые знала от матери. Текст «Бэрко и чангиты» записан от студента Института народов Севера Н. Сахарова, приехавшего в Ленинград в 1936 г.

Предлагаемые в книге героические сказания и родовые предания публикуются впервые. Чтобы видеть разницу между языком повествования и разговорной речью, мы поместили в Приложении I несколько рассказов на бытовые темы (случаи, имевшие место в конце XIX и в начале XX в. и представляющие интерес для истории). Тексты других жанров будут опубликованы в подготавливаемой нами отдельной книге.

Героические сказания 1—13 распространены среди эвенков, проживающих на восток от линии Алдан—Учур—Зея—Селемджа и до Охотского моря, включая и сахалинскую группу (см. карту-схему). Такого же типа сказания, часто с именами тех же героев

(Кидани, Гарпани, Дарпек, Нивони, Хулуро ~ Чулуро), встречаются и у эвенов, а от них некоторые попали и к юкагирам.[21] Все эти сказания имеют традиционное вступление (*нимнакāн тэкэнин* — «основание сказания»), которое, по словам эвенков, должно указывать, что содержание относится к глубокой древности. За ним, после краткого описания первых этапов жизни героя, следует повествование о походах на восток («в сторону восхода солнца»), о встречах с другими богатырями, о борьбе с ними, о помощи таежным охотникам в борьбе с их извечными врагами, имеющими металлическую броню и оружие и ездящими на лошадях. В награду за оказанную помощь (помощь самой девице или ее отцу или брату) герой получает невесту. После свадьбы герой, прожив некоторое время у жены или у ее отца или брата, возвращается в свои места. Иногда, если жена или ее отец имеют оленей, герой возвращается с небольшим количеством оленей. Здесь он начинает обычную для охотника жизнь. У него рождается сын, который, дойдя до определенного возраста, как и отец, отправляется в поход. Иногда к состарившемуся герою приходит другой богатырь пробовать свои силы. Тогда герой обращается за помощью к сыну. Концовок эти сказания не имеют.

В сказаниях прямая речь поется, все остальное повествуется. Прежде и этот текст передавался речитативом.[22] По словам урмийских эвенков, каждый герой имеет свою *икэвкэ* (запев, дающий мотив) с постоянным словом, значение которого ныне позабыто (см. Приложение II — нотные записи мотивов). Запев дает ритм для пения всей прямой речи и повторяется неоднократно как припев, что характерно также для мифов и шаманских песнопений.[23]

В некоторых случаях можно установить, что постоянное слово запева прежде было именем героя или названием его рода, а возможно, и племени. Так, например, запев и припев «Орель, орель!» можно сопоставить с названием рода амгунских эвен-

---

[21] W. Jochelson, The Yukagirized tungus. The Jesup North Pacific Expedition, v. IX, Leiden—New York, 1926, pp. 290—297.

[22] См., например, запись 1930 г. (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 115):

Дулин дуннэ дулкāкйндӯн,
Умӯн йэнэ буркачāндӯн
Дулин дуннэ Умуснинд'эн бирэн.
Утук-утук утакāчӣ
Д'апкӯн мō калтакāд'ин ōвчā.
Тāдук ēкӯчин-дā āчин
Уларин мэчун ун'акāптун.

На самой середине земли,
На островке одной реки
Умуснинде среднего мира жил.
Был у него чум-утэн
Из половинок восьми деревьев.
И больше ничего не было,
Только золотое колечко.

[23] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 141, № 110; стр. 142, № 112; G. M. Wassilewitsch. Schamanengesänge der Ewenken (Tungusen). Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, pp. 395—399.

ков — Орильский, зарегистрированным в документах XVII в.[24] О существовании этого рода амгунские эвенки помнили еще в 1948 г.; кроме того, след их пребывания оставался в названии озера Ориль в нижней части бассейна Амгуни. Постоянные слова запева-припева «Дэвэдареко» или «Кидани» (сказание 1), «Кедайканен» (сказание 2) увязываются с названиями родов Деведарский и Кидарский, зарегистрированными у тех же восточных тунгусов XVII в.; слова «Кима ~ Кимо ~ Кимоко» — с названием родов Кима (эвенки) и Кимонко (удэ); слова запева «Ваку-ваку» (сказки непских эвенков) — с названием рода Вакувагир, с которым перекликается топоним Вакунайка (верхний приток Лены, приток вилюйской Чоны, приток Учами), напоминающий о местах кочеваний эвенков этого рода. Потомки его и по настоящее время живут на Нижней Тунгуске. По сообщению эвенков, каждый герой имеет свой запев-припев (например, в сказании 1: «Кудэргие» — запев-припев героя Кодакчона, «Дэвэдареко» — запев-припев героини Секак, «Кемонин» — запев-припев героини Монгукчон; в сказании 3: «Оле-доле» — запев-припев матери героини Секак, и т. д. Но запев-припев постоянных врагов таежных охотников один и тот же во всех сказаниях — «Дынгды-дынгды».

При сравнении сказаний восточных эвенков (сказания 1—13) с эпическими сказаниями других народов, в первую очередь соседей эвенков — якутов и бурят, мы находим ряд общих черт: аналогичное вступление, иногда генеалогическую цикличность, почти одинаковые описания появления врага и поединков, особое внимание к имени и названию рода, обусловленное экзогамией. В. М. Жирмунский объясняет типологическое родство эпоса тюркских и монгольских народов сходством идеологии на одинаковой ступени развития.[25] Нам представляется, что общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось.

Но вместе с тем сказания восточных эвенков имеют столько отличий, что можно говорить о дальнейшем самостоятельном пути их развития.

Эти отличия касаются целого ряда черт, перечисленных ниже.

Во-первых, отсутствие традиционных концовок.

Во-вторых, отсутствие красочных, подчас витиеватых описаний быта, что характерно для тюркских и монгольских сказаний, а также крайняя редкость метафор; для эвенкийских сказаний характерны скупые описания действия и в то же время его динамичность.

---

[24] Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 342; т. XII, стр. 97.
[25] В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса, стр. 192.

В-третьих, постоянное восточное направление походов главного героя. Случайные заходы на запад обусловлены погоней за врагом чулуро, отклонения на юг — погоней героя за девицей. Выполнив то, ради чего он изменил направление пути, герой продолжает свой путь на восток.

В-четвертых, героями походов могут быть и женщины-богатырши.

В-пятых, целью походов является желание увидеть «край земли», найти противника, чтобы проверить свои силы, ловкость, и, наконец, найти «товарища» (мужа, жену). Во всех случаях богатыри в пути оказывают помощь нуждающимся в ней и разбивают их врагов. За оказанную помощь герой получает в жены девицу.

В-шестых, главный герой всегда бывает пешим охотником горной тайги, не имеющим никаких богатств. Он не берет ничего от побежденного врага. В сказаниях никогда не упоминается о том, что герой занимается рыболовством или оленеводством. Но племена, с которыми герой встречается в пути, занимаясь охотой, имеют в то же время коней и оленей, мясом которых пользуются в тех случаях, когда нет мяса диких животных. Наряду с отличительными чертами быта, внешности встреченных иноплеменников в сказаниях отмечается и языковая общность некоторых из них с героем.

В-седьмых, в эвенкийских сказаниях большее внимание, чем в тюркских и монгольских, уделяется названию местожительства героя и мест, где происходят его походы.

В-восьмых, в сказаниях отсутствуют шаманы и духи-помощники.

В-девятых, во взаимоотношениях со встречными народами и с исконными врагами (конным народом, имеющим железную броню) всегда соблюдаются традиции чести.

В-десятых, элементом фантастики в сказаниях являются лишь превращения героев в птиц, что может быть объяснено пережитками тотемизма. Деление мира на три части (небо, земля и преисподняя), характерное для сказаний разных народов[26] и объясняемое как пережиток более древних представлений, встречается и в эвенкийских сказаниях, но в большинстве случаев эти миры имеют здесь другое, более реальное значение: верхний мир — это высокогорные районы, средний мир — горная тайга, нижний мир — степи и речные долины. В сказании 6 даже указывается конкретно место в нижнем мире, где живут враги чулуро-Сэлэргуны: к западу от р. Онона и к западу от ущелья Котор. Исключением является описание нижнего мира в сказании 2, заимствованное из олонхо.

---

[26] Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по Аарне. Л., 1929. стр. 97.

Представление о трех землях — Сивир, Кидан и уранкаев, по-видимому, является отражением более позднего административного деления Верхнего Приамурья на три округа (см. подробнее сказание 3, прим. 16).

Таким образом, нам представляется, что героические сказания восточных эвенков стоят ближе к эпосу, чем к героическим сказкам.[27] Они отразили один из этапов расселения древних тунгусов на восток из районов южного Забайкалья, датируемый не позднее VI в., судя по типу описываемого дома («айгурский») и по западному местонахождению врагов всех охотников (к западу от р. Онона).

Сказания 14—20 распространены у эвенков, живущих в районе между Олекмой и Амгой на западе и реками Зеей и Учуром на востоке (верхнеалданская и верхнезейская группы); отсюда они проникли на север — к верхнеамгинским эвенкам и на запад — к верхнеленским (см. карту-схему).

Зейско-алданские сказания рассказываются, и только в редких случаях (когда включены элементы из сказаний восточных эвенков) прямая речь поется.

По языку и художественным средствам они беднее первых; они не имеют ни вступления, ни генеалогической цикличности. По элементам фантастики (превращения героев, наличие волшебных помощников — животных и предсказателей, наделение богатырей сверхъестественными качествами, введение образа хозяйки тайги, преодоление сказочных препятствий, борьба с многоголовым змеем), а также по описанному в них способу наказания (привязывание к хвостам лошадей и др.) они ближе к богатырским сказкам и в них немало мотивов из эпоса тюркских и монгольских народов. Вместе с тем описание жизни героев (пеших и конных охотников, но не рыболовов и скотоводов) вполне реалистично, как и сами факты взаимоотношений с соседями-скотоводами. И эти сказания описывают походы героев, которые оканчиваются браком с девицей из группы скотоводов (сказание 20) или из группы охотников (сказания 14, 19). Иногда походы кончаются местью братьев сестре за ее самовольный выход замуж за скотовода (сказания 16—18). Хитрость, обман, к которым прибегают скотоводы, чтобы уничтожить героев (спаивание вином; поджог жилища, где они спят; попытка убить их сонными; предложение вступить в бой со многими воинами или многоголовым змеем), — мотивы нехарактерные для эвенкийского фольклора и явно заимствованные.

В этих сказаниях, по-видимому, отразились более поздние брачные связи между охотниками и скотоводами, имевшие место в Верхнем Приамурье. Охотники жили в верховьях рек в тайге

---

[27] В. Жирмунский. Героический эпос. М.—Л., 1962; Е. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

небольшими группами, а скотоводы жили по соседству на той же реке, в степной полосе. Охотники отправлялись в далекий путь и проходили ряд испытаний, прежде чем добивались своей невесты. Поэтому в сказаниях подвиги героя опоэтизированы и преувеличены.

Особый интерес в алданско-зейских сказаниях представляют такие факты, как содержание в тайге девицами коневодов детей, рожденных от охотников, как грамотность работницы скотоводов, захваченной в плен от охотников. Собственные имена охотников с суффиксом *-нэй, -най* характерны для эвенков; имена соседей этих охотников — коневодов и скотоводов — с суффиксом *-лга, -лгун, -дыр, -дор, -нгой* характерны для монголов и соответствуют именам, известным по русским источникам XVII в.

Второй раздел книги посвящен родовым преданиям.

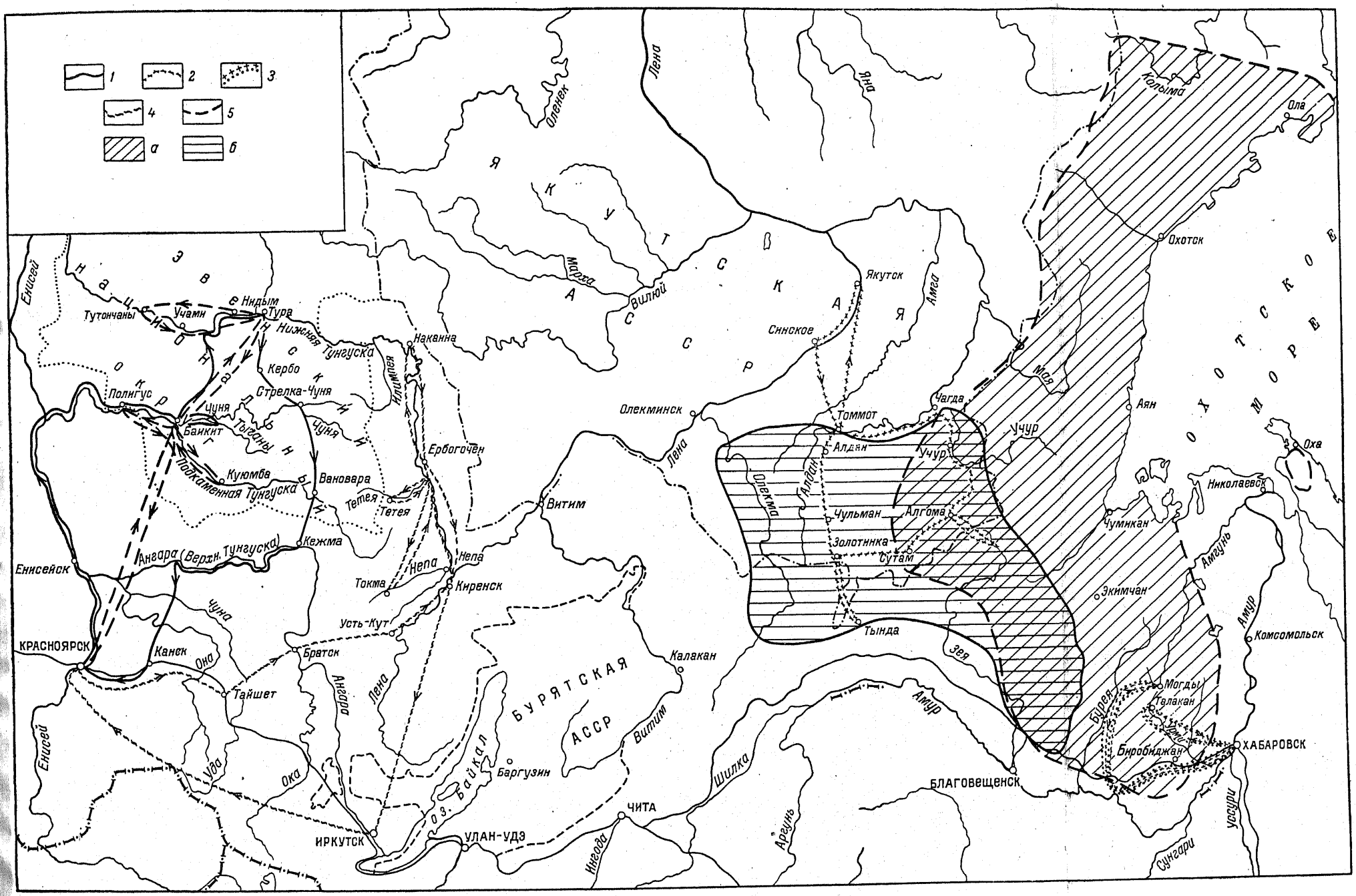
Такие предания имеются у всех групп эвенков. Предлагаемые нами записаны в большинстве своем среди эвенков с бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок. Они отразили жизнь эвенкийских родов в период до и после прихода русских в тайгу (XVI—XVII вв.) и позднее. Предания илимпийских эвенков (к северу от Нижней Тунгуски, включая верховья рек Котуя, Хатанги и Оленека) о Нурговуле, Уроне, Олувуле и Унгковуле распространились среди оленекских якутов (ассимилированных тунгусов) и вошли в оленекский хосунный эпос.

Предания рассказывались обычным разговорным языком, так же как обычные рассказы из жизни. Для сравнения языка мы даем в виде приложения несколько рассказов о случаях из жизни, имевших место в конце XIX и в начале XX в.

Герои преданий также являются пешими или оленными охотниками (о рыболовстве предания не упоминают). Преобладающей темой в них являются межродовые столкновения. Причины столкновения могут быть различными. Чаще всего это — неудачное сватовство (предания 8, 10, 11, 20). Иногда столкновение вызвано смертью сородича; в таких случаях считалось, что шаман соседнего рода «съел» его душу (предания 6, 9, 11). Реже причиной бывает ссора (предания 14, 16) и еще реже — кровная месть (предания 11, 23—25). В преданиях подкаменнотунгусских эвенков рассказывается о случаях, когда столкновение вызвано тем, что лося, за которым гнался один охотник, убивал охотник из другого рода, или когда вместо дикого оленя по ошибке или из-за голода убивали домашнего оленя; последнее указывает на относительно позднее появление оленей у потомков ангарских пеших эвенков, ушедших с Ангары к северу.

В некоторых преданиях рассказывается о ссорах между членами одного рода.

Предания илимпийских эвенков отличаются от преданий всех соседних, более южных эвенков: сюжет их построен по схеме, характерной для эпоса и богатырских сказок тюркских и монголь-

Карта-схема распространения сказаний и маршрутов собирателя.

Районы распространения сказаний: *а* — дальневосточных эвенков; *б* — верхнеалданско-зейских эвенков. Маршруты: *1* — 1935—1936 гг.; *2* — 1947 г.; *3* — 1948 г.; *4* — 1959 г.; *5* — 1960 г.

ских народов. В них рассказывается, как один богатырь убивает в поединке другого и уводит его жену. Сына убитого спасает дед (иногда бабка), который воспитывает в нем воина. Подросший сын идет мстить за смерть отца и освобождает свою мать. В конце концов он погибает от медведя. По-видимому, тема мести за убитого отца и сама структура этих преданий были принесены в районы на запад от Лены группами оленных эвенков, выходцев из Забайкалья и Верхнего Приамурья.[28] Имена действующих лиц этих преданий принадлежали реальным людям. Так, Нурговуля из предания можно сопоставить с Нурговулем — из списка ессейских эвенков 1683 г.; имя Унгковуль сохранилось в топониме Юнкебиль (якутская огласовка) — названии протоки Оленека; имя Олувуль — в названии тундры на истоках рек Илимпеи и Тетеи, притоков Нижней Тунгуски.

Предания, вошедшие в оленекский хосунный якутский эпос, получили местный, тундровый колорит и, бытуя среди якутов, включили в себя эпизоды, характерные для якутских преданий.[29]

В преданиях отражены традиции и разные стороны жизни родового общества. Такие факты, как объединение двух родов, совмещение в одном лице вождя и охотника — кормильца всей группы, выдача женщин одним родом в оплату за убитого члена другого рода в знак примирения после столкновения, взаимный обмен невестами между двумя родами, и многое другое перекликаются с данными документов XVII в.

Как сказания, так и предания интересны с этнографической и исторической точек зрения. В них много подробностей, описывающих общую для всех тунгусов традиционную подготовку к поединку или к бою, правила поединка, обычай пробовать свои силы при встрече мужчин. Для этногенеза эвенков с бассейна Енисея интересны в преданиях моменты, относящиеся к разным группам эвенков. Например, для западных эвенков характерно увертывание, отскакивание от пущенной противником стрелы; восточные же эвенки ловят стрелу серединой своего лука. Различен и способ уничтожения тела убитого врага (для западных — путем варки в котле, для восточных — путем сжигания на костре).

Кроме целых преданий, мы помещаем также фрагменты некоторых из них, чтобы дать более подробную характеристику родового строя, поскольку в каждом из них имеются сведения, не встречающиеся в других.

---

[28] Г. М. Василевич. 1) Ессейско-чирингдинские эвенки. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 182—186; 2) К проблеме заселения тунгусами енисейской тайги. Рукопись. Архив Инст. этнографии.

[29] Например, в предание об Уроне введен образ работника по имени Нучча, нехарактерный для эвенкийских преданий. См.: Б. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952 (Труды Инст. этнографии, т. 18), стр. 81. Слово «Нучча» (фонетическая переогласовка слова «русский») введено после того, как якуты познакомились с русскими.

Тексты даны без изменений и отражают различные говоры, на которых говорили дикторы. Они записаны на говорах следующих диалектов: подкаменнотунгусский (Полигус, Байкит, Куюмба, Тычаны, Вановара), илимпийский (Учами, Агата, Непонгда, Нидымкан), ербогоченский (Тетея, Накапна), северобайкальский (Верхняя Ангара, Байкал), олекминский (Тунгир), верхнеалданский (Чульман, Алгома, Учур), зейско-учурский (Тында, Зея, Амуткачи), буреинско-урмийский (Керми, Бирая, Бурея, Урми, Амгунь), чумиканский (Тугур, Чумикан) и сахалинский. Перевод близок к подлиннику, но дан в формах русского языка. Это потребовало введения слов для связи главных и придаточных предложений, а также местоимений-подлежащих, что нехарактерно для эвенкийского языка. Дополнительные слова русского перевода даны в квадратных скобках. В отдельных случаях, когда буквальный перевод, который обычно дается в скобках, представляет особый интерес, мы оставляем в тексте его, а в скобках даем необходимое разъяснение, например: «[Мы] вышли из лужи земной» (т. е. с берегов озера); «Речь твою не брошу на землю» (т. е. рассказ твой не забуду).

Тексты записаны в общепринятой советскими тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначением заднеязычных *ӈ* и *ʒ*, палатальных *н′* и *д′* и среднеязычного *й*. Добавлены гласные звуки среднего ряда *ɛ*, *ɨ* и обозначены долготы гласных (чертой над буквой). Варианты фонемы *ə* обозначены буквами *а*, *о*, *э*.

В прямой речи сказаний срединные и конечные слоги, вставляемые для ритма, опущены и лишь в некоторых случаях сохранены конечные добавочные слоги. Поэтому ритм стиха в текстах в большинстве случаев не соблюдается. Но в каждом случае он определяется по запеву. В русском переводе для удобства чтения количество строк прямой речи героев не соблюдается.

В Приложении II даны нотные записи мотивов из сказания 2 (в эвенкийском тексте в соответствующих местах в скобках указаны номера мотивов). Нотацию составили Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов. Пояснения к нотации написаны Б. М. Добровольским.

Перед каждым текстом и переводом указаны имя и фамилия рассказчика (в скобках — родовое название), год рождения, место и время записи.

В заключение мы выражаем благодарность сотрудникам Института этнографии АН СССР — сектора Сибири (в Ленинграде) и секторов Севера и Русского фольклора (в Москве), а также рецензентам, сделавшим ценные замечания.

Г. Василевич.

УЧӢР, УРМӢ, ЧУМУКӘН, САХАЛИН, ЭВЭНКӢЛИН НИМҢАКАРТІН

1. Кӧдакчэн

Билир, билир дуннэ элэкэс ӧвдʼаңахин, нʼаңнʼа элэкэс илармӑн сӗрукӑрдʼин нʼаңнʼа ӧвдʼаңахин, бира мӯн элэкэс дуннэдук йӯктукӗнңэчин йӯдʼэңэхин, дулин дуннэ дулкакӣндӯн, умӯн йӗнэ хулӣдӯн Котор цӗку ойодӯн утэк-утэйэ бичӗ. Тӑдӯ бидʼэнэ мата-бэйэ балдӣдʼаран. Нуңандӯн умӯн эңнэкӗн-орон ачин, умӯн нина ачин. Тар бэйэ умӯн ахй-нэкӯчӣ бичӗ. Тар бидʼэнэл, нуңартін дʼэргэйэвэр-бэйңэва вачал бичӗтін. Тар бэйэ бэрин бичӗ ирэктэ акрэвӑн ӧнан. Тар нʼӑн нʼурин бичӗн. Тарит ӗма-дӑ бэйңэва дʼулгӣдэлӣви эңэ цэнэвкӗнэ, вавкӣ бичӗн. Цэнӯ дэӷӣвэ уӷӣдэлӣви эхин дэӷӣвкӗнэ, илан тамнаксал уӷӣдэлӣн дэгдʼэрӣвэ. Тӑдук тар бэйэ тӑдӯ бичӗ, уллэвэ дʼэпнэ, наннавӑн тэткэйэви хунӑдʼин ӧвкӣ бичӗ. Тар акӣнӣн гэгдэк эмэрӣтікин тэлӣвкӣ бичӗ. Тар нʼэкэксӗ, акӣнӣн гэрбӣн Кӧдакчэн-мата гэрбӣн бичӗн. Хунӑдʼин гэрбӣн бичӗн Сӗкак гунэрӣ. Тар нʼэкэмӣ, нуңартін-бэйэл думайдʼачал бичӗл. Умӯн сиксэнӣдӯ пэкӯнтікӣви турӗтчӗ:

Кудɛргӣйэ! Кудɛргӣйэ!
Дʼэ, пэкӯ, мити
Эр дулин дуннэдӯ,
элэкэс ӧвдʼаңахин,
мит ӧскɛчӑл.
Мит дʼӯри, аӷи
бэйңӗңин ӧксӑл,
дулин Сивир ойодӯн
ӧскɛкӑр, ӧн балдӣчӑл?
Мит аңадʼакӑр?
Амӣнти, эпӣнти
ӧп ачир бичӗн?
Дуннэ сиктулӣн
йӯчӗл бихикит,
сӑмэн бимчӗ.
Мит кӧндɛ· мӧдук
йӯчӗл бихикит,
сӑмэн бимчӗ.
Уӷиник илармӑн
сӗрукӑрдӣ нʼаңнʼадук
тікчӗл бихикит,
орондӯт саңикса бимчӗ.
Би думайчим —
дэ̄ри умуктан
нэлки сэслӗнэ,
цэпэттэн-вит.
Бэйңӗ нʼӑн
хутэчӣ ӧттан.

Тāдук хунāд'ин турэ̄читтэ̄н:

Дɛвɛдāрɛко! Дɛвɛдāрɛко!
Кōдāкчэ̄н-акāй,
мит эня̄чӣл, амӣчӣл
бичэ̄л, бид'ицэ̄н?
Кедан-дуинэ̄ кирэ̄йдӯи
миткэчин бэйэ

бихин, бид'ицэ̄н?
Ёракин-дā, мит
ацад'акāр балдīд'ан?
Миткэчин уранкай
бихин бид'ицэ̄н.

Нэкӯндукин улгимэ̄ттэ̄н: — Си, сāрэ̄ бимэ̄, улгучэ̄кэ̄л! Нэкӯнин, Секак-ахэ̄, турэ̄читтэ̄н акэ̄питкэ̄ви:

Дɛвɛдарɛко! Дɛвɛдарɛко!
Би, акэ̄-эдэ̄,
дīлачāвэ амаргут

ичэчэ̄. Ӧи сāд'эм
си эиэвэс сāрэ?
Си, сāмэ̄, сāмчāс!

Тāдук гунэ̄ттэ̄н нуцан, тар ахэ̄ этэттэ̄н гунэ̄ксэ̄. Тар некӯнтикэ̄ви н'āн турэ̄чэ̄ттэ̄н мата:

Кудɛргийэ! Кудɛргийэ!
Сēкак нэкэ̄й!
Би дулин дуннэвэ
гиркудāви д'алдāчим.
Буґава ичэдэ̄ви
сӧт эйэ̄чим!
Си д'эпти-д'эвгэ̄

бэйцэ̄ уллэвэ̄н
тэлэ̄нэ, бид'ицэ̄н,
Утэк-утэндӯви
мэнэд'ицэс-вит.
Тимāтнэ эрдэ
тэґэксэ̄, д'эвгэ̄ви
бэлэннедāви! —

гунэ̄ттэ̄н: — Д'э, эр дулин дуннэвэ гиркуд'ицāв!

Д'э, тикэ̄н гунэ̄ксэ̄кэ̄р, āнцэттэ. Тимāтнэ Сēкак-хунāд'ин эрдэ сӧт тэґэчэ̄, н'ӧву гēвандӯ тэґэчэ̄. Д'э, тар тэґэксэ̄кэ̄н, нуцан д'эвгэ̄ви астаттан. Д'э, акэ̄нин тэґэттэн, н'ӯвэ̄читтэн тулиски д'ӯдукки. Тар н'ӯксэкэ̄н, д'ӯлāви йрэн, дэрэви авуттан. Д'э, тариґин эхилэ тимар д'эвгэ̄вэ д'эвуттэн. Тар д'эбуксэ̄ этэксэ̄кэ̄н, нуцан алацави, н'урви камуйчāн. Тāдук д'ӯдукви йӯхинчэ̄. Тар йуд'эрэкин, нэкӯнин эргэчин гупнэ турэ̄тчэрэн:

Дɛвɛдарɛко! Дɛвɛдарɛко!
Кōдāкчэ̄н-акāй,
минэвэ эмӯкинд'и
ӗдӯ ӧи эмэ̄пиксэ̄,
нэпэхинд'эпни?
Д'э, би ӧи ӗдӯ

эмӯкин бид'ицэ̄в?
Кōдāкчэ̄н-акāй,
ӗдӯ д'ӯллэвэ
бихикис, айа бимчэ̄!
Турэ̄пмэ̄в дӧлдīкал!

Тар тикэ̄ гуннэ, турэ̄чиксэ̄ этэрэн. Тар акэ̄нин гуниттэ̄н. Дӧптикэ̄ иликсэ̄, поростилāчапа, тикэ̄н гуниттэ̄н:

Кудɛргийэ! Кудɛргийэ!
Синэвэ ӧкӯп
д'эпиэд'э-дӧ,
эмэксэ̄, д'эбд'эп?
Сēкак-нэкэ̄й,
вāпāд'ā, эмэксэ̄,
вāллэкин, д'эптэкин,
би, бэйэ бимэ̄,

ӱд'аван ӱд'ад'ацав!
Айат, эня̄ мэґгэрэ,
эня̄ соцоро, мэнэд'экэ̄л!
Гороли, дагали
поросай бирин!
Тунца цэнэлдулэ̄й
мучуд'ицāв-цаи,
иникин бимэ̄.

Д'э, тар поростилāксā, тулйскй йӯрэн. Тар нуңан-дā дылачā йӯптуткэкйн цэнэхинчэн. Нэкӯнин бимй тāдӯ, цэнэхикин, инамуткан тікчэ. Тарит эмэнмӯрэн тāдӯ. Акйнин цэнэрэн йэнэңци солокй. Д'э, эр бэйэ бимй йэнэ дэрэнмэн бэйуктэнэ, эчин иста бичэн. Бэйэ бимй тариңци солоксōкōн, йаңдулā истан, тӯктірэн ойолōн. Тар йаңд'а ойолōн тӯктіксэ, дэрӯмкйд'эрэн. Тар дэрӯмкйд'энэ, дуннэвэ муннйттэн. «Бира дэрэн тавāлā бихин. Тар бира даптунин тāлā бихйн», — тікэ гуннэ, ичэчиттэн. Д'э, бэйэ бимй, тэҕэчйксэкэн, дэрӯмкйчйксэн, иллан, цэнэхиндэви н'экэрэн. Цэнэхиндэви н'экэд'эрэкин, сēндӯн дэҕи турэнңэчин дōлдівуттан. «Д'э, ēкӯн дэҕи турэттэн?», — гунчэчэ. Тар бэйэ дōлдідāви айамамат дōлчӯнчаран. Тар дōлчаттакин, уҕискэкй турэн дōлдівӯттан. Арай дōлчāттакин, дōлдінан бичэ уҕилэ турэн бихин. Эргэчин гуннэ турэчиттэн:

Кēмонин, кēмонин!
Кēмонин, кēмонин!
Дулин буҕа матан,
доровойо дōлдікал!
Ēма Сивир-буга
бэйэн бихинни?
Ичэнэви, дōлдінави
кэ, улгучэкэл?

Ēма буҕадӯ
айаннад'арй бихинни?
Илэ цэнэд'энни?
Д'э, мата бэйэ,
ни гербйлкэн
мата бихинни?
Энйнин, амйнин
цийэ гэрбйлтин? —

гуннэ улгумйд'эрэн. Д'э, тікэн гунйксэкэн этэрэн. Тадук матабэйэ «Си улгучэкэл!», — уҕйскй ичэтчэнэ гунд'ирэн. Д'э, тікэн улгучэнд'эрэн:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Би эмӯкйн балдічāв,
энйнэ, амйна āчин,
аңад'акāн бихим.
Умӯн хуйāт
нэкӯчй бихим.
Би ēма буҕава
цэнэрйвэ энэ сāра
элэ эмэхинчэв.
Би, гэлтэр гэрбивум,
улгумйрэкис,
дулин буга омолгйц

Кōдākчэн гунэрй
мата бихим-цэн.
Сй-кэнэ иргит
тэҕэлкэн-цэн?
Йдӯ буҕалкāн?
Улгучэкэл-кэн!
Гэрбйс нййэ?
Амйнми-дā,
энйнми-дэ,
гэрбйлвэтин
улгучэкэл!
Би дōлдішав, ичэнэв
ēкӯн-дā āчин.

Тікэн гунйксэкэн этэрэн. Тарит нуңан уҕйлэ бихй ахāкāн улгучэнд'эрэн:

Кēмонин, кēмонин!
Кēмонин, кēмонин!
Д'э, би ахāкāн
улгучэнд'эктэ!
Кэ, дōлдікал,
д'ӯр баргу сēнд'иви
уйдекал-дэ!
Сивир-дуниэ ситкидӯн,

д'э, Кидан-дуниэ киридӯн
кēхалгāва ичэнэ
н'экэйэрй бихим.
Онон-дуниэ оргодӯн
н'экэйэмй-вит,
эрэйвэ эцэрдэхимнин
бескед'ам-цāн.

Тар ахӣ чӑскӣ гунд'эрэн:

Ёкӯна кёхалгӑва
улгучӗниктэ?
Дӧлдӣкал!
Би гэлтэр гэрбӣвэв
улгумӣрэкис,
айат дӧлдӣкал!
Дулин буга хупӑд'ин,
Мэӈукчӗн-ахӑкӑн
Ёкӯма эр эвӣд'э
улгучӗниччим?
Инэӈӣвэ, долбопӣва
гиркучӣм-цӗн.
Би муданми ӧдан.
Уҫэм суптиксамӣ.
Дуннэ ойолӣн
Суптиксанмӣ туркэвум.

Минду айава ӧракис,
амаргут ӧкин-мал
тамамчӑн-вит!
Итик-турӗнмэв
илликал-вит!
Д'эннӗд'ӗ минэвэ
д'эбдӗви н'экэрэн.
Авахи минэвэ ахалинӑн
илан анцанӣ ӧдан
Хэргу буҫа хэгдиҫӯн
авахи н'уцэн ӧн-да
суптицасавав
эчӗн бакара.
Мӯду хэрэлӣн
суптиксатмӣ туркэвум.
Бокорӣн эр-ти ӧдан.

Тикэ гунйксэкӧн, ахӣ бимӣ этэрэн турэчиксэ. Д'э, эр бэй бимӣ турэлкэн бимӣ, тар ахиткӣ турэтчэрэн:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Ахӑкӑн-Мэӈукчӗн,
ёкӯнд'и би-вэл
бэйэвэ бэлэд'эм?
Турэнмэс дӧлдӣракив.
гуд'эйвэ, айувсе

мулӑнчалӣви
ӧн н'экэд'эм-цэн?
Тар-да бичэлӣн,
турэнмэс дуннэдӯ
этэм гарадӑра.
Тариҫис-кӑ
ӧкин эмэттэн?

Таргит этэттэн турэчиттэ. Д'э, тар ахӣ н'ӑн турэчиттэн:

Кёмонин, кёмонин!
Кёмонин, кёмонин?
«Ӧкин эмэд'эӈӗн?»
гуннэ, улгумӣнни?
— Дилачӑ элэкэс
дэгд'эрэкин, эмэд'эӈӗн.
Хэгдиҫэ, багар,

ёкӯндук-та хэгдиҫэ
Инйкин бимӣ,
бакалдид'ацат!
Миндӯ, сатар,
илан-дирин инэцийэ
сатаракис, айа бимчэ.

Д'э, тар тикэн гунйксэкӧн, тар ахӑцин этэрэн. Инэц дулинин оптуткӣн дэгтилэн игин тартикӣ инцурэн. Дилачатки мэнэ гилбэнэкэтчэн.

Д'э, тар бэйэ инадӯ тэҫэтчэрэн. Тар бэйэ тэҫэтчэн инэцинэ, долбопӣва тӑдӯ, тар Котор йацинд'а ойодӯн. Д'э, тар бэйэ тэҫэтчэрэкин, тимӑнна дилачӑ д'эгд'эрэкин, ур ахи эмэнэчид'ин иҫ инцучэ бичэн. Агдӣ агдиритачин ирин инцучэн. Д'э, тар бэйэ ичэнэ, дӧлчӑтна итткэкӣ ичэттэн. Ичэтнэн бичэ дилачӑва кайна эмэд'эрэн. Тар думайд'аран: «Авахи истан. Д'э, эмэрэн, бадага», — гунчэрэн. Тар бэйэ бимӣ тар авахива «пуцан сопиҫ», — гуннэ гунчэд'эрэн. Тар авахӣ истан пуцандулӑн. Ичэнэн бичэ

илан дıличӣ уксукӣнд'э бичэ. Эмэд'энэ, ичэчэ бичэ. Тар ичэнэн авахӣ турэчиттэн:

Диңдı, диңдı!
Диңдı, диңдı!
Мата, дорово!
Би ахавӯнмав
ахакаанма ичэнни?
Элӣ-тı эмэчэн,
ур-дэн эмэчэн.

Д'э, тıкэн гуниксэкэн этэрэн. Тар бэйэ тıкэн гунэкин, турэтчэрэн авахӣткӣ:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Си, авахи,
бэйэ, эдэ,
дорово, гунэм.
Си ахавӯнни
ахакаңңас
этэйэмнӯ
эчэв ода!
Си тар ахакаанма
екӯн ухава
онадукип
ахактанни?
Екӯн буруйичӣ
ахакаан тар?

Тıкэн гунӣксэ этэрэн. Д'э, тар авахӣ бинэ, н'уриктэн уйскэкӣ уҕирӣвд'эрэн. Тар авахӣ бинэ турэтчэрэн, тıкуликса бинэ. Эмңэ эмңэ турэнд'иви турэтчэрэн:

Диңдı, диңдı!
Диңдı, диңдı!
Дулин буга
омолгӣн-мата,
со суранктак
Кодакчэн гунэрӣ,
сонинҷ-мата,
би эрбэн ичэксэ,
синэвэ, синэвэ
этэм илтэнэ!

Гуннэ, тар дуннэлэ тıктэн. Д'э, тар тıктэкип, Кодакчэн турэтчэрэн:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Айдан авахӣ
сонинҷпид'ан,
си хэгдиҷдукис
чурчан устанд'ин
эхим чугурӯйа!

Д'э, нуңартıн гӯмэтчэл:

Бакалдıран!
Си минэвэ д'энмӣ,
«Д'эбум», — гундэви!
Минэвэ вамӣ,
«Вам», — гундэви!

Д'э, нуңартıн айамат дэнкӣлтэнэ илилдıксакар, «Кэ, колтокол! — Си н'оракал!», — гӯмэтчэл. Авахӣ-сонинман Кодакчэн гунӣттэн:

Кудɛргӣйэ! Кудɛргӣйэ!
Кэ, си, авахӣ,
сонинҷ-бэйэ
си н'оракал!

Д'э, авахӣ бимӣ колторон. Колторокин, бэйэ иличӣксэ одан. Д'э, бэйэ-авахӣ колточолон, «Би-бэйэ бимӣ колтод'ом», — гӯнэн. Авахйва колторон, сенин тэкэндулэн колторон. Авахӣ бимӣ н'ан иличӣксэ одан. Д'э, нуцартıн бимӣ кухиллэ. Оцкучак-дун-

нэвэ томторихӣна, томтор-дуннэвэ оцкучакӣнца. Нуцартин гугда урэвэ хэргӣскӣ нэктэликинэн хэкӣрэ. Сиги-бугава авлацца, буҷава-дуннэвэ талгиҷ ӧвкӓтна, мӧва чукчара. Д'э, нуцартин кухӣд'эчӓтин тӓдӯ. Бэйэл тэрэцкэкӣ кухӣд'эрэ. Тӓдӯ нуцартин инэци долбонӣ кухӣд'эрэ. Авахӣ бихӣ, гушэ: «Аҷи-бэйэйэ и'ӓн эцӓт кӓйра». Аҷӣ-бэйэ авахӣ-бэйэйэ и'ӓн эцӓт кӓйра. Тэрэцкэкин кухӣд'эрэ. Нуцартин кухӣнэвэтин адиллава эхин сӓврэ. Д'э тар кухӣд'энэл, нуцартин бимӣ хойо-хойолӧвор намарӓд'анал, мирэмирэдуквэр турмалдӣксӓл, д'э, адулӓмӓтчэрэ — ци-кэ д'аланин силгинчӓ, ци-кэ гирамнан боско ӧчӓ. Тар ичэркин, авахи д'аланин ивєгєрєс ӧчӓ. Авахӣ гирамнан силгинд'эрэн. Д'э, тар авахи, ичэксӓ гирамнави силгинд'эрӣвӓн, сӓчӓ. Авахинд'а турӓтчэрэн:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
Дулин буҷа ма-
таи,
Кӧдӓкчэн-эдӓ,
мит ӧкӯи ухадӯвун
кухӣд'эрэн-ку?
Нопонтӣ анцанӣду
уха ӓчин бичӧи,
Ёкӯнмар тіссэмӓтмӣ,
кухӣд'эрэн-ку?
Этэҷӓт, бэйэ!

Гӯнэкин, матаҷив, дулин буга Кӧдӓкчэн гунд'эрэн:

Кудєргӣйэ! Кудєр-
гӣйэ!
Би синэвэ кӓйрӣ ӧмӣ,
умӯи турӓнэ ӓчин
вад'ицӓв!
Би-дӓ кӓтармӣ,
умӯи турӓнэ
этӧм алтӓтта!
Си, кӓймӣ,
минэвэ вӓкэл!
Би, кӓймӣ
синэвэ вад'ам!

Тікэ гунӣксэкэн этэксэл, и'ӓн кухӣд'эрэ. Тар кухикэ, авахӣва кӓйда и'экэллэн. Колторӣклӓн тэмтэкэчивки ӧдан. Д'э, авахи гунӣттэн:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
дулин буҷа
сӧниц-бэйэ,
Кӧдӓкчэн-мата,
кӓйрилӓви ихинин.
Д'э, эдук минэвэ
цици бэлэд'ицэи?
гушэ турӓтчирэн.

Д'э, тар авахӣва ӧцкантики гарадӓраи, хакинин ойодуи тэҷэрэн. Д'э, тэҷэксэкэи, нуцан кавканӓи хӧгдави и'экэрэн. Авахӣва тар вӓрэн. Ваксӓкӓи, отува иларан. Нуцанмӓи илакєкаи. далгаран. Д'э, нуцан тогодӯ улэитуи ӧмиан. Илакєӓ, муду итиктан. «Ӗдуккэр дулин дуиэлэ авахи эрии хэргицит йурэ!».

Ур бэйэ алацави, и'урви цэиэви бакакєӓ, цэиэхиизи. Ур и'ӧвутви цэиэви дилачӓ йӯитуткии цэиэд'эрэи. Тар бэйэ цэиэккэид'эрэи, айаииӓд'аран. Айаииӓд'ана умӯи тӓкэи ойодуи дэрумкӣд'эрэи. Дэрумкӣксэкэи, ур бэйэ бимии илд'аран. Илд'аракии, ёкӯи-ка турэи бихиҷэчии дӧлчӯран. Тар бэйэ дольчуиан бихи,

уӷйскӣ турӕн бихиӷэчин. Диӷӣ туксу ойолӣн, йэӷи туксу хэргидӕлӣн ӕкӯн-мал дэгд'эрэ. Тар бэйэ дӧлчӑттакин, тар нэкӯнин турӕн бихин. Нэкӯнин эргэчин турӕнмэ икӕвкӕнд'ирэн:

Дɛведарɛко!
Дɛведарɛко!
Кӧдӑкчэн-акӑй,
доровойо дӧлдӏкал!
Горо айаннӑд'акӑкӯнӑнни!
Си эмэхиӈис илан бӕӷа
ӧдан.
Тар айаннӑвас
илан инэӈйдӯ
эмэксӕкӕн, ихим.
Си «тавар айаннӑрӣв
ӕма буӷава иссаӈӑв»,
гуннэ, ӈэпэхинчӕс?
Горо, горо эмэд'энни!
Д'э, Кӧдӑкчэн-акӑй,
горолӣ, дагалӣ
поросай бид'эн!

Тар тӏкэ гунэкин, акӣнин тӏкулд'аран, нэкӯнтӏкӣви турӕтчэрэн:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Сипэвэ ни
«Эмэкэл», — гунчӕн?
Ӕкӯнма гэлӧмӣ,
ӈэпэнни-ӈӯ?
Бэйэ бараксан,
амаргут ӧкип-мал ичэмӣ,
сӣгдэвэс илид'аӈӑв!
Ӕкӯндулӑ ӈэпэнни?
Д'ӯви дагаӈаха,
мучукал-кӑн!

Тар тӏкӕн гупӣксӕкэн хуйӕттэн. Д'э, тар бэйэ бимӣ д'улэви н'ӑн айаннӑд'аран. Нуӈан д'улгӣдӕн ӕкӯн-да эхип ичэврэ. Айаннӑд'аракин, умӯн буӷа-бирава хитчэчӕн. Хитчэрэкин, умӯн бугава ӕкӯн-кӑ хэтэкӕнэн. Эр бэйэ тарӑ ахамӑттэн. Эр бэйэ бимӣ ахаран, ахаран тарӑ. Тарӑ боколток ӧран. Боколток ӧран, арай орон-абду биӈӕн. Д'э, тарицӣн бимӣ умнэт хоӷоликсӑ, иннӣви лавадӑхинча. Д'э, тар бэйэ бимӣ д'авалтак, д'авалтак ӈэнэчӕ. Тар д'авалтак ӈэнэд'эрэкин, умӯн д'ӯлӑ истан. Ампар-д'ӯ бичӕ. Тар ихиксӑкӑн, д'ӯва ӣчэксӕ, аракӯн ӈэпэчӕ. Арай ичэнэн д'ӯн уркэдӯн д'апкун халгачӣ сэлэмэ дэлкӕн бид'эрэн. Тар дэлкӕн ойодӯн умӯн ахӑкӑн и'уриктэлви игдӏд'аран, мэӈумэ игдӏвӯнд'и мэцумэ остол ойодӯн. Д'э, тар ичэрэкин, ахӑкӑн игдӏвӯнми настолилби камӯйран. И'уриктэлби осолкмо билатӏтви билаттӑран. Матава ичэрэн Ичэксӕкӕн, Нуӈан д'ӯлӑви ӣрэн. Д'ӯлӑви имурэкин, бэйэ уркэлӕн иллан. Улгумӣрэн:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Би агӣ-бэйэ бихим.
Горо буӷадук эмэм!
Горо дуцэвэ
айаннӑкса, эмэм.
Мицэ авɛттӯ
эмувкӕнд'ицэс?

Тӏкӕн гупӣксӕ этэрэн бэйэ. Уркэдӯн илитчана, д'э, турӕн бихин дӧлӑ. Дӧлчаттакин, тар ахӑкӑн эргэчин гуннэ турӕтчэрэн бӧкантӏкӣви:

Кӧмонин, кӧмонин!
Мата-бэйэ эмэрэн.
Уркэвэ иӣкэл;
д'ӯлӑвар ивкӧкэл!

Тар н'экэксэкэн, бӧканин нӣрэн. Нӣрэкин, нуцанмӑн ивчэн. Тар йвӯксэкэн, нуцанмӑн малудӯвар тэгэвкэнэ. Тар тэгэвкэниксэкэр, нуцандукин улгӯмӣрэ:

Кӭмонин, кӭмонӣн!
Ӭма буга бэйэ-матан?
Гэрбӣс цийэл?
Ӭйа ичэнни, дӧлдинни?

Ичэнэви-дӭ
дӧлдӣнави-дӭ
улгучэкэл-вит!

Тарит нуцардӯтин бэйэ улгучэнд'эрэн:

Кудэргийэ!
Кудэргийэ!
Би эйӣнми ачин,
амӣнми ачин н'ӑн.
Ацад'акӑн-дӭ
эмӯкин ӧскэчӑв.

Си-дӭ ахӑкан,
д'ӯчӣ ахакан
дӧлдӣнави, ичэнэви
улгучэкэл-кэн!
Си гэрбӣс цийэл? —

гунд'эрэн мата. Д'э, тикэн гуннэл, улгумӣксэл, ахӑкӑн бэйэвэ дэнтӣкэкӣ тэгэксэкэн, улгучэнд'эрэн:

Кӭмонин, кӭмонин!
Би гэлтэр гэрбӣвэв
суптар сураккав
улгумӣрэкис,

улгучэнд'эктэ.
Би гэрбӣв —
Мэцукчэн-ахӑкӑн
бихим, — гунэм.

Д'э, бэйэ, гэрбӣви улгучэнэкин, сӑран. Мэцукчэн-ахӑкӑн амарин авахӣдук ахактанӑн ахӣ бихин. Д'э, тар ахӑкӑн нуцандӯн айа д'эвгэвэ улӣрэн, нуцан орон авдучӣ бичэ. Иландулӑ эмэгэлкэн байтахун, дӣгиндулэ эмэгэлкэн вачӑ бичэ. Тарӑ нуцандӯн улйксэкэн, туйӯчэ. Тарӣцдукин умӯн кирбас сулачӑ, имуксэдукин н'ӑн умӯн амцахӣкта сулачӑ. Тӑдук нуцан силэдукин умӯм умкӑн дӧвӑн сулачӑ. Д'э, тар этэксэкэн, нуцан: «Пӑхибэ», — гунчэн. Буғадукки эмэхипчэдукки элэкэс д'энтэн. Д'э, нуцандӯн н'экэксэ сэктэвӯпмэн, пошпоксэ хуллавӑн бучэ. Нуцан ӑнцэчӑ. Эр бэйэ тӑдӯ д'ӯллэвэ ӑнцэтчӑ, дэрумкитчэ. Тар ӑнцэксакӑн, умӯн тимапидӯ улгучэнд'эрэн, дэнтики тэгэксэ:

Кудэргийэ!
Кудэргийэ!
Горо душпэвэ
эмэм, айаннам.
Би ацад'акӑн
умӯкин бэйэ.
Би гиркӣйэви
гэлӧктэрӣ, н'экэйэрӣ
бэйэ бихим.
Суглэрэкис,

мит умӯндӯ
умӯпӯптэкит,
д'ӯрӣ, ӧи бимчэ?
Си д'алдӯс-ка
ӧи бихинин?
Суглэмӣ,
«суглэ!», — гукэл.
Эхӣ суглэра бихинис,
айан бэйэцин
цэпэви цэнэд'инцэв!

Тар этэрэн турэчиксэ. Тар ахи н'ӑн турэтчэрэн:

Кӭмонин, кӭмонин!
Си, мата, дулин буга
омолгӣн, Кодакчэн-мата,
гунэрӣс турэнни

минду элэкин.
Си попонтэ ацаниду
би кэхалгавав
ачинцинӑвас,

айава ӧнавас миндӯ элэкин.
эчӟв омӈоро. Миндӯ-дӟ энӣнми,
Си гунэрйс-тӟ амӣнми-дӑ ачип.

Тарит нуӈартін колбонитта. Д'ӯрӣ колбониксӑкӑр, курумн'авар ӧра. Умӯн оронмо вӑра. Вӑксӑл, улэрэ. Даӷадӯ бихйлвэ гэннэчэл. Нуӈартін илаллава курумма д'эпчэл. Тӑдук айат билчэл.

2. Кӧдӑкчэн

Нонопті анӈанйдӯ элэкэс бира эйэнчэд'эрэкин, элэкэс чука балдід'аракин, д'ӯр куӈакӑн, балдіксӑ, балдічӑл дулин дуннэдӯ. Эрӟ бид'эрйн бихимнэ, нуӈантін бихйтін, ӣдук эмэнэвэр эхӣ сӑра: уӷу буӷадук тікнӟвэр эхӣ сӑра, дулин дуннэдӯ н'экэйэнӟвэр-н'ун сӑрэ.

Ичэрэкин, адуларакин бихймнэ, тӑдӯ утумэкӟн-д'ӯчӣ бичӟ ӟкӯпдук-та хэгдіӈӟ — эвгйдэн, баргйдӑн эхӣ ичэврэ д'ӯ бичӟ. Д'ӯксэкӟн бичӟн: гӟ бичӟн бумӯрик бэйэ бичӟн, болɛ. Бумӯрик бэйэ гэрбйн, ӟма бэйэ, гундэ, Бэскэнд'арйнд'ӑ бичӟн, болɛ. Гӟ бэйэ куӈакӑн, сӧ бэйэ Кӧӈдɛ мӧдук балдічӑ Кӧдӑкчэн-бӯкатір бичӟ.

Нуӈартін бихиктін, илан д'ӑр анӈанймактӯ гӟ нэкӯнин бумӯрик хуклэд'эвкӣ бичӟ. «Бумӯрик хуклэд'эннɛ», — тар акйнйн бихиннэ, нуӈанмӑн улйд'эвкӣ, бичӟ, бэйӈэлбэ тікэн вӑнэ арахинай. Йлэ-тӑлӑ н'экэйэнэ, олус сӧ бэйэ, эӈэхӣ бӧкатір-бэйэ бичэн.

Тар н'экэксэ, «Кэ-нэ, горово адікӑтӑн анӈанймактӯ, — гунйксӟ, — бутчэнни?».

Эр бэйэ илан д'ӑр анӈанйн даӷамад'аран, бумучэн. Эр акйнйн гунйттэн:

— Тар илан д'ӑр анӈанймактӯ улйчим би шинэвэ. Эр тікин бумучиннн.

— Бэйэл кэтэвэ ин'эттэ минэвэ: «Эргэчйн бумӯчиннн биси», — гуннэл.

— Ӗрӑт-ті ӑнцэс бэлэтічим, — гунйттэн, — илан анӈанймактӯ эхикис илла, бэйэ ӧда, тӧлй оп'овос ичэд'иӈэв!

Тар н'экэйэрэкин бичӟ, бэйӯчӟ. Эр бэйӯчӟлэн, нуӈан думайдӑракин: «Эннӟ бутуннү бэскэн бэйэ, бумӯд'эрӣ бэйэ. Ӧн-мал н'экэксӟ, иликсӑкӑн бихӣ, ӈэпэктэ!», — гӯнэн. Эркэн миркиксӟ, миркиксӟ, иликсӑкӑн, миркиксӟ, миркиксӟ, миркиксӟ, д'ӯллэмэктӯ култірдулӑ ӈэнэхиннэ, курɛлӑн иссӑ. Тар йксӑкӑн бихй, тӑдук ӈэнэрэн.

Эргэчйн мӧ, сӧма гуд'эй мӧ бихин. Мӧтікиндӯлӑн сӑмэ бӯдэви н'экэд'эчӟн. Арай тар н'экэд'эрэкин, иргит-кэ ӟкӯпдук-тӑ гуд'эй айа чивкӑчӑн эмэксэкэн, арай тӑдӯ мӧци хэрэдӯп тэӷэд'эрэн. Тар тэӷэксэкэн, арай турэчӣ ӧксӑкӑн, турэтчэрэн, икэд'эрэн (см. ноты 1):

Гӗрукӑнӗн! Гӗрукӑнӗн!
эркӗн эшӗлӗ икӗд'эм!
Сӑ бэйэ эрӗ
илан д'ӑр анҵанӣмактӯ
бумӯрикӑн ӧд'аксӑкӑн,
мӧнд'аҵи тэкӗндӯн
буксэд'эрӣ ӧкӑкӯпанни!
Йдук тэкӗнни улгучӗкэл!
Гӗрукӑнин! Гӗрукӑнин!
Аҵанд'ави аҵад'акал!
Би шиндӯ-ҵэн
бэлэҷӗвэ бӯд'эктэкӗн!
Эшӗлӗ ҵэпэрэкен
ӧккакин-кан эрӗ-ҷу

айа ӧксӑкӑн,
иллакис-кан,
сӧма дарадӯ-ҷан
ӗкӯндук-та хэгдиҵӗ
д'ӯмӣ бид'иҵӗн, гӯпэм.
Тӑдӯ, гӯпэм, арахинай
тэткэ, тэтти бид'иҵӗн
бӧкатирил тэтчэрӣл,
арахинай, гӯпэм
н'экӧксэмэ тэтилкӗн,
мэҷурӗнд'эн, сэлэмэнд'эн
тэтти н'ӑн бид'иҵӗн.
Гӗрукашни! Гӗрукашни!
Амҵави аҵад'акал! — гупэм.

Тар н'экэксӗкӗн, эри амҵави аҵачӑлӑн, умуктакӑнҵачни тикчэчӗн, бид'иҵӗн. Тар тикчӗлӗн арай бэйэ умнӗт бэйэ ӗкӯндук-тӑ айа сӧ бэйэ ӧдан. «Илчӑ бихинне», — илликсӑкӑн гупӣттэн, — «Миндӯ тикӗн гунчӑн-ивит тарӗ чивкӑчӑн. Би-ти ҵэпэктэ тарти д'улэскӣ», — гуннэ, н'экэнэн. Д'улэскӣ ҵэпэксэ, д'ӯ бихни эри ҵинакин дилдукин хэгдиҵӗ кил'учӣ. Тарӑ тӑҵэрӧр тӑнчӑ. Сӧ эҵэхӣ бэйэ ӧчӑ. Нуҵан бимнэ н'экэксэмэ тэтилби, сэлэмэ тэтилби тэтивэ тэттэн — тэкэвӯттэн, тарӑ тэттэн — тэкэвӯттэн. Эхилэ сӧ сӧйа тэти, букатирин — кухикӣт тэтивэ тэтчӑн-вэлн.

Тар тэтиксӗкӗн, «Тар иртикӣ?», — гупӣксӗ, тар гиркӯксӑ, тар сӧ эргэчин н'ӑн д'ӯ бид'иҵӗн. «Тӑлӑ ҵэпэкэл!», — гунчӑ тар чивкӑн. Тӑлӑ ҵэнэн бихин арай ӗкӯндук-тӑ дунэдӯ д'ӯ бичӑн, нинади дилкӑкӯнин кил'ус бичӗн. Тӑрӑ тӑҵэроор тӑнчӑ биҵэрэн бичӗн. Ӗкӯндук-тӑ гуд'ӗй мурин илитчаран арай. Мӑндуккэ эмэгэлкӗн, мӑндуккэ дэктилӗлкӗн мурин арай. Уйиргит уйитчэвки бичӗ. Тӑрӑ тӑҵэроор тӑнчӑ тар букатир мӑндулӗви, тулиски йучӗ. Тар йӯксэкӗн, ойолӧн хэтэкӗнд'эчэн-дӗ кирбас уллэкэ тиҵилэктэчӗн, калан ӯлэкин кимпилӑчӑн. Д'эргу мурнини бихни илан инэҵимэктӯ нуҵанмӑн н'ӧдӑдӑви муҵичӑ, иртики-тартики танд'энэ, «букатир буруд'иҵӗн», — гупнэ.

Букатир умпэ-кэт эчӣи бурурэ. Тикӗн илан инэҵимэктӯ муҵнаксӑ, муҵпаксӑ, нуҵан бичӗн илитчӑ. Мурни, илликса, «Кэхилэ! — гупӣттэн, — си хуҵинн бид'иҵӗс-тӑ, илэ эйэтчэнни, ҵэнэҷӗт!».

Нуҵан хэтэкӗнмукӗнчӗн болэ, ӗкӯндук-та со бэйэ окса.

Арай илан инэҵимэктӯ хуктивӯксӑ, д'улӑви песа. Тар д'улани эмэксӗкӗн, мурнимни уйитчӗ. Уйиксӗкӗн бихни, нуҵан, утэндулэ эмэксӗкӗн, тӑдӯ чистэ тэхичӗ, торови илачӑ. (*«Все болезни выбросил», — добавил по-русски сказитель*). Торови илакасакан, тар н'экэд'эрэкин, акӣнин-дӑ эмэд'эрэн, сӧ бэйэ Конда модук балдичӑ Кӧдӑкчэн-букатир. Эмэксӗкӗн, ни'эмуччэ горойодук. Ни'эмуччэксӗкӗн, нуҵан гунчӗн:

— Д'э, тэд'ӗмэт нэкӯкӗкуними бэйэ ӧчӑ, айа ӧча. Торои д'эгдэд'эрэн, айат н'экэйодэвэр н'экэрэкин, урунчэ.

Тар н'экэксэкэн, д'ӯлӑви йчэ. Нэкӯнйн хуҷтукэкй бэйэ ӧчӑ. Нэкӯндулэви «Дорово» гуннэ гунйттэн. Эхин-кэт ичэхинэ, ёкӯнма-кӑт эхин турэттэ.

— Ӧн тарӑ ӧдан? — тикэн гӯнэн, тар акйнин нэкӯндукки турэнэлйн тикӯлйксакӑн, гуннэ турэтчэрэн:

— Илан инэҧи эхикис бэйэ ӧда, он'овос ӧд'иҧав!

Тӑдук тикӯлйксӑ, тар бэйэ хэтэкэнчэ. Хэтэкэнйксэкэн, муриндулӑви ҷэнэчэ. Муриндулӑви эмэксэкэн, хуктівчэ муринд'и сӧ.

— Д'э, — акйнйн гунйттэн, — хо! Таваргачйн бэйэ! Си ахун гороло — н'экэйэкэкӯнд'энни, бэйэ, бикӑкӯнд'энни сикэкӯн!

Эр акйнйн ҷэнэчэ, ҷэнэчэ ҷэнэчэ.

Арай ҷэнэд'эрэкин, эргэчйн мӧр'анд'алӑ иссӑ. Тар мӧр'анд'алӑ ихиксакӑн, арай муринйн илчӑ. Муринйн тикэн гӯнэн, икэд'энэ (см. ноты 2):

Лэргэк! Лэргэк! Лэргэк!
Лэргэникєн хеҧуй!
эркэй эшилэй икэкэл-гӯ!
илан д'ӑр анҧанййадӯ
ӧскєд'ачӑ, бумурик бичэ.
Бэскэнд'аринд'а, дӧлчӑткал
акйнми турэнмэн!
Энэ-кэ дӧлдӣра-ҷан,
энэ-кэ ханнӯтчара,
эмэкэкӯтчэ тар акйнми,
айат турэттэкин.
Кэҧ гӯним би,
эргйскй ичэхинэкин,
уҧйскй ичэхиҧнэкэл!
Эркэй уҧйскй ичэрэкин,
эргйскй ичэхиҧпэкэл!
Ёкӯндук-тӑ сӧ бэйэ,
ёкӯпдук-та айа бэйэ.

Н'уҧэдукин эҧнэкэл гунчэндэви
элкэй дӧлчӑткал!
Мӧра-эн'эйдӯвэр
хэтэкэнд'иҧэв-ҧӯ.
Тӑдӯ сӧмат маннуд'ана,
мурин сєлєдукин д'аваксӑкӑн,
айамат тікарйд'акал!
Эркэй мӧралӑ ихиксӑ,
хэтэкэпиксэкэн-ҧу
баргйдӑлӑ иссаракит,
диҧин иҧа бид'эҧэн.
Тӑдӯ-ка, гунэм
диҧин халганд'иви иллакив,
тӑлє айакӑнд'и н'экэйэд'иҧэт.
Д'ӯр халганд'иви тӯмй-ҧӯ
Мӧра будэрй эн'эйдулэ тікчэҧэт!
Сӧни маннувд'акал! — гунчэ.

Тар-хилэ мӧралӑ хэтэкэнд'эчэн бола. Хэтэкэниксэ, «Дэгкэл-дэ, дэгкэл-дэ», — ёкӯндук-тӑ химат дэгд'эчэн. Эр бэйэн бихимнэ сӧмат тикэн тикэрӧчӑ, аран-аран эхин бурурэ. Сӧмат дэгрэн-дэ, дэгрэн. Тӑлӑ диҧин иҧа бичэн, диҧин халганд'иви хэтэкэнэн. Диҧин халганд'иви тӯрэн, тэтіктэрэн. Д'ӯр халганд'иви тӯксэ, мӧралӑ тікчэ. Халганд'иви гиркӯткэкӯнд'аран элэнд'э.

Арай тар н'экэд'эрэкин, арай со бэйэ Кӧдакчэн иргит эмэксэкэн, тар мӧралӑ тікчэрэкин, диҧиннӯчан ҷалэтпи уййскй н'ӧдахинпа. Тар уййскй н'ӧдӑнан, нуҷан тӑдӯ дунпэлэ тікчэн, морилкан бэйэ.

Умпэт бӯксэ, таргачйн сӧ бэйэ ҷаладӯви тумпйчан, тарйт-кан ҷалатпи бунпичэ-дэ, нонон ӧп бичэтпи таргачйкакй айа очӑ.

— Кэ-хилэ, — тикэн гунпэ улгучэнд'эрэн ханцӯчан нэкӯндукви: — Би синдӯ н'уцпйктэ, — гунйттэн, — горо буҧалӑ ҷэнэд'иҷэш, надан дэҧи падарӑкан балдіксӑ, истї буҧанӑ ҷэпэкэл, — гунйттэн, длачӑ йӯксэптикйн ҷэпэкэл!

Д'ӕр (< д'э эр) бӕйэ тикӕн икӕд'эчӕн. Тар акинин нуцантикин икӕд'эчӕн нэкӯндӯви ниғэрӯд'эрэн, тикӕн гуниэ, икӕд'эрэн (см. ноты IIа):

Гӗнде, гӗндеронин!
Геңде, геңдеронин!
Сӧниң бэйэпд'э,
Эркӧн Бэскӧнд'аринд'а,
нэкӗрӧй хинкӕ-гэнча,
дӧлчӕткал-гӯ!
Эркэй надарӕкӕн
Дэку-дэғил умӯксӕл
истӗ буғалӕтин исчаңӕс.
Эркэй ӗма бэйэ бихй-ңу
ӗкӯндук-тӕ байан
этиркӧн бид'иңӧн,
байан этиркӧн-ңу
умӯн хунӕд'ин бид'иңӧн,
умӯн омолгӣчӣ бид'иңӧн.
Тар д'ӯлӕн энэ иста
д'ӯр километри иликсӕкӕн,
ӗкӯндук-тӕ хэгдиңӗ
Аллук-мӧнд'а бид'иңӧн.
Айа тӗрӕн-ңу,
эвэнкӣл-бэйэл-ғу
хулгад'акӣчӣтин
мӧ бид'иңэн.
Эмэксӕл, ниңӯвкӣл
мӧңилтин бид'иңӧн.
Тар мӧва ихиксӕкӕн,
айакӕн гаралбӕн-ңу
хокормӣгда тӕпиксӕ,
эгдиңӗ тоғонд'овӧн
илаксӕкӕн-ңу,
айакӕн абдулбатӣн,
оророботин-ңу, гунэм,
силаптинд'аңакал!
Айа бэйа авӯндикӕкӯнмӕн,
уха бэйэ коколлодикӕкӣнмӕн
тоңормӣгдӕ, уллэвэтин
тӕнэ, д'эвуңпэд'экэл!
Тар-ка амаргут ирӗ-ғу илаксӕ,
н'экэйэд'эрэкис,
н'уңэйэн-этиркӧн
ӗкӯндук-тӕ байан бид'иңӧн
умӯн омолгӣңин-хутэн бид'иңӧн.
Тар-ка эмэксӕкӧн-ңу,
«Ӗма буғадук тӧкун, эмэксӕ,
ӗма дуннэдук,
элкэху хулгад'акӣт мӧлба
бутунну сукчаксӕкӕн,
д'эвд'эрэн», — гуниэкӕн,
эркэй этиркӧндулӗ
эмэвд'эңӧн-кэғу
таркай эшӣлэй
тар этиркӧн хутэн,
«Д'эви», — гуниэ уид'эңӧн,
эңиэкэл ичэхиниэ-кэт,
эңиэкэл ин'эмуниэ-дэ.
Синэ-кэ «горо буғадук
эмэчӗ бэйэ бихинин
д'ӯлӕви цэнэкэл!», —
гуниэ, эрӣд'эңӧн.
Эркэй эшилэ-ғу
эңиэкэл ичэхиниэ-кэт,
эңиэкэл нуцантикин
ин'эмунтӗд'эрэ-ғу.
Тарцис эрикэкэн,
«Эрӣ амӣндулав
цэлэд'иңэт!», — гунд'эн.
Тар-ка амӣнин гунэми:
«Бӧкӕмӣлтӣ, эр-кэ
Хоролд'он бӧкӕнтӣ
тикӯлӣвкӕнчӕн, бид'эңӧн.
Горо буғадук
айал бӧкатӗрил-гӯ,
эмэнэвэтин хӗниккӕнчал-гӯ».
Кэ, тикӕн Хоролд'эн-ңу
оштодулӕ энэ ишта,
идакад'аңӕн», — гӯниэн.
Тӕдук хунӕтин уид'эңэн.
Хупӕд'ин айа тӕтилби
тэтчэкэкӧн, халд'атиа,
хӕлд'атиэ-ғу, ид'эңэн.
Айа турӕнд'ини: «Ӧр-кэ,
уваски-гэн ичэхикэл!
Д'ӯлӕвун ирэмэд'экал!», —
гуниэ-гӯ, эрид'эңӧн.
Тӕдӯ эңиэкэл-кэн
ичэхинд'эрэ-ғу,
тар-кэ эрийэйэ-кэ:
«Ухэчӗ амӣндулав цэлэд'эңэт!».
Кэ-лэ, — гуниэм, — таду
амӣнд'ами, н'уңэйэн
этиркӧн, эмэксэкэн,
«Йлэ цэнэгэт?
Дарумкиткэл!», — гунд'эңэн.
Тӕдӯ эңиэкэл долдира!
Тадук-кар хэргу дуниэ
бӧкатринд'а-авахинд'ан,
хэргу дуннэдук Сэлэнунд'э,
эмэксэкэн, тар ахаткаима
экэд'эрэн-ңӯ.
Тӕдук илан д'илилкан
укэукинд'амийа окэкакан,
тар-ка ахаткаима эшилэ
никимнадӯви тэгэнкинд'эңэн.
Тар асӣкан гунд'эңэн:
«Тар-би Аллукма мӧдун
тэгэтчэри од'ӧ, бид'иңэн-ңу,

тāрā гиркийэвэл чаварихйкал»,—
авахйдӯ мэтэвд'эцэн.
Эркэй тэд'ӭмэ-ты, даганй
илкэй ӭдук-тā-цан
сурдэ бӧкатıр бид'иҷэн.
Иргйд'йн-дӭ этэнни вāра,
иргйд'йн-дӭ этэнни капутта.
Эркэй, мӭванин даҷадӯн
д'ӯр эргэчйн д'улакин
уллэчй бид'иҷэп-эркэй.
Эр-кэ мӭптэрй будэрй
инэцицичй бид'иҷэн.
Эшйлэ синэн-шинэвэ
цāлатпи, дэгд'энэ,
чаварйхинд'аҷāн эшйлэ,
никимнадӯви тэҷэвкэнд'эцэп.
Тāдӯ тэҷэтчэнэ,
ӧхалбāн-цу бутунну,
эликнэнин ичэрэ,
тумнйна-ҷу, турэтнэ-ҷу,
д'аргад'ана цэнэцнэкэл!
Тāдӯ тıкӯликсākāн,
умӯн буҷадук эмэксэкэн,
иргийэдук кӭйд'иҷāс.
«Иргийэдук минэвэ тумнйнни?
Кэ, вāкал!», — гуннэ тэҷэд'эцэн.
«Кэ», — гуннэ, эргэн тэҷэксэкэн,
Сэлэмэнд'эмййэ, бэйэ ӧксā,
тэҷэд'эцэп-кэҷэн
Тāдӯ си гундэви:
«Эхйткӯкэн эмэд'эцэв», — гуннэ
нуцандукин туксад'иҷāс, бид'иҷэн.
Тāдӯ бид'иҷэв.

Эр бэйэ бичэн муриндӯви укчалэчй эркэн-дэ цэпэд'эчэн. Горо ӧдан — цэнэви эчэ сāрэ, даҷа ӧдан — эчэ сāрэ. Тамнакса дӧдӯн цэнэвкэпд'эчэн. Дэҷивкэниксэ, дэҷивкэниксэ, сӧ бэйэ адıкāтāн анцапймактӯ дэҷиксэкэн, дэҷиксэкэн, ākчāн. Ёкӯндук-тā байан бэйэ, ёкӯндук-тā этıркэндулā иссана, эр ихиксākāн, нуцан дэптıкй ичэхинэ бихин. Тāдӯ-дā ёкӯндук-тā мӧнчāн илйтчаран. «Акйнми, — гӯнэн, — тар тэд'эви улгучэнэн». Тар мӧлā илйксākāн, муринми тīнчэн. Иссākāн бимй, мӧлви уҷйскэкй туктīксā, бутунну гаралбатın хокоҷорон. Хокогоксӧ, сӧ отувитоҷово иларан. Д'э, самай айаргӯ оророботın д'авана, д'авана, силатна, д'эвд'эвкй бичāн.

Арай тар д'эвд'эрэкин, умӯн Оролд'ин-бӧкан, эмэксэкэн, ичэчэ. «Эриндукин тӧкун, эмэксэкэн, ёма буҷадук эмэксэ, эр тıкэн н'экэд'энни?», — гуннэ, тıкӯликсā, д'аргавкй нуцанмāн.

Нуцанмāн эвкй ичэхинэ, тар бэйэ д'эвд'эвкй. Нуцандулāн цэнэрэн тар этıркэндулэ, байан этıркэндулэ. Тар цэнэксэкэн, «Тӧкун, эмэксэкэн, бутунну мӧва суксачā, ороробо айаргӯрба вāчā. Ёкӯндук-тā уха бэйэ эмэчэ!», — гуннэ этıркэндулэ цэнэчэ. Этıркэн, тıкӯликсā, «Арахинай буҷалдук эмэчэ букатıр хёнивкāнэнни, бид'иҷэн!». Тāдук иктэкчэрэн мӧт.

Тımāтнэ, тımйнин хутэви, д'э, учйттан. Хутэви уциксэкэн, «Ичэпэкэл, — гуниттэп, — ёкӯнма тар улгучэнд'эрэн. Тар бэйэ акйнйп бихин». Тар хутэви уцнэп. Нуцап цэпэчэн. Тар ёкӯн бэйэп, эмэксэ, арай ичэпэн — бэйэ ёкӯндук-тā айамама мӧва бутунну хокоҷӧчā, оророботın д'эбд'эрэн. Тıкэн гуниттэп:

Дицде, дицде! Дицдеропин!
Дицде, дицде! Дицдеропин!
Эркэй эсилэй-гацап,
Горо буҷайацйлби
бӯкатıрилтīп-цу,
айал сагдıл бэйэл
итчачйл бэйэл,
эркэй эмэд'экэл!
Н'уцэйэн-этıркэн
синэвэ эрйрэп-цу!
«Эркэп, д'ӯлāвуп эмэксэкэн,
дэрӯмкйкэл-ҷу», — гуппэ эрйрэн.
Эркэй ёма буҷайалдук
эмэкэкӯнчэ-ҷӯ? —
эркэй эсйлэ-кэҷэп гуппэ.

Тар бэйэ эчэ ичэхинэ-кэт, эра-кат. Д'эбд'эчэн, д'эбд'эвкй. Тар нуданмăн ухэрэн эрйтчэмй. Кайатĭн эрйд'эцэн? Амйндулăви нэнэчэ тар бэйэ. Цэнэксэкэн, гуннэ: «Он н'экэчэн экўндук-та бўкатĭр бэйэ, — гунйттэн, — молба бутушну хокоґочă, орорбо бутунну д'эбд'эрэн».

Этĭркэн сомат мэргэхинчă: «Он эчэ эмэрэ тар бэйэ? — гуннэ нуданмăн — мундулэ ирэмэцэт! Хутэ, си-цэн цэпэкэл!». Хунăтни уциттэн. Хунăт тэтĭвўксэкэн, айа тэтĭлби куктэвэ, экўн-ка тэтĭвэн тэтĭвкэнчэ. Хунăд'ин сомат халд'ачйвкй бичэ. Эмпэк цэпэрэ н'экэттэн. Н'ăн цэлэттэн, «Аминми турэд'ицэн», — гуннэ.

Д'э, нелит тэтĭксэкэн, букатĭрдулă дағамăд'ачăн. Дагамăксăкăн. Сомат халд'атна, арай ичэнэн — бокатĭрипчанак тар оророботĭп д'эбд'эпкй, силăтчапкй, силăтчапкй. Эхйлэ эмэксэкэн, дағамаран. Дагамăксăкăн, эркэн халд'атна, халд'атна, турэтчэрэн икэд'энэ:

Кэдай-канĭп! Кэдай-
канĭп!
Эрикэкэн эхйлэ
горо буға мэницйлтĭн,
горо буға чиңэрцйлтĭн
н'уцэйэн-кэн этĭркэнд'э
минэ-цу амйнми уцнэн.
Горо буґадук эмэксэ,
д'эмулчэ бид'эцэн-кэн.
Н'амахйкал д'ўйăлăвун.
эмэксэкэн, дэрўмкйкал!
Ёма-кайа буґайăлдук
гиркўд'арйл бэйэл бихис?
Он, гунд'экэл эхйлэ? —
ахăкăн эхйкэн гўпэн.

Тар бокатĭр-бэйэ эвкй ичэхинэ-кэт, ичэхиндэви эйэчиттэн. «Акйнми турэтнэвэн алгахаракив, уха бид'эцэн», — гуннэ, эчэ ичэхинэ. Сома ин'эмўнчэндэви н'экэттэн. «Акйнми би гунчэн, таргачйкăн би эктэ ичэхинэ», — гуннэ. Тар хунăт ухэксэ эритмй, ухэксэ эрйтмй, аран энэ соцоро, д'ўлăви мучўран. Д'ўлăви мучўксăкăн, «Арай эхин ичэхинэ-кэт, эра-кат, ёкўн бэйэн, бола?».

Тадук гуннэ н'экэчэн этĭркэн: «Би мэнми цэпэктэ, эрид'эцэн!».

«Ни-кэт эмэрэкин, эдэви эмэрэ, эдэви нуцарбатĭп ичэхинэ», — акйнми гуннэвэн д'онан.

Н'уцэйэн-этĭркэн, тэтĭлби тэтĭксэкэн, цэпэрэп бўкатĭрлă. Эмэксэ, д'э, арай ичэрэн — бутушну мощилбăн хокоґочă, тоґово илаксă, д'эбд'эрэн оророботĭп. Горойодук нищэрнэ, нуцанмăн гуниттэн:

— Кэ, ирэмэкэл, — гуннэ, икэд'эчэн, тикэн турэтчэрэн: — Горо буґадук эмэчэс. Дэрўмкйкэл мундулэ!

Уґэррэн, уґэррэн, тикэ эрйтчэмп нуцанмăн. Эрикэ, эрикэ, эчэ нуданмăн кэйна. Этĭркэн д'ўлăви цэпэкэкуттэн.

Д'ўлăйи цэпэчэлэн, бимэлчўксэкэн, илап нищи илтэнчэлэн, арай дуннэцци бутушну курбулчэ бичэн. Арай харгу дуннэдук авахинд'а эмэрйп инэцй эмэчэ. Эмэксэкэн, д'э, умнэкэмэ дуннэвэ лэпурэгэр йувкэпэн адĭ-ка огухичй бичэн, болэ сиргачи бичэн. Сиргадўви тэґэксэ, умўн халгачй, эхави андукки хойодўн умўн эхачй. Экўндук-та сурдакмийа. Сэлэмэ тэтĭйи иргит-ти бэйэ эхип кэййа нуцанмăн — бутушну охйкталип сэлэ. Экундук-та

бэйэ эхин кёййа эр авахинд'а эмэчэ. Тар авахинд'а гүнйттэн горойодук. Тїкэн турэтнэйэ эмэчэ, гуннэ икэд'эчэ болє:

Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Уҕбйан-этїркэн бид'экэн эшйлэ!
Дїңдє! Дңдє! Дңдєрбнин!
Айан ашйва бкүн илчарєлкан
Н'үрд'ак-хунатпа би гад'ам.
Айа тэтїлби тэтїлд'экэл!
Нэпэхинэрйдү бэлэннєкєл!
Айакан д'эптїлэйэ бэлэнцёкал!
Турбнми гушкэрйн
эд'элйн илтэнэ-ҕү
хунатпи бүд'экэл, этїркэн!
(Бүд'эн-цү этїркэн?)
Эхикис бүрэ, буҕавас суксад'иңав!
Дуннэвэс бутунну ачйнңйд'аңав!
Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Би турэнми гуҕин эд'элйн илтэнэ,
химат ашатканма бэлэннєд'экэл! —
гунд'эрдэгэ.

Этїркэн бихин бн н'экэд'эңэн? Соңоно, соңоно хутэви тэтївэн тэтївуксэкэн, хунатпи авахидү цаладүн бүд'эчэн. Эр авахинд'а: «Химат нада цэнэмй эр буҕадук!», — хуниллэчэ, хуниллэчэ, бургинэчэ илан дїлилкан уксукйткан бчэ. Тар уксукйпчанак бнадүн бихин тар хунатпа н'икимнадүви тэҕэвкэнчэ. Н'икимнадүви тэҕэвкэниксэкэн, д'э, дэҕйлд'эчэн. Буҕаткй цэнэхинчэ тар авахинд'а. Тар дэгд'эрэкин, тар ахй тїкэн гуннэ икэд'эчэн (см. ноты III):

Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Сэлэлүнд'э авахинд'а,
минэвэ долчатчэкэл!
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Эр-кэ мит дэгд'эрэкит,
бкүндук-та хэгдицэ мо бид'иңэн
Тадуккар эр бэйэ, тоҕово илатчарй,
орорбо д'эпчэрй бэйэ бид'иңэн.
Саҕадукин д'аваксакан,
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Н'икимнадүви н'одадави!
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Со бэйэ бид'иңэс, — гунйттэн.

— Тара, багас, — гунйттэн, — никимнадүви нэд'иңэв!

Арай тар авахинд'а дэгд'эрэн мотикиндүн бокатиркан бид'эрэн. Цалатпи саварйксакан, н'икимнадүви тэҕэвкэнчэ тар бүкатирба. Д'э, эр бокатир бихиннэ, тар цэнэд'энэ, тїкэн д'аргад'анки бичэн, турэд'энкй бичэн:

Авахй-бэйэ, бкин айа ахйва гачас?
Си, авахи, минэвэ хэргү буҕаткй эксэд'энни,
Си эргэчйн-таргачйн бихинни!

Ёхалбан тумнйд'анкй, тумнйд'анкй болє, элйкнэпин ичэрэ. Айа авахицит сбмат тїкүлчэ:

— Иргид'и-кэ кёййимнак, си, багас, минцэчйн эргэчйн бокатирва. Би эхиткэн ицама бэйэ-д'оло бксэ, тэҕэд'иңэв! Иргид'ив налкад'ицас, ёд'ицас? Кэ-сэ, ёкүнд'и гидалад'ицас?

Авахинд'а, тїкүлйксэ, дуннэдү тэҕэксэкэн, д'оло-бэйэ бчан. «Ур акнимни мэтэвчэн бола: «д'э, эхйткэн эмэд'эцэв».

Тар туксаран тартїкй, арай тадү акйнйн илитчаран. Со бэйэ Коцдє модук балдїчэ Кодакчэн илитчаран. Арай нуцан эргэчйкэн-таргачйкан ичэдэлкэн, сэлэмэ гидави гаксэ, нуцандулан туксад'аран. «Нуцан сарй минэ варивай». Авахицин цэлэлчэ.

— Ңи эхин сāрэ, — гуннэ, — синэвэ. Эргэчин нэкӯнми ичэдэвэн ичэдэлэксэ, сэлэмэ гидатпи минэвэ вāдāви н'экэнни! Минэвэ экэл вāра! Би синдӯ айава ōд'иңāв. Ёма-дā буҷалā ҷэпэксэ, бэлэтчэңэв!

Д'э, гуннэ, н'экэчэв! Арай сō Кōдāкчэн-бōкатір гуннэ икэд'эрэн:

Гёц, гёңрōнин! Гёц, гёңрōнин!
Эркэй Сэлэнд'эмййэ-бōкатір,
авахинд'амййа, дōлчāткэл!
Сōңан бэйэ Сэлэргунд'эмййэ,
бикэн нэкӯйэлби-ҷӯ
буҷалāн эксэксэкэн,
ӧкӯнма-кат эпэ илэчэрэ,
таргачйи-ка буҷалāн эксэкэл!
Тōлй би шинэвэ этэм вāра.
Би турэнмэв дōлчāткал!
«Айакāнд'и эксэчэ бихикис,
этэм вāрэ», — гунд'эчэн акйнйи.

Тар эхйлэ гунчэлэн бихй авахинд'а ңэлэкэкӯтчэ бōла.

—Д'э, йлэ эксэвкэнэкис, эксэд'иңэв, этэм нуҷанмāн илэчэрэкэт, ёра-кāт, — гунд'эчэ.

Тар нэкӯнмэн авахи буҷаткāкй эксэд'эхинэн. Тар буҷалā эксэксэкэн, тар айакāнд'и ихивкэнчэ бичэн. Нуҷанмāн тāдӯ эмэниксэ, авахи хуңту буҷалā ҷэпэчэ.

Кōдāкчэн бōкатір, д'э, ёма-дā городук горо буҷалā ҷэпэд'эчэн. Тіргимэн н'экэйэвкй бэйэ, мурин-кāт, ёкӯп-кāт нāдайа āчйн, сэлэмэ тійэвӯкэчй бичэ. Горово-до ҷэпэдэви ҷэпэрй бэйэ эркэн ҷэпэд'эк-дэҷэ ёкӯндук-тā сō бэйэ бихин.

Умнэт тігдэ тігдэктэрэн, бōкта бōктаран, ёкӯрдук-тā сурдак бэйэ ҷэпэрдэгэ нуҷан. Ōн ҷэпэрйвэн бэйэ куктэн дōлдивки — игмийэн. «Ёкӯн, игрит эргэчйи букатір-бэйэ ҷэпэд'эрэн?», — гуннэ, тікэн адулāвкй бичэн. Унэкин дуннэвэ эрчэкмэктӯви, доҷото дуннэвэ хэнҷэнмэктуви тӯксад'ачāн бōлє. Эркэн-дō тӯксад'ана тӯксачā, тӯксачā, горово тӯксад'ачā, ади-кāт анҷанимактӯ тӯксад'ачā, тӯксачā. Д'эптілэн-кэт манавчā, тэттін-кэт бутуннӯ манавчā. Нуҷан, д'э, эркэн ҷэпэд'эрэн. Эркэн ҷэпэксэ, ҷэпэксэ бутуннӯ бэйэдук-кāт, ёкӯндук-кāт ухачй ōчāн бōлє. Сōмат арай дэниксэ, тэттін āчин ōчā, д'эмӯклисэ, будэви н'экэд'эрэн. Арай ҷэпэд'эчэ. Ҷэпэксэ, ҷэпэксэ, ҷэпэксэ эҷэхйи āчин ōран.

Арай ичэпэн — умӯп д'ӯкчапак бихин. Эр бэйэ бихинпэ пэхилэ тāрā ихиксā, уркэвэтін чōцкед'ачāн, д'ӯтін бутуннӯ силгилликпэнин. Арай тар н'экэд'эрэкин, ёкӯндук-тā хэгдиҷō бӯкатір-ахāкāн бэйэвэ адулāчāн биси. Нуҷанмāн «Д'э, сō эргэчин бэйэ,ема буҷадук эмэнни? Сурдак бинэ, экэл йрэ би д'ӯлāн!», — гунэ н'экэттэн, эчэн йврэ.

Ōн н'экэд'эҷэн буксэд'эпэ, буксэд'эпэ, н'āн д'улэски ҷэпэхинэн. Тар ҷэпэд'эрэкин, н'āн хэгдиҷō д'ӯкчапак ōдан. Тар д'ӯлā ихиксāкāн арай нуҷан: «Йвкэл д'ӯлā», — гунэ, чōцкеран. Тāдук-кā хэгдиҷē ахāкāн тікэн бёҷадкāн дэролкэн, ёкӯндук-тā сурдак ахāкāн: «Эргэчйи уха бэйэ, эмэксэкэн, бу д'ӯлдулāвун таканāран! Ҷэпэкэл! Ҷэпэкэл!», — гунэ.

Ōн н'экэд'эчэн? Аран эчэ соңокōкӯна. Тар бэйэ н'ān-дāт нэнэрэн. Ңэнэксэ, ңэнэксэ, ңэнэксэ, арай умӯн д'ӯлā истан. Бултэк, бултэк эрйксэгдэн истан. Арай тар н'экэд'эрэкин, уркэвэтін аран-аран истан. Даҕамāксāкāн, чōңкинан бихимнэ. Ēкӯндук-тā, ēкундук-тā хэгдіңэ ахāкāн уркэви нйчэн. Уркэви нйксэ, ин'эмӯнчэксэкэн ōксā, «Эргэчйн горо буҕадук ңэнэд'энэ, аҕй-бэйэ, эвэнкйл бэйэлтін буриңйтін, тікэн ōданни? — гуннэ н'экэчэ: — Кэ, д'ӯлāв йҕэт!», — гуннэ, анңӯ ңāладукин д'аваксāкāн, д'ӯлāви аран-аран йврэн.

Эр д'э бихин, д'э бургйпчэчэн болє. Уллйд'эчэн ēкӯндук-тā таҕанй. Айа бэйэ ōксāкāн, д'эптілэйэ д'эвуксэкэн, хуңтукэкй ōдан, ноноптіва ичэдэлэвди ичэдэчй ōдан. Арай тар н'экэд'эрэкин, ур ахāкан тікэн гуннэ улгучэнд'эчэн эрє (см. ноты IV):

Кимэ, кимэку!
Кимэ, кимэку!
Эр ēкӯн эшйлэ,
Ēкӯн бинэн-ңу?
Мōйадук балдічā
Кōдāкчэн-сониң
Кēму, кимаку!
Эр-кэ горо бугайадук
эмэксэ, эрэйдэниксэ,
н'экэйэд'экэкӯнэнни!
Кима, кимаку!
Кима, кимаку!
Эркэн сатару
Кима, кимаку!

Сурдак авахинд'амййа
Кима, кимаку!
элэ эмэксэкэн,
минэвэ эксэдэви н'экэрэн!
Кима, кимаку!
Тарāвэ ōн н'экэд'эңэс?
Кима кимаку!
Ēкӯндук-тā сурдакмййа!
Кима, кемаку!
Тоҕоҕдо эрйксэлкэн,
тоҕокинд'о авахинд'а
эмэд'эрэн, — гӯнэм.
Эсйлэ сō бэйэ бимй,
тулуйд'иңāс, — гунйттэн.

Эр ахāкāн тікэн гунйкэнд'эчэн, гуннэ:

— Д'э, — тар гунйттэн, — ōн н'экэд'эңэс?

— Эмэрэкин, кухймкэд'эңэт! Ңи кēйчā-бэйэ д'алучй ōд'иңāн?

Д'э, тар бихин, илан инэңимэктӯ илтэнчэлэн, хэргӯ дуннэ бутунну курбулйксэкэн, ētікāн, ēкӯндук-тā иҕ ōксāкāн, хэргӯ дуннэдук эрэйэдук икэн эмэд'эрэн. Тікэн гуннэ, турэтчэрэн (см. ноты V):

Гуңєр! Гуңєр? Гуңєр!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Сэлэмэнд'э авдулд'ави,
сōмат маңпуд'акаллу!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Хэргӯйэ дуңнэдук лэңурэгэр,
дулин дуңнэлэ исчаңāт!
Гуңє! Гуңє! Гуңє!

Гуңє! Гуңє! Гуңє!
Айа ашāкāн Шēкак-ка,
буҕалāвэр эксэд'эңэт!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Би-гэп-бэйэ иҕинд'эмйв
горо буҕалā иңӯрэн.
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!
Гуңєр! Гуңєр! Гуңєр!

«Сōт химāт», — гуннэ, абдулви илбэд'эчэн. Арай тар н'экэд'эрэкин тар бӯкатір бихимнэ бэлэннєд'эчэн. Бэлэннєксэк, бӯкатірн'ун тэтті тэткэви тэтчэн. Бэлэннєд'энэ, со бэйэ Кōңдє мōдук балдічā Кōдāкчэн-бӯкатір дэптікй гиркуд'ачāн. Эр дэптікй

гиркуксāкāн, авахинчанак, хэргӯ дунюдук йӯксӧкӧн, арай ичӧнӧн дӧптикӣ ӗкӯндук-тā хэгды бӧгатырӣнчанак илитчаран. Д'ӧ, эр авахи тикӧн гӯнӧн: «Коңсо бэйэ!».

Кӧндɛ мӧдук балдīчā бэйэ Кӧдāкчэп бӯкатир, гушю турӧтчэрэн:

Геңɛ, геңɛрӧпин!
Авахинд'а бӧкатринд'а,
ӗмайā бугайāлā айаппāд'аппи?
Эркэй улгӯрд'экэл!
Тикип нонопті инэңидӯ
доровойо д'авад'акал!
Ӧр-кэ би-ңэн бэйэ
синэвэ бакалдīдāви
эйӧчим, — тикāн гӯнэм.
Дулин дунюэ бӧкатырӣнд'а
сӧшң-бэйэ Кӧдāкчэп бихим.
Си-ңэн ӗма гэрбилкӧн,
авахинд'а атаманин ӧданни?
Эркэй улгучӧкэл! — гунӣттэн.

— О-о! Би сӧ бэйэ бихим, Сэлэргунд'э, тоғово эрӣксӧлкӧн, Тоғондор-бӧкатир бихим, — гунӣттэн, — би эсӣ эмэд'эм, Сиекакахāчӣ ахӣва гамнак.

— Си эхинни гада тар ахӣва! Нонон улгучӧмӧткӧт! Ни эңэхӣ бэйэ этӧн кӧйӣксā, гад'аңāн!

Нуңартін эхӣлэ ахакāн турӧндук тикӯлмāчӣксāкāр, д'ӧ, мӧмӧрӣвэр колтумāтчачāтін бӧлɛ. Колтумāтчэрӣл нуңартін бэйэл ӗкӯн-тāнэ сурдакил бэйэл, ӗкӯндук-тāни сӧл бэйэл. Авахинд'а Сэлэмэнд'э тэтинд'э ӗкӯндук-тā эхӣ ңӧлэттэ. Эркӧн томтор-дуннэвэ оңкучакиңчāтін, оңкучак-дуннэвэ тэңкэңчӧтіп, ӗкӯндук-тā эхӣ тағавра, серилӧ исчарӣгачӣн кухӣд'эчӧтін. Д'ӯр бӧкатір бинэл кухӣмнэдӯтін бихимнэ ӗкӯндук-тā сурдак уғӯ буғадук тэд'ӧмэті тігдэ тігдэчӧн, бӧкта бӧктачāн, арахинай бэйуңӣлтін, чука эчӧн балдіра, балдірӣ куңакāн эчӧн балдīра. Дуңюңӣтін бутунну суксадāвэр н'экэрэ, ӗкӯндук-тā сурдакит хавахинчāтін. Нуңартін бинэл кухӣчӧл. Эр кухӣксӧл, кухӣксӧл, кухӣксӧл, нуңартін, д'ӧ, авахи бимнэ эхин кеййа, нуцан бӧкатір туғи-дӧ кин кӧййа. Тэрӧңкэкӣ кухӣксӧл, кухӣксӧл, дүгиллэвэ кухид'эӧл. Д'ӧ, нуңартін кухӣд'эрдокторо.

Д'ӧ, умнэкӧн сӧ бэйэ бичӧн тикӧн гунд'эрдоро турӧтчэрэн сӧ бэйэ Кӧдāкчэн бӯкатір:

Гуңɛр! Гуңɛр! Гуңɛрӧпин!
Эркэй Тогондор-бӯкатір,
авахинд'а дӧлчāтчакал!
Горо буғалā ңэнэрӧт мит-кэ?
Дуңюлбэ эрӧт суксара,
бэйэлбэ эрӧт эрӧдɛрэ!
эркэй бӧкатирил-ка
кухӣкӣл дуңюлӧтін ңэнэрӧт!
Тар-кай сэлэмэ мӧстабид'иңӧн.
Д'улакин бэйэ-гу
эхин утэнду илитчара.
Тāдӯ тогоғочин-ңу
д'эгдэд'эрӣ моста бид'аңэн,
Эркэй мӧра-эшӣн дағадун,
тāлā сурукскэкэн,
авгӯ-ңӯ кӧйд'ан-кағу?
Си-ңэн-ңӯ кӧйд'аңас,
би-ңӯ кӧйд'аңан?
Элэкин-ңӯ, элэкин ачин-ңӯ?

Гушюэвэн думайдан, эчӧн гунӣттэ.

— Хо! — авахӣ гунӣттэн, — тāлā-дā ңэнэрӧт, дағанӣ! Ни кӧйчā бэйэ, сӧ бэйэ бд'иңāн.

Эр бэйэ цэнӯ дэҕи ӧксӑкӑн, ӗкӳндук-тӑ сӧ дэҕи хэгдицэ дэҕипчэн. Гӗ илан дилилкӑн уксукӗпчэнэк ӧксӑ, нуцартин дэҕӗлчэтин тар буҕаткӑкӣ. Эр дэҕиксэл, дэҕӗксэл, дэҕӗксэл, эр д'ӳр дэктӗлэлдук тоҕогочӗн д'анучӑн. Сӧ бэйэ Кӧдӑкчэн бӳкатӗр ӗкӳндук-тӑ химӑт дэгд'эчэн. Арай д'э, химӑт дэгд'энэ, арай авахӗцин эмэнмучэ.

Мӧра мӧсталӑн иссӑл. Тӑдӳ илд'ара. Ӗдук-ка д'ӳр сӗлинма гаксӑкӑн, гарандӑран. Д'ӳр мурин ӧксӑкӑн, мӧра итчилэн цэнэчэ. Пахибачӑн нуцандӳн, алӑтчиран. Авахипчанак амарнӗксӑкӑн, эмэчэ-дэ. Амарнӗксӑкӑн эмэксэ, авахи сэлэмэ тэтиксэвэн, таргачикӑкӳн ӧчӑ. Сӧ бэйэ Кӧдӑкчэн бихин дэптикӑкӣ иликсӑкӑн, нуцан бихимнэ, нуцартин д'авалдичӑтин. Д'авалдиксӑл, кухӗмэлчуксэкэн, авахӣ гӳнэн:

— Д'э, илан анцанӗмактӳ би шинэвэ гарандӑкта! Сӧ бэйэ бимӣ, тулуйд'эцэс, уха бэйэ бимӣ, мӧралӑ тикчэцэс, — гунд'эрэн авахӣ.

Ур бӧкатӗр уҕйскэкӣ уҕӗррэн, бӧкатӗр. Тикэ илан долбонйлкӑн инэцйлбэ тандӳттан, гаравӳттан. Эчэ кӗййа, гарандӑра.

— Д'э, — гунйттэн Кӧдӑкчэн, — кэ-хилэ, би н'ӑн синэвэ гарандӑкта!

— Д'э, си тулэймӣ, тулэйд'ицэс. Талӣ ичэд'ицэт! — гунйксэ, тэпкэхинд'эчэ бӧкатӗрйпчӑнэк сӧ бэйэ Кӧдӑкчэн. Илан инэцӣмэктӳви уҕйскэкӣ уҕирйксэкэн бимнэ, бӧкатӗринд'а тэпкэчэ. Ир-кэ илтэн илан инэцӣмэктӳ гаравӳчйксӑ, гаравӳчйксӑ, умнэкӗмэ мӧра дӧлӑн д'эгдэд'эрӣ тоҕолӧ нӧдачӑ.

Эр-кэ буҕаткӑкӣ цэнэд'энэ, авахӣ тӗкэн гуннэ, икэд'эвкӣ.

— Уркэн-куцакӑн элэкэс улукйкэнд'и эвйд'эрэкин, хунӑткӑн киптикӑнд'и гирд'аракин, ирэмэнд'ицэв би синдулэ!

Хэргӳ буҕаткӑкӣ соцоно, соцоно тикчэчэн болε.

Д'э, эр бэйэ сӧ бэйэ Кӧдӑкчэн хуниллэчэн, бургицнэчэн, цэнӯ дэҕи ӧксӑкӑн, амаскӑкӣ д'ӳлӑйи дэгд'эчэн. Эр д'ӳлӑйи дэҕйксэкэн, Сӗкак-ахӑкӑн дулин дуннэлэ эмэксэкэн бихӣ, тӑдӳ дэрӳмкйтчэчэн болε.

Эр цэнэксэкэн, балдӣд'ӑк ахӑкӑн буҕалӑн ихиксӑкӑн бихимн: Тар ахӣ, урӳнйксэкэн, бӧкатӗр эмэнэдукйн дэптӗкӣ бакалдӣксӑкӑн, доровойо н'экэд'эчэн бӧлε. Эр н'экэйэд'энэ бинэл, н'амахӣ д'ӳлӑйи йвӳксэкэн эр ахӣ арахинай д'эптилэ улйксэкэн, «Дэрӳмкйткэл», — гунйттэн.

Тӑдӳ бимэлчӳксэкэн, адӣ-кат инэцӣмэктӳ дэрӳмкйксэкэн, гуннэ:

— Тарунд'ӑк-буҕалӑви тэцкэдӳн, балдӣд'ӑк-буҕалӑви цэнэдэви эйэтчэм — бӧкатӗрйнд'а тар ахӑкӑнма гунйттэн.

— Сӧ ахӣ, — гунйттэн, — Сӗкак, аҕӣ буҕалӑн цэнэктэ! Би, — гунйттэн, — буҕадӳви нэкӳнми нэкӳчӣ бичэв. Тарци гэлэлим, — гунйттэн, — д'э, цэнэдэви н'экэд'эм, — гунйттэн.

Тар инэцилдӳ нуцан: — Ёкӳкӑнми камӳйкал! — гунйттэн тар ахӑкӑнма. — Бэйэл ӧд'ацат, — гунйттэн, — горо буҕалӑ цэнэд'э-

цөт! — гуниттэн. — Эр цэнӯ дэҕӣ надарāкāн балдīксāкāн, умӯксāкāн, истī буҕалā цэнэҕөт! Таргачīн горо буҕадук, эмэчөв, — гунйттэн.

Цэнэдөвэр н'экэд'эрэ.

— Д'э, эхйлэ цэнэдөвэр н'экэд'эрэн. Д'энтi-көт, тэтти-көт ēкӯнма-кāт экэл эксэрэ, — гунйттэн, эр буҕадук, д'э, цэнэҕөт!

Тар ахӣ Сēкак гунйттэн:

— Цэнэҕөт, даҕанӣ, эмӯкин эмэнмурэ этөм эдӯвэр, элэкин ічйн! — гунйттэн.

Нуцартiн бихимнэ буҕалāвэр, комуййксāкāр, дэгдөвэр эйөтчэрэ. Эр бөкатiр-ахāкāн бихин мөндукки эмэгөлкөн, ēкӯндук-тā даҕанӣ айа мурга-муричй бичэ бдан. Тар ахāкāн бихимнэ тар муриндӯви эмэксэкэн, эрйрэц, эмэрэн муринин, дагамāран. Нуцан, укчалāксāкāн, цэнэхинэрӣ бдан. Сō бэйэ Кōдāкчэн-бөкатiр хуниллэчэн, бургицнэчэн, ēкӯндук-тā хэгди уксукӣ-дэҕи бчāн. Ахāкāн-ахӣ бихимнэ муриндӯ укчалāран. Нуцан д'э, тэттiви эчэ гада буҕадуккар: «Тāдӯ бакад'ицāт», — гуннэ.

Цэнэхид'эчөтiн болɛ. Эр бөкатiр-бэйэ цэнэхиннэдӯн тэд'эмэдэ эдiн эдiнд'эчэн, хиҕин хиҕинд'эчэн. Нуцартiн, д'э, цэнэхиннэ дэгнэл цэнэд'эчөтiн бөлɛ Калтака сēнми хэргйскӣ дōлчāтна, калтака сēнми уйскӣ дōлчāтна. Ēкӯн-мал буҕадӯ ухава бд'арйватiн адулāнал цэнэд'эчөтiн. Эркэн-дэ дэгд'эчөтiн, эркэн-дэ дэгд'эчөтiн. Горово-дō дэгнэвэр эхйл сāра: боло бихиткин, уксэнд'и сāнэ, д'уҕа бихикин, силэксэд'ин сāнэ, цэнэд'эчөтiн. — «Ēкӯндук-тā горо буҕā», — гунйттэн.

Цэнэд'эрэктiн, цэнэксэ, цэнэксэ, арай билирги бэйэ нэкӯнйн хутэчй бчā-вит. Тар хутэн акйнми гэлэктэнэд'эрэн. Ēкӯндук-тā сити бэйэ эрэй эмэд'эрэн. Идагурчан-бӯкатiр дэнтiкй гэлэктэнбчэ. Тар акйнми Кōндɛ мōдук балдīчā Кōдāкчэн-бӯкатiр дэнтiкй аран эчйнми лэпурэгэр цэнэрэ. Тiкэн гуннэ икэд'эрэн:

Геце, гецɛрōнин!	Кэ, — гунэн, — сōнинц-куцакан,
Эркэй эсйлэ икэрөт!	Ема буҕадук тэгэлкэн бданни?
Ема буҕадук эмэнни?	Эсйлэ минду улгӯрд'экэл!

Химāт, камар-каҕу гуннэ, гунд'ичэн.

Нэкӯнин хутэн бихимнэ тiкэн гуннэ, турōтчэрэн:

Тiнтɛ, тiнтɛрōнин!	хоктоҕон гэлбн-цу
Тiнтɛ, тiнтɛрōнин!	гэлбктэд'энэкэн эркэй,
Билир, билир, гунэм,	би-цэн бэйэ гэлбктэд'эм.
горокōн анцанӣ бдан	Бэскэн Бэскэнд'эринд'э
би амйнми акйнд'амййа	хутэн бицнэм-цэн.

Тар гунд'эчэн эрɛ, тāдук гӯнэн: «И'экэ! Эй! — гуннэ, — си нэкӯнми хутэн бихинɛ-вит! Улгучэмōткөт!».

Хоктодӯ иликсāкāр, н'укāнимāтчāл, бид'ицэн. Тар н'укāнимāтчанал эхйлэ буҕалавэр, д'э, умӯндӯ дэгнэл цэнэд'ичэтiн. Амаскӣ мучӯран тар куцакан. Эр куцакан, цэнэксэкэн, цэнэксэкэн, горо дуннэлэ эмэчэ-вит.

Билир горо анңанйдӯ ңэнэксӛкӛн, тӑдӯ бэйэ кэтэ ахакӑн бивкӣ бичӛн, бэйэкӛкӯн баран сӛ ӧчӑ, кэтэл бэйэл ӧчӑл.

Д'э, нуңартiн тар акйнйн нэкӯнйн бихимнӛ, урӯнйксӛкӛн бимнэ. Акйнми дӛптiкӣ эмэксӛкӛн, эмэчӛ. Ахӑткӑн муринмӑн сєргадӯ уййтчӛ. Н'укӑнимӑтсӑл, доровотчӑл, урӯнйксӛкӛр, д'ӯлӑвэр йд'эчӛтiн. Утэмэ д'ӯ ӑчйн ӧксӑкӑн, айакама д'ӯва ӧчӑ тар бэйэ. Д'э, нуңартiн эхйлэ урӯнйксӛкӛр: «Буғалӑвэр истап, — гуннэ, — айат бид'эңӛт!».

Бимэлчуксӛкӛр, гуннэл, арахинай бэйэлбэ эрйксӛкӛр, «Мундӯ бихӣ анңанйлтi ӧдан, сивайбава ӧд'иңӑт», — гунйвкйл. Орорбо вӑксӑкӑр, горолӣ, дӑғалӣ бид'эрӣвэ бэйэвэ эрйксӛкӛр, сивайбава ӧчӑтiн.

Эр бэйэ тiкӛн гуннэ икӛд'эчӛн, сӛ бэйэ Кӧңдє мӧдук балдiчӑ Кӧдӑкчэн-бӧкатiр:

Геңєр, геңєрӧнин!
Геңєр, геңєрӧнин!
Арахинай бэйэнд'эмййэл!
Наротiнд'ан дӧлчӑткэллу!
Арай горо буғалӑ
н'экэйӛксӛкӛн,
дулин буғайаңин
Оңчор-буғайаңин
бутунну н'экэйӛксӛкӛн,
арахинай бӯкатирилн'унми
бӯкатiрдаксӑкӑн, гуннэ,
эркэй н'экэйӛд'эчӛв.
Даракӑкӣ тэғэтчэрӣ
ахӑкӑнми гиркййэви бакаксӑкӑн,
айакӑнд'и бидӛвэр н'экэмӣ,
эхйлэ умӯндӯ бид'эңӛт!
Айакӑнд'и эвйд'экэллу!
Эркэй би инэмпэктi инэңйдӯ
бэйэ ӧд'арӣ инэңӣ ӧдан, —
эсйлэ гунйттэн.

Арахинай д'эптiлэвэ нӛксӛкӛр, нуңартiн бихи сивайбава ӧра. Хӑдi бэйэ, соктоксӛкӧр, бутунну атiркӑр, этiркӛр ӛкӑкӑрбэ вӑксӑкӑр, соңопкйл. Тар айал куңакӑр эвйд'эвкйл бичӛл.

«Эр бид'энэл эхйлэ умӯн буғадӯ биңӛт», — гуннэ бид'эчӛтiн. Тар муданин, этэврэн.

3. Сӛкак

Билир, билир, билир дулин дуннэ мойкачӑн мӛтагачин мокйвд'аңахин, уғӯ н'уңурмӛн сӛрукӑлдiр н'аңн'а элэкэс тэғэвуңэхин, йӛғип йӛнэ хулидӯн, котор ңэкэ ойодӯн умӯн утук-утэн илитчачӑ. Тӑдӯ умӯн ахӣ, ӯмӯн бэйэ бид'эчӛ. Ахйнан бичӛ. Бэйэ, мӛнип бэйэ дулинмӑн исчӑ бичӛ, ахӣ н'ӑн дулинмӑн исчӑ ахӣ бичӛ — дiғип д'аричӣ.

Тар бимӣ, нуңартiн умӯн бира д'алум орон авдучйл бичӛл. Умӯн хунӑт хутэчйл бичӛл. Элэкэс гиркӯкталчӑ. Тар тӑдӯ нуңартiн хутэвэр иргйтнэл бид'эчӛл! Бэйэ гэрбйн бимӣ Ниңтэнймата гупэрӣ бичӛ, ахӣ бимӣ Эрӛкчӛн гупэрӣ ахӣ бичӛ. Тар бид'энэл, хутэтiн турӛчӣ ӧчӑ. Тар хутэтiн бимӣ, турӛчӣ ӧксӑкӑн, энйнтiкйви турӛчйлчӛ ӧчӑн:

Чими торокӑпєн!
Чими торокӑпєн!
Эрэкчӛн-эп'ӛй!
Ниңтэн'е-амӑй!
Миндӯ гэрбййэв
гэрбйкэллу! — гӯнэм.
Ӧн гэрбййэ ӑчин
бид'эңӛв! — гӯнэм.

Тикэн гӯниксэ этэрэн. Энӣнӣи гӯпэн: «Амӣнии гэрбиӷии!». Амӣнӣн гунчэ: «Энӣнӣн гэрбиӷин!». Тарит энӣнии гэрбидэви турэтчэрэн:

Олє долє! Олє долє!
Утэ, никэ, багар,
гэрбӣктэ, гупэм,
эцӯт сэллэ бихӣкис,
гэрбӣйэс гэрбӣд'эцӯв.
Цӣ, гушэ, гэрбӣд'эм?
Ництэнӣ сӧниц-бэйэ
хунэд'ии, гупэм,
Эрӯкчӯи-атиркэн
дигирмӯи сувинми
дӧридэдӯи ӧскєтиан,
д'анкун энтилэви
дӧгидэ элгэдӯи
турӯи цицэи хунад'ии
сӧ сураикан, — гупэм,
айа гэлтэр гэрбилкэи
айа ахэкэи, гупэм,
Сӧкак гэрбилкэи
ахэкэи ӧд'акал!

Тарит этэрэн. Хунэткэн гэрбӣви урӯниксэкэи, тулилэ йӯксэкэн, хэкиттэн: «Мидӯ айа гэрбӣв!», — гунчэ.

Тэдук нуцартии бид'эрэ. Эр хунэткэн эвйктэвкӣ ӧдан. Хунэткэн киптикэнд'и гиркэчӣвкӣ, гиркэчӣвкӣ, инмэт улликэчивкӣ ӧдан. Олус айа хунэткэн, сӧма гуд'эй хунэткэи ӧд'аран. Мӯвэ мӯлэвкӣ, мӧва йвувкӣ ӧдан.

Тар бичэтин нуцартин, тэдӯ турэнд'эчэтин, эркэи-таркэи оронмор таӈӯвэн эхӣ сэра. Орентин д'уӷанӣ ӧракии, цанмактадӯ, иргактадӯ д'ӯлэтин эмэшшэн. Эмэчэ оронмор д'уӷа сиртивкӣл бичэл. Уллэцӣтин ачӣи ӧракин, оронмор вачэтин. Вэксэл, уллэвэн д'эбуцкйтин.

Тар бид'энэл умнэкэн хунэд'итин турэтчэрэн:

Чими, торокэнєн!
Чими, торокэнєн!
Ництэнӣ-амай!
Эрӯкчӯи-эи'эй!
Д'э, эр мит бимӣ,
бид'энэ, ауӣпӣм.
Сӧ ӧдан, гупэм,
сӧма хуркэйӣи ӧдан
умӯи бугадӯ бимӣ,
кандарӣи, гупэм,
эпэйӣи бимӣ,
инэци эхии манавра,
анцанӣл цопумул ӧда.

Тикэн гунйксэкэи, хунэт турэтчэрэн:

Чими торокэнєн!
Чими торокэнєн!
Би, ахэкэл,
булд'ар-буӷава,
тэцкэ-дуппэвэ
тэгэнмӯи, — гупэм,
тэнтэидэви эйэчим.
Би даӷава
и'экэйӧдэви
д'алдачав.
Ӧи бимчэ, би
и'экэйӧракии, гупэм.

Гунйксэкэн этэрэн, д'э, амӣнӣи гӯпэн:

Орєл, орєл!
Би-дэ гупэм.
Орєл! Орєл!
Сӧкак хутэ-дицэн,
Си тикэи и'экэксэкэи
бма душэ тэгэнмӯи
истэви цэпкэсӣии?
Экал цэкэрэ, гупэм.

Тари этэрэн, хунӑд'ин гунд'эрэн: «Ёракин-дӑ ӈэнэд'иӈэв!». Хунӑд'ин энэ дӧлдӣра, ӈэнэдэви н'экэлчэ:

Чими торокаиєн!
Чими торокаиєн!
Эн'эй, амай,
ӈэнэд'иӈэв!
Ёракин-дӑ, ӈэнэд'иӈэв!

Энӣнӣн н'ӑн турэтчэрэн:

Олє, долє!
Олє, долє!
Хутэв Сэкак,
экэл тикин ӈэнэрэ!
Гирамнас буксэ
эчин нилбэн,
уллэс эчин маӈалла
д'алис эчин д'алупта!
Сатар эдук
д'ӯр анӈанййа
ӈэнэрэкис,
айа бимчэ, гунэм.

Тарит этэрэн. Хунӑт «Ёракин-дӑ, ӈэнэд'иӈэв!», — гӯнэн. Сӧмат д'аличӣ хунӑт бичэ. Тикэн гӯнэн, тэттиви тэттэн. Хэргӯ тэттиви уӷйскӣ уӷйррэн, уӷӯ тэттиви хэргйскӣ тикиврэн. Тикэн тэттэн-дэ йӯрэн. Тулӣлэ йӯксэ, тикэн турэтчэрэн:

Чими торокаиєн!
Чими торокаиєн!
Сэкак, эн'эй,
би ахаӑкаи, д'э
ӈэнэхинэм.
Буӷа тэӆэнмэн
ёракин-дӑ ичэксэ,
мучӯд'иӈав.
Мудан горо
поросай, порости!
Энэл мэргэрэ,
энэл соӈоро
бикэллу! гунэм.

Тикэ гунйксэ этэрэн. Этэксэкэн, бираӈми дэрэнтикӣ гиркуд'ахинан. Хунӑт, гиркӯксӑкаи, амаскӣ этэхинэн, «Горолэ эмэм» — гунчэчэи д'алдӯви. Д'ӯн тар ичэврэн. Хунӑт айаннад'аран. «Гороке, д'ӯдукки эхим горолло». Д'э, хунӑт ӈэнэд'эрэн. Ӈэнэд'энэ, пуӈан умӯн тӑкэн ойодӯн тэӷэрэн. Дилачӑ инэӈ дулин бчаи. Дилачӑӈци ичэхинэи — инэӈ дулин бчаи. Хунӑт д'эмулчэ тар сигдилэдӯн. Хунӑт «олєхин-дэ, — гунчэчэ, — д'эмулим», — д'эбдэви эйэчйлчэ. Хунӑт тикэи гунчэксэкэи, турэтчэрэн:

Чими торокаиєн!
Чими торокаиєн!
Олихин амӣнми, энӣнми
«Экэл ӈэнэрэ», — гуннэл,
нувчӑтти минэвэ.
Умӯн инэӈй калтакадӯн
ӈэнэксэкэи, д'эмулим.
Д'э, би ахаӑкаи
амаскӣ эхӣ этэхинэ бихим.
Д'улэви ӈэнэд'иӈэв
Би солкомо билатив,
турэнми итчирбуксэ,
мэнин уӷу ичэврӣ
сэрукӑрдир н'аӈи'ар-эи'эй,
дӧлдӣкал би турэнмэв!
Дулин тур-дуннэӈив
итчин, дӧлдӣкал!
Минэ, сэхэргэвэв
айат дӧлдӣкал!
Би ахагас амӈатми
айдард'ам-ӈаи,
кондє комуййтии
курулед'эрйвэв дӧлдӣкал!
Д'э, багдарин мэӈун
мэӈурэ инӈакталкаи
багдарин гаха ӧксӑ,
дэгилӈэтив!

Тикэн гунйксэкэн, дэгилд'эрэн. Нуцан уӈйскй дэгд'эрэн. Нуцан мэнин буӈа тэгэнмэн ичэтнэ, дэгд'эвкй бичэ. Нуцан эркэн-таркан айаннад'аран. Тар айаннад'аракин, д'улгидэлйн чивкан-да эхин дэгрэ. Нуцан цэнэрэн тар дилача йӯнтуткй айаннад'аран. Тар цэнэд'эрэкин, экӯн-ка иӈин бдан. Тар иӈин бдакин, дэлчӯран. Дэлчӯнан арай турэн бихин:

Децдэлɛ, дэлɛ!
Децдэлɛ, дэлɛ!
Ема буӈа, эма дунцэ
хунад'ин-киливлин?
Тавар багдарин
мэцурэ инцакталкан,
гуд'эй, айа дэги-гаха
айаннад'аран?
Иононтӣ бакалдӣду
дорово бӯин!
Волгой токтокол!
улгӯрӯэ улгӯчэмэткэт!
Бад'ан бакалдӣкэал,
сэгэнэ сэхэргэскэт!

Тикэн гуниксэ этэрэн. Ахакан ичэхинэн, арай олдонцйд'ин инэц дулин бктуӈйд'ин сэлэмэ гэӈичан, гэӈин-дэги эдук-та тургэнд'и эмэрэн. Тар эмэрэкин, ахакан улгучэнд'эрэн:

Чими, чими тороканɛн!
Чими, чими тороканɛн!
Сэлэмэ гэӈин-дэги,
дороводӯс — дорово бӯин!
Д'э, улгумйрэкис,
улгучэнд'эцэв.
Билир дулин дуннэдӯ
эскɛри сэниц

Ництэнй гэрбйлкэн
этиркэнмэ-цэн
дэлдицкйс, бид'ицэн?
Дулин буга хунад'ин,
Эрэкчэн-атирканма
сураккан дэлдицкис, бид'ицэн?
Тар хунад'ин, Сэкак гэрбйлкэн
эдам!

Сэлэмэ гэӈин турэчиттэн н'ан:

Дец, дэлɛ дэлɛ!
Дец, дэлɛ, дэлɛ!
Дулин буӈа-цан
Ництэнй-сэниц,
Этиркэн хунад'ин
Сэкак-ахакан,
Д'э, би улгучэпиктэ.
Эхэ-этиркэн,
Утэлд'ип-этиркэн.
Эхэ-атиркан,
Утакан-атиркан,
омолгин-цан бихим.

Сэлэмэ гэӈин-дэги
Д'упкулкэн-Д'упкулд'ин
мата, гунэрй, бихим.
Би си айаннад'арис
суракка дэлдйкса,
суруйан эмэчэн.
Д'э, йлэ, гунэ
айаннад'анни?
Ема буӈала,
экӯн падэдуи
цэнэд'энни-цэн?

Тарит этэрэн турэчиксэ. Тар ахакан, д'э, турэтчэрэн:

Чими, чими торокапɛn!
Чими, чими торокапɛn!
Мата, сэлэмэ геӈи
Д'упкулкэн-
Д'упкулд'ин
си, мата, би цэнэрй
цэнэнэв экӯн падэдӯн

улгумйнни-цэн?
Синду би йлэ цэнэрив
падэ йчин, бид'ицан!
Би мэнми сэритин
н'экэйэд'эцэв-цэн
Мата, горо мудан,
поросай бӯин!

Гуннэ, ахакан д'улэви цэнэхинэн. Ахакан тар-ти цэнэви дэгд'эхинэн.

Д'упкулд'ин-Д'упкулкэн мата н'ан турэтчэрэн:

Дєӈ, дэлє, дэлє!
Дєӈ, дэлє, дэлє!
Сэкак-ахакан,
эда баран сэхэнэ
улгучэмэттэ?
Едук ӈэлэми-ӈэн,
ӈэнэхинэнни?
Бэйэ, токтокол!
Улгучэмэткэт!
Екундула хэлинчэд'энни?
Инэӈи эрдэ, анӈанӣ ӈонум! —

гунд'ирэн. Тадӯ Сэкак ахакан турэтчэрэн:

Чими, чими тороканєн!
Чими, чими тороканєн!
Си, ахаканма
айаннад'арива ахива
экэл дэмэрӣгдырэ!
Би горо бугава-ӈэн
д'алдачав-ӈэн.
Си мэнни йлӣ
ӈэнэлкэн бимӣ, ӈэнэкэл!
Миндӯ си ӈэнэрис
нада ачин-ӈан.
Би мэнми сарӣтпи
айаннад'аӈав.
Си мэнни сарӣтпи
ӈэнэкэл, гунэм.

Тикэн гуниксэ этэрэн. Сэлэмэ гэӈин тар-дат амардукин дэӈиллэн. Амардукин дэгд'энэ, икэд'эрэн:

Дєӈ, дэлє, дэлє!
Дєӈ, дэлє, дэлє!
Сэкак-ахакан,
си, ахакан-бэйэ,
болгой токтокол!
Ед̄а миннкӯн-ӈэн
эхинни улгучэмэттэ?
Утачаксэ, эма буӈала
химат истави
хэлинчэд'энни?
Он-да хэлинчэлис
тар-да бихикин,
би мата-бэйэ бихим,
доӈор ӯд'авас тоӈсуйирӣ
уникин ӯд'авас гуннєрӣ.
Дуннэ тэкэндулэн
истакис, н'ан
эхӣ туркэврэ-ӈэн
бэйэ бихин-ӈэн.
Уӈу н'уӈурмэн
сэрукарды н'аӈн'а
уӈидэлин ӈэнэчэлис
н'ан эхӣ бурирэ
бэйэ бихим-ӈэн.

Тикэ гунӣксэ этэрэн. Ахакан Сэкак турэтчэрэн:

Чими тороканєн!
Чими тороканєн!
Д'упкулд'ин-мата,
экӯн нададӯн
кара каргис
одави н'экэд'энни?
Сомат сэвав садави
н'экэрӣ одакис,
багар, бодокол!
Сэвав садави н'экэмӣ,
амаргут эӈэт соӈоро!
Аксара эмӣ,
амаргут багар,
Сэкак-ахакан
ӈонум иргидӯви
учӣхиниксэ-ӈэн,
«Эрдын горо буӈала
иктэвӯвкэнэн, — гуннэ, —
эӈэт соӈоро бодокол!».
Би синэвэ-ӈэн
он-ка, гунпэ,
попопті бакалдырӣдӯвар
эчэв синэ ухат турэттэ
сэруйап си мэпни
д'алилд'апни-ӈэн!

Тар ахакан гупиксэкэн этэрэн. Тар этэчэлэн, д'э, нуӈартін гукчанд'ара. Сэкак-ахакан бимӣ тикэн гунд'эрэн:

Чими, чими тороканєн!
Чими, чими тороканєн!
Д'упкулкэн
Сэлэмэ гэӈин

Д'упкулд'ин-мата,
эр ӗма Кидап-дунинэ
кирйлăн айаннăд'ап?
Би-ахăкăн гупд'эм:
Эр йэ̆ри булд'ар
д'апкун лăм бакалдіп
д'апкуп калдіс

кадарă лондорин
ойолбн гукчанцат!
Цй-кэ попон исчап?
Си мбпин сăритин,
би эр-ті цэпэд'эрйв
д'улăйэкăклăн, бид'ицăн.

Тар гунйксэ этэрэн. «Д'э, тімăтинэ ділачă йўрйдўн исчанцăт. Ни н'бвўт иссап?». Тікэн гунйксэкэн, нуцартин цэпэрэ хуйэчйксэл д'ўрмэт. Мэн сăрйвар цэпэрэ. Тар хунăт цэпэвкэнд'эрэн. Цэпэвкэнчэ, цэпэвкэнэн, ур цэпэдукви хăврэп. Д'э, лăм лоцдордулăп истап. Ихиксăкăп, ахăкăп н'бхицци авран. Авуксăкăп, этэмурэкин, эмэрэп сэлэмэ геҷин. Эмэксэкэн, тікэп турэтчэрэп:

Дец, дэлє, дэлє!
Сэкак-ахăкăп,
си бкигда-ҷап

эмэмулд'эчэс?
Би «эчин иста, бид'ицэп!», —
гунчэчэв, гупд'ирэп.

Тăдў нуцап, мата бимй, гупд'ирэп:

Сэкак-ахăкăпд'а,
дблчăткал-ҷап
би гупиэрйвэв!
Си н'бҷут ихинни,
тарит си химăт
эмэчэ бихинни-вит.

Тар-дă бичэлйп,
ӗракин-дă-ҷап,
синэвэ, н'экэйэрйс
таҷудўп-ҷэп мбдулăрэ
эхй эмэнмурэ бэйэ бихим!

Тікэп гунйксэ этэрэп. Сэкак бимй тікэп турэтчэрэп:

Чими, чими, торокăпєп!
Чими, чими, торокăпєп!
Д'упкулдин-мата,

си бурє мини'уп
экэл дагадўв-кăт
н'экэйэрэ, — гупэм.

Турэчиксэ этэрэп. Д'э, нуцап, ахăкăп бими, д'улэви цэпэд'эхинэп:

Мата, горо мудап
поросай биҷин!

Ахăкăп ділачă йўптуткэкйп цэпэд'эрэп, мата тăдў эмэпмурэп. Д'улэви цэпэвкэнд'энэ, ахăкăп айаннăчăкăп айаннăд'араи. Таркăпэркэп цэпэвкэнд'эрэп. Д'уҷанйвăп силэксэ тіктід'ин сăттап, туҷэнйвэп — сацйкса тїктід'ин сăттап, болопива ўксэпд'ин сăттап. «Болорон-ивит», — гунчэттэп. Нэлкинйвэ абданна балдирид'ин сăттап. «Нэлкирэп-ивит», — гунчэттэп. Тарит айаннăд'араи д'улэви. Амйндукви, энйндукви эмэхинпэви эчэ сад'эра. Цэпэд'эксэкэп, цэпэд'эксэкэп, ділачă хэргидэткин дагамад'араи. Умўп сбма айа дуннэлэ истап. Сбма айа авлăп буҷава цэпэхинэп. Тăдук д'улэскй ахăкăп ичэрэп, «Багдарин йац», — гунэ. Тарицп дагамăпап д'у — ампар-д'ў ўдап. Тăдук нуцап айамат адулăракин, багдарин дицин кирилкăп мэцумэ ампар-д'ў бчă. Уҷў буҷадук илармăп мэцумэ томкот тутăкилкăп, хэргў буҷадук д'апкуп сэлэ

тірəвулкəн д'у ōдан. Тāлā истан. Ихиксāкāн, ахй тāлā тіктəн. Тікиксəкəн, уркəвəн адулāрəн. Ділачā йўптуткйн уркэчй. Тāлā ихиксāкāн, тікəн турəтчэрəн:

Чими, чими торокāпеп!
Діғин кирилкан
айгур ампар-д'у,
д'э, би горо буғадук
айаннāңнам.
Дōдўви итчилкāн бимй,
би турəними годонмōн
дōлдївкāкэл! — гупэм.

Би дулин буғадук
сōма горо буғадук
айаннāңнам,
сатар āнцэктў
д'ўлāви ивкəкэл!
Д'эвгəт-тə омйнам,
тэттіт-тə синэм!
Д'э, сатар хулйчэвкəкэл!

Тікəн гунйксə этэрэн. Тар ахāкāн дōлчāттакин, дōлā турəн бихин:

Деведāрекo! Деведāрекo!
Сумкэлд'ин, бōканми

уркэвэ нйкэл,
химāт тургэнд'и!

Уркэвэ нйрэ. Нйнэлйтін йрэн. Йксəкəн, илан д'ўптı д'ўва ңэнэксəкəн, діғйлāтін йрəн. Діғйтін д'ўдў тəғэтчэрэн катунин. Тарā «дорово» гунд'ирэн. Доровоксō, тəғэрэн. Тар тəғэчəлəн, д'ўчй ахй улгумйд'эрэн:

Герevлакāн!
Герevлакāн!
Ахāкāн, хунāт,
ēма буғадў
ōскevā, балдїчā
ахāкāн бихинни?

Ёмāл атіркāр,
этіркəр хунāттін
бихинни? гунд'эм.
Гэрбйс ңийэл?
Ёйа ичэнни, дōлдїнни?
Улгўрйэ улгучəкэл!

Этэрэн. Ахāкāн турəчиллэн:

Чими, чими торокāпеп!
Чими, чими торокāпеп!
Би ахāкāн улгучəпиктэ,
сураккав улгумйрэкис.
Йдук тэкэлкəпмэв
улгумйрэкис-цэн,
ңййэл хупāд'итін
улгумйрэкис-цэн,
улгучəпд'эктэ.
Билир дулин душэдў
дōлдїңкйс бид'иңэн

Пиңтэпй-сōниң гунэрй,
дōлдїңкйс, бид'иңэп?
Эрəкчəп-атіркāпма
дōлдїңкйс, бид'иңэп?
Байандў гэрбйвчə,
олус баран орочй
этіркəн бичə.
Тар хупāд'ин ōдам
Сēкак гэрбилкəн
ахāкāн би биңнэм.

Нупацтікйн гупиксə этэрэн. Д'ўчй ахй ахāкāндў туйўрэн. Этэксəкəр, нуцартін ēкāкāпмэ сэхэргэттэ, д'ўр ахй. Нуцартін тікəн н'экэд'эрэктін, сиксэрэн. Тāдў āпңэрэн. Йлаллава-ғў, діғиллэвэ-ғў тāдў ипитчэрэн. Нуцан умпəкəн тікə турəтчэрэн:

Чими, чими торокāпеп!
Чими, чими торокāпеп!
Ділачā хупāд'ин,
Тіргāкчāн-экй,

дōлдїкал-кат
би улгучəпэрйвəв.
Лйа гэрбйлəс
горо буғадук

серуйан эмэчэв.
«Ёкӳп нӑдадӳн?», —
гунэкис, «Минэвэ
ёкӳкӑндӳ-цан
таткад'иӈӑн,—гуннэ,—
араспай идэдӳви
таткад'иӈӑн», — гуннэ,
элэ эмэчэв.

«Дуннэ муданмӑн
сӑран, бид'иӈэн,
ичэвке», — гунмӑй,
элэ эмэчэв.
Д'э, он и'экод'иӈэс?
Минэвэ умӳндӳ
эксэктэмчэс, он бимчэ?

Тар этэчэлэн, Тыргакчӑн-ахӑкӑн турэтчэрэн:

Гєрєвлаканєн!
Гєрєвлакӑпєн!
Дулин буға
байандӳ гэрбӳвчэ
Ниӈтэнӳ-мата
ахакан-хунад'ин,
Эрэкчэн-атыркӑн
айадӳ сурагӳрчӑ
киливли-ахӑкӑн,

Сэкак гэрбӳлкэн,
Би буға муданмӑн сам,
дуннэ тэгэнмэн
бутунну сацнам
хуцтумэ айа
тэгэвэ ичэм.
Би дылачӑ хэргидэдӳн
балдӳнави устадӳн,
би эхӳв сара ачин.

Тарит этэрэн. Этэксэкэр, н'ан ёкӑкӑнмэ мэртин сэхэргэттэ. Тӑдук дылачӑ хунад'ин н'ан турэтчэрэн:

Гєрєвлакӑнєн!
Гєрєвлакӑнєн!
Сёкак-ахаканд'а,
дэлдӳкал айамат!
Д'ӳр баргу сёнд'иви
дуливкал-вит!
Айат иргэлэви
д'иктэвкэл-вит
би улгучэнэрӳвэв!
Ёма буға муданмӑн
ичэдэви эйэтчэнни?

Ёма дуннэ тэгэвэн
ичэдэви эйэтчэнни?
Би илан дуннэ
уранкайван бутунну
тунца чӑраткигачинми
сацнам-цан.
Йлӳ бихи-вит
Ан'ур-хоктово сам.
Бутунну сацнэм
Йлӳ цэнэври буґава
би сачим-цэн.

Тарит этэвкӳ. «Нэнэрӳ бихикис,— гунд'ирэн,— инэцмэн нэнэд'иӈэт!». Мэртин тикэн гумэчиксэл, ёкӑкӑнмэр камуйиксӑл, «нэнэґэт!», гуннэл, нэнэхинэ. Тулиски йӳрэ. Йуксэкэр, багдарин гахал ода, дэґиллэ. Дэґиликсэкэр, цэнэд'эрэ нуцартин. Д'э, нуцартин мэнэн цэнэрэ д'улэвэр. Эркэн-таркӑн айаннад'ара, уйискэкӳ тӳктид'эрэ. Тӳктиксэл, тӳктиксэл, нуцартин бичэл уӳ буґава иста. Уӳ буґава ихиксӑкар, цэнэд'эрэ, айаннад'ара. Айа дуннэчӳ дуннэ. Буґадукин хуцту буға: айа, гуд'эй буға. Тар нэнэксэкэр, умӳн д'ӳлӑ иста. Д'улӑ испатин айа д'у бичэ: дицин кирилкан ампар-д'ӳ. Тӑлӑ ихиксӑкар, тӑлӑ тиктэ. Тикиксэкэн, Тыргакчӑн-атыркӑн тикэн турэтчэрэн:

Гєрєвлакӑпєн!
Гєрєвлакӑнєн!
Уӳ буға хунад'ин,
Дэґйкчэн-эдэ,

буґалае эмэнэм,
ихим, гунэм.
Д'э, уркэви ниӄал!
Санам, эмэм, гунэм.

Тикӭн гунэкин, нйрэн. Нйчӭлӭн, йрэ. Д'ӯлӭн йксӭкӭр, тӭ̨ӭрэ. Д'ӯчӣ ахӭкӭн тикӭн турӭтчирэн:

Дӭ̨ги дэрэкӭн!
Дӭ̨ги дэрэкӭн!
Дылача хунӭд'ин, эдӭ,
ӭйа ичэнни?
Ӭйа дӧлдiнни?

Тавар гиркйс
ӭма буга-ӈан
хунӭд'ин ӧдан?
Ӈййэ гэрбйлкӭн
хунӭд'ин ӧдан?
Гэрбйн ӈи?

Сӭкак-ахӭкӭн тикӭ турӭчиллэн:

Чими, чими торокӭнєн!
Чими, чими торокӭнєн!
Угӯ буга хунӭд'ин,
Дӭ̨йкчӭн-ахӭкӭн,
би, улгумйрэкис,
улгучӭнд'эктэ.
Иргйт тэкӭнмэв
тэкӭлгирэкис,
йдук балдiнавав
улгумйрэкис,
ӭма атiркӭн
ӭма этiркӭн
Гэрбйлвэтiн
улгумйрэкис,
улгучӭнд'иӈӭв

Би мӭн гэрбйви
н'ӭн улгучӭнд'иӈӭв.
Амйнми — дулин буга
байандӯ гэрбйвчӭ.
Ниӵтэнй-этiркӭн
киливли-хунад'ин,
Сӭкак-ахӭкӭн
гэрбилкӭн бихим.
Энйнми гэрбйн
Эрӭкчӭн-атiркӭн.
Ичэнэв, дӧлдiнав
ӭкӯн-дӭ ӭчин.
Си ӭйа дӧлдiрй,
ичэрй бихинни?
Ичэнэви, дӧлдiнави,
сӭнэви улгучӭкэл!

Тарит этэрэн. Тари этэчӭлӭн, Дӭ̨икчӭн-ахӭкӭн турӭтчэрэн:

Дӭ̨ги, дӭ̨ги доракан!
Дулин буга хунӭд'ин,
д'э Сӭкак-эдӭ,
би-вэл дӧлдiнав,
ичэнэв ӭкӯп бид'эн?

Бэйэдӯ бэйэ
улгучӭннэтiн-ӈэн
сурак ӭчин.
Гэрбйв-дӭ
Угу буга хунӭд'ин
Дӭ̨йкчӭн-ахӭкӭн бихим.

Тарит этэрэн. Нуӵартiн-ахӭкӭр туйӯрэ д'алдӯвар. Тӭдӯ тӭрӭ ӭнӵэрэ. Тар ӭнӵэксӭкӭр, тiмӭтна тӭ̨ӭрэ. Тӭ̨ӭксӭкӭн, «Иртiкӣ ӈэнэд'эп?», — гумӭтнэл, улгучӭмӭтчэрэ. Дӭ̨икчӭн-ахӭкӭн д'алтiкйви гунд'эрэн:

Дӭ̨ги, дӭ̨ги доракан!
Эдӭйэл, эрӧ угӯ буга
сӧниӈилтiн эвйкйт
буга̨дӯвар умйптiтiн,
эмэрйтiн, эвйнйлтiн
инэӵи инэӵмӧн ӧдан.
Эвйкйттулӧвэр

арӭснэй матал
сӧниӈил эвйпӭмй,
ипэӵи арчалдiкйттiн
инэӈмэн ӧдан.
Д'э, тӭлӭ мит иланй
ӵэнэрэкит, ӧп бимчӭ?

Этэрэн. Сӭкак-ахӭкӭн турӭтчэрэн:

Чими, чими торокӭнєн!
Угӯ буга хунӭд'ин,
Дӭ̨йкчӭн-эдӭ,

Би-лэкэ бэйэвэ эчин ичэрэ бэйэ бихим.
Ичэдэви сөт эйэчим.
Эвйнмэ эчин сара,
эвйнэдӯ таттави
эйэчйцнэм-цэн.
Балдйксэ, эвйнмэ
эчйнми ичэрэ.
Ичэдэви эйэчилим,
арасиэй эвйндӯ
таттави эйэчим.

Тарит этэрэн. Иланй цэнэцэтил ӧда. Цэнэхиндэвэр тэткэлбэр ӧмакталба тэттэ. Нуцартин цэнэхинэ. Тадӯ эвикитнатин уӷӯ буӷа хунад'ин саран. Тартикакй айанад'ара. Сариви дуниэвэ цэнэд'эрэ. Дэӷйкчэн-ахакан тар сattан дуниэвэ. Д'э, айанйкэл, нуцартин иста. Испатин эвйкйт буӷатин сома айа буӷан. Бэйэл умивчал, уӷӯ буӷа сӧницйлтин умйнчэл. Эвйд'эрэ, икэнд'эрэ. Дэӷикчэн-ахакан, уӷидэдӯтин хариктад'ана, турэтчэрэн:

Дэӷи, дэӷи доракан!
Уӷӯ буӷа сӧницйлтин
матал, дорово ӧрин!
Бӯ эвйрй буӷалахун
иснарав; илан буӷа
хунад'ин бихив.
Уӷӯ буӷа хунад'ин
Дэӷикчэн-ахакан
би бихим, гунэм.
Дилача хэргидэдӯн
бэкэрй Тиргакчан-
ахакан — умӯнмун.
Умӯнмун — дулин
буӷа бэкэча
Йицтэнй-этиркэн
киливли Сэкак
гэрбйлкэн ахакан ӧдан.
Мунэвэ эвйндӯвэр
эвйлдйвкэнд'ицахун?

Тикэ гуниксэкэн этэрэн. Тадӯ умӯн бэйэ турэтчэрэн:

Дэц долэ, долэ!
Дэц долэ, долэ!
Эр-дэ, эдэл, гунэм,
уӷӯ буӷа-вит
сӧницилтин, эдэл,
д'э, илан буӷа
Кэдак килйвлилтин
эмэчэл эвйндӯвун.
Эвйлдйвкэнцэт
эмэчэлвэ, бад'ан?
Минэвэ улгумйрэкис,
би и'ан дулин буӷа
Уха-этиркэн
Утэлд'ин хутэн —
Сэлэмэ гӧрин
Д'ункулд'ин-Д'ункулкэн
мата бинцэм-цэн.
Сэкак-ахакан,
д'э, дорово ӧрин!
горово, гунэм-цэн,
бакалдичадукар
ӧн и'экэйчинин?
Ейа ичэнин? — гунэм.

Тарит этэрэн. Сэкак-ахакан, д'э, турэттчэрэн:

Чими, чими торокаиэн!
Д'э, дулин буӷа
Уха-этиркэн хутэн,
Утэлд'ин-хутэн,
сэлэмэ гӧрин
Д'ункулкӯн-Д'ункул-д'ин
эргу, уӷӯ буӷала
ӧкин эмэчлэ?
Би ёва-да эчэв
ичэрэ-дэ, долдира-да.

Тарит этэрэн. Тар нуцартин икэниктутин икэнд'эрэ. Илалламактӯ икэнэ. Икэниксэл, икэниксэл нуцартин буӷа буӷалавэр цэнэхинирйтин ӧда. Д'э, Сэкак-ахакан энинми, аминми д'онан. Д'ӧникса, амйнтикиви энинтикиви мучуцат ӧдан. Д'э, буӷалави цэнэхинйксэ, ахакан турэтчэрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Дıлачā хунāд'ин
Тıргакчāн-экӯй,
буҕалкāн буҕалāви
мучӯрӣдӯ элэкин ӧдāн.
Энӣнми, амӣнми д'ӧнам.

Энӣнми, амӣнми-вит
ӧн бид'эрэ тıкин?
Г'оро ӧдан амӣндукки,
энӣндукки эмэнэв.
Г'оро мудан поросги!

Тāрит этэрэн. Д'э, цэнэхинэн, дэҕилд'эхинэн. Буҕалā цэнэрэн, айаннāд'ахинан. Айаннāчāкāн айаннāд'аран буҕалāви. Сӧва горово буҕава цэнэчэ. Айаннāксāкāн, д'ӯлāви истан. Сагданчā энӣнин, амӣнин. Утэвэр эмэнэдӯн урӯнчэксэкэр, н'укāнимāтта хутэвэр. «Утэ, он н'экэйэксэ, цэнэнни? Ёма буҕалва н'экэйэнни?», — улгумӣд'эрэ. Хунāд'итıн турэтчэрэн, икэд'эрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Эн'ӯй, амāй,
би д'ӯр буҕава
н'экэйэм-цэн,
д'ӯр буҕа-вит
сӧниӈӣлбатıн
упкатпа ичэм,
бакалдıм-цан.
Дıлачā хунāд'ин
Тıргакчāн-ахāкāн
сӧниӈ-ахāкāнн'ун
умӯндӯ уҕӯ буҕалā
н'экэйэчэв, гунэм.
Цэнэд'энэл-вит
уҕӯ буҕа хунāд'ин
Дэгикчэн-ахāкāн

гунэрӣтıн д'ӯлāн
ишшāвун, гунэм.
Тар ихиксāкāр,
иланӣ уҕӯ буҕа
дуннэлдулэтıн
ишшāвун, гунэм.
Сӧниӈӣлтıн эвӣкӣт
дуннэлдулэтıн
ишшāвун, гунэм.
Тāдӯ эвинмэ
эвӣксэкэр, хуйэтчэвун.
Улкат д'ālбун
буҕалāвэр мучӯчāтıн.
Би-дэ н'āн буҕалāви
мучӯчāв, гунэм.

Тāрит этэрэн, тıкэн гуниксэ. Тāдук тāдӯ бид'эрэ нуцартıн. Орортıн сӧҕур баран ӧчāл.

4. Илан ахāкāр

Билир, билир дулин дуннэ ойодӯн, н'аӈн'а бимӣ чуӈурӯн чуӈурэҕэчин балдıд'аӈахин, ӧскєчэл бичэл умӯн утук-утукэндӯ ахāл бимӣ илан бичэл. Илан ахӣ, иланӣ. Авгӯватın умӯтэл калачӣхал бичэл: мэмэдӯвэр аставкил, улэвкил бичэл. Д'эвгэйэвэр мэнимэнцивэр д'эвувкӣл бичэл. Иланӣ мӧйавар мӧлāвкӣл бичэл. Нуцардӯтın умӯн оронтın, умӯн нинатın āчин бичэн. Илан бимӣ эвкӣл сэхэргэстэ бичэл, ёкӯнма-дā эвкӣл улгучэмэттэ бичэл. Мэртın тāдӯ балдıд'ара. Тар балдıд'анал, нуцартīн бимӣ бид'эчэл. Умӯн Сэкак-ахӣ гунмурӣ, умӯн ахӣ дулгӯтın Мэӈукчэн, умӯнтın Дэҕикчэп-ахāкāн бичэн.

Тар эхилэ Сэкак-ахӣ турэтчэрэн д'алтıкӣви, д'ӯр нэкӯнтıкиви:

Девєдāрєко!
Девєдāрєко!
Мэцукчэп-дэ,
нэкӯйэй-дэцэн,
дӧлдıкал-дацан

би турэнмэв!
Цэрихӣ дıлачā
хэргидэдӯн-дэ
ӧскєксāкāр,
мит уп'амалāнтı

эчйлтı сэхэргэттэ.
Би инэцмэн
инэцйдӯ-дā
би сэхэргэктэ!
Ёма буҕадӯ
бскɛксāкāр,
аҥад'акāр-дā,
энйн, амйн āчин
бн балдīчāт?
Гунчэрэс су?

Мит уранкай
аҕī бэйэцин,
бн эмӯкир иланйкāн
бскɛчӧт, бид'ицэн?
Ёракин-дā
митнэ урэчэл
уранкай бихī, бид'ицэн?
Сӯ сāрэс-дэн,
бид'ицэн, багар?

Тар тıкэн гунпксэкэн, этэттэн турэчиттэ. Тāдук Мэцукчэнахī турэтчэрэн:

Кɛмо-о-о-нин!
Кɛмо-о-о-нин!
Д'э, гунэ-эм!
Экпид'э-цэн,
гунд'эм-цэй,
сī дилачāва
н'ӧрут ичэчэ!
Сī-ҷӯ, сāмī,
сāмчāс-дā.
Би бн сад'ицāв?

Тıкэ гуниксэ тар этэттэн турэчиксэ. Тар тıкэн гунэкин, Сēкакахī н'ан турэтчэрэн:

Дɛвɛдāрɛку!
Дɛвɛдāрɛку!
Д'э, гунэм-цу
Мэцукчэн, н'экэ,
Д'э, гунэм-нэн,
дулин Сивир-дуннэвэ,
Кейан-дуннэвэ
н'экэйэрйл
бичэл бимī,
мит ахāкāр
буҕа тэкэнмэн
гиркумчāлтı!
Эр буҕадуккар
мит цэпэмчэлтı!
Йлэ иссацāт?

Тıкэн гуннэ этэттэн турэчиксэ. Мэцукчэн-ахāкāн н'ан турэтчэрэн:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Д'э, гунд'эм би,
Би-лэкэ, гунэм,
бугадукки,
н'ама д'ӯдукки
эхī горолло бихим.
Сī д'аличī бими,
Кейан-дуннэвэ,
Сивир-дуннэвэ
н'экэйэцэт бими,
багар цэпэрэкис,
этэм тāнчэрэ,
гунд'эм-цэн.

Тар этэрэн. Сēкак-ахāкāн гуттэн:

Дɛвɛдāрɛку!
Дɛвɛдāрɛку!
Би ахāкāн
турэнмэв
дэлчāткэллу!
Д'э, дулин
дуннэвэ
ахун-ка горо
дуннэвэ дɛлэй,
ахун-ка эмэ
дуннэвэ-цэн
би ахакан
тıмāнна-цан
инэцидӯ
айанид'ацāв!

Тыкэн гунйксэ этэрэн. Д'э, тар Мэцукчэн-ахакан:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Сёкак-экэй!
Си ахумй,
горо дуннэвэ
цэнэдэви
цэпэксэпни?

Тыкэ гуннэ, этэрэн турэчиксэ. Умунтын эхин турэттэ, д'улэскэкй тэгэчиттэн, так долчачиттан. Д'э, нуцартын сиксэрвэ д'эбгэвэр д'эптэ. Д'эбуксэкэр, ахина. Тымятна эрдэ тэгэрэ. Д'эбгэвэр д'эптэ, н'ан мэрдувэр улэттэ. Тар ахй бимй д'эптэви этэрэн, тигэви камуйран. Урбакэви угйскй ойоцбнтуран, н'уриктэлви айат уттан, билатни билаттаран, суксалби сугран. Д'э, нэнэхиндэви йухинэн. Д'э, йуксэкэн, уркэви дэптикй иллан. Илйксакан турэтчэрэн:

Деведарэко!
Деведарэко!
н'экэйэл-цэн,
д'э, горо мудан
поросай, гунэм,
айат бикэллу!
Йникин бимй,
ёма-вал дуннэ
Кёдан киридун
бакалдид'ацат
багар-цан!
Дулин дуннэвэ,
манни мёванд'иви,
манни акйнд'иви
д'алдачиксакан,
д'э, гиркухинам!
Минцэчин
ахакан-цан
йду эцнэрэн
такэчанд'и
таңара?
Йду тиладалави
цэнэд'ицэв?
Синэви бихид'ин
цэнэд'иңэв.
Поросай бирин!
Мудан горо
поросайвэ гукэллу!
Айат бид'экэллу!

Тар гунйксэ, тар этэрэн турэчйксэ. Цэнэд'эхинэн. Тар эмэнмурэ. Сёкак-ахакан айаннад'аран. Д'улэви айаннад'ана, инэц дулиндулйн айаннад'аран. Айаннаксэ, нуцан — «Д'э, умё!», — гуннэ, эхин таңара. «Умё», — гуннэ, мувэ эхин умна, айаннаттэн. Д'э, тар цэпэксэ, умун бугала эмэрэн. Екундук-та айа куктикэ-дуннэ: чукалкан, эхй авгун авданначй бугала истан. Ахй тар, ихйксакан, адуларан, мунйран. Мунйнэн — умун бугаду амут бихин. Ёдук-та айа ирас мулкэн-мучй, тугэнйду-дэ эхй доцоторо амуткан бичэ. Таду ичэнэн — арасная айа н'икй, н'уцн'акй докйчитин буга бичэ. Тар ахй д'иктиргеттан. Д'э, амут хулидун ицанд'а бичэ. Таду тэгэрэн. Тэгэксэ, нуцан турэтчэрэн:

Деведарэко!
Деведарэко!
Гунэм-цэн
Дулин Сивир
дуннэду
хуцтутикйн
дуннэл биттэ.
Эргэчин-цэн
эхй авгуна
авданналкан,
илан халагйлкан
солко лэкэннэ
балдиттан-ивит!
Эргэчйн айа
йуктэ мулкэн-дэ
тугэнйду-дэ

эхӣ доҷоторо
мӯлкӣн ӑмут!
Эрдӣн баран
дэҕӣ дэҕичӣн
оҷкойкӣчӣлтин.

Омэчӣ дэҕӣ
экӣчӣн илтэнэ,
эхин илтэнэ
дуннэ биттэн.

Тар ахӣ «би ахӑкӑн, ӣдӯ олоксо, ӧридӯ д'алив олус», — эйӣттэн. Тикӣн гунйксэкӣн тар этэрэн. Ахи д'ӯдукки эмэхинми, котонд'ово эмӯвчӣ бичӣ. Тар ахӣ авсави н'ӑн эмӯвчэ бичӣ, уп'аптӯнми ахӣ гадан. Гаксӑ, аннӯ цӑладӯви котови д'аваран. Тикӣ турӣтчэрэн:

Дɛвɛдӑрɛко!
Дɛвɛдӑрɛко!
Гуд'эй айа дуннэ,
би ахӑкӑн
ӣдӯ олокучӑ,
буҕалӑчӑ бимӣ,
ахун дэҕивӣн
сӑмчӑв-дӑ?!
Эрбӣн баран
дэҕи дэҕичӣн
н'экэйӣрӣн буҕадӯ
Ӣракин-кӑт,
ӧн-дӑ бихикин,

дэҕивэ д'эннэд'э
эмэрӣп буҕа бичӣ.
Битэр ӧкӯн-мал
ӧхикталкӑн
бэйцӣ, багар,
миндӯ вӑвд'аҷӑн?
Эр буҕадӯ
умукӣчӣ дэҕӣ
умуктан-дӑ
умуракин-дӑ,
д'эннэд'э, багар,
эмэрӣн буҕа, бид'иҷӣн!

Гуннэ, тар тикӣн гунйксэкӣн этэрэн. Тар ахӣ н'ӑн турӣтчэрэн:

Дɛвɛдӑрɛку!
Дɛвɛдӑрɛку!
Би д'оличӣ-да
бихикив,
би ахӑкӑн
эр умӯн тоҕорӣчӣ
котовов уҕйскӣ
н'аҷн'алӑ гарадам!
Миндӯ, гӯпэн,
дiҕин алгачӣ
сэлэмэ дэлкӣн

ӧкал! Ӧкал!
Тӑдук эр
би ун'акӑптунми
гарадам-цан,
турӣпми итчин
итчирбӯксэ,
би ун'акӑптунми
чӧрама д'укчанд'а
ӧкал! Ӧкал!
Мӣндукки д'эвгэчи,
Мӣндукки тэтчи!

Тикӣн гунйксэ, тар ахӑкӑн уҕиски гарадӑран ун'ӑптунми, котови. Гарадӑксӑ, ахӣ уҕиски ичэхинэн. Ичэхиникс, уҕиски ичэхйнэрӣ — сигдилӑдӯн айа куцтикэ дуннэлэ, дiҕин халгачӣ сэлэмэ дэлкӣн ӧкса, тиктэн. Д'ӯн н'ӑн ӧн гуннэгэчин тиктэн. Тӑдук д'ӯлӑви инэн. Айа тэти бутуннӯ бэлɛн, д'ун дӧдӯн, араснай д'эвгӗтин ӧдан. Тар ахӣ тӑдӯ бид'эрэн. Тӑдӯ ӑнцэрэн. Ӑнҷэксӑ, тимӑнна тэҕэксэ, тулйскӣ йӯвӗттэн. Йӯвӗчиксэ, ӑмуд'инци ичэттэн — никӣ сӧма баран. Ахӣ д'ӯлӑви йрэн. Уркэви сӧмуксӑ, тэҕэрэн. Тар ахӣ айамат тимар д'эвгэви ириксӑ этэрэн. Этэксэ, д'эбулдэви н'экэд'эрэкин, арай ӧкӯн-кӑ тулгидӧдӯн ирин инцурэн. Инцурэкин, ахӣ уркэви сацардулин ичэттэн. Долчӑттакин, арай уркэдӯн ӧкӯн-кӑ бэйэ инми тикивриҷэчин инцӯрэн. Тар н'экэксэ, турӣтчэрэн тулйлӣ:

Кударийа, кударийа!
Кударийа, кударийа!
Минци амуд'ицлав
бкӯи итчии эмэчӟ?
Ноноитл анцанӣлдӯ
цӣйэ-дӟ бимӣ,
уркэии нӣкэл!

Д'эннэд'э бимӣ,
химат д'эбд'ицэс.
Ванад'а бимӣ,
химат вад'ицас.
Айнад'а бимӣ,
химат айд'ицас.

Тикэи гуннэ, тар этэрэн турэчиксэ. Тар ахӣ уркэйи нӣрэн. Нӣнэдӯи арай мата ӣрэн. Тар ӣнэдӯи ахӣ малудӯви тэҕэвкэнэн. Тэҕэчэлэн, ахӣ турэтчэрэн:

Дɛвɛдарɛку!
Дɛвɛдарɛку!
Мата, гунэм,
дорово, гунэм.
Ейа долдинии?
Екӯна ичэнии?
Иргит тэҕэлкэи?
Иргит нинтэлкэи?

Иргит сэксэчӣ
бихинии си-ҕӯ?
Дɛвɛдарɛку!
Дɛвɛдарɛку!
Илэ айаннад'аннии?
Мата-бэйэ,
энӣнии, амӣнии
цӣйэ гэрбӣчӣл?

Тикэн этэрэн. Мата турэтчэрэн:

Кудɛрӣэй, кудɛргийэ!
Кудɛрӣэй, кудɛргийэ!
Си, ахакан, эдэ,
улгумӣпэдӯс
д'э, улгучэниктэ.
Би эмӯкии бскерӣ
Умӯсии гэрбичӣ

мата бихим.
Си, ахакан, эдэ,
иргит тэҕэлкэн?
Цӣйэ гэрбис?
Улгучэкэл-кэн!
Эр бугала эмэпэс
ахун горо анцанӣ одан?

Гуннэ, улгумӣтс'эн. Ахакан гунэн:

Дɛвɛдарɛку!
Дɛвɛдарɛку!
Гунэм-цэн.
Мата-бэйэ,
улгучэниктэ.
Би — дэҕицы,
би эннимии ачии,
амӣнма эхим сарэ.
Гэрбӣв Сбкак
акакан бихим.

Би балдӣд'ак буҕав
дулии буга
Сивир-буга.
Д'ӯр ахӣ-цан
нэкӯчӣ бихим.
Тарицӣлби
утэн д'ӯвар
этэвнэл-дэ
мэнэчэтии.

Тикэи гуниксэ, ахакан этэрэн улгучэниксэ. Мата турэтчэрэн:

Кудɛрӣэй, кудɛргийэ!
Кудɛрӣэй, кудɛргийэ!
Би-бэйэ, гунэм-дэ.
Сунтар сураккас
Долдичав-да.
Билир гуницкӣтии
дэҕил сэхɛргɛрӣвэтии.
Илан Сивир ахакании,
иланӣ умӯндӯ-цэн

Бскед'эрэ, гуннэл,
сэхɛргɛцкӣтии
Тара би илан Сивир
матава гэлбктэлнэв,
илан анцанӣ-копукин
д'алуптан-цан.
Дэҕи бараиман
ахактана, эмэд'энэ,
д'э, бакам би.

Тар тикэ гуннэ этэрэн. Туйӯрэн, ӗран матадӯви. Этэрэн туйӯксэ, тадӯ нуцан ӑнцэрэн. Д'э, д'ӯр бинэл сэхэргэттэ, улгучэ-мэчиттэ. Тар мата, ӑнцэксэ, тимӑнна эрдэ тэгэрэн. Тэгэксэ, нуцан д'эвгэйэвэр д'эптэн. Мата, тар ахӑва дӧптики тэгэксэ, турэтчэрэн:

Кудерйэй, кудергийэ!
Кудерйэй, кудергийэ!
Ахӑкӑн дӧлдӣкал
би сэхэнмэв, улгучӧпэвэв!
Уйдекал-дӑ!
Д'э, би бэйэ,
уркэн-куцакӑн
нӑд'эривӑн, нӑдавӑн

Эийини, амӑини бихикин,
амӑидукис улгумимчэв.
Мэндукки гиркичи бими
и'ан турэнд'и
улгумивконимчэв.
Си, ахӑкан мэнин
сагди илча, ахи бихинин.
Тӑра мэнин-дэ

си мэнин сӑнни.
Ацад'акӑн-бэйэ
умӯкин ӧскечэ бэйэ,
би канийа ӑчин,
д'ӯйа ӑчин бэйэ.
Д'уйави гэлэктэмӣ,
и'экэйэри бэйэ бихим.

д'алдуви д'алдачакал!
Эхӣ сугдерӣ бимӣ,
багар «этӧм» гукал!
Маца турэн эчэ бихӣ.
Экэл халд'атта!
Кудерйэй, кудергийэ!

Тикэ гуннэ этэрэн, турэнми бӯрэн:

Деведареку!
Деведареку!
Мата-бэйэ,
си-дэ гунэрпс
турэн буҕаскӣ

эчэв-дэ бихӣ.
Би ацад'акӑн
ахӣ бихим.
Ёван этӧм сугдера?

Тикэ гуннэ этэрэн, турэнми бӯрэн:

Деведареку!
Деведареку!
Д'э мата-бэйэ,
си минэвэ
тэд'э мӧванд'ивн,
хӑкинд'иви
д'алдарӣ д'алдаксӣ,

тэд'э умунду
умӯнэйэт д'ӯри
умӯнупцэтгл бими,
куруми'анар
ӧкукана бакаракит,
айа бимчэ!

Тикэ гуниксэ этэрэн. Мата турэтчэрэн:

Кудерйэй, кудергийэ!
Сивайбава бакаврӣ
маца эчэ бихӣ

Ор-ти инэцмэн
сивайбавар ошпан!

Тикэн гуннэ этэрэн. Тарит мата тулиски йӯксэ, алацави, и'урви инихйийксэ, тар цэпэрэн. Цэпэксэ, сивайбайэви бэйӯрэн. Бэйӯксэкэн, тар-ти-дат, инэц дулипии эд'элии ора, эмӯврэн умӯн анам бэйунмэ. Тарицитнар нуцартин сивайбара. Тадӯ бу-

ɣайавар бакара. Нуңартін д'ӯчӣл, ӗйачӣл ӧра. Ахӣ этіркэ̄нңин сӧма бэйңэ̄вэ̄ ва̄вкӣ, дэɣивэ̄ ва̄вкӣ бэйэ̄ бичэ̄н. Бэйңэңин, ва̄ракин, ва̄ракин, манавран даɣа̄дӯн, дэɣиңин н'а̄н манавран. Са̄кса̄л, эллэ н'экэйэ̄рэ, цэ̄лэлчэ̄л. Та̄дӯ бид'эрэ. Адӣ анңанӣва бинэвэр эчэ̄ са̄рэ.

Тар н'экэд'энэ умӯн утэтін балдіран. Хуркэкэ̄н-куңака̄н балдічэ̄. Уркэ̄н-хутэтін сӧма айа куңака̄н, олус айа, ирас бичэ. Утэтін эмкэдӯви тэɣэчӣвки ӧдан. Куңака̄н миркӣктэвкӣ, гуркӯктавкӣ ӧдан.

Тар бид'эрэктін, тімаңна эрдэ арай ӗкӯн-ка иɣин эмэрэн. Тар эмэнэдӯн этіркэ̄нңин бимӣ, уркэвэ нӣксэ̄, ичэрэн. Арай ділачэ̄ тікӣптіɣӣд'ин эхэ̄ эмэрэн. Д'ӯткэ̄кӣптін эмэд'эрэн, бэйӯкӣт ӯд'алӣн. Бэйэ алацави гадан, н'урви гадан. Гаксэ̄, йӯрэн. Нуңанмэ̄н гарпад'аран. Гарпанан н'урин, ичэчиткэ̄р бихикин, олукин гарпаран. Гарпанан н'урин чэ̄клэ̄н йӯрэн. Тариңин тіктэн. Эхэ̄нңи бэйэ, туксана цэнэксэ̄, ирихинан д'ӯлэ̄йи. Ирихинӣксэ̄, уркэдӯви нэдэн. Тариңни нанпавэ̄н хигрэн. Сӧма бургу эхэ бичэ̄н. Тариңни д'эптэн. Тариңни д'эбуксэ̄, илаллава ӑнңэрэн. Илаллава ӑнңэчӣксэ̄, тімаңна эрдэ ӗкӯн-ка турэ̄нин бихигэчин дӧлдіттакин, арай турэ̄н бихин тулӣлэ̄:

Цɛцдɛ, дɛцдɛ! качикэ̄нмэв
Цɛцдɛ, дɛцдɛ! ӗкӯн ва̄ран?
Д'э, гунэм-цэн Ноноптідӯ
си-и-гилэ анңанӣлдӯ
умӯнд'и-ɣӯ сураккас-кат,
балдірӣ-д'ен, эцкӣв дӧлдіра.
Умусни-д'ан Мулэ̄! Мулэ̄
мата-бэйэ, качикэ̄нмэв!
эдэ̄, дороно Ӗкӯн уха
н'ӧрэд'эɣин! буруйдулӣв
Минцивэ-д'ен ва̄нни? гунэм.

Гуннэ тар тікэ̄ этэрэн. Умусни турэтчэрэн:

Кудɛрйэй, кудɛрйэй! би-ɣэн эчэ̄в ва̄ра!
Д'э, гунэм-цэн Качикэ̄нми бимӣ
Д'э, бэйэ-мата, ӗдэ̄ тінчэ̄с?
айдан авахӣ, Ӗкӯлма-дан
эдэ̄, си-ɣэн, гӯнэм, д'оромовкӧпдэ̄ви
качикэ̄нмас тінчэ̄с, гунэм.

Тікэ̄ гуннэ этэрэн. Д'э, авахӣ бимӣ турэ̄тчэрэн:

Дицдɛ, дицдɛ! амцав дӧлӣн
Би-кэ, гунэм, гарадэ̄кэл!
качикэ̄ндулӣв Элэ̄в д'эптэ
ӗкӯна-цан илӣтін бэ̄ра ӧдан!
тамад'ицэс? Дицдɛ, дицдɛ!
Тавар хуркэ̄н Дицдɛ, дицдɛ!
хутэйэви Ахӣви-да

миндӯ буд'ицбс!
Бурэкис-тӑ,
эксэчим би.
Ёракин-дӑ.

Сӗкак-ахйвас.
эхикис-кэт
бурэ, титэчим!

Тарит этэрэн. Тар этэксӗкэр, бэйэ йӯрэн тулиски. Йукесӗкӑц, мата авахйва кукускӑттэн. Авахй хӗнниттан. Ёниксӑ, нуцартин кухилйттэ. Авахи сӗма сӗниц, эцэхи бичӗ. Нуцанмйн Умусний-мата илан инэцидӯ кейдӑви и'экэрэн. Эцэт тирэрэ ӧдан. Тар кухйд'эрэктин, хутэн соцод'орон эмкэдӯви эмкулэчэд'энэ. Хутэн тар соцод'оно турӗтчэрэн:

Гӗц гӗронин!
Гӗц гӗронин!
Гӗц гӗронин!
Гӗц гӗронин!
Сӗкак-эи'эй,
д'э-гӗцэй,
си-лэ тавӑр
тавӑр-гу-цан
ичэкэл-цэн!

Сӗкак-эи'эй,
д'э, гунэм,
си ӗва сана,
тэрэтчэнин?
Умусний-цэн
амйви-да
д'эбдӗви-дӗ,
вадӑви-да
и'экэрэн авахй.

Тикӗ гунйксӗ этэрэн. Этэчӗп. Горокбимо бичӗлӗн авахи турӗнин ӧдан:

Дицде, дицде!
Умуснйкӗн
этиркбцэс
вӑм-дӑ би!
Д'э, эхйлэ,
химӑмййат
ёкӑкӑрби
камӯйд'акал!
Мит цэнэрӗт!
Химӑмййат
камӯйд'акал

уркӗн-хутэви!
Уха бэйэ-цэн
хутэвӗн-цэн
ёкӯпави
эксэд'энии?
Ката би
эхйткӗн-дӗ
хакичарбан,
мӗвачарбан
такалад'ицав!

Тикӗ гуниксӗ этэрэн. Ахи бимй соцорон. Соцод'оно, турэлкӗн ӧксӑ, турӗтчэрэн:

ДеведӑрекО!
ДеведӑрекО!
Биргэл ӧда!
Д'э, би авахй
амцадӯп-дӑ
ацапиниксӑ,
балдичӑ-дӑ,

бӧллагам!
Би-нэл, инэкии
сулабӯксе,
ӗва ц'экэд'эм?
Д'эбцэт бимй
д'энкэл минэ!

Гуниэ этэрэн турӗчиксӗ. Тар ахи тулиски йӯрэн. Тулиски йӯксӗ, нуцан авахий'уи кухиллэн. Кухид'эрэн ахи д'ур инэцилкӗн долбойймактӯи, эчӗ-лэкэ дабдара, кетарра. Илалладӯ кухйд'эрэн. Илалладӯ кухйксӗ, авахи турӗтчэрэн:

Дицде, дицде!
Д'э, гупэм-цэп,
би дулии душэдӯ

хуцтутикир
сопицили'уи
кухйми-дэ,

илалладӯ
эвкӣ улӭвкӭнэ
бичӭв-дӭ!
Ёдӯ сатаран

ахӣ ӧча?
Балдӣчӑн-цан
эргэчин-цэн
олус ахӣ!

Тикэн гунӣксэ, авахӣ этэрэн турэчиксэ. Д'э, тар ахӣ турэтчэрэн:

Цеведӑрэко!
Цеведӑрэко!
Авахинд'а,
си амцас дӧлӣи

амцадӯс
эхӣ батта
ахӣ бихим!

Тикэн гуннэ, ахӣ турэтчэрэн-ивит. Н'ӑн илаллава кухӣрэ. Н'ӑн эчэ дабдара. Ахӣ авахӣва кейцӑткачин ӧран. Авахӣ н'ӑн турэтчэрэн:

Дицде, дицде!
Д'э, гунэм,
Сӭкак-ахӣ,
нонопті-дӑ
анцапӣдӯ
ухат ӑчин бичэн.
Этэгэт-тэ!
Эцэт кухӣрэ! —

гунэм би.
Ӧкин-дӑ-ден
кейрӣлӑви
бихинни-д'ен!
Би синэвэ
алтачим
айа турэнд'иви!

Гуннэ этэрэн турэчиксэ. Ахӑкӑн н'ӑн турэтчэрэн:

Цеведӑрэку!
Цеведӑрэку!
Би, ахӣ, гунэм
этіркэццэв
вӑнэвӑс-та
ӭкӯнд'и-цэн
кӧталӑксӑ,
бокондӧви бад'эн?

Аран кӭйӣксӑ,
би эхим этэрэ.
Арай этіркэццэв
нонон бинэгэчйнин
арйвуксӑн ӧрӣ
нонопті гачйн
бид'эктулэн
ӧвкӑнэкис,
эмчэв вара.

Тикэн гунӣксэ, этэрэн турэчиксэ. Д'э, авахӣ гунд'эрэн:

Дицде, дицде!
Д'э, гунэм би,
этіркэццэс

арӣвд'ицар!
Экэл вара-дӑ!

Авахӣ нуцапдӯн таргачин эцэхӣ бэцэ бичэ. Тарӣццци арӣвучйллан. Авахӣ Умуснйвэ бэцэдэрэн, арйвран. Умусни-бэйэ бэйэтпи бдан. Ӧчӑлӑн, ахӣ, авахйва олуктукин д'авакса, ӧцкӑптикӣ тірэрэн. Тірэксэ, нуцанмӑн котонд'отпи ӯрйэвэн хуптірэн, вараи. Тар вӑксӑ, д'ӯлӑви цэнэрэн. Ахӣ Умуснйи'ун уркэн-хутэи'унмэр бид'эллэ.

5. Мэкигдии

Билир, билир, дунпэ дулкӑкйндӯн мӧ бимӣ, чукацачин элэкэс йӯд'эцэхин, ӧскечӑ, урэ бимӣ элэкэс кирагинцачин томторгод'оцохин, уранкай ӑчин бицэхин, тар тэлйкэкӯн бэйцэ д'огор

биңэхин, хэгдиңэ ирэктэ ачин биңэхин, эр бэйэ бимн бскед'ачан. Эр бэйэ д'ўйавй бвкй бичэ, кира н'ахамнава утэнэвн. Нуңан тар бид'энэ д'эвгэйэвн скакапма д'эбувкн бэйэ бичэ. Мбңин, тар бид'эрэкин, хэгдиңэл бчал, ихэвчэл. Д'э, тар бэйэ дэрщин уўйдэлйн баран дэгйктэвкйл бичэл. Д'э, тар бэйэ эйэчиттэн, д'эбгэйэвн ватіксэ. Д'э, тар бэйэ дўмайд'ачй умнэкэн. «Би нуңардуктин ёма албахитни ватід'эңан?», — гуниттэн. Д'э, тар бэйэ мб илакавай гастан. Тар гаксакай, томкорнон. Томкоксб, нуңан хуркайавн бран. Бксакай, нуңан умўн ямуттулэ цэнэрэн. Тадў нуңан хуркалби дэрйдў оцкокиттўтни тулэрэн. Тар тулэксэкэн, нуңан д'улавн эмэрэн. Тарщщи эмэксэкэн, д'ўдўвн аңцэрэн. Аңцэксэ, тиматна эрдэ тэрэрэн. Тэрэксэ эрдэкэн хуркалби ичэнэрэн. Тар ичэнэксб, никил хуркалдукнн таравра. Тарщилби инихинйксэ д'ўлавн мучўвран. Д'ўдўвн иццакталбатни истэн. Ихйксэ, уллэтірэн, д'эптэн. Д'эптэкнн, ёдук-тэ айа д'эвгэ. Д'э, тар бэйэ тарит д'эбувкй бран. Тар бэйэ н'ан д'алдад'аран: «Би эр тбкйва вакэ, д'эбумчэв, тар айал бэйңбл бичэл!». Д'э, эр бэйэ думайдаксакан, бэркэнмн бран. Туңа бэркэнмэ бксакай, умўн биракандулй цэнэрэн. Тадў хокторбнин, сбма айа хокторбнин бихин. Тадў бэркэнмн тулэрэн. Тулэксэ, бэйэ эмэрэн. Эмэксэ, д'ўдўвн аңцаран. Аңцаксэ, тимапна тэрэрэн. Тэрэксэ, бэркэнмн ичэнэрэн. Ичэнэн — умўн бэркэндўн бэйун гарнавчэ, тадў тікчэ. Тарэ варэн. Тарщщи бутушну, эпэ хирэ, нихинэн. Иннэ, д'ўлавн эмэрэн. Эмэксэ, тарщщи хирэн. Д'э, бэйэ д'эптэн. Д'э, эрдэйэ бэйңэрй идэдэвн бакаран. Бэйэ тадук сэмэксэ, баран толкўйчэ. Д'э, нуңан алаңайавн бран. Бксэ, н'урйавн бран. Тарит бэйуктэвкй, гарнавкй бдан. Бксэ, нуңан д'ўйавн бран тбкй инңакталд'ин туґэлд'эн. Нуңан, д'э, бэйэ гэрбин Дулин буґа омолгйн Мэкигдин гунэрй бэйэ балдичэ. Нуңандун нэкўнни ачин. Тар бимй, нуңан думайдавкй бдан. Нуңан горолдулй д'алдаттэн. Тар бэйэ бимй, нуңан: «Би эрдни баран бэйцэвэ вам. Тэлйм, ёкўнми цицив д'эбд'эн? Би цэнэктэ! Цэнэвн амцавн бакад'иңав. Умўн утук-утэндў дуниэвэ эпэ гиркура, сагдандавн н'экэм? Буґа тэґэнмэн эпэ ичэрэ, сагдандавн н'экэм?». Эрббн д'алдаксэ: «Би цэнэцэт бихим, буґава тэрэнмэн ичэдавн!». Тар думайдаксэ, ахинчэ. Тар ахинйксэ, тиматна эрдэ тэрэчэ. Д'э, тар тэґэксэ, тиматна ёкакард'и камуйчэ. Нуңан умун нанпава тэнкўйэвн бчэ бичэ. Тар бксэ, тадў иргихэвн тэвчэ. Тарщит инихинйксэ, нэнэхинчэ. Цэнэхинйксэ, уркэдукнн иларэ гираникса, амаскй иллан. Иликсэ, нуңан утэнтикнни турэчиттэн:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!
Д'э, гунэм, инчэлэвн
цэнэхиним би.

Утук-утукэн,
дбид'а бимй,
горо-горот
поросай бґин!

Тар бэйэ тікэн гуннэ, айаннад'ахинан. Мэкигдин мата бимй цэнэрэн. Д'э, тар цэнэд'энэ, нуңан умўн буґадў сикэрэн,

ӑнҷаран. Ӑнҷэксӑ, тимӑтна эрдэ ҷэнэхиндӑви инми хэркэрэн. Хэркэксӗ, ҷэнэхӣндӑви инихинэн. Инихинӣксӗ, д'улӑскӣ ичэттэн. Ичэтнэн — ӗкӳн-кӑ эмэд'эрэн нуҷантикӑкӣн. Эмэд'эрӣвӗн ичэттэн — арай эхӗ. Сӧма хэгдиҷӗ эхӗ эмэд'эрэн. Бэйэ думайд'аран: «Нуҷанмӑн би вӑрӣдӳ вӑксӑ, уллэвӗн д'эбд'иҷӗв,» — гуннэ д'алдӑран. Алаҷави бэлэннєран. Бэлэннєксӑ, гарпадӑви н'экэрэн. Думайдан тардалӑн даҷамӑран. Даҷамӑд'ана, гарпадӑви н'экэрэн. Тариҷҷи эхӗҷин тэҷэрэн. Тэҷэксӗ, турӑтчэрэн:

Лурил, лурил,
Лурил, лурил!
Д'э, дулин буга
омолгӣнд'ан,
Мэкигдiнд'а,
хутэ-ника,
д'оҷонэй эсилэ
эр-гу минэвэ
таварит, гунэм,
алаҷанд'атни
иткалинни
минтикӑкӣ?
Н'ӧҷӳ, н'урви
бэринд'иви
иткашни-ҷэн?
Д'э, минэвэ экэл,
экэл гарпара!
Миндӳ никимнадӳв
илан даричӣ
сэлэмэ куйиргӣ
бихин, гунэм.
Кэ, тӑдӳ д'авакал!
Тӑлӣ би синэвэ
сад'иҷӑв, гунэм.
Бэйэн-кӳ бэйэвэс
сад'иҷӑв, гунэм.

Д'э, бэйэ бими алаҷави, н'урви нӑд'эн. Нэнэн, эхӗ эмэрэн, даҷалӑн. Даҷалӑн эмэчӑлӑн, Мэкигдiн ичэрэн — тэд'ӗмэти илан дарилкӑн ҷӧнум сэлэ куйиргин ирд'аран. Тар эхӗ: «Д'э, миндук, куйиргидукив д'авакал! — гунд'ирэҷ. — Бэйэглэ бимӣ, маннукал, айамат тӳктэви ӧкал! Си минэвэ эхӣ токтотто ӧдакис, би синэвэ ҷэнэвд'иҷӗв!». Д'э, бэйэ д'аваран. Д'авакса, айамат маҷа дуннэлӑ халганми батканан. Эхӗ д'укурӣллан нуҷанмӑн ирихиндӑви. Бэйэ нуҷанмӑн д'улэскӣ эхин тӑнмукӑна. Бэйэ эхӗвэ амаскӣ ӧикӑниҷнан тӑниттан. Иларӑкӑнҷ д'укурӣхиниксӗ, эхӗ турӑтчэрэн:

Лурил, лурил!
Лурил, лурил!
Дулин буҷа
омолгӣн-дӑ,
Мэкигдiнд'а,
мата-бэйэ,
маҷа, маҷа
батканд'анни!
Д'аванд'ас
маҷа, маҷа!
Ургэ, ургэ
бэйэ бихинни!
Лурил, лурил!
Д'э, Мэкигдiн,
матанд'а, бэйэ,
Д'ӧналви-ҷу
дӧлдiчаткал!
Айат гунэм:
Д'э, дулин-ҷу
Сивир ситкивӗн
д'э, д'ӳрӣкӗн
гиркуҷатил бихип!

Ҷэнэксэл, айаннӑд'ара. Д'э, тарӑ айаннӑд'ана, эр бэйэ хэгдiдӗ хокторӧндулӑ истан. Д'э, ихиксӑ, хокторӧндулӣн ҷэнэрэн. Ҷэнэксӗ, хоктон илан буҷаскӣ хуйӗнэн. Д'э, бэйэ айамат иликсӑ, хоктодӳви хуйӗлдидӳн арай долбохик диличӣ сӳчӑл. Д'э, бэйэ дулиндулӣ бихӣ хоктово ичэтнэн — аниӧдалӑ хокто бэҷин диличӣ

сӯчӑ. Д'э, бэйэ тӑдук н'ӑн анцӯтин хоктово ичэттэн. Ичэтнэн — арай солко инцакталкӑн мурин иргин иргид'ин сӯчӑл дылачӑ йӯптуткйн. Д'э, бэйэ тӑдӯ думайд'аран: «Авгӯватин хоктово цэнэд'ицэв, — гуннэ думайд'аран. Тар думайдаксӑ, цэхинцэвэй н'экэксэ, эхэцци гунд'эрэн:

Докɛ, докɛ, доонин! — даҷат илй бид'ицэн
Докɛ, докɛ, доонин! — гунчэнин? — гунэм.
Си, эхэ, уранкай бихй

Эхэцин айамат хуклэхинчэ. Уклэхинйксэ, амтатчаран. Амтачиксӑ, эчэ амтара, туркэврэн. Бэйэ, тарицци тикӯликсӑ, котор ирэктэвэ нэлгэгэлй суллурагар тӑнэн. Тӑниксӑ, дулин дулин хоколйран. Хоколйксӑ бэйэ эхэцци дылвӑн н'ачурагар иктэрэн. Тар вӑран, эхэцци дылвӑн хогран. Хогиксйкӑн, долбохик дылин локӯчарйдӯн дылачӑ тикйптикй дылицци локорон.

Лококсэ, бэйэ нэнэхинэн. Бэйэ думайдаран: «Д'э, дулгӯтин ӯд'ава цэнэд'ицэв». Тар дулгӯтин ӯд'ава цэнэхинэн. Тар цэнэнэтин ӯд'атин тартикй иритта, бэйэ мучунан — ӯд'ан ачин. Сэл-дӑ хэгдицэл бэйэл ӯд'алтин бичэл биттэ. Бэйэ айаннад'аран. Д'э, тар цэнэд'энэ, умӯн буҷадӯ бэйэл ӯд'алтин эмактал. Д'э, бэйэ: «Тар бэйэл ахӯлла гороло цэнэрэ? Бокончэ бимй айа бимчэ». Тинйвэптэ ӯд'атин ачин. Тарицйлба цэнэчэ, бокончэ. Боконон — нунанначинин хэгдицэл бэйэл-вит. Тар амаргйд'ин бококсӑ, бэйэ турэтчэрэн:

Доки, доки, доонин! — Ема буҷа маталин?
Доки, доки, доонин! — Ийэ гэрбилкэн одас?
Д'э, гунэм эхйлэ, — Ичэнэлвэр, дэлдйналвар
матал-бэйэл, — улгучэколлу, гунэм.
эдэл-гӯ, дорювойо — Йлэ, гушэл,
дэлдйкаллу! — гунэм. — айаннад'арас?

Тар тикэ гунйксэ этэрэн. Этэчэлэн, бэйэ турэтчэрэн:

Гурукɛнɛн, гурукɛнɛн! — Гэ, си-кэ гушэ-дэ
Д'э цэнэдэ бэйэ-дицин — эдэ, сунтар сураканэв
дороводӯс дорово бӯин! — улгумйрй одакис,
Д'э, гэлтэрмэ-цэн — йэҷин йэшэ уййлдйдӯн,
гэрбйнд'эвэ-гӯ — д'ашкун булд'ар бакалдйдӯн,
улгумйрй одакис-кӯ, — ирэктэ мэ сувэрэндӯн
д'э, улбулйкэн-цэн — тӯмнэйилкэн, гунэм-цэн,
улгучэннэрй бэйэ бихим. — сэнин-бэйэ гунэрйтин,
Геруканɛн, геруканɛн! — Ирэнӯчэн-бэйэ бихим.

Д'э, гиркйвэн н'ӑн улгумйд'эчэн: «Мити бэйэцит?». Мэкигдин улгумйрэн: «Си ема гэрбйчй бихинин?», — гуннэ, улгумйрэн. Чӑҷӯ бэйэ улгучэрэн:

Даву, давукɛнин! — си, эдэ, дэлдйкал!
Даву, давукɛнин! — Би улгучэниктэ:
Эсилэ Мэкигдин-мата, — дулин буҷадӯ бекɛчй,

д'апкун кадаға,
д'анкйдӯтин бскечӑ
Каданӯчӑн гэрбйчй,
мата бихим-цэн.
«Йлэ, — гуннэ, —
айаннӑд'анни?»,
улгумйрэкис-цэн,
Дилачӑ йӯптулйн
дилачӑ хунӑд'ин
ахӑкӑндулӑ-вит
айаннӑд'ам би.

Кэ, тар нуцартин улгучэмэчйксэкэн, иланй умӯндӯ айаннӑхина. Тар цэнэд'энэл, умӯн бирава эйэкэкй итчэрэ. Д'ӯр тэрйцин урэ бӧм бдан. Бэйэл урэвэ хэндулйн цэнэттэ. Д'э, бэйэл бӧм эрғйдэн мудандулӑн иста. Иснатин урэ тэрйндӯн сӧма хэгдицэл сӧницил сэлэмэ палкачйл илитчара. Мэкйгдин амардуктин цэнэд'эчэ. Тар сӧницйлдулӑ ишшӑл. Ихиксакар, сӧницил нуцарватин ичэчэл. Мит бэйэцйлтӏ турэтчэрэ сӧницйлтикй:

Герукӑнин, герукӑнин!
Герукӑнин, герукӑнин!
Йлэ-кэгу хэдэрйтин
бэйэлтӏ-цин
Котор йэнэ-бира?
Д'ӯр тэрйцин урэйэлдӯ
ӧкӯнма-ғӯ тиксутмй,
ӧкӯнма-ғӯ этэвд'эрэс?

Тарил бимй турэтчэрэ:

Н'эриғи, н'эриғи!
Н'эриғи, н'эриғи!
Тӏли, тӏли!
Бу-бэйэл тиксӯтчэрэв,
«Екӯн нӑдадӯн», —
Гунэкис-цэн,
дилачӑ хунӑд'ин
Н'унурмэк айа ахӑкӑн
«Дулин буға омолгйн
сӧниц-бэйэ Мэкигдин
эмэд'эрэн», — гуннэвэтин
дӧлдӏксӑкӑн, гунэм,
дилачӑ хунӑд'ин
«Этэвкэллу! — гунчэн, —
Каравкаллу!», — гунчэн.
«Би буғалӑв эмэмй,
айава этэн ӧра, —
гуннэ. — «Эрэ буғава
экэллу хэдэвкэнэ!», —
гуннэ, мунэвэ
этэвувкэнйлчэн.

Бэйэл тӑдук тикӯлдӏксӑл, лэгймэчилчэтин. «Сэлэмэл палкалд'ивар дилилбахун н'апчуд'иңӑвун!», — гунэ. Д'э, Ирэнӯчэн бимй гунд'ирэн: «Д'э, би н'ӧрӑкта! Минэвэ нонон вӑмй, вӑктин — сагдӏ бэйэвэ», — гунд'ирэн. Тар бэйэ нонон Ирэнӯчэн цэнэрэн. Цэнэчэвэ эр бэйэвэ Сэлэргун сӧниц уғйғйд'ин иктэрэн. Иктэнэн — адағуд'арйва калтака мирэвэн хурурэгэр иктэчэ. Бэйэ тӑдӯ тикчэ. Тӑдуккар Каданӯчӑн сӧниц Мэкйгдиткй гунд'ирэн: «Эдэ, мулӑ! Гиркйвэт вӑран. Д'э, би-кэнэ цэнэктэ!», — гуннэ, цэнэрэн Сэлэргӯнтикй. Сэлэргӯн-сӧниц палкави бэлэннечэд'эрэн. Тар цэнэчэвэ сэлэмэ палкатпи иктэрэн, адагад'арйва, калтакӑ оговӧн хокорогор. Бэйэ тӑдӯ-дӑ тэгэрэн. Тӑдук Мэкйгдин гунд'ирэн:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!
Эдэл бэйэл бни бд'ас?
Сӧт суракихун,
хэгдицэ гэрбйлкэхэл
бэйэл бичэвун, гунэм,
Сэлэргӯл, гунд'эм,
д'ӯр Сэлэргӯн-сӧницил,
минэвэ эмӯкинмэ
ӧкӯнмӑн сулад'ас?
Д'албав вӑрас, д'эптэс.
Д'э, минэйэкйвэ
умӯн иктэдӯ
этэрэс сулара!

Тикэн гӯнэн, бэйэ цэнэрэн. Цэнэксэкэн, н'ӓн-дӓт иктучад'аран Мэкӣгдиңма. Д'э, Сэлэргӯн-сбниц гунд'ирэн:

Н'эригɛ, н'эригɛ!
Мэкигдин-мата,
Нэрихӣ инэциӣ
порости, гӯкэл!
Нонокӣдук амаргилӓ
ӧкӯнии эмӓнмучӓн
амаргӣлӓ кӓничи бимӣ,
нэкӯчӣ, акӣчӣ бимӣ,
порости гӯкэл!

Гунйксэ, д'э иктэд'эрэн палкатии. Иктэд'эрйнэ Мэкйгдин адаҕаран. Адаҕанавӓн урӓксӓкӓн, д'улгйдэдӯи хэгдицэ д'оло бичэн. Тӓлӓ тунца путэчӣ сэлэмэ палкави диҥин буҕалӣ урургэцнэн. Сэлэргӯн богатир палкайа ачин ӧдан. Гэ, Сэлэргӯн эмэхӣичэн. Тар эмэхйнд'эрэкин, гэ, Сэлэргӯнмэ Мэкйгдин колтод'орон. Сэлэргӯнмэ сбнин тэкэндулйн колторон. Колтонон, Сэлэргӯн-богатир баргӯвӯ сбндулйи сэксэ йӯрэн. Гэ, Сэлэргӯи эмэрэн. Палкатии иктэд'эрэн. Мэкйгдин палкавӓн д'аваран. Д'авакса, тӣтэрэн. Тӣтэксэ нуцанмӓн палкад'ин дилвӓн н'ачурагар иктэрэн. Тар д'урйвэ Сэлэргӯрбэ вӓран. Сэлэргул д'утин даҕа бичэн. «Д'алби халгартин хокоргочӧл-гӯ?». Тариҥилби д'ӯрйвэ ичэхинйксэ, Сэлэргӯн д'ӯлӓтин цэнэврэн. Цэнэвӯксэ, тӓдӯ нэдэн. «Халгарбар хуйэлбэр оҕороктин! Буҕалӓвар мучӯцнакаллу! Мэррун сӓдӓвэт!», — гӯниксэ, тар цэнэрэн.

6. Нивэнйнд'э

Билир, билир дуннэ улапкӯн кумалӓнмӓтин гарадӓвчӓгачин, тэнинэ гарадӓвчӓгачин бид'эрэкин, д'ӯлкӓн уранкай ӧскед'ачӓ. Утэн д'ӯчӣ бичэ. Эр бэйэ «эни» гунэрӣ, эни ачин бичэ; «ами» гунэрӣ, ами ачин бичэ. Ацад'акӓн ӧскед'ачӓ. (Тар нимцакӓн тэкэнин).

Эр бэйэ гэлтэр гэрбӣи, сунтар суракин Нивэнйнд'э гунэри сбниц бичэ. Йдук-тэ йӯнэрйви эхиц сӓра. Уҕӧттэн думайдӓтмӣ. Мэнми д'алдӯви: «Олус сбниц бихим. Минцэчин сӧ бэйэ ачин», — гунчэттэн. «Йэҕинд'э билкэн Опон-дуниэ оргодӯи минцэчин бэйэ ачин», — гунчэттэн.

Д'э, эр бид'энэ, нуцандулӓн урацкай-бэйэ эчин эмэрэ, эчин бакалдӣра. Эннэдукви бакалдӣра дɛлби-мэт тикӯлиттан. Тимӓр хӧлтандӯ йӯнэ, йӯнэ тэпкэчйвки бичэ. «Хэргӯ буҕадӯ халд'аркай ӧскɛракин, айа бимчэ! — тэпкэттэн. — Баран бэйэ кухиллякин, ци сӧ бэйэ суланчӓ бимӣ, би кухимчэн, бӧла!», — гуннэ, тэпкэд'эчэн. Аицэксӓ, тимӓтна мӧликсӓ, бӧдӯ хуклэд'эрэкин, тулйлэ бэйэ тэпкэтчэрэн:

Герɛвлакӓнин!
Герɛвлакӓнин!
Сбцку Нивэнйнд'э,
Доровойо дӧлдӣкал!
«Эр дулин дуннэдӯ
сӧ бэйэ ачин», — гуннэ
тэпкэвкӣ бихинин.
Утэн-утэндукви
йлэ-кэт эни цэнэрэ,

кихɛргɛд'ийат.
Тикэн гунчинни,
хуцтутикйр сэнициил

кухйд'эрэ бэйэл —
тэлэ си, суруксэ,
кухйлдимчэс, бэла!

Тар ахй турэчиксэ этэчэлэн, Нивэнйнд'э турэчилкэн эттан:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-орой!
Синици-дэ ачин
Бакаксэ, кухид'эцэв!

Тар турэчиксэ этэрэкин, ахй турэтчэрэн:

Герɛвлакэнин!
Герɛвлакэнин!

Симбир этэнни,
этэнни тэрэрэ!

Тар тикэн гунэкин, дɛлбимэт тикулйттэн бэйэ Нивэнинд'э. Тар кухйд'эрйл бэйэлбэ ахй улгучэниттэн: «Хэргу буга сэнициин, авахи н'уцэйэмэтин сэниц, Гарагалтун Силин гунмурй, угу буга сэниц, Катан гунэрй. Тар суруксэ, тар сэницилн'ун кухйкэл!». Тар гунэкин, кухйд'эрйл сэницилдула цэнэдэви эцэхинд'эрэн Нивэинд'э. Тикэн гуннэ, турэтчэрэн:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-орой!
Би-цэн бэйэ,

дулин буга сэнициин,
ёмй-дэ исчацав!

Д'э, онохойксакан, цэнэхинд'эрэн. Эр цэнэхинд'энэ. Эр цэнэхинд'энэ эргэчин гуннэ турэлкэн бд'аран:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-орой!
Дулин буга сэниицинд'ан

Нивэнинд'эн-цэн
сурум сэниндула!

Кухипэми цэнэхинэн. Буганви поростйлаксэ, тиргимэт цэнэхинчэн, ороно-кэт ачин, ёкума-кат авдуйа ачин бинэ.

Д'э, хэргу буга сэницдулан цэнэхинчэн тиргимэкэн. Д'э, д'удукиви цэнэхинйксэ, длачэ тикиптиткэкй цэнэхинчэн. Д'э, тар эркэн-таркан цэнэвкэнэн бэйэ. Эркэн цэнэвкэнд'эрэкин, д'улгйдэткин эргэчин турэн инцуд'эрэн. Д'э, нуцан дэлчатчаран. Эргэчин гуннэ инцуд'эрэн:

Нэдэрэкэнин!
Нэдэрэкэнин!
Хэргу буга сэнициин,

Гарагалтун Силин,
д'энтиврйв
мудандулэ ихивран!

Туксад'ана турэтчэрэн:

Нэдэрэкэнин!
Нэдэрэкэнин!
Авахй-сэнициин
д'энтиврйв

мудандулэ ихивчэ!
Ёмэ буга сэнициин
минэвэ, эмэксэ,
айд'ацан, бука?

Д'э, эрэ Нивэнйнд'э-сōниң дōлчāтчā. Дōлчāчйксāкāн, нуңан дōптикйн туксад'ача. Тўксахинйксāкāн, умнōт-тō бакалдīран. Бакалдīксāкāн, ичэттэкин, аӷй-сōницмāн авахй-сōниң боколток бōчā, д'авалтак бōчā. Нивэнйнд'э, эр бэйэлбэ ичэксэкэн, турэлкэн бōчā:

Геңе-е, геңе-е-орой!
Хэргў буга сōниңин
Гарагалтун Силин,
аӷй бэйэвэн кōйиксā,
ахад'анин «д'эбдэви», гуннэ.
Минэвэ кōймй,
сō бэйэ бид'иңэс!

Д'э, нуңартын бакалдīксāкāн, турэчйлчэл. Сōниң олуктўви д'авучад'ана, турэлкэнōд'аран:

Геңе-е, геңе-е-орой!
Геңе-е, геңе-е-орой!
Хэргў буӷа сōниңин
Гарагалтун Силин,
аӷй бэйэ ахапавāн
он'овос сō ōд'иңāв!

Тар турэттэкин авахй-сōниң, олуктуви д'авўчад'ана, тикэн турэлкэн ōд'аран:

Диңди, диңди!
Диңди, диңди!
Аӷй сōниңин
Нивэнйнд'э-мата,
доровойо дōлдīкал!

Тикэн гунэкин, Нивэнйнд'э-сōниң авахй-сōниңмāн покойва энэ бўрэ, колтод'очō. Эр колтонодўн авахй-бэйэ тэмтэриксэкэн, эчэн тиктэ. Тар тэмтэрйчиксэ, авахй-бэйэ тикэн турэлкэн ōд'ачā:

Диңди, диңди!
Диңди, диңди!
Нивэнйнд'э,
сōңку бэйэ,
колторйс, ōдўс
сōтаран ōд'ачā.
Хуңтутэнэл ураңкай
колтороктин,
эчйнми тэмтэрэ бичэв.
Эр синдў элэкэскэн
тэмтэрйм би
колторокйс.

Тар цэнэксэл нуңартын кухйлчэл. Эркэн-таркāн кухйд'эрэ. Тар кухйд'эксэкэң, авахйва Нивэнйнд'э-сōниң, кōйиксā ōттан, илалладў кухйксэ. Тар кухйксэкэр, авахйнд'ава кōйиксā, вāллан бōла. Авахй турэлкэн ōттан:

Диңдэ, диңди!
Диңдэ, диңди!
Нивэнйнд'э-мата,
экэл минэ вāра!
Эдук аӷй бэйэн'ун
этэм мэкўстэ-цэн!

Тариңин энэ дōлдīра, вāран. Вāксā, тикэн турэчиллэн:

Геңе-е, геңе-е-орой!
Геңе-е, геңе-е-орой!
Эцнэкэллу эмэрэ!
Аӷй бэйэн'ун
экэллу мэкўстэ!
Симбир вāд'иңав,
Симбир кōйд'иңав!

Кōйиксāкāн, кōтарйвкй бэйэвэ: «Д'ўлāви цэнэкэл! — гунйттэн. — Тар цэнэксэкэн, минэвэ д'бниңнакал, атагастаракин. Тар д'бнакис, йдў-дэ бимй, дōлдīд'аңāв», — гунйттэн.

Тар хуйэчилдиттэ. Нуңан, Катан, д'ӯлāви ңэнэрэн. Нивэнинд'э мэнин сāрйтпи ңэнэттэн. Тар хуйэчиксэкэн, Нивэнинд'э-сōниң ңэнэчэ дилачā инэңдулйн ōптикāкй. Эр ңэнэчэ, ңэнэчэ, эркэн-таркāн ңэнэчэ. Эр ңэнэвкэнд'эрэкин, уӯскэкй турэн иннуд'эчэ, уӯ буӯаткāкй. Эрэ нуңан, Нивэнинд'э дōлчатчаран:

Н'ен'едāрεку! сōниңинд'ан
Н'ен'едāрεку! доровойо дōлдикал!
Дулин буга

Тар гунйксэ, н'āн турэтчйрэн:

Н'ен'едāрεку! сōниңинд'ан
Н'ен'едāрεку! атагастад'аран.
Нивэнинд'э, Минэвэ айкал!
сōниң-бэйэ, Минэвэ бихакал,
минэвэ-дэ Нивэнинд'э-сōнин!
дулин буӯа

Тар гунэкин, Нивэнинд'э-сōниң турэтчэрэн:

Гēңε-ε, гēңε-ε-орой! Би, ēмй-кāт
Гēңε-ε, гēңε-ε-орой! нуңанмāн исчаңāв!

Тар гунйксэ, ңэнэвкэнд'эрэн эрдэт. Эр айаннāксāкāн, тар бэйэвэ эрдэт истан. Эр ихйксā, эргэчин бимй, турэлкэн ōд'аран:

Гēңε, гēңε-ε-орой! атагастачинни?
Ēкӯн ухавāн ōчā? Би синэвэ-дэ
Ахāкāнма-дā он'овос од'иңāв!

Тар ахйва атагаставкй бэйэн Ōтанйнд'а-сōниң. Тар бакалдīксāкāр, кухйдэвэр н'экэд'эрэ. Ōтанйнд'а-сōниң эргэчин гуннэ, турэлкэн ōчивкй:

Орεл-дā, орεл-дā! Миндулэ эмэнэвэ
Сōңку бэйэ-дэ, идакāксāкāн,
минэвэ эмй сāрэ ахад'иңāв-ңан!
бакад'иңас.

Тар гуннэдӯн Нивэнинд'э, тикӯлйксā, эр-дэт кухйдэви н'экэчэ. Д'э, кухйчэл-дэ кухйчэл. Кухйликсэл, эркэн-таркāн колтомāтчāл. Нивэнинд'э-сōниң таркāн кēйчāн. Эр Ōтанйнд'а тикэн турэлкэн ōчāн:

Орεл-дā, орεл-дā! Тикэл инэкинд'и!
Экэл минэвэ вāра! Эхикис вāра,
Эдук д'улэскй хунāтпи бӯд'иңэв!
этэм мэкустэ! Айа нэкӯчй бихим!

Тарит элихэ Нивэнинд'э этэрэн дугд'амй. Тар Нивэнинд'э-сōниң, Ōтанйнд'а хунāтпāн ахййави гаксāкāн, д'ӯлāви мучӯхинан. Эргэчин гӯнэ, турэлкэн ōд'аран:

Гēңε-ε, гēңε-ε-орой! би буӯалāви
Ōтанйнд'а, киннив, сурухиңнэв.

Эмэрӣ, сурурӣ-ӷӯ
атагастаракин,
минэвэ, ӧмӣ-кӓт
д'ӧниӈпакал-дӓ!

Поростилӓксӓкӓн, д'ӯткӓкӣви-утэптикӣви цэнэхинэн, ахӣви бодомно. Д'э, эр ӈэнэвкэнд'эчэтин. Цэнэвкэтчэрэктин, уӷискэкӣ, буӷатӄакӣ турэн инцуд'эчэн:

Нɛдɛроконин!
Нɛдɛроконин!
Сӧӈку бэйэ,
Нивэнӣнд'э,
сӧниӈинд'а,

доровойо дӧлдӣкал!
Адӣрӓкӓнин
аӈардас-тӓ
сигдэ кӧйинин
Синӈэчин бэйэ ӓчин!

Нивэнӣнд'э-сӧниц ахӣгаливи д'ӯлӓви эмэчэн. Тӓдӯ билчэл.

7. Ӧтанӣ

Билир, билир, билир мӧйкан мӗтадин тэӷэр-дуннэ тэвӯвд'эӈэхин, лӓм элэкэс котор йӧнэдин ӧд'аӈахин, котор йӧнэ дэрӧнин йӯд'эӈэхин, элэкэс гугдаринин ухулэт д'ӯгд'ӯтин кɛрдiс ӧӈахин, утэн ӈӓкудӯ илитчаран. Тар дӧдӯн умӯн мата балдӣд'ачӓ эмӯккэкӯн. Нуӈандӯн умӯн оронин ӓчӣн, умӯн нинайа ӓчӣн. Энӣнми, амӣнми иргӣтта балдинави эхин сӓра. Бэйэ думайдӓттан, думайдӓд'аран. Думайдӓд'энэ гунчэд'эрэн: «Дулин дуннэ ситкӣдӯн йӯчэ бихикив, анӈӯ эптилэдукив тукалӓ балдӣчӓ бимчэ; мӧдук йӯчэ бихикив, сигдэдӯв угдакса намарӓчӓ бимчэ, уӷӯ уӷиврӣ сэрукӓрди н'аӈн'адук тикчэ бихикив, орондӯв саӈйкса намарӯмчӓ», — гуннэ думайд'аран. Туӷэлд'эн д'ӯн куйэ кӧкчилкӓн, лэрӯмнэ инӈакталкӓн; д'уӷад'ан д'ӯн ӈэнӯ дэӷӣ тарамна дэктилэн илбэрӣлкэн.

Нуӈандулӓн дэӷи-дэ, эмэксэ, эллэн эмэрэ. Уларин гакӣ эллэн эмэрэ, эллэн турэттэ. Ӈэнӯ дэӷиӈин н'ан ӓчӣн ӧдан — маиавран. Тӧкӣ бэйӈэӈйн, сӓксӓкӓн, сӓксӓкӓн, элдэн алӣна.

Тар бэйэ тӓдӯ бид'эрэн эмӯккэн. Сэхɛргɛдэн — гиркӣн ӓчӣн, улгучэмэттэн — ӌй-кэт ӓчӣн. Тар бэйэ эмӯкэккэн бимӣ, аӷунӣллан. Эмӯкӣн бихӣ сӧмат энэлгэллэн. Тар мата гэрбӣн Ӧтанӣ гэрбӣчӣ бэйэ бичэ. Мэн думайдӓттэн, дулин душнэвэ гиркудӓви, дулин дуннэвэ н'экэйэдэви. Д'э, ӈэнэхиндэви, нуцан сиксэ тикэ думайдӓксӓкӓн, ахинэн. Тимӓтна эрдэ тэӷэрэн. Д'эбгэйэви д'эптэн, тэтӣлби тэттэн. Ирэ бэйун наннан купэмичӣ бичэ. Энинбэйун гилӷинин-сирихинин эн'эӷэптӯчӣ бичэ. Тариицци эн'ӣӷэптӯксэкэн, бэйэ тулискӣ йӯрэн. Йӯксэкэн утэнми уркэдӯн иллан. Тар бэйэ — «эргэчӣкэкӣ ӧӷин!» — сэхɛргɛд'эрэн. «Таргачӣкӓкӣ биӷин!», — икэд'эрэн:

Дэки, дэки,
Доӈ, доони!
Д'э, гунэм, би-лэ,
Ӯтэк-утэн д'ӯ,
гунэм би-лэ, . .

илармӓн сӧналкӓн,
дӷинмэн курдулкӓн
эиэ тиктэ бикэл!
Эрдин аиӈанйли
эмэд'иӈэв бӣ.

Эхим болд'оро.
Би, бэйэ нäдави
ситɛри гиркуд'ам.
Д'угалд'ан д'ӯ
дəҕӣ дəктилəд'ин

элбəрйлкəн д'ӯ,
туҕəлд'эн д'ӯ
чӧрама д'ӯкчäв,
мудан горо
поросай биҕин!

Тікəн гунйксə, этəрəн турəчйксə. Эр бэйэ нуцан бимӣ, цəнəхинчəн Йəнəцци солокəкӣ айаннäд'аран. Эркəн-таркäн цəнəд'эвкӣ бичə. Нуцан д'улгӣдəлйн коцнорин гаки «гак!» эхин н'экəрə. Д'ə́р, бэйэ бимӣ айацнäд'ари йəнəнцци-бираҥми дəрəндулəн истан. Сӧма котор йацинд'а. Тар тӯктірэн. Тар ойолбн тӯктїксəкəн, д'э, муннйд'эрэн дэрумкйд'энэ. Эр бэйэ бими, ділачä тікиптікӣ ичэттэкин, ділачä йӯптуткйн ичэттэкин, олус айа цэрӣ дуннэ ичэвуттэн. Тар бэйэ бимӣ думайд'аран: «Иртікӣ цəнəд'иҥəв», — гуннэ. Д'э, тікэ думайд'аксäн турəтчэрэн:

Дэки, дэки дӧнин!
Дэки, дэки дӧнин!
Эмҥэ амцатпи
айард'ам-цан!
Коңдɛ комуййтпи
мəникəн сэхэргɛд'ам.
Н'ултэр ділачä

йӯптун айа,
гуд'эй, сэгд'эннɛ
дуннэл ичэвӯттэ.
Ёракин-дä
н'ултэр ділачä
исчä бимӣ айа,
гунэм-дə.

Тікə гунйксə, этəрəн турəчиксə. «Д'э, би, мата-бэйэ бимӣ, цəнəхиндəви н'экэм», — гӯнэн, иллан. Илйксäкäн, гирахиндäви н'экэд'эрэн. Гирахиндäви н'экэд'эрэкин, ёкӯн-ка цанмакта турəнцэчин дігинäд'эрэн дəҕи турəндукин хунту. Бэйэ тарä дӧлчäттэн. Айамат уйдɛрэн. Арай уҕйскəкӣ бихин. Бэйэ тарä д'иктɛргɛксəкəн: «Йдӯ бихин? Турəтчэрэн», — гунчэрэн, уҕйскəкӣ адулäд'эрэн. Тар ичэттэкин, ділачä йӯптуҕйд'ин эмэд'эрэн. Бэйэ тара д'иктɛргɛран: «Дəҕи турəнин урацкай турəнмəң урəчə», — гуннэ. Тар эргэчйн гуннэ, турəтчэрэн:

Гɛрɛвлакäнин!
Гɛрɛвлакäнин!
Д'э-гэй, гунэм,
дулин буҕа
омолгйн-цэн
Отанйнд'а-сӧниң,
дорово! — гунэм.

Ичэнэви-дə
дӧлдінави-да
улгучəкэл!
Аниҥанӣ эрдіндӯн
бакалдїрап!
Инэҥи эрдіндӯн
ичэлдїрэп!

Тікə гунйксə, этəрəн турəчиксə. Мата турəтчэрэн:

Дэки, дэки
до-он доонин!
Дэки, дэки
до-он доонин!
Мата, д'э, си
уҕилӣ дəгрӣ
цəнӯ дəҕӣ
би, ураңкай,
турəнмəн-цэн

урəчə бинэ,
турəлкəн ӧксä,
турəтчэнни.
Ураңкай гунд'эңəдӯ,
дəктилəчӣ бданни!
Ёма буҕадӯ
ӧскɛча бихинни?
Си-кэ улгучəкэл!
Би ичэнэв, дӧлдінав

ӧкӯн-дӓ ӓчӣн.
Аԓад'акӓн би,
эмӯккӧкӯн-ԓэн
балдӣчӓ бӣхим.
Энӣн, амӣн бэйэ
ӓчӣн бихим.

Си ӧкӯна-ԓан
дӧлдӣчиннӣ?
Иргит тэрӓлкӧн?
Цӣйэ гербӣлкӧн
бихиннӣ си?

Тикӧн гуннэ, этэрэн турӧчиксэ. Цэпӯ дэԓӣ турӧтчэрэн:

Гереврлакӓнӣн!
Гереврлакӓнин!
Мата бэйэ-ԓэн
уԓӯ ичэврӣ
илармӓн
сӧрукӓрдӣр
н'аԓн'а хэргӣдӧлӣн
дуннэ н'экэйэмӣ,
дуннэвэ тэрӧнмӧн
тӧнтэнмӣ,
ичэнэв, дӧлдӣнав
баран сӧ.
Хуԓтӯмэлчэлвэ
ичэчим-ԓэн,
хуԓтӯмэлчэлвэ
дӧлчачим-ԓэн.
Ёхалкӓн, сӧлкӓн
ӧксӓ,
эпэ дӧлдӣра, эпэ
ичэрэ,
ӧн н'экэйӧд'эԓӧс?
Дулин дуннэ

ойойодӯп
араспай бихин:
бэйэ бэйэви-дэ
вад'эрӣвӓн
ичэчим би.
Сӧ сураккав
сулагаларӣ
ӧдакис-тӧ,
улгучӧнд'эктэ.
Н'ултэп дилачӓ
дӣгин буԓалӣ
тӣргирӣ-дӧ,
дилачӓ-дӓ
хэргӣдӧдӯн
ӧскеча бичӧ
Тӣргакчӓн-ԓан
ахӓкӓн-ԓан
бицнэм би.
Мудан горо,
поросай биԓин!

Гунэн амаскӣ токорихинан:

Мата-бэйэ,
Эр би ԓэнэнэв
ӯд'авав ичэткэл!

Айаннӓд'адӓви
йлӣ эԓнэлӣв
ичэврэ-дӧ.

Тикӧ гуннэ-дӧ, энд'эрэн ичэврэ. Тар ԓэпэрэн. Бэйэ бимӣ сӧма ӧрдак сӧма тикулчӓ бичӧ. Тикӯликсӓ, турӧтчэрэн:

Докеˌ, докеˌ,
до-он, доонин!
Д'э, тунэм-ԓэн,
си гуд'эй дэԓӣ-ԓэп
гуд'эй, н'ултэр
дилачӓ хэргӣдӧдӯп

ӧскери Тӣргакчӓп
киливли-ахӓкӓп
эԓнэс ӯд'авас
тоԓсуйд'ицӓв!
Уникип ӯд'авас
упкед'ицӓв!

Тикӧн гунэн-дӧ хэтэкӧнд'эрэн бэйэ. Тикӧн этэкӧнйксӧкӧн, нуԓан туксад'аран. Кэ, нуԓан туксаран, туксаран дилачӓ йӯптуткӣп. Эр туксарин чимдӯп ниткӯп мӧ томковуттан, хэгдиԓӧ мӧ нэлгэгэли сулудаттэп. Д'э, бэйэ туксад'аран-дӓ туксад'аран. Эр бэйэ бимӣ туксанави мудандӯп, килейнави мудаклӓп истаԓалӓп ԓэпэттэп. Д'э, бэйэ туксад'ана, умӯп котонд'о д'оло бихин. Тарӓ нуԓан судурйксӧкӧп хойотпи нӓчаран. Тиктэп ойотпи, д'олон хуругэрэп.

Ойон дулин дулин дэлпэрэгэр, дэлпэрэгэр. Ңэпэрйдӯн бэйэ д'улэскй судурнэ, судурнэ ңэпэрэн. Ңэнэви мудаклӑн, сэлэмэ гӗӷин ӧксӑ, дэӷилд'эрэн. Дэӷйлйксэкэн, айаннӑд'аран дылачӑ йӯптуткэкйн. Уӷйскэкй уӷӯ иларман сӗрукӑрды н'аңн'амактӯ тӯктирэн. Тар тӯктйксэкэн, нуңан дылачӑ йӯптуткэкйн тикчэрэн. Д'ӯр дэктйлэдукин тоӷо хутапкйгачйнин чургйхинан, кургйнэ ңэнэрэн. Тӑдӯ надан лӑм бакалдйтйн, йэӷин йэнэ уййлдйтйн, багдама лӑм чувар ойолӧн тиктэн. Н'аңн'ава иссарй йаң бичэп. Тар ойолӧн дӧран. Тар дӧксӑкӑн, бэйэ айамат муннйд'эрэн. Тар муннйд'эпэ, иртикй-кэ турэнмэ дӧлдйран. Дӧлдйнан — эргэчйкэкй, гуннэ турэнмэ дӧлдйран:

Герєвлакан!
Герєвлакан!
Эрэй, гупэм,
Екӯн, екӯн
мувэн умчӑн?
Екӯн, екӯн
чукавӑн д'эпчэн?
Мата балдичӑн
олихин-дӑ
сурахирңӑтпи
сурахирчӑ.
Эргэчйн-мата
дулин бугаду
ӧскєнэв
син ахӯкӑнма
н'экэйэмй!
Илан Сивирдӯ
эргэчйн матава
эчйнми дӧлдйра.
Ичэнэдӯв-дӑ
ачйн-ңан.
Дӧлдйнадӯв-дӑ
ачйн-ңан.

Тикэн гунйксэкэн, н'аңн'ава иссарй йаңңа ойолйн чагйдаткй дэктилэтпи сирбина алӑнд'аран, аран баттилйви. Д'э, бэйэ дэгйллйвэн ичэчйксэ, ңэнэпэ ӯд'аван ңэнэрэн. Ңэпэксэ, нуңан н'аңн'алӑ далкйчаран. Йаңци тӑлй ңэнэхиксэкэн, бэйэ ңэнэрэн. Д'э, нуңан тӑлӑ таӷаксӑкӑн, амаскй-дӑ эхин чуптургара, д'улэскй-дэ эхин йӯрэ. Д'э, бэйэ тӑдӯ кайивран. Кайивӯксӑкӑн, бэйэ турэтчэрэн:

Дэки, дэки
до-он, доонин!
Надан лӑмуцив
йэӷин булд'арив,
багдама-ңан
лӑмунд'а-эн'эй,
багдама-ңан
йаңинд'ӑ-дӑ
итчинд'эп
дӧлдйкал,
сӗлкӑн ӧмй!
Эрэй Кетан
буӷа киридӯн
эрэй буӷа
эңэрдэхилим!
Би дылачӑв
хэргйдэлйн
ӧн-мал, гунэм,
чилдйвкакэл!
Часкй би-дэ
дылачӑ эргйдэвви
ичэдэви эйэтпи
д'аличй бичэв,
буӷадукки-ңан
эмэхинңэхйви
гунд'эм-ңэн.

Тикэн гунйксэкэп, тар эхилэ этэрэн. Этэчэлэн ирӷйт, иргйт екӯн-ка турэнин бихин. Турэнтикй ичэхинэн. Бэйэ, Отанй-мата, ичэхинэн — умӯн атиркӑн арай илитчаран авгйдӑдӯн даӷадӯн. Тар илйтчана, эргэчйн гуннэ турэтчэрэн:

Ӧлє, дӧлє!
Ӧлє, дӧлє!
Гунэм-ңэн.
Екӯн, екӯн

дулин буға
омолгӣн Ӧтанӣ,
хутэ-никӑ,

эрэй горо, горо!
буға ва д'алдӑчӑс

Тикэн гунйксэкэн тар этэрэн. Тӑдуккар турэтчэрэн тар атиркӑн:

Ӧлэ, дӧлэ!
Ӧлэ, дӧлэ!
Хутэ-ника,
Ӧтанйкӑн,
дилачӑ-дӑ
хунӑд'ин
Тиргакчӑн

Кӧдакчӑн-киливли,
Д'эвилгэ-Кувулгат
ахакаид'а
сй «он боконд'оцӧв?», —
гушэ, ахад'анни!
Горо эрӧвэ
эрэйдэд'ицэс!

Тар тикэ гунйксэкэн, атиркӑн йли-дэ цэнэвкй ичэксӧчӑ. Бэйэ д'улэскй ичэттэкин, н'ӑн дуннэ дуннэтни, йаң-дӑ ачйн ӧчӑ. Тарит бэйэ д'улэтни цэнэд'ирэн. Ӧтанӣ цэнэвкэнд'эн. Эркэн-таркӑн цэнэвкэниттэн, сэлэмэ гэкчӑн ӧксакӑн, дэгилд'эрэн. Д'э, мата бимӣ аңцӯ сёнд'иви дӧлчӑчиттан. «Уғӯ цэнэрйви аңцӯ сёнд'иви дӧлдїд'аңӑв, — гуниттэн, — д'эғинцӯ сёнд'иви, хэргӯ буға авахин сӧниң дулин дуннэлэ йӯрэкин, д'эғинцӯ сёнд'иви дӧлдїд'аңӑв!», — гунчэттэн. Д'э, бэйэ дилачӑ йӯптуткэкй айаннӑд'аран. Тар нэнэд'энэ ӧкӯн-ка иғвэ дӧлдїран. Ёкӯн-ка иғин инцӯттэн. Ӧтанӣ-мата, тӑрӑ дӧлчӯна, нэнэд'эрэн. Эр бэйэ айамат дӧлдїракин, арай дуннэ ниргйд'эрэн. «Агдї агдїран, — гунд'эрэн, — куңту». Д'э, бэйэ дӧлдїракин, колто иғин бинэт бэйэ тиңилэкин иғин биңэт — иркйттэн-вит дуннэ. Д'э, дӧлдїңан арай, дагамӑнэн арай. Бэйэ иғвэн дӧлдїкса, ичэтнэ цэнэнэн — ичэвуллэн. Арай бэйэл кухйд'эрэ-вит. Умӯн Чулурэ, умӯн мата — д'ӯр бэйэл кухйд'эрэ. Чулурэ матава кейңӑт ӧчӑ, бадаға. Мата турэнин бихин:

Геңэ, генэ-ей!
Геңэ, генэ-ей!
Сэлэргун-бэйэ,

кейрилӑви ихинни,
д'эбдӧви н'экэнни!

Тар Сэлэргун турэтчэрэн н'ӑн, бэйэ дӧлчӑчиттан:

Диңдэ, диңдэ!
Диңді, диңді!
Уғӯ буға сӧниңин,
Д'олонй-сӧниң,

илан аңцанйва
кухиксэкэн-цэн,
дигйтни аңцанйдӯ
кейдӑви н'экэд'эм!

Тикэн гунйксэ тар этэрэн. Ӧтанӣ-мата д'э, турэнин ӧттан:

Докэ, докэ!
Доон, доонин!
Д'э, эдӑл,
дорово бӯгин!
Ёкӯн эвйнд'и
эвйд'эрэс?
Айа, гуд'эй
эвйд'эрэс!

Хэргӯ буға Чулурэн,
Сэлэргун, сӧниң-бэйэ,
си тавар
матава-дӑ
ёкӯн буруйдулйн,
ёкӯн ухавӑн
ӧналйн-дӑ

атагāстанни? улгучэкэл!
Си миндӯ-цэн

Тикэн гунйксэкэн этэрэн. Авахй турэтчэрэц:

Диндɛ, диндɛ! баран бэйэвэн
Диндɛ, диндɛ! манаксáкан,
Би дулин буға би, этиркэнмэ
байанду гэрбйчэ кеййксáкан,
сбниц Мэцрурй хунáтпан-цан
этиркэн-цэн гадáви-дá
надан хунáд'ин ц'экэд'эм-цэн!
хэргэмэлтин Нуцан-дá
хунáтпа-цан эмэксэкэн,
гадáви н'экэд'эм! мэнин-цэн
Мэцруни-этиркэн мэхийд'ɛд'аран.

Д'э, Отани-мата бимй тáдӯ турэтчэрэн:

Доки, доки! хунáтпан-цан
Доон, доонин! авахи бкин
Д'э, би гунэм, ганавáн сáнни?
хэргӯ буға авахйн Бкин-дá эчйн
Сэлэргун-сбниц, аґй бэйэцин
Чулурэ, авахйдук н'áн
Си аґй бэйэцин эчйн гада-дá!

Тикэ гунйксэ этэрэн. Д'э, авахй турэтчэрэн:

Диндɛ, диндɛ! гуннэл, ичэл'л'э.
Диндɛ, диндɛ! Би-вэл бэйэдук
Минэ авахйл бкӯнми итэгэс?

Тикэн гуниксэ, авахй багар турэтчэрэн:

Диндɛ, диндɛ! сбницин-дá
Диндɛ, диндɛ! Отани-сбниц,
Си-дэ бикэл, синэвэ-дэ
гунэм-цэн, соторо кэйрйв!
Дулин буға

Гунэн этэрэн. Нуцартин тáдӯ, лэгимэчйксэкэр, кухйллэ. «Авахй-сбниц н'бракал! Колтокол!», — гунд'эрэн Отани. Авахи колторон. Колтон тэнчаран. Нуцартин тáдӯ д'ӯрй кухйллэ. Колтотин иґин уґӯ буґала, агдӣ бнá, ниргйнэ цэнэршэн, хэргӯ буґалэ тицилэкитин иґин тиргйттэн. Нуцартин таркáн кухйд'эрэ, тáдӯ кухйд'эрэ, кӯхйд'эрэ. Томтор дуннэвэ оцкучакицнара, талґик бугава авланца, авлáн дуннэвэ талгйцнара. Нуцартин мунукэ ицава кирицна Нуцартин тэрбнкэкй бэйэл кухйд'эрэ. Авгӯва-дá эцэтил кэйилдíра бэйэл. Нуцартин кухйнэвэтин адӣ боґава-дá, адӣ анцанива эхйл сáрэ. Д'э, эр кухйд'энэл, нуцартин умӯц бира эйэкэкй кухйнэл цэнэрэ. Д'э, авахй-сбницин турэтчэрэн:

Диндɛ, диндɛ! Мит, гунэм,
Диндɛ, диндɛ! д'ӯр сбниц,

бакалдIксāл,
кухйлнэт
туҕурук
аниҷанӣ бдан.
Диҷдɛ, диҷдɛ!
Мит дунпэвэ
чукчаран,
балдIрӣ-дэ
эллэн балдIра.
Муниҷйдэ-дэ
хэргӯ буҕа авахин
ушкат болгоро.
Уҕӯ буҕа
сōниҷин,
айат, гунэм,
эллэ тэҕэрэ.
Мит этэрэкит,
д'ōкилдIракит,
ōн бимчэ?

Тикэн гунйксэ, этэрэн турэтчэми. Ōтанӣ-мата турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
доон, донин!
Би умнэ-дэ
илдаксā,
эхим мултӯвра
д'алви бихим.
Кēйми, кēйдалāви
этэм этэрэ!
Бумӣ, умӯн
турэн ачйн
буд'эрӣ бэйэ
бихим би.
Би мата
аҷад'акāн,
эмӯкин бэйэ,
балдIксā,
йдӯ-дэ д'алйа:
иэкун, акйн ачйн.
Би йдӯ-дэ
бучēлйв-дэ
соҷорӣ ачйн!
Эмӯккēкӯн
мэпми, гунэм.
Авахӣ, си
эрдин баран
аҕӣ бэйэҷэн
мананас.
Боконймчāт,
буруййн, ухан
тIрэрйдӯв
элэкин бичэ.

Тикэн гунйксэ этэрэн. Н'ān-дāт кухйд'эрэ. Эркэн-таркāн кухйд'эрэ. Авахɛ-сōниҷ турэтчэрэн:

Диҷдɛ, диҷдɛ!
Дулин буга
сōниҷин,
Ōтанйид'ā,
сōниҷ-мата,
ōлɛхin-дā
сурагирҷāтпи
сурагирчā бихим.
Ēкӯн мӯвэн
умӯксā, балдIчā?
Бад'акɛ-дā
сурдак бихинни!
Дэррӣ д'алаҷҷи
ачйн, н'уҷни
сумус ачйн.
Ēкӯма-цан
ураҷкайдукин
балдIчā
бэйэ бихинни?
Бōла-цан,
Ōн кēйрӣ бдам?

Тикэн гунйксэ этэрэн. Ōтанӣ-мата турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, донин!
Хэргӯ буҕа
Чулурэн,
Сэлэргӯн,
сōниҷ-мата,
би, бэйэ, гунэм,
гиллун суму
гилдɛллэн,
катан чахамнав
д'э, н'урэллэн.
Д'э, маннӯвкал
сōт айат!

Тикэн гунйксэ, этэрэн. Гунйксэкēр, н'ān кухйд'эрэ. Ōтанӣ д'э, хāврэн эҷэхйви. Бутуннуд'ин авахйва тар н'экэксэкэн, ну-

ԥан сэлэмэ тэтивэ̄н э̄лӣ-та̄лӣ туԥ′улмӣгда колтовкӣ о̄дан. Авахӣ колторӣкла̄н амԥадукин сэ̄ксэ д′олконӣвкӣ о̄дан. Авахӣ иксаран. Тарба̄н мултɐчэ̄лэ̄н, нуԥанма̄н кэ̄йда̄ви н′экэрэн. Тар-да̄т о̄ԥкаптикӣ гарада̄ран. Гарада̄ксака̄н, билирги котови д′о̄никса, эԥиԥэптӯндукви, энэкӣдукки котови лувухӣнан. Тариԥӣн сэмтучэ̄. Тариԥци гаксака̄н, хо̄гд′аран. Хо̄гран, ва̄ран. Ва̄ксэ̄ нуԥанма̄н, тоԥово иларан. Илаксэ̄, тоԥодӯ далгаран. Тогодӯ далгаксака̄н, бутунну хулэптэ̄нмэ̄н мӯдӯ итиктан. Та̄дук «Айдан авахӣ дулин буԥала̄ эԥин эмэрэ», — гӯшшэн.

Тар ваксака̄н, бэйэ ԥэнэрэн. Кухӣнэви ӯд′алӣви амаскӣ мучӯд′аран. Ӯд′алӣви мучӯксака̄н, умӯн буԥадӯ со̄ма баран д′ӯ бичэ̄ бихин. Та̄дӯ адӣкӯн д′ӯ тоԥо тӣпӯттан. Та̄ла̄ истан. Умӯн эгдиԥэ̄ д′ӯнд′а бихин. Бэйэ тар д′ӯнд′ала ԥэнэрэн. «Бэԥинтӣн, н′уԥэйэ̄тӣн, хэгдивӯтӣн д′ӯн бид′иԥэ̄н?», — гунчэд′эрэн. Та̄ла̄ истан. Уркэдӯн иллан. Тар илчаракин, умӯн мата эмэрэн, «дорово» гунд′эрэн. Та̄дук матадук О̄танӣ улгумӣд′эрэн:

Докɐ, докɐ!
Доон, донин!
Си, мата,
эдэ̄, бэйэ,
улгучэ̄кэл,
н′уԥэйэ̄хун
д′ӯн йдӯ бихин —
миндӯ мэтэ̄вкэл!

Тикэ̄н гунйксэ̄ этэрэн. Этэчэ̄лэ̄н улгучэ̄нд′эрэн: «Эр-ти бихин, — гунэн, — би бэԥиндула̄ви мэтэвӯктэ!». О̄танӣ долча̄тчэрэн тар турэ̄нмэ̄н. «Бэԥин н′уԥэйэ, Мэԥрунӣ-мата эмэчэ̄, си д′ӯвас улгумӣд′эрэн». Н′уԥэйэ̄тинд′э Мэԥрунӣ-этиркэ̄н гунд′эрэн: «Мата эмэчэ̄ бихикин, химат тургэ̄нд′и йвкэллу!», — гунд′эрэн. Матава йвд′эрэ д′ӯла̄вар, э̄лгэнэ йврэн. Тэ̄рэрэн. Йчэ̄лэ̄н, этиркэ̄н тикэ̄ турэ̄тчэрэн:

Гени, ген′э̄!
Гени, ген′э̄!
Мата-бэйэ,
э̄йа до̄лдӣнни,
гунэм-ԥэн,
э̄ма буԥадук
эмэнэ̄нни?

Гуннэ этэрэн. Мата турэ̄тчэрэн:

Докɐ, докɐ!
Доон, донин!
Би дулин буԥадӯ
о̄скɐчэ̄ бихим.
О̄тани гунэрӣ,
мата бихим,
гунд′эм-ԥэн.
Си этиркэ̄н
э̄йа до̄лдӣчинни?
Улгучэ̄кэл-ԥэн!

Тарит этэрэн. Этиркэ̄н турэ̄тчэрэн:

Гени, ген′э̄!
Гени, ген′э̄!
О̄танӣ-мата,
би этиркэ̄н,
билиэв-ԥэн
горо аԥанӣ о̄дан.
Э̄дӯ сагданам.
Баран орон
авдува-да̄
иргитчэ̄ бихим.
Баран бэйэ
эмэкӣчин
дуннэ бичэ̄н.
Байанча̄в би,

ӛдӯ бимӣ.
Тар бид'эрэкив,
авахӣ Чулурӛ
сӛниңинд'а-дӛ,
Сэлэргуп-мата
элӛ эмэксӛ,
бэйэңив, гунэм,
барадиӛн
манакса,
д'эптэн, варан.
Си айава ӛнни,
хутэ, айава ӛнавас
ӛкӯнд'и-цан
тамад'иңав?

Гуннэ этэрэн. Этиркӛн омолгйткйвн гунд'эрэн: «Омолгйл, иландулӛ эмэҷилкӛн ваңгай-байтахуна вӛкаллу! Матадӯ туйудӛвэр! Дiҷиндулӛ эмэҷилкӛн актайа вӛкэллу, матадӯ туйудӛвэр!», — этэрэн. Вӛксӛл нуңандун туйурэ. Буҷадукки эмэхинчӛдукки элэкэс д'эптэн. Д'ӯр орон уллэвӛн бутунну умпэкӛн улӛрэ. Тариңңатiн умӯн д'эбӯктэт д'эбӯттэн. Тар д'эбӯксӛкӛн, нуңан тӛдӯ ӛнңэрэн. Ӛнңэксӛкӛн, тiмӛнна тэҷэрэн. Тӛдӯ инэттӛн, умӯн инэңйвэ дэрӯмкйттэн. Инэчйксӛкӛн, ӛнңэрэн; этiркӛңцин тӛдӯ сӛма айат нуңанмӛн д'эбӯвкӛниттэн, арӛснэй айа тэттiвэ бӯшшэн. Д'э, нуңан ӛнңэрэн тӛдӯ н'ӛн. Ӛнңэксӛкӛн тiмӛнна эрдэ тэҷэрэн. Эрдэ тэҷэксӛкӛн, тiмӛрва д'эбуксӛкӛн этэрэн. Этiркӛнтикй турӛтчэрэн:

Доки, доки!
Доон, донин!
Д'э, н'уңэйэ,
эхэкӛ бэйэ,
билир билигидук
горо аңңанйва
эмэчӛ си
сагдi бэйэ,
ичэнэс, дӛлдiнас
синҷи баран,
бид'иңӛн-цэн!
Би турӛнмэв
дӛлчӛткэл!
Би сэхɛргɛлим.
Эрдiн баран
орон авдучӣ
иргитчӛ бихинни.
Баран хутэвэ
балдivчӛ бихинни,
иргитчӛ бихинни.
Би ацад'акӛн
умӯн бэйэ
гиркурӣ
гиркунми,
умӯн надачӣ
бихим-цэн.
«Ёкӯн надӛс?», —
гуннэ-цэн,
улгумӣ бихикис,
би нӛдав —
даран тэгэрӣ
гиркйв-цэн
атiркӛцйави
гэлӛктэмӣ,
гиркурӣ-дӛ
бэйэ бихим.
Надан киливли
хэргэтiн-цэн
дiлачӛдӯ
эпэ дiлачӛвкӛна,
салгиндӯ
эпэ салгиннавкӛна
иргитийс
надан дарпир
надан д'унti
дарпи дӛдуп
ӧскɛтпа иргитийс
Дарпɛкчӛн,
ахӛкӛн-хунӛд'ис
Кида киливлис
бихин, гунэм.
Би тарйццас
гэлӛд'эм-цэн.

Д'э, этiркӛңцин тӛдӯ турӛтчэрэн:

Гени, ген'э!
Гени, ген'э!
Ӧтанйкӛн,
хутэ-ника,
си-дӛ гунэрйс
турӛн-цэн
син элэкин.
Би-дӛ эхим

буҧаскӣ гунэ.
Дарпɛкчӑн
хунӑд′ив-да
тӑрӑ мэнин
сӑд′иԉан-ԉан,
мэндукин
улгумӣмӣ.

Тарӣԉар этиркэн тӑдук гунд′ирэн: «Хунӑтпа гэннэкэллу!». Хунӑт, гэннэрэктин, д′э, эмэрэн. Умӯн ахӣ элгэттэн, умӯн ахӣ д′улгидэдӯн арпулӣттан. Эмэнэдӯн хунӑтпан д′ӯр ԉалэдукин д′аваксӑл, тэҧэвкэнэ. Тэҧэвкэниксэ, амӣнин улгумӣд′эрэн:

Гени, ген′е!
Гени, ген′эй!
Би хэргэ хунӑд′ив,
Дарпɛкчӑн хутэв,
аԉнакӣ бэйэ,
си сурактулӑс
эмэксэ, гэлэд′эрэн.
Миттӯ хэгдиԉэ
айа ӧкса,
бид′эрӣ бэйэ
ԉэрихӣ инэԉиԉэт
ичэвкэнэн.
Митпэ Чулурэ
Сэлэргуп-ԉэн
сӧниндук
авахӣдук-тӑ
бихӑран.
Тӑрӑ-дӑ д′алдӑкал!

Тикэн гунйксэ этэрэн. Ахӑкӑн, д′э, турэтчэрэн:

Дɛвɛдӑрɛко!
Дɛвɛдӑрɛко!
Мэԉрунӣ-амӑй,
Сэкалӑн-эн′эй,
сӯ бӯрэксун,
суглɛрэксун,
би-вэл ӗдӑ
этэм суглɛра?

Тарӣт нуԉан: «Ԉэнэҧэт, ԉэнэд′иԉэв», — гунэн. Тара этэрэн. Отанӣ-мата бимӣ улгумӣрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, донин!
Элэкин-ԉэн
турэнми-дэ
бӯнэдӯс. Мит ӧкӯн
курумучӣл бидэт?
Миндӯ ӧкӯн-дӑ
абдуйа ӑчӣн —
ураԉкай бихим!
Эр буга ӧкӯн
бэйԉэчӣ бивкӣ?
Тӧкӣ бэйԉэ
бихин-ԉу, ӑчӣн-ԉӯ?

Тарӣт этэрэн турэчйксэ. Этиркэн турэтчэрэн:

Гени, ген′э!
Гени, ген′э!
Хутэ-ника,
Отанйкӑн,
ӗдӯ аҧӣ бэйԉэн
ԉӣ-вэл бэйӯктэчэ,
сӑд′ан, бид′иԉэн!
Билир, билир,
эдэр биԉэхйви,
бэйӯктэԉкйв.
Би-дэ бэйԉэвэ
вӑԉкив-ԉэн
Сагданйксӑ,
эллэм бэйӯктэрэ.
Горо анԉанӣ
ӧдан, гунэм.
Орон авду
ахӯкӑн эчэ бихӣ.
Баран орон
бихин, гунэм.
Би-вэл мэн
байандукив
сивайбава
ӧмӣ, ӗд′ан?
Орон авдуйа
вӑкэллу, гунэм.
Ахӯн эйэтнэвэр
тар сивайбадӑкаллу!

Тар этэрэн. Нуцан тар сивайбацāт бдан. Тар оронмо дцинмэ вāчал, бадагар. Омолгāлин, хупāлин — бōкалāн бутунну умāвукса̄л, хāдылтын мōйа мōлāтта, хāдылтын мӯйэ мӯлōттэ, хāдылтын уллэвэ минэттэ, хāдылтын улōттэ. Химāнийат улэмулдōро, н'ачас ирāрэ. Д'э, упкатна д'ӯлāвэр д'уӯрэ, урāнал, урāнал каландук. Д'эбӯликса̄кāр баран бэйэвэ гэнэрэ. Уӯ буӷа сōницилбатын гэнэрэ. Уӯ буга сōницилтын ахāкāрба эмӯвчōл бичōл. Дулин буӷа сōницилбāн н'āн эмӯвчōл бичōл. Мэцруй этіркэн бимӣ тікэн турэтчэрэн:

Гепи, геп'эй!
Гепи, геп'эй!
Эрдын баран
бэйэл бксал,
умӯпӯбӯксал,
курулекса̄л,
эвйксōл-дō,
курултīксāл,
эвйнэ эвйкэллу!

Ёма эвйн
эрэлгэд'и
эвйкэллу!
Ичэдвун,
инкин н'экэйвмӣ,
д'ончари
д'ōнчантцатын!
Д'улōскӣ балдīрāл
улгучōнэнтцэтын!

Тікэн гуннэ этэрэн. Бэйэл тарит: «Ёкӯн эвйнэ эвйд'эп?», — гумэтчэрэ. Д'э, истангалāдāвэр н'экэттэ истангалāтта бэйэл. Истангалāмӣ, Ōтанӣ-матадӯ уӯ буӷа сōницилтын эхӣ тэрэрэ. Истангалāвэр этэксэкэр, н'ōрчатта. Н'ōрчамӣ Ōтанӣдӯ тэрэрӣ бэйэ āчин. Тар н'ōрчаксāкāр этэксэл, араспаӣ эвйрд'и эвйксōл этэчōл. Икэнивкэ икэндэвэр н'экэчōл. Икэнйккэр икэнйлчōл баран бинэл. Д'э, тар икэнд'энэл, хэкчэнэл сōма баран бэйэ хэкчэн. Ōтанӣ-мата сōма дōлдīн сēчӣ бичэ, сōма катан ēхачӣ бичэ. Тарбāн баран бэйэдук нуцан ēкӯн-ка турōнмэн дōлдīран. Дōлдīнан турэн уйӣскӣ бихин:

Гереvлакапеи!
Гереvлакапеи!
Мэцрупӣ-этіркэн
киливлин-цэн
Дапрекчāн, эдэ,
доровo биӷин!
Мула, мула!
Айа эвйндукви
миндӯ бдā

эчōс мэтэврэ?
Ōрбōн баран
сōницил-да
умйнчарактын,
миндӯ бда
эчōс сāвкапэ?
Курумдулавар
эчэс эмэвкэпэ?

Гуннэ, тэрэтчэрэн. Бэйэл икэнчэтнэр икэнд'эрэ, хāдылин, энэл дōлдīра. Этэксэ, н'āн турэтчэрэн:

Гіривлакапін!
Гіривлакапіи?
Ōтанӣ-мата,
доровойо ōӷин!
Н'āн-дāт билир
буӷадукки
эмэхинцэхис
бакалдīчāдуккар
ōн н'экэйэд'эпи?

Гунэм-цэн,
тāдук бдакин,
д'э, би ахāкāн
би синдӯ инми
ичэнтинэс
хуларин мэцун
ун'акāнтунми
д'э, тикивум.
«Бӯмӣ, — гунэм, —

бухиктэд'иӈэс».
Багдарин мэӈун
мэӈурэ томкот
ухйвӯксэкэн,
тiкивӯм.
«Д'авакал!», — гунэм

Дарпɛкчӑн-эдэ,
этiркэӈдӯс
хуларин мэӈун
ун'акӑптунма
бэлэктɛран,
«Экэл тiкӯлла», — гуннэ.

Гунйксэ этэрэн. Тар этэксэкэн, уӷйскй ичэттэн мата Отанй. Ичэттэкин, экӯн-кӑ уйййт тоӷоӷочйн тiкчэрэн. Бэйэ тара хэкнэйэ анӈӯ цӑладӯн тэвэрэн. Тэвэксэкэн, д'авад'арйгачйн бичэн цӑладӯви. Он-дӑ онави эчэ сӑра. Икэнд'эрйл бэйэл эмэнмурэ. Бэйэ йлэ-дэ иснави эчэ сӑра.

Арай умпэкэн уйдэмэк одан, арай ёкӯндук-тӑ хактiрӑ дуннэдӯ цэнэд'эрэн-ӈу, ёд'аран-ӈу. Цэнэд'эрйви эчэ сӑра. Арай сёнин куӷунэттэн. Бэйэ айамат уйдɛксэ, ичэхинэн. Ичэхинэн, арай д'ӯр оӷонйви тэкэндукин дэктiлэчй мурин ойодӯн укчалад'аранивит. Ичэтттэкин, дуннэӈйн каландiкӑн эмэнмучэн хэргилэ. Тадӯ уйдɛксэкэн бэйэ турэтчэрэн:

Доки, доки!
До-он донин!
Эрɛ, эрɛ
ёкӯма вӑнад'эн,
ёкӯма-ка
кувулгатiн
эксэрэн минэ,
энэ сӑвкӑна?
Вӑмй-дӑ,
вӑдӑви н'экэнни?
Д'эпмй-дэ
д'эодэви н'экэнни,
энэ сӑвкӑна?
Сӑчӑ бимй,
синдӯ тiкэн
эмчэв д'эбӯврэ,
гунэм-ӷэн.

Гунйксэ, д'э, тар этэрэн. Этэчэлэн, арай турэтчэрэн:

Герɛвлакӑпɛн!
Герɛвлакӑпɛн!
Отанй-мата
би д'эпнэд'э
эчэв бихй.
Экэл цӑлэрэ,
Экэл болгоро!
Ёдӑ цӑлэлинни?

Би дiлачӑ
хэргидэдӯн оскɛри,
д'апкун бугалй
тiргарй-дӑ
дiлачӑ хунад'ин
Тiргакчӑн-ахӑкӑн
бихим, гунэм.

Тiкэн гунйксэ этэрэн. Отанй мата айамат уйдɛран. Арай уйдɛракин, эӷэн'элин кумпэчэ ахӑкӑн дэӷйвд'эрэн. Мурин ойодӯн, д'ӯрй умӯн муриндӯ дэӷйвд'эрэн. Бэйэ тадӯ турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, донин!
Си, ахӑкӑн, ёдӯ
албастӑктанни?
Кувулгат-ахӑкӑн
одапни, гунэм.

Ёдӑ тiкэн
н'экэнни-ӈэн?
Ёма буӷалӑ
минэ эксэнни?
Ёкӯн нададӯн? —
гунэм-ӈэн.

Тарит этэрэн. Тар этэксэ, бэйэ ахӑкан муринми сомат илбэрэн. Тар айапнӑксакӑн, айапнӑксакӑн, истан буӷалӑви, д'ӯлӑви. Отанй-матава ӈӑладукин элгэнэ, д'ӯлӑви йврэн. Отанй-мата тэрэ-

рэн. Тэгэксэкэн, д'увăн адулăран. Олус-тă айа, гуд'эй д'ун дон. Багдарин мэнун муд'ин булкучăл д'улкăн. Ахăкăнмэ, бэйэ, дэптикэки тэгэксэкэн, улгумид'эрэн:

Докє, докє!
доон, донин!
Си, ахăкăн,
ĕдă минэвэ
эмувчăс? —
гунэм-цэн.
Би синэвэ
ахăйави гад'ицăв!

Тар гунйксэ этэрэн. Ахăкăн турэтчэрэн:

Герєвлакăнєн!
Герєвлакăнєн!
Мата-бэйэ,
Отанй-мата,
би синдук
эцэт цэлэрэ бимй,
эмчăв эмуврэ, гунэм.

Тикэн гунйксэ, этэрэн турэчиксэ. Нуцартин тăду ăнцэрэ. Ахăйави гадан тар бэйэ. Тăду биллэн. Нуцан тăду надаллава ăннэрэн. Тăдук бичэлэн, долбо дулинин бэйэ дэлдiран — турэн бихин уйискэки. Д'э, дэлдiракин, Дарнєкчăн-ахăкăн кидан турэнин бихин-ивит:

Даведăрєко!
Даведăрєко!
Тiргакчăн,
ахăкăн-эдэ,
дорово ĕгин!
Ноноптiду-дă
бакалдiнду
си д'улас ирэмэм.
Айа ахăкăн,
суракталăс эмэм.
Дiлачă хушăд'ин,
Тiргакчăн,
ахăкăн-эдэ,
уркэви нйкэл,
химăт, гунэм.

Тикэн гунйксэ, д'э этэрэн. Тар этэчэлэн Отанй-мата турэтчэрэн:

Докє, докє!
Доон, донин!
Тiргакчăн-эдэ,
ĕкун турэнин ĕдан?
Йлкал, тэгэкэл!
Уркэви нйкэл!

Гуннэ, сэруврэн. Тiргакчăн-ахăкăн турэтчэрэн:

Гiрівлакăнін!
Гiрівлакăнін!
Отанй-эдэ,
ĕкун долбо
турэтчэн?
Би д'ун итчин
кулунд'аран.
Ахикал, гунэм,
экэл курбухинэ!

Тикэн гунйксэкэн, ахй этиркэнци кумлэрэн. Ахăкăн Дарнєкчăн н'ăн турэтчэрэн:

Даведăрєко!
Даведăрєко!
Тiргакчăн,
ахăкăн-эдэ,
Д'эйдэ-Д'эвилгэн,
Кувулгат, гунэм.
Мэцумэ д'удуккис
этэм тагавра.
Би си сонцдукис
эхим цэлэрэ!
Би-вэл синдук
отни итэгэс

ахӣ бид'эцӗв?
Си ӧрӣвас ӧрӣ,
си уҏирнэвэс уҏиррӣ
ахӑкӑн бихим,
си дэгнэвэс дэгрӣ

ахӑкӑн бихим.
Эр-ты д'ӳс уркэвӗн
дулин дулин
дэлпэрэгэр хэкихинэм!

Тыкӗн гунӣксӗ тар нуҷан этэрэн. Ахӑкӑн Дарпекчӑн тыктэн. Д'э, тар тыкӣксӗ, нуҷан уркэвӗн дэлпэрэгэр хэкихинӣксӗкэн, д'ӳр буҏалӣ ҷэнэҷнэн, д'ӳлӑ ӣрэн. Тар ӣрэкин, ахӣ тэҏэрэн. Ӧтанӣ-мата н'ан тэҏэрэн. Тар ахӣ турӗтчэрэн:

Давɛдӑрɛко!
Давɛдӑрɛко!
Тыргакчӑн,
ахӑкӑн-эдӗ,
би этыркӗҷӗв

ӗкӳн удӑдув
си д'оромочӧс?
Этыркӗҷҷи
ӳд'аван ӳд'амӣ,
элӗ эмэм!

Тыкӗн гунӣксӗ этэрэн. Тыргакчӑн-ахӑкӑн н'ӑн турӗтчэрэн

Герɛвлакӑнɛн!
Герɛвлакӑпɛн!
Ӧтанӣ-мата,
би синдук н'ӧҏӳт
ахӣлганав,
Нонон сӑрӣв,

Дарпɛкчӑн-эдӗ
си этыркӗҷҷис
Ӧтанӣ-мата
эчӗ бихӣ, гунэм,
Эмэнэви ӳд'алӣ
мучӳкал, гунэм.

Тар ӑхӑкӑн этэрэн турӗчиксӗ. Дарпɛкчӑн-ахӑкӑн турӗтчэрэн:

Давɛдӑрɛко!
Давɛдӑрɛко!
Тыргакчӑн-эдӗ,
сӣ мулӑмнин
суҏун этӗм мучӳра,
ӗракин-дӑ!
Си ахӑкӑнма

иличэрӣ
ахӑкӑн ӧдам!
Си сӧдукис
эхим ҷӗлэрэ!
Би-вэл синдук
ӗкӳнми итэгэс
ахӣ ӧдам!

Гуннэ, тар этэрэн. Тар этэксӗкэн, нуҷартын лэҏимӗчӣллэ д'ур ахӣ. Лэгимӗчӣксӗл, ахӑл кухӣллэ. Нуҷартын д'ӳри тулйскӣ йӳрэ. Тар йӳчӗлӗтын Ӧтанӣ-мата, тэтыксӗкэн, йӳрэн. Йӳнэн — д'ӳр ахӣ, н'уриктэлдуквэр д'авӑлдӣксӑл, кухӣд'эрэ. Мата, илитчана, ичэтчэрэн. Тэрӗцкӗкӣ ахӑл. Тӑдӳ мата ичэтнэ илитчаран, ичэтнэ дӳмайдӑд'эрэн: «Эр ӗчӑл ахӑкӑр?», — гунчэнэ. Тардалӑн айӑмат дылачӑ дэгд'эрэн. Ӧтанӣ-мата бимӣ турӗтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, донин!
Ахӑкӑр эдӗл,
дӧлдӏкаллу!
Би турӗнмэв
айат уйдɛкаллу!

Ӗкунмар тыссэмӗтмӣ,
кухӣрэс-тӗ?
Буҏи этэкэллу
айа, айа биҷэхин!
Эхӣксун этӗрэ,
Айа этӗн йӳрэ!

Тыкэ гунӣксӗ, этэрэн турӗчиксӗ. Дарпɛкчӑн-ахӑкӑн турӗтчэрэн:

Дɛвɛдӑрɛко!
Дɛвɛдӑрɛко!

Си, мата-бэйэ,
дӧлдӏкал-кан

би ахāкāн-цан
турэнмэв-дэ!
Авгувавун

нопон си
ганат очас?

Гунйксэ, тар этэрэн. Отанй турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, донин!
Дарпɛкчāн-эдэ,
ахāкāн-эдэ,

би ганāт онав
нопон улгумйнэв
ахāкāн бичэс!

Гуннэ, турэтчэрэн:

Би он д'урйвэ
гамй сатанд'ицāв? —
гунэм-цэн.

Бэйэ тикуллан. Тикулйксāкāн, бэйэ ахāлбэ д'урйвэ д'аргад'аран. Д'э, ахāл долдīра, кухйд'эрэ, нуцан ичэчиттэн. Тар ичэтчэнэ, нуцарбатин, д'э, бэйэ д'укрэвэ н'урилдуктин д'аваран. Д'аваран-да нуцарбатин н'урилтэлдуктин уййлдīрэн. Уййлдīксэ, идакаллан. Нуцарбатин д'укрэвэ сигдэлбэтин идакад'аран. Тар идакаракин, тар ахāкāн Дарпɛкчāн турэтчэрэн:

Давɛдāрɛко!
Давɛдāрɛко!
Отанй-мата,
бэйэ токтолкол!
Би турэнмэв
долдīкал-кāн!
Идакāмй-да
д'уривэ тэрэц
идакāкал!
Вāмй-да,
д'урйвэвун

вāрй-да, вакал!
Би, ахāкāн,
этэм алтāтта!
Вāмй, вакал!
«Вāмй, вад'ицāв!», — гуннэ.
«Арймй, арйд'ицāв!», — гуннэ.
«Караймй, карайд'ицāв!», — гуннэ.
Ганас ахй
бичэв, бид'ицэн.
Мэнци купулис, гунэм.

Д'э, д'урйвэ идакаран тадў мата. Идакаксāкāн, идакаксāкāн, д'урйвэ ирэктэдў локорон. Локонол тадў нуцартин тэпкэнэл, тэпкэнэл, соцонол соцонол д'аргамāчитта. Дарпɛкчāн-ахāкāн турэнин одан:

Дɛвɛдāрɛко!
Дɛвɛдāрɛко!
Отанй-мата,
Тиргакчāн
ахāкāн-эдэ,
ухадў-лака
эхй д'улэви бурэ.
Олус д'аличй
ахй бихим, гунэм.

Эхй алтāтта
ахй одам.
Бумй-дэ эдў,
Тиргакчāн,
умўндў буд'ицэн!
Нуцан-да
ишкин-цэн
этэн сулапта!

Дилачā хунād'ин, д'э, турэтчэрэн н'ān:

Герɛвлакāнин!
Герɛвлакāнин!

Отанй-мата,
Эрэй, гунэм.

Энӧ! Биргэ!
Би тэд'ӭмэ
буруйичӣ бихим.

Дарпɛкчӑнма
ахӣви, багар,
гакал, гунэм.

Тар тикӭн гунйксӭ этэрэн. Бэйэ даҷалӑтин ҷэнэрэн. Ҷэнэксэкӭн, ахӑлдук улгумӣрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, дӧнин!
Ахӑкӑр-ҷэн

эр идэвэр
тэд'ӭ эмэнд'иҥэхун!

Гуннэ, улгумӣрэн:

Эдук д'улэски
тикӭн-дӭ
этӭрэс ӧра-дӑ? —

гунд'эрэн. Этэчэлэн ахӑкӑн Тиргакчӑн турэтчэрэн:

Гɛрɛвлакӑнɛн!
Гɛрɛвлакӑнɛн!
Эдук д'улэскӣ
балдирӣ ахӑл
эдук тикӭн
эҥэтин н'экэрэ!
Хуркӭн-куҷкӑн-
н'ун
атӑткаҥ-ҷан

эдук д'улэскӣ
эҥнэктин мэкӯстэ!
Би боҥнон д'алдӯви
«Би ойолӣв экӯн-дӑ
ачин, — гунчэҥкӣв.
Би экин-дӑ
эвкӣ эндэйрэ бичэв», —
гунчэҥкӣв.

Тар этэрэн тӯрэчиксэ. Этэчэлэн, бэйэ нуҷарватин д'ӯрӣвэ локонодук гурэрэн, тикӣврэн. Тикӣврэкин, иланӣ д'ӯлӑвар йрэ. Д'э, йксэкэр, нуҷартин иланӣ улгучэмэчиттэ. Бэйэ Ӧтанӣ думайдаттан, гунчэттэн: «Би, бэйэ, эри нонон ганат ӧнав ахӣ Дарпɛкчӑн бичэн-ивит. Би тарӣҥни, ӭракин, ганат бихим». Тарит нуҷан гадан ахӣйави Дарпɛкчӑнмэ. Гаксӑкӑн, д'э, мата гунд'эрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, дӧнин!
Тиргакчӑн,
ахӑкӑн-эдӭ,
би ганат ӧнав
ахӣҥив-вит
Дарпɛкчӑн
эрӣ бихин.

Би тарӣҥни
ганат бихим.
Си минэвэ
эр буҷалӑ
эмӯвчэс-вит.
Эмӯвчэлэви
талӑ ҷэнэвкэл
минэвэ, гунэм.

Тикӭн гунйксӭ этэрэн. Тиргакчӑн турэтчэрэн:

Гɛрɛвлакӑнɛн!
Гɛрɛвлакӑнɛн!
Ӧтанӣ-мата,
би-дӭ буруйив ӧҷин!

«Багар эмӯвчӧн», —
гуннэ, буруйдарӣ
ӧдакис, би
ҷэнэвд'иҥэв

Тикӭн гунйксэ этэрэн. Нуҷан: «Эр-ти инаҥмэн ҷэнэвучим», — тар-ти муринд'ивар ҷэнэхинэ. Ҷэнэхиниксэкэр, айаннад'ара илани. Мэҷрунӣ-этиркэн д'ӯлэн иста. Тар ихйксал, тадӯ Ӧтанӣ биллэн. Биксэкэн, ур эмэвувкӣ ахӣ амаскӣ мучӯча. Д'э, тадӯ бид'эчэн, бид'иҥэн.

8. Хуругэчэн

Дуннэ тэнйнэдин бд'аракин, н'ацн'ацйн хаҷачандӯ кумтэптикй д'ававчā бд'аракин, Н'уҷурмэк-атиркāн дулин буҷадӯ бскɛд'ачāн.

Дулин буҷадӯ бскɛд'ачā, болгикта мбцин элэкэс болтолгод'орон, сэцкирэн элэкэс сэрбэргэд'эрэн. Айамат адулāракин, н'ахамдаткāн мбцйн н'албургад'аран. Арай нуцан уйдэмкэрэн: «Ёкӯн даҷанй, эдэ гунэрй, гиркййэ āчин бид'эрэн арай. Эр-кэ ёкӯндук йӯчэ, бид'инэн, — гунчэвкй, — д'эрэн (< д'э эрэн), — гунчэрэн, — эрэнй эмӯкин бичэв, бид'ицэн», — гунчэд'эрэн. Олус горово толкуйдāнан.

Д'э, н'экэксэ, уҷйскэкй мундīрэкин, ёкӯн-ка нуцан ойолйн н'экэйэрй āчин бивкй. Кукунэрй кукэкй āчин биттэн, кукунэрй сорицин эвкй цэнэрэ.

Д'э, нуцан бихэм-дэ йэнэ-бирадӯ бскɛд'аран-и-вит. Арай эр бид'энэ, д'ӯр орочй биттэн. Ни-дэ бӯнэвэн, эчэ сāрэ. Тарā гунчэвкй: «би āнэлйв», гуннэ, «д'авад'ам!» Эрэ атиркāн йэнэбирандӯви тар д'ӯр н'āмйн'унми н'арӯткāнмэ мӯлэкйчин хулйдӯн бид'эрэн. Чукаҷин чукавāн оцкоктод'оро. Эр н'āмāхāлин гэрбйлтин:д'ӯр чампарāкмахāл н'āмāхāл. «Эрйлбэ би иргичйктэ гиркйлэви», гунчэд'энэ д'ававкй. Тымāнйтикйн эрдэйэ эмэд'эвкйл. Тādук мэнин д'ӯкчāн — утэн калтакāн. Нонон иргйхэн — д'иктэ калтакан, тādук гёвукта — н'аңта калтакан иргйхэчй бичэ. Тādук эр атиркāн «эр эмӯкин бичэв», гуннэ, олос думайд'аран.

Дэ-хилэ, умӯкэн тымāнйдӯ хагачānд'ави гадан, тулйскэкй лэпулйрэн, «Укун'уд'э сɛрɛтта!» гуннэ. Эр йӯксэкэн, н'āмйва сирд'аракин, арай утэн калтакāн д'ӯдӯн бкин-ка энэн дблдīра чёрңад'аран «Ти-ий!». — «Оголор! Ёкӯн тэпкэлд'эн?» гунчэрэн. Тар гунд'энэйэ, хагачānми уҷйскэкй гарандāраи, тухад'аран д'ӯткāкйви. Д'э, д'ӯлайи туксана эмэрэн атиркāн-турэн. Тухана эмэксэ, уркэлйви ймэлчэрэн. Йксэ, ёкӯн-кат āчин. «Ти-ий! Оголор! ёкӯн гӯнэн? Ёкӯн турэйэгдэ биксэкэн сурурэн?», — гунчэд'энэ, лупэлйд'эрэн тулйскэки. Лупэлйксэ, д'ӯви хоролй хоролд'орон «ёкӯн тэпкэд'эрэн?» гӯнэ, гӯнэ хоролдон. Д'э, эрэ тикэн н'экэрэн. Н'амахāлдулāви укӯн'угэ укӯвкэнэ, ёнайтānэй ёдан бран. «Карɛңнак укун'унми уцкурйвэн ичэцнэкэл!», — гунчэн. Тādук ёдук-тā кихɛйдан. Эхилэ укӯн'у сирилдан. Эр сирд'аракин, н'ān-дāт тэпкэлдэн, чёрцалдан ёкӯндук хуцту. Эрй, бэйэ бксā, энэн дблдīра. Н'ān-дāт туксахинан, халкачāнми гарадāксбран. «Д'э, ёдāнмэ ичэцэтнэв сатар ичэдэвэн ичэд'ицэв», — гунчэрэн, туксад'аран. Атиркāн-турэн эцэхйчит тухад'аран, уркэви мирэтпи мундуккāн эмчэрэгэр нāчад'аран. Утэн калтакāн д'ӯви ичэхйнд'энэйэ йд'эрэн. Тар ичэхицнэн — арай бэйэ бксā, нуцан бкин-кат энэн ичэрэ, арай бэйэткэн-куцакāн нуцан сэктэвӯрдӯн аран хунилдāд'аран. «Д'э, баракса̄кāн! Эр ёкӯн тикйврэн?», — гунчэнэ. Д'э, бдук урӯниксэ, нуцанмāн лацкалйд'айāттан айагда солкомо билатпи, чаварйхинйксā, тарйцйтпи

чакӣлдан айамат. «Д'э, эриңдук укулӑд'эңӗв укӯн'увэ сырдаксӑ». Эр эмэвӯксэкэн, дєлбимэ д'эбувкӑнд'эрэн. Тарӣңӣн арай умӯкэлдэвэ ӑнңаксӑ, умӯкэчӣгэчӣн ӧд'аран. «Тӏ-ий!». «Тэд'эмэ дэ̆ңӣ аӑ̆ӣткӑн-куңакӑн», — гунчэнэ. Илалдава ӑнңэрэн, иланд'ачӣгачӣн атӏркӑнн'ун айамат сэхӣргэвкӣ ӧд'аран.

«Кирє ӗкӯн бараксӑн, ӗкӯн айакинин, бараксан дундэлӣ-дэ гиркунайан, уӑ̆ӣ̆ӣт тӏкнэйэн?». Эр атӏркӑн думӑтмӣ ухэрэн. Йдук-кэт тэкэчӣ бинэ, эмэд'эккэн — эчэ сӑд'ара.

Д'э, умӯн тӏмӑнйдӯ эр куңакӑн-турэн турэрбуд'эрэн. Д'э, турэрбучсэ, нуңан эвэкэдукки курдусс'урун:

Миндӯ гэрбӣйэв гэрбӣкэл!
Дулин буӑ̆адӯ
арахинай аймакил
эмэхэл, гэлтэминд'эл,
«Гэрбӣс ци?», — гуннэл,
ханңӯкталд'аңӑтӏн.
Тар ханңӯллактӏн,
ӧн гуннэ, гэрбӣчӣлд'эңэв
би гэрбӣви?

Тавар куңакӑн турэттэви этэрэн. Н'унурмэк-атӏркӑн:

— Д'э, тэд'эмэ-дэ дэ̆ңиңи гэрбӣйэс гэрбӣд'эңэв! — гӯнэн. — Гэрбӣс эдуккэр д'улэскӣ Дулин буга Хуругэчэнин бикэл! Аңнакӣл арахинай ханңӯвкӣл, ханңӯлдактӏн, тавар Хуругэчэнмэ, гэрбӣс Дулин буӑ̆а Хуругэчэнин бикэл! Тӑдуккар урс'у лукӣкэнэс, алаңад'айас ӧд'иңав. Тӏмӑтна эрдэкэн бэлэннэд'иңэв. Тӏмӣптӏдук чӑскӑкӣ лукӣт эвӣвкӣ ӧд'иңӑс, — гунд'эрэн.

Эр куңакӑн бичэ ӗкӯндук-тӑ урӯнд'урун. Эр нуңан алаңайан ӧксӑкӑн этэрэн. Эр ӧнӑд'ин ӗкӯндук-тӑ айат лукукэтчэрэн. Йэнэбираңди солококӣ, алаңанд'ави ңӑлд'ана, эвӣнэд'эрэн. Эр суруксэ. Эр бэйэткэн-куңакӑн дулин буӑ̆адӯ ӧкин-ка энэви ичэрэ ичэрэн. «Эр ӗкӯн оголор?», гунэн. Аймамат ичэрэкин, арай дӣ̆ин халгачӣптӏкӣн бивкӣ, уӑйски эӑ̆ин-эӑ̆ин чорокӧчӣ бивкӣ. Д'э, нуңан бичэ алаңанд'атни лукулэд'эрэн арай. «Д'э-рэ, эвэкэлэви ичэвкэниктэ. Ёкун эри?». Нуңан бичэ, инихиниксэ ӧран, тухад'ахинан. Д'э, нуңан бичэ ахундӯ-ңан ихивд'ан? Эркэндӯ иссаран-дат. Д'э, уркэдӯви мукчэрэгэр н'ӧдӑд'аргара. Эр арбагайкӑн атӏркӑн ӗдук-тӑ олорон. Ӧңканчаран, олоксо. «Ёкӯндук н'экэм эрӣ?», — гунчэнэ, ичэхинэн. Арай аймамат уйдэрэкин. «Эр тӧкӣ гӯкит бэйцэңӣтӏн, бид'иңэн!», — гунчэнэ лупулӣд'эрэн тулӣскэки. Д'э, котонд'ови ңалихинд'анайа, нуңанмӑн ихиликсӑ ӧран. Нандаван хигилдэн, симтунд'адӯви катарин улэмнэк улэрэн. Д'э, дурукмавӑн улэмнэк улэрэн, «Хутэдӯви д'эбӯвкэнд'иңэв,» — гунчэнэ. Д'э, дулин буӑ̆а Хуругэчэнин тавар сигдӏлэдӯн ихэврӣ улдэвэ бутунну д'авачӑ-йе-вит. Д'э, нуңан д'эбулд'эрэн, кара хорокӣдӏнма амцахинан. Каракӣдӏкӑн ӧд'аракин, арай нӏмңэвкӣ. Мундӏкӑндӏмэ имӯхэвэ сӗракин, хэлакӣдин ӧд'аракин, нӏмңэртин. «Ёкӯндук-тӑ ихэлкэй? Тэд'эмэ аӑ̆иткӑн-вит!». Д'э, д'эптӏ д'эбгэйэви этэрэн. Д'э, нуңан тӏкэн турэрбуд'эрэн. Д'э, нуңан энйндукви ханңӯд'аран:

— Би горокӧндулӣ гиркуктаракив, ӧн бимчӕ? — гуннэ, энӣндуки гэлӕд'эрэн: — Дулин бугаду хаватад'арӣ д'ӯр халгачӣ, гохикачӣ бивкӣ, бид'инцӕн? Би гиркӣйэви гилӕктэдэви эйӕчим, — гунд'эрэн: — Дылачӕ йӯптуткӣ сурурэкив, ӕкӯн бид'инцӕн? — Д'э, тикӕн гунивкӣ нуцан.

Н'унурмэк-этиркӕн гунд'эрэн:

— Токтокол! Умӯн анцанӣмактӯ улдэвэ эд'элӣн ситтэ, ургунми эд'элин д'алупта, экэл гиркӯктара. Токтолкӧл! — гунд'эрэн.

Тар гуннэдӯн токтод'орон. Хуругэчӕн-турӕн алацӕнд'ави гахӕ, йӕнэ-бираңци солокӧкӣ эвйд'энэд'эрэн. Д'ӯрӣ д'апкун алацӕнд'ави лукулэмдэк сӕмактӯви тӕнимкӕд'аран. Арай ирӕктэ моцци лукулӕмкэрэн. Баргудукин чомпӧндыксӕ, лукутин таҕавран. Тар тикӕн н'экэд'энэ, илалдава-дӕ ӕнцэнэви, илан д'ӕлдава-кат ӕнцэнэви эчэ сӕрэ. Тар эвйттэд'эрэкин, ӧкин-кат энэлӣн ичэрэ арай уҕийэлӣн дэҕйлдэн. Арай н'аңн'аткӕкӣ ичэрэн. «Д'э, ӕкӯр тавар?,» — гуннэ, арай тариңйлин турэрбуд'эрэ. Нуцан дӧлдӣд'аран, арай турэр, турэр бивкӣл. «Д'э, ӕкӯр?», — гунэн нуцан. Уҕйлӣ ңэнэд'эрэктин, нуцан турэнмэтин дӧлчӕтчана, тухад'аран. Нуцан утӕксӕ, туксахӣнакин, буҕатин лэвэкэтнэ, кэйана эхин туксара. Ухэрэн туксатмӣ, гукчанд'аран, суптид'аран. Тар суруксэ ӧчӕ, энд'эклӣтин тухалӣтин.

Тар суруд'урукин, арай д'ӯ бихилчӕ-вит. Д'ӯлӕйи эмэрэн. Эмэксэ, «Иттэ», гӯнэн. Арай ӧкин-кат энэлин ичэрэ айамат тэҕэтчэрэ. Д'э, тар эмэксэ, ханцӯлдан:

— Д'э, ӕмайа бихис? — гуннэ.

Тар ханцӯракин арай, гэрбӣлбэр улгучэнцэтитин. «Д'э», тар элэкэс эмэмӣ, улгучэлдэн:

— Сӕкардин хунӣлин бихив, — гуннэл: — Хэгдиҕӯ хунӕд'ин — би, Мэңукчӕн гунэрӣ бихим, — гунэн.

Тӕдук дулгӯ хунӕд'ин гэрбӣви «Дарпӕкчан» гупэн:

— Сӕмэй хэргӯ — Сӕкакчӕн. Д'э, бу буҕадӯвун, дылачӕ йӯктудӯн арахинай бӧкатирил-эцэхӣл эмэнӧтитин. Тарӕ дӧлдыксӕл, эр эмэрэв. Эр-дэт эхйткэн бӯ тиргилинд'эк тиргэдӯвун эмэрэв, бид'инцэн. Эр-дэт эмэд'инцэтин эр буҕалӕ хэргӯ буҕа Сэлэнтурин». Н'уңурмэк-этиркӧндук ханцӯктад'ара:

— Йдӯ бихиквун, этэрэ бакара мунэвэ, — гуннэ.

Н'уңурмэк-атиркан: «Экэллу сурурэ, — гӯнэн, — эмэрӣйэтин этэйэткэлду. Эр би буҕавав бакард'ара». Тикэ гунйксэ этэрэн Н'уңурмэк-атиркӕн.

Омолгйчӕн Хуругэчэн-сӧниц ӕкӯн-дӕ энэ сэхэргӗра, тар сониңилба дӧлдыксӕ, олус думаран. Олус-тӕ кихӗйдан, тар н'экэд'эрэктин. «Арай ӕкӯн, ӕкӯн эмэрэн?» — гунчэвки. Арай дӧлчӯнатин? «Уркэвэ нйкэлду!», — гунд'эрэн. Д'э, тар арай гуннэдӯн уркэвэ нйд'эрэ. Нйксӕл, нйнэтин д'улӕтин йд'эрэн. Д'апкун сэлэмэ кӕровӕтпэ тэҕэкйэн нэрэ. Эмэнэтин дулин буга Хуругэчэнин тикэн, тикэн турэрбӯд'эрэн. Д'э, ханцӯлдан:

— Нононтӏ бимӣ, доровонд'о биӷин! Амаргӯптӏн бимӣ, улбулӣкӑн улгӯрд'иӆӑс, ӗма буӷадук ӗр буӷалӑ ӗмӗндӏ? Гӕлтӕр гӕрбӣви улгучӗкӕл!

Тавар этӕрӕн. Д'ӕ, эхилӕ Сӕлӕнтур улгучӗлдӕн:

— Хӕргӯ буӷа Сӕлӕнтӯрин бихим, — гунӕн, — Секард'ин дӏлачӑ хунӣлбӑн гӕлӕктӕд'ӕм. Мӕцукчӑнмӕ гӕлӕктӕд'ӕм, — гунӕн.

Кӕ, тар гуниксӕ этӕрӕн. Тавар этӕд'ӕкӗнин, дулин буӷа Хуругэчӗнин ӗкӯндук-тӑ тӏкӯлдан; дӏрамдӏ дӏрамдулӣви аран эчӗ хӗтаргара, нэмкӯндӏ нэмкӯндуливи аран эчӗ этӏргэрэ. Эвункӣ умӯкӕн тӕӷӕрӣктава дӏрамӯлд'аран. Уӷӣскӣ уйдӕйнӕдӯви умӯн сэммэ гугдалдан. Д'ӕ, нуӆандулӑн олус тӏкӯлдан. Эр хӕргӯ буӷа Сӕлӕнтӯрин ичӕдӕнд'ӕс ӗкӯмадӯ сурдактаран? Хойови дулиндукин умӯкӗчӗн ӗхачӣ, тиӆӗнми дулиндукин умӯкӕн ӆӑлӕчӣ, самаки тӧрайдукин умӯкӕн халгачӣ. Ӑмуткӑндӏн ӗханд'ӑви ичэхиннэс ӗкӯмадӯ сурдактаран!

Арай ичэхинэн айамат — эр ӗханд'ӑдӯн умӯн тӕӷӕрӣкта гаранд'ӑ мӧ лапкучад'аран.

— Си эмэд'ӗк ӯд'алӣви сӧмат химӑт мучӯкал! Д'апкун учатӏчӣ алаӆӑтпи лукилӕд'иӆӗв синэвэ! Сӧмат химӑт эмэд'ӗк ӯд'алӣви мучӯд'акал! Эхикис-нун мучӯра, ибгундама мӧт сигдӕкӗнмэс илэхӣнд'эӆӗв! Сӧмат химӑт эр-дэ йӯкэл! — гунд'эрэн.

Тар гуннэдӯн хэргӯ буӷа Сӕлӕнтӯрин тӏкӗн гунд'эрэн; д'ӕ, нуӆан турэрбӯд'эрэн эхӣлэ:

— Хӕ-эт, татайбун! Эр дулин буӷа Хуругэчӗнин, ӗкӯндӯ ӧскӗд'ачӑс? — гӯнэн, — турӗндӯ дӧксутаран, — гунд'эрэн, — Мэнукчӑнмэ гадарӣмадӯ гад'иӆӑв! — гунд'эрэн. Тар н'экэксӕ, мӗнмэс, ухук, сӕксэбэс урэӷэстӑннэ эвӣвкӗнтӕд'иӆӗв! Бохоктолд'ис тэвэскӗтчиӆӑв!

Тар гуннэдӯн дулин буга Хуругэчӗнин ӗкӯндук-тӑ кихӗйдан. Тар н'экэд'энэл, «Арай д'ӯкрӗ кухиӷэт!», — гуннэл, тулӣскӗкӣ лупулӣд'эрэ. Д'ӕ, дулин буга Хуругэчӗнин гунд'эрэн эхӣлэ:

— Нономо лукӣкӗрд'ивэр эвӣӷэт! — гуниттэн.

Д'ӕ, нуӆартӏн эхӣлэ лукӣкӑнд'ӗлбэр д'улэскӣ умӯкӕн икӗнмэ тӗриндӯн илд'ара.

— Д'ӕ, авгӯ н'ӧрӑд'ап?

Сӕлӕнтӯр гунэн Хуругэчӗнмэ:

— Кӕ, си н'ӧрӑкэл!

— Кӕ, кэ! — гунэн Хуругэчӗн.

Илалдава-дӑ иткучанавар, дӏӷилдэвэ. дӏлпӣнчэнэвэр эчӗл сӑд'ара. Д'ӕ, тупцалдава турӯвчаксӕ, д'ӕ, нуӆан бихэм-дӗ Хуругэчӗн: «Эхилэ хэргӯ буӷа бэйэн хэргӣскӣ-тӏ адагад'аӆӑн», — гунчэд'эрэн. Тӏкӗн гунчэксэ, самакмӑдӯн лукулӕд'эрэн. Тар лукулӗксэкӗн, каканд'ӑвӑн тоӆорогор лукулӗрэн. Эр лукулӗнэдӯн Сӕлӕнтӯр бичӗ ӗкӯндук-тӑ олорон.

— О-эт! Татайван, оголор сурдагӗй! — гунэн.

— Кӕ, би-кӗнэ лукулӗктэ! — гуннэ, ӑмуткӑндӏ ӗханд'ави тэнэхӧкин ичэхинэн. «Анэй-танэй, аваккавӑн!», — гӯнэн. Тар

гунйксэкэн, «Дулин буға бэйэн уҥискэкй адагад'ацан», — гунчэрэн, алацанд'ави сэмактуви тапчэрэн. Хуругэчэнмэ «Уҥйскй адагад'аҙан», — гуннэ ойочйрадўн лукулэрэн, мэтавăн пилтэрэгэр лукулэрэн. Д'э, д'ўрмэнтин икэнтикэкй дэптикйтэнэ туксад'аран, эркэн-дэт бакалдїд'аран. Ёкўндук-кат эчэл токторо, колтумачилла. Кухйлдэ, эркэн-дэ, таркăн-дă колтумăтчара, хэкймэтчэвкйл. Д'э, томтор дундэ тэцкй ӧвкй. Эр кухйд'энэл иртикй-дэ суруд'эрйвэр эхйл сăра. Мацагда дундэвэ н'уцйлбар дулкакйрбатин лэвэкэтчэрэ. Д'э, Хуругэчэн-сӧниц гунэн цуцанмăн: «Авгўкє силгилчăл бихин?».

Хэнцэлбэр адулăра. Д'ўр хойолд'ивэр турукчамăтнал, уйўнчэд'эрэ. Арай Сэлэнтур умўн халганин умўкэцэчйн силгилчэ, арай тикйлтэк ӧчă бинэ, илгимад'ачă. Хуругэчэн гунэн:

— Эргэчйн бимй, муннун кухйд'энди?

Тарйăлă гарадăран. Д'э, ибгунда мӧциткйн оцилканмăн бд'аран, нуцанмăн ирйктад'ана. Д'э, тикэн-дэ хэргў буға Сэлэнтўрин нйрин гирамдăракин, ичэвўливкйл бд'ара. Хэргў буға Сэлэнтўрин: «Токтокол!», — гуннэ, турэчивкй ӧран.

Д'э, гуннэдўн дулин буга Хуругэчэнин ӧкин-кат эцэт токторо ӧчă, ирйктавкй. Арай тар ирйктад'аракин, хэргў буҙаткй турэнин, турэн ӧлчă. «Ёкўн н'экэд'эн?», — гуннэ, Хуругучэн-турэн мултўвран. Арай уйдерэкин, хэргў буға Сэлэнтўрин хэргйскэкй, буҙалăви сурухинчэ бичэ. Тар сурухйнд'энэ, турэтчэрэн. Арай Хуругучэн уйдэрэкин, «Бэйэткэн-куцакăнцис лукйткэнд'и лукйткэчид'эрэкин, ахăткăн-куцакăнцис киптикănд'и гиркачйлд'аракин, — гуннэ, — мучўд'ицăв».

Хэргў буға Сэлэнтўрин, кёйивўксă, хэргў буҙалă тимйрдэн, Кэ, тăдў Хуругэчэн эмўкйн суруцэтин эхйлэ. «Д'э, йдук эмэчэ? — нуцан гунчэрэн, — элй-тэ, бид'ицэн!».

Эдў-тăдў ўд'алби сăд'аран. Цэнэрэн. Утэн-калтакăн д'ўн ичэвўллэн. Д'э, арай тулйлэ тэҙэрэн, эмэхэ, д'ўви уркэдўн. Тэҙэксэ, тикэн, тикэн турэрбўд'эрэн:

— Н'уцурмэк, гунэрй, эвэкэнд'эв, уркэнд'эви пйкэл! — гунэн.

Улгучэннэдўн Н'уцурмэк-атиркăн тэҙэтчэминин, элэмэтпи хэтэкэнчэд'эрэн уркэлэви. Нйксэкэн уркэви, ичэхинд'эрэн. Арай хутэн эмэчэ, арама-вал тăгрэн. Д'э, ёкўндук-тă урўнэн. Арахинай н'экэксэ кумаланми, бихикэн, дурукмавăн айадикăнми — «эрин, эрин сулара!» — бобурама сэктэврэн. «Кэ, хутэ, йкэл!», — гўнэн.

Тар гуннэдўн йрэн. Арахинай д'эвгэви энэ сулара дєлби астаран. Д'эбўвкэнд'эрэн нуцанмăн айамамат.

— Д'э, эр, утэ, йр буҙалба гиркуктаксă, эмэнди? — гунэн.

Хуругучэн-сӧниц горово эвэлэви с'эргєлдан, тăдук ханцўран:

— Сёкăрд'ин хунйлин йлэ суручэтин?

Н'уцурмэк-атиркăн тариндўн гўнэн:

— Мэцукчăн ёкўндук-тă горо буҙачй. Си, хутэ, этэнди иста.

— Д'э, ёдă этэм иста? — гунэн. — Ката н'уцийкэл, испацăв, — гунйттэн.

— Дылачā йӯктӯткэкӣн с'урукэл, — гунчэн. — Дылачā йӯктӯмэвэн с'уруд'эрэкис, д'ӯр йэнэвэ эдэксэ, баргудӯ чбраманд'ā д'ӯ бид'иңэн. Тарā бакаракис, тāдӯ бид'иңэтін.

Тар гуннэдӯн, тар н'уңнйнэлйн д'эптı-д'эбгэви омңорон, нэнэхиликсэ бран. «Йсчаңав», — гӯннэ, тэтті-тэттıви бутунну тэтчэрэн. Д'э, Н'уңурмэк-атıркāн д'айамат (<д'э айамат) н'укāнимāтнал, поростıлāссара.

— Умӯн аңңанйлӣ эмэдэви! — гуниттэн.

Тар гунэ, нэнэхйнд'эрэн эхйлэ. Аланāви нāлихйнан-дā, нэнэхйнэн. Тухад'а бчивкӣ. Дылачā йӯктуткэкӣ тухад'аран. Дэгрӣ дэктılэчӣ суптıд'аңāн; энэ гунчэрэ, н'ахамда мбңңи н'албулӣ бд'аран, тухад'аран. Нуңан нэнэд'эрӣ уӷидӯн эдīндӯн даӷадӯн бихи мбутунну суллӯмд'аран «Тıйэвӯнэви гакта», — гунчэд'эвки. Ēкӯн-кат мбн эхин тıйэвӯн бра. Н'ēлбирагар тӯнивкӣ, мэнми ӯд'ави этэн чэмкэрэ-хин, амаскāкӣ горойбдук ичэвд'эрэн эмэмдэн ӯд'ан. «Эр гочйкта аңңанйдӯ мучӯнивтı бракив, эрэгэмэр сāвд'аңāт», — гунчэрэн. Эркэн-дэ, таркāн-дā туксаран. Туксаракин, бкин-кат энэн ичэрэ ēкӯндук айат китıличӣ бира ичэвӯлчэ. «Эвэкэв гуннэн, тавар гуннэн эмэрэн?». Арай баргīдāн эхӣ ичэврэ. Тарā олод'орон. Олоксбкбн, н'āн баргīдāвāн йӯктӯткэкӣ тухад'аран. Тухад'аракин, эр н'āн-дат умӯкэн йэнэ ичэвӯлдэн. Кэ, баргīдāвāн ичэхйннэйэ гиркуд'аран. Эр ичэхинэн, арай ēкӯндук-тā айа хунāт ичэвулдэн, гунд'энэ: «Ун'акāптунми сэнмим». Дулин буӷа Хуругэчэнин: «Бн н'экэксэ, бакаңāтıв!», гунчэрэн.

— Ēма буӷадӯ, — гуниттэн, — сэнмид'эккэн нуңнйкэл!

— Йӯктукэнтıкӣ с'урукул! — гунйттэн: — Илйтın йэнэ баргīдāдӯн илан дıличӣ уксукӣ бид'эрэн. Цēӷидāдӯ улбуликсэ. тıкивчэв. Тара сāрэн, бид'иңэн. Кэ, тарā бакаксā, эмувдэви! Тарā эмӯврэкис, минэвэ гад'иңāс, ахййави гаңāтıс.

Д'э, нуңан бимӣ тухачā тухаран. Эр-дэт ихилчā, умӯкэн йэнэ хэдэлдэн, баргйскāкйн туксахйнд'ахинан. Эр-дэт гēвукта йэнэ ичэвӯлдэн. Тарā баргйскāкӣ туксасбран. Нуңан «уригдэн, — гуннэ, — уригдэндӯ эхйв би илда». Д'э, урӯхинчэд'энэ туксаран. Тар-дāт ичэвӯлдэн. «Д'э, эртı, ббла», — гунчэрэн, ичэтнэйэ эмэлдэн. Ēкӯндук-тā хэгдиңэ йэнэ ичэвӯлдэн. Тар баргīдāвāн ичэтнэйэ эмэрэн. Арай ēкӯндук-тā хэгдиңэхэ уксукйнд'э бид'эрэн. «Тавар-тı бблага?», — гунчэнэ, эрухиңңи иңалā эӷӯрэн, баргīскāкӣ олохинйксā бран. Уксукйнд'аңңи чапакāклāн туксаран. Ихиксākāн, ичэттэн — умӯктагдалин, мэнин āчйр. Уксукӣ с'уручэ. Умӯкталбāн гадан. Гахсā, д'айаран. Уксукйңңи этэйэд'эрэн. Ахунма бид'иңэн, тар-дат эмэрэн. Уксукйнд'āңин, эмэксэкэн ойодӯн хāрйлдан.

— Умӯкталбав ēкӯн эксэрэн? — гуннэ турэрбӯд'эрэн.

Дулин буӷа Хуругэчэнин.

— Би гачāв, — турэрбӯд'эрэн: — Келкумус ун'акāптунмав бакаракис, бӯд'ицэв!

— Бакакӯн! — гӯнэн: — Эр мӯдӯ бихикин, бакад'иҷāв, — гӯнэн, — аннаймактӯ алāттāви! — гӯнэн-дā, гад'ухинан.

Д'э, дулин буға Хуругэчэнин: «Гороке!», — гӯнэн.

— Кэтэлдэхэ аннаӣ калтакалӣн эмэвд'эҷэв! — гуннэ. — Дӣин бē̄амактӯ уғэлэд'иҷэв, — хуркуд'эхинэн уғискэкӣ. Хэргӯ туксу уғидэлӣн āнрэн.

Дулин буга Хуругэчэнин эркэн-дэт, таркāн-дāт тэрэтчэнэ, алāтчаран. Эйэкӣ, солокӣ гиркӯктаттан. Тар гиркӯктад'аракин, арай ēкӯндук-тā эдīн бран. «Эр ēкӯн н'экэлдэн?», — гуннэ, д'иктиргеран. Уғискэкӣ мундурэкин, хэргӯ тӯксу хэргӣдэдӯн ēкӯн-дā āчīн. Урӣгдэнмэн ēкӯндук-кат хэгдиҷэт мӯвэн урӯхинд'эрэн. «Ēкӯндук-кат горолэ урӯхинэн?». Бираҷни ичэхинэн — иҷарāгдан сулапчā. «Эр ēкӯн хӯрд'эрэн?». — гуннэ, мэнин сэхирэн. Дулин буга Хуругэчэн-турэн, илан диличӣ уксукиҷи с'урунэвэн омҷочō, бид'эчэ. Тар н'экэд'эрэкин, эр илан диличӣ уксукӣҷин эмэрэн, дағадӯн тэрэрэн. Тар дағадӯн дōксā, тикэн, тикэн турэрбӯд'эрэн:

— Ун'акāптунмас эмэвум-ҷу. Нономо д'эрингу манавав ичэкэл! Тāдӯ āчīн бимӣ, анҷӯ ҷāлав чимӣткиндӯн ун'акāптунди бид'иҷэн!

Нономо д'эрингу мананд'āви ичэвкэнэн Хуругэчэндулā, оҷканиксā, сиркунан. Дулин буға Хуругэчэнин, гэлэктэксэ, эчэ бакара — āчīн. Тукалāгдава човоколод'орон.

— Анҷӯ мананд'ādӯв адулāкэл! — гӯнэн.

Тарā адулāнан, арай кихил-комус ун'акāптунин анҷӯ манатпи д'авaксā, эмӯвчэ. Эр бакаксā ун'акāптунми, ōкин-кат эноэви урӯнэ урӯнчэ. Тар бакаксā, уксукӣҷи умукталбāн сōмат айат нонон бид'эктӯн нэд'эрэн. Уксукӣҷлэви тикэн, тикэн турэрбуд'эрэн:

— Ҷэнэхилдīдӯви ēдук-тā хэгдиҷэ пэхивэ, — гунд'ам, — эр ун'акāптунма баканадӯс би умӯкэн тōкива лукулэд'иҷэв. Лукулэнэйэ, ҷэнэд'иҷэв. Эр умӯн йэнэ баргӣдāлāн н'экэйэдэви, тāдӯ бакадāви. Би ēкӯндук-кат сōмат хэлйнчэд'эм буғалāви!

Тар поростілāстан, эр-дэт ҷэнэхйнд'эрэн. «Д'э, эргит эмэчэв, бид'эҷэн», — гунчэнэ, нуҷан д'эпті-д'эвгэйэви, āхин-да āмийа āчин ōран. Тікэн ҷэнэд'энэ арай ēкӯнми ичэрэн. Тāлī туксаран, тōкива ичэксэ. Нуҷанмāн лукулэрэн. Тарӣҷи мōва тоҷорогор, дулиндулӣн хоколйксā, тāдӯ локорон. Лококсō, эмэнэн «Илан диличӣ уксукйнд'э, эмэксэ, хутэлдӯви д'эбӯвкэнд'эҷэн», — гуннэ, эмэнэн.

Тāдук буғаткйви эркэн-дэ, таркāн-дā туксад'аран. Эр сигдилэдӯ буғадукпи эмэхинэви ахулда онавāн эхин сāра. Д'э, нуҷан ахӯнчад'аҷāн? Н'уҷйви дулмактӯн лэвэкэтнэ тухад'аран, ирэктэ мōҷи илдирэгэр тӯнэ. Эр нуҷан кухйлйндӯн ēкӯдi-ка хаватарӣ бэйҷэн дағадӯн эхин сулапта. Эхэкэлин бимӣ, палпалӣ с'уруд'эрэ. Ēкӯндук-тā сурдакит тухаран. Д'э, тухад'аракин, нуҷан-ҷу буған, ōма-гӯ арай тāкитна, ичэтнэ ҷэнэд'эрэкин, ōн даҷини буғавāн урэлд'эрэн. Арай айамат ичэхинэн — ēкӯндук-тā

айа д'ӯ бид'эрэн, ēкӯндук-тā гугда д'ӯ. Тар уркэлэн эмэксэкэн, тікэн, тікэн турэрбӯд'эрэн:

— Уркэвэр нйкэллу! Ноноптінд'ан бимй, улбулйкэн улгур бңнан!

Тар гуннэдӯн догйт Мэңукчанд'ā уркэвэн нйд'эрэн. Эр йрэкин, тэғэвӯнин айагда н'экэксэ ичэктэвӯнэн нэрэн. Тар нэксэкэн, ңаладукин доровомнин, тарийа элгэрэн, тэғэвкэнэн айамамат д'ӯдӯви. Мэңукчанд'э тікэн турэрбӯд'эрэн:

— Горово н'экэйэнді. Ун'акāптунмав баканді? — гунэн.

Хуругэчэн «бакам» гуннэ, улгучэлдэн айамамат, ēкӯндук-тā урӯнун.

— Кэ, элэкин, — гунэн, — умун анңанймактӯ мит д'ӯкрэ сивайбайавар бэлэннэд'иңэт, — гуниттэн.

Дулин буга Хуругэчэнин «горокē!» гунивки. Тādук гумэчилчэл. Гумэчиксэл, сивайбавар ӧлчал. Тādук айат билчэл.

9. Умӯснй

Умӯснй-мата ӧскɛд'эчэ. Амйнми-дā, энйнми-дэ эвкй сāрэ. Умӯккэккэн ӧскɛд'эчэ бичэ. Д'ӯн бичэ ирэктэ калтакāн. Д'ӯн дӧвāн адулāракин, ēкӯн-дā āчйн бичэ. Нуңан биксэкэн-нун, бид'эпкй, бид'эпкй бичэ. Солокй, эйэкй бэйӯктэвкй бичэ. Эр нуңан умнэкэн бэйӯксэкэн, ēкӯнма-дā эчйн вāра бичэ. Д'э, эр бэйэ бэйӯксэ, эмэхинчэ. Эмэксэ, āхинчā, тікӯликсā. Эр ād'энэ толкичā-ғӯ, ēчā-ғӯ бичэ. Тар ād'эрэкин, турэн дӧлдівчā:

Дэвэрдэкāнɛн! би-кэ синдулэ
Дэвэрдэкāнɛн! эмэчэв, эчэ-гӯ?
Мата бэйэгдэн Эр-кэ н'āн
тэғэд'экэл-гӯ! уғӯ буғадӯ
Дэвэрдэкāнɛн! хэгдиңэ молон
Мата бэйэ-ғу, н'āн ӧд'арйн, —

гуниттэн. Айдан эрйд'аран:

Дэвэрдэкāнɛн! Ңэнэчйнни-гу,
Мата-бэйэ, ēчйнни-ғу?
ңэнэрйс-ку, Айава ӧракис,
ӧрйс-ку ӧдан? эхим омңоро!

Эр мата эргэчйн гуннэ турэтчэрэн:

Герокāнɛн! бэйэ-дэңэн
Герокāнɛн! ңэнэхиндāви,
Ахāкāн-ңу ēдāви н'экэлчэ?
ахāкāнтікй Г'ēрокāнɛн!
сэхɛргɛд'аран. Гēрокāнɛн!
Герокāнɛн! Ахāкāн-ңу бйд'эңэн
Герокāнɛн! эңэхийэ āчйн
Ахāкāндӯ айнād'эм, ӧд'ам?

Эр ахāкāн матава цэнэвӯчйттэн. Буғалāви цэнэдэви н'экэд'эрэн. Цэнэхйнд'эчэл эр ахāкāн бэйэн'ун. Эр ахāкāн д'улэлэ цэнэд'эвкй. Цэнэвкэнчэл ахй буғалāн. Ахй буғалāн исчāл. Д'ӯлāн йчāл. Ихиксāкāр бэйэлбэ ичэрэ. Кухйлйттэ. Кухйлйксэл, калтакā мудандукин кидāчāл, вāтта. Этэрэн. Тавар ахййави гаттан, ахāн'ун билиттэн.

10. Умӯслйкэн

Дулин буга элэкэскэн мōйка мētадікāнин нэптэргэд'эцэсйн, лāм-булд'ар билāсэкэлдікэн бēлкивд'ацасйн, уӷӯ буӷа элэкэскэн сēрукāлдікāн сēрӯвд'ацасйн, дулин буӷа дулкакйндӯн эгд'э йэнэнд'э даптудӯн бивāнд'ачā, ōскɐд'эчэн дулин буӷа сōниң гэрбйн бимй эмӯкин ōскɐчэ, Умӯ-Умӯслйкэн сōниң. Утук утэкэчэнин бимй, мōйка бэйун наннад'ин далдалкāн, тōкй н'уңид'ин тірэвкэлкэн, уӷэлкэн, бэйӯн дīлин калалкāн, бэйӯн чапанмāн котолкōн бичэн.

Эр бэйэ, йэнэци солокй бэйӯксэ, д'āн имуллэдӯви д'āн мōйка бэйӯнмэ эмуӷӯттэн. Эр Умӯслйкэн тэд'э сō бэйэ бичэн: дуннэлй гиркурй дīғин халгакāнма, д'ӯр д'апкӯн куйэ гōкчалкāнма умнэ эвкй этэкэнмукэнэ бичэн. Уӷйлй дэгрй эрбэ дэғивэ хэйэлйви эвкй исивкāнэ бичэн. Эр Умӯслйкэн тэд'эмэ-дэ сōт сōмруттан, нуңан гунчэттэн: «Дулин буғадӯ бигдэ-ти бисин, миңэчйн эңэсй бэйэ āчйн дулин буғадӯ», — гунчэттэн. Эр Умӯслйкэн гуниттэн:

— Би эр гиркуракив, упкат бэйңэ гōхилкāн биттэн, дуннэлй-дэ гиркурй бэйэңэ, уӷилй дэгрй дэғи гōхилкāн биттэн! — эр Умӯслйкэн гуниттэн: — Би эр ēкӯндук балдīчāв? Уӷӯ буғадук тікчэ бихикив, хорондӯв сацикскāн бимчэ; хэргӯ дуннэдук йӯчэ бисикив, чурчандӯв тукалāкāн бимчэ; дулин буғадук эмэчэ бисикив, эптілэдӯв угдаксакāн бимчэ.

Умӯслйкэн-сōниң, умпэкэн бэйӯксэ, эмэксэ, чайңцци сулурэкин, уӷйскэкй турэн инңӯрэн. Айамат дōлчāтнан — нуңанцачйн турэлкэн-мит.

Тараңин гунйттэн:

— Дэғи, дэғиңи! Дулин буға сониңин дорово! Би эмэм уӷӯ буғадук. «Тіккэл» гунэкис, тікчэңэв; «Экэл» гунэкис, этэм.

Эр Умӯслйкэн ēва-дā энэ турēттэ; сōналйви ичэттэн. Тарйңйн, турэчиксэкэн, илтэнд'эсйнэн. Эр бэйэ бимй тікӯликсā, чаникйлби малӯлāви гарадāчиксā, алацāви хэркэксэкэн, бэйэ турэтчэхинэн утук-утукэнтікйви:

— Эр би буғалāв ēкӯп-кат эңкйн гиркӯра, ēкӯн ōксā, инэмңэйэкэкйн, ēкӯн дэғи гиркӯран? Би цэнэм иртікй д'улгйдэв ōдан-дā. Айат гиркӯмй, илан анцанйлй мучӯд'иңāв. Тардалāн айат бид'экэл!

Гунйксэ, Умӯслйкэн-сōниң тӯксад'ахинчэн йӯлтэн йӯптуткэкйн. Эр бэйэ цэнэрйдӯн д'окɐ мō томкогочин томковӯттан, хэгдиң мō цицтэмэдукви цицтэвӯттэн. Эр бэйэ тӯксад'аракин,

д'улгӣдэдӯн калтакӑ халгалкӑн, калтакӑ ӈӑлалкӑн, калтака ёсалкӑн Чулурэ ӧран. Муннукӑнма силатчарӣлӑн нӑчаран. Эр эмэксэ, сӧниӈ бимӣ калтакӑрӑнтикӣ гунӣттэн:

— Би ирӣктэ муннукӑнӈас.

Тариӈин:

— Кэ, нэкӯ, ирӣкэл! — гунӣксэ, тӑкантикӣ даварӣнчӣлчӑн. Тар даварӣнчад'аракин, муннукӑнӈан хэтэкэнмучэн. Тарӣӈӣн ахактад'аракин, муннуканӈан бутунну д'эпрэн Умӯслӣкэн-сӧниӈ.

Эр Умӯслӣкэн чӑскӣ тӯксад'амнин, тукалӑдӯ хуниллэхчэксэкэн, мэӈумэ гэкиткӑн ӧксӑ, дилачӑ йӯптуткэкӣн дэгд'эхӣнэн. Эр ӈэнэд'энэ, болорӣвӑн сиӈӣксад'ин сӑттан, туҙэрӣвэн саӈӣксад'ин сӑттан, д'уҙарӣвӑн силэксэд'ин сӑттан. Эр дэгд'энэ, сӧниӈ бимӣ, хуӈтутикӣр дуннэвэ илтэнӣттэн. Таргачӣн горо буҙа-вит уҙӯ буҙа-вит. Ӈэнэксэ, ӈэнэксэ уҙӯ буҙӑ икэнд'эккэн истан. Уҙӯ буҙа икэнд'эктӯн кэтэр мӧнд'а бисин, рӑснай дэҙӣл дӧвантин.

Эр Умӯслӣкэн-сӧниӈ тар мӧнд'а тэкэндӯн дӣкэнэн. Тар дӣкэнчэд'эрэкин, сӣксэ рӑснай дэҙӣл эмэллэ. Эр эмэксэл, рӑснай эвӣнмэ эвӣттэ: ӈӣ н'ӧрчарӣ — н'ӧрчаттан, ӈӣ икэрӣ — икэттэн, ӈи истангалӑрӣ — истангалӑттан. Эрбэн сӧниндук умӯкэмэ сӧниӈ упкат эвӣнд'и суптиттан — Йӯлтэн омолгин Гарпавӯлчӑн. Эр эвӣд'энэл сӧниӈил бимӣ сӧмнуд'акӑчитта. Эхӣлэ нуӈартин гунӣттэ:

— Дулин буҙа сӧниӈин эмэрэкин, хуларин сэксэвэн аланӑ итэгэстӯн уснӣд'эӈэт, мэнмэн диҙин буҙалӣ мєстолэд'иӈэт! — гуннэл сӧкӑттэ.

Эр сӧкӑтчарактин, уҙӣскэкӣ Кидак дилганӣн иннӯд'эрэн, икэвкэн бимӣ:

Нимєдӑрєкой! Нимєдӑрєкой!

Йӯлтэн киливлин Дарпєкчӑн-ахӑкӑн харвӑнд'ана турэтчэрэн эхӣлэ:

— Уҙӯ буҙа сӧниӈилин, ёва-ка сӯ салакӑчиӈкӣхун, бутун бэйэвэ эхӣл сӑра бинэл? Дулин буҙа сӧниӈин Умӯслӣкэн-мата эмэнэн тугурук умӯн инэӈӣ ӧдан; эхӣн-дэ дӧлӑкиӈисун тэкэндӯн дӣкэнчэд'эрэн, эхин-дэ!

Уҙӯ буҙа сӧниӈил гуниттэ:

— Дулин буҙа сониӈин ӧкин-лака иснави иссан? Истӏ-дӑ ӧмӣ, мундук сумайд'иӈӑн-дӑ? Тӏккэл, эмэкэл, икэннэҙэр! — гунӣттэ.

Эр ахӑкӑн соӈомуна, соӈомуна, «послєнэйви икэнӣктэ-дэ», — гуннэ тӏкчэчэн эхилэ.

Айамат-тӏ икэнд'эрэктин Умӯслӣкэн-сӧниӈ, тэпкэхӣнчэксэ, иркихӣнчаксӑ, хэтэкэнчэчэн эхӣлэ, дӧлӑкинд'ӑ илан буҙали дэлпэргэкнэн. Маӈанна дуннэӈцэтӏн хэнӈэмэктӯви лэвэксэкэн, турэтчэхинчэн эхӣлэ:

— Дулин буҙа сӧниӈин би бихим, Умӯслӣкэн-сӧниӈ! Эмэкэллу, сэксэвэв алаӈӑццар итэгэстӯн уснӣкэллу!

Уҕӯ буҕа сӧниҥилин мӘмӘривэр ичэтмӘл ӧчӘтин. ХӘдылтын, ҥӘлэликсӘл мэнэк хэтэкӘнчэтин. Эрбӧн сӧниҥилдук умӯкӘмэ сӧниҥ, дӧптикӣ илийксӘ, ГарпавулчӘ-сӧниҥ гуныттэн:

— Ёкӯн эвӣнд'и эвӣд'эп? Н'ур-ҕӯ муланд'ин нэмкимӘтчэрэп, алаҥа-ҕӯ д'ӘйӘд'ин токтомӘтчороп, уруҕун-ҥу эрчимд'ин колтумӘтчарап? Упкат эвӣндук синмакал!

Умӯслийкэн-сӧниҥ гунчэн:

— Ёкӯн-лака ухан сӧниҥилтин ӧмпакӣл: мӘмэрӣлдуккэр ҥӘлэд'эрэп? Хакин хакиндулӘвэр гидалаҕар! Н'урит нэмкимӘткэр!

ТӘдук сӧниҥил гумэчилчэтин:

— Авгӯ н'ӧрӘд'ап: би-ҕӯ, си-ҕӯ?

Умӯслийкэн гунчэн:

— Си н'ӧрӘкал!

ГарпавулчӘн-сӧниҥ сӘмактӯви н'уринд'Әви давсинийксӘкӘн, «уҕийскӣ-ти адаҕад'иҥӘс», — гуннэ, тӘнчӘн. Н'аҥн'аткакӣ н'урин тилкэчэн. ГёвчӘн гарпачӘн, «хэргийскӣ-ти адаҕад'иҥӘс! — гуннэ, — урӘксӘкӘн», — гуннэ, тикиктавӘн нэптэрэгэр гарпачӘн. Тар гарпачӘлӘн Умусликэн-сӧниҥ: «Би-кэнэ гарпакта! — гунэн, — уҕийскӣ-ти адаҕад'аҥӘс!», — гуннэ, сӧниҥ уҕидэстэдӯн тӘнчӘн. Уҕийски адагад'арӣ бэйэвэ мӘтанд'авӘн наптарагар гарпачӘн. ГёвуксӘ гарпаксӘ, чурчанд'ӘвӘн хокорогор гарпачӘн. ИлйвӯксӘ гарпаксӘ, мирэнд'ӘвӘн тэкэрэгэр гарпачӘн. Тар гарпӯчӘлӘн, ГарпавулчӘ-сӧниҥ гунчэн:

— Минэвэ экэл вӘра! Би дусӘви Кимэнэрӣ Мэҥункэн нэкӯнд'иви толӯйд'иҥӘв!

Тар гунчэлэн, Умӯслийкэн-сӧниҥ «тэд'Әмэ-дэ ёван вӘд'эм», — гунийксэ, Әлӣ-тӘлӣ тумнийнан. Тариҥин нӧноптигачӣн ӧдан.

ТӘдук н'эхэҥилвэр авуксӘл, ГарпавулчӘн буҕалӘн ҥэнэхинчэтин. Ноноптидӯн сӧниҥил ҥэнэхиннэдӯтин д'ӯр йэҕин агдӣ агдӣттан, бӧкта бӧктаттан, таргачӣн тургэнд'и ҥэнэттэ эр сӧниҥил. Эр сӧниҥил, туксад'анал, арӘснай айа дуннэлвэ исилчӘтин. ИлатӘл-дигитэл дэткэр дэлэмичэл дӧлдулйитин ҥэнэчэтин. Эр дэлэмичэлвэ илтэнмӯрэктин, айдан инҥулчэн: соҥод'ӧн, тэпкэнд'ӘН, колто иҕинд'ӘН. АваҳӣД'эбулчэ-вит ГарпавулчӘн буҕавӘн.

Эр сӧниҥил, айданма дӧлдиксӘкӘр, сувэлэсчэтин: «Ӧн ҥэнэд'эрэп?», — гуннэл. ГарпавулчӘн-сӧниҥ гунэн: «Бу йлэ мэнд'иви ҥэнэд'иҥэв?», — гуниксэ, туксад'ахӣнан. Умӯслийкэн-сӧниҥ, иҥактакӘн, эдӣндӯ эдӣнмӯвд'эчэн. Эдӣнмэ дэптикӣ тэргэнмэтин ихиксӘ, д'ӯ муннуктӯн намарӘчӘн.

Эр намарӯчад'ана, синкиттан Умӯслийкэн-сӧниҥ авахйҥун сӧниҥил вӘлдӣд'арӣватин. Тэд'Әмэсӧҥэсӣ эмэчэ-вит, тутакӘн д'авӯчад'арӣ, сэлэмэ уллэлкэн Сэлэргӯнд'э-авахӣ арӘснай айа буҕан букатыр сӧниҥилвӘн вачӘ. Йӯлтэн этыркэн тулгидэдӯн бутунну бэйэ бӯнэн ӧчӘ, иламӘ сӧниҥил кухид'эрэ: лӘм омолгӣн — Уҕэвнэр-сӧниҥ, буҕа тэҕиндӯн ӧскэчӘ — ОтанйкӘн-сӧниҥ, Йӯлтэн-омолгӣн — ГарпавулчӘн-сӧниҥ. Илаллава кухйксэл, Сэ-

лэмтэрӯнд'э бутунну кӗйран. Эр кӗйчӑлӑн, Дарпӗк-киливли соцоно, соцоно турӗтчэчэн:

— Цй-лэкэ тикин минэвэ айд'ан? Бутунну айцӑт сбиницил кӗтарра. Дулин буға Умӯслйкӗн-сбиниц горокӗ — эхин эмэрэ. Эмэхиннэн умӯн анцанй бдан. Авахйдӯ бӯрэн минэвэ!

Эр кӗййксӑ, авахйнд'ӑ гуниттэн Дарпӗк-ахӑкӑнтикй:

— Тэтилви айат камӯйкал! Ӗдук илаллалй цэнэд'ицӗт! — гуннэ, дэлкэндӯви дэрӯмкйттан.

Умуслйкӗн-сбиниц, сбиниц бксӑ, авахйнд'ӑлӑ цэнэрэн, илэчӗмнэк. Эр цэнэксӗ, илэчӗттэн:

— Минэвэ сэлэмэ мэчикйтпи гарадӑкал! — гуннэ.

Сэлэргӯнд'э гуниттэн:

— Постой! Буд'ицэс эксэ тэвэрӗ! Синдук бид'иц бэйэ эчйн тэвбрэ, — гуниттэн.

Умӯслйкӗн-сбиниц, тар гунэкин, мугдэкӗнмэ тэннэрогэр тӑниксӑ, дэрэкӗкйнмӗн гарадӑран. Сэлэмтӯнд'ӗ, тикӯликсӗ, «Сэлэмэ мэчикйтви дилвӑн намӗнтйкта!», — гуннэ, гарадӑран. Умӯслйкӗн-сбиниц мэчиккэн калтакӑ цӑлэтви тэвбрэн, тӑдук гӯнэн:

— Би-кэнэ гарадӑкта! Си тэвбкэл! — гунйксӗ, Умӯслйкӗн гарадӑран авахйнд'ӑва.

Тарицин кӗййан, эксӗ тэвбрэ, дэлкэнмэ йапӯрагар тикйврэн. Эр тикйвӯксӗ, авахйнд'ӑ колтулйксбран, Д'э, эр сбиницилкӑн авахй кусйлчӗтин. Авахйнд'ӑ Умӯслйкӗнмэ умнӗт эхин нӑвкӑна. Урӑксӑ, мугдэкӗрвэ хбкилмйгда колтоттон. Кусйчӗл, кусйрэ, кусйчӗл, кусйрэ нуцартин. Кусймй маццанна дуннэвэ кутацна, куту дуннэвэ маццацна, томторво оцкйчаницна, оцкичакка томторйцна. Илан беғава кухйксӗ, Умӯслйкӗн-сбиниц колтон тэптилчэн. Сэлэргӯнд'ӗвэ Умӯслйкӗн иктэрйклэн Сэлэргӯнд'э уллэдукин сэлэнд'эл копкомӯлчӑтин. Сэлэргӯнд'ӗ тэпкэлчэн, соцолчбн эхйлэ:

— Умӯслйкӗн, сб бэйэ бихинни-вит! — гуниттэн. — Эр колтонд'овос бдук д'улэскй синтикй хэргӯ буға авахицин эцнэн ичэхинэ!

Гунйксӗ, авхйнд'ӑ бцкӑнчачӑн. Умӯслйкӗн, никимнад'ӑвӑн хбғиксӑ, тоғодӯ далгӑксӑ, Йӯлтэн-этйркӗн д'ӯлӑн йрэн.

Умӯслйкӗн-сбиницца цӑладукин умӯн сбма гуд'эй ахйнд'ӑ малӯдӯ тэғэвкӗнэн. Тӑдук умӯн ондоцонд'блкбн актакинд'ӑва вӑксӑ, туйӯчӗн. Умӯслйкӗн-сбиниц ахйлӑлчӑн Йӯлтэн-киливливӑн Кимэнэрй Мэцункӗн-ахӑкӑнма. Илалладӯ умйвчӑтин эр-тар буға бэйэвэн сивайбамнӑкйл. Эр умйвӯксӑл, сивайбалчӑтин. Сивайба этэчӗлэн, араснай эвйнмэ эвйлчӗтин. Эвйксӗл, эвйксӗл, бутунну тар гачӑтин.

Умӯслйкӗн ахйви буғадӯн умӯн анцанйва бихин. Тадук умнӗкӗн кинниткйви гунчэн:

— Би буғадукки эмэнэв д'ӯр анцанйдӯк улэрэн, буғалӑви цэнэрйдӯв элэкин бдан, — гӯнэн.

Йӯлтэн-этйркэн гӯнэн:

— Цэнэрй бэйэвэ эхим д'авӯчара. Цэнэцӭт бимӣ, цэнэкэл! — гунэн.

Эр цэнэхиндэвэр умӯн инэцйвэ камуйра. Тымйнин цэцэхинчӭтин, умӯн дэткэн дэлэмйчӭвэ элгэнэл. Мэцушкэн-ахӑкӑн д'ӯр бӭд'эн элгэвӯрви элгэхйнйксэ, н'ӧрахинчӑн эхйлэ, д'алви нурастилӑхиксӑ. Умӯслйкэн мэниц дэлэмичӭлви илбэсинчӭн. Эр цэнэксэл, цэнэксэл, дулин буҕавар иста. Эр ихиксӑкӑр утэкэнмэр олдондӯн чӧрама д'ӯвар иливчӑтин. Эр Мэцулкэн Умӯслйкэн дулин буҕадӯвар тивӑнд'ара. Сӧма айат бид'эчӭтин дулин буҕадӯвар.

* * *

Умӯслйкэн Мэцукэчӭн сӧмат байанчӑтин. Умӯслйкэн-сӧниц идэйэви бакачӑн. Тымӑтнэ эрдэ тэҕэнэ, тэҕэнэ бэйӯктэчӭн. Бэйумӣ-нун, бэйунэ эвкӣ вӑра, эхим мучана. Цуцан ӭмӣ-дӑ вӑксӑ, эмэттэн. Сӧма айат бид'эчӭтин.

Тар бид'эрэктин, умнэкэн долбо дулкӑкйнин Умӯслйкэн гиркйн Мэцукэчӭн-асӑкӑн тэпкэлчӭн, иркилчӑн толкинми д'апкадӯн. Умӯслйкэн-сӧниц «ӭран?» гуннэ, ималчаран, гиркйви ичэчйлчэн сӧниц бимӣ. Мэцункэн-асӑкӑн тэпкэнми д'апкадӯн гуниттэн:

— Сурдэкэ! Сурдэкэ, эхэй, ӭкӯнцйв д'эбуллэн; эдэ Умӯслйкэн, айат дӧлчӑткал! Тымӑтнэ унэн дулинин эмэд'ицӭтин хэргӯ дуннэ авахинд'ӑлин. Буҕадуккар авахинпатин илалла ӧчӑ. Эдэбэйэ, айат бэлэннэкэл! Будӣт инэцит эмэрэн! Сӧт маннӯвкал! — гӯнэн...

Умӯслйкэн бэйӯцци хиҕйксэкэн, бэйӯцци уллэвэн панпадӯн чакилйксӑкӑн, бутуннувэн инихинэн. Эр инихинйксэкэн, д'ӯлӑви тӯксана истан. Эр ихйксӑ, асйви ичэнэн — цдӯ-дэ ӑчйн, тэтилйн бутунну урэййвчэл. Эр Умӯслйкэн, болгоксӧкӧн, соцоно, соцоно йлй цэнэнэвэн муййктэллэн. Илаллава муййктэрэн, ӭкӯн-дӑ ӯд'айан эчэ бакара. Диҕйтин инэцйлэ ӯд'аватин бакаран — долбортикӣ цэнэмцэвэтин. Ӭкӯндук-тӑ хэгдицэ огусинд'ӑт туркучйт цэнэмнэвэтин. Эр цэнэмнэлйтин Умӯслйкэн-сӧниц соцоно, соцоно, туксад'ахйнан. Тунцалладӯ соцонон, Умӯслйкэн-сӧниц ӭсадӯн мунукӑндикӑкйр н'аксанд'ӑл ӧда. Эр Умӯслйкэн, тӯксаксӑ, тӯксаксӑ, хэргӯ буҕалӑ тиккичйтин сацӑрва истан.

Эр ихйксӑ, д'алдӑллан ӧн тицэтни хэргӯ буҕалӑ. Умуслйкэн муцнанйкса, корголд'ӯткӑн ӧксӑ, чимухинан хэргӯ буҕа сацӑрдулйн. Эр тикйксэ, тикйксэ хэргӯ дуннэлэ истан. Хэргӯ дуцэцйтин сӧма хактирӑ дуннэ-вит: дилачӑ калтакӑн дилачӑлкӑн, бӭҕа калтакӑн бӭгалкӑн. Умӯслйкэн-сӧниц мэнэк гиркуд'ахйнан сэлэмэ ӯд'али кадаҕадук кадаҕалӑ нӑтӣна. Эр мэнэк цэнэд'энэ, умӯн д'ӯлӑ истан, эр диҕин кирилкан д'ӯнд'ацци уркэйэн гэлэктэллэн. Таринци илй-дэ уркэн эхин сӑвра. Умуслйкэн-сӧниц, дэрйксэкэн,

д'ӯнд'а олдондӯн даваринчад'аллан. Эр даваринчад'ана, д'ӯнд'аӈӈи дӧткйн турӕнмӕ дӧлдīран. Айамат дӧлчӑтнан — турӕтчӕрӕн нуӈан мӕн асйн Мӕӈункӕн-асӑкӑн. Тариӈйн гурйттэн:

— Кимэнйн-эн'ӕй, аливсӕ! Ёкӯн буҙалӑн эмэвӯксӕ, минэвэ муӈнӑллан. Бэйэл дīлилватīн астарйв инэӈйв ӧдан. Горокӕ эхин эмэрэ Умӯслйкӕн гиркйв!

Тар гунэкин, Умӯслйкӕн-сӧниӈ гӯнэн:

— Би эмэнэв илалла ӧдан. Сэлэмэ д'ӯнд'авас уркэвӕн энэ бакара, муӈнӑнд'ам. Уркэви нйкэл, эдӕ Мӕӈункӕчӕн!

Тар гунмӕрэкин, Мӕӈункӕчӕн-асӑкӑн туксана эмэксӕкӕн, уркӕнд'ӕвэ нйрэн. Умӯслйкӕн-сӧниӈ д'ӯлӑн йрэн. Йнэн бичӕ — Мӕӈункӕн-асӑкӑн бэйэл дīлилватīн астад'аран. Умӯслйкӕн-сониӈ асйдукви улгумйрэн:

— Сэлэргӯнд'ӕӈив йлӕ ӈэнэчӕн? Ӧкин эмэттэн?

Тар гунэкин, Мӕӈункӕчӕн-асӑкӑн гӯнэн:

— Сиксэ эмэд'иӈэн, бэйэлэ бэйучӕн, д'эвдэви. Сӧдук сӧ, эӈэсйдук эӈэсй, сэлэмэ илллэлкӕн Сэлэнд'э-авахй, — гуниттэн Мӕӈункӕчӕн-асӑкӑн: — Сӧгда мата бимй, кӕйд'иӈӑс. Умӯслйкӕн эдӕ, йлӕ мӕнд'иви этӕнни кӕйра! — гӯнэн.

Тар гунэкин, Умӯслйкӕн-сӧниӈ гӯнэн:

— Би ёӈӑс-тӑ бимй, балдīксӑ бид'иӈӕв энэ-лэкэ вӑлдīра, этӕм ӈэнэрэ!

Тīкӕ гуннэ, гуннэ, сӧниӈ Умӯслйкӕн алӑчйлчӑн. Эр алӑтчаракин, сиксэ, дīлачӑ тīкрйн даҙадӯн сэлэ иҙин инӈӯлчӕн. Тар инӈӯксӕ этэмурэкин, сэлэмэ калканд'аватīн чоӈкиллан, турӕтнэ турӕмэ Мӕцукчӑн-асӑкӑнма турӕчйллэн:

— Дӈдī, дӈдī! Мӕӈункӕн-эдӕ, тургэнд'и нйкэл калганмар! Дэрйксӕ, эмӕм, сӧт нйкэл!

Тар гунмурэкин, Умуслйкӕн-сӧниӈ, ёва-дӑ энэ турӕттэ, тулискй йӯрэн. Эр йӯрэкин, Сэлэргунд'эӈин, ололдоксӧ, тэпкэлчӕн:

— Энэй! Аливсӕ! Йдук эмэнни? Умуслйкӕн-сониӈ, дорово! Айат бакалдīҙар! Умӯндӯ бид'эцэт!

Тар гунэкин, Умӯслйкӕн-сӧниӈ, тīкӯлйксӑ, «синдӯ дорово бӧлан!» гунйксӧ, оцоктонд'ӧвӧн сиптарӯгар кукускӯран, анӈӯ ӈӑлатви сӧнин тэкӕндулӕн колторон, Сэлэйэнд'эӈин тэкӕндулйн колторон. Сэлэйэнд'эӈйн тīкӯлйксӑ, чаварйлчӑн баргӯква. Умӯслйкӕн-ку бэйэ айат п'экэрэкин, йӯчӕ ӧттан. «Хакирвас, мӕварвас эр-тī такад'иӈӑв, иҙэ цинакинма!», — гуннэ, гуннэ, колтӯчӑн авахинд'ӑва.

Д'э, эр авахйлкӑн сӧниӈ вӑлдīлчӑтīн. Нуӈартīн вӑлдīрйдӯтīн бутунну хэргӯ буҙа сэвэйэлин авахйлин, ӈэлэлйксӕл, будэ. Нуӈартīн колтотīн иҙин уҙӯ буҙалӑ даргйттан, гуӈйттан. Таргачйн сурдакйт кусйттэ Умӯслйкӕлкӕн Сэлэргӯнд'ӕ. Эр кусйксӕл, кусйксӕл Умӯслйкӕн сӧниӈ кӕййлчӑн авахинд'ӑва. Авахинд'ӑӈин тэпкэлчӕн:

— Умӯслйкӕн-сӧниӈ аракӯчйра колтӯкал! — гуньттэн: — тэд'ӕмэ-дӕ эӈэсй сӧниӈ бисинни-вит. Би-дӕ эргэчйн матава эчйнми

ичәрә. Әкәл вара! Минәвә-вәл вәксә, әкүндүв айд'анни? — гуниттән.

Тар гунд'әрәкин, Умуслйкән-сбниц, бцкалтікй гарадәксә, аптавчанмән кавканд'авән хбгран. Эр вәксә, бутунну тоҕодү далгаран. Тәдук чәскй гәлэктәнә бутушну авахйлва вәтїчән. Бутунну далгәксә, хулэптәрвәтін дәҕйврән.

Тар давдїксә, дулин буҕалавн асйн'унми цэнэсинчән. Цәнэксә, цәнэксә, цәнэксә дулин буҕалавн ойолбн нэхйлэ истан. Эр ихйксәкәр, айамат дәрймкйксәкәр, цэнэсйпчәтін д'ўлавар, Цәнэксәл, цәнэксәл иста. Эр инатін д'ўтін сбма айат бисин, нонопгігачйнми. Тімйнїн тәгэксәкәр, Умўслйкән-сбниц ororви ичәнәчән. Ичәнэн сбма айат бид'әрә, нонопгїдуккар д'ўрд'и хавўпчәл.

Эр бид'әнәл, умўн хуркән-куцакән хутэлкәсәл бчәтін. Эр Умўслйкән, хутэлкән бксә, сбмат урўнчэн. Урўнэви сбдун әдәрйтіҕәчйнми бчән. Эр хутэвәр сбма айат иргйчйттэ. Эр хутэтін умнә аңнамй, умўн анцанйптілкәнцачйн бттан; д'ўрә аңнамй, д'ўр аңнанйптілкәнцачин бттан. «Таргачин сити куцакәмйт Умўслйкән-сбниц хутэн, бэйэ бмй, Умўслйкэндук д'әнд'и сб бэйэ бңәт», — гумэчйттэ мэмэрйлн'унмэр. Эр Умўслйкэн Мэцукэчэнасәкән сбма айат бид'эчэтін, сбма баран авдулкәсәл бчәтін.

11. Умўн-Умўсййкэн

Билир бичэ умўн бэйэ. Эр гэрбйн бимй Умўн-Умўсййкэн. Эр Умўсййкэн д'ўви дбван ичэттэн — дбҕидадўн бисин умўн сэрукчэн. Тар сэрукчэнмэ гадан, дбдўн бисин уцнанчә мбгді. Эр мбгді дбдўн бисин улэ. Тар улэт тоҕойо иларан. Д'ўн элбэнэн бэйўн наннад'ин, тэргэксэ бэйўн наннад'ин бвчә. Эр Умўсййкэн сбма д'аданди бичэн: «чэ!» гунин — цина-дә ачйн, тулгйдэдўн иргит-ті оронйн ачйн. Д'эптілэн — бэйўн уллэд'ин. Бэйўнмэ вами, д'эбўттэн. Эмй вара — эттэн д'эврэ, омйсйттан. Эр Умўслйкэн сбма сбниц бичэн: дцин халгакәнма душэлй эвкй тўвкбнэ, уҕйлй дэгрйвэ эвкй дэгивкбнэ.

Умнэкэн д'алдачан: «Дулин буҕадў бигдэ балдїчә?», — гуниттэн. Эр сбниц Умўсййкэн умнэкэн буҕан'ун гўнми, цэнэсйпчэн. Эр бэйэ халганд'и цэнэсйпэн. Эр Умўсййкэн исран умўн урэлэ. Тар урэ ойодўн тэҕэтчэнэ, буҕава адулад'ачан. Тар адулаксәкан, гўнэн: «Авадї буҕа балдїнан?». Эр тэҕэтчэрэкин, эхэ нуцантікйн эмэд'эрэн. Умўсййкэн дїкбнэн, н'урит лукйлбрэн, вараи. Аталлан, уллэнцн д'эврэн. Тадук эр Умўсййкэн цэпэрэн, цэнэрэн, буҕалә исран, умўн душэлэ. Тадў бисин умўн д'ў. Тар д'ўлә йрэн. Тадў бисин атіркалкан этіркбн, сбма сагдїл. Эр этіркбн бимй улгумйрэн:

— Эр синэвэ бкўн эр буҕалә эмўрэн? Эр дуннэлб чивкачан-дә «чип!» эчә турэсинэ. Эр си бкўнд'и эмэнни? Гэрбйс цй? Ема буҕадў балдїчә бисинни?

Эр Умўсййкэн-сбниц гўнэн:

— Бинэв улгумӣрэкис, улгучэнӣттэм-дэ: би эмэм со горо буҷадук. Би гэрбӣв Умӯн-Умӯсӣнкэн. Сӣ, этӣркэн, сагдӣ бэйэ, арӑснэйвэ долдӣчинни, бид'иҷэн, ичэчинни-дэ, бид'иҷэн, сониҷ бэйэй сӑнни, бид'иҷэн?

Эр этӣркэн гӯнэн:

— Би балдӣнав эр буҷӑ элэкэс тэвӯвд'эҷэсин, балдӣчӑв, — гӯнэн: — Ичэнэв, долдӣнав баран. Би, эдэр биҷэсӣви, арӑснэй харгӣва-дӑ, бэйэ-дэ, бэйҷэ-дэ чурдэкинэн ичэчэв, — гӯнэн: — Элӣвэр ҷэнэрэкис, булд'ар-лӑм бид'иҷэн, илан сониҷ нэкӯнэн, умӯнтӣн асӣ, сома сониҷӣл. Тарӣлба кэймӣ, тэд'э сониҷ бид'иҷэс. Эд'эҷэ кэйра бмӣ, элӣ эмэдэйи.

Эр Умӯсӣнкэн ҷэнэрэн, умӯн биралӑ исран. Тар иснан бирава эйэкӣ бэйэ ӯд'ан бисин. Эр Умӯсӣнкэн бимӣ тар ӯд'алӣ ҷэнэрэн. Исран, умӯн д'ӯ бисин. Умӯсӣнкэн гӯнэн:

— Дорово, д'ӯнд'ӑ! Уркэвэ аҷакаллу!

Д'ӯ додун гӯнэн:

— Ёкӯн турэттэн?

Бэйэ д'удӯк йӯрэн, тӑдук Умӯсӣнкэн кусӣрэн тэд'э сониҷ-бэйэн'ун. Эр кусӣксэ, кэйран. Булд'ар сониҷилтӣн гӯнэ:

— Нэкӯпмэр бӯд'иҷэвун.

Эр нэкӯнтӣн бимӣ гӯнэн:

— Умӯсҷӣкэндӯ этэм ҷэнэрэ!

Эр асӣ бимӣ суптӣрэн. Эр Умӯсӣнкэн асайӣнчӑн. Умӯн буҷалӑ исран. Тар иснан бисин умӯн д'оломо д'ӯ. Эр д'ӯва Умӯсӣнкэн бимӣ иларӑкӑн токорӣксӑкӑн, уркэвэн гэлэктэрэн. Эр Умӯсӣнкэн гӯнэн:

— Д'оломо д'ӯнд'ӑ, долкӑн бисикис, дорово!

Эр д'ӯ долӑн ёкӯн-дӑ эсин турэттэ. Эр Умӯсӣнкэн тар д'ӯлӑ ӣрэн. Тар ӣнэн, умӯн бэйэ уклэрэн. Сома хэгдиҷэ бэйэ. Эр бэйэ олдондӯн бисин халка. Умӯсӣнкэн гӯнэн:

— Гороке уклэнни, тэҷэкэл!

Эр бэйэҷӣн эсин мэлла. Умӯсӣнкэн тар халкава гадан, уклэрӣ бэйэвэ иктэрэн. Омкотон дулмавӑн иларӑкӑн иктэчэлэн, мэллан. Тар мэл'ӣксӑ, гӯнэн:

— Эр синэвэ ёкӯн эр буҷалӑ эмӯрэн? Би синэвэ тикин д'эвд'иҷэв!

Эр Умӯсӣнкэн бими дэлби ҷолэллэп, гӯнэн:

— Би эр буҷалӑ эмэчэв, асӣва асамӣ.

Эр бэйэҷӣн бимӣ Умӯсӣнкэнмэ д'эвдэви укчӯруң. Эриҷӣн бимӣ авахи. Эр Умӯсӣнкэн нуҷанҷали кусӣллэн. Эр кусӣксэ, кэйран. Кэйксӑ, Умӯсӣнкэн тулӣскӣ йӯрэн. Умнэт уҷӣскӣ турэн иннӯрэн. Умӯсӣнкэн бимӣ турэттэн:

— Уҷӯ буҷа эн'эй, дулин буҷа амай, миндӯ сэнэйэв бэлэкэллу!

Эр Умӯсӣнкэн бимӣ д'алдачӑн: «Умӯн н'ур бичэн надан буҷалӣ буллагар», — тар н'урви гадан, ирэгэрэн, тадук уҷӣскӣ лукӣлэрэн. Лукӣлэксэ, мудандукин д'аваран. Тар н'урин нуҷанмӑн уҷискӣ ҷэнэврэн. Умӯсӣнкэн н'уритни дэгд'эчэн. Умӯсӣнкэн

уҕӯ буҕадӯ асйнцци бокопон. Эр асйнцци эмӯврэн буҕалӑви. Исран. Буҕадӯ утэнин тоҕон д'эгдэрэн. Олдондӯн д'ӯйа бран. Тӑдук утэндулэ̄ви цэнэрэн. Дӧдӯн бисин бэйэ арапин. Малудӯн — эхэ паннан-сэктэвӯн бисин, алацӑ, п'ур бисин. Эр алацӑва Умӯсни-кэ̄н гадан, энцэтикӣви тӑнчаран, албаран умпӧт. Сиксэ бэйэцӣн эмэрэн, надан имэннэдӯви падан бэйӯнмэ эмӯврэн. Эмэксэ, гӯнэн:

— Ёкӯн эмэчэ̄н би буҕалӑв?

Умӯсийкэ̄н д'ӯлӑн эмэрэн, арай тар Умӯсийкэ̄н иэкӯнин бичэ̄н.

12. Гарпанйкӑн

Дулин дуннэ, дулиндӯн, дуннэ кумалӑндин тэвувд'эрэкин, умӯн сӧниц тивӑнд'ачӑн. Нуцан гэрбӣн Гарпанйкӑн бичэ̄н. Ёкӯндук-тӑ балдӣнави эхӣмэ̄н-дӧ сӑд'ара. «Ами» гундэн — ами-нин-да ачин. «Эни» гундэн — энйнйп-дӧ ӑчӣн. «Дуннэдук йӯчӧ бихикив, хорондӯв чука балдӣчӑ бимчэ̄. Уҷиник тикчӧ бихикив, хорондӯв санйкса бимчэ̄», — гунчэчэ̄н.

Эркэ̄н-таркӑн бичӧ бихин. Нуцан бид'эрэкин, гакигдӑ дӧксӑ-кӑн, «гак!» эхин гунд'эрэ; кукэ̄кӣ-дӧ дӧксӑкӑн, «кук!» эхин гунд'эрэ, упкатпа вӑттан.

Гарпанйкӑн-сӧниц инэцтикӣн унэ тэҕэнэ, бэйӯктэнэ гиркуд'аран. Буҕава бэйцӧлвэн д'ӯви тулгидэ̄лйн бутушнумэ манад'ана, горолдулӣ гиркӯд'аран.

Эркэн-дӧ бид'энэ, Гарпанйкӑн-сӧниц горойолво д'алдачӣллан. Д'улэскӣви мэргэд'энэ, утэкэ̄нтикӣви ичэтчэрэн. Горокӧпмо д'алдӑ-д'ана, утэкэ̄нтикӣви турэ̄тчэрэн:

Куйукэ̄кэ, куйукэ̄кэ!
утук-утукэ̄н,
айакӑрӑд'и сӧндӑд'акал!
Уркэ̄н-куцакӑн бид'эксэ,
ӧн-мал умӯн буҕадӯви
сагданмӯвд'ан?
Би-цэн бэйэ ойолйв
сӧниц-бэйэ ӑчӣн бид'ан?

Сӧниц-мата бикэ̄нэм, горово-дӧ энэ д'алдӑтчара, алацӑви гаксӑкӑн, кэцтирэдӯви хэркэрэн. Бучӯвчӑ арбагасви тэтиксэ̄кэ̄н, кэрбэксэ̄мӣ мӧтакӑви дилдӯви авлӑд'араи. Утэкэ̄нтикӣви ичэтчэпэ, п'ан-дӑт турэ̄тчэрэн:

Куйукэ̄кэ, куйукэ̄кэ!
Утук-утукэ̄н,
Поросай, порости!
Окин-дӑ эмэцэ̄тпи
сапа-вал болдолд'ом!
Сӧгдат горот гиркуд'амӣ,
илап-дирин ащанйлйви
мучупа-вал эд'эм!

Дулин буҕа Гарпанйкӑн, утэкэ̄нцэливи уйэчйксэ̄кэ̄н, айагда корбо бэйӯнцэчйн мацаннӑлӣ тӯксад'аран. Мацаннӑ дуннэвэ энэнэкэ̄рдит лэвэкэ̄тпэ, буҕави эмэнд'эрэн. Сӧниц-мата цэнэрйдӯн сӧгдалин кикэд'эрэ, п'уриктэлин амаскӣгда эдйдӯн эдйнмэвд'эрэ. Нуцан цэнэрйдӯн питкӯл мӧл гилдикӑл-дӑ маривд'ара, эгди мӧл цинтэлдулйвэр иӯйлд'йвэр тикчэрэ. Сӧниц-мата ӯд'ан-дӑ эгди сирӯ уктӣнэгэчйнин. Дуннэ бичӧ бимӣ эдӯ-тадӯ иэктэвчӧ.

Гарпанйкāн-сōниң горово-дō ңэнэви, дагава-дā ңэнэви эхймэн-дō сāд'ара. Эркэн уйдэмэк ōчāн, Кэдрэс д'йдīн ойолйн илбэвчэ бэйцэгэчйн д'улэклэви тўксад'арйви.

Кэдрэс д'йдīн ойон-дō тамнаксагдат тамнад'аран, ңэнэвэн д'авад'аран. Гарпанйкāн-сōниң тамнаксава лупулмйгдэ, эдīви асантīкй ойоннōлй цэнэд'эрэн, д'идиңми эмэнд'энэ. Горо-дō ңэнэн мудайан ичэвд'эрэн. Кэдрэс д'йдīн горо ңэнэнэвэн манавран. Сōниң-мата бид'эксэкэн ēкўндук-тā эсймэн таҳāвд'ара. Ңэнэви дабдīд'ана тэңнэкви гэлэктэд'эрэн.

Ңэнэн дулгйдэдўн авлāма дуннэдў чōраманд'ā илитчаран. Д'апкун д'алачй чōраманд'а олдойōлви дылачāдў гарпавд'ана ичэвд'эрэн. Гарпанйкāн-сōниң тэринтīкй муннйд'эрэн. Иртīкй ңэнэңэтпи эхймэн-дэ сāд'ара. Иртīкй ичэхйнэкин, чōраманд'ā тулгйдўн, «моңоктол мōл, — гунчэнэн, — бэйэл икэрйлтын бд'ара».

Гарпанйкāн-сōниң чōрамава токорд'орон, уркэвэн гэлэктэд'эрэн. Уркэвэн албад'аксā, тулгйдэдўн илитчаран. Турулэ албад'аксā, чōрамава токтод'орон. Чōраманд'ā сōналйн матанд'ā килдылāд'аран.

Дулин буҳа Кэдэрэнинд'эн, сōналйви килдīнчаксā, дуннэлй гиркуд'аксā Гарпанйткй ичэтчэрэн. Дулин буҳа Кэдэрэнйнд'эн эгдīтпи эгдīмэр, эңэхйтпи эңэхйтмэр, гугдāтпи гугдāтмар. Дэпкй ичэхйнэкин, ēллагачйн коңнолōмо, иктэгдэлин багдактīра, н'уриктэлйн курйвд'эрэ, ēхалин бимй гилдикāнначйр токорд'оро. Дэпкй илитчана, Гарпанйткй тикэ турэтчэрэн:

Кэдэрэгэйкэн! Кэдэрэгэйкэн!
Дулин буга Гарпанйкāн,
ңйдук улгумйксэ,
д'ўвав токтолинни?

Эд'элйв дэрэвэс мунд'ара,
айа эйзд'ин эмэ уд'алйви
мучўд'акал!

Дулин буҳа Гарпанйкāн, турэлвэн долдīксākāн, аланāви илйвд'аран баргукви нэмкичйллэн. Баргук-тā илйвўллэн, н'урилви гад'аксākāн, Гарпанйткй ичэтчэрэн, нэмкирйвэн алāтчаран. Дулин буҳа Гарпанйкāн булэхэви нэмкйлд'эрэн. Нэмкйксэкэн, ичэтчэрэн — эчймэ-дō нāвкāнд'ара. Илāрākāн нэмкйнэвэн аланā сигдэдўн тэвэчэ. Тикўлнави сōдўн аланāви д'аваксākāн, булэхэткйви ичэтчэнэ, нэмкирйвэн алāтчаран.

Дулин буҳа Кэдэрэнинд'эн нуңанңачйн нэмкйд'эрэн. Дулин буҳа Гарпанйкāн н'урилдукин килдīнмāтчаран. Илāрākāн нэмкйнэвэн иланйва тэвэд'эрэн. Сōниңил-матал бид'энэл, аланāлвар нōдаксākāр, самнарйлд'и токтомōчилла.

Нуңартын кухирйдўтын тамнарйл тамнад'ара. Долбонй ōд'акин, тоҳогдо д'анўттан, инэңй ōд'акин, тамнаксагда гулбўттэн. Сиҳйдуннэ авлāнд'аран, авлāн-дуннэвэ сиҳйнд'ара, кираҳйн-дуннэвэ оңкучакйнд'ара, оңкучак-дуннэвэ кираҳйнд'ара. Кухйткэр-дэ бид'эрэктын, тамнарйлтын муданд'ара. Самнарйлвар нōдāд'анал, калбулдуквар д'авалдīра. Сумугдэ гиллуд'ин эңэхйлвэр тэрэмкэтчэрэ. Султулмйгдэ камамāтнал, эңэхйт дылмāтчара.

Эркӧн-таркӑн кухйчӧл кухйд'эрэ. Нуцартш кухйлнэлӧтш адӏ анцанй ӧнавӑн, цй-дӧ эхин сӑд'эрэ. Болонй ӧнавӑн сацйксагдат сӑтта. Нэлкэнй ӧнавӑн чукагдат сӑтта. Кухйткӗр бид'энэл ӧдӳтӑдӳ тикйтнӗд'эрэ, Эцэхйтш манавд'ана, давдӏлдӏрйва алӑтмӑтчара.

Дулин буға Гарпанйкӑн булэхӗви нӧдӑд'аран, ойоӈӳ ӧд'аран. Булэхӗви тирӗд'энэ, тицэдӳн тэӷэд'эрэн. Сампармйви гад'аксӑкӑн, кавкадӳн ивӗд'эрэн. Булэхӗн соцод'оно, бинйви мулӑнд'ана, Гарпанйткй турӗтчэрэн:

Кэдэрӗгэйкӗн! Кэдэрӗгэйкӗн! — экэл, экэл вӑд'ара!
Дулин буға Гарпанйкӑн, — Минэвэ тинд'эрэкис, ӧн бимчӗ?

Дулин буға Гарпанйкӑн энэкӗн мулӑнд'ара, самнармйви гад'аксӑкӑн, кавкавӑн чикӑлд'аран. Эд'элйн чикӑнд'ара, эдӏвэ ахӑптикй чутума н'аӈн'адӳ турӗн гэлтэд'эрэн:

Гурукӑнин! Гурукӑнин! — экэл, экэл вӑд'ара!
Дулин буға Гарпанйкӑн, — Акййавав вӑд'ами,
мулӗ, мулӗ! Акййавав, — минищйӗви этӗнни ичэрэ!

Дулин буға Гарпанйкӑн горово энэ д'алдӑд'ара, булэхӗви кавкавӑн самнарйтви токтохинан. Вӑксӑкӑн, тӑкандӳ дэрймкйтчэрэн. Дэрймкйтчэрэкин, тӳксул дӧлдӳтш турӗн гэлтэд'энэ ойолйн илтӗнд'эрэн:

Гурукӑнин! Гурукӑнин! — Минищйӗвэ этӗнни ичэд'эрэ!
Дулин буға Гарпанйкӑн, — Поросай! — гӳнэн.

Дулин буға Гарпанйкӑн, д'апкун д'аличй чӧраманд'а д'ӳптӏткйн уркэвӗн сукчаксӑкӑн, йнӗд'эрэн. Упкачйл коспокйлдӳ гэлӗктэмй албад'аран, д'апкйдӳ уркэдӳ каййвд'ана бид'эхйнэн.

Дулин буға Гарпанйкӑн, амаскй амахйклӑксӑкӑн, сэлэмэнд'ӗ уркэвӗн алацӑтпи экихйнэн. Уркэвэ сукчаксӑкӑн, дӧлӑн йнӗхинэн. Д'апкй коспокйдӳ сэлэмэ мугдэкӗндӳ булэхӗцин уӷучакйнд'ӑ эцтӏд'энэ илитчаран. Ӳскй инцакталйн, ӳскй кукчанйкӑн. Балдӏксӑ энэн ичэрэ бэйцӗ бид'эрэн: д'ӳр олдондукин д'ӳптӏрмӗн, дэктилӗлкӗн, мӗндукки нӗмэлкӗн, мэцумэ ухйлкӗн. Дулин буға Гарпанйкӑн ухйдукин элгэхйнэн. Тулйлӗ йӳвуксӗкӗн, ирӗктэдӳ уйд'эрэн.

Бэйцӗцин эцтӏд'энэ ирӗктэвэ токорд'орон. Дэнкй ичэтчэнэ, Гарпанйткй турӗтчэрэн:

Эцтэнйн! Эцтэнйн! — би ойодукив этӗнни тикрэ!
Дулин буға Гарпанйкӑн, — Би ойодукив тикмй,
би хунцив бцӑт бимй, — эмӳккэкӳн гиркуд'адӑви!

Гарпанйкӑн сбниц, ойодӳн тэӷэксэкӗн, уӷйскй уӷйрйвд'энэ, тӳксулдулӗ инӗд'эрэн. Уӷйлй дэгйвд'энэ, бцкй курбуд'эрэн. Эцтви эцтӏд'энэ н'ацн'адӳ курбуд'эрэн. Дулин буға Гарпанйкӑн ӧхагдалин мӳлкӗд'эрэ, сбгдалин, кикӗд'энэл, ойодӳн тэгэтчэрэн, эхймэн-дӗ тӏкчэрэ. Чутума н'ацн'али Кбцакчӑнма ӳд'ахйнан.

Надан тӯксу ойолӣтин, д'апкун тӯксу эргӣлӣтин, эргӯр, эргӯр калдӯд'ана, ӯд'алӣн ахад'аран. Сӧниң-бэйэ бид'эксӧкӧн уҷучакпи нӧмэдӯн, бокотогочӣн намарӑд'ана, тӯксулвэ илтӧнд'эрэн. Тӯксулнун гӧкчӣнд'ана, тамнаксава кондолмӣгда, н'аӈн'алӣ дэгд'эрэн.

Цэнэткӧр бид'эрэкин, эдӣнмэ дӧптӣки Коцакчӑн турэлин гэлтэд'эрэ:

Гурукӑнин! Гурукӑнин!
Дэрӣм, кандарӣн сӧ ӧдан!
Киран, киран маӈанд'ав,
сӧтӏ, сӧтӏ маннӯвд'акал!
Дулин буҷа Гарпанӣкӑн
ӯд'алӣв ахад'аран!

Кӧцакчӑн-киливлӣ соцотин соцод'орон, сӧнэлин манавд'ара, сигдилэдӯ муцнад'аран. Муцнаткӑр бид'энэ булд'арба дагамӑд'ара. Булд'арӣнд'ӑ баргӣдӑдӯн Воршєнд'э тивӑрд'аран. Дэгдэткӧр бид'энэ, булд'ар ойолӣн ӣлэ-дэ цэнэрӣн эчӧмэ-дэ сӑвд'ара.

Дулин буҷа Гарпанӣкӑн ӯд'алӣн ахад'ана, килӣвлива бурӣд'эрэн. Булд'арӣцин ойодӯви тамнаксагдӑт тамнад'аран, булд'арӣнд'ӑ баргӣдӑн арӑма ичэвд'эрэн. Тӑлӑ д'ӯнд'ӑ илитчаран. Гарпанӣкӑн-сӧниң тармӑва цэнэд'эрэн. Д'ӯнд'ӑ ойолӣн гухикӧнцэчӣн арӣктад'ана, дуннэлэ тикчэрэн, уҷучакпи уйд'эрэн. Самнӑрви гаксӑкан, уркэдӯн илитчаран. Уркэвэ ичэтчэнэ, д'ӯткӣ турэтчэрэн:

Куйукӧкэ! Куйукӧкэ!
Сэлэмэнд'э д'ӯнд'ӑ,
дӧлкӑн бимӣ,
дӧйави сӑвкӑнд'акал!
Эхйкис сӑвкӑнд'ара,
уркэвэс токтод'олим!

Горокӧнмӧ бимэлчэксӧкӧн, д'ӯнд'ӑ уркэлӣн, алканд'ави гаксӑкӑн Воршєнд'э килдинкӑтчаран. Сэлэмэ алканд'ӑви, сэлэмэ куйӣргивэн кӑридӯви уйчэксӧкӧн, Гарпанӣва алканд'аран. Дулин буҷа Гарпанӣкӑн алкандукин адаҷасчаран. Сэлэмэ алканд'а ойомӧдӯн тикчэрэн. Дулин буҷа Гарпанӣкӑн алканд'адук этэкӧсчэрэн. Самнарин тоҷогдон гуливд'аран. Тэринтикӣ д'эйэлкӧн самнаринд'ан иктэрин танудӯн тоҷординд'и сунтад'аран. Дулин буга Гарпанӣкӑн, алканд'ан'ун кухид'энэ, сэлэмэ куйӣргивэн комдорогор токтохинан. Сэлэмэ алканд'а куйӣргидукви уйэтчэнэ, дуннэлэ тикчэрэн. Булд'ар буҷа Воршєнд'эн алканд'ави бурӣксэ, самнардук адаҷасчана, уҷӣлӣ килдинмӑтчаран. Дулин буҷа Гарпанӣкӑн Воршєнд'эвэ токтод'орон. Самнарин албад'аран. Ёкӯндулӣн иктэрэкин, самнарин албад'аран. Тэтиҷэлэн нӑд'анакӑн, тоҷогдот д'анӯд'аран, чутума н'аӈн'алӣ аргӣтни аргӣд'аран.

Дулин буга Гарпанӣкӑн токтоткӧр бид'энэ сэлэмэнд'э тэтӣвэн самнарӣтни нэктэд'эрэн. Сэлэмэнд'э тэтӣдукин олуктил, сэлэл тоҷогдолд'и гулӣвд'анал, дуннэлэ тикчэрэ. Сэлэмэ тэтивэн ойодукин лукчанакӑн, уллэлэн дагамӑд'аран. Сӧниң-бэйэ бид'эксӧ д'улакинма илляэвэн сэксэгдэт уксэнйвчэд'энэ, мирэнд'эвэн дэлкйд'эрэн. Гойовӯйа мирэдукин улама сэксэкӯн ушкэнцэчин ушкэнйд'энэ, самнардулӣ эйэнд'эрэн. Гойовуйа булэхэн эцэхйн манавд'аран. Сэксэдӯви булкувд'ами, дуннэлэ тикчэрэн. Булэхэви

тірэд'энэ, тиҷэдӯн тэҷэрэн. Самнаритии ивэд'энэ, кавкавāн чикад'аран. Эд'элӣн чиканд'ара, н'аҷн'алӣ турэн иицуд'энэ ойолӣн илтэнд'эрэн:

Гурукāнии! Гурукāнии!
Дулии буҷа сōниҷиид'а,
поросай, поросги!

Дулин буга Гарпанӣкāн энэ д'алāд'ара, булэхэвии вāд'аксā, д'ӯвāн кургӣвд'эрэн. Сōниҷ-бэйэ н'аҷн'алӣ дэгд'эхӣнэн, Кōҷакчāн ӯд'авāн н'аҷн'алӣ ӯда'хинан. Тамнаксава лупулмӣ, тӯксул дōлӣтiн д'улэклэви нэнэрэн. Ҷнэтэкэр бид'эрэкии, эдīви дэптикӣ Коҷакчāн турэлин эрмэдӯ гэлтэд'эрэ. Киливлӣ соҷотии соҷод'орон. Сэн'элин муанд'анал сигдīлэдӯ муҷнад'аран.

Гурукāнин! Гурукāнин!
Кӣран, кӣран маҷанд'āв,
сōды, сōды мунӣвд'акал!

Дулии буҷа Гарпанӣкāн
ӯд'алит ахад'аран!

Дулин буга Гарпанӣкāн, турэн дōлдīвӯлчāлāн, горово-дō энэ ҷнэнэрэ, Кōҷакчāнма боконд'орон. Сигдилэдӯ боконд'оно илчардукин д'авад'аран. Ҷāладӯви учӣксāкāн, киливливэ идакāд'аран самнарви капчакāд'ин. Дэвэкӣвэн муҷд'ана, сигдилэдӯ соҷопчорон. Кōҷакчāн-киливли инамӯкталби авд'ана, Гарпанӣтки турэтчэрэн:

Гурукāнин! Гурукāнин!
Дулин буҷа Гарпанӣкāн,

Экэл, экэл идакара!
Минэҷӣэви мулāнд'акал!

Дулин буҷа Гарпанӣкāн, турэлвэн дōлдīксāкāн, килӣвлинци мулāнд'ана элд'эрэн муҷд'ара. Сигдилэдӯ ахӣлāксā, н'аҷн'алӣ ҷнэнэхинэн. Гарпанӣкāн буҷамāвāн н'аҷн'алӣ дэгд'эхинэ. Сōниҷбэйэ бид'эксэ илан анҷанӣптi ҷнэнэви илаллава ҷнэнэкэнэм, буҷалāви эмэд'эрэн. Эмэкэнэм, д'ӯмӣви даҷадӯи д'ӯйавии ōд'аксā, ахӣн'унми билд'эхинэн.

* * *

Дулин буҷа Гарпанӣкāн эдэрӣл анҷанӣлии амарӣāлā эмэнчэл. Буҷави гиркӯд'ана, бэйҷэлвэн манад'аран. Д'э, Гарпанӣкāн сагданкӣдӯ боконмӯд'аран. Н'уриктэлии буркасчанал, анҷанӣлӣи илтэнд'эрэ.

Гарпанӣкāн-сōниҷ утэлкэн ōд'аран. Уркэн-утэви инэҷитикӣи ōлгатчана, умāгдат улӣд'эрэн. Уркэн-омолгӣви āнҷачāва уллэвэ эхин-дэ улӣд'эрэ. Уркэн-омолгӣи бэркэнн'уи эвилд'эрэн. Инэҷитикӣи тӯксактад'ана, чипичāлвэ лукӣтчэрэн. Инэҷил-гӯ, анҷанӣл-гӯ эд'эрэ илтэнэ, омолгӣчāн бэйӯрвэ бэйӯктэд'эрэн. Аӣлва гиркӯд'ана, мōйкачāрва нэмкӣтчэрэн.

Гарпанӣкāн омолгӣнд'āн, Чиндэнӣкэн-сōниҷ тэҷнэкии албад'ана, горойблви д'алдāтчаран. Д'ӯлāви эмэксэ, амӣлкāн эпӣнтикӣви дэпкӣкэн турэтчэрэн:

Чиндэлэ! Чиндэлэ!
Амай-Гарпанйкан,
эн'эй-Каңакчан
биңэгин горойбл
буғалва д'алдахинам!
Он-мал умун буғадў
ахйгачйн сагданмувд'ам?

Амай-Гарпанйкан
Си-вэл санни, биград'ин?
Ема буғадў
сонин-бэйэ тивянд'аран?
Тар горо буғала
екўнд'и исйврй?

Гарпанйкан-амйн, турэлвэн долдїксэ, утэткйви ичэтчэнэ, нуңантикйн турэтчэрэн:

Куйукэкэ! Куйукэкэ!
Чиндэнйкэн-утэ.
си-дэ цэнэвэс
эхй д'авўчара бихим!
Эдук цэнэрэкис,
д'апкун булд'ар чағйдадўн

сониң-бэйэ тивянд'аран.
Тарйала буғала
сомама горолэ:
уғйлй дэгрй дэги,
иларакан умуксакан
исрйн дуннэ.

Гарпанйкан омолгйнд'ан, Чиндэнйкэн-сониң, горово энэ д'алдад'ара, цэнэткйви цэнэхйнэн. Амйнми угучактўн уғйскэкй дэгд'эхйнэн. Уғйлй арйктад'ана, турэлин долдївд'ара:

Чиндэлэ! Чиндэлэ!
Амай Гарпанйкан,
эн'эй Коңакачан,

окин-да мучўңатпи
сана-вал болдолд'ом!
Порбсай, порбсти!

Чиндэнйкэн-сониң, амтїлгаливи уйэчйксэ, н'аңн'алй тўксулн'ун дэгд'эхйнэн.

Гарпанйкан-этиркэн ағйлва гиркўд'аран. Буғави бэйңэлвэндағалйви манад'аран. Кобңакачан-атиркан, Гарпанй-этиркэн, инэңйтикйн тэгэд'энэл, омолгйвар алатчара. Омолгйтин цэнэнэлэн адї анцанй онавай, ци-дэ эхин сад'ара.

Эркэн бид'эрэкин, буғатин тугувд'эрэн. Н'аңн'а-да тўксулдў дахйвд'аран, сиғй-эдїн эдінд'эрэн, сэлэмэ бокта богунад'аран. Эдїн эдїнчэлэн, бокта богуначалан, гороконмо биксэ, турэн гэлтэрэн:

Йаргуд'эрэ! Йаргуд'эрэ!
Кирбктэмэ маңачанми,
содї, содı маннувд'акал!

Дулин буга Гарпанйкан
буғаңин дагамавд'аран!

Турэн инўңчэлэн, горово эчэн бихй, сониң-матанд'а долакйттўтин дод'ахйнан. Дуннэлэ тикйксэ, Гарпанйткй турэтчэрэн:

Йаргуд'эрэ! Йаргуд'эрэ!
Дулин буға Гарпанйкан,
доровойо долдїд'акал!
Горойо буғалдук

сунцайа гэрбилэс
сундулэ эмэд'эрэм!
Дулин буға Гарпанйкан,
горўлйн кухййбвэр
кухйрэп-кў, эд'эп-кў?

Гарпанйкан сониң, турэлвэн долдїксэ, алаңанд'ави гад'аксэ, соналйви килдїнчаран. Дэпкйкэн ичэтчэнэ, алаңанд'ави илйвд'эрэн. Геканин нуңанцачйн илйвд'эрэн. Сониңил бид'энэл эчэтин илитчара, алацалвар илйвўксэл, дэпкйлтэнэ нэмкймэтчэрэ. Уғў

буға сōниңнд'ăн Гарпанйва ичэтчэнэ, н'урви гаксă, булэхēви нэмкйлд'эрэн. Дулин буға Гарпанйкăн н'уриндукин адаҕăсчаран. Иларăкăн нэмкйнэвēн, иланйвăн тэвēд'эрэн. Уҕў буға сōниңнд'ăн, нēмкиксē, ичэтчэрэн. Дēнкйкēн илйтчана, нэмкирйвēн алăтчаран. Тар нуңаңчайн нэмкйд'эрэн. Иларăкăн нэмкйнэвēн, иланйва тэвēд'эрэн.

Сōниңйл-бэйэл бид'энэл сумугдэ гиллэйēд'ин калбулдуквар д'авалдīд'анал, мōримăтчанал дилмăтчара. Нуңартин кухйнэлдўтин аңаңй илтэннэвэн ңй-дē эчēн тăңд'ара. Кухйткēр бид'энэл, дулин буға Гарпанйкăн ēдў-тăдў тикйтнэд'энэ, сēксэгдэт лэңкэрйд'эрэн. Сēксэлйн манавд'анал, буййви алăтчаран. Дэрйви мудандўн соңод'оно турēтчэрэн:

Куйукēкэ! Куйукēкэ!
Дэрймўн-дē сō ōдан!
Билгайăв олгод'орон.
Бинйв муданйн
эмэрэн, бид'эн?
Би-дē бэйэ турēлвэв

Чиндэнйкēн омолйв
ōн-мал эхин дōлдīра?
Би-бэйэ турēлви
д'эрйңцу сēлăн
гугд'анал, дōлдивд'актин!

Уҕў буға сōниңинд'ăн, илаллава курйвкēксēкēн, дуннэлē нōдăд'аран. Тиңэдўн тэгэксē, самнарви ивэд'эрэн. Эд'элйн чикăнэ, Гарпанй турēтчэрэн:

Куйукэкэ! Куйукэкэ!
Чиндэнйкēн омолгйв

ōн-мал эхйн дōлдīра?

Горокōнмо бимэлчўксēкēн, суҕй-эдīн эдīнд'эрэн. Сэлэмэ бōкта бōгунад'аран, уңкумэ тигдэ тигдэд'эрэн. Тигдэ тигдэчēлēн турēн илтэнд'эрэн:

Чиндэлэ, чиндэлэ!
Д'ўрмēн дэгтилэчи тэрэскōпми,
сōд'и, сōд'и маннувд'акал!

Гарпанйкăн-амййав
эрйкчэгдэн сулапчăн!

Турēн инцучēлēн горово эчēн бид'эрэ. Гарпанй омолгйн Чиндэнйкēн эмэд'эрэн, Алаңăви гад'аксă, булэхēвэн нэмкид'эрэн. Эргйскй адагад'аңавăн мētавăн аталд'аран. Уҕиски килдичăнавăн эрйксэвēн тэкэлйд'эрэн. Олдонтики этэкōнчэнэвēн, д'апкуи эвтилēлвēн атанд'аран. Нэмкйксē, алатчаран булэхēви нэмкирйвēн. Булэхēн илйвд'энэ нуңаңчайн нэмкид'эрэн. Ōн-дă нэмкичēлēн иланйва тэвēд'эрэн. Иларăкăн нэмкйнэвēн, иланйва тэвēд'эрэн.

Сōниңйл-матал бид'энэл самнарйлд'и токтомōчилла. Нуңартин кухирйдўтин тоҕогдо д'анўд'аран. Чиндэнйкēн-бэйэ биксē горово-дō эчēн кухйд'эрэ. Самнарвăн киңдалйд'аран, цăлаван капулйд'аран. Булэхēви гойовўд'ана, самнарйтни токтод'орон. Орондулй нăвкăнд'ана сăлгăмаклăн дэлкйд'эрэн, тоҕогдот кургйвд'эрэн. Улэптэгдэвэн эдīдў эдīнмукēнд'эрэн.

Дулин буга Чиндэнӣкэ амӣви ураӷид'аран. Д'ӯдӯви дэрӯмкӣскэ, н'ӑн-дӑт ӈэхэхинд'эрэн. Уӷӣлэ уӷиривӯксэ, чутума н'аӈ'адӯ арӣктад'ана, тӯксулн'ун бурӣпчэрэн.

Гарпанӣкӑн, сагданӣксӑ, бид'эхинэн. Кӧӈакчӑн-атiркӑчӑн сагдаӈкӣдӯ тiрэвд'эрэн. Чиндэнӣкэн-омолгӣтiн илэ-дэ ӈэнэрӣвэн, ӈи-дэ эхин сӑд'ара.

13. Гарпас-мата-Гарпанӯчӑн

Билир, билир, дуннэ элэкэс ӧвд'аракин, н'аӈурай-эн'эй элэкэс хаӷачӑн хэрэгэчӣнин танургунэ ӧд'аӈахин, умӯн бэйэ ӧскɛд'ачӑн. Дуннэ бимӣ кумалӑн нэптэчӧгэчинин, тэвлӧхиннэ ӧскɛд'ачӑн. Урэвэ ӧӈатiӈив бимӣ томторкӧн ӧна, ӧксɛд'аӈахин, бира ӧӈатiӈив йӯктукэнӈэчин ӧна ӧскɛд'аракин, чука бимӣ элэкэс пɛтɛд'эрэкин, мӧ бимӣ элэкэс умӯн сэмэ ӧд'аракин, умӯн мата ӧскɛд'ача бичэ. Эр мата бимӣ «д'ӯлкӑн», гуннэ адуларакис, утэн-утэлкэн, утэмэ д'ӯлкӑн бичэ. Эр бэйэ гэрбӣн бичэ бимӣ суӈа суракин Гарпас-мата-Гарпанӯчӑн бичэн. Д'э, д'ӯр д'апкун куйэр кӧкчалкӑн бэйӈэвэ д'ӯрэ эхӣ хэтэкэнмукэнэ мата бичэ. Эр д'ӯдӯви бид'эрдэгэ биксӑкэн, аӷуликсӑкӑн, бэйудӑви н'экэрэн. Алаӈӑви гаксӑкӑн, буӷава-дуннэвэ ичэтчэрдэгэ ӈэнэхиндӑви. Эр турэлкэн ӧд'ачӑ:

Геӈɛ, геӈӧ-йой!
Геӈɛ, геӈо-йой!
Буӷа-дуннэвэ
ураӈкай бэйэ
ӧскɛчӑн, бид'иӈӧн?
Эмӯккэкӯн
эчэв ӧскɛра, бид'иӈӧн?
Тарӣлба-дӑ
гэлэктэдэв,
гэлэктэрӣви
инэӈӣ ӧдан!

Эр бэйэ гэлэктэд'энэ ӈэнэд'эрэн, ӈэнэд'эрэн, буӷава ичэтнэ, дiлачӑ йӯптуткэкӣ. Борон дiлкӑн ураӈкай-эвэнкӣ бэйэйэ гэлэктэд'эргэрэ. Эр гэлэктэд'энэ бимӣ, киладук килалӑ ичэчэ ирӯнбэйӈэвэ. Тарӣцци алаӈатпи гарпалчӑ. Гарпалӣксӑ, «Сэрбэнкэл!», — гуннэйэ, гарпад'аран. Тар гарпалд'аракин, бэйӈэӈӣн, мэдэксэ, турэтчирэн:

Эӈтэр, эӈтэнин!
Сӧниӈ-матанд'ӑ,
Гарпанӯчӑн-бэйэ,
вӑран, д'эктэн.

Эр бэйэ гарпачӑ. Гарпанан гойовӯнмучӑ хэтэкэнчэл д'ӯр бэйӈэ, ирӯн-бэйӈэ. Тарӣӈилби ахамӑтчаран. «Аввакам! Авваккам!», — гуннэ дiлви эхин эхӣна. Тариӈилин д'улэскэкӣ суптiра. Тариӈилби ахамӑтчаран. Тариӈилби ахамӑтчаракин, д'улэн турэтчэрэ:

Гɛрукӑнɛн, гɛрукӑнɛн!
гɛрукӑнɛн, гɛрукӑнɛн!
Минӈи бэйӯн — авдунд'ӑвав
вӑран — д'эптэн!
Бэйи, бараксӑкӑн,
арай этэм ичэд'эрэ!
Би карɛн-ӑвдував вӑран,
арай этэнни эмэрэ! —

гунд'эрэн гӗ бэйэ. Гарпас-мата-Гарпануччăн дӧлдиксăкăн бимӣ, турэндӯн урӯнд'урун. Эркэн тӯксад'аран. Тӯксаксă, тӯксаксă, дагамăд'аран. Даҫа чăҫӯ бэйэ, ичэксэкэн, эмэд'эргэрэ нуцандулăн. Гарпас-мата дэптикӣ цэнэд'эргэрэ. Д'ӯр муйэдукин тоҫо курин-нэд'энэ, цэнэд'эрдэгэ. Чаҫӯ бэйэ, эмэксэкэн, д'ăн чиракви д'а-ваксă, эмэд'эрдэгэ, колтод'ордого. «Минци укчакван ӗдă вăчăс?», — гуннэ. Гарпас-мата колтод'ордогон. Д'э, д'ӯр бэйэ тэрэцкэкӣ кухйд'эрэ. Бӗҫа калтакăдукин кухйксэл, д'ăллэмăктӯ тэрэцкэкӣ бэйэл кухйд'эрэ. Бӗҫа калтакăдукин чăскӣ Ирэнӯд'э-мата кӗтарйлд'аран. Кӗтарйксă, турэтчэрэн:

Гэрукăнэн, гэрукăнэн! айа ахăкăн
Гарпас-мата, Сӗкакчăн гэрбйн.
бмйвав экэл вăра! Тарицмав бӯд'ицэв
Нэкӯнэчӣ бихим, эхикис вăра.
асăткăн-хунăт

Д'э, Гарпас-мата хунăтпăн гадăви, эцэнмэн эчин вăра. Кухймӣ этэксэл д'ӯрӣ цэнэхйнд'эрэ, Ирэнӯд'э хунăттлăн. Д'э, эркэн тӯксад'ара халгакăрд'ивар, тиргимэт. Дилачă йӯптуткэкйн тӯксад'ара. Тӯксаксăл, тӯксаксăл илан инэцйдӯ тӯксаксăл, иссад'ара. Ирэнӯд'э хунăтпи эрйд'эрэн:

Гэруканэн, гэруканэн! Гарпанӯчандӯ бӯм.
Гиркййэс эмэвум! Имăт йӯкэл д'ӯдукки!
Кӗтаракса, ӗксă-ӯ, Д'эпти-д'эвгэйэ бкал!
синэвэ бӯксэ, Тэтти-тэткэйэ
инэкин мучупам. имăт бэлэнпэкэл!
Гарпас-мата-

Тăдук асăкăн, тулйскӣ йӯксэ, акйндулăви Гарпас-мата-Гарпанӯчăнма элгэхинйксэ, йвд'эрэн. «Он п'экэд'ицэв? — гунйттэн, — кӗтарчăлăс, цэнэчим бӧллага», — гунйттэн. Йвуксэ, улйрд'эдэгэ д'эпти-дэптилэвэтти, тэтти-тэттилэвэтти бэлэнпэд'эрдэгэ. Тăдук улйксэ, ăнцад'ардактара.

Ăнцаксăл, тимăтнар тэҫэксăл, сивайбавар ӧдăвар ирӯн-оронмор гэннэд'эрэ. Оронмор гэнпэксэл, эмувд'эрдэктэрэ. Вăксăл, бстад'ара. Бстăксăл омолгйвар уцпэ. Умӯн омолгйвар эргӯ буҫалă уцнэ, умӯн омолгйвар дулгӯ буҫалă уцпэ, умун омолгйвар уҫӯ буҫалăвэр уцнэ. Бэйэлбэ гэнпэрэ. Тар гэнпэд'элтти илйтти йнэцйлэ эмувд'эрдэгэрэ. Дулин буҫагйт эмэрэ урацкаил-эвэнкйл бэйэл. Уҫӯ буҫагйт эмэд'эрэ эвэнкйл бэйэл. Эргу буҫагйт авахил эмэд'эрэ.

Ур омолгйватти умпэт човокотнол, тагдӣра. Тар омолгӣ гуниттэн: «Ёкӯптикйл тэҫэлтти бэйэвэ ахактад'аттаҫ». Бутушу човокӧтнол, тагдинал манара. Авахицйлтти, сивайбамӣ этэксэл, Гарпас-мата ахйвăн титэчэл. Тарилба Гарпанучан ахалчă. Эксэчэл, дилачă тикйптикйн эксэчэл. Тăлă амӯткăн бихин. Тар амӯткăн дойакăклăн хэргӯ буҫалă чэпэттэ, сэлэкэр бпал.

Тар Гарпас-мата, ахаксā, тāлидā чэпэлдīрэн. Тāлī чэпэлдīксэ, авахил буҕалāтын иссаран. Ихīксā, аҥад'акāн-куҥакāн ōксā, йссаран. Иҥама дӯ'лāтын йд'эрэн. Авахī тиҥэнми дулиндукин умӯн ҷāлачи, эйэви дулиндукин умӯн ēхачī авахīнд'а. Авахī, ичэксэ, «Куҥакāнма улīкэллу, аҥад'акāн-куҥакāн!», — гӯниттэн. Тар ахī Сēкакчāн куҥакāнма гунīттэн:

— Йдук эмэнни? — гунд'ирэн. — Си-вэхин ēманни авахиндулā?

Куҥакāн гунд'ирэн:

— Экīнми синэвэ ӯд'ачāв, — гунд'ирэн.

Эр куҥакāн авахīнд'аткī: «Сēкакчāнма ката сāвкāникта!», — гӯнэн.

Авахī гунд'эрэн:

— Хутэ, ката сāвкāкал, элэкин, — гунд'ирэн.

Тар куҥакāткāн сāвкāниллан, гӯнэн:

— Тāдӯ сōма араснай тэвуриктэ! Тарā д'эпкēт! — гунд'эрэн Сурурэ. Эр муриндукки йӯксэ, мōла туктид'эрэ, тэвуктэлвэ д'эвдэвэр. Туктичэлэтын бимī, тарīҷītын оронд'о ōчā.

Ойодӯви д'ӯрīвэ эксэхинчэ. Авахīлдук д'ороморон. Д'ӯлāви эксэд'эрдэгэ. Тар оронин бимī, «айамат д'авучакаллу! — гунэн, — авахīдӯ эмнэкил боконмӯра». Эр д'ӯлāви эксэд'эрэн. «Д'ӯлāви ахунчаксā, йсҷāт бид'эн?». Тāдук д'ӯлāви иссаран. Д'ӯлāви иссāлāн, тигдэкэкӯн тигдэрэн, агдикāнӯн агдиран, бōктакāнӯн бōктад'аран, хиҧинкэкӯн хиҧинд'аран. Тар амаргидāдӯн авахи-бэйэ н'уҥэн турэтчирэн:

Дɛҥдɛ, дɛҥдɛ, бунин!
Дɛҥдɛ, дɛҥдɛ, бунин!
Гарпас-мата-Гарпанӯчан,
ахīви бурэкис-кэт, гад'иҥāв,
эхикис-кэт, гад'иҥāв!
Айа эйэт-ку бучинни!
Ӯха эйэт-ку бучинни!

Гарпас-мата тикӯлчā. Тикӯлīксāкāн, калганми тулдурэгэр хэкихīниксэ, туксад'ардага. Авахī-бэйэ оҷоктовōн суллурагар кокоскод'орон. Авахī-бэйэ сōмат хēннивкī бичэн. Тāдуккар ҷāлави колтод'ови чирак-бэйун дилкāкинин колтонд'отпи колторон. Авахī тāксā, анам-бэйӯн дилкāкīнин колтотпи колторон. Тāдук кухīлдичэтын д'ӯрī. Авахī бэйэвэн ōҧкāптикī гарадāнчā Гарпанӯчāн. Гарандāксā, никīмнадӯн тэҧэчэн. Минэксэ, минэксэ, «манакɛду», гуннэ адуланā. Билиргимī мунчэ такэмīва чикāд'аран. Авахī-бэйэн хэргӯ буҕаткāкī турэкэгдэн суруд'энэ турэтчэрэн:

Дɛҥдɛ, дɛҥдɛ, бунин!
Гарпас-мата, поросай ōҧин!

Авахī суптирāн. Д'ӯлāвī ҷэнэхīнчэн. Гарпас-мата д'ӯлāви ҷэнэд'эрэн, Эркэн-таркāн тӯксачā тӯксад'аран. Д'ӯлāви иссардага, а'хīлāви. Ахīлāви эмэксэ, д'ӯдӯви дэрӯмкītчэрдэгэ.

АЛДАН, Д'ЭЙЭ ЭВЭНКЫЛИН НИМЦАКАРТИН

14. Торганэй

Умун омолгичан энинцунми бид'эчэн. Д'улаа ачир — атут. Эр бид'энэл, нуцац бэйуктэд'эчэн. Энинин умэкэн хуручэ дацакантикы, омолгиткиви, гунчэ:

— Екун-мал эмэрэкин, минэвэ ханцуктаракин, эннэ тэдэврэ. «Екуна окал» гунэктин, эннэ ора!

Атиркан хуруд'экенин, атулатин эбэй эмэчэ, ханцуча:

— Энинни йдуу?

Тар омолги гунчэ:

— Эчэв сара.

Эбэй гунчэ:

— Тикэ бихикин, минэвэ куйиргит ухицнэкэл тавар ирэктэдуу.

Тар омолги ухицнэчэ. Уйитчэрэкин, хэбэй кэцтирэлэви гарадачаа тар омолгива. Омолги намарачаа, хуктихинчэ эбэй. Хуктид'эчэ, хуктид'эчэ, горово хуктид'эчэ эбэй. Ихэккэнмэ исчаа. Тар ихэккэнду хунил эвид'эчэл, маутлимаатчанал. Тар хунилба ичэхэ, омолги гунилчэ:

— Хунизэл, хунийэл, эбэйвэ маутлакаллу! Минэвэ айкаллу!

Хунил эбэй д'улэскин туксахинчал, маутилба цалд'анал эчэл маутлара, суптивчал. Тар эбэй цэнэд'эчаа, цэнэд'эчаа, эмэчэ д'алтикиви. Дулинтикитин эмувчэ. Тар эбэйил д'эпилдавэр н'экэчэл.

Омолги гунчэн:

— Кэ, миндуу харана букэллу, мэнми тэхиктэ. Д'эптэхун, айа бид'иңэн.

Тар тикэ гунэкин, эбэйил ухакучуупма харанма бучэл. Омолги гунчэ:

— Эцэтив батта, хэгди, хэгдимийэ харана букэллу!

Тикэ гунэкин, хэбэйил хэгдикэнмэ бучэл. Хэгдикэнмэ бурэктин, харанма, умун хэбэйлэ хэтэкэниксэ, хэтэкэруд'эхинчэ хэбэйдук хэбэйлэ. Хэбэйил ахалчал, эчэл боконо. Туханчаа-н'ун, тухачаа. Горопtilби атулби бакачаа, эниинми буд'экивэн. Эниинин арай бучэ. Цэнуухинчэ горолтики буцалтики. Торганэй-хунатван гэлэктэнэхичэ. Цэнэчэ, цэнэчэ, бакачаа умун д'укаинма. Тадуу атиркачан бид'эрэн. Тар омолги хинцуча:

— Он баками Торганэй бид'эриивэн?

— Си хоктодуви кэтэ ургэхэлэ цэнэд'иңэс. Тарилба цэнэми, гад'иңас Торганэй-хунатва. Эми цэнэрэ, этэнни гара, — атиркан гунчаа, — би синдуу уучакиас буд'эцэв.

Бучэ учакиан, учакит цэнэхинчэ. Цэнэчэ, цэнэчэ, сицикун очаа. Илчаа тадуу, гунчэ:

— Он би цэнэд'иңэв?

Учакин турэчилчэ:

— Чицэрэкэр оксал, тутучот сицива!

Тутучӕл, тутучӕл, исчӕл муданмӕн. Н'ӕн цӕнэхинчӕл авлӕнма. Цӕнэксӕл, цӕнэксӕл, исчӕл — киптıл гирд'ара. Омолгӣчӕн гунчӕ:

— Ӧн цӕнэд'инцӕт?

Оронин гунчӕ:

— Сӕлӕмӕ унталва ӧксӕл, цӕнэгӕт.

Тар цӕнэхинчӕл. Цӕнэчӕл, цӕнэчӕл, н'ӕн инмӕлд'и гидалӕ, д'ара. Тарӕ хӕтэкӕнчӕл. Тар цӕнэксӕл, цӕнэксӕл, д'эгдэ бид'эрэнд'эгдэкӯн! Н'ӕн гунчӕ:

— Ӧн цӕнэд'эп д'эгдэвэ?

Уҕучакӣн гунчӕ:

— Дэҕил ӧҕӕт!

Дэҕил ӧксӕл, дэҕилчӕл, хэдэчӕл д'эгдэвэ. Цӕнэчӕл, цӕнэчӕл, н'ӕн сукӕлд'и хӧцнилд'ара. Йлӣ-дӕ цӕнэдӕ — сӧ. Н'ӕн гунйлчӕл:

— Ӧн-ка цӕнэд'инцӕт эрӕ?

Н'ӕн цӕнэрэ орон д'алдӕнэлйн. Цӕнэчӕл, цӕнэчӕл, н'ӕн халкачӕр халкад'ара. Тарӕ н'ӕн цӕнэчӕл. Тар цӕнэксӕл, цӕнэксӕл, мӯкӯн, бутунну мӯ, муданйн ӕчин.

— Ӧн цӕнэд'инцӕт? Мӯ мудана ӕчйн.

Уҕучакйн гунчӕ:

— Кӕ, мит оллол ӧҕӕт! Оллол охӕл, цӕнэгӕт!

Илтэнчӕл тарӕ. Эхйлэ орон гунчӕ:

— Кӕ, эхӣ ёкӯн-дӕ ургэхӣ хокто ӕчин. Дагалӣ исчацӕт Тӧргӕнэй-хунӕтва.

Цӕнэчӕл, цӕнэчӕл, ихилчӕл. Д'ӯкӯкӕн ичэвӯлчӕ, килулӣ, сигунцачин. Исчарактın, ахӣ йӯчӕ, эрчачӕ, гунчӕ:

— Би Тӧргӕнэй бихим.

Тар омолгӣ гунчӕ:

— Ӧн-ка Тӧргӕнэй-хунӕт бинэ, эчӕ айа бирэ? Д'ӯс айа.

Тар ахӣ гунчӕ:

— Бикэллу ахилтӕнэмӕклӕ, би эр-дэт эмэд'инцэв.

Мӕнин хуручӕ, ахилтӕнэ эмэчӕ. Долбочӧ. Долборокин, гӯнчэ:

— Кэ, ӕхинцӕт!

Цӕнэчӕ д'ӯви дӧлӕн. Капур, капур ӧд'ачӕл тэткэлин дӧлин. Тар омолгӣ гунд'эчӕ:

— Ёдӕ капур, капур ӧд'аран?

Тар ӕхинчӕл. Ӕд'эрэктин, бутунну илләлбӕн гидатчавкӣ. Тэҕэлтэн эмэклӕн нэхйлэ ачӕ. Ӕд'эрэктин, киңгин эмэлчӕн, чӧранд'и чӧранд'ана.

Омолгӣ гунчӕ:

— Ёкӯп эмэд'эрэн?

Ахӣ гунчӕ:

— Би синэвэ улэккйчим. Би Тӧргӕнэй гэрбэчйцин бихим. Тэткэлби дӧлйтın угдахакӕрба тэврйв. Минэвэ эхйткӕн Тӧргӕнэй дуктэлд'инцэн. Эрил угдахакӕр капургаллактın, гунчэд'эцэн: «Би вӕм гэрбэчйцми».

Тар Тӧргӕнэй, эмэд'энэ, гунчэн:

— Уркэвэ нйкэл! Ёкӯп уҕучаккэ уйчэ сіргадук?

Тар гэрбэчӣн, микчӑликсӑ, сӧ̆ннчӑ уркэвэ. Гэрбэчӣцми дуктэлчӗ. Дуктэчӗ, дуктэчӗ, арай капур, капур ӧд'ачӑ. Тӧргӑнэй гунчэчӗ: «Гэрбэчӣцми вӑм, гирамналвӑн хӳгд'ам». Хуллава нэктэлӣчӗ, ӗдӳ омолгӣ хуклэд'эрэн. Гунилчӗ:

— Ӧн сӣ би гэрбэчӣнн'унми ӑхинчӑс? Би Тӧргӑнэй-хупӑт бихим. Си бутунну ургэхӣ хоктово цэнэнни, би си ахӣс бицӗтив. Минтикӣ кэтэ омолгӣ эмэдӗвэр н'экэчӗтин. Ци-кэт эчӧн кӗйра ургэхӣл ӧврӣлба хоктодӳ, си кӗйинни. Би синци бихим. Би, гэрбэчӣнн'унми ӑнэлӣс, ургэхӣ хавӑла бӳд'ицӗв. Тарилба упкатпа кӗйракис, энэ цӗлэттэ ӗкӳндук-тӑ би синэвэ эдилӗд'ицӗв. Этӗнни кӗйра тарилба, этӗнни сатара, энэ цӗлэрэ, н'ӑн амаскӣ мучуд'ицӑс бид'ӗклӗви.

Тар омолгӣ гунчӗ:

— Ӧд'ицӑв!.

Элэкэс гунчӗ:

— Би бэйцӗцӣлби бихӣ, тарилба этэйӗнӗкэл!

Этэйӗчилчӗ. Кэтэкӗкӳн бичӗл бэйцӗлин — таццӣпра эхӣл. Элэкэс ичэксӗ, цӗлэлчӗн. Бэйцӗл киктӑвэр н'экэлчӗл. Тар омолгӣ Тӧргӑнэйлӑ хуручӗ, гунчӗ:

— Бэйцӗцӣлли минэ киктӑвэр н'экэд'эрэ:

Тӧргӑнэй хуручӗ, гунчӗ:

— Эннэл кикта, эр митки!

Горово этэйӗтчӗ, элчӗ цӗлэрэ, бэйцӗл дӧлчачӣлчӑл пуцанмӑн. Горово этэйӗксэ, Тӧргӑнэй гунчӑ:

— Чалбаткӑнцӣлби этэйӗнӗкэл! Тар чалбуӯдӳ бихи эбэйил. Тарилдук эннэ цӗлэрэ! Д'эниглӗллэктин, гуннэ: «Би Тӧргӑнэй бэйэцӣн бихим!».

Эмэчӗ чалбуӯлӑ, чалбаткӑр сирпалчӑл. Тар омолгӣ соцолчӧ. Чалбаткӑр ханцӳлчал:

— Си цӣцӣ бэйэцӣн бихинни? Эр Тӧргӑнэй дуннэцин Тӧргӑнэй гунчӗ: «Хуцту бэйэвэ эннэл тӣнэ!».

Тар улгучӗмӗтчэрэктин, эбэйил эмэчӗл. Эмэд'экентин, тар омолгӣ гунчӗ:

— Би Тӧргӑнэй эдӣцӗтин бхим!

Чалбаткӑр, эбэйил эчӗл тэд'ӗд'эрэ, ханцӳнӑчӑл Тӧргӑнэйдук:

— Мунтикӣ эмэчӗ хуцту бэйэ. Тара бӳ сирбад'арав, эбэйӣл д'эниглӗд'эрэ.

Тӧргӑнэй гунчӗ:

— Экэллу тара сӧмӣра, тар минцӣ бэйэцив.

Чалбаткар мучӳчӑл, гунчӗл эбэйилвэ:

— Тар митцӣ, Тӧргӑнэй бэйэцӣн.

Тар омолгӣ горово этэйӗд'эчӗн чалбарва, эбэйилвэ. Этэчӗлӗн этэйӗрӣви, Тӧргӑнэй гунчэ:

— Уӯучакви бакакал! Бакаксӑ, вӑкэл! Вӑксӑ, сэхэдӳн булкукал д'ӳр надаллайа. Тӗлӣ си минэвэ гад'ицӑс.

Тар омолгӣ уӯучакви вӑхӑ, д'ӳр надаллава булкучӑ сэхэдӳн. Тӑдук Тӧргӑнэй-хунӑтва ахӣлачӑ. Айат билчӗ.

15. Тӧргӑнэй, Чӑнйкэй

Билир, билир, дуннэр-эн'ӗй тэнйнэкӗндін тэнййд'эрэкин, н'аңн'арамай улкйчӗн ӗхадінин киларгард'аракин, д'ӳр хуркэкӑр бичӗл. Акйндіґӳ гэрбйн бичӗн Тӧргӑнэй, нэкӳндіґӳ бичӗ Чӑнйкэй.

Тар бид'эвкйл, бид'эвкйл, инэңивэ минутагачйн бивкйл, анңанйва долбонйгачйн бивкйл. Тар бид'энэл, гӗ куңакӑн инэңитікйн ихавувкй бичӗ: эвйкӗрэви ӧвкй, алаңакӑнэви ӧвкй. Тар алаңакӑнд'иви «чип, чип!» орй чивкӑнэ, «кук, кук!» ӧрй кукэкййэ эвкй ойолйви дэґивкӗнэ, упкатва вӑвкй.

Нэкӳндіґӳ кӳңакӑн ӗкӳндук-тӑ эрӳ сидің бичӗ: дуңгӑлдукви, чимкалдукви иликсатви намарӑвкй.

Тӧргӑнэй бэйӳктэвки-дэт ӧчӑ. Бэйӳвкй, бэйӳнмэ вӑвкй. Тар вӑксӑ, имэннэлдӳви уййксӗ, д'ӳлӑви эмэвӳвкй. Тар эмэксӗ, гиркйви ичэрэкин, айа-дӑ, айа ӧчӑ бивкй. Тӧргӑнэй ханңӳвки Чӑнйкэйдук:

— Ӗксӑ, эр си бултургӑнни, багдаргӑнни?

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Э-э! Угдаксакӑртікй, иманнакӑртікй булйктэрэкив, бултургӑттан, багдаргӑттан, бид'иңӗн!

Тӧргӑнэй н'ӑн бэйӳвкй. Тар бэйӳксӗ, бэйӳрвэ вӑвкй. Н'ӑн д'ӳлӑви эмэвкй Чӑнйкэй ӗдӳк-тӑ сӧ айа — бултурин, багдарин бивкй. Тӧргӑнэй н'ӑн ханңӳвкй:

— Си, ӗксӑ, тікӗн багдаргачйнни, бултургачйнни? Улгучэкэл, айа биңэсйви. Эхикис улгучӗнэ, би синэвэ вӑд'эңӑв!

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Акйкӑкэн, экэл вӑра, улгучӗнд'эңӗв. Ділачӑ йӳптуґйд'ин д'ӳр гахантамал ахӑкӑр, эмэксӗл, минэвэ игдітта, авӳта, олохин би багдаргачйм.

Тӧргӑнэй гӳнэн:

— Кэ, си д'ӳрдук гӗва д'авадӑви!

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Д'авакӳн!

Тӧргӑнэй д'ӳви олдондӳн дікӗнэн. Тар дікӗнчэд'эрэкин, инэң дулин ӧд'аракин, д'ӳр гахантамал ахӑкӑр дэгнэл эмэвкйл. Тардат Чӑнйкэй мӧлӑкйттӳн дӧра, д'ӳлӑн йрэ. Тар йксӗл, Чӑнйкэйвэ игділчӑл, авӳлчӑл. Тар авӳлмуракгін, Чӑнйкэй экйндэґӳвэ д'ававкй. Тар д'авакса, акйнми, эмэдӗн, тэпкэлйвки:

— Тӧргӑнэй сӧт химӑт эмэкэл!

Тӧргӑнэй тӳксанэ эмэвкй, гахантіма ахӑкӑн дэктілӗлвӗн нинӳнд'ӑ дуґӗдӳн локовкй. Тар тікӗн Тӧргӑнэй ахйчй ӧран.

Тар ахйлӑксӑ, илаллава д'ӳдӳви ахйнунми бивкй. Тӧргӑнэй бэйӳвкй. Тар бэйӳксӗ, горово бивкй. Тӧргӑнэй д'ӳлӑви эмэвкй. Д'ӳдӳн цй-кэт ӑчйн: ахйн-дӑ, нэкӳнйн-дӗ ӑчйн. Мӧци ичэнэн, мӧцин тікчӗ. Нэкӳнми сэмтумэнд'ӗ каланд'а дӧдӳн которочӧво бакачӑ.

Д'э, Тӧргӑнэй эмӳкин ӧчӑ. Тар эмӗнмуксӗ, Тӧргӑнэй д'алдӑчивкӗ: «Ӧн би бэйэ ӧцӑтив, эмӳкин?». Тӑдук Тӧргӑнэй цэнэхинйвкӗ дилачӑ йӳптумӗвӗн. Тар цэнэд'энэ, илан диличӗ уксукӗнд'э бакалдӣвкӗ. Икӗвкӗ:

Гӗц'ɛ! Гец'ɛ! Гец'ɛ-койон!
Киранд'ӑ доровойо д'авакал!
Эр би сӧцдук-муцдук
Цэнэхинчӑ бихим.

Илан дилӗчӗ уксукӗнд'ӗ,
Ёкӳпа сӑнни —
улгучӗкэл си миндӳ!
Эр би, эмӳкин ӧксӑ,
ӧлӗ эмэм.

Илан дилӗчӗ уксукӗнд'ӗ улгучӗнивкӗ, икӗвкӗ:

Диңди! Диңди! Диңди-койон!
Аӷӗ бэйэкӳн, доровокӧн!
Д'ӳр гахантымал ахӑкӑр

дилачӑ йӳптумӗвӗн
цэнэчӗлэтӣн,
илалла ӧран.

Тӧргӑнэй гунйвкӗ:

— Кэ, си миндӳ бэлэмчӗс?

Илан дилӗчӗ уксукӗнд'ӗ гунивкӗ:

— Кэ, би синдӳ улгучӗниктэ. Си сурукэл дилачӑ йӳптумӗвӗн. Тар цэнэд'эрэкис, илан бирал бид'эцӗтӣн. Тарилва си, сӧгда айа албахӗчӗ бимӗ, дӑвд'эцӑс. Тӑдук илӗтӣн бира баргӗдӑдӳн д'аңрӑ бэйӳр бид'эцӗтӣн. Тарилдӳ д'аӷӗтӣн бэйӳн калтакӑ ийэви дулиндулйн хокомчӧ. Мэцумэ нӗмэчӗ, мэцумэ илан даричӗ ухйчӗ. Тӑрӑ-цэн д'авамӗ, си айа бэйэ од'иңӑс.

Тӧргӑнэй цэнэхинйвкӗ, дилачӑ йӳптумӗвӗн, тар биралӑ ихивкӗ. Ичэрэкин, сӧ дэлэй бивкӗ бираңйн. Тӧргӑнэйдӳ ёкӳнд'и-дӑ дӑвдӑн, ёкӳнйн-дӑ ӑчйн. Тӧргӑнэй эйэкӗ, солокӗ ичэчйвкӗ, ускӗтӑнэ хиркихид'амнак тӳксавкӗ, мӧл угдаксакӑрвэтӣн тицэлэкилдӳви намараниксӑ, бираңци дӑвувкӗ. Тар тикӗн илан бирава, иланйва дӑвчӑ. Илӗтӣн бира баргидӑдӳн бэйӳр ӳд'алватӣн ичэчэ. Тар бэйӳрвэ Тӧргӑнэй аракӳкӑн бэйӳд'эхинйвкӗ. Бэйӳңилйн нуцанмӑн мэдэвкйл. Тар ичэксэл, бэйӳр хэтэкэнивкйл. Тӧргӑнэй нуцарватӣн ахалйвкӗ. Тар ахаксӑ, ахаксӑ, боконйвкӗ. Боконйксӑ, мэцумэ нэмэчӗ, мэцумэ ухйчӗ бэйӳнмэ бакачӑ. Д'ӳр ийэдукин д'авакса, Тӧргӑнэй укчаксӑ курбувчйвки. Урэкэчӗн бимӗ, мариктагачйн ӧкнан, дуннэ ӧцкучакйн томторин элйкиэн сӑвра, курбувчӳвкӗ. Илаллава иличйвкӗ, туңаллава дэрймкйчивкӗ. Дэрйксэ, «Мэцумэ ухйчӗ бэйӳн, — гунйвкӗ. — Дэррӣ сумучӗ, хогоррӣ эвтэчӗ бихим. Кэ, кӗйинни си минэвэ?».

Тар тикӗн Тӧргӑнэй ӳкчакйчӗ ӧчан. Тар ӳкчакйтви н'ӑн бэйӳңйлви ахаливкӗ. Бэйуңйлви боконйксӑ, умӳн сӧнцачӑнма вӑвкӗ иргихэйэви.

Тӧргӑнэй н'ӑн цэнэхинйвкӗ дилачӑ йӳтумӗвӗн. Мэцумэнд'э урэгӗнд'элэ ихивкӗ. Тар урэвэ ихиксӑ, нуцан ӳчакви «Тӑкэчӑн ӧкал!» — гуннэ, сӧгинивкӗ. Ӳкчакин тӑкачӑн ӧвкӗ. Мэнин, сӧма д'окɛ куцакӑн ӧксӑ, соцоливкӗ урэнд'ӗ хэрӗдӳн.

Тар соңод'орокин, мэңумэнд'э урэнд'э ойодукин уксукӣнд'э, дӧлдӣксӑ куңакӑнңи соңонмӧн, урӯниксэ, «Ёкӯн сэвэкӣн бӯрэн хутэйэв?», — гуннэ, дэгнэ эмэксэ, гавкӣ хутэйэви. Д'ӯлӑви эмэвӯвкӣ. Д'ӯдӯви эмэниксэ, уксукӣнд'э бэйӯвкӣ. Тар бэйӯнд'э ӑчиндӯн Тӧргӑнэй бэйӯр гирамналд'итін эвӣкэрэви ӧвкӣ, хуңтувӯнэви ӧчӑ.

Уксукӣнд'ӑ бэйӯктэтмӣ ухэксэ, сӧмат умнэт дэрӣксэ, д'ӯлӑви эмэксэ, д'ӯдӯви ӑхинӣвкӣ. Тар ӑд'эрэктін, Тӧргӑнэй аракӯкӑн уксукӣнд'э халгардукин мэнми уйӣвкӣ. Тар уйӣксэ, хуңтувӯнми иктӯвкӣ. Уксукӣнд'э уӷӣскӣ дэӷӣлӣвкӣ. Урэңди ойовӧн иссаракин, Тӧргӑнэй тӣкивкӣ.

Тар тӣкиксэ, Тӧргӑнэй н'ӑн тар урэңди цёскӑкӣ цэнэд'энэ, ёкӯнма соңонмӧн дӧлдӣвкӣ. Тар дӧлдӣксӑ, Тӧргӑнэй эмэвкӣ. Эмэксэ, ичэрэкин, арай олгомно ӑмуткӑндӯ Чиркимӑй нирэй куңакӑнмэ эмкӯтчэрэн:

Чивɛр! Чивɛр! Чивɛр-койон!
Байу, байу, байу-койон!
Экэл соңоро!

Тӧргӑнэй, Чиркимӑйдула эмэксэ, Чиркимӑйдук ханңӯвки:

— Ңи хутэн?

Чиркимӑй гунӣвкӣ:

— Эр гахантамал ахӑкӑр хутэвэр эмэннэвэтін би ӧлгаттав.

Тӧргӑнэй н'ан ханңӯвки:

— Мэ̄ртін-кэ ӣлэ суручэ̄тін гахантамал ахӑкӑр?

Чиркумай гӯнэн:

— Гахантамал ахӑкӑр дуннэңлэвэр суручэ̄тін, инэңмэн эмэд'эңэтін д'ӑн д'ӯр часилдӯ.

Тӧргӑнэй д'ӧнивкӣ, д'алдӯви гунӣвкӣ: «Эр би хутэв!». Тӧргӑнэй Чиркимӑйтики гунӣвкӣ:

— Кэ, си нуңанмӑн дэлбимэ соңовчӧкол, химӑт эмэдэ̄тін гахантамал ахӑкӑр.

Чиркимӑй куңакӑнмэ дɛлби соңовчӧвкӣ. Тӧргӑнэй мэнин сиӷи дӧдӯн дӣкэ̄нивкӣ. Гахантамал ахӑкӑр эмэд'эрӣвэтін ичэксэ, Тӧргӑнэй д'утін олдондулӑн эмэксэ, дӣкэ̄нивкӣ. Тар дӣкэ̄нчэд'энэ, дӧлдивкӣ гахантамал ахӑкӑр икэ̄нмэтін.

Экиндӣӷу гэрбӣн бичэ̄н Гелтиңачӑн Кувулгат. Экиндӣӷу гёван Гелтиңачан Кувулгат гунӣвкӣ:

— Сӧт химӑт тіккэ̄т! Хутэв соңорон!

Чиркимӑй оңкойоңотви аманнӣран. Нэкӯндӣӷӯ ахӑкӑн гунӣвкӣ, икэ̄нэ:

Геӈ! Геӈ! Геӈɛ-койон! Тӧргӑнэй эмэрэн,
Эӷэт-вэл-дэ̄ тікрэ̄! даӷачӑндӯ бид'эрэн.

Гёван хунӑд'ин Гелтиңачӑн Кувулгат тӣкӣвкӣ олгомнокӧн ӑмуткӑндулӑ. Хутэлэви тӯксана эмэвкӣ. Хутэви Чиркимӑйдук гаксӑк укӯливкӣ.

Тар укӯвулмурэкин, Тӧргӑнэй тӯксана эмэвкӣ. Гахантӏма ахӑкӑн дэктӏлэлбӧн илан путэчӣ сукэнд'ӧт токтовкӣ. Гӗван хунӑд'ин Гелтӏачан Кувулгат нэкӯнин гунйвкӣ:

— Пурганд'арӣ поросай бӯин! Си энэ дӧлдӏра гуннэвэв тӏктэкис, эчэ умӯ хуркӧн-куцакӑн соцоро, — гуннэ, — уйэдӯви бид'экэл кутɛнунми-этӏркӧннунми! — гуннвкӣ-дӧ дӏлачӑ йӯптумӗвӧн дэгд'эхйнйвкӣ нэкӯндӏӯ ахӑкӑн.

Д'э, Тӧргӑнэй, ахйви н'ӑн бакалдӏксӑ, ахйпунми биливкӣ. Хутэтӏн биксӧ долбонйтӏкйн ихэд'эвкӣ. Амйнин эвйкэрӧн ӧвкӣ, алацӑкӑнӑн ӧчӑ. Тар алацӑкӑнд'ивн куцакӑн «чин, чин!» ӧрӣ чивкӑчӑна ойолйви эвкӣ дэӷйвкӧнэ ӧчӑ, бэйӯктэвкӣ-дэт ӧчӑ. Тар бэйӯксэ, хунтутӏкйр бэйцӧвэ, чивкӑрвэ бакалдӏвкӣ. Тариӈйлин улгумйвкйл»: Гэрбйс цӣ?», — гуннэл. Омолгйчӑн гэрбййэ ачйн. Цййэ-дӧ, гундӧн, ачйн бивкӣ. Омолгйчӑн д'ӯлӑви эмэвкӣ, энйнткйви гунйвкӣ:

— Эр би, бэйӯктэд'энэ, чивкачӑрбэ бакалдӏчим. Тариӈйлби миндук «Гэрбйс цӣ?», — гуннэл, улгумйттэ. Тадук ин'эттэ, гэрбййэ ачйнд'ив. Эр-кэ би ӧн тикӧн гэрбййэ ачйн бид'эцӧв? Гэрбййэв миндӯ бӯкэллу! — гуннэ, улгумйвкӣ омолгйчӑн амйндукви, эмйндукви.

Энинйн гунйвкӣ этӏркэнтикйви:

— Кэ, эдӧ хутэдӯвэр гэрбййэн бӯӷэт! — гунйвкӣ: — Кэ, би бӯктэ гэрбййэн хутэдӯвэр. Хуругэчэн биӷин гэрбйн хутэт!

— Кэ, элэкин! — гунэн гӗ.

Омолгйчӑн, гэрбйчӣ ӧксӑ, урӯниксӑ, алацӑкӑнми гаксӑ, бэйӯвкӣ. Тар бэйӯксэ, н'ӑн бакалдӏвкӣ чивкачӑрбэ. Чивкачӑцйлин нуцандукин улгумйвкил:

— Гэрбйс цӣ? — гуннэл.

Омолгйчӑн: — Би гэрбйв Хуругэчэн! — гунивкӣ.

Д'э, Хуругэчэн, тар бэйӯксӧ, бэйӯрвэ вӑвкӣ. Д'ӑнмэ вӑмӣ, д'ӑнйви эмувӯвкӣ д'ӯлӑви. Н'ӑн умнӧ бэйӯксӧ, умӯн улкйчӧнмэ ичэвкӣ. Тар улкйчӧнмэ «Ёкӯн эрӣ бэйцӧн!», — гуннэ, Хуругэчӧн ичэчйвкӣ. Тар ичэрэкин, «Ёкӯндук-тӑ айа бивкӣ!». Хуругэчӧн гунивкӣ: «Кэ, би нуцанмӑн иникинд'и д'авакта!», — гуннэ, ахакталйвкӣ. Д'ававкӣ улкйчӧнмэ. Тар д'авакса, урӯнйкса, д'ӯлӑви туксахйнйвкӣ, ахйкталва анамдак, болгйктал бокотолтӏн бурукнэнтӏн, нэлгэлбэ нэгдӏлмйгдэ. Сӧ бэйэ, бгӯриксӑ, бктаг ойогдолйн тӯксана, д'ӯлӑви эмэвкӣ. Амйндукин улгумйвкӣ:

— Ёкӯндӏ эр? Д'эпрӣ-ӷӯ эхй-ӷӯ?

Амйнйн гунйвкӣ:

— Эр амӑкӑ бӧканин. Эрэ эцэрэ д'эпрэ!

Тадук н'ӑн Хуругэчэн сурувкӣ, бэйӯвкӣ. Тар бэйӯсӧ, цэнэд'эрэкин, ёдук сӧ эдӏн-суӷӣ эмэвкӣ. Тар эдӏн-суӷӣ гуннэн, тариӈин арай турэчиливкӣ:

— Сӧ омолгйчӑн, эр си ёкӯма гэлэктэд'энни? Энйнни идӯ бихин? Улгучэкэл! Эхикис улгучэнэ, би синэвэ, оцонмос, гад'иӈав!

Д'э, Хуругэчӭн ичэчйвкй — ёйа-дӑ эвкй ичэрэ. Д'алдӯви гунйвкй: «Ёкӯн, йдӯ бинэ, турэчйттэн?». Гунчэнэ, мурэлйви ичэчйвкй. Ёкӯндӯ-дӑ ачйн бивкй. Д'э, ёван-дӑ энэ сара. Д'улэви д'улэскйви нэнэвкй. Тар нэнэд'энэ, бэйӯр ӯд'алватын ичэчйвкй. Бэйӯнйлин нонойо илбэвчэл бивкйл. Тар тикэн ёйа-дӑ энэ вара, Хуругэчӭн д'ӯлӑви эмэвкй. Тар эмэксэ, энйндукви улгумйвкй:

— Бэйӯд'э нэнэд'эрэкив сӧ эдйн-суӷй оран, тӑдук ёкӯн-ка турэтэн: «Эр си омолгйчӑн ёкӯнма гэлэктэнни?», — гуннэ. Тӑдук: «Энйнни йдӯ бихин!», — гуннэ, ханцӯктаран.

Энйнйн гӯнэн:

— Э, тар дылачӑ хунӑд'ин Сёкакчӑн Кувулгат, бид'инэн?

Хуругэчӭн улгумйрэн энйндукви:

— Тар дылачӑ хунӑд'ин Сёкакчӑн Кувулгат йдӯ бихй, бид'инэн? Улгучэкэл сй миндӯ. Би нуцандулӑн нэнэктэ! Нуцан минэвэ сӧт кихиттан, илэчэттэн. Бэйцэцйлбэв д'улэдӯв илбэттэн.

Хуругучӭн энйн гӯнэн:

— Кэ, би синдӯ улгучэниктэ. Инэц дулин хэрэмэвэн сурукэл. Тар нэнэд'эрэкис, н'аӈн'ава истӏ турунд'ачй д'ӯ, дылача хунӑд'ин Сёкак бид'эрин. Тар д'ӯдӯ умӯн цалачй, д'иктэ калтакӑн иргйхэчй, умкӑн калтакӑн умкачй авахиӈкур-мата бид'инэн. Тарӑ кёймй, тар хунатпа гад'иӈас ахййави.

Д'э, Хуругэчӭн энтӏлби д'ӯтин д'ӯр далбадӯтын д'ӯр-д'ӑтэл путэчйл сэлэнд'элбэ иливӯвкй.

— Кэ, эр сэлэнд'эл сэмтӯрэктин, су минэвэ «будэн» гунчэдэвэт!

Эр энйннунми, амйннунми пуростилӑвкй, нэнэхинивкй Хуругэчӭн. Д'э, тар Хуругэчӭн нэнэд'эвкй-дӭ, нэнэд'эвкй, долбонйва нэнэвкй, инэцивэ. Д'э, тар нэнэксэ, нэнэксэ, мэнтикйви гунйвки: «Хэргӯ буӷадук эмэчэ бихикив, тиӈилэктӯв тукалӑ намарачӑ, бид'иӈэн», — гуннэ, ичэвкй тиӈилэкви — тиӈилэктӯн тукалӑ ачйн бивки. Тӑдук гӯнивкй: «Дулин дуннэ ойолйн эмэчэ бихикив, арбагахив хуӈмалби сэмкэнэтын бид'иӈэн», — гуннэ, ичэвки — арбагахин умнэт сэмкэчэ бивкй.

Д'э, тар нэнэксэ мэцумэнд'э д'ӯлӑ ихивкй. Тар эмэксэ д'ӯлӑ, уркэвэн нйксэвкй — эвкй ӧн-да нйрэ. Хуругэчӭн, чивкачӑн ӧксӑ, мӧнд'адӯ дочавкй. Ичэтчэнэ авахйнцӯр-сӧниӈ мӧлӑд'авкй, мӧва д'ӯлӑ йвуливкй. Тар авахйнд'ӑ д'ӯви уркэвэн нйвкй. Тар нймурэкин, Хуругэчӭн, дылкэн ӧксӑ, д'ӯлӑ йвкй. Тар йксэ д'ӯтин дӧдӯн биливкй.

16. Алтӑнэй

Билир бичӑ. Илан омолгй бичэ: Илихагдэн, Алтӑнэй, Тивйӑнэй. Тар илан омолгй, умӯн хунат. Тарил умӯн д'ӯдӯ бид'эчэл. Амйнтин, энйнтин ачйн — бучэл. Эргэчйн д'ӯ бичэ. Тар н'экэд'энэл бэйӯвкйл. Д'ӯрйтин д'ӯдӯвар эмэнмучэл. Хунӑд'итин дэмэрйнд'эвкй бичэ. Акнйлин, бэйӯхэл, эмэвкйл ахилтӑнэ, хунат тар гунивкй арай:

— Акӣ! — гунчэ: — оловсэ! Миндӯ орокӧно тухакӣ хутэйӧн д'аваха, эмӯдӓви, акӣ!

Эхйлэ тариӈйн тимйнин бэйӯхипивкйл н'ӓни. Бэйӯхӧл, тухакӣ утэвӧн эмӯчӓл, тарйӈмар бӯчӧл хупӓтвэр — нэкӯндӯвэр. Тарӓйит тухакйтви эвйд'эвкӣ инэц. Эхйлэ гӧвукта долбонӣ ӧвкӣ. Бэйӯд'ӧл эмэвкйл. Таркӓна гунйвкӣ:

— Акййа, акййа, эриӈмэс эд'элим кӧййа. Эриӈдӯс д'ахиккӓна ӧкал, мӯ эхид'ин йрэ, — гунчэ.

Тарӓ акйнйн бран д'ахиккӓпа. Ӧхӓ, бӯчӧ нэкӯндӯйи.

— Эриндӯви тухакйӈми тутэвӧн дїд'эӈӧв д'ахикӓндӯви.

Тариӈйлин акййлйн бэйӯчӧл н'ӓн-дӓт, д'ӯкрӧ эмӧнмучӧл н'ӓндӓт. Тар бэйӯчӧлӧтїн, хунӓт бираӓ тухавкӣ. Бира бичӧ, биракӯн. Д'ахиккӓнмэ ӵаллэн, тухакӣ хутэвэн дӧдӯн дїчӧ. Дїхӧ, катачӓ. Бираӓ хуручӧ, тариӈмӓв бирадӯ тїнчӧ.

— Минэ, — гунчэ, — ци ахйлаӈӓт бэйэ, эр д'ахиккӧнмэ ӷагин!

Тар бид'эвкӣ д'ӯдӯви. Арай гӧ ӓд'эвкӣ баргйлӓ. Бутун инэӈйвэ энэ мӧлла ачӓ. Тар бэйэ ахӯнма-кат ӓнави эвкӣ сӓра.

Тар ӧд'аракин, дэгимййэ эмэчӧ. Д'эӷин ирэктэвӧн хоррвотїн холбохӧ, дочӓ. Тар н'экэхӧ, хэӷэлчӧ. Тар хэӷэнтикӣ хунӓт д'ӯдукви йуӈнэрэн. Ичэчилчӧ, уркэдӯ нуӈанмӓн ичэхӧ, тар дэӷимййэ гунчӧ:

— Ни уӈрйн: си-ӷу, хуӈту-ӷу?

— Тар би уӈрйв, — гунчӧ хунӓт.

Тар н'экэхӧл, тар хунӓтва, д'ун калтакӓвӓн гавкӣ, дэӷивухинд'эхинэн хунӓттайва д'ӯн калтакӓвӓн. Калтакӓдӯн бутунну инэӈйвэ Илихагдєн акйнйн ӓд'авкӣ, энэ сӓра. Ахилтӓна Алтӓнэй, Тївйӓнэй эмэчӧл, бэйӯхӧл. Арай эмэнэтїн д'утїн калтакӓн ӓчйн. Калтакӓгдадӯн ӓд'аран.

— Илйхагдєн! — гунчӧ Алтӓнэй, эмэхӧ: — Чупица! Д'ӯмйви айавӓн ичэкэл! Сӓнни-ӷӯ, эчӧс-кӯ?

Ур бэйэ тікӧ гунэкин, лэгйчэлйвкӣ. Гунчӧ тар бэйэ гиркйви:

— Мит эхилэ хунӓтпат дэӷӣ Кералто-Гаралто хуруврун. Мит эхйлэ бэлэннэхӧл, ахалгӓт! Илйхагдєн чупилӓд'аӷин, ӓд'аӷин!

Ахалчӓл эхйлэ д'ӯр бинэл, нэкӯнэн: Алтӓнэй, Тївйӓнэй. Бирава эйӧкӧкӣ хурухйнчӧл. Ӈэнэд'эвкйл, ӈэнэд'эвкйл, гороҵохово ӈэнэд'эвкйл. Ӈэнэтмӣ, уӷэхӧл, чуӈрикэчӧндӯ тэӷэвкйл. Тар н'экэмӣ, тэгэтчэнэл, этіркэчӧнмэ ичэвкйл. Тавар арай Таӈкахєтэтіркэн таӈкалӓд'ачӓ.

— Ее, тавӓлӓ хуруӷэт, — гунчӧл, — хуручӧл таӈкалӓд'арйлӓ.

Тариӈйтїн, олохӧ, хэтэкэнчэчӧ. Тэгэчӧ тар бэйэлтикэкӣ, тар бэйэлдук ханӈӯливкӣ:

— Йр хутэл? Йлӧ хуруд'эс?

— Бу, — гунчӧл, — хуруд'урув. Хунӓтпавун бэйэл хуруврру. Ахад'арав. Кэ, этіркэн, сӧ бид'иӈэс, мундӯ тарӓ, си сӓӈкйс, бид'иӈэн, эхйлэ улгучэкэл! Бу ӧмалй хоктолй хурумйл, бакад'ӓвун? Тарӓ айамамат тэдэвкэл! — гунчэл.

Тар таӈкалахиттан. Эхйлэ тариӈйтїн:

— Тэдэвкӯн! — гунчэ: — Дӧлгуматын хоктово ахалкаллу! Сӧйӑд'эс! Тар цэнэд'эрэксун, сӗкта, гунми, «чик!» ӧрӣ абдучӣ бид'иңэн, «мурбэкэ» гунми, мурбутӑрӣ абдучӣ бид'иңэн. Эхӣлэ ичэвд'эрэ.

Цэнэхинӣвкӣл. Онтон арай адулӑлиңнара — авдукӧкӯндын тулгӣдэдӯн мурбулма. Мачӑлэ кэтэңэхэ гундэ, мурин н'ӑн кэтэкэкӯн. Эхӣлэ ихиңнара д'улмӣйалӑ. Хунӑт йӯмэлчэчэ, арай илгималчӑ уркэдӯ. Йӯхэ, хэӷэлчэ:

— Алтӑнэй, акӣйай, эмэнни-ӷӯ?

— Эмэм, — гунчэ.

— Тар н'экэхэл, д'эвгэйэ танд'аңӑвун араҳинай, улӣд'эңэвун. Д'ӯлӑвун йӄэллу!

— Е-е! Эңнэрэв йрэ, — гунчэл, — этӏркэңӊи эмэӷин! — гунчэл.

Арай этӏркэңин бакалдынаңнаран, дороволчӧ. Тар дороволчӧво ңонум охичӣ уткэкӯнд'иви дӏлва, чэкохӧкин, иктэчэ. Тар н'экэксэл, вачэл тар Кералтава-Гаралтава. Тар н'экэхэл, хунӑт д'ӯдӯви бикэнчэ. Алтӑнэмййэ эр нэкӯнми д'ӯ дӧдӯкин, ңӑлэдукин ганнаран-дӑ, тулӣскэкӣ ирихиңнаран. Гиркӣн Тывйӑнэй ӧмник мурмайава д'авачӑ.

— Мит нуңанмӑн накасиӷӑт! — гунчэл.

— Тывйӑнэй акӣнми, олӏхин ңэлэрӣв, Алтӑнэй акӣндукӣи олєхин-дӑ ңэлэрӣв! — гунчэнэ: — Акӣйай, акӣйай, минэ экэллу вӑра!

— Е-е, — гунчэл, — урс'у турэчӣ! — гунчэл: — Нуңанмӑн тӑвӑр мурин кутуруктукин уймэлчэкэл, н'уриктэдукин, Тывйӑнэй химӑт! Тар н'экэхэ, илбэкэл!

Бот мурин хуручэ, ахйва кутуруктӯ лулчэмӣ. Дӏңнӣмэд'эхинчэ мурин. Тар вӑрдактара хунӑтпа.

17. Алтӑнэй, Тывйӑнэй

Элэкэс бид'экӣл, эд'ӣӷӣникин ӗкӯн-ка эмэчэ. Арӑхинай он'очӣ никӣ биракйӑлӣ эмэчэ. Тара эр хунӑт гачӑ, никйвэ эвйкэнтэчэ. Тар н'экэд'эчэлэн, арай дэӷӣ эмэчэ. Эмэчэ-дэ, д'ӯн даӷӣдадӯн дӧксӑк. Тар ичэттэкин, Мэксэвул дэӷӣ бичэ. Тар хэӷэнэ хавалчӑ, хунӑт дӧлчӑтчаракин. Тар дэӷӣ хэӷэлчэ:

Эр бид'эрйвэс бираңцас
эд'ӣгӣникин эмэд'эңэл!
Тар эмэхэ, бэйэ эмэд'иңэн
Ёкӯпдук-тӑ айа ичэдӏчӣ бэйэ.
Тар эмэхэ, гунд'иңэн:
«Эвйкэнэс, орокӧнос буд'иңэв!
Эвйкэнэс тухакййа буд'иңэв!».
Тар бухэ, гунд'иңэн:
«Миннун хурулдӏкэл!
Тар хурулдӏхэ,
атӏркӑнав ӧд'иңас
синэ хурубд'эм!», — гунд'иңэн.

Тар дэӷиңӣн дэгилчэ. Тар дэӷӣлчэлэн, бэйэ эмэчэ. Тар эмэхэ, тар тухакйкӑпэ бӯчэ хунӑттӯ.

— Би синэвэ хурубд'иңэв, — гулчэ.

Эвйкэнэ бухэ, хурувчэ.

Тывӣнэй бэйӯд'эчэн Алтӑнэйнун. Тар бэйӯхэл Тывӣӑнэй умӯн тӧкӣва гарпавкӣ. Тӑдук тӧкӣва хигд'эрэктин, хэ̆ӡэн йд'эвкӣ. Алтӑнэй гунйвкӣ Тывӣӑнэйва:

— Ёкӯна дӧлдӣнни?

— Ёкӯна дӧлдӣд'ацӑв? — гунивкӣ. — Йд'эвкӣ. Би дӧлчӑттакив, тӧкӣ бохоктовӧн нимцэд'эрӣ «булк» п'экэвкӣ.

Д'ӯлӑвэр хурувкӣл. Арай д'ӯлӑвар испал, хупӑд'итин ӑчӣн.

— Олихин! — гунивкӣ пэкӯндимэр: — Хэ̆ӡэд'энэ, хуруд'эрэн эйӧкӧкӣ.

Тывӣӑнэй Алтӑнэйнун ӑнцэтчэвкӣл. Ӑнцэтчэхӑ, Алтӑнэй думадӑвкӣ. Тэ̆ӡэлтэнэ тэ̆ӡэвкӣ, муриндӯви кацкӣви намавкӣ, муриндӯви ухйвки, гунйвкӣ:

— Акӣ, хуруӡэт! — гунйвкӣ.

Тар хэ̆ӡэвкӣ:

— Тывӣӑнэй! Тывӣӑнэй! Тывӣӑнэй!
Хуруӡэт! Хуруӡэт! Хуруӡэт!
— Акийӑй! Акийӑй!
Акийӑй! Ӑд'эм би!
— Ӑд'экэл! Ӑд'экэл!

Би-дэцэн эмӯкин
хуруд'эм, хуруд'эм!
Чупицави чупид'акал!
— Алӑтчакал! Алӑтчакал!
— Хавалгӑт! Хуруд'ицэт!

Хуруд'энэл цэнэхинйвкӣл. Бирацалӑ цэнэд'эвкӣл:

Никил! Никил!
Нимэртикӣ эмэвкӣл!

Ичэд'эрэ — д'ӯ. Этиркӧнин атиркӑчӣ тэ̆ӡэтчэвкӣ тар д'ӯдӯ. Тӑдӯ ӑнцэчйливкӣл, тар д'ӯдӯ. Тарйцматин ханцӯвкӣ Тывӣӑнэй Алтӑнэйнун:

— Ёкӯна сӑвкӣ бид'энэ, идэчӣ бихис?

— Би эргэчйн идэчӣ бихим — билисэк.

— Билисэк бимӣ, бу цэнэрйвэвун сӑвкӣ бицэд'энни?

Тар этиркӧннун атиркӑн нйлӧ хуруд'эрйвэтин сӑвкӣл бичӧл. Тар сӑрйвар улгучӧнчӧтин:

— Су ӧн п'экэнэл Кирэ-богатирлӑ цэнэд'эрэс? Эр сунцивэ нэкӯнмэхун д'оромочӧ. Эрӧ су, албахила ӑчир бими, би п'экэд'энэл, тӑлӑ умӯн нимэртикӣ иссацӑхун. Тар ɛхихӑл, гунпэ: «Ёкӯн идэчӣ бид'энни?». Тар бэйэдук ханцуктадӑвэт. «Минци идэви. — тэд'ӧвд'эцӧн, — би бихим Мӯкулту», — гунпэ улгучӧнд'эцӧн.

Тӑдук тарилтикӣ улгучӧнэкин, цэнэхипэ. Иста, гӯнэ:

— Мэнциви идэви тэдӧвкэл!

— Би Мӯкулту бихим.

Тывӣӧнэй гунэн:

— Муннун хурулдӣкэл!

Тар Мӯкулту хурулдӣрэн. Хурулдӣхӧл, эйӧкӧкӣ хурулдӣчӧл. Тар хуруд'энэл п'ӑн нимэртикӣ иссӑл. Тар иххӑл, п'ӑн ӑнцатчӑл тӑдӯ.

— Ур эдӯ билисэк бичэ, — гунэн Алтāнэй:— Этіркэн гунчэ: «Гē нимэрлӣ иссаңāхун, н'āн ханңӯктадāвэт: „ēкӯн идэчӣ бихинни?“. Ханңӯктараксун, гунд'иңэн: „Минңӣ идэчӣ бихин Курбэлтун. Курбэт эвйвкӣ бихим“».

Тівйэнэй Алтāнэйнун тар бэйэвэ хурувчэл. Тар хурулдīхӣнэкин, думайчāл: «Билисэк улгучэнэн д'улэскӣ н'āн бихин. Таргачйнма этэйэд'иңэт».

Тар н'экэд'эрэктін, д'ӯл хэгділ бид'эрэ. Кэтэл д'ӯлдӯ нэкӯн хунāт бид'эрэн. Тāдӯ кутєтітін бид'эрэн. Хунāт арчаптікӣ эмэд'эрэн. Дороволохā, бакалдīд'аран. «Акнйлби эмэрэ», — гуннэ урӯнд'урун. Урӯнихэ, арахинай д'эвгэвэ бстад'аран, д'эбдэтін. Этіркэнңйн, эмэхэ, ахйви тэд'эбд'эрэн:

— Акнйлби тāвāрдӯ д'ӯдӯ āхимукāкэл!

Тар гунихэ, эхйлэ āнңэчйлйвкйл тāдӯ. Āхинд'арактін, бэйэкӯн эмэвкӣ, «āнңэтчэкэллу» гунйвкӣ. Тар гӯнйхэ, арай эмэрэкин, Тівйэнэй Алтāнэйнун сэрйтчэл, Алтāнэй акйнтікйви гунчэн:

— Ēкӯнма думайд'ачāс? Катад'арав. Бука митпэ вāд'эрэ. Эдук си сэрэнчэнэ āхикал!

Āд'эрэктін, діңин муннукилдӯ тоңово илалйвкйл.

— Хататкал! Би гуннэв эмэрэн!

Тівйэнэй тэпкэвкӣ:

— Ēкӯн албахичӣ бимӣ, йӯңин! Мундулэ эвурбкэл!

Курбэлтун курбэңйтпи гарандāвкӣ. Арай д'ӯтін йапчургавкӣ, бутунну д'ӯтін эрэлй тоңо бчā.

— Мӯкилтун! — эрйвкил: — Мунэвэ урāкэл!

Мӯкилтун āмуткāн мӯвэн амңат мӯкухбкӯчйвкӣ. Тар н'экэвкӣ, «Уңкукӯр!», — тэпкэвкӣ нэкӯнми, тоңово сивдāн. Тадук лэпулйвкйл, эвкйл буддэ.

Тар н'экэвкил, нэкӯнмэн гавкйл, ēкӯн бихивэн: д'ӯвāн, бутуннуву гавкйл. Кирэ бэйэлбэн гарпӯвкйл. Кирэвэ мэнмэн туханмукāнивкйл. Кирэ туханивкӣ. Тар туханмучāлāтін, Тівйэнэй Алтāнэйнун эрдіңми нэкӯнмэр гахал, мучӯхинивкйл амаскāкӣ. Тар мучӯд'арактін, д'ӯлāвэр ихивкйл иланӣ бинэл. Арай иснатін, д'ӯтін ойодӯн лаукта, арахинай чука балдічā.

— Адī-ка анңанйл очā, хурухйнэкит? Д'ӯвун гороптімйлчā, — Алтāнэй гӯнэн.

Анңанйн эдэлйн д'алупта, дэңӣ Мэксэгэн эмэчэ. Тар эмэхэ, уркэдӯтін дбчā. Дбхāкāм, хэгэчэ:

Тівйэнэй Алтāнэйнун, албахйчӣ бинэ.
Сэрэнчэкэллу! Эдӯ гиркйчйл бимӣ,
Киран эмэд'иңэн, этэс вāврэ, —

гуннэ, тар дэңихиңэ дэңйлчэ. Тар хэңэчэлэн, адīллакāнмэ бичэлэтін, «Хататкаллу!», — тэпкэд'энэ, эмэлчэ.

Бираңцатын эйəкəкӣ солод'орӣва, солокōкӣ эйəнмукəнмəлчə. Ичəчӣлнəтын — д'ӯр диличӣ эмəд'ərəн Киралту. Эмərəкин, Алтāнəй Тівӣāнəйнун кухӣлчəл, гарпӯчӣлчāл. Əвкӣл вāрə, нāвкāнə. Тариңилтын «Сӯ минəвə этōрəс кēййа!», — гупэн.

Тікэ гупэкин, Курбəлтӯнмэ Тівӣəнəй гунчə:

— Кēтаткал, курбэчӣ-вэл, ēкӯчӣ-вэл бимӣ!

Курбəлтун курбэңӣтин ухэŋəндəчə — калтакавāн дэгтилəл хокохōвкӣ. Дэгтилəйə āчин ōчāлāн, делби мукучə, āчин ōчā. Тівӣəнəй Алтāнəйнун гарпукӯтмāчӣвкӣл. Киралтава āчинцӣвкӣл. Тар дуŋэн.

18. Курɛцэй

Умӯн нэкӯнтін-хунāт, д'ӯр акӣлӣн бид'эчэн. Акӣлӣн бэйӯктэвкӣл бичэл. Бэйӯхэл, нэкӯндӯвэр эвӣкэнэн эмӯвкӣл: чивкāнэ, нӣкӣйэ, лукӣкэнэ, эдэн энэйӣкɛра. Мāртін н'āн хурувкӣл бичэл. Тар хуручэлэтін, нэкӯнтін гунд'эвкӣ бичэ: «Йдук-кэ городӯ умӯн бэйэ-байа бихин. Би тар бэйэдӯ дукӣвӯнма дукӣмчāв». Дуктан, гумагайа āчӣн бичэн. Нуңан горово д'ōнчад'ачāн: «Ēкӯндӯ дуктакив, айа бимчэ? Би акӣлдӯви вāвкāникта туксакӣйа. Тар наннадӯн, олгӣксā, дукӣвӯна дукчицāв».

Тар ахӣлэ акӣлӣн эмэчэл, бэйухэл. Нэкӯнтін соңод'очō д'ӯдӯви тэŋэтчэнэ. Акӣлӣн ханңӯчāл:

— Нэкӯ, ēдā соңод'онни?

Нэкӯнтін гунчэ:

— Акӣйа, акӣйа, би чивкāчāнцӣлби, нӣкӣцӣлби дэŋиллэ, улукӣцӣв хуктіллэн. Миндӯ энэйӣхин, умӯн бид'эрэкив. Миндӯ д'авакаллу туксакӣйа, инэкинэ, эвӣвӯнэв!

Тар н'экэксэл, акӣлӣн эртэкэкӯн гэлэктэнэлчэл туксакӣйа. Д'авачāл, эмӯтчэл нэкӯндӯвэр. Д'ӯллэвэ биксэл, акӣлӣн хуручэл, н'āн бэйӯчэл. Тар хуручэлэтін, нэкӯнтін туксакӣва вāчā, наннавāн хӣŋчэ. Хӣŋиксэ, олгӣча. Тар олгӣнадӯви дукӣвӯна дукчā Курɛцэйлā: «Курɛцэй, би бид'эм эмӯкин. Акӣлӣби бэйӯктэвкӣл. Би синэвэ гэлэд'эм, минэвэ ахӣйави гакал! Мэнцивн ахӣви вāкал». Тар дукӣксā, д'ахиккāнмэ ōчā. Д'ахиккāндӯ тар дукӣвӯнма дичэ. Айамат уллӣчэ д'ахиккāнмэ, бирали тӣпчэ, эйэндулӣ. Тар дукӣвӯнма уцчэлэн, акӣлӣн эмэчэл, ханңӯчāл:

— Нэкӯ, йлэ туксакӣцци н'экэнни?

Нэкӯнтін гучэ:

— Тулиндӯ бид'эчэв туксакӣн'унми. Киран дэгрэн. Дэŋилихинмӯрэн. Эдук, акӣйа, экэллу миндӯ ēкӯна-кат вāра, эмӯрэ. Би этэм соңоро, этэм энэйӣкɛра.

— Кэ, нэкӯ, бу бэйӯхинэв д'āллэйэ. Си бид'экэл айат!

Хуручэл. Нэкӯнтін бид'эчэ эмӯкин. Тар дукӣвӯнма уцнэн Курɛцэйдулэ, туңнӣллāйи инэцилāйи исчā. Далирдӯн нэригэчэ. Тар пэрид'эрэкин, Курɛцэй гэрбэчӣнин ātіркānд'а мӯлэчэ. Тар ичэксэ, йкэлби нодӯмнак Курɛцэйлэ туксачā, гӯлчэ:

— Курєцэй, Курєцэй, си далирдӯс д'ахиккӑн таҕавчӑ!

Тар гунэкин, Курєцэй эчэ тэд'эрэ, уҥчэ тунҥа бӧгатӧрва:

— Эчэ улэкиттэ бихикин, гакаллу тавар! Д'ӳр д'ар дарийа гиркӳкаллу бира д'апкадӯн, тар д'ахиккӑнмэ нэкэллу. Улэкитчэ бихикин, атиркӑнмэ тӧкэллу сэлэмэ бӧчкадӯ, бирадӯ чопӧкаллу.

Эмэчэл тунҥа богатӧр, ичэчэл — тэд'эмэ пэрӧд'эрэн д'ахиккӑн. Лэвухинчал д'ахиккӑна, тавӑрвэ гиркэчэл. Тар д'ахиккӑна нэчэл, мэртӧн хуручэл Курєцэйлэ. Д'ахиккӑнмэ хулэнчэл. Тадӯ бичэн туксакӣ наннан дукӣвӯчӣ. Тар нэксэл, таҥилчал — ҥи-кэт эвкӣ сара дукӣвӯнма. Курєцэй гулчэ:

— Гэннэкэллу атиркачанмэ, гэрбэчинмэв. Тар танд'иҥан.

Атиркачан таҥилчэ. Курєцэй, дӧлдӧкса дукнаван, ахӣви вачэ, гунчэ:

— Вакаллу д'ӳр д'ар тунҥа хукурйэ, д'ӳр д'ар тунҥа мурина, бэлэнэкэллу, — гунчэ, — илан д'ар бӧгатӧрва эрӧкэллу д'ӳлав!

Эрӧрэкин, эмэчэл илан д'ар бӧгатӧр. Курєцэй бӧгатӧрилва гунӣлчэ:

— Су хурукэллу, гэннэкэллу тар хунатпа, акнӣлбан вакэллу. Тадук минэвэ гэннэдэвэт!

Тар бӧгатӧрил хуручэл тар хунатлэ. Бӧгатӧрил эмэрэктин, акнӣлин д'ӳдӯвар бид'эчэл. Умӣлчал идарӧхӣва. Акнӣлӣн соктолчӧл, гунӣлчэл:

— Нэкӯ, си ед'анни? Мунэвэ вадавэр н'экэд'эрэ.

Тар нэкӯнтӧн гунчэ:

— С'инэвэ эр-дэ валд'иҥатӧн тар бӧгатӧрил. Би Курєцэйлэ хуруд'эм!

Акнӣлӣн туханӣлчал. Тар туханӣллактӧн, бӧгатӧрил уркэлӣтӧн танчал адӧлва. Адӧлва танэктӧн, умӯкэн акӣнин дӧлкэн ӧха, йӯчэ. Гэ акӣнӣн, лэрэдӯ ӧха, таҕавчан адӧлдӯ. Тар акӣнман д'авачал, хэркэксэл, хурувчэл Курєцэйлэ. Нэкӯндивӯ акӣнӣн, дӧлкэн биксэ, сиҕэчэн ӧча. Цэнэд'эрэктӧн, ойолӣтӧн дэгчэ, акӣнтӧкӣви тэпкэд'энэ:

— Гунэрӣв, гунэрӣв: «Химат хуруҕэт! Митвэ ванад'эл эмэчэл!». Нэкӯними улэквэ дӧлчатчас. Тар муҥнакис — айа! Эчэс дӧлчаттэ, бикэл тӧкэ! Ӧн-да ӧмӣ, минэвэ боконд'одӧви! Дуннэҥӧлбэр сании, бэйӯктэд'эрӣвэт!

Тар тӧкэ ӧд'анал, исчал Курєцэйвэ Курєцэй арчача. Тунҥа бӧгатӧр илгимад'ача д'ӳн дагадӯн. Хоктолӣ тавӑрва гиркэчэл. Тар хунат Курєцэй д'ӳлан ҥэнэчэ. Акӣнман вачал, дуннэдӯ имачал, калтакан ӧхаван лувухинчал. Курєцэй сивайбави горово эвид'эчэ. Сивайбави горово эвихэ, нулгнчэ хуҥту бугала. Тар нулгӣчэлэтӧн, д'ӳкчалатӧн нэкӯндивӯ акӣнин эмэча. Эчэ ӧкӯна-кат бакара. Арай ҥэнэд'энэ, биракан д'апкалӣн ичэчэ гирамкӣнма. Тар ҥэнэд'эрэкин, гирамкӣндӯ дуннэ дӧдукин турэчилчэ:

— Ӧкӯн бихинни? Бэйэ-ву, ахӣ-ву? Бэйэ бимӣ, ванакэл тӧкӣйа, умӯн халганман эмӯнэ! Курєцэй тулгӣдэдӯн мурир с'элэлтӧн бихӣ. Тарӣлба тавӯксэ, с'ералӧтӧкал, минтӧкӣ эмӯдави!

Тар бэйэ хуручэ, бэйучэ. Токпва вача, умун халганман эмэвчэ. Мурир с'елэлбэтин тавуксa, эмэвчэ. Гирамкин дагадун бид'эчэ. Тар ахи турэчилчэ:

— Мурин с'елван гирамкиндув дуппэткэки дикэл! Би, инмэ оксa, сэнмид'иңав. Си минэвэ тапкэл!

Тар бэйэ с'елбэ тинчэ. Ахи, инмэ оксa, тапмучa. Инмэ биксэ, бэйэ очa. Тар арай Курецэй ахин бичa, нонопти. Улгучэмэчилчэл. Гунчэ:

— Си миндy халганав типкэл, токи халганман. Би си акинмас бакад'иңав. Си энэ д'опчара бэйуктэд'экэл!

Тар гунэкин, бэйуд'эхичэ. Курецэй ахин д'укчалавн хуручэ. Курецэй арай нулгичэ. Д'укчан дaгадун гирамкинчал тар бэйэ акинман. Ахи бакачa тар бэйэ акинман, мурир с'елэлвэ тавучa. Тавуксa, с'ералгичa. Гирамкинтикин тинчэ. Тар бэйэ, инмэ оксa, йучэ. Йурэкин, ахи ичэчэ — тар бэйэ калтакан ехан ачин. Гунчэ:

— Си бид'экэл, би нэкунни бэйунмэ ванэван гэлэктэнэктэ. Баками, бэйун ехавaн эмуд'иңав, ехайас од'иңав.

Тар гунд'эксэ, хуручэ. Тар бэйунмэ бакачa, калтакавaн ехавaн лувухинчa, эмучэ. Ехайан типкэнчэ. Типкэниксэ, гунчэ:

— Си нэкунми боконд'окол! Нуңан бэйуктэд'экилдулливи цэнэд'эрэн. Си бакад'иңас!

Тар бэйэ цэнэхинчэ, нэкунми гэлэктэнэчэ. Цэнэчэ, цэнэчэ, арай горопtилин атулин бичэл. Тар цэнэд'эчэ цэнэд'эвки минэ тогокочи. «Даɣалu бакад'иңав», — аңцэтчa тадy. Тиминэн тэɣэлтэнэ н'ан цэнэхинчэ. Цэнэд'эрэкин, арай саци'ад'ачa. Урунчэ, «боконим, — гунчэ, — нэкунми». Эмэчэ. Тоɣо д'эгдэд'эрэн. Нэкунин ачин. Тоɣо д'апкалин уллэл силучэд'эрэ. Д'энчэ ул лэйэ. Д'эбд'эрэкин, нэкунин эмэчэ. Нэкунин, ичэксэ, соцолчо:

— Би гунчэчэв — синэвэ этэм ичэрэ.

Акинин гунчэ:

— Экэл соцоро, нэкy. Мит цэнэхиңцэт, бэйуктэд'энэл. Курецэйвэ бакад'иңат. Бакаксал, нэкунмэр Курецэйтэйвэ вад'иңат!

Тар ц'экэксэл, хурухинэ. Бакачал букатирва — кадарилба мэчуккэтчэрэн. Ханцулчал:

— Екун бихинни? Ед'анни?

Богатир гунчэ:

— Би хэгдицэ богатир бихим. Кадарилба мэчиккэтчэм эцэхилдэйи.

Акуначен гунчэл:

— Богатир бимu, мундy гиркийэвун эмэкэл!

Богатир гунчэ:

— Кэ, эмэд'иңэв. Кадарицви цалихинд'иңав!

Тар цэнэд'эчэл, илан бинэл. Цэнэчэл, цэнэчэл арай хоктодy бэйэ хуклэд'эрэн. Цеɣидадун бира эйэнд'ирэн. Ханцучал:

— Екун бэйэн бихинни? Ева од'анни?

Тар бэйэ гунчэ:

— Би богатир бихим. Мувэ мукэхиниңнам, тинициам.

Гē бōгатīр, кадарва ӈāликтад'арӣ гунчē:
— Бōгатīр бимӣ, эр бирава бутуннувāн мӯкухӣкал!
Гē гунчē:
— Ēд'иӈāв, мӯкухинд'иӈāв, тīнд'иӈāв!
Тар мӯкухӣнчэ, бира умнēт олгочō. Тīнчē, н'āн бира ōчā. Д'ӯр акӯначєн гунчēл:
— Си мундӯ гиркӣвун ōкал! Бираӈӈи мукухӣкэл! Хуруӷēт, гэлēктīнēӷēт бу нэкӯнмэвун-хунāтва, Курєӈэйвэ гэрбичӣ эдīчӣва.
— Кэ, — гунчē, — хуруӷēт!
Ӈэнэхӣнчēл, ӈэнэчēл, ӈэнэчēл гороо. Ӈэнэд'эрэктін, д'ӯкчā саӈн'ад'ачā. Д'ӯкчā даӷадӯн лучадı д'ӯ бид'эчā. Гӯмēтчēл:
— Эхӣ āхилтāнэ эмэд'иӈēт, āхинактін.
Āхилтāна хуручēл д'ӯлā дıӷин бинэл. Курєнэй айат арчачā, ӣвкēнчē лучадı д'ӯлā. Кундулєлчā идарихӣлба, д'āн укурба вāвкāнчā. Умд'ачāл, умд'ачāл д'ӯр акӣнӣн соктолчōл. Умӯкēн бōгатīр, кадарва д'авучад'арӣ, н'āн соктолчō. Гē бōгатīр эвкӣ д'эптэ-кэт, силӯрэ-кэт, умрэ-кэт. Курєӈэй ханӈӯчā:
— Ēдā банни д'эптэ?
Бōгатīр ӈāлэтпи арпулӣвкӣ. Тар турēтчэвкӣ. Курєӈэй турэчӣксē, гунчē:
— Су бид'экэллу, д'эбд'экэллу, бу д'укчалā āхиннād'арэв.
Тар йӯксэ, лучадı д'ӯ уркēвэн катачā катıлд'и. Тар бэйэл соктолчōл д'ӯ дōдӯн, энэл ēкӯнма-кат сāра. Арай умӯкēн бōгатīр эчē сокторо, мӯвэ мукӯхинчэвкӣ. Арай ēйа-ка д'ӯ дōдӯн саӈн'ан бллан. Ичэксē, ӈāлэтпи ичэвкēнчē.
— Ēда д'ӯ саӈн'ад'аран?
Д'ӯр акӯначєн окошколӣ ичэхитчēл. Арай акӣнан туханӣлчā. Мӯвэ мӯкухӣнчад'арӣ бōгатīр мӯӈнихимчā, сӣчē д'эгдэвэ. Гē бōгатīр кадариӈйтви уркēвэ нӣчā. Тар йӯксēл, ахалчāл Курєӈэйвэ. Бокончōл. Бокониксāл, дуннэдӯ д'ӯривэ Курєӈэйвэ ахӣтайвэ ималчāл.
Тар имаксāл, умӯкэндӯ бид'эвкӣл, бэйӯктэд'энэл.

19. Мāкēгдıр, Сигундар

Илан омолгӣкōкӯн эмэчē уӷучакӣлд'и. Тарā хэӷэчēл Мāкēгдıртıки:

Мāкēгдєр, Мāкēгдєр, Сигундар, Сигундар,
хунāвлāн, хунāвлāн, хуруӷēт, хуруӷēт!

Гунчēл: «Кэ, камад'ис, хуруд'ис?». Гунчē Мāкēгдıр: «Хурукӯн!».

Эдēлэ, догорєл! Эдēлэ, догорєм! Алāткаллу-у! Алāткаллу-у! Биӈэн'э, биӈэн'э,
уӷучакӣт, уӷучакӣт, н'ама-ӷӯ, н'ама-ӷӯ, ороно-дō эвкӣ мавутлāд'ара.

«Багдакɛ! Багдакɛ!», — гунчэл тадӯ ур бэйэл-турэн.

Тар хурурэ мавутлярэ уӷучакит. Мэкэгдин умӯн уӷучакпа д'ававкӣ:

— Кэ, камад'ил хуктывгэт Сигундар хунаттикэкӣ!

Хурурун, цэнэд'эвкӣ угучакит Мэкэгдер.

— Эннэ хуктиврэ! — гупивкил.

Уӷучакилтин бимӣ моцнол бичэл. Бирава ходоливкӣ.

—Эхӣ, эхӣ экэллу ходбра, — гунчэ Мэкэгдер: — Эхӣ, эхӣ хулгакаллэ! — гунчэ.

— О-хо-хо! Си мэнни хулгакал, бу эцнэрэв хулгара! — гунчэл.

Мэкэгдир мэнин хулгавкӣ. Амардӯтин цэнэд'энэ, бира д'апкадӯн локовкӣ хулакпи. Эхилэ ходовкил бираӆми. Н'ан хурухӣнивкил. Хэӷэлйвкӣ Мэкэгдир, ур бэйэ турэн:

Догорɛл, догорɛл!
Аракӯн, аракӯн
цэнэд'экэллу!
Аракӯн, аракӯн

бɛралэ, бɛралэ
иссиӆат, иссиӆат!
Эхйткэн, эхйткэн!

— Ёкӯди биралэ иссаӆат?

Гунйвкӣ:

Тар бира мӯн — бэйэ сэхан, бид'иӆэн!
Эмкэрин — бэйэ кэцтирэн, бид'иӆэн!
Чуӈрикэнин — бэйэ дɛлян, бид'иӆэн!
Иӆан — бэйэ иктэлин, бид'иӆэн!

— Кэ-хилэ, эхйткэн талэ исчаӆат, — бэйэ гунчэ, Мэкэгдир. Гэнэхэл, барантикӣ биралэ ихивкил. Тар н'экэхэ, Мэкэгдир хэӷэлйӆнэрэн:

Догорɛл, догорɛл!
Хэрйнчэкэллу
тавар бирадук!

Ур бирава ходод'онол:

— Хулгарикӯн! Эхӣ-вэл! — гунчэл.

— Эхӣ экэллу ходоро, — гунчэн Мэкэгдир.

— О, алатчэкэл синэ, — гунчэл.

Сигундар хунатлан эритчэхинчэл илан бэйэ. Мэкэгдир гунчэл:

— Бирадук хэрэнкэллу!

— Э-э! Бу ходод'иӆавун! — гунчэл тадӯ.

— Кэ, ходоколлу! — гунчэ Мэкэгдир: — Ён-ка ходод'ос, ичэчйктэ!

Ходохинйвкил эхйлэ ур-бэйэл. Гухил, гухил, ходолло эвкил. Тадук ходовкил, баргйдава ихивкил, эмкэрвэ тӯктивкил. Эмкэр дулинмэн иссанал, ӧцкэнчавкил. Эйэхинйвкил мӯдӯ, уӷучактай, ɛтай. Мэкэгдир мэргэлйвкил: «Миткидэ-дэ эмэнмухэ, ходоликто, ён-кɛ н'экэд'эм бикэнэ».

Уӷучакив-цэн
урундӯн-цэн

силгивӯра бкаллу!
Ёкаллу, бкаллу!

Баргӣдā, баргӣдā эмкэрдӯ элэ ходочō. Ходод'овкӣ, ходод'овкӣ, ходод'овкӣ.

Ходовкӣ, тӯктіхӣнивкӣ эмкэрвэ. Айат тӯктічэ. Элэ Сигундăр-хунāттікӣ цэнэлӣвкӣ. Цэнэд'энэ, ичэчиңэливкӣ. Тавā-ар арай мэнума д'ӯмӣйайа бид'эрэн. Тāлā цэнэвкӣ Мэкэгдір, ихивкӣ, ӯчакви уйивкӣ, йвкӣ. Арай умӯн ахӣ бид'эрэн.

— Ēкӯдı ахӣ бихинни? — гунӣвкӣл.

— Э-э, би Сигундар-унāд'ин бим, — гунивкӣ тар ахӣ.

— Кэ, Сигундар-унāттікӣ эмэд'эм, — гунэн бэйэ.

— Ēдā эмэнни Сигундар-хунāттіки? — гунчэ.

— Ахӣлāдāви, — гунчэ.

Д'ӯкрэ бид'эвкӣл тар д'ӯдӯ Мэкэгдір-турэн:

— Кэ, āхиҕāт! — гунӣцнэрэ билисийэкситил.

Ād'аңнара. Долбонӣ дулинин бчā. Ēкӯн-ка хэҕэкӯрэмэлчэ арай. Мэкэгдір гунӣвкӣ:

— Догор, ēкӯн хэҕэд'эрэн?

— Эчэ, д'ӯ итчин. Айат, айат кумлэкэл! — гунӣвкӣ ур хунāт.

Сигундар хунāд'ин арай эмэцнэрэн муринд'и, хэҕэлңэхэңнэрэн арай тулӣлэ:

Тоңколд'ин бōкаңкив,
уркэйэвэ нӣкэл, нӣкэл!
Мэңумэкэр калгайавав
экэл, экэл хукчавкāна!
Мэкэгдірвэ эдівэв
этэнни тітэрэ! — гунчэ.

— Мэкэгдірйс эдівэс сучад'ам! — гунчā.

— Ēкӯн н'экэд'эрэн? — гунӣвкӣ Мэкэгдір.

— Д'ӯ итчин, — гунчэ.

Сигундар хунāд'ин хэҕэд'эвкӣ тулӣн:

Эхӣптı кургакāчāр
бэркэрэтін ēд'андӯви
долбовӯ-ум-кā!
Тоңколд'ин-ка бōкайɛкɛв,
нӣкэл, нӣкэл! — гунчā.

От, тікӯливкӣ эхӣлэ:

— Мэңумэкэн халгакāнмэ хукчад'алим! Нӣд'эцэс-ку уркэвэ? Тэд'эмэ-дэ н'экэлинни, бадага? Миндук сэрэнчэкэл эхӣлэ! Эр-дāт эхӣлэ хукчад'алим! — гуннэ хэкэлңэхōвкӣ ур Сигундар хунāд'ин.

Уркэвэ тохохōвкӣ, хōҕинӣцнаран. Кангер тікчэ мэңумэ калган. Тоңколд'икāн бōкаңкин уркэлэ хэтэкэниңнаран. Уоттурэк хуклэд'эвкӣ уркэдӯ. Тāрā Сигундар хунāд'ин капухōкӣт тӯңнаран. Тарӣцми намалӣвкӣ, халганма токохикин, тāниңнаран, нōдаңнаран ур Сигундар хунāд'ин-турэн.

— Мэкэгдір, — гунчэ, — емарйс?

Тар гунчэ:

— Би Сигундар хунāттікин эмэрйв.

— Еда?

— Ахӣлāдāйи.

— Ēдā бōкандӯв такāпчанни? Эр бирала эмэлчэкэл, — гунӣвкӣ: — Илалладӯ мӯдӯ хуклэкэл, — гунӣвкӣ.

Хуклэд'эвкӣ-й Мэкэгдыр мӯдӯ, иллалӑвкӣ, эмэвкӣ эхилэ.
— Кэ, минэ ахйлӑцӑт бимӣ, качикӑрвав гэнпэкэл. Д'ӯр кӑчикӑнми бид'ицэн тар хокто даҷадӯи.

Мэкэгдыр эхйлэ гэнпэхинивкӣ. Хоктоли цэпэд'эвкӣ, арай д'ӯр эхэкэкӯр бид'эрэ. Д'ӯр сатимарсӑцитин. Тарилба эхилэ эмэвки, сэчӑрдуктин д'ававкӣ. Сэрдуктин элгэд'энэ, тухад'авкӣ тартикӑкӣ Мэкэгдыр турэн.

— Кэ, качикӑрвас эмэвум, — гунивки.

— Урс'у биҷин, — гунивкӣ Сигундар хунӑд'ин: — Хурукул, гэнпэкэл, — гунивкӣ, — д'ӯр сируткӑнма, — гунивки: — тар хокто д'анкалин цэпэд'эрэкис, д'ӯр сируткӑн бид'ицэн, тарилва гэннэкэл!

Элэ гэнпэвкӣ Мэкэгдыр. Цэпэд'эрэкин, арӑй д'ӯр тӧкимийа бид'эрэн. Ийэмийэчил арай бид'эрэ. Эр бэйэ тухана эмэвкӣ, ийэчэрдуктин намарӑвкӣ. Эр-кэ, тухад'ахинивкӣ эмкэрлӣ. Ур Мэкэгдыр-турэн д'ӯлӑви ихивӯвкӣ.

— Кэ, сируткӑрвас эмэм! — гунивки.

Сигундар хунӑд'ин эхйлэ гунивкӣ:

— Кэ-хйлэ эдӣлэд'ицэв, сӧ бэйэ бичэ бихинни. Кэ, минэ ахйлӑцӑт бимӣ, — гунчэ, — сӧвас сӑдӑв, бэйӯкэл!

Урс'у эхӣ ӑхинмӯра, Мэкэгдырва.

Бэйӯвки Мэкэгдыр, бэйӯнэ эвкӣ бакара. Арай эчэ бакара, соцовкӣ, тӑкэндӯ тэҷэхэ, думайд'ана. Мучӯвкӣ н'ӑн д'ӯткӑкивн, ахйлӑви ихивкӣ. Ахйн хинцӯливкӣ:

— Ур Мэкэгдыр, бэйӯнэ вӑнни?

— Эчэв, — гунивкӣ.

— Мэкэгдыр, ӧхалли ӧдӑ авӯлчӑл? Кэ, н'ӑн бэйӯкэл! — гунивкӣ.

Эхйлэ бэйӯцнэрэн. Уҷэвкӣ гэлэктэтмӣ. Бэйӯн сопсэм ачйн.

Дэрйвкӣ. Н'ӑн тӑкэчӑндӯ тэҷэвкӣ, думайд'авкӣ, тэҷэтчэнэ. Икэвкӣ:

Каран д'ӯ — тукалӑ ӧран!
Каран ороби бэйӯр ӧра!
Каран кумалӑрби лавӯктал ӧра!
Каран тэнинэлби лалбукӑл ӧра!
Каран инмэкилби чуцрикэр ӧра!
Каран ухйлби сӧктал ӧра!
Каран тицэптӯрби ӧктар ӧра!

Гуннэ, гуннэ, хоцод'овкйн н'ӑни, тӑкэчӑндӯ тэҷэтчэнэ. Н'ан мучӯвкӣ д'ӯлӑви. Эмэвки, ахйн ханцӯливкӣ;

— Мэкэгдыр, бййӯнэ вӑнни?

— Эчэв, — гунд'эрэн.

— Эр-кэ ӧхалли авӯлчӑл?

— Ӧктар, сӧктал нирнагад'ара.

Ахйн-турэн саламатӣвки йкэкэндӯ, гунивкӣ:

Ӧктар, сӧкта-а-л,
эмэ-кэ-эллу!
Саламатӣвун!

Эхйлэ ӧктар, сӗктал эмэӈнэрэ. Ур Сигундӑр хунӑд'ин ханӈӯливкӣ:

— Ӧктар, сӗктал Мӗкӗгдырва ӗдӑ нирпагарӣхун?

— Эхйвун нырпаргара, — гунйвкӣл.

Ӧктарва, сӗкталва идакӑлйвкӣ Сигундӑр хуӈӑд'ин. Мӗкӗгдыр мӗнин тӑкэчӑндӯ хоӈод'овкӣ, инмэкилвэ мулӑмихӑ, хоӈод'овкӣ.

— Си ӗдӑ улӗккичэрйс? — гунйвкӣ.

Мӗкӗгдыр гунйвкӣ:

— Би д'ӯчӣ бихйв, — гунйвкӣ, — тӑдӯ орочӣ бихйв.

— Адӣ орочӣ бихис? — гунчэ Сигундар хунӑд'ин.

— Н'ама орочӣ бихив, — гунчӗ Мӗкӗгдыр.

— Кэ, тариӈйлтыки хуруӷӗт, ичэнӗӷӗт! — Сигундар хунӑд'ин гунчӗ.

Эхилэ хурухйӈнэрэ. Хуруд'эӈнэрэ. Тар хуруд'энэл маталтыкӣ иссӑл. Мӗкӗгдыр матал д'ӯлӑтын йӈнэрэн. Ахйн тулилӗ бид'элчӗ. Тар матал эхӗкӗвэ д'эпчӗл — сэвӗнмэ ӧчӑл.

— Кэ Мӗкӗгдыр, тэӷэлчйкэл сэвэнчэвӯнчӑ.

Ур Мӗкӗгдыр ахйви эрйчӗ, тэпкэвкӣ: «Ахӗ-ӗ, ахй-й, сэвӗнни?». Чэрулӣ. «Эр ахӣ йлӗ хурурун? — гунивкйл: — Ахйви гэннӗктэ», — йӯвкӣ. Ахйн ӑчин, хурунин. Сигундар хунӑд'ин таргачйн бичӗ. Тариӈми иларӑкӑн иктэчӗ, илан дуннэлӣ дэлпэргэчӗ. Тар н'экэхӗ, илан чивкӑн ӧхӑл дэӷилчӗл. Таӈаран-турӗн мӗнин, н'ан дэӷилчӗ. Ур мӗнин таӈара бичӗ, эхӗкӗ уллэвӗн эвкӣ д'эптэ бичӗ. Эдӗйи д'эптэ дэӷилйвкӣ буӷала, уййскӗкӣ.

20. Сирбут-Сирбӯнэй

Бэйэткӗн, ахӑткӑн бид'эчӗ, нэкӯнэчӗн. Аминтын, энйнтын бучӗ. Бид'эчӗл, бид'эчӗл. Сирбут-Сирбӯнэй хэгдӣллэкин, экйнйн сӗкталдук бэркӗнэн ӧвкӣ бичӗ. Тар бэркӗнд'иви Сирбут-Сирбӯнэй бэйӯктэд'эвки.

Умнэкӗн бэйӯксӗ, вӑчӑ хиӈкйчӗнмэ. Экйнтыкйви хуручӗ, гунйлчӗ:

— Экййэй экййэй, ӗкӯмййава вӑм? Ӗхамййалйн амаскйд'улэскӣ хулакӑчӑл. Ниргиличӣ.

Экинин гунчӗ:

— Нэкэйэй, нэкэйэй, эр гэрбичӣ хиӈкйчӗн. Эр гэрбичӣ д'эпивӯвкӣ.

Вӑчӑн тариӈйлба, лӧвӑнчӑн. Н'ӑн хуручӗ Сирбут-Сирбӯнэй, бэйӯчӗ. Тар бэйӯксӗ, вӑчӑ хорокйва. Н'ан экйнтыкйви хуручӗ:

— Экййэй, экййэй, ӗкӯнава вӑм? Мӗнин коӈнорйкӯн, никимнан ӈонимкӑкӯн, ниргилйнин эгдыкэкӯн. халйн д'апкалӣ, хулярйкӯр. Иктэлд'иви, «так-так!» ӧкнанин, кикчаран.

Экйнйн гунчӗ:

— Нэкэйэ, нэкэйэ, эр хорокӣ гэрбичӣ нимэ. Тарӑ эмӯкэл!

Сирбут-Сирбӯнэй эмӯчӗ, лӧвандӯ локочӗ. Тӣмӣ н'ӑн бэйӯчӗ, кэвэрдулӣ ӈэпэд'эчӗ. Тӑрӣ ӈэнэд'эрэкин, гипчӑн хуктылчӗ. Тарӑ хӧдачӑ, умпэт вӑчӑ. Тӯксахичӑ экйтыкйви:

— Экӣйэй, экӣйэй, — гунча, — ёкӯкӯнма вам? Дилин хорондӯн д'ӯр ирэктэ балдичӑ, амардӯн багдакӑ балдичӑ, халгарин ӈонимкакӯр.

Экинйн гунчэ:

— Нэкӯйэй, нэкӯйэй, тар гӯкӣт гивчӑн.

Тавар гивчӑнмэ эмӯчэ, лобандӯ локочо. Тимйнин н'ӑн бэйӯчэ, хуручэ амуткартикӣ. Амуткандӯ тэгэтчэрэкин, дэгчэл д'ӯр н'уӈн'акӣл, эвид'эчэл амуттӯ. Сирбут-Сирбӯнэй бэйитчэ, бэйитчэ, ходачӑ, ходачӑ. Умӯн нуцн'акӣ умӯн лукӣвӑн тэвэчэ. Тэвэхэ, хурчэ мӯ долин. Гёвӑн н'ӑн лукӣвӑн тэвэчэ, хурчӑ н'ӑн мӯ долин. Хурйксэл, нуцн'акӣл н'ан мӯдук йӯчэл. Сирбут-Сирбӯнэй лукйн ачйн очӑ. Сирбут-Сирбӯнэй соӈолчо:

— Лукӣвэв бӯкэллу амаскӣ!

Н'уӈн'акӣл гунчэл:

— Мунэ боколлокис, лукӣлвэс амаскӣ бӯд'иӈэвун!

Тикэ гӯнихэл, дэгилчэл, ин'элд'энэл. Сирбут-Сирбӯнэй сотмарит соӈолчо. Экинтикӣвӣ дагамалчӑ, ирэктэткэнмэ суллилчэ, гунчэ:

— Экӣйэ, экӣйэ, би синэвэ вад'иӈав эр-дэт! Амуткантикӣ хурувкэниксэ, лукӣлбэв хурувкэнинни! Эр-дэт иктуд'эӈэв!

Экйнин гунчэ:

— Нэкуйэй, нэкуйэй, экэл соӈоро! Хуӈтулэ лукилэс бд'иӈав. Лукилэс бракив, си ӈэнэхиндэвӣ тар горойтикӣ буғалтикӣ. Лукӣлвэс хурупчэлвэ нуӈн'акйлвэ боконд'оӈбс. Эхйткэн си экэл бэйӯктэрэ. Би синдӯ нуӈнӣд'эӈэв, йлэ хурудэс эр-дэт: эдук йэғйтин урэкэчэндӯ бид'эрэн мурин, Чоколдой гэрбичӣ. Тар муринма ӣй-кэт эвки д'авара. Нуӈанмӑн д'аваначӑвэ мурин д'эпйвкӣ. Тара сатанарӣ бимӣ, хурукул!

Сирбут-Сирбӯнэй ӈэнэхйнчэ. Экйнн'унми хуйэтчэ соӈоно:

— Мучуд'ам-ӈӯ, ёд'ам-ӈӯ.

— Эхикис мучура, он би бид'эӈэв эмӯкин? — гунчэ экйнйн соӈод'оно.

Ӈэнэчэ, ӈэнэчэ, ичэвӯлчэ урэкэчэн. Дағачӑ. Арай тар бэйэл гирамналтин бичэл. Д'анкӯн урэкэчэнмэ ӈэнэчэ. Упкал бэйэл гирамналтин бичэл, мурин д'эпнэлин. Ӈэнэчэ, ӈэнэчэ, ихилчӑ йэғйтин урэкэчэнмэ. Арай ичэчэ — урэкэчэн оронддн илгимад'аран мурин-муркакӯн. Упкачйн он'ӧ, мэнин сицарйн. Гирамналба симйтчаран. Сирбут-Сирбунэйвэ дблдичӑ городук, сёрби уӣринэд'энэ. Сирбут-Сирбӯнэй ӈэлэлчэ, гупйлчэ: «Он би нуцантикйн ӈэнэд'эӈэв?». Тикэ гупйксэ, чицэрэкэн очӑ. Гирамнал хэргидэлйтин игэхйнчэ. Тутуд'эчэ, тутуд'эчэ, горово дблчатчана, йдӯ мурин сёд'арйвӑн. Гунчэчэ: «Ёкӯндукин д'аваракив, айа бимчэ?». Тикэ гупйксэ, этэкэпчэчэ нйкимналан. Тикирэчэ. Нйкимнадук тйкирэчэлэн, мурин соғинчӑ урэкэчэнцивн: умнэт элй-талй хэтэкэнчэл гирамнал. Мурин хукэлкэчйлчэ кэцтирэтпи. Сирбут-Сирбӯнэй ёрӑ-дӑ эчэ. Укэлкэчйксэ, мурин хуктихинчӑ кадарлӑ. Кадарва ихйксӑ, хукэлчэчэ. Сирбут-Сирбӯнэй эчэ тикрэ, ёрӑ-дӑ

эчэ. Кадардук хукэлчэксэ, мулп эйэхинчэ. Мудук йучэ, Сирбут-Сирбунэй эчэн буручэ. Тэлп мурин гунплчэ:

— Окп-да анңанпва бид'эм, экуди-кат бэйэ-кэт минэ эчэн д'авара. Си экун бихинни? Бэйэ оксэ, кэңтирэдув уккал! Хуруғэт д'улэскп. Си минпи бэғинми од'аңас, минэ муринтад'иңас. Си бид'эрпдус эмэнмучэ экпнни соңод'орон, гунд'эрэн: «Си бучэ бихинни». Си н'ан экпнми д'ончад'анни. Экпнни бид'эрпдун малудун д'ур сэргэл бид'эрэ солотот он'очпл. Тар сэргэл оноктодў иливувчал. Тар оноктo хэрэлпн солотомо мурин бид'эрэн. Тар мурин синци энпнңис, ампнңис бичэн. Тар муринми ичэмп, си эйэлд'иңэс, минэ нодад'иңас. Соңолмп, гэвў инамуктави нодадави анцў сэргэлэ, гэвп — д'эғинңулэ. Тэлп оноктo мэнин нэптэргэд'эңэн, мурин илд'аңан. Тэлп си авгува эйэтмп, гадави!

Тикэ гунпксэ, Чоколдой-мурин хуктихпнчэ. Хуктид'эчэ арай д'эрис-н'ун овкил мол, олус химат хуктивкп. Ихилча д'уван, экпнпн арчача, соңолчо. Сирбут-Сирбунэй н'ан соңолчо. Соңолпксо, Чоколдой-муринпн гуннэлпн инамуктални сэргэлтикп тикпвчэ. Тикпвд'экэнин, оноктo нэптиргэчэ. Оноктo нэптиргэрэкин, золотомо мурин йучэ. Муринма йуд'экэн, Сирбут-Сирбунэй ойолон укча. Чоколдой-мурин бид'эчэ, гунчэ:

— Би гунэрпв синтикп — д'ус дағадун миндук айатмар мурин бид'эрэн. Авгува муринтад'иңас?

— Би д'урпвэ муринтад'иңав.

Анңэтчал. Тимпнин Чоколдой-мурин гунчэ:

— Би сам, едa си минэвэ д'авачас. Си сэнмпчэс д'ур лукпви. Д'ур лукис д'ур нуңн'акпдў бид'эрэ. Си лукплби ахалдави н'экэд'энни. Би тар лукплбэс гачалбэ сам тар эчэл нуңн'акпл бирэ, тар д'ур хунат — Сигундар хунплин. Тала исмп, си д'урпвэ ахалави гад'иңас.

Сирбут-Сирбунэй гунчэ:

— Кэ, ңэнэхинцот, би с'унэвэ д'урпвэ гад'иңав. Дэррэксун, гэ гедў д'уғэлдид'иңэв.

Ңэнэхинчэл. Чоколдой химат, химат хуктид'эчэн. Солотомо мурин суптивча. Сирбут-Сирбунэй алачплча. Алатча, алатча, арай гилбэс оча, аракукан эмэд'эчэ. Дагамаллэкин, н'ан химакунд'и хуктилчэ, н'ан суптивча солотомо мурин. Алачплча алачплча горово. Эмэчэ солотомо мурин, бокончо. Сирбут-Сирбунэй тикулилча, гунплчэ:

— Си едa суптивутчанни? Эр-дэт би синэвэ вад'иңав!

Чоколдой гунчэ:

— Экэл, экэл вара, уккал нуңандун, би аракукан ңэнэд'иңэв амардун.

Сирбут-Сирбунэй солотомо мурииду укчан. Ңэнэд'ичан, нэнэд'ичан. Мурин со удан бичэ. Тар ңэнэд'энэ, исча бирава. Эгдикэкун бира, му хуларин. Тар бирава хэдунилчэ. Солотомо мурин хэтэкэнчэ. Эчэ хэдэрэ, бира дулиндун чэпэчэ. Чоколдой мурин хэтэкэнчэ, согинча муринтай, бэйэтэй. Хэдэксэл, ңэнэ-

хинчэл. Сирбут-Сирбӯнэй Чоколдой муриндӯ укчā. Солотомо муринма эмэнчэ. Тар цэнэд'эрэкин, цэнэд'эрэкин, нэлгэйэ ичэвӯлчэ. Дагамāлчā, арай тар мурир, хукурил бичэл. Илтэнчэл. Н'āн ичэвӯлчэл мугдэкэчэр. Мугдэкэчэр гуннэлйн, бэйэйэй бичэл. Илтэнчэл, н'āн ичэвӯлчэл чуцрикэйэл. Чуцрикэр гуннэлйн бэйэл длилтын. Тэлй гунчэчэ Сирбут-Сирбӯнэй:

— Би ихим Сигундāрвэ. Лукйлби гад'ицāв!

Ичэчэ, солотот гилбэнэд'эрэн. Тар арай Сигундāр д'ӯн бичэ. Дагамāча. Тулгйдэдӯн солотомо сэргэ бид'эрэн. Тар сэргэдук муринми уйчэ. Д'ӯлāн йчэ. Сигундāр тэгэтчэрэн солотомо остолдӯ, солотомо тэгэкйнду. Бутунну д'ӯн буркинчā солотот. Сирбут-Сирбӯнэйвэ ичэксэ, гунчэ:

— Илкал уркэдӯ! Йдук бихинни бэйэ?

— Би — Сирбут-Сирбӯнэй бихим. Д'ӯр лукйви бокончӯд'ам. Д'ӯр лукйвэ си хунйлли хуруврйтин!

Сигундāр гунчэ:

— Боконйнни би хунйлбав, би синдӯ д'урй хунйлби ахйлас бӯд'ицэв. Битэр бкал, би эр-дэт эмэд'ицэв. Тэдэвнэктэ, синдӯ айалā тэткэлэ бӯдэтин.

Тар хурурэкин, эмэчэл д'ӯр бэйэ, айалба тэткэлбэ эмӯчэл, бутунну солотот он'очйлва. Тар тэткэлбэ тэтīксэ, сивайбалчāл. Сигундāр гэрбэчймнй гунчэ:

— Н'ама укурбэ, н'ама д'ӯр д'āр муринма вākэллу!

Бутунну айа д'эвгэвэ бвкāнчā. Тāдук хунйлби цэнэвкэнчэ. Эмэд'эчэл гиргинāд'анāкйцкӯр. Тэткэлтин сицунтикй килунāд'ара гиргилдīд'анал. Д'ӯрй д'ӯр лукйлбэ цāлд'анал. Тэгэвкэнчэл Сирбут-Сирбӯнэйвэ дулиндӯтин. Сирбут-Сирбӯнэй соктолчэ. Соктохэ, илйксā, тикйвкй, олдонмэн эмтэ. Тэгэвкй, тэгэвкй, тэгэкилбэ хукчавкй. Остоллэн даравйнивкй — остол хукчавкй. Сигундāр гунйвкй:

— Āхинлāнākэллу д'āндук д'ӯрй д'ӯлā!

Хунйлин хурӯвчэл. Āхинчāл, дулиндӯвар āхинмучāл. Тар āхинчāлāтин, Сигундāр эмэчэ д'ӯлāтин, бэркэнд'ивн гарнадāви. Турувд'эчā омкотолйн, Сирбут-Сирбунэй мēлчā. Ичэхинчэ — Сигундāр нуцанмāн вāдāви н'экэд'эрэн. Дилкэн бха, окошколй йӯчэ. Дилкэн бхā, д'ӯдӯн дэгиктэд'эчэ. «Сигундāр, — гунчэн, — си минэ этэнни вāра». Остолдӯн дэвки, тигэлдӯн. Тэлн Сигундāр гунэн:

— Си минэ экэл илэчэрэ! Айарāлдīгāт! Бэйэ бхā, остолдӯ тэгэкэл!

Сирбут-Сирбӯнэй бэйэ бчā. Остолдӯн тэгэчэ, н'āн умйлчā, соктолчэ. Соктолйксā, бутуннувy хукчалчā. Тэлй Сигундар д'ӯр д'āр ббгатīрва эмэвкэнчэ. Сирбут-Сирбӯнэйвэ д'авачāл, хэркэчэл. Сэлэмэ ббчкадӯ дīчэл, бирадӯ чэнйчэл. Горово эйэнчэлэн, Чоколдой-муринун кēцалчā. Тоцолйчā сиргэватин хэкэ, бира эмкэрлйн гэлэктэд'эчэ Сирбут-Сирбӯнэйвэ. Арай ичэчэ — сэлэмэ ббчка эйэнд'эрэн. Ичэксэ, тара сӧгинчā, дэлиэргэкнэн баргйскāкй.

Сирбут-Сирбӯнэй йӯчэ, Чоколдой-муриндӯ укча. Н'ан цэнэхйнчэ Сигундарла. Исча д'ӯван, муринми гэ сергэдук уйчэ, мэнин дилкэчэн оча. Хунйл бид'эрйтин окошколйтин саңаркандулй дэгчэ. Лукйлби д'оромохо, иӯчэ. Сигундарла хуручэ, гунчэ:

— Тэд'э, эцэхй бимй, минэвэ кейкал! Кухйнэгэт!

Сигундар гунчэ:

— Кэ, си эмӯкин, бу илан богатирил бихйвун.

Сирбут-Сирбӯнэй гунчэ:

Иланйн'ун кухид'эцэв! Этэрэс минэвэ кейра!

Сигундар гунчэ:

— Этэнни кейра. Минци йэгин дилйчй кулйнцив бихин. Тара этэнни кейра?

Сирбут-Сирбӯнэй гунчэ:

— Кэ, кухиннэгэт! Ичэтчэп — авгӯкй кейд'ап! Тэлй сад'ицат.

Кухинэчэл наптака дуннэлэ. Кухичэл илан анцанйва. Сирбут-Сирбӯнэй упкатва кейча. Кейчалан, йэгин дилйчй кулин эмэчэ. Кулйнн'ун н'уцун анцанйва кухичэ, д'апкун дилван вача, эрэгэр нуцанман гарпад'ача. Тар д'апкйван дилван вад'эрэкин, эмэчэ омолгйчан, гунча:

— Би синци хутэс бихим! Би гуннэд'эм дулгӯ дилван гарпакал! Тэлй си эр кулйнма вад'ицас.

Тикэ гунчэлэн, Сирбут-Сирбӯнэй дилмаван гарпаха, вача. Кулйнмэ кейча. Тэгэксэл, ханцӯлча:

— Он би синэвэ хутэтэм? Би ахййа ачйн бихим.

Омолгйчан гунчэ:

— Би улгучэнд'эм упкатван. Энйнми минэвэ уцрэн, улгучэндэв. Си Сигундарва вачас, кейчас. Тар хунйлбан си ахйлачас. Тар минци энйнми. Би йэгин анцанйцив. Энтилби минэ улгучэнэктин, би синэвэ бакам.

Сирбут-Сирбӯнэй омолгйви муриндӯви угувканча. Цэнэхйнчэл Сигундар бид'эклэн, исчал. Тадӯ айат билчэл.

КАТЭННАЛ ЭВЭНКЙЛТЙН НИМЦАКАРТЙН

1. Хэвэкэ, Лоцко, Эптэкэн

Хэвэкэ булэнилчэн, ганачйлчан. Аксалдйран Н'урумн'алнун. Мотйлдулй аксалдйчал. Мотйл асйлгалтин, Н'урумн'а тэгэ. Аксалдйд'акилтин Хэвэкэвэ Н'урумн'ал турчара. Нарэт бинэл кэтэкэкӯн. Д'ӯван хакӯра, догйдадӯвэр нарэтпэ. Хэвэкэ, тэгэ догйдалаpактин, шицилгэндулй угдӯшнэн, нэгнйлд'иви угдӯшнэн. Надан нэгнйлйн, нуцан д'апкйтин. Нарэтпэ тадӯ ашакталла, Хэвэкэ д'алван. Умӯкэнмэ гатактава ашакталла, Лоцково шониңма. Лоцко этиркэчэн Н'урумн'а анаран, шукшиллайи тэтчэрйвэ. Нуцан калтакайи тэттэн, калтакаван анаран. Эд'элйн тэттэ, нарэт эмэрэ. Барэн шукшиллайи тэтчэмй, амйнмӯран. Тадук н'экэлдулй Лоцково ашакталлан, н'экэвэ камнйдавэр.

Лоцко āшӣн шамāл бичӭн, Д'экэ гэрбӣн. Лоцково вāрэ Н'урумн'ал. Ашӣлāн эмэрэ. Тāдӯ улгучӭмӭчиллэ Н'урумн'ал, Шамāриктал, эмэмӣ, ашӣван Д'экэвэ ичэрэ, тāкэндӯ тэ̆ɣэтчэрӣвэ. Ичэтчэрэ — Д'экэ мэлкӭнэн. Тэ̆ɣэтчӭктӯн атакӣ тутуктэд'эрэн. Н'урумн'ал ӭва-дā албара бакамӣ. Атакӣ бид'энкӣ, д'ӯлдулāвэр цэнӯштэлӭтӣн.

Н'урумн'ал цэнӯшинэ д'ӯлдулāвэр. Тāдук Д'экэ н'āн эвэнкӣ ӧдан, шурурэктӣн. Атакӣ бицэнийи Н'урумн'ал инд'эрӣл ӧмӣлватӣн д'эбд'эчӭн. Д'экэ хунāд'ицми гӯнэн:

— Тамиптина тāлу эмэвкэл!

Тарā Д'экэ Н'урумн'ал ӧмӣлватӣн ишшэрэн тāлэдӯ. Гӯнэн хутэйи:

— Пуртайа эмэпкэл!

Тамиптинду Н'урумн'ал ӧмӣлватӣн д'игрэн. Д'игрэкин, тамиптӣн хаңāллэн. Тӭлӣ Д'экэ хунāтпи гӯнэн: «Хулэм».

Д'эврэн шэушэлд'ийи, долбо āд'энэ. Тӭлӣ Н'урумн'ал д'игнэлин кэтэ буддэ. Буд'эпкилвэ эчэл шāрэ.

Тар Лоцково ашакталлактӣн, Хэвэкӭ шицилгэндук лэпурӧран, мишӧран Пачакӣлā; цӭлэллэн, эдӭви вāврэ. Хэвэкӭ ашӣви гӯнэн: «Пачакӣлā мишӧран», — улгучӭндӭн Н'урумн'алтикӣ. Хэвэкӭ гӯнэн:

— Пачакӣдӯ алачӣлдāйи, тāлā ашадāтӣн.

Хэвэкӭ Пачакӣва иштан. Пачакӣ гатакта — шӧниң тэд'эмэмэ — нāрэт нӭлэнэтӣн. Хэвэкӭ д'ӯрвэ аңцанӣл мӭнми алаɣӯллан н'урилд'и, Пачакӣдӯ учӣттан. Хэвэкӭ Пачакӣдӯ таматāчāн — ашӣлāлдӣчāтӣн, хунӣлвэр д'уɣэтчӭтӣн. Тар гэрбӣн таманан. Тарā таманамӣ, дурушно бивкӣл, эвкӣл аксалдӣра. Этэрэ вāлдӣра.

Тāри Пачакӣ Хэвэкӭвэ учичӣллан, д'ӯрвэ аңцанӣл. Тāрā эвӣвӯнтӣн бишин: тāлā микчāнд'ара кӭциламнин, эиэя хавалбӯшчā, тар мӧ — эвӣнтӣн гэрбӣн бад'акā. Тар дуиндӯ питɛмэ ӧкир километрал. Тар питɛмэлӣ шачарӣйа Пачакӣ Хэвэкӭнэн элгэд'эрэ. Д'ӯткӣви орон хуктилд'эн. Шачарӣва тинд'эрэ, цāлэлд'ивэр д'авашшад'ара. Пачакӣ шачарӣва ашашинан, халгандукин д'аваран тарӣнцāдӯ дицнилэд'эрӣвэ. Шачарӣва Пачакӣ элгэрэн, д'авамӣ. Хэвэкӭдӯ бӯрэн, гуннэ:

— Кэ, шачарӣва д'авакал халгандукин!

Хэвэкӭ шачарӣва тӣнэн, хуктилдэн. Мэнин ашашинан. Пачакӣдук горотморво ашаран ороимо. Тӭлӣ халгандукин д'аваран.

Пачакӣ нэɣнӣлвэн Хэвэкӭцилвэ учӣтчаран. Д'ӯрвэ аңцанӣл учиттан. Д'ӯрдӯ аңцанӣ Пачакӣ гӯнэн:

— Эшӣлэ этэɣэт учӣтчамӣ! Шāпкаш! Эд'эцэл н'урдӯ вāврэ ӧда!

Хэвэкӭ Пачакӣткӣ гӯнэн:

— Тімāтнэ шурудэйи, булэшэлдулэйи, Н'урумн'алдулэ н'экэд'эм.

Пачакӣ гӯнэн:

— Гиркувукта Н'урумн'алва вāдāйи?

Хэвэкӭ гӯнэн:

— Он'оркол, тәҕә авам, гуктәтін, кәтәмәмә — әд'әңәл манавра умӯкәндӯ аннанйдӯ.

Хәвәкә бāрән Пачакйва шурубд'әмй, шалєййан, әдән булә-ниллә. Гӯнән:

— Он'оркол! Буләнилд'әнни, әкәл буләнә!

Хәвәкә тімāтнә шурурән нәҕнйлд'иви, вāнāшинән Н'урумн'алва. Шурурә-ә-н. Дуннәңйлвәтін шāрән. Тāдук шамāнмә бакаран. Этіркәчән шамāн беднәй, толкә умӯкән хутән. Хутән тӧша шӧниң — гатакта. Тāрє этіркән хәрәкә, әчә Н'урумн'а бишй. Хәвәкә хәрәкәйә әвкй вāрә, буләшәлви вāпкй. Хәвәкә этіркәчәнмә хулиллан, индәйи, Н'урумн'алдук шучадāйи. Тāдӯ умӯкән Н'урумн'а бид'әрән — бәйә ибд'ән этіркән. Хәвәкә тāҕрән Н'урумн'ава буләнми.

Атіркāчāн Н'урумн'ава гӯнән:

— Ёва тәҕәтчәнни? Ашӧш балдічā.

Н'урумн'ачāн тар йӯрән, тукшашинан д'āлдулāйи. Хәвәкә тӯмнәрән атіркāн хәңкәдукин. Тар Н'урумн'ава илгәрән, тукшашинан, әдән нāрәтпа ишта. Ашанинан, әдән тілипкәнә. Этіркән тари хутән Хәвәкәвә хаништан. Шамāн илкәллән хавāйāн Хәвәкәвә. Хәвәкә ашашинан Н'урумн'ава. Тарє этіркән хутән тукшад'апкй, шуптівчавкй Хәвәкәвә. Тāдук бокончопкй тукшамат. Тāлā хәрәлгәндӯ Н'урумн'ава боконо. Хәвәкә гиркйви гӯнән:

— Ши әдӯ илкал! Би эмукин дагамакта, мәнди ӯд'ам бд'анни!

Тāдук гиркййи эмәнән. Нуңан тутәкәтпи шурурән. Илитчарйва тутәкәтпи чомбйттан. Хәвәкә мучушнан этіркәндулә, вāмй. Мучӯд'анал мӧтіва ичәрә. Хәвәкә гиркйви инкәрән:

— Мӧтіва вāнāкәл!

Гиркйн н'урмашинан, вāрән. Тāдук д'ӯлāвәр эмәрә. Этіркәндӯ шәәнчәллә. Шамāн тāрє, шәәнчәд'әнә, гӯнән:

— Умӯннуйә туркуд'анни.

Шӧрд'иви ичәтчәпкй.

Хәвәкә Н'урумн'алдулā шурурән, вāнāштан. Шамāн гӯнән:

— Умӯннувә вād'әнни. Нуңаниңйд'итін хәңкәлд'и улгучәлим, — шамāн тар гӯнән: — Урйләнә таңкал. Тар гӯктәттін — урилән кәтә.

Шамāн шәйушәлд'иви ңәнәд'әрән, улгучәнд'әрән. Тāдук шаман, уриләнә ңәнәд'әнә, гӯнән:

— Кәтәннуйә уриләнмә ңәнәмнә. Н'урумн'аңи Кӧрдаку умӯкән д'ӯн бид'әңән. Тāдӯ, — гунд'әрән, — умӯкәнә нәкӯнәйи вабд'анни, — шәәшәлд'ийи улгучәнд'әрән. Шамāн шәәшәлин муданттін, — гӯнән.

— Мәнни шуруд'әкәл әсйлә!

Хәвәкә шурурән, Н'урумн'ава гәләктәрән, умӯннува бакаран. Н'урумн'а шӧниң Әптәкән гәрбин. Шӧниң Әптәкән Хәвәкәвә урәмәкән. Хәвәкә Әптәкәнмә шāрән. Орорвӧн тāгрән. Нәҕнйлви гӯнән:

—Әптәкән ororин, әңнәкәнмә гарпакалу, д'әбдәвәр, шилаттāвәр.

Нуңартын гилгэвэ гарпара, вāрэ. Гилгэ эдэриктэллэн, д'алви онйллан. Орор хуктīллэ д'ўлāвэр, Эптэкэн д'ўлāн. Хэвэкэ оронду намашинан, орор умурэндўтин. Хуктишйнэн Эптэкэн д'ўлāн, орор диңнилэнэ. Эптэкэн Хэвэкэвэ ичэрэн орор умурэндўтин, Хэвэкэвэ тāгрэн, гўнэн:

— Хэвэкэ, ēд'анни? Илкал!

Хэвэкэ гўнэн:

— Би-ти бишим!

Илла хōтмачилла, гатактамāчилла. Эптэкэн гўнэн:

— Ушилэндў урэт бинэ илкал!

Эвйкйчитин бишин н'урилд'и. Элэкэс н'урилвар д'уҕэлдīрэ. Хэвэкэ ушэндэрэн Эптэкэндулэ. Эптэкэн н'урви Хэвэкэлэ ушэндэрэн. Н'урилд'ивэр д'уҕэтчэрэ, мēвутмāтчэрэ, эдэвэр айаралдīра. Хэвэкэ цэҕнйлдўлэви мучўшинан, гилгэвэ шилад'арйлдула. Гўнэн:

— Эптэкэнмэ хиндараи, мэдэпкэнэи. Ашйдукин кэрчимэвэ д'эвуңнэи.

Эптэкэн мишōчā д'алдулāви. Хэвэкэ Эптэкэн ашйвāн гўнэн, кэрчимэвэ кармандўн ашўдāн. Тāдук Хэвэкэ Эптэкэнмэ ашашинан. Боконон д'алби исчарива. Эптэкэн д'авйа эрйд'эрэн, бирава дāгдāйи. Хэвэкэ дōлчāтчаран, атиркāчāрвэ дōлчāчйвкй. Атиркāчāр баргйҕит гунд'эрэ:

— Ēкўнд'и олонон? Хэвэкэ эмэчэ бинэн?

Эптэкэн д'алдулāйи дāгрэн, гўнэн:

— Хэвэкэдў эмэпчэл бишип! Баңарāкаллу! — тāдук гўнэн. — Н'уңн'акйла улэкэллу иличйптиратин, ганачилмй.

Хэвэкэ шипкиҕтчаран бэйэлвэ, дāгнāрэн бирава нэҕнйлд'иви, баңарāрэн Эптэкэнмэ.

Удункāкўн бдан. Д'ўлā йрэ, н'уцн'акйла д'эвулдэвэр. Хэвэкэ удундў туксамалчаран, этэйэмнйвэ бэритпи тіксавāн аңаран, капуран, туксамалчаран. Этэйэмнй эчэ ичэмэтīрэ. Д'ўдў бишйлвэ бэйэлвэ вāчилдāйи, тукшамалчара. Аңаран. Эптэкэн илитчаран, н'уцн'акй ашакйвāн д'эбд'эрэн. Хэвэкэ Эптэкэнмэ д'упкундулйн гарпаран. Эптэкэн н'уцн'акй ашакйвāн кикишйнчад'ана буддэн. Тāдў бэйлбэ манара, д'ўдў токторо. Хэвэкэ Эптэкэн д'албāн упкатпāн манаран.

Тāдук н'āн шурурэн, гэлэктэллэн хэрэкэлэ. Тāлā цэнэд'энэ, Хэвэкэ мўвэ умйллан, эвэнкйлвэ дōлдīран. Ашāл икэд'эрэ, эвйд'эрэ. Мўдў дōлдīран, нэкўнми гўнэн:

— Дōлчāткэллу!

Нэкўнин дōлдīран, гўнэн:

— Тэд'ē, тоҕолтин ичэвуллэ, — Хэвэкэ нэкўнин гўнэн: — Гуниш бикшэн, гунд'эңэш, эгдэкэчэн.

Хэвэкэ ашāл икэнд'эрйлдулэ н'урмāран, шипкитнāшинэн. Шōниңма ичэтнэшинэн долбо. Шōниңмэ ичэрэн кембелелэн. Хэвэкэ нэҕнйлдулэви эмэрэн, гўнэн:

— Шōниңма, илмактава ичэчэв, кембелелэкўн шōниңцитин!

Хэвэкэ туксамалчаран д'ўлватiн, ад'эрйлвэ. Умўкэн Н'урумн'а шоналйви туктiрэн. Шонадукии микчанэн, Хэвэкэ чаӷйдалйн кембелелэндулэ. Хэвэкэ гўнэн:

— Ёдайи керо́ран?

Шилэвэн мэдэрэн. Хэвэкэ ашашинан долбо бэйэлбэ. Долбонйва ашактаран. Хэвэкэ хэӷэррэн, д'ўктэ хэӷэррэ. Такэнмэ гидамандэрэ. Хэвэкэ амаргут хэӷэрчэ. Н'урумн'адук шотмар бдан. Д'улэлй арўран, хэӷэркэйим. Гўнэн:

— Э-э! Ёйаматтэн? Би шо бишим!

Шалгэллэн, ушаллэн, Н'урумн'ава ўд'ашинан. Тэлй бакаран бучэвэ — ханўча. Дiлин шамнад'аран. Хэвэкэ утунмэрэн никимналйн тадў варэн. Тэлй нэкўнин Н'урумн'ава актакйт н'урмаран. Н'урумн'а н'урмад'арйва гарпаран актакйва черес, нэкўнмэн варэн. Хэвэкэ нэӷнйлдулэви эмэшинэн. Эмэрэн. Хэвэкэвэ ичэмй, нэӷнйлин гўнэ:

— Гиркйвэр дабдiран.

Хэвэкэ Н'урумн'ава туксамалчаран. Н'урумн'а Хэвэкэвэ гўнэн:

— Хуйэви хуйлэчэв. Он-да н'экэд'экэл!

Хэвэкэ токторон Н'урумн'ава. Тадў Хэвэкэ гунэн:

— Туӷн'эн'эр бид'эӷин!

Улгучэмэттэ, мучўшидайи, этэдэйи Н'урумн'алва ватчэмй. Нэкўнин «Бучэвэ, — гўнэн, — уӷэдэтiн урэлдулэ, эдэтiн Н'урумн'ал балавачилла».

Тадук Хэвэкэ д'ўдўви горово инэн. Сагданан. Сагдачалан, Н'урумн'ал Хэвэкэвэ турчара. Хэвэкэ харгилдў бакара. Мотiва аналйд'аран. Н'урумн'ал ашара, ханнўкталла:

— Ашўла бичэн?

— Гороло бичэн.

Ашашина ўд'алйн. Мотiва вачэ Хэвэкэ, тадў боконо. Мотiва хигд'эрэн. Хэвэкэ амаргйд'ин тўксамалчара. Н'урилва камнйра. Хэвэкэ албаран н'урилви гад'амй, тулнўшинэн. Ашактаплла. Ашактад'аракин, Хэвэкэ шукшиллан дiвран мола матавулгали. Хэвэкэ бурурэн. Тадў Н'урумн'ал нунанмэн гарпатчара. Хэвэкэ гўнэн:

— Э-э, шагдачалав эмэрэш, чолкочоло. Ёва н'экэд'эш? Энэшйв ачин.

Хэвэкэвэ варэ, гўнэ:

— Каландў уллэвэн улэкэллу!

Уллэн йэпу. Уманмэн гэлэктэллэ. Умэнин шилэпмэчйллэн. Эчэ шилэ бра — йэпу мў.

— Ётпи дуннэвэ эркэнд'эчэн, йэпу бинэ?

Улгучэмни илара таптаран, гунд'энэ: «Манавран. Манад'ам».

2. Эптэкэн Куркэгир, Пачакй Момо

Эптэкэн Куркэгир сониц бичэн. Пачакй Момо бичэн. Эптэкэн Пачакйнун манара Кордуйалва. Пачакй бэйэлин д'эмулд'эчэл.

Уллэ ӑчин бичӗ. Нуҫартӑн Кӗрдуйӑҫӑлва орорвотӑн вӑд'эҥкӑтӑн, д'эвӳлд'эҥкӑтӑн. Тӑдук хэрэкэлвэ гэлӗктэллэ, Хэрбэлвэ. Нуҫардӳтӑн эҥнэкӗрвэ вӑчӑтӑн.

* * *

Момолдӳ Улбӑмчэ сӗниҫ бичӗн. Нуҫан Кӗрдуйӑлнун туӷи-дӗ гарпачимӑчиллӑн, орорвотӑн д'эбдӗвэр. Кусӑмӗчирдӳ бэйэлвэ вӑд'эҥкӑтӑн, орорвотӑн тэнӳд'эҥкӑтӑн, асӑлвэтӑн мӗрдувэр гад'аҥкӑтӑн.

3. Орор

Пачакӑ биҥэсин, Пачакӑдук чаӷӑдӑдӳн орор ӗдӳ ӑчир бичӗтӑн. Кусӑмӗчир бэҥэситӑн, орорво эчӗтӑн сӑрэ, лӳчалва эчӗтӑн сӑрэ. Пачакӑ бинэдукун орочӑл ӗчӑтӑн. Лӳчал эмэрэктӑн, ороровo сӑлчӑл. Элэкэс Вэскэбэдӳ бид'эрӑл орочӑл ӗчӑл биркэ. Нонон Кӑтэнҫӑдӳ ганалчӑл бид'эчӗтӑн. Хӑдӳн орордулӑ кусӑмӗтчэҥкӑтӑн. Ороро ӑчир бэйэл орорво вӑвкӑл бичӗтӑн.

Момол хӑлтӑн Кимӗл бичӗтӑн. Нуҫартӑн горолӗ Енисейвэ дӑӷисчӑтӑн.

4. Хэвэкӗ

Хэвэкӗ бичӗн ганалчӑлдӳ сӗниҫйтӑн. Эсӑлэ сурурэн нуҫан бэйӳсиллэн д'алви. Самӑнин бисин. Самӑн гулӑрэн. Самӑн гӳнэн:

— Д'ӳрвэ туркӳлд'аҫас умӳндулӗ д'ӳлӑ.

Тар чӑӷӑдӳ умӳкэндӳ бэйэдӳ гӳнэн:

— Тар сучабд'аҫӑн, си этӗнни вӑрэ нуҫанмӑн. Нуҫанмӑн асад'аҫас д'ӑннулӑ. Д'ӑнмэ д'ӳл иссаҫас, бирава баргӑмнак ичэтчэнэ. Удункӑн тӳксукэн эмэд'эн, хуйукӳкӗн. Тӑдук нуҫарватӑн эсӑлэ туксамалчад'аҫас, тӑдук манад'аҫас. Илӑйи гиркӑйи вӑвунни.

Хэвэкӗ упкатна манаран, д'ӳрвэ хуркэкӗр д'элӑврэн, туксанмуран. Силэӷӑмнэвэтӑн асасӑллан удундӳ. Тарйалӑ боконон нуҫарватӑн. Д'эсунэ эсилэ Хэвэкӗвэ д'ӳктэ. Нуҫардулӑтӑн микчанд'ӑрйва бирайакӑнма халаҥӑт н'урит гарпаран. Сурэктэвӗн пэлпэттэн. Пэлпэргэмӑ, баргӑдӑдӳн бурурэн. Хэвэкӗ тӗҷэрэн тӑдӳ. Тар хуркэкӗн нуҫанмӑн тэҷэтчэрйвэ гарпачӑллан. Гарпатчавкӑ, хата тэҷэтчэнэ, нуҫан адагад'ад'ан. Хуркэкӗн н'урилви манаран, д'ӳрвэ йэӷир. Тӑдук хуркэкӗнмэ гунэн:

— Эмэкэл миндулӗ!

Н'урилви алӑвӳчиллэн йэӷинмэ. Хуркэкӗнмэ улэккирэн, д'авадӑви. Хуркэкӗн тар бӑрэн. Хуркэкӗн нуҫанмӑн эсӑлэ даран гарпашиллан. Гарпаран нуҫанмӑн, вӑрэн тӑдӳ.

5. Хэвэкэ Момочар, Тэпэкэ Момо

Момочар бичэн Хэвэкэ, тадук сонин бичэн Тэпэкэ Момо. Хуйукучкэн Хэвэкэ эмэрэн бэйэлдулэ, бэйэлвэ турчэрэн. Турчэкэйим, ганачилла сухинусал. Хэвэкэ эвэнкилвэ манаран. Д'апкунма бэйэлвэ манакаййм, умучкэнмэ хуркэкэнмэ бакаран. Д'ур хуркэкэр тулнусинэ. Гева гарпаран, хуйутмэрвэ. Варэн таду. Вакаййм, гева акиндимарва асасинан. Асактакаййм ганамачиллан, албаран вад'эми. Тадук гунэн:

— Тонторокикал!

— Си тонторокикал!

Тонторокинан, Хэвэкэ гунэн:

— Гарпакал!

Хэвэкэ тонторокинан, хуркэкэн тар гарпаран. Гарпакаййм, гунэн:

— Кэ, ичэнни!

Хэвэкэ гунэн:

— Дэллэду.

Илитин анцани бэйучирэ Хэвэкэвэ.

Хэвэкэ хагдалча. Хэвэкэ энинин бисин, асин бид'эрэн Хэвэкэ энинин анцукталлан:

— Екума бисинни?

— Хэвэкэ,—гунэн,—бучэ горолэ асива тэгэлду. Тар хутэн бисим.

Хуркэкэн улэкиттэн:

— Хэвэкэ бисим, хутэн бисим.

— Екун этиркэн сагдачакакун бинэн, — тар атиркан гунэн: — Ева н'экэнни?

— Сагдачакакун илэ хуручэн? — атирканмэ тар ханцуктаран.

Атиркан гунэн:

— Эду уд'анкарин бичэтин.

Тарилва ичэнэсчэн, уд'алин сурурэн тар хуркэкэн. Багдакал уд'алватин дачэ. Хэвэкэ бэйумэтчэрэн багдакалва. Хуркэкэн тар эмэрэн, хигд'эрэн Хэвэкэ. Багдакал хакирватин гад'аран. Хуркэкэн ханцуктаран:

— Хи бисинни?

— Би бисим.

Хуркэкэн тутэкэйэйи д'аваран. Тутэкэйэйи гакаййм, албаран хогд'ами Хэвэкэвэ. Тэли хуркэкэн тар тутэкэйэйи д'аваран, суксиллалби тэтиллэн. Хэвэкэ амарит гиркуллан, амаски тулнусиндэйи. Амаркан тукаландук амаритви гиркуд'аран, суксиллан тукаланду. Хэвэкэ онканэн дулкукэнду. Хуркэкэн тар тутэкэтви никимнавэн хогран. Дилвэн нэлихинан н'урикталдукин энйндулэн. Энинмэн гунэн:

— Каланма мултукэл!

Энчэнин каланма мултуран, хутэйи дилвэн улэрэн. Тар гунэн:

— Эк, — гунэн, — д'ороно бичэ бинэн. Есалличал буликэтмэтирэ.

6. Лоңко

Амāкāйи Пачакӣва гатактава улгучӗнд'ӕм. Хӗвӗкӗңӗси вирӗмӗдӯ вāлдıчāтın.

Тāдӯ бичӗн Лоңко гатакта. Тӗлӣ ганалчӣл бид'ӕчӗтın. Тāлӣ нуңартın аксалдīчāл. Ашӣлāцийа вāд'ӕрӗ, тарит булӗнӣллӗ. Тар гатактава вāд'ӕвкӣл, хӗрӗкӗл вāрӗ д'алвāн.

Лоңко ӕвӗнкӣватın вāчāн, тарит акшалдīра.

Лоңко бӗйӗвӗ уңнӗн, улгучӗмӗттӗн, ашӣлāдāн тӗҫӗлдӯ. Нонон ӕчӗтın булӗнд'ӕрӗ. Лоңко ашӣлāд'ӕрӣвӗ буратпāн вāрӗ. Лоңко алāтчаран, ашӣлāд'ӕңā ӕмӗдӗн. Анцанӣва алāттӗн, анцанӣва хӗрӯрӗн, гӯнӗ «вāрӗн». Илгӗрӗн, вāчāл.

Лоңко тıкуллан. Нуңарватın вāдāйи д'алдāтчаран. Бакалдīра вāд'ӗпкӣнун. Урӣлдīрӗ, матал ӗнӗл шāлдīтчара, урӣнӗдӯвӗр. Лоңко ашӣн бичӗн тāдӯ. Инҫӗд'ӗнӗ орорви, тāгрӗн тӗҫӗл орорвотın; вāд'ӗңāтın — шāрӗн. Орорви аракӯкāн инӗҫӗд'ӗрӗн. Ӗдīн Лоңко дарӣмāд'ӗрӗн урӣнӗйи. Хӗрӗкӗл хӗлбуд'ӗрӗ. Лоңко ашӣн ӗдīвӣ шāрӗн, мӗванмāн. Гунд'ӗрӗн:

— Ӗдīв ӕмӗйӗтпи вāчилд'ӗн.

Лоңко ашӣн илгӗд'ӗрӗн, гулувӯндулӗ бāд'ӗрӗн ӕмӗд'ӗмӣ. Сāвӗдāлви умңӗкӗнд'ӗпкӣ. Мӗдӗрӗтчӗпкӣ, ӗдӗви тāҫиврӗ. Лоңко ашӣн пулатıтпи дӗрӗви д'айӯчад'апкӣ, кумулӗчӗд'ӗпкӣ, ӗдӗтın тāгрӗ. Думāтчаран, ӗдӗтın баңкарара — ңӗлучӣллӗ. Ӗдīви ӕмӗдӗлӗн сāвӗдāдӯви бид'ӗвкӣ. Ӗдīн ӕмӗйӗтпи тукшамалчаран, вāлдāйи. Тıкӯнд'арӣлва булӗшӗл орорвотın тāгрӗн. Лоңко тукшамалчӯшинан чӗркатчана:

— Нуңанмāн йдӯ нӗчӗшун? Шунӗ вāтчӗм, харāнмӗ оройочӣлва!

Вāттӗн. Умӯкӗн булӗнин шӗрңад'ӗрӗн. Шāмӗй гатактаңитın шӗрңāд'ӗрӗн. Лоңко шӗраңӣлва уҫад'арӣтки тукшамалчӯшинан, гӯнӗн:

— Ӧкир вāлдāви шӗрналд'анни? (*«Вот швердитай!» — реплика*).

— Бӗйӗвӗ тāри ашакталлан, н'урилвāн камникāчиллан. Тāдук вāрӗн, упкатпа манаран. Тар манавран.

7. Йбд'ӗ

Ганалчӣлдӯ н'āн Йбд'ӗ бичӗ, асӣлāрӗн, тарит Йбд'ӗ бран. Хуйӗд'ӗрӗн Йбд'ӗтın. Тар хуйӗд'ӗри бӗйӗ ашӣн амӣнӣн, энӣнӣн бишин. Тāрӗ бӗйӗвӗ ӕмугдӗдӯвӗр шӗлд'ӗрӗ, ӕчӗл айāбд'ӗрӗ. Атıркāн шӗлд'ӗрӗн, ӗдīн шӗлд'ӗрӗн. Тари ӗтıркӗн хутӗн бишин, гатактакāкӯн. Ӗдӗйи вāврӗ, хутӗйи илкӣчӗд'ӗрӗн гатактайи, гунд'ӗрӗн: «Хутӗв шӧниң бд'ан». Туҫи илкӣчӗд'ӗрӗн. Тар Ибд'ӗвӗр гатактавāн ӕчӗл сāрӗ. Бӗйӗ тарӗ мӗдӗтчӗрӗн. Тари бӗйӗвӗ алтавӯтчавкӣл, д'ӯдӯвар хипкумӗтчӗнӗл. Бӗйӗвӗ ӗрупчут улӣд'ӗвкӣл: бӗйӗдӯ ипкӗндӯвӗр тӗбд'ӗрӗ д'ӗптілӗйӗ, уллӗвӗ лӧглайа. Тарӣлд'и бӗйӗ аксад'апкӣ тарӣл алтавӯтчарӣтın. Анцанӣва хуйӗктӗмӯрӗн Ибд'ӗ тари, тāдук гӗдӯ анцанидӯ акшаран. Нӗлкинӣдӯ, шиңилгӗн маналлакин, акшаран, нуңарватın вāдāйи д'алдāчӣллан.

Тавāр этиркēн хэлбушинэн. Тар бэйэ дарймāшинан — мудурēтчэрэн, улэккидēн. Этиркēн тари хутэнэн хэлбушинэн. Хэлбуд'энэл, мōтīва вāчāл. Бэйэ тари дарймāсча. Эмэрэн, мōтīва шилāтчарактин гулувӯндӯвар, урйнэдӯвэр. Бэйэ тари шэгдэннэгйд'ин эмэрэн. Нуңартин Ибд'эвэр эвкйл ичэсмэтīрэ. Д'эбд'эңēтīн, д'эбд'эрэ шилашāлвар. Н'урилвар локоно. Локод'оңōдук амаргйд'итин гарпаран. Этиркēн хутэвēн вāрэн, этиркēнмэ вāрэн. Бэйэ тари арчамкашиллан ашāлви, нулгйви. Тари бэйэ арчаран, нулгйлдулэ эмэд'энэ, икēллэн.

Атиркāчāн, дōлдīкса, икēвунмēн тīлмй, тӯңнэрэн. Ашйви арчаран аңибд'арйва. Тикӯндӯйи сōдӯн ашйви хōңнаран. Атиркāчāнмэ хэд'урвēн мурукēрэн, амңалйн чипчирэн, гунд'эрэн:

— Эрулд'иви хэңкēтчэңкйс!

Манавран.

8. Пачакй

Тар Хэвэкē эвгйдēдӯн, ганалчил эвгйдēдӯтин бичēн. Тарил времялдӯ эвэнкйл бурдуква эчēл шāрэ, — инд'эчēтин уллэлд'и, оллолд'и, хорокилд'и, мӯдиңилд'и. Лӯчава-дā эчēтин шāрэ. Ōн бини тарбāвэ инчēтин (*«Моңнол биркэ» — реплика*). Д'ӯр бэйэл лӯчава бакара. Мōтīйа гэлēктэд'эчēтин. Лӯчал эчēл гэлēктэд'эрэ, толко мōтīйа. Аңарадӯ, Кешмадӯ бакачāтин. Толкэ д'ӯрвэ бэйэл бакара. Гē бэйэ чукэтī, гē — моңнотīра. Эвэнкйл лӯчадīва бкира-дā эчēл шāрэ. (*«Хорокйл-дā, хорокйл» — реплика*). Хоктово — санка нэнэмнэвэ д'ивэд'эрэ. Гē иллан, гунэн:

— Ēкӯн хоктон ōдан? Ōмакта, лӯчал мōлймналтин. Давай суптид'ап!

Гиркйн гунэн:

— Бэйэл ичэнēвēт! Авадīл бинēрэ?

Шурурэ. Амакйкāн нэнэрэ. Йалан ōдан. Сāмэй Кешма. Ичэчиллэ гулэлвэ. «Ēкур тāре?». — «Эчēв шāрэ». Лӯчава арчара. Палаткава ичэнēд'эрэн. Чукэтикēкӯн, иргэчй саханд'апкй, эдēн вāллэ. Эйēтчэпкй дороводāви. Лӯча туӷй-дē элэкэс эвэнкйвэ ичэрэн. Илитчарактин, лӯчал эмэд'эпкйл. Доровод'оро, бāд'эрэ. Цēлэтчэрэ, эдēвэр вāврэ. Лӯчал мēнңит хэңкēтчēвкйл. Эвэнкйл эвкйл тиллэ. Тар моңнон гунд'эвкй: «Шинэ купичэд'эм».

Гиркйн нупчад'авкй, эдēн вāллэ. Горово тэӷэттэ. Лӯчал нуңарватин ушара. Дєрєвнєлэ шуруврэ. Ōн-дā албара тиллэ. Йврэ купєттулē обєдадӯ. Настолдӯ тēвчēл авадитикйнмэ д'эптилēвэ. «Тунгус шадиш!», — гӯнэ. Эвкйл тилд'эрэ. «Давай чай пит». Эвэнкйл д'алдӯвар гунд'эрэ: «Вāдавэр н'экэд'эрэ?». Мэртин вамуд'эрэ лучалва. «Шадиш, чай пит нада!». Ōн-дā эвкйл тиллэ. Нонороо лӯчал. Тарй чукэтītмэр, ичэчиллэн. Нуңардутин чашкал бишй. Колобово алйвран чукэтītмэрдӯ. Шēллан, шēллан, алāлйвран. Эвэдīт гунэн: «Айакāкӯр!». Тāдук сушкалва гадан, д'эврэн. «Айакāкӯр!». Шахарва д'эврэн. «Этэкэл

вāмуд'эмӣ айалва бэйэлвэ», — гунд'эрэн. Бэрилбэр нодāрэ. Д'эвуллэ. Гиркӣн д'арӣллан — д'эвуллэн, «Алапчу! — гунэн, — айалва д'эптīлэлвэ бакарап». Обɛдан илтэнэн. Хукитэн д'алупта. Купɛт гӯнэн: «Лошӣш отыхай!».

Увалāшинан. Ешшэ гэврa улӣрэ. Д'ӯлāвэр цэнӯштэтīн, д'эптīлэлэтīн ирэмэ̄гӣрэ. Нирул алтачӣлла эвэнкӣлвэ, улукӣйэ вāдāтīн.

Начальникил лӯчал думачӣлла: «Кэтэ бинэрэ эвэнкӣл». Улукӣлвэ ичэнкэттэ нуцартикӣтīн, колобово д'уҷэлдэвэр. Тэлӣ гэ тīллэн, гӯнэн: «Улукӣлэ вāвкāтчэрэ». Эвэнкӣ думāттан, иргэдӯви тīллэн. Колобово бӯрэ, аран инисинэ, майичӣлла, эмэдэтīн тīмāннэ. Тарил эвэнкӣл д'ӯлдулāвэр цэнӯсинэ, колоболво эмэврэ. Д'алтīн дīвэд'иллэ. Чукэтитмэр д'алви алаҷӯллан. Д'эбд'эрэ, «Алакāкӯн» гунд'эрэ. Эвэнкӣ гӯнэн:

— Улукӣлвэ, чипкāрвэ вāкāтчэрэ. Тарилдӯ д'эптīлэлвэ д'уҷэлдīд'эрэ. Тīмāнна вāҷāт кэтэкэкӯнмэ.

Вāннэл, цэнэврэ. Д'уҷэлдīрэ. Тариптīдук лӯчал гэрбӣлчэтīн «нирӯшка», тарӣлва — «лӯчал» гэрбӣрэ.

Тīмāннэ, кэтэ бинэл эмэрэ. Гэтикӣтīн купɛттулэ цэнэрэн, улукӣлвэ, чипкāрва эмэвнэ. Тарил д'эптīлэлэтīн бӯрэ, пэктīрэвӯрэтīн, порокилва, пистӧрва бӯрэ. Мэртīн учичӣлла, пэктīрӯдэтīн.

Тāдук лӯчал ревīзиява бра. Амāкāл гэрбӣлвэтīн улгучэллэ. Куркэгирвэтīн, Момолво дукӯра. Тэгэмэрвэ улгучэллэ.

Пачакӣ лӯчадīва сāлчā бичэн. Пачакӣдук эвгӣлэ шарва шāллэ. Пачакӣ чукэтī бинэ Куцнэгирнун ганачӣлд'аран. Мēванин эгдī. Тэлӣ Момол кэтэ бичэтīн. Пачакӣ вāлдīллан н'урилд'иви Куцнэгирнун. Лӯчалва Пачакӣ гӯнэн:

— Куцнэгир нонолчӧтīн. Тарит нунартīн винӧвāтīл.

Начальник судīчиллан. Пачакӣ гӯнэн:

— Минэ турчэтīн, вāлдīдāвэр.

Куцнэгир октороо: эксэл вāмуд'ара. Уцкилдīрэ начальникил. Куцнэгир гунчэтīн:

— Эчэвун вāнāд'эрэ. Пачакӣ мэнин вāчиллэн.

Пачакӣ винӧвāт ӧдан: кэтэвэ вāрэн. Куцнэгирвэ эгдīвэтīн манаран. Куцнэгирвэ вāтчана, ашад'анкӣ лӯчалдулā. Куцнэгир Пачакӣдук цэлэллэ. Лӯчалдулā мишӧра. Пачакӣ биралā Чāдэбчэ ашаран. Этīркэр душавэ бӯрэ. Лӯчалдулā тукинашна ункат. Этэрэ вāлдīд'амӣ, цэлэллэ.

Тадук Пачакива лӯчал анцанӣва эчэл гэцнэрэ, мэнин эмэдэн. Гэдӯ анцанӣдӯ казакил нуанмāн тасчура пилɛндулэ.

Казакил нуцанмāн губернала эмэврэ. Тэлӣ шар-тэҷэмэр бичэн. Сēктакāрд'и идакапкӣл бичэтīн. Начал'ник судиран Пачакӣва, шэлэлд'и бшидāтīн, цэлэлдэн. Пачакива тīрэрэ полдӯ сэгдэннэвэн ошӣра шэлэлд'и. Идакара, нуцанмāн илипканэ. Больнисаду нэрэ, лекарсалд'и нутэрэ. Неделядӯ абгарāрэн. Обясательство бӯрэн, эдэви умӯкэмэтӣэ вāрэ. Эвэскӣ нунанмāн кинясит бра. Лӯчадīва сāрэн, иргэчӣ бичэн. Кинязичиллэн век эвэскӣ.

9. Пачакӣ Момо

Элэкэс ганалчӣл бичэ̄тин. Мунӈи бичэ̄тін Куркэ̄гир-дэ̄ Момо. Хуӈтул а̄чир бичэ̄тин. Эвэскӣ о̄да: Кочонӣл, Хэрбэл, Лопоко̄л. Ганалчӣл о̄да.

Умӯ-нун Пачакӣ Куркэ̄гирду со̄ниӈ бичэ̄.

Ганалчӣл кусӣллэ Чэ̄мда̄лнун. Эдӯ кэтэкэ̄кӯн илэл бичэ̄тин. Куркэ̄гир, Момол со̄мат аксара. Аксапка̄нэ, элэкэс айал бичэ̄тин.

Чэ̄мда̄лвэ ва̄рэ кэтэкэ̄кӯнмэ. Чэ̄мда̄лдӯ пэктирэ̄вӯр бичэ̄тин. Момо̣лдӯ элэ лукӣл бичэ̄тин. Тарӣлва лӯчал бакача̄л, ганачӣллактин. Момодива кин'асва бакача̄л. Умӯнмэ Куркэ̄гирӈива кин'асва Чэ̄мда̄л ва̄рэ, Пачакӣ нэкӯнмэ̄н. Пачакӣ тикӯллан, Чэ̄мда̄лва сомат ва̄рэн.

Чэ̄мда̄л лӯчалдула̄ эмэрэ, Аӈара̄ла̄. Уӈкилдирэ лӯчалдӯ. Момол, Киркэгир дабдара. Момол лӯчадива эчэ̄л тӣлд'эрэ, Чэ̄мда̄л — тӣлд'эрэ. Уӈкилдӣрэктин, он'овӯрва тэгэмэ̄рдулэ̄ уӈнэ. Момо̄лва кунутит сэлэчӣт идака̄лла. Аӈарадӯ лӯча хэгдиӷӯ бичэ̄н. Нуӈан тэгэмэ̄рдӯ дукӯран: «Эвэнкӣлвэ идака̄ракин, упкат буд'э̄ӈэ̄тін». Тэгэмэ̄р дукуча̄:» Сэ̄ктакаӈд'и н'экэкэллу». Сэ̄ктакаӈд'и идака̄лла, эдэ̄тин мэ̄рвэр ганатта, аксамӣ. Айака̄кӯн о̄дан. Пачакӣва кин'астӯ нэ̄рэ, хэгдиӷӯ о̄дан. Тариптӣдук бэрилд'и улумэ̄чиллэ, пэктирэ̄вӯрвэ галла.

10. Пачакӣ Мамо

Пачакӣдук д'ӯр н'амад'ил о̄лла. Тэ̄лӣ ка̄сна о̄дан.

Аӈарадӯ бурдук ба̄ллэн балдӣд'амӣ. Нэктэсэ̄лтин аӈаӈитӣкӣн буд'эрэ. Эвэнкӣл эсӣлэ со̄т кэсэд'эрэ, д'эмӯкир о̄да. Орортін адӣка̄р о̄да: ӈидӯ тунӈа, ӈидӯ н'уӈун. Эвэнкӣл тукала̄ва д'эвӯлчэ̄тин. Нуӈартін тукалэ̄ гулувӯндӯ олгӣра, «олгоӷин айамамат»,— Бурдуква тукала̄нун уркӯллэ. Касна эсӣлэ эмэ̄нэ а̄чин о̄дан. Порок а̄чин о̄дан, сэвэнэс эмэ̄нэн. Тэ̄лӣ купэ̄сил о̄да. Унийэ̄чиллэ. Порокво кэтэкэ̄кӯн эвэнкӣлдӯ бӯрэ. Эвэнкил бурдуква галла, айатмарит д'эвӯллэ, элэкэс оросво, пурупча̄скэ а̄чин бичэ̄н. Купэ̄сил айатмарит иргичӣлла. Орортін бара̄лла, этэчэ̄тін ororvo д'эбд'эмӣ. Орортін хэгдиӈиллэ эсилэ. Бэйун кэтэкэ̄кӯн о̄дан — мо̄тил.

Эсӣлэ умӯкэ̄н н'ама̄д'и о̄дан аӈаӈил. Миӈи амӣм балдӣран эсӣлэ. Амӣм д'адаӈ бичэ̄н. Ёкӯн-дэ̄ а̄чин бичэ̄н, — оронӣн а̄чин. Асила̄д'ана, эӈэкэ̄нӣн д'ӯрэгдэвэ гача̄н. Та̄дук д'а̄н орон бичэ̄тин. Эвэскӣ айатмарит бэйӯсӣллэн.

Упкат эвэнкӣл Аӈара̄дӯ бурдуква гад'аӈкӣтин. Миӈи амӣм э̄дук Аӈара̄ла̄ ӈанэӈкин. Иӈинкэ̄кӯндӯ д'эптилэ̄йэвэр гэннэсинэ. Купэ̄сил умнэ̄т кэтэкэ̄кӯнмэ бурдуква бӯрэ. Э̄дук д'ӯрвэ бэ̄ӷалва Аӈара̄ла̄ ӈанэӈкӣтин. Купэ̄сил гӯнэ: «Нэлкэнйвэ улӯмйд'экэллу, мо̄тӣлва, багдака̄лва бэйӯсчэкэллу». Гэ̄ иӈин о̄дан, туӷэни,

тāдӯ гӯнэ: «Тиҷарйитīвар нэлкирвэ, сирӯласарвар эмэврэс?». Н′āн бӯрэ, туҷэ-дэ̄ эдэтын эвэнкйл кэсэд′эрэ.

Тэ̄лй балдīм, эвэнкй ӧдам. Чāскй авадı биркэ, сāмй. Би эсйлэ бэйэ ӧдам. Амйм эсйлэ сӧт алаҷӯллан: «Хавалд′акал ēва-дā эрӯпчу энэ гунэ. Айамамат хэцкӧтчэкэл, айамамат бид′экэл. Амāкāва тэд′ӧд′энни айатмар ӧд′ан». Бу кэтэкэкӯн бэйэ бисив: акйм, акйм, акйм, би, нэкӯм; д′ӯр умнэ̄т балдīра, нэкӯм; д′ӯр асāткāр нэкӯтıл, умӯкэн нэкӯм-асāткāн.

11. Момол, Чӗмдāл

Пачакй элэкэс гиркуран, илан бинэ, Чӗмдалдулэ̄, сэлэвэ уцнэн, асйви дāндāвэр. Гарнад′ана, гӯнэн:

Сэлe-ē!

Чӗмдāл ичэрэ сэлэвэ̄н. Умӯкэн бэйэ гунд′эн:

— Химилгэн! Химилгэн!

Гē гӯллэн:

— Пачакй уцд′эрэн. Ēдā гунд′энни «Химилгэн! Химилгэн!» — Сэлэ! Сэлэ!

Чӗмдāл н′āн гунэ:

— Химилгэн! Химилгэн!

Пачакй албаран маҷараран. Хэрбэ маҷараллан:

— Асййа гэлэ̄рэн Пачакй.

Чӗмдāл гӯнэн:

— Ӧн ахййа бӯлд′эм? Сэксэлвэр далумāтта!

Хэрбэ баҷэрӧран.

— Эрчэмэйӯл бинэл, н′экэд′эс? Лӯчасинчāл бинэл, тэҷэлвэ эвйд′эс!

Хэрбэ гӯнэн:

— Тарā хйсэлдулā эмэкэллу!

Чӗмдāл туктīрэн хйсэлдулэ̄. Пачакй хэргййт ӧдан. Пачакй гӯнэн:

— Амардӯ бикэллу!

Амйнйн д′улэ̄лэ̄ цэнэрэн. Чӗмдал Пачакй амйнмāн гарнаран, Багдарикāнма. Пачаки Чӗмдāл н′ирулватıн тӯктусинэн, тоҷонд′оно дагамāллан. Чӗмдāл туксана, эмэллэкин Пачакй, цӧлэллэ. Бэйэцйлин асакталла, гоҷод′онол. Пачакй асад′аран н′āн хэрэкӧлвэ. Умӯкэн Пачакй бэйэцйн албачā, гарнавуксā, хуйэцӧнэ бинэ. Пачакй гӯнэн:

— Ēт сэдуйэ̄ллэн? гарнакта!

Н′урвэ эсэктэд′эрэн тустӯви.

Пачакй бакаран Багдарикāнма, гӯнэн:

— Эдӯ бид′экэл! Гирамналви сокоринни! Эдӯ алāтчикал!

Тāдук туксаснан. Пачакй Чӗмдāлва тıкӯллан. Пачакй этиркэчэ̄нмэ угдӯсчарйва бакаран Ацкулāктӯ. Чикилчā бичэ̄н. Гарнассаран нуцанмāн, этиркэчэ̄нмэ. Чӗмдāл алтачйллан, эдэ̄н гарнара. Гӯнэн:

— Ники, мәнми таканни!

Пачакӣ гӯнэн нуңанмӓн:

— Гирамналва нэд'экэл!

Тӓдук Пачакӣ сурурэн. Бэйэнйлин гоӷод'оро сэллилэнмэр. Пачакӣ н'урви манаран, туркэвӯтчэрэн — иланна сулара. Н'урин бичэн кирэктэмэ. Гарпаран Чемдӓл хэңэндӯн, сэлливӯндӯн саңӓр ӧдан. Чемдӓл гӯнэн:

— Сэллйвун! Туңйэр бивэт! Этэкэллу гарпатчамӣ!

Тарит гӯттэн Пачакӣ:

— Йдӯ бид'эчэтин эрӣ д'алин? Эмчэт кусйд'эрэ, асййа бӯчэл бисикис! Айат бид'эӷэт! Бӯдакис эсйлэ, айатмар ӧд'аңӓн!

Этиркэчэн, Чемдӓ бэйэңйн, тӓлӓ Пачакйлӓ эмэрэн. Этиркэчэн тӓлӓ эмэрэкин, тутэкэтпи училэллэн сэллилэнмэ. Тутэкэн бӓлчэрӧран. Пачакӣ сэллилэн этиркэчэнмэ утунмэрэн. Пачакӣ тикӯллан, нуңанмӓн [Чемдӓлвэ] хӧңнӣ'синан.

Пачакӣ д'ӯлӓйи ңэнэсинэн, Чемдӓлвэ манамӣ, тэӷэлэ, эмэгӯсиндэвэр нипчикпи. Чемдӓл туксана лӯчалдулӓ. Лӯчалдӯ уңкилдӣрэ. Чемдӓл, гунд'энэ:

— Мунэ Пачакӣ манаран.

Лӯчал гӯнэ:

— Нуңарватин гэннэкэллу!

Тэпэкэвэ, Пачакйва гэннэрэ. Уңкилдимэчиллэ лучалдӯ. Чемдӓл лӯчадива хэңкэвэ сӓра. Момол эчэл сӓра. Уңкилдимэтмӣ, дабдара Момол Чемдӓлдӯ. Пачакйва эчэтин тэптимэтирэ. Комиссар гӯнэн:

— Нуңанмӓн кин'асит он'околлу!

12. Чемдӓл, Хэрбэл

Пэктирэвӯр Чемдӓлдӯ д'ӯри. Эрӯ балдичӓн нуңардӯтин Чемдӓл Хэрбэлнун. Элэкэс самӓсэчйл бичэтин. Хэрбэлдӯ илан самасэл, Чемдӓлдӯ умӯн самӓн-асӣ. Хэрбэлдӯ бэйэ буддэн. Самӓн гунд'эрэн:

— Тар, бннӓкэ, эңнэрэн тинэ.

Нуңартин д'окɛлдира — асӓткӓнмэ бӯрэ тӓлйвар. Анңанӣ калтакӓн асӓткӓн мэнңидӯви бид'эрэн, энэ бӯврэ. Тӓдук тар асӓткӓн бӧгинан, ургэ ӧдан. Тэлӣ эмэрэ нуңардулӓтин, асӓткӓнмэ эйэчйлчэл. Сӓд'эрэ, ургэ ӧчӓвэ, ибд'анйлла. Эрйлти гунд'эрэ:

— Ургэвэ эңнэрэв бӯрэ.

Тарил н'ӓн эмэрэ, эйэчиллэ, галдӓвэр. Нуңартин бӓллэ бӯд'эмӣ, хуңтувэ бӯчиллэ. Хэрбэл бӓд'эрэ д'окɛд'амӣ.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да! — гуннэл, кусймӯллэ. — Тӓрӓ этэс бӯрэ, сунэ манавд'арав упкатва!

Нуңартин тикӯлла. Гаданчӓ Чемдӓ сбниңкӓкӯн. Нэкӯнйн-дэ, акйнйн бичэн сэллулэчӣ. Тɛрулдира тар тирганйдӯ кусйдэвэр. Чемдӓл элэ д'апкӯн бэйэл, Хэрбэл — д'апкун д'ӓр. Тар тирганйдӯ эмэчэл. Бирайакӓн баргйдӓдӯн Хэрбэл ӧра, эвгйдэдӯн — Чемдӓл. Пэктирэвӯртин д'ӯр Чемдӓлдӯ, Хэрбэлдӯ элэ бэрилтин. Баргйӷйд'ин гулувӯнавар илара, эвгйдэдӯн туӷи-дэ гулувӯн

бисин. Тәҕәтчәрэ, улгучэмәтчэрэ. Хэрбэл умүкәнмэ этиркәчәнмэ уҥнэ, сәлдәвэр кусимүд'эрйвэтин-мү. Этиркән тар эмэрэн, ханҥүктаран:

— Ёд'ас-кү, бүд'эс-кү?

— Хуҥтуйэ бүтчэрэв! — Чёмдәл гүнэ.

Этиркән мучүсинд'ан, д'алдулайи гүнэн:

— Хуҥтуйэ бүтчэрэ.

Асйлямүд'арйва ханҵүктара:

— Хуҥтуйэ ёд'анни-ҕү, асйлямүд'анни-ҕү?

Нуҥан гүнэн:

— Этэм хуҥтуйэ асйлара. Сэксэвэн тинд'эм! Вад'эм!

Нуҥан тарявэ айавд'ачан. Хуҥтувэ барэн.

Тара бүчиллэктин, вамуливкил. Н'ан этиркән тар маҥарарэн. Н'ан Чёмдәл барэ бүд'эмй. Нуҥан таҥиллан, гунд'энэ:

— Умүн, д'үр, илан, диҕин, тунца. Уҕукән бинэл, он түктэд'эс тэҕэвэ?

Чёмдәл тикүлла, гүнэ:

— Бүҕәт тивсивэ, ургэ бимнэнмэ бүҕәт, энэл кусйрэ!

Лукйкән бисин, хуйүкүкән Чёмдәлдү. Тарявэ гарпалла уҕидэкэкүнмэ. Ойолйтин кикэд'энэ ҥэнэрэн. Пачакй ҥэлэллэи, гунд'энэ:

— Ёкүн таргачин тилпэкэкүн, оннакэ, эд'элим тэрэрэ!

Ҥэлэллэн, тарявэ ичэмй. Пэктирүмэчйлкэкүттэ. Пачакй нэкүнмэн пэктирэнэ силукталдулйн. Пачакй гулувүндүви тэҕэтчэвкй. Акйндулявви Пачакй нэкүнйн эмэрэн, силуктальви кормєдүви эксэд'энэ. Пачакй гүнэн:

— Эрэн! Эрэн! Синэ гунчэв ургэт, ургэт!

Бэрби д'аваран, эсйлэ вяллэн Чёмдялва бэркэмэмэт. Чёмдә уҕүкэн ора. Ҥэлэллэ, туксамячилла. Нуҥан асакякүттан. Кусйллэктин, сэнэ Чёмдялци такэчяндулй угдусинчян. Амаргут нуҥанмян бакара угдусйнчад'арйва. Туҕ-дэ н'экэмй, диҕин бэйэл бимй, бакачял. Диҕин бинэл нуҥанмян бад'эрэ вад'эмй — адаҕасчаран. Ёкүн-дя албачял вад'эмй. Гаданчя туксад'арйва бокянчаран. Нуҥан н'урви сирэктэвэн тянэн, доколотчоно бад'эрэн түксамй. Эсй-вэл д'улэскй ичэрэн — диҕин бинэл сонищма бэййтчэмй албачял. Нуҥан, доколок бинэ, диҕйвэтин вярэн эптэлдулйн. Цуҥартин, умүкэн бурурэкин, туксана упкат. Сэнэ ичэрэн, Гаданча доколотчорйван. Эмэчэл хуҥтул, асад'ара Гаданчява. Н'урилтин буруд'эрэ бонагачйн. Нуҥан тарилва турүнмувкй. Горойо Гаданчя д'улэскй туксанчаран. Н'урил сунмэн упкатпян курукэрэ, нуҥанмян эвкил варэ. Нуҥан сэллулэчй бичэ. Туксанан гороткй. Гаданчя д'икйллан. Лоцко — Пачакй нэкүнин бичэн. Тярявэ пэктирэнэ умүкэчэрдулйн. Гүнэн:

— Ётпи гарпалд'ам?

Тядук омҵочол, пэктирүрэ, хойолйн гарпара. Нуҥан н'ур хосинмян капуттан, туксактад'аммин. Тядук эмэрэн д'алдулявви. Этэрэн кусид'эмй. Гүллэн:

— Миндук н'урва гакаллу, чипкачӣкāргачӣнма умӣвд'ам. Гасичилла, буддэн.

(Горолō кусӣлдiцкӣтiн. Ёкӯна-вал д'оголмӣ, бэйэ, нэкӯнин-цу, акӣнин-цу эсикин бӯрэ, кусӣлдiкэтчэцкӣтiн. Хуцтунун тэгэнун кусӣлдiд'энэл, сōниципва вāкāйимӣл, мēварватiн д'эвд'эцкӣтiн).

13. Момол, Куркэгир, Н'урумн'ал

Упкат эвэнкӣл (Момол, Куркэгир) эдӯ бид'эчэл, ганалчӣл гэрбӣлiн бичэтiн. Момочō, Пакачӣ амӣнӣн, эмэчэн Д'уруцэлэ, дāндāви. Момочō асӣви гадан Куркэгирцӣвэ, Момомнӣвэ Куркэгирдӯ бӯрэ. Асāлд'и д'уӷэтчэвкӣл бицкӣтiн. Чолко Момочō ӯд'алӣн н'āнэ эмэчэ, дāндāви. Дāнэн ōдан.

Тэгэ диӷэн Н'урумн'ал бицкӣтiн. Н'урумн'ал Турӯ чāскӣкāн бид'эцкӣтiн. Н'урумн'āл цэлэвкэчиллэ Чолково. Момочō тӯксад'ачāн Куркэгирдулэ, амардукин — Чолко. Нонон Н'урумн'ал Куркэгирилнун кусӣлдiцкӣтiн.

Айарāлдiвӯнавар Н'урумн'алдук д'ӯрвэ асāлвэ гара. Пачакӣ асӣлāрэн гēва, гēва Куркэгирдӯ бӯрэ. Тариптiдук этэд'эцкӣтiн булэнд'эмӣ. Н'урумн'ал тэгэлд'и Куркэгирнун умӯнӯптэ, этэрэ цэлэллэ.

14. Кордо

Городӯ кусӣмэлдӯ, вāлдiсāлдӯ Кордо бичэн. Илан бэйэл бичэн умӯкэн Хэркигир, ге — Саремӣкта, илӣтiн — Кордо. Киран бичэн. Н'урилвар дэктiлэцкӣтiн киранд'и. Хэркигирдӯ сōниц бичэн Гилбэвул. Гилбэвулци бэйэл эрӯпчул бичэтiн. Нуцартiн Ирӣктэдӯ Кāтэнцадӯ бичэтiн. Кордодӯ эчэтiн борӣва киран дэктэннэдукин киранма вāкāйимӣл. Кирандӯ аксалдiра. Тэлӣ эмэсӣнэн Кордо. Хутэлин эдӯ ōда.

15. Куркэгир, Н'ушкāгир

Куркэгир, Н'ушкāгир кусӣлкэкӯттэ, самāнтэйкāкӯр эмэрэ. Дулиндулāвэр бирала Войавдулā Куркэгир эмэрэ. Куркэвиӷит эвэнкӣцид'ӣтiн куривэнтэчэтiн Н'ушкāгир. Куривэнтiн Н'ушкāгир илэсиквэн самāнмэр сэктэвд'энэ тэнӯрэн. Самāнтiн гӯнэн:

— Хатаглат синдӯ илчактад'ам, хата синкэкӯндӯ сигдiлэптӯнтэд'эм.

Тар кусинэрэ. Эмэрэ Куркэвир, Н'ушкāвир. Товоловор илара ичэвултэт. Тар хэмкӣтмэчилкэкӯттэ н'уркāкӯрд'ивэр. Н'ушкāвир илэцмэтiн Куркэвир хэмкӣрэ омкочолӣн. Куривэнтiн Н'ушкавир гиркуллан черкāтчэнэкэкӯн самāнмэр. Н'ушкэвир давдара.

Эрэ бичэн илэлдӯ — н'урилтiн мōлдӯ гōвсилад'аннара.

16. Сэргуцэ Кордуйал

Сэргуцэ ганалчил сбницитин. Лучалва сальчалавэр Сэргуцэ бичэн. Нуцан эсйлэ сагдача. Сагдикакун. Д'алин адикакун. Д'алин тарил дилимнасинэ, бэйэгдикэкур. Сурурэ, д'анкун бинэл Кордуйал. Д'улвар сбницмэн эмэнэ эсйлэ. Мэрд'ивэр цэлутчэрэ — нуцартин бэйд'эл. Сэргэчэ асалватин этэйэчиллэн. Бид'энэрэ, бид'энэрэ, эсй-вэл бирава цегидалй укичэл. Асал тар ичэрэ эсйлэ д'анкунма бэйэл, унталвар лукчара баргйкакунд'и. Асал тар эсйлэ сбницдулавэн цэнэрэ. Сэргэчэ гулувундувви хисйтчаран. Нуцан хулладукви ичэттэн, гунэн:

— Сумучэкэр! Сумучэкэр!

Тар гунэн-дэ хулайи н'ан хичисйнэн гулувунтикйви.

Эмэрэ бэйэл, нуцанмэн хукэлэтчэрйвэ гарначила. Хукэлэд'энэ адагад'ан, эвкйл тимйрэ, век гарнатчара — урувэтчара. Н'урилвэр маналла. Манавуллактин, котолвор д'авара, тутэкэлвэр, бэрилбэр нэрэ. Котолд'ивар туксамалчара, сукэлкэкуттэ нуцанмэн. Туд-дэ эчэл варэ нуцанмэн. Нуцан, Сэргэчэ ганачилва манача бичэ. Вакайэмйл, асалвэн суруврэ. Атиркэнмэ эмэнэ, доцотод'одон. Хуркэкэкун тадУ бисин, гиркулэкан. Туздэ эмэнэ, гунэ:

— Доцотокол!

Эмэрэ дилимнад'арйл. АтиркандУ тадУ иргисэйэн бэйустэ: оллоло, чинкарэ, гбсалва. Асасиниммер н'экэрэ нуцарватин. Асара, боконо нуцарватин. Умукэнтин асй тэвлйд'эрэн д'иктэлвэ. Тар эдййи ичэрэн эдУ, д'улви н'уцниттэн эсйлэ д'элумкэн чацитилдук, эдэн эмэрэ чацитилэ.

Эсйлэ долболтоно нуцартин асилла. Асилд'арактин, нуцарватин тУксамалчакакУтта. Асй тари, улгучэнд'эвкй, сунми мугдэкэндУ кумулэчэд'эрэн. Эдйн тари гарначиллан эсйлэ чацитна, тУксад'апкйва. Асц эдиткйви бацэробран. Чацит пуртакэнд'и асйва учйссэрэн, булчэ бинэ. Асй тарэвэ училэрэн. Манара упкатва тарил.

17. Гилбэвул

Городу Мачаку бичэн, этиркэн Бощачэ бичэн. Айакакун этиркэн бичэн. Тэлй-дэ Гилбэвул бид'эчэн. Гилбэвул нэкУннун аксалдира. Эвйллэ, маутил усйлбнэл. Усйлбнэл микчаллид'анал аксалдира.

Тэлй Эптэкэ биркэ. Нуцан Гилбэвулва гарначиллан н'урйтви. Гилбэвул Хэркйгир адаҳастан. Хэркйгирва манара, Хэркицин умУкэн бдан.

Нуцан Гилбэвул бинэ туксанэн бидибУтки, н'уцунмэ бэйэл гадан.

Геду анцанйдУ мучУран, туксасинан. Сбницма бакаран, оронмэн гарпаран умирйвэ. Гэ синкйтчаран сбницма силатчарйва, Гилбэвулва, гэ йэкэттэн:

— Цй бисинни? Гилбэвул? Урэтчэн бицкйт, усйлэнду уймй.

Гē гунэн:

— Е-е, урэтчэл биңкӣлтı!

«Эктэ гуникӣд'эрэ», — тар гӯнэн-дэ туксахинэн тэҷэлдулэви. Тар бинэ Гилбэвул ахахинан. Асӣлӓн эмэрэн. Асӣлӓн эмэкэйим, гӯнэн:

— Ӣлэ суручэн?

Асӣн гӯнэн:

— Эчим сӓрэ, ӣлэ суручэ биркэ.

Удун бичэн. Д'ӯвӓн муруктэнэрэн, ӯд'айан гэлэктэрэн. Силэгӣмнэвэн ичэрэн, ӯд'асинан. Ӯд'асинан, эмэрэн тэҷэлэви.

Гē ӯд'асинан, исчӓ. Тэҷэлин н'уңн'акӣлва вачӓл. Н'уңн'акӣлва вакӓйим, атırкачӓн гӯнэн:

— Урӣпкэллу-кэ-ңэн!

Гē гӯнэн:

— Этэн эмэрэ! Горо-о! Асӓткӓрвэ гӯкэллу, сипкӣтчэдэтın нуңанмӓн, эмэд'эрӣйэ. Эдэтın д'элӣврэ эмэд'эрӣйэ.

Мэнми ороктодӯ д'айаран, чикиллан. Чикилкӓйим д'эвулӣктэвэтın туксамалчаран. Бэритпи аңаран уркэвэн, тадук гӯнэн:

— Ңӣ бисинни, бэйэ, си-и?

— Би-и! — гē сōниң гӯнэн.

Н'уңн'акӣ ороконмōн д'эвулд'эрэн, илитчана мудӯлчэ.

Тарит гарпаран, Гилбэвул нуңанмӓн хикэндулэн. Гилбэвул манаран д'апкунма бэйэл тар д'ӯдӯ.

Гӣлвэ д'ӯлва манаран. Этırкэчэн н'ӓн бэрилви бд'ачӓн, хэрэкэдӯ д'ӯдӯ. Манакӓйим д'ӯва ичэнэсинэн н'ӓнэ. Этırкэчэн гарпаран, Гилбэвул дабдаран этırкэндӯ. Гилбэвул, аксакӓйим, сōналӓн микчӓнэн. Тари гӯллэн:

— Эрчэкэкӯн бинэ ēва н'экэд'энни?

Гиркӣвэтın гарпаран. Этırкэнмэ тэктэрэн тутэкэтпи. Хэрэкэ д'ӯ тӓлӓ бисин. Этırкэчэн тадӯ бид'эрэн. Тар бинэ экэннэчэн, нуңарватın чēркачиллан:

— Ēкӯндӯ ичэлдиңнэрэ элэкэс, эвӣдэвэр соңод'онол!

Этırкэчэнмэ туксамалчаран Гилбэвул. Этırкэчэнмэ экэннӣтчэрӣвэ варэн Гилбэвул. Тадук местолдулӓ ҷэнӯсинэн, манакӓйим. Тӓлӓ тар бэйэвэ увасина, этırкэчэн вӓнэвӓн, тадук гӯллэ:

— Гирамнадӯ итımкаллу ēкӯна-вэл! Илакаллу тоҷодӯ!

18. Бакад'а Момо

Шамӓн бичэн, шивɛтэйгэчин, аптайва урэмупчэн, мэлкэнд'эпкӣвэ, гэрбӣн Бакад'а. Н'ӓн шамӓн тадӯ бичэн, хэгдикэкӯн шамӓн — этırкэн эчэ улэк бимӣ, тоңнокӯн, бумуд'эрӣйэ айипкӣ.

Д'ӯлтın бичэтın д'урпу. Тımӓннэ дōлдīра унэмэмэ: ēкӯн-мал куңакӓннэчин ун'ад'апкӣ, соңод'опкӣ. Эвэнкӣл упкат дōлдīра соңод'орӣвӓн.

Куңакӓн бинэ соңод'орон, игинмэд'эрэн. Кэтэллэвэ соңод'орон. Шамӓн тар сэвэнчэллэн куңакӓн шоңод'опкӣва шээшэлд'ийи, гӯнэ:

— Эчэ куцакăн бишĕ. Шамăн, куцакăн бинэ, шоцод'орон. Гĕмор од'аран. Нуцанмăн гэлэктэцэт! Ицинмэцэт, кэтэ бинэл! Науна эцэт шуруврэ. Ирэцэлэ шурубд'эн тымăннэ, улгурвэн хоцнадăвэр, ирэцэт!

Ицинмэшинэ шоцод'орĕва. Шамăн и'орăшинан. Эвэнкĕл кэтэ бинэл, амардӳн эмэд'эвкĕл. Эмэрэ, куцакăн шоцод'оно улгунчăд'аран ирэктэдӳ. Шамăн, эмэмĕ, мурӳлэмнин мурӳкэрэн, эвэнкĕцилд'иви упкачĕтти. Икэниллэ тăдӳ, куцакăнмэ дэгидăдӳвэр нэнэл. Этэрэ икэнд'эмĕ. Куцакăнмэ шамăн гаптиннăллан опоцондук. Ирэгэлд'и гаптичиллан. Шамăн шэвэнчэд'энэ ирэцэд'эрэн. Куакăнмэ гадда, д'ӳлăвэр шуруврэ, увашина. Д'ӳдӳар эмкэйэн ора, мова хэгдикэкӳнд'и, Надалладӳ бэйэ одан (*«Вот интересна бичэн» — реплика*). И'ăн сэвэнчэнкĕ одан. Сэвэнчэллэкин, гэрбĕйэн бакара. Бакад'а гэрбин одан.

Бакад'ава иргичĕллэ. Бэйэкэкӳн одан. Унтувӳнмэн ора, гишуйэн, шамăшикйан ора. Нуцан шэвэнчэнкĕ одан, бумуд'эрййэ. Тымăтнэ абгарад'ан, айицăттакин Бакад'а. Нуцан Момо бичэн. Бакад'а горово анцанйл инчэн, эвэнкĕлвэ айицăтчана. И'уцун д'ăр анцанйла йнэн. Бакад'а ашĕлăчăн эвэнкĕмнйва, хутэйэви эчэ ора. (*«Хутэчĕ бишикин, тiкин шамăшэл бимчэл» — реплика*).

Нуцан амăкăнунми шамăннун акшалдiра. Туцэнĕ дулиндӳн акшалдiра, шээшэлдулĕ. Бакад'а ашĕви гӳнэн:

— Амăкăнун шонкăтмăчиллэв шээшэлд'ийн ициндӳ. Шилэйэ улэцнэкэл, тiцэкэндӳ уцкӳкэл, умкэнмэ цэнiэкэл д'ӳдӳви!

Бакад'а алаӳллан ашĕйи, гӳнэн:

— Бирадӳ, д'укэдӳ амăкăнун шонкăтмăчиллэв, гулувӳрэ ăчир! Бакад'а амăкăткив гӳнэн:

— Д'укэдӳ сонкăтмăткăт!

Д'укэвэ эврэ, тăду тэцэтчэдэвэр. Горолто тэцэчĕллэ хэцкэ ид'энэд'ин. Шамашикйлвар тэттэ. Улгучэмэттэ надаллайа. Хэгдимйкӳн иницкӳн одан. Тăдӳ тэцэтчэнэ, Бакад'а д'увэшинĕпкĕ, либгэммĕ. Амăкăйи д'арадăн, д'увэшинĕпкĕ. Иргилдӳтин кощактал кощалбушинĕллэ. Тарил инд'эрйвэтин пиримэткалтин — силбачивӳнтин. Бакад'а туцаллава коцалбуд'ачăн, д'увэд'ичэн. Амăкăв тунцĕдӳви этэрэн кощалбуд'амĕ. Доцотоврон. Бакад'а кощалбуран д'ӳрвэ тiрганĕл, амăкăйи шăдăйи. Тăрε доцоторон. Бакад'а ашĕлăйи эмэрэн эчэ доцотомбтiра. Ашĕви гунэн:

— Ашĕ, дэцилвэр д'ӳктэ мэлкэндэвэр! Эдӳ бид'экни шукум. Дуннэ д'апкалăн, атiркăн, дэгиллэн, мĕралă! Энэ шэлэйэ тэтилдӳйи нэрэ, — алагӳран.

Ашĕн алагӳнавăн омцочĕ, ацава бушэдӳви омцочĕ. Бакад'а ашĕви шурувӳтчэрэн. Ашĕви дуннэлэ бурйрэн, ăчин ора. Бакад'а век мэлкэн очăн.

19. Утишка

Утишка шĕт этiркăн бичэн. И'ăн бакалдiра тэцэнун. Нонон эчэтин булэнд'эрэ, айал бичэтин. Тар тэцэ Утишка матакин бичэн,

йэкӗдивэ хэнкэвэ шӑрӣ. Тӑдӯ Утишка нэкӯнин бичӗн, хуркӑкӗн. Хуркӑкӗн йэкӗдивэ хэнкэвэ шӑрэн. Хуркӑкӗн тари матакилдулӑви нимэ̆гурэн. Тари тэ̆гӗ хуркӑкӗнмэ гӯнэн:

— Йэкӗдивэ хэнкэвэ шӑнни?

— Эчӗв шӑрэ.

Дӑмнэ шӑд'энэ, хуркӑкӗн тар йэкӗлдӯ бичӗн. Тарӗ тэ̆гӗ йэкӗдит хэнкӗт улгучӗмӗтчэвкӣ, Утишкава вӑдӑвэр. Тарӗ хуркӑкӗн д'ӯлӑйи эмэрэн, нимэвд'экӗйим, гӯнэн Утишкаткӣ:

— Тэ̆гӗ митпэ вӑмуд'эрэн. Йэкӗдит хэнкэт улгучӗмӗтчэнэ, вӑмуд'эрэн. «Эллурвэ, вӑмӣ, гадӑвэр, — гунд'эрэ, — инмэкилвэ, ӧмактал, тарилва гадӑвэр. Ороруо гадӑвэр, вӑмӣ». Бэйэлтикӣвэр гӯнэ: «Утишкава вӑдӑвэр хэвгурӗтпэр».

Утишка нэкӯнин гатактакӑкӯн. Утишка хуркӑкӗнмэ гӯнэн:

— Пэктирӗвӯрдӯтин чикӗннӗкэл!

Тиргаран. Утишка нэкӯнми хипкурэн, гӯнэн:

— Харгилдӯ нуңанмӑн пэктирӗннэ амаргӣд'ин.

Тимӑтнэ унэ тэ̆гэрэ. Утишка нэкӯнин тэрӗвэ улэкиттэн, гуннэ, мӧтӣва ашилгави.

— Вӑнӑ̆ӑт, д'эбдӗвэр!

Д'ӯрӣ шурурэ мӧтӣлдулӑ вӑмуд'апкӣнун. Утишка нэкӯнин н'ӧрӑшинан шукшӣнӯн, тари вӑмуд'апкӣ амаргӣд'ин. Утишка нэкӯнин намашинан шукшиллалдӯ, тӯшшэлӗнд'эпки, дуннэлӗ буруд'эн. Гороно тулңурэ. Утишка нэкӯнӣн шуптивуллан. Ӗңэшин абулӣллан. Куңакӑн вӑмуд'апкӣва пэктирӗнэн, урӑрэн — шӗндулӣн пэктирӗнэн. Тари вӑмуд'апкӣ хукэлӗшинэн. Арӯран, хукэлӗшкӗйим. Арӯд'ана гӯнэн:

— «Хӑвун» гӯктэтин!

Туӷи гӯнэкин Утишка нэкӯнин н'умӯрэн. Дилвӑн хэркӗллэн. Хэркэвд'эрӣ вӑмуд'апкӣва пуртатпи училӗрэн. Урӑрэн. Урӑмӣ, вӑмуд'эпкӣ тулңӯшинэн, шуптидӑви. Тулңӯд'энэ, пэктирӗвӯнми гад'апкӣ. Пэктирӗвӯндӯн хуркӑкӗн чикӗнэн — улачӑ. Тулңӯд'энэ амашкӣви пэктирӗнэн, пишкабд'ан. Утишка нэкӯнин д'ӯви даӷамӑллэкин, пэктирӗнэн. Вӑрэн тӑдӯ.

20. Д'эйэрэк

Ганалчӣл биңэшӣтин, Хэвэкӗ чӑгӣдӑдукин шамӑшэл бичӗтин. Хэвэкӗдук эвэшкӣ нимцакӑрвэ шӑллӗ. Шэушилд'и шээнчэд'эрэн, мэлкэн биңэ. Тӗлӣ шамӑшэл д'элум эвэнкӣлвэ д'эвд'эвкӣл бичӗтин, ӧмӣлватин. Ӧмӣн аран-аран ичэвувкӣ, шамӑн ичэ́вкӣ. Нонон булӗшэлвэр ӧмӣлватин д'эбд'эвкӣл бичӗтин.

Чичэкӗ шамӑн бичӗн, тӑдук Д'ээйкӗ — атиркӑн-шамӑн, н'ӑн Д'эйэрэк — Арчамка ашӣн, Апчэда хутӗн. «Арчамка — Пачакӣ хутэн, Кепмадӯ бид'эчӗн».

Упкат этиркэр Д'эйэрэкпэ шачӑтин. Шэвэнчэчӗн, ургэ ӧкӑйим. Куңакӑн хукитэдӯн балдӣлңашин бид'эпкӣ. Тари эвэнкӣл гунд'эрэ Д'эйэрэкпэ:

— Хутэв бумуд'эрэн.

Д'эйэрэк гунд'эрэн:

— Би ӧн дӧчӣ шэвэнчэд'эм?

Эвэнкӣ гунд'эрэн:

— Хутэв буд'эн, эшикиш шэвэнчэд'эрэ. Химāт шэвэнчэкэл! Балдīдалāн этэн алāттэ — буд'эн. Буддэкин, шээшэлд'ийи этэнни боконо. Цēвилвэ истакин, этэнни боконо, этэнни абгарāнэ.

Тэрӣ Д'эйэрэк хивилд'эн, шэвэнчэллэн, дӧчӣ бинэ. Айиначилд'эн шэушэлд'ийи. Шэвэнчэлд'эн, хукитэдукни куцакāнмэ эдīдӯви шээшэлд'ийи нэд'эн. Д'эйэрэк хукитэйи āчин ӧча. Куцакāнмэ «хэ-эк!» гуннэ, эдīдӯйи нэрэн, гашишинан. Эдīвэн ичэшинд'эрэ, дӧчӣ ӧдан. Д'эйэрэк бушшэд'эрӣвэ айиначилд'ан. Бумуд'эрӣ абгарāллан. Этэдэлэн, эдīн дӧчӣ бичэн. Бушшэд'эрӣ тимāннэ айа ӧдан. Гиркукталд'ан унэмэмэ, этэксэ бумуд'эмӣ. Д'эптилэйи д'эвуллэн айат. Д'эйэрэк эцнэкēнмэ локопкӣ, тӧргāйэ локопкӣ.

Арчамкадук, этэд'эмӣ шэвэнчэд'эмӣ, хутэйи гавкӣ. Дӧчӣ ӧвкӣ. Толко Д'эйэрэк балдīмӣ, моцнорӧпкӣ. Хэгдикēкӯр ӧран моцнор — хэцкэйэ эвкӣ тīллэ. Шукупкӣл шэвэшэл. Д'ӯрвэ хутэлвэн портīрэ: ге Н'урик, ге — Хагданчā; д'ӯр моцнор ӧчāл. Тāдук Д'эйэрэк этэрэн д'уҷэлдīд'эмӣ, этэрэн дӧчӣ бимӣ, шэвэнчэд'энэ.

21. Йургини

Ганалчӣл бичēтин. Бэйэ бичēн сӧницӣтин Йургинī. Нуцан эрйēлэ цэнэрэн д'идилдулē биралӣ Йэрэмэлӣ. Чāҷит эсӣлэ тɛрулдīрэ ганачӣлдāвэр, вāлдīлдāвэр. Йургӣни мēнēллэн тɛрудӯви. Эмэллэ чāҷит Ошикир. Нуцан Ошикирнун булēнд'эрэн, ганачӣлдāви. Нэкӯнӣн бисин Йургӣниҷи Лэпкэнчӧ. Тɛрудӯвар эмэллэ. Лэпкэнчӧ эмэвуллэн эсилэ дāлви, кēлēрэн нуцан.

— Минду бэлэнēкэллу!

Ошикир кēлēрэ н'āн дāлвэр, бэлэҷӧнēрэ Хикчицēвэ. Эмэрэ тɛрулāвэр. Йургӣни д'ӯдӯн эмэллэ. Сӧницкāкӯн Йургӣни тāрɛ. Дāллэ. Эсӣлэ тэҷэрэ, гӯллэ. Йургинивэ ханцӯкталла Ошикир:

— Кэ, ēд'āнни, асӣви бӯд'эннн?

Йургӣникēкӯн уҷурēкēкӯндӯ илитчана гунд'эн:

— Бӯд'эм-цу, ēд'ам-цу? Этӧм бӯрэ! Сēксэлвэтин хултэрэ.

Тāдук-тā гарначӣллан Ошикирва. Ошикир нуцанмāн гарнара, бэрвēн пэлпэс дулкакӣнма, сиварӣкāкӯнд'и н'урит. Дулкāкин капургаран. Йургинивэ вāрэ. Нэкӯнин эсӣлэ ганачӣллан нуцарнунтин. Лэпкэнчӧ тари умнӧ гарнаран. Элē н'урилтин бурурэ тигдэҷэчин Лэпкэнчӧ сэллидӯн. Эсӣ-вэл Лэпкэнчӧвэ эрӣллэ:

— Лэпкэнчӧ! Митī дāтэмāткāт!

Лэпкэнчӧ тар туксакāкӯттэн эсӣлэ. Дāлдулӣви цэнэрэн. Тāдук дāлин н'āн гарпатта Лэпкэнчӧвэ. Лэпкэнчӧ йӯрэн, туксаран лупумнэк бэйэлвэ. Бэйэл тар нуцанмāн асанчӯкана, гарпатчанал

нуңанмāн. Тāлāвэр суптівра. Тарйāлā туксасинан век тар Лэпкэнчэ. Асй илитчаран тарйāлā, котово д'авӯчад'аран. Асйлй туксаран тāлйвар. Кототпи тарāвэ сукэдэрэн. Асй тāри н'урилвāн сэллэлӯндукин гасйтчаран, чуптумдāтін. Буруттэ. Лэпкэнчэ тар туксасинан.

Ошикир асāмкāкӯр эмэрэ Лэпкэнчэлэ. Лэпкэнчэ туксачā, хуңтудӯ дуннэдӯ бчā. Дāлдулāн эмэрэ.

— Йлэ Лэпкэнчэ? — ханцӯктара.

— Сучаврав нуңанмāн.

Д'āлдулāвэр нэнӯсинэ. Тэғэмйнэн Лэпкэнчэ акйнми ичэнэсинэн вāнэватін. Сукэчэл Йургинівэ хумтэлд'и. Сукэнэвэтін кукчудӯн хуллан нэмнін н'экэрэн. Нэрэн, хоронйран мэдӯ.

Бисин тāдӯ д'ӯдӯйи дігинмэ тірганйл. Эсй-вэл Лэпкэнчэ акйндулйви бэййсинэн. Ӯд'алйтін нэнэмнэл сурурэн. Дулиндӯ асāлвэ арчаран, д'ӯрвэ. Суруврэн д'ӯлāви, акйндулйн уңнэ; гēва эмэмнэвэн асйлāрэн; гēва д'алдӯви бӯрэн. Тар эсйлэ айарāлдīра Ошикйрнун.

22. Йургині

Н'āн шōниңкāкӯн Йургині бичэн. Н'āн эвэнкйвэ вāчā. Н'āн урйлдīрэ Лоңкоғочин. Тарє булэшэлин д'ӯр бичэл. Йургині эвэнкйлдулй тікӯнд'аран — ашйлāд'эвāн вāчāл.

Урйлдīрэ, матаңилла. Йургині хунāд'ин бишин — хутэн ашй бчā. Йургині хутэви хипкӯрэн, улэкчимэт вāдāвэр. Булэшэлин гатактакāкӯр — шāрэ. Йургині илгэд'эрэн, гунд'эрэң:

— Минэ вāд'аңāтін.

Шониңма шāрэн, хутэви гӯнэн:

— Нуңанмāн эдīмэчикэл! Улэкчишшэғэт, вāдāвэр.

Йургині хунāд'ңин нимэғӯллэн омолгйлдулэ. Бэйэвэ эдīмэчиллэн. Илмакта бэйэ д'āлдāрэн ашйлāдāви. Ашйлāмуллэн. Этэрэн цэлӯтчэми, гӯннэ:

— Ашйлāд'эм.

Горо улэкчибд'энэ дōғйдā алабд'аран. Тар илмакта бэйэ ашйлāрэн. Ашййи д'ӯлā хаңйран. Ашй тар д'ӯлāйи эдīйэви эмэврэн. Йургині хипкучэ хутэйи.

Тірга тілэмэчйллэ эдīнунми. Йургині ororви оношлōвкōнэн, тілэмэчйлллэкин. Илмактал бичэтін д'ӯрвй. Гēва гӯнэн:

— Оноштовōт д'ӯктэ, вāдāйи гēва!

Тари ашйлāд'эпкй эчэ мэдӯчэрэ, эчэ цэлӯтчэрэ, почем знат, гиркй вад'эн. Йургині ашйн д'ӯдукпи хутэлви йӯвӯттэн тулйшкй. Хунāд'иңйтін тілэмэтчэвкй. Йургині хутэн хуйукӯкэн. Тарє хунāт гӯнэн куңакāнмэ:

— Ororво ичэнэкэл!

Йургині ашйн гӯнэн:

— Ororво горово оношинан! Ēкӯн эрбэн оношинан?

Йургини ашӣн д'ӯдукви йӯрэн. Йургини онод'оцӧдук тукшамалчачӑ д'ӯви, тілэмӧтчӧлтикӣ, вӑдӑйи. Йургини ашӣн хутэйи тулӣлӧ гулӧкӧнэн:

— Н'амӑсэл эмэчӧл. Ширилд'ацӑт! Ёва тэгэтчэнни?

Ӧдӯ хунӑт дилви тілӑд'эмнин, лэпэр ӧран тулӣски. Бэйэ хэцӯрэн, ашӣви кормедукин д'аваран. Йургини уркэдӯви тэгэтчэчэн, тулӣлӧ тігӣтчэчӧн. Хутэви кормеван пуртатни хӧгран. Таркӑкӯн бэйэвэ бэйучӣллэн д'ӯдӯви. Бэйэ тари н'урилвӧн тэвэнӣллэн. Йургини тар бэйэвэ д'ӯдӯ вӑрэн. Туґи улӧкчимэт вӑрэн.

23. Нургӧвул, чацитіл

Бичӑн бэйэ Нургэвул, бичӑтін д'ӯр асӑлин, хутэлин-бэйэл д'апкун бичӧтін. Долбо нуцандулӑн эмэрэ чацитіл, д'ӯвӑн мурӧлӣ эрэлӣснэ, тӑдук бэрилд'ивэр мэдэвкӑчиллэ, Нургэвул йӯдӑн. Тар хутэлин йӯвӧчиллэ. Чацитіл нуцарватін упкатватін вӑрэ. Чацитіл, вӑксӑл, гумӧчӣллэ:

— Мӣт Нургэвулвэ вӑрэн.

Умӯкэн чацит гӯнэн:

— Вӑрэп-кӯ, ӧрап-кӯ; би ичэчӧв эрйӧкэклӑ н'уриктэтви нӑлбэрӧчӑн нуцанмама.

Тӑдук таґна хутэлвӑн, элэ нуцартін д'апкун, амӣнтін туксачӑ. Тар чацитіл соцолло.

Тар Нургэвул д'алви бакаран, тӑдук чацитілва цэнчэсӣнэн. Бакара аґидӯ оронмотін, тэпутсэ, нуцанмӑн д'эвдӧвэр. Тар оронми бэйэ онод'оно, ичэрэн Нургэвулва. Тӑдук д'ӯлӑви туксӑнэн. Д'ӯлӑви эмэксӧ, улгучӧллӧн:

— Чацитілва ичэчӧ бисим. Нургэвулмэмэ чӑскӑкӣ н'уриктэтви н'албулӑд'ачӑн.

Бэйэл итігалла нуцарватін тігичӣлдӑвэр. Тар бэйэ гӯнэн:

— Би горокӧкӯндӯ ичэчӧв, этӑрэ амакӑн эмэрэ. Мит эсйткӧн д'эпилгӧт!

Бэйэл тар нуцанмӑн тэд'ӑрэ, д'эпиллэ умӯкэндӯ д'ӯду. Д'эпилчӧлӧтін чацитіл эмэнчэрэ. Д'эпчэрйлвэ нэмкичӣллэ. Тар упкатва вӑрэ.

Нургэвул тӑдук эмӯкин сурурэн. Тар диґин д'ӑр бэйэл нуцанмӑн бакара д'олоґдӯ ӑд'эрйва. Упкат итілӑрэ бэрилвэр, тӑдук гӯнэ:

— Тэд'ӧввӑт, цӑлумэ!

Туґи гунэктін-нун, Нургэвул илмалчаран. Эчӧл ичэмӧттэ д'олоґдулӣ туксад'арйва. Нэмкичӣллэ, туґи-дӧ албара. Тар самӑсэлд'и нуцанмӑн гэлӧктэллэ, нуцанмӑн бирадӯ бакара. Тар бэйэлвэ уцнэ, вӑнӑдӑтін. Бэйэл эмэрэ, ичэрэ — д'олоґ упкачин йакйвчӑ; хэйэсэлнун кусид'ӑкин, нуцан бучӧ. Тар эмэврэ бучӑвэ д'ӯлӑ. Бэйэл гӯнэ:

— Тэлгэткэллу нуцанмӑн? Ичэвӧт авади бинэ таргачин сӧ бичӧн.

Тāдук нуңанмāн тэлгэттэ, нунанңилин бичēтін д'ӯр сэлэмэлин. тадук улэрэ, каландутін эчē таңилкāнэмāттэ.

24. Олувул, Нургēвул

Нонопті хōниң Олувул, Нургэвул биңкӣн. Олувул бичēн ēдӯ, Нургэвул — Лимтідӯ. Гарпатмāтчэнэл, н'урилвэ д'аваңкӣтін.

Олувул, нонопті хулиңэл биңэсӣтін, бид'эчēн. Олувул кэтэвэ бэйэлвэ вāчā. Нуңанмāн кэтэрē д'аваңкӣтін, Олувул д'ӯлāви туксактацкӣн. Олувул ӯд'алӣтін бэйэлвэ асаңкӣн. Олувул атіркāнин. Тарāвэ нулгивкēнэн н'урйа āчӣнд'и. Нулгихичē. Бэйэл Олувулва вāмучāл. Нулгихинэ; урэвэ хоролихинэ, мучуксāл. Энӣнтін эрӣрэн:

— Йкэл д'ӯлāв!

Этіркēн йрэн. Омолгӣлин илан. Хутэл гӯнэ:

— Амāкā эмэрэн. Ороно тэпукэллу!

Умӯкāн омолгӣ лэпурōран, оронмо тэпурэн. Энӣнтін этіркēндӯ орон уллэвēн бӯрэн. Олувул гӯнэн:

— Ēдā цēлэрэс минд'и?

Айӯвуксā, гӯнэн:

— Мōлайи оҷолӣктэ!

Омолгӣлин гӯнэ:

— Кэ!

Олувул хōгд'аран. Омолгӣ, эллунмэ михиниксē, илкэрэн бэркēнмэ, Олувулва вāдāвэр. Хухӣллалва итігāра, гарпадāвэр итігāра. Дулуҷӯ омолгӣн гунд'эрэн:

— Би нāвкāнд'эм, ōннāкэ.

— Кэ!

Омолгӣ гарпаран хукитэлӣн, эчē нāрэ. Олувул хоктолӣ туксахинан. Омолгӣл тундралā йчэл, ичэд'эрэ — Олувул мōтігачӣн тӯксад'аран. Боконӣлла, Олувулва хоролӣхина. Олувул тэгэрэн, гӯнэн:

— Омолгил, би хундулē айат эмэчэм. Миңцивэ тірганӣңмам хокорилӣллас. Ēва гарпамус, гарпакаллу!

Омолгӣл хикэмēдӯн гарпара. Эчēл вāрэ. Нуңан гӯнэн:

— Омолгӣл пустикаллу атіркāнмэ миндулē.

Пустирэ. Олувул гӯнэн:

— Гарпалватін хикēндукив урӣкэл. Миңцивэ н'урвэ хаңахилдулӣв аркидāйи!

Гуннэлӣн ōран. Тēлӣ мэкчэрэчē. Мэкчэрэкин, иланӣва гарпавӯрватін омолгӣлдӯ бӯрэн амаскӣ, «ōм», гӯнэ.

— Эн'ēкē, экэл цēлэттэ, хинэ этēрэв вāрэ.

Атіркāн омолгӣлдулā хурурэн, дэткēртікӣ. Нуңарнунтін нэлкинӣвэ, д'уганӣва-дā гиркуран. Йдӯ-вал ибд'эрилин бичēтін. Тāдук тарилдулā эмукин хурурэн. Омолгӣл — Лимтілē. Хэгді дэт бид'эрэн. Тариптідук тар дэтвэ Олувул дэтін гунӣвкӣл, биракāн Дэткēн дэрэндӯн.

25. Ӯрӕн

Этіркӕн бичӕ. Хутӕн бичӕ ахӕчӥ. Хутӕн балдӥмакта бичӕ. Тар этіркӕн хутӕн ганалчӥлтикӥ хуручӕ. Тӑдӯ вӑчӑл тар бӕйӕ хутӕвӕн. Хӧцитін Ӯрӕн вӑчӑ. Ахӕвӑн гӕннӕчӕ ахӕйави. Этіркӕн тар д'айастӑ хутӕви калан хӕргӥдӕлӥн. Ӯрӕн эмӕчӕ, ахӕва гачӑ. Хутӕйӕн албачӑ гӕлӕктӕд'ӕмӥ. Этіркӕн гӯлчӕ:

— Ӑшєн хутӕйӕ.

Тар хурувчӕ ахӕвӑн. Тар этіркӕн хутӕйи алаҷӯлчӑ, ганашӥлдан, вӑшилдӑн ганалчӥлва. Татілчӑ тариҷмӥ, гӯлчӕ:

— Хурукӕл энӥнми гӕлнӕскӕл!

Тариҷӥн гӕннӕхичӕ. Эрудіҷӥлви тӕтігӕлви тӕтчӕ, айадіҷӥлви тӕтігӕлви, бӕримӥкӕкӯрви мӕннунми гачӑ. Хуручӕ.

Эмӕчӕ, д'ӯлӑ ӥчӕ, энӥнми д'ӯтӑд'арӥлӑн. Кӕтӕ д'ӯл бичӕл тӑдӯ, ганалчӥкӑкӯр. Ӯрӕн гӯчӕ:

— Чайиҷнӑкал!

Чайник хуйӯлдӕлӕн эвӥлчӕл хутӕлнунтін. Эвӥлчӕ, ганаткӑчӥлчӑ. Ирӕктэкӕшӕнмӕ маначӑ дуҷӕдукин тӕҷӕрдулӕн. Гӥл куҷакӑр эшӥл нӑвкӑнӕ. Н'ӑн д'ӯлӑйи исшӑ. Тӑдӯк чӑтілчӑ. Чӑтід'ана остол хӕргӥдӕлӥн микчахичӑ, гӯнӕ:

— Ӕр-гу бид'ӕнни, амӥнмав вӑд'ӕвкӥ?

Ӯрӕн пуртатпи нӧдӑнчанчӑ. Тар адаҷапчӑ. Тӑдук ахачӑл нуҷанмӑн, ганатчанал, ганатчанал. Тар тӕтіҷӕлви исчӑ. Ганатчӑ, Ӯрӕнмӕ вӑтчӑ. Ӯрӕнмӕ вӑкӑйӥм, энӥнми хурупчӕ. Тар амӑкӑлӑйи ихипчӑ. Искӑним, гӯнӕн:

— Ӕр ӗкӯн гиркуд'авкӥ?

Амӑкӑн гӯнӕн:

— Экӕл туҷ гӯнӕ!

Тар гӯнэкин, тар куҷакӑн гӯчӕ:

— Би ӕчӕв нуҷардуктін ҷӧлӕллӕ.

Тадук хомӧтіва бакачӑ. Хормєтви торогод'оно ахакталчӑ. Тариҷӥн кахитчӑ калтакӑвӑн олдонмӧн. Тар куҷакӑн тар олдонми ичӕчӕ. Йчэкӕйим, хомӧтіҷми хӧцйсчӑ. Калтакӑвӑн халганмӑн хӧцйсчӑ. Тар хомӧтіҷин бучӕ. Тар куҷакӑн амӑкӑлӑйи мучӯхичӑ, калтакӑ ӑчин бинӕ. Тар амӑкӑн ичэчйлчэ тар куҷакӑнмӕ. Тар куҷакӑн д'ӯр мӕвачӥ бичӕ. Тар куҷакӑн мӕварин иҷукӑкӯр бичӕтін д'ӯрӥ. Амӑкӑн аййчйлчӑ, нимҷанд'ана. Тариҷин айчӑ, Тар куҷакӑн амӑкӑйи, айдакин, н'ӑн хуручӕ. Тар ҷэнэд'ӕчӕн. д'ӯр мӧтілва хойдулӥ діҷнйлӕнд'ӕрйлвӕ ичэчӕ. Тариҷйлви ахахичӑ. Ахад'ана, гӕва вӑчӑ. Вӑкӑним, амӑкӑлӑйи ирӯхинчӑ. Амӑкӑн гулчӕ: «Хӧмайу бихинді!».

26. Ӯрӕн, Уцкӕвул

Ӯрӕн бичӕн, бӕйӕ хӧниҷ бичӕн. Гарпавкӥл нуҷанмӑн — эвкӥл вӑрӕ. Адаавкӥ, гарпарактін. Нуҷан бӕйӕлбӕ вӑвкӥ, нуҷанмӑн эвкӥл. Урӕн туҷи гӯнӕн:

— Бэйэ хōниң Уңкэвул бихин, би нуңандулāн хуруд'эм — гӯнэн.

Урēн хурурэн Уңкэвулдулэ, илалдалӣ истан, Уңкэвул д'ӯлāн истан. Ӣрэн. Уңкэвул, ичэмӣ, гӯнэн:

— Ēкӯма бэйэ бихиндı?

— Би бэйэ бихим — Урēн.

— Е-е, — гунэн, — хō бэйэ бихиндı. Ēдан-ка хагдачāлāв эмэндı? Илмакта биңэхӣв, эвӣмчэлтı. Ēдā эчэс эмэрэ, илмакта биңэхӣв?

Уңкэвул ңоним н'уриктэлви игдıд'эрэн. Урēн эдӯвэр аксаран, Уңкэвулдук аксаран. Аксакāним, Уңкэвулвэ игдıд'эрӣвэ гарпаран. Уңкэвул эчэ успеййа н'урви гамӣ, адаҕаран. Ӯрēн урāрэн, эчэ вāрэ. Адаҕакāним, тулискӣ йӯрэн. Тулӣлэ Ӯрēн ахаран, ганачӣлдан, Уңкэвул адагӯлдан. Албад'авкӣ гарпатчамӣ. Эргэчӣндӯ хāмэй мōдӯ учихинмӯрэн н'уриктэн, тāдӯвар таҕавран. Тāдӯ Ӯрēн нуңанмāн вāрэн. Уңкэвул гӯнэн:

— Ирэктэкēндук таҕавум, тāдук вāндı.

Ӯрēн амаскӣйи д'ӯлāйи хурурэн, хōматтīва вāкāним. Уңкэвул д'алин тıлдэ, Уңкэвул вāнэвāн. Д'ӯр бэйэ гӯнэ.

— Кэ, Ӯрēнмэ вāнаҕāт!

— Э-э, — гунэ д'алтın, — Ӯрēнмэ этēс вāрэ — хō бэйэ.

— Э-э! — гунэ, — хаҕмāнмэр нимңāнмукāд'аңāт!

Хамāн нимңāнан. Нимңāкāним, гӯнэн:

— Хуруд'эп иланӣ. Д'ӯн эвгӣдэдӯн āнңэтчэңāт. Тımāтнэ унэ гēҕи мō дуҕэдӯн дōд'аңан, эрэ гēҕива вад'аңāхун. Вāмӣ, урэлдулэ хурукэлду. Эмӣ вāрэ, экэлдэ хурурэ. Тари майӣнєн.

Тар хурурэ. Урэ эвгӣдэдӯн гēҕи дōран. Хуракивāн гарпакāйим, капура. Ӯрēн д'ӯлāн баргӣлā бирайава сурурэ.

Тımāтнэ унэмэмэ мӯңтэн бичēн. Бэрилд'ивэр ийэтēнэл, дāҕихинэ. Дāгрэ. Эрӣлвэ Урēн ичэттэн, гӯнэн:

— Бэйур илан дāгрэ. Эхӣкēкēн мӯңтэн āчин ōдакин, хуруд'эм.

Бэйэңми гӯнэн:

— Гиркӣ, мӯлēкэл!

Мӯлēд'энэ, тар иланма бэйэвэ бирадӯ бакаран, дıкēнчэд'эрӣвэ. Эри бэйэвэ д'авара. «Экэл улгучēнэ», — гӯнэ. Тар бэйэ эмэрэн, мӯвэ эмэмнэ. Тар Ӯрēн гӯнэн:

— Ēдā-кэ хэкчēс, эрупчӯ ōран?

Тар бэйэ гӯнэн:

— Хукитэв энӯд'эрэн.

Тар Ӯрēн тулӣлэ д'эвулдэн. Д'эвд'эрӣвэ тар бэйэл, н'урмакāним, гарпара. Ӯрēн адаҕаран. Адаакāним, мэнңиви бэйэви эчē бакара. Хуңтувэ хамāнмэ бакаран. Гунд'энэ: «Эр амңатпи д'эвд'эркэс!», — гарпаран. Амңан дōлӣн гарпаран. Хамāн буддэн. Гарпадāви н'экэллэн, бэрин капургаран. Тāдук туксахӣнан цēлэлдэн, бэрйэ āчин ōмӣ. Туксахӣнакин, д'ӯр бэйэ ахахина. Ахад'ана, пуртатпи амаскӣви нōдāпчаран. Гē бэйэ ахахинан.

Ӯрэн туксад'ана, бирайāлā, моцоктулā тургаран. Нэцирйвэ такэнмэ туктīрэн, бирайа д'апкадӯн микчāнд'энэ, лэвэрэн. Хамāндӯн мэнд'идӯн гарпаран. Ӯрэндулэ тар бэйэл дāгрэ. Ӯрэн, дāгрэктын, гӯнэн:

— Этэс вāрэ бид'эрйвэв. Ёхалвав далдāкэлдэ!

Далда. Далдакāним, вāрэ нуцанмāн. Ӯрэн буддэн. Мэнмэн тэлгэттэ — д'ӯр мēванин. Умāнмāн чара, халганмāн ēрӯктара. Умāнин йэпу, эчэ нупшай бихи. Амаскī хурурэ, амīндулāн. Этиркэн бид'эрэн, бэйэткэнмэ каланд'и дастан. Амīнтикйн гӯнэ:

— Эркэн-дэ бэйцэвэ вāрэв. Ӯрэнмэ вāнāрэв. Ӯмāнмāн ēрӯктарав — йэпу.

— Э, — амīнин тāгрэн тāдӯ. — Э, кэтэлбэ тэ̣рэлбэ иргйтчэнкин, бултāд'энэ, тарит йэпӯллэн.

Тар хурурэ тарил бэйэл д'ӯлāвэр амаскī. Тāдук гӯнэ амīнтикйн:

— Д'улэскī мундулэ эмэцнэтиц! Бу илкэнд'эцэвун дундэвэ. Тарā ӯд'анал, эмэд'эцэтин.

Хуручэлэтин, Ӯрэн амīнйн хутэвэн иргичйлдэн. Тари Ӯрэн хутэн бултавкī ōдан. Амāкāн хутэви татигāтчана, лукилд'и мукутилд'и гарпачйвкī, хутэн адаҷавувкī. Адаҷан ōдан. Ōлгāмнэ гарпавкī, тар адаҷавкī. Хутэн тар хувулви эвивкī, Ӯрэн эвид'экилдулī.

— Элэлī, амīнми урэд'эрэн, малɛнкэ ессэ луче, — гунд'эрэн: — Āмīндукви хэлэкэ.

Хутэн умнэ гӯнэн:

— Би ēдук балдīчāв?

Амāкā гӯнэн:

— Миндук балдīчāс!

Хутэн гӯнэн:

— Ōн-ка хиндук балдīчāв? Хи хагди хō! Эр-кэ хоктолī ӯд'алдулī илкэхэл бивкйл. Эр ēкӯр н'экэчэтин?

Амйкāн гӯнэн:

— Минцил илмакта бицэхйви н'экэпэлби.

Тар хутэн эчэ тэд'эрэ:

— Имэкир бивкйл! Хи миндӯ улгучэкэл!

Тар улгучэнэн амāкāн:

Амīнмас вāчāтин, энйнмэс хурувчэтин бэйэл.

Тāдук гӯнэн:

— О-о! Би нуцардулāтин хуруктэ!

Хутэн хурумуллакин, амāкāн гӯнэн:

— Экэл хурурэ — кэтэ бэйэл, диҷин д'ār.

Хурурэн тар куцакāн, амāкāн албаран эмэпмукэнд'эмī. Туҷ-дэ хурурэн.

— Хутэ-бэйэ, — гӯнэн, — дундэ дулиндӯн тавин бид'эрэн. Тāдӯ н'урилайи, бэрилэйи ōвкākэл! Хэлэдийэйи ōвкākэл!

Хурурэн тар куцакāн тавинма истан.

— Кэ, амāкā, д'эвдэс, бултакта! Си н'урилэв ōкал!

Тар тавиӈ гӯнэн:

— Кэтэ — диӷин д'ӑр бэйэл бид'эрэ. Тарил бэйэлбэ таӈна экэл!

Диӷин д'ӑрвэ н'урвэ ӧран, этэрэн. Тар хурурэн омолгӣ. Истан д'ӯлӑ — кэтэкэкӯн — диӷин д'ӑр д'ӯл бид'эрэ. Н'урилби д'айаран тӑлӑ. Укэӈ удурӯдукин н'урйави ӧран, бэрйэви эрӯпчувэ ӧран. Мэнӈиви д'айаран. Тӑдук д'ӯлдулӑ хурурэн. Тӑдӯ умӯкэн д'ӯ бихин, айапчумама, хэгдымэмэ. Тарӑ уркэлэн истан. Уркэдӯ бэрви нэрэн, мэнин йрэн. Йрэкин, умӯн ахӣ бид'эрэн. Эр ахӣ д'экэнчэрэн, йрэкин. Тэӷэрэн. Тэӷэтчэрэн, баргӣдӑдӯн кэтэ бэйэл турэтчэрэ. Тулйскӣ йӯнэ, ичэттэн. Ичэттэкин, умӯкэн бэйэ эвэскӣ д'аврӑхинан. Дӑӷихинйксӑ, д'апкалӑн эмэрэн. Д'ӯлӑви эмэксэ, бэрвэн ичэрэн.

— Эбэй! Ёкӯн бэйэн эмэрэн? Эбэй! — эри бэрилвэн ичэкэйим, гӯнэн.

Тӑдук йрэн д'ӯлӑн, малудӯ, баргӣдӑдӯн тэӷэтчэрэн куӈакӑн. Тар куӈакӑнмэ гӯнэн:

— Йдук гиркуд'анни?

— Би, — гӯнэн: — аӈад'акан бихим.

— Ёва д'эбд'эндi? Д'эбдэн, эӈнэкэн халгакӑнмӑн гэннэкэл!

Халгакӑнмӑн куӈакӑн гэннэрэн, хэӈн'эвэ, нимдэвэ эмэврэн. Тарӑвэ тоӷодӯ хиларан, ирйлдэн. Куӈакӑн пуртайа ачин халгандӯ бичэн. Тари бэйэ ханӈӯктаран:

— Ёкӯси? Пуртаси?

— Ачин, — куӈакӑн гӯнэн.

Тар бэйэ луктуттан ӈонимма пуртава, гӯнэн:

— Эр пуртат д'эвкэл!

Улдэ ирчӑ очӑ. Нимдэ эрӯпчу. Нимдэвэ михинэн, тариӈит хэкупчут ёхадун нодӑнчаран. Тари бэйэ нӑвкӑнэн ёхадӯн. Тар куӈакӑнмэ тар бэйэ пуртат гидалӑмӣ н'экэрэн. Куӈакӑн адаӷаран. Туксанан. Туксанакин, тар бэйэткэн тэпкэлдэн д'алби:

— Бэйэл эмэвсэл бихин!

Эмэрэ, куӈакӑнмэ ичэрэ. Эртикӣ дундэткӣ эмэд'эрэн, н'урилби ӈалйд'ана. Тар куӈакӑнмэ хувулйтин диӷин д'ӑр бэйэл ганачилда. Нуӈан бэритпи адагӯд'ана, н'урилбатин иктуд'апкӣ. Тари куӈакӑн ганачилдан. Д'ӑн н'урба тӣнэн — д'ӑн бэйэ бувкӣ. Дигрэ гарпаран, упкатпар вӑрэн. Умӯкэнмэ хуларэн, хомава бэйэвэ. Тар куӈакӑн мэндулэви эмэрэн. Эмэкэним, гӯнэн:

— Д'уктэмэ эвиӷэт! Хи тӑдӯ бид'эндi, эдӯ ирэксэмэчиндӯ — би.

Тӑдук ганачилдан. Хэлэмэвэ имэндэлвэн ганаттан — тилкэнэн.

— Эриксэмэпуйэв хулакал! Экэл вӑрэ! — гӯнэн.

Тар куӈакӑн эчэ вӑрэ, энйнми хуруврэн, нулгихинэн д'ӯлӑви.

Тар куӈакӑн луӷу илалдава этэйэттэн, илалдали эмэрэн. Туӷ н'экэд'энэ, илйдӯтин тиргайдӯ бэйумйрэн. Эрэ хурурэкин, амардӯн эмэрэн.

Куӈакӑн тар долбо хактирӑдӯ эмэрэн. Эмэрэкин, энйнин уркэви аӈаран. Д'эвулдэкин, гарпаран. Тар куӈакӑн адаӷаран.

Эчӕ вӑрэ. Тар куцакӑн илдан. Н'урилвӑн туксанчана д'аваран тӑдук гӳнэн;

— Эр тирганйдук хэлэд'эм, — гунд'энэ, — бн-дэ? — тари бэйэ туксахинан, тӑдук куцакӑн ахахинан.

Боконон нуцанмӑн, хогдондолйн гарпаран. Тар бэйэ буддэн. Тар куцакӑн нулгихинэн. Амӑкӑйн иштан. Иштакин, амӑкӑн гӳнэн:

— Хӗ-дӑ бэйэ бихинди! Ӳрэнцэчин бэйэ бихинди! — н'ӑн гӳнэн: Умӳкэйэ дундэ ойодӳн н'эливсинчу! Эцнэкэл бэйустэ нуцарватін.

Тар хуркэкэн думайхилдан. «Ева н'экэд'эцэн?», — думайдан. Тари гунэн хуркэкэн:

— Би бира д'апкадӳн мачӑлэвэ ичэчэв, урэрйвэ экӳнма-вал. Эцэн-мэл бид'эрэ, бид'эцэн-мэл?

Тар хуркэкэн бирава ичэрэн. Бира д'апкадӳн эмэд'эрйвэ коцномово. Тарицми тігичйлдэн. Эмэрэкин, хунми луккӑним, тэрэгэлдэн. Амӑкӑ нуцанмӑн охиттан. «Би нуцандукин ада-гад'анӑв», — гӳнэн. Тар эптілэн энӳрэн. Ичэчэ — эптэн ичэвӳлчэн. Тар н'ӗмат д'ӳлӑви туксахинча. Д'ӳйи искӑйим, илара хоролихинан, тӑдук буддэн мэнин.

Ӳрэнмэ кэтэ эвэнкйл улгучэнивкйл. Улгурйлтін хуцтумэкэр.

27. Ганалчйл

Бэйэл ганалчйнӑчӑл. Хуцтул бэйэл ахӑлтін бичэл д'ӳрй. Ахӑл д'айачӑл бэйэцйлвэр, гӳчэл: «Эртікй хуручэл бэйэл тарил!» Д'авватін хацатчӑл. Ӑмут баргйскйн нуцнйчэл, гунд'энэл: «Хуручэл». Эмэд'эрйл гӳчэл: «Тарилва вад'иӄат!». Д'аврӑхичӑл, ӑмут дулиндӳн эйэчэл. Бучэл. Бэйэцйлвэр гӳчэл, д'айачӑлвэ: «Тэгэкэллу! Бутчэл».

28. Дігэр

Дігэрдӳ эрӳпчул илэл бичэтін. Мелелел бичэтін. Д'авад'ара маутіт мелелейэ, тӑдук инд'эрййэ хигд'эрэ ойокэкэнмэ. Ирэксэрйктэвэн гад'ара. Тара тінд'эрэ, бэйунмэ н'арбакинма. Н'арбакин бэйун хуктілд'эн, тарил ин'элд'эрэ. Туг н'экэкэйэмйл, кэтэкэкӳнмэ бэйурвэ вад'эрэ. Цинакиртін бисй, бургувкил. Цинакирва тэпутчэрэ нуцартін, гунд'энэл: «Иркицилвэр д'эвуллэн». Тӑдукинин оллойо хинатчачӑтін, Вад'эрэ оллойо тар д'эвулд'эрэ инд'эрйвэ. Д'эпкэйимйл, нуцартін сиӄиндулй усиндэд'эрэ, гунд'энэл: «Оллойо, олло эд'акал!». Гедӳ анцанйдӳ хиннатчара. Оллол силавлӑн бинэл, эмэд'эн сиӄиндулэтін, хиннаватін эвкйл д'авад'ара. Тӑдукинин гиркуливкил бэйунэвэлимйл. Бэйун бинэ н'ӑн хуктілд'эн, н'арбакин бинэ. Тӑдукинин тар тэгэ манавран. Тар тэгэ Дігудӳ Кӑтанцӑдӳ бид'эцкин.

29. Эӷинкэгир, Мэкэгир

Умӯн бирадӯ бичэл Эӷинкэӷирил. Тар бид'эрэктин эмэчэл сома баран Мэкэгирил. Тар эмэксэл, урйнчэл, урйнчэл д'улгйдэдӯтин. Тадук умӯн этиркэчэнмэ уӈйлчэл Эӷинкэӷирилдулэ, гунчэл:

— Нонон сӯ д'алгалисун бӯ д'албун кусичэл бичэл. Тар кусйксэл, титэчэл бичэл умӯн асйва. Тар титэнэлйвэр асйлй буд'иӈэсун-нӯ, этэрэс-кӯ асййа? Мэдэвкэллу мундӯ! — гунчэл Мэкэгирил.

Тадӯ гунчэл Эӷинкэӷирил:

— Бӯ эсйв сад'ара окйптива, сӯ гунэс мунтикй, бид'иӈэн.

Тадӯ этиркэн гунчэ:

— Мэкэӷиӈи сома горо одан, тарйлдулй би куӈакан бичэв, тэлй тар гусиӈэсйтин.

Тадӯ гунчэл Эӷинкэӷирил:

— Сӯ окйптива д'ончад'арас, бид'иӈэн гороптилва. Бӯ эчйв сад'ара тарилба.

Тадӯ гунчэл Мэкэӷирил:

— Сӯ эчэлйсун сара, бӯ сарав!

Тадук гунчэл Мэкэӷирил:

— Ёмй-дэ, гад'иӈавун асйва! Бӯрэксун-нӯ, эсиксун-ну!

Тадӯ Эӷинкэӷирил гунчэл:

— Этэрэв бӯрэ асйва! Кусйксэл, кэймй, ваксал мунэвэ, гад'иӈасун!

Тадӯ Мэкэӷирил гунчэл:

— Кусиӷэт тимйвти инэӈидӯ! Ёмй-дэ, сӯ-ӷӯ, бӯ-ӷӯ кэйд'иӈат!

Тадӯ Эӷинкэӷирил гунчэл:

— Кэ, кусиӷэт багар! Бӯ-дэ эсив ӈэлэрэ, мундӯ-дэ бид'эрэ айал бэйэл, эӈэсйл!

Тадук тар долбонйдӯ Эӷинкэӷирил бэйэтикйн алаӈалбар очал бичэл. Тадук тимйнин, тэӷэксэл, курева очал бичэл, тар курєва лупурэгэр гарпуматтавэр н'урит.

Тадук кусйллйдӯвэр гӯмэтчэл бичэл:

— Ӈй кейча, этэн сулад'ара ӈйвэ-дэ; сӯ-дэ, кэймй, эдэвэр сулара, бӯ-дэ, кэймй, этэрэв сулара! — гунчэл Мэкэӷирил.

Тадук кусйлчэл бичэл. Эӷинкэӷирилдӯ д'ӯр сома сониӈил бичэл. Тар гэ бэйэ бичэ аӈад'акан, атиркан омолгйн. Тар атиркан нонон Мэкэӷирилдук кусйксэл титэнэтин бичэ, Эӷинкэӷирил. Тадук балдича бичэ эр омолгй. Тар кусйрэктин, атиркан гунчэ омолгйткйви:

— Экэл кусйд'эрэ. Си санни-дэ — тар си д'алли Мэкэӷирил!

Тар кусид'энэл Мэкэгирилбэ вачэл бичэл, сома баран бэйэвэ. Тадӯ гунчэ атиркан омолгйн, этэкэнчэксэ, доктомййа Мэкэӷирилбэ:

— Кэ, — гунчэ, Эӷинкэӷирил сониӈитин.

Тадук этэкэнчэчэл курєва, д'ӯртин бинэл уӷийэлй курєва. Атиркан омолгйн тар тикчэнэ, гунчэ:

— Би сунци бисим! Экэллу вад'ара!
Мэкэ̆ирил гунчэл:
— Митнй гет эмэрэн. Экэллу вара нуцанман!
— Тавар атиркан омолгйи, — гунчэ этиркэи Мэкэ̆ирци.
Мэкэ̆ирил гунэ:
— Гева вӑат!
Сома баран угчучэл гела бэйэлэ. Тар бэйэвэ д'авачал иникинд'и, нуцанман усит эркэчэл бичэл. Тадук курева аййксал, эмэчэл Эринкэ̆ирилдулэ. Тар эмэксэл, вачал бичэл унал Эринкэ̆ирилбэ. Тар умуи асива титэнэлитин сома баран бэйэвэ вачал. Мэкэ̆ирил бичэл буруйа ачир.

30. Валдикит

Бичатин д'ур акунасал бэйэл. Гэ бичан иничэн. Тэлй бичан нэлкинй. Нуцартин д'удувар бид'эрэ. Д'эпчэнэл, мэдэрэ туцулирва, суґсинусал эмэд'эрйлвэ. Тар бэйэцил н'урилтин тулйлэ бичатин. Тар эмэрэ н'урилдулатин, гара н'урилватин, сурувэ. Тар бэйэл гунэ:
— Бурэп-да эсйлэ.
Тар сагдавў мундакачйллан, сэлэруктуви нэцйллэн. Тадў киректэ оцоктовон бакаран, н'урйави бран, нэкунтикйи гунэн:
— Кэ, эсйлэ туксасинмат!
Сагдавў ниннўарвэ гаран, тарилд'и чинмасиснан. Нэкунми гунэн:
— Эр си бирайава хитискэл, эр бирайа хоґоркйкӑун, тадў хоґоркйдў асанцйва алаттави! Би эркандў, эдў-вэл тиґисчэлим киректэ оцоктод'ин.
Акйндивў цевурва циннукинд'и чинмасинэн. Д'улэлави ичэрэн умкактачйва такэмйкӑункма. Тар мундарэн такэмй чаґидаткйн чинмандави. Тар такэн хэргйдалан чинмэнэн, эпэ иманнава хикйснэ, такэн хэргйдэдун тиґисинэн. Амакӑкан биксэ, долдіран эмэд'эрйвэ асанцйва, гунд'эпэ: «Эр авадікун бэйэ бинэн?». Тар эмэрэн чинмэнд'актулан, мурали н'эцинниллэн, йдў-дэ ачйн чиммэктэ. Тар гунэн: «Эр такэн часкйи кэча бинэн?». Тадук гиранчаран такэн ойолон, такэн хэргиґид'ин тикйт хикандулйн нэмкирэн. Тар бэйэ гимдіс бурурэн.
Тар эсйлэ н'урилван гаран, суксйллалван тэттэн, хоґоркйткйкӑун халлэн. Хоґоркйва тэлйницэ иссан. Тар д'апканцадук долдіран нэкунмэн нэмкйтчэривэн: «Тас! Тас!». Тар сипкичйллан. Ичэрэн нэкунми капутча ирамэвэ олгово гарава, тарит гарат н'урилва тевэнд'эрэн, эпэ-вэл адаґура. Тар д'алдуви гунэн: «Эр-ті, нэкундукив этанни эмэтйэ гара». Алаттэн манадалан н'урилви. Тар манаран н'урилви, умукэн элэ хэлэрэн. Тар гунэн:
— Эр н'урив умукэн хэлэрэн, эрит эсйлэ синэ вад'элим.
Тар нэкундуви гунэн:
— Ваксокал-да, элэв-да бран!

Тікит әләтви нәмкирән, тарйңмән гараңитви тәвәрән. Тар гүнән:

— Синңил-дә бисиктін, ёйав-дә әмчәс гара.

Тар акйндивў хогоркйла сирунчәрән, нәкўндўви бәрви бўрән, гунд'әнә:

— Кә, си-дә нуңаннунин гёгинкәл!

Тар бәйә гүнән:

— Би-дә гараңйави гакта!

Тар гарава гаран, итілāрәң гүнән:

— Кә, нәмкичйлкәл!

Тікит нуңанмāн нәмкирән, нуңан тәвәссәрән-дә, албаран — хикāнин дулкакйндулйн лудупчаран.

Тар акўнан бәйәл суҷсиллалватін гара, н'урилватін гара, д'ўлāвәр сурурә. Д'ўлāвәр әмәллә. Д'ўтін лунид'аран. Сипкичйлла, дōлдīра турәрвә, әтіркāн гунд'әрйвән:

— Ёлā-кә, ōра? Асумйла ңәнәд'әрә āчйр суҷсиллала.

Тар әтіркāна бәйәл умйрйвәтін тәпўтчāл, умāрвә гāд'әрә: «Паҷ, паҷ, паҷ». Тар бәйәл бёлй ңәнәрә суҷсин'усал. Әтіркāн, дōлдīмй, гүнән:

— Әмәд'әрә-дā!

Тар суҷсиллалвар лукйксāл, уркәвә нйрә. Әтіркāн, ичәмй, йәкәсинән:

— Әр әдў әмәврән! Тар бўрәп әсйлә!

Әр әтіркәнмә, атіркāнмә вāрә, кукнйлвāн асйлāрә. Асйлāнәл биллә.

31. Чаңиткāкўр

Урйнчәд'эксәл, нулгйрә діҷин д'āр д'ўл, урйнә вāвд'актў. Урйкйт бичән кадаҷā ойодўн. Умўкән ашй мавутви омңорон. Тар асй н'әңинāснән маутви амарйндулāвәр. Амарйнмар исйлмй, дōлдīран сәвәнчәкәкўрвә. Уҷучакви уййксә, сипкитнāснән, ичәрән — әмәчāл сәвәнчәд'эммєр, д'ўкййāлдўтін діҷин д'āр иләл. Сәвәнчәрә, сәвәнчәрә, сёраңилватін хōңналкāкўтта. Тар асй хуктівд'әсйнән д'ўлдулāвәр. Әмәксә, улгучәллән:

— Чаңитілва ичәчә бисим, тарбāвә.

Тарā асйва әчәл тәд'ārә. Тарңи асиңи бәйә акйнйн (инанйн) бичāн. Тар әдīви акйнмāн н'уриктәлвән чирāллән, хаҷād'әнәкāкўн, гунд'әнә:

— Әркāкўн н'уриктә лалбука дōйāдўн н'албулāд'асмачин.

Тарңи бәйәңи сәләмән мәдәчиллән. Тар бәйә гаран хуркәкәнмә гиркийәви, н'āруттулā олломосна. Бәрилвәр, н'урилвәр гара. Тар долбонй дулкакйнмāн дōлдīра йārәкāкўнматін. Тоҷокōнми каланд'иви сирән мўт, әдән д'усәлārә.

Умўкән бәйә д'ўн бичән курукәкākāндў. Тāдук бәйә лупурōран малуклāви, малуптунми ландулбўд'анакāкўң, хукәлйснән кадаҷāлй, кәрән биралй хуррән, малуптунми әйәкәкй нōдād'әнә.

Чаңитıл нэмкичйллэ тıксавāн. Бира д'апкадӯн бисин сурудэлэ̄тıн. Урйлэнмэ упкатвāн вāрэ. Кадаҷā дулйклāн йāкчā бичāн, тар баргйдāҷид'ıн н'āн урйнчэд'эчэ̄тıн. Тарйлва эчэл ичэд'эрэ чаңитīл. Умӯкэн этıркэн, йӯд'энэд'энэ, йэкэчйллэн:

— Ēгдат содомицнас?

Тара этıркэнмэ чаңитıл дӧлдīра, тāлā-дā урйлэндулэ̄ эмэрэ, упкатва вāрэ. Тар хурд'эчэ̄ бэйэ аракӯкāн йӯрэн мӯдук, олломӧтчорйлдулā цэнэрэн, гиркйлдулāви. Тар тırгаракин, дӧлдīра — нулгйсйллэ, асāлвэтıн сурувӯллэ. Соңокӧкӯр йд'эвкйл. Тар сурурэктıн, эмэрэ д'ӯлдулāвэр олломомнйл. Тар сурувучйллэн, асастāвэр нуңарватıн. Н'урилва тāвра бучэ̄лдук. Атıркāр улгучэ̄нэ нуңартıкйтıн. Тар бэйэл асасна. Чаңитīл дэт дулиндӯн тāңэлчāл. Тар бэйэл д'улэскйтıн цэнэксэл, тıҷичйллэ дэт д'апкадӯн. Тар чаңитıл хавасйлла. Сагдавӯ гиркйлви алавӯран:

— Самāнтıн д'улэвӯ бид'эңāн, иничэсэл самāн амардӯн бид'эңэ̄тıн, айат нуңарватıн вāссэкэллу!

Тар эмэд'эрэ чаңитıл. Нуңакклā̄тıн дагамарактıн, тıкит самāнмэтıн нэмкирэн сагдавӯ. Гйл иничэсэлвэтıн нэмкйрэ. Умӯкэнмэ иничэнмэ адагад'арйвāн тıд'акйлйн нāвкāнэ̄. Хāлтıн дэттулй туксакталла, нэмкичйвд'энэл. Упкатва чаңитılва вāрэ, асāлвэр мучӯвӯсна. Умӯкэн чаңит туксад'ана гӯнэн:

— Асāл, асāл, мучӯскаллу!

32. Асй, чаңит

Асй, чикэннэд'энэ, ичэрэн чаңйтпа. Чаңйт дıлви кичусинд'ачāн дуннэдӯ. Асй н'уриктэлвэн исиллан, гӯнэн:

— Ēкӯн банмāктэ? Ēкӯн маца?

Чаңйттӯ, банмāктэдӯ чикэнйллэн. Асй, чаңйтпа ичэрэн, дıлвāн д'аваран. Тāдук тар асй матактīви гӯнэн:

— Чаңйтпа ичэчэ̄ бисим. Умӯкэндулэ̄ д'ӯлāв д'увӯгэ̄т хуллалвар.

Гē асй гӯнэн:

— Ēт упкатйа ичэчйцнэс!

Тар асй асйңилва хутэлвэн āсинмӯран инмэкилдӯ. Энйнтıн д'ӯдӯви āсинэн.

Чаңйтпа ичэд'эвкй асй хэгдıмэмэйэ д'ӯйа ӧчā. Дӧдӯн хуллалвар нэчэ̄. Мэнэкэн д'ӯви дӧгидāдӯн д'икиллан унэкэнд'и, сукэтэй бинэ. Чаңйт эмэрэнгиркйвэн — матакпāн вāрэн. Тāдук гēлā д'ӯлā сурурэн. Д'ӯлāн йрэн, тоҷовӧн хувӯллан. Асйва эчэн ичэттэ. Асй д'элум чаңйтпа токтосйнан. Чаңйт йэкэллэн: «Хулаңайик! Хулаңайик!». Тāдук āчин ӧдан.

33. Асй

Асй тāкэндӯ чикэнд'эрэн. Чаңйт тāкэндулй угдусинчад'аран. Асй тар дıлвāн исиллан, гӯнэн гиркйткйви:

— Асй, чаңйтпа ичэчэ̄в! Сукэйи хивэдэд'экэл!

Гē асӣ гӯнэн:

— Си-глэ ēдӯ ичэд'эңнэнни чаңӣтила! Этэм тэд'ēрэ! Этэм хивэдэд'эрэ!

Асӣ тари хутэлви инмэкӣлдулӣви умңэрэн даранд'и. Хутэлви āсинмӯрэн, сōмилбӯвран. Сурви хулладӯви āсинмуран, тоҕодӯйи д'ӯрвэ голокочōр нэрэн, тоҕови д'апкадӯн.

Чаңӣт гēва, эвкӣвэ тэд'ēрэ вākāним, чикэнд'эвкӣлэ эмэрэн. Тар тоҕовōн хувӯллэн унэкэнд'и. Асӣ тар дилдулӣн сукэт токтосӣнан чаңӣтпа. Чаңӣт гӯнэн: «Хулаҕайик!».

Тимāтнэ тар асӣ чаңӣтпа йӯврэн тулискӣ. Омолгӣңӣлин д'ӯлāвэр эмэрэ. Асӣ тар гӯнэн:

— Асӣ тар, минэ эчэ тэд'ēрэ, вāвчā.

Бэйэ тар асӣ гӯнэн:

— Си-кэ ēкӯн кēчакас? Эчэс вāврэ?

Бэйэ тар чаңитпа токторон, тоҕодӯ иларан. Асӣдӯйи соңоллон.

34. Эвэнкӣ, чаңит

Бэйэ ашӣнан бид'эчэн. Гулэкэнтин бичэн уҕӣлэ, пурӣгэчӣн, чаңитилдук ңэлэтчэмӣ. Бэйэ бэйӯмэшмӣ, ашӣн туктивӯнмэ уҕирӣвкӣ уҕилэви. Эмэрэкин, нōдāвкӣ.

Ӯмнэ бэйэ бэйӯмэшнэн. Ңинакирин говолло мōтīва. Нуңан ашашинан. Н'ōллан, коколлови нōдāрэн, āвӯнми нōдāрэн. Чаңит бакаран. Тэттэн. Ашӣткӣн тукшашинан. Ашӣлāн иштан, эрӣллэн:

Ашӣйэй, гиркӣйэй!
Туктивӯнмэ нōдāкэл!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ашӣн дōлдīран. Ңэлэллэн хуңтупчэвэ дилганмāн. Икэллэн:

Этэм, этэм нōдāрэ!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Дилганни хуңтукāкӯн!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Чаңит икэллэн:

Гиркӣйэй, ашӣйай!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Коколлови нōдāд'эм!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ōн-кā-кӯр-ка ōд'анни?
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ōмнӣви ичэтчэнни!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Нōдāрэн ашӣлā. Ашӣ ичэттэн. Тāгрэн коколлови, ōд'аналви. Хата эвкӣ тэд'ēрэ, икэвки:

Ēдā-кэ туҕи дилганни?!
Бор-бо-лɛ!

Чаңит икэрэн:

Ңинакирви ңачинд'амӣ,
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Дилганми шокорим.
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Āвӯнми нōдāд'элим!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Айамамат тэд'ōд'экэл!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ашӣ тэд'ӗрэн, нӧдӑрэн туктывӯнма. Чаҫит туктышӣнэн, ин'эктэд'энэ:

— Ха-ха-ха! Ёдӑ эд'ӗм улӑкчид'эрэ ашӣкӑкӯнма? — Ашӣткӣ гӯнэн. — Эшӣткӗн шинэ шурувд'элим д'ӯлӑви, ашӣйави.

Ашӣ гӯнэн:

— Гакал упкатва идӗҫӗлви. Минэ эмӗкэл!

Чаҫит гӯнэн:

— Идӗҫӗлвэс эчӗв гамуд'ара, би шинэ гамуд'ам.

Гаран, шуруврэн. Амакӑн бӑйэ эмэрэн. Эрӣллэн:

Ашӣйэн, гиркӣйэй!
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Туктывӯнми нӧдӑкэл!
Бор-бо-лӗ!

Ашӣн ӑчӣн. Шимулӣ. Гӗвран эрӣрэн, шоҫошшод'оно:

Бунни-ҫӯ, ӧнни-ҫӯ?
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Дэручӧкӑкӯн бишим!
Бор-бо-лӗ!

Ӑчӣн ӗкӯн-дӑ. Туктывӯнма гӗва ӧран, туктӣрэн. Ашӣн ӑчӣн. Д'агдава ханҫӯктаран:

Д'агда-йай, нэкӯйэй!
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Ашӣвав ичэс-кӯ?
Бор-бо-лӗ!

Д'агда гӯнэн:

Эчӗв, эчӗв ичэрэ.
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!
Ирӗктэвэ ханҫӯктакал!
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Ирӗктӗ кутучӣ,
нуҫан упкатва шӑрэн!
Бор-бо-лӗ!

Ирӗктэвэ ханҫӯктаран:

Ирӗктэйэй, нэкӯйэй!
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Ашӣйав ичӗс-кӯ?
Бор-бо-лӗ!

Ирӗктӗ икӗрэн:

Ичэчӗв, ичэчӗв.
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Чаҫиткӑкӯн шуруврэн
Бор-бо-лӗ!

Бӑйэ икӗрэн:

Иртӣкӣ шуруврэн?
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Ирӗктӗ гӯнэн:

Дилачӑ бурушкӣтткӣн шуручӧн.
Бор-бо-лӗ! Бор-бо-лӗ!

Тартикӑкӣ ҫэнэкэл!
Бор-бо-лӗ!

Бӑйэ шамӑндулӑ ҫэнэрэн. Эмэрэн, ханҫӯктаран:

— Ӧн н'экэд'эм? Ашӣвав шуруврэн чаҫит.

Шамӑн гӯнэн:

— Эшӣкӗн экэл шурурэ. Шурукэл д'эҫиндулӣ бӗҫал.

Бӯрэн бэйэдӯ иланма хӗвул, гӯнэн:

— Умӯкӗнмэ нулкал, д'ӳдӯви эмӗкэл. Мӗнни мурукӗшкэл дуннэвэ илана бӗҫал, Мучӯксӑ, ичэткэл хӗруви. Упкачин лургӗрэкин ашӣви бакад'анни. Эшӣкин, тар эрӯпчу. Иларӑ гиркуд'анни дуннэвэ.

Бэйэ, хӗвуви нулӣксэ, мурукӗшинан. Иландулӣ бӗҫал мучӯран. Хӗвӯн эчӗ манавра — умӯкӗчӗндін эмӗнмучӗ. Гӗва нӯллан, гӗвушнан мурукӗшинэн. Н'ӑн иландулӣ бӗҫал мучӯран. Хӗвун эмӗнмучӗ ун'аптундін. Бэйэ урӯнчэд'эвкӣ. Хӗвулин айакӣтчара. Илӣвушнан мурукӗшнэн. Н'ӑн мучӯран — хӗвун манавчӑ. Бэйэ шурурэн шамӑндулӑ, улгучӗнэн упкатвӑн. Шамӑн гӯнэн:

— Эшӣткэн айат итігӑкэл! Бэрйэви, лукӣйэви айайа ӧкал, сэлэмэлэ мудӗчилэ. Ашӣви гэлэктэшкэл!

Бэйэ итігӑран айамамат лукӣлэви кэтэвэ ӧран. Бэрвэ маннива ӧран. Шурурэн дилачӑ бурукшӗнтикӣн. Илаллава ҫэнэд'эчӗн, иштан чаҫитва. Уркэлӗн эмэкӗйим, эрӣллэн:

Чаҫитйай, чаҫитйай! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Кэ, шӣ, шӧ бимӣ, йӯкэл! Борболɛ!

Чаҫит икӗрэн:

Экэл-кэнэ, алӑткал! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Иктэлви бурушчэм! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Давдашшалмӣ, киктӑви! Хутэлви н'укэд'эм! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Давдад'ам-мал! Бор-бо-лɛ!

Бэйэ эшин алӑттэ. Уркэвӗн шӧт нӣрэн. Ичэрэн — чаҫит ашӣвӑн вӑшшэд'эрэн. Нэмкирэн чаҫитва, шӗндулӣн нӑвкӑнэн: Чаҫитва вӑрэн, ашӣви тӣнэн, шуруврэн.

35. Киндиҫир, чаҫичӣл

Бичӗтін диҫин нэкӯнэшэл, умӯн хунад'итін, д'ӯр куҫакӑр. Нуҫартін чаҫичӣлд'и ҫӑлдӯтчэрэ. Куҫакӑрбэ гӯнэ, айат ичэтнэл, энэл д'элуврэ ичэтнэл, энэл д'элӯврэ бидӗтін, Нуҫартін д'ӯлӑвэр ӣрэ. Хунад'итін бакаран тамакӣва, акнӣлин тӑллэ. Куҫакӑр мӧва тӯктӣчэд'энэл, вӗнд'эвкӣл:

— Даҫамакӣдӯ-гла эшӣ ичэврэ, даҫамакӣдӯ-гла ӑчӣр!

Куҫакӑр чаҫичилва д'элӯвдэ. Илан нэкӯнэшэл шӧмамат тамакӣва тӑнэ, дилилтін харӯнӣлда. Нуҫарватін н'уричӣлда хуҫтул — чаҫичил Нуҫартін йӯрэ д'ӳдуквар, Кушӣлдэ чаҫичилнун. Мӯйэ мӯйэдӯвэр акӣнтін гӯнэн:

— Энэл сӧт адаҫура, хэрд'эрэс!

Туҫи гунэкин, дулуҫун нэкӯнин, энэ мэдӗрэ, йэмбут курбулдэн. Тікин-дӑ нуҫанмӑн нэмкӣрэ, вӑрэ. Тӑдук гӗвӑн нэкӯнмӗн вӑрэ, тӗлӣткӗн нуҫанмӑн вӑрэ. Хунад'итін, акнӣлви вӑв-

д'эктін, тукшашинан, тэтіґэлд'итін тэтіґшэ. Тікин нуңанмән гарпара, вāрэ чаңичил.

Чаңичил эмэрэ, ичэрэ — хунāткāнмэтін вāчāл. Шоңолдо хунāттӯвар, гунд'энэл:

— Ёдāн шāд'энэ мэшн'эрйл гарпад'авдāн? Бэйэ бимй ётчаңан д'ӯдӯ!

Куңакāр тукшачāл, дікэчэл чаңичилд'и. Чаңичил куңакāрвэ харитчэрэ, вāдāвэр. Чаңичилдӯ бичэн умӯкэн бэйэ, Киндіґирилдук гавна. Тар Киндіґицкӯр цэнэд'энэ, гэлэктэд'энэ, куңакāнмэ ичэрэн, бакаран. Ичэкшэ, илдан, чикэлдэн, гэ чаңит эдэн ичэрэ. Гиркйви, даришкй шурурэкин, Киндіґицкӯр дагамāран куңакāндулā, гӯнэн:

— Улгурйэ шāнāлд'акал Киндіґирилдула, би-дāт бичэв окиндӯви-вэл Киндігицкӯр.

Н'экэлби бӯрэн куңакāндӯ, тоґойови илавӯнан. Тар куңакāн эмэчэн Киндіґирилдулā. Тāдук улгур ӧчāн.

36. Бэркэ, чаңитіл

Д'уга кэтэмэмэ матал, урйнчэд'энэл, икэлдід'эчэтін, д'арбаннад'ачāтін. Тар матал д'арбаннад'анал ёкӯна-дā эңкйтін д'уґанйва ӧра. Нуңартін элэ д'арбадāвэр сāчāтін. Нонон эвэнкйл туґэнивэ бэйӯктэд'эңкйтін, д'уґа инэтчэммэр. Нуңартін д'уґанйва туґэ тэлйнэлвэр д'эпиңкйтін. Нуңардутін умӯкэн мата бичэн. Нуңан ахйчй бичэн, нэкӯнйн бичэн, хутэн āчйн бичэн. Гэрбйн бичэн Бэркэ, нэкӯнйн — Тӧґāн, ахйн — Чипа.

Тэлй нуңартін д'уґанйва д'арбаннад'ачāтін. Бэркэ сӧма бэйэ бичэн: бэйӯрэ сӧма вāлāн бичэн, ёкӯндук-кāн эңкйн цэлэрэ. Бэркэ гунмӯрй, ёкӯна ёхалдӯви ичэмй, вāңкйн. Нуңан Буллэтіл хутэтін бичэн. Бэркэ ахййайи Цаңаґирдук гачāн, Чипа Цаңаґймнӯ бичэн. Нуңан д'уганйва кирнилнунми бид'эчэн. Кирнилин кутєтвар сӧмат айāвуцкйтін. Буллэтіл сӧл байахал бичэтін. Цаңаґицкӯр байандӯ хунāтви бӯчэн.

Тар нуңартін куґунāд'арактін, туґэнй ӧллан. Тар туґэнй ӧран, иманаллан. Бэркэ-бэйэ, туґэнйллэкин, д'алдукви хуйэттэн. Нуңартін н'āн н'эцн'э тєрулдіра. Тар хуйэтчэнэ, Бэркэ кирниви гӯнэн:

— Кэ, этіркэн, айат улукицилви улумйд'экэл! Н'эцн'энййэ бакалдід'арап!

Кирнин, тутухинд'энэ, д'улэґут кутєңдулэви эмэрэн. Тар эмэксэ, гӯнэн:

— Кэ, кутєт, ёкӯра-вал бакамтімй, кэхйцнэкэлду!

Нуңан тутуд'эхинэн, Бэркэ-бэйэ, д'алви уйэчиксэ, туґэнйвэ бэйуктэд'эчэн. Тар туґэнйдӯ нуңан кэтэвэ бэйурвэ д'эпчэн. Нуңартін тунңа амāкāлвэ туґэнйндӯвар д'эпчэтін. Туґэ нулгйктэд'эрэктін, нэлкинй ӧллан. Бэркэ бэйӯд'энэ, матава бакалдіран. Тар мата н'āн бэйӯд'эрэн. Бэркэ нуңандукин аңцукталлан:

— Ёкӯнӈкӯр бихинни?

Мата гӯнэн:

— Би бихим Ӈаӈаҕиӈкӯр.

— Би тар Ӈаӈаҕирва сам.

Тар тикэ гуниксэ, Бэркэ нуӈандукин н'ан ханӈӯктаран:

— Синӈи амӣнни ӈӣ?

— Амӣнми гунмӯрӣ бэйэ Хоӈта.

Бэркэ дилви охйран, охйран, гӯнэн:

— Тар би эӈэнн'эрвэ эчэв сарэ. Окин-да Хоӈта гунмӯрӣва эчэв долдīра. — Тадук н'ан гӯнэн: — Тимӣкӣйэ салдīлд'эрэп!

Мата гӯнэн:

— Эр салдīд'аӈат тимӣ. Кэ, мата, тимӣ мундулэ нулгӣкэллу.

— Нулгӣд'эӈэвун, — гӯнэн Бэркэ.

Бэркэ, д'ӯлави эмэксэ, д'алдулā улгучэнэн:

— Би матава бакам, Ӈаӈаҕиӈкӯр гунмурӣ бэйэвэ бакам. Нуӈартӣн тар бираканма солокӣ урӣнчэд'эрэ. Би нуӈандулāн гунчэв: «Бӯ тэҕэлтэнэ сундулэ нулгӣд'эӈэвун».

Д'ӯҕанӈин гӯнэн:

— Кэ, нулгӣд'эӈэт!

Нуӈартӣн тэгэлтэнэ нулгӣхинэ. Бэркэ-бэйэ тихӯхинэн. Тоҕāн ороврви онорон, Чипа дэрпухӣллэн. Бэркэ матава истан, д'ӯйави авалӣллан. Д'ӯйави авалӣкса, мойави гэннэрэн. Матал малудуктӣн мова чиӈиран. Идэҕэл дагалӣтӣн моӈӈи тикивкэнэн. Бэркэ матал идэҕэлтӣн дагалӣтӣн ӈэнэллэн. Тар ӈэнэд'энэ, матаӈилдӯ идэҕэлдӯтӣн бэйэӈивэ ема-вал ичэрэн: Ичэксэ, гӯнэн:

— Кэ, эрӯлдулэ эмэчэ бихим!

Гунӣксэ, авалналāви д'ӯлāви сурурэн. Кэӈикиртӣн эмэд'эрэ, Бэркэ-бэйэ сомат д'алдāчӣллан, он чаӈитӣлдук туксандāви. Нулгӣлӣн эмэрэ.

— Кэ, — нуӈан улгучэллэн, — мит эрӯл маталдӯлā эмэчэл бихип. Би идэҕэлдӯтӣн ёкӯнма-вал ичэм, эрӯвэ. Чаӈитӣл д'эптӣл бинэрэ? Эдук нулгӣҕэт! Су д'ӯлавар калтакāвāн элбэкэллу, ороврвор д'авакаллу, намакаллу, нулгихиниммер н'экэкэллу. Би нуӈардулатӣн ирэмэктэ.

Нуӈан ирэмэхинд'энэ, гӯнэн:

— Нулгихӣнмӣ, миндӯ имāткӯйа уҕучакйа уйкэллу!

Бэркэ-бэйэ котови гаран, ирэмэхинэн. Д'ӯҕанин нулгӣхиллэ. Тоҕāн ороврви онорон, Чипа д'ӯви калтакāвāн элбэллэн, матаҕидāва элбэрэн. Тоҕāн ороврви эмэврэн. Актīрāлд'аракин, нуӈартӣн ороврво намара, нулгӣхинэ. Тар долбонйва нулгӣд'эрэ. Бэйэндӯвэр сомава имāва уҕучаквар уйрэ.

Бэркэ чаӈитīлдулā эрэмэрэкин, нуӈартӣн малуткӣвар оста. Бэркэ, эмэксэ, упкатватӣн адулāллан, тэгэтчэнэ. Икэдӯтӣн уллэл хуйӯд'эрэ. Бэйэӈилтӣн д'ур тэҕэтчэрэ. Гē бэйэ сома дирам, сонинма урэд'эрэн. Нуӈартӣн Бэркэдӯ чайймилла. Икэдӯвэр уллэвэ улэллэ. Нуӈан эрэмэтчэрэкин, гē бэйэ улгучэксэкэн од'авкӣ, ёкӯра ичэнэви. Актірāлчāлāн н'ан д'ур бэйэл эмэрэ. Д'ӯкрэ эӈэхичил

бэйэл. Бэркэ сомат ҥэлэлд'эҥнэрэн. Нуҥан сова горово чаҥитилдӯ эмэчэ бичэн. Д'ӯлайи сурудэви н'экэллэн. Нуҥартин гунйллэ:

— Тэрэткэл! Н'ан чайиэ умд'аҥат!

Н'ан чайимна. Бэркэ н'ан сурудэви н'экэллэн, чайвэ умуксā. Нуҥартин эвкил тинэ. Чаҥитил энинтин уркэлйви сиӈинчавкӣ. Нуҥан гунэн:

— Синҥил д'ӯгарри ахичал.

Бэркэ эхитви йӯллэн. Уркэвэтин иссаракин, нуҥартин д'авалла. Бэркэ д'авад'арива кототпи гидалāрэн. Нуҥартин илла, Бэркэвэ котолд'ивар гидалāдāвэр н'экэллэ. Гидалāрактин, Бэркэ утэлд'итин тэвэҥнэрэн. Нуҥартин, мэнҥилвэр утэлвэр гидалāра. Тикэ н'экэд'энэ Бэркэ бн-мал-дā уркэлйтин йӯрэн. Йӯрэкин, нуҥартин сомамат тэпкэрэ. Мэмэдувэр кухиллэ. Гē гунэн:

— Си йувкэнинни нуҥанмāн!

Бэркэ тэлйкэкӯн кухйдӯтин д'алви д'ӯкчалāтин туксасчāн. Тāла уӈучакин уйӯчэд'эрэн, бэрин даӈадӯн локӯчад'аран. Бэркэ бэрви гаран, уӈӯчактӯви д'алви октойбллйтин уктивӯхинэн. Уктиврэн, уктиврэн тāдук ӯд'ави даргйдайāлйн мучӯран. Чаҥитилва тиӈичйллэн. Эрэ! Чаҥитил суксйллалд'ивар сурунмэтчэрэ. Д'улгӯ сомат сурунмэтчэрэн. Илйтин чаҥитилви инйд'эрэн. Эҥэхйткӯтин гунд'эрэн:

— Сӯ чайникйлвар экэллу бурйрэ! Нуҥанмāн вāӈāт, боконмй!

Бэркэ-бэйэ сомат тикӯлд'аран, чаҥит турэрвэн долдикса. Ҥэнэд'эрйлвэ чаҥитилва гарпачйллан, упкатва чаҥитилва вāран. Иланма чаҥитилва вāксā, д'ӯлāтин мучӯран, ахаҥйлватин вāран, мучӯхинан. Тулгйдэлэтин эмэрэн, долчāттан. Атиркāчāн човйлд'аран, икэвэ тэхид'энэ: «Бургӯвэ бэйэвэ сурувкэнэ». Нуҥан д'ӯлāтин йрэн. Тар тэхид'эрйвэ дилдукин д'авакса, дилид'ин тоӈолй дирэн. Нуҥан атиркāчāннун блгассаракин, умӯкэн ахāткāчāн бнҥандулйви йӯчэ. Бэркэ эчэ ичэрэ ахāткāчāнма йуд'эрйвэ. Нуҥан гунчэн:

— Би упкатва чаҥитилва, ахāлвāтин вāм.

Упкатва вāтīксā, д'алви октолйтин ахахйлнан. Нуҥан д'алви ахад'ачāн, ахад'ачāн. Нулгилин горолкӯкӯтчал бичэтин. Бэркэ-бэйэ нулгйлви бокочэ. Д'алин «бэйэҥмэт вāра», — гуннэл, болгод'очбл.

Тар эмэксэ, нуҥан чайиҥми умӯллан. Нуҥан этэрэн умд'амй, гунэн:

— Би упкатва чаҥитилва манам, — гунэн. — Кэ-хйлэ, чаҥитил этэрэ эмэрэ.

Д'угāнин н'элйпчэчэтин, «эчэл вāра бэйэҥмэт», — гуннэл. Нуҥартин нулгйхйндэвэр н'экэлчэтин. Д'ӯва цихэликсэл, д'эпйллэ. Тоӈāн, д'эвд'энэ, бирава солокӣ ичэчйллэн. Тар ичэтчэнэ, екӯрвавал бирава солокӣ ичэрэн. Нуҥан акйнтикйви гунэн:

— Акӣ, екӯр тар д'укэлӣ лугдуд'эрэ?

Акйнйн гунэн:

— Йрэ?

Тар ичэчйллэн. Тар ичэтчэнэ, ичэрэн кэтэмэмэ чаҥитил д'укэлӣ суксйллалд'ивар сирунмэтчэрэ. Бэркэ-бэйэ гунэн:

— Тавăр чăнитĕл эмэд'ăрэ!

Нуңан сăмат д'алдăчйиллан, ăн н'экэдэви: туксахйндăви-ӷӳ, пэктірулдэви-ӷӳ. Бэркэ гӳнэн:

— Эӷăт пэктірӳрэ, нуңартін сăма кэтэ. — Ахйткйви гӳнэн: — Си чуйӳр эрэлйн иӷэхйкэл. Би Тăӷăннун бид'эңэвун.

Бэркэ ахйткйви сăмат улгучэнд'эчэн. Чипалă гунд'эчэн:

— Чăнитĕл минэвэ варактін, си нулгихйндэви акнйлтікйви.

Чипакăн, Чипакăнңачйн, чуйӳрэ иӷэхйнэн. Бэркэ Тăӷăн бид'эллэ. Эрэ! Чăнитĕл даӷалд'ара. Эрдэн чăнитĕл эмэкӳттэ, д'апкун бинэл. Бэркэйэвэ чăнитĕл оролихина. Чăнитĕл ңэлэвкэтчэнэл анмӳктамӳлла:

— Эрукй-хут улгучэнэ, вад'ăңăвун! — Бэркэдук анмӳктамӳлла: — Мунңилвэ д'ăлвавун ңйңэ вăчăтін? — Тар тікэ гуннэл, анмӳлчăтін.

Бэркэ гӳнэн:

— Би ēкӳна-кат эчэв сăра.

Тэлй чăнитĕл улгучэллэ:

— Мунңйлвэ д'алвавун маначăл, мундӳ улгучэнэн умӳкэн ахăткăн. Туксахйнйвкй, кухйд'эрэктін. Тар ахăкăн аран эмэран. Умӳкэн чăнит гӳнэн:

— Кэ, су мундӳ-дэ бэлэкэллу, тар бэйэвэ вădăвун.

Тар чăнитĕл ңэлэвкэтнэл нуңарватін сурувчэтін. Бэркэдӳ сăлва айалва суксйллалва бӳчэтін. Тоӷандӳ-хан сăлва айалва суксйллалва бӳчэтін. Нуңартін д'ӳкрэ сăмал химăл бичэтін. Акйнйн сăма имă бэйэ бичэн. Чăнитĕл сăмат элйнчэд'эвкйл, «горойōңōтін» гуннэл.

Кэ, упкат гэлэктінэхинэ вăвкйлва бэйэлвэ. Тарй ңэнэд'эңнэрэ, ихилла чăнитĕлңи орортін ӳд'алватін. Тар чăнитĕл сăва горово инэтчэчэтін. Нуңарңилтін орортін сăт горолйвкйл бичэтін. Чăнитĕл сăва горово вăвкйңйлва ӳд'алватін гэлэктід'эчэтін. Эчэтін ӳд'айăтін бакара. Тар д'арин сăмат тікӳлд'авкйл бичэтін. Умӳкэн чăнăт сăмат имăт н'ōрăд'авкй. Тар н'ōрăд'ана, иллан. Чăнит гӳнэн:

— Си н'ōрăхикал!

Бэркэ н'ōрăхинан. Нэкӳнин амардӳн ңэнэд'ăрэн. Бэркэ сăт имăт н'орахинан. Бэркэ д'алдӳви гӳнэн: «Нэкӳнмэв чăнитĕл вăд'ăрэ». Тар ңэнэд'энэ, амаскйви нэкӳнми ичэттэн — нэкӳнин ăчин, эчэ ичэврэ, арай чăнитĕл эмэд'ăрэ. Тэлй нуңан сăмат имăт ңэнэхинэн. Бэркэ сăмат тікуллан, нэкӳнмэн вăрактін. Нуңан тар дарйскй мивчэнэн. Тар мивчэниксэ, чăнитĕлва пэктірӳллэн. Кэтэвэ чăнитĕлва вăран, илантін туксахина.

Тар чăнитĕл, д'эмӳликсэл, д'ӳлăвэр сурутĕллэ. Чăнитĕл Бэркэвэ сокорро. Тар сокорйксăл, д'ӳлăвэр сурутĕрэ. Бэркэ н'ăн д'ӳткйтін сурурэн. Тăдӳ нуңанмăн тулйлэ умӳкэн бэйэ этэйэд'ăрэн. Бэркэ-бэйэ нуңанмăн ичэрэн. Тар ичэксэ, дōлчачйллан. Д'ӳ дōӷйдăдӳн, д'эмӳлйксэл, д'эвд'эйэттэ. Бэркэ тар этэйэмңӳ-

вәтии гарпаран. Тар этэйэд'эрӣ «эк!» тиккэкӯттэн. Д'ӯ догӣдадӯн д'эвд'эрӣл гӯнэ:

— Айат, айат тиӷиткэл!

Этэйэд'эрӣ эвкӣ д'аврa. Бэркэ этэйэмңӯвэтин ойолӣн гарпачан. Д'ӯӷит этэйэмңӯвэ тэптэвкӣл:

— Иктэрэвунни? Иктэрэвунни?

Этэйэмңӯтин эвкӣ д'аврa. Чаңитӣл гунӣвкӣл:

— Ёдā эвкӣ д'аврa?

Умӯкэн чаңит йӯллэн. Тар йӯлчэвэ Бэркэ вāран. Чаңитӣл гунӣвкӣл:

— Эр бэйэңит н'āни сурурэн.

Нуңартин ичэвкӣл бэйэңмэр. Тар бэйэңӣтин бучэ бивкӣ. Чаңиткāкāкӯр тэпкэктэкэкӯчӣвкӣл. Сōткутин гӯнэн:

— Би ёкӯндук-ңан эчэв ңэлэрэ.

Тикэ гунӣксэ, йӯлкӯттэн. Тар тикчэнэ, чаңит Бэркэткӣ гӯнэн:

— Си минэвэ-нун д'эпмӣ, упкатва д'эпӣнни!

Бэркэ чаңитӣлва сōткулватин вāрэн. Чаңитӣл сōмат Бэркэдук ңэлэллэ. Нуңартин умӯкэмэт д'ӯдуквар эвкӣл йӯрэ. Чаңитӣл Бэркэдук д'ӯдӯвар долбонӣва дикэнчэд'эчэтин. Бэркэ-бэйэ тар долбонӣва чаңитӣлва этэйэд'эчэн. Чаңитӣл долбонӣва эчэл йӯд'эрэ. Бэркэ-бэйэ сōмат д'алдāд'ачāн. Тар долбонӣду сōма иӷин бичэн. Бэркэ иктэрэвкӯттэн. Нуңан иктэрэвуксэ, гӯллэн:

— Чаңитӣл, д'ӯдуквар йӯкэллу! Би сунэвэ, йӯрэкихун, этэм ватира! Эрэкихун йӯрэ, би сунэвэ эр-дэт вāтӣд'аңāв!

Чаңитӣл нуңанмāн тэд'эрэ. Тэд'эксэл, йӯтиллэ. Бэркэ, чаңитӣл йӯлләткин, гарпачиллан. Бэркэ мэнин улгучэнд'эчэн:

— Би йӯлчэвэ упкатва чаңитӣлва вāтӣлим. Би чаңитӣлва вāтӣм. Тар чаңитӣлдук умӯкэн бэйэ, энэ йӯрэ бид'эвкӣ. Би чаңитӣлва вāтӣксā, д'ӯлāтин илим. Би илд'энэ, чаңитва умӯкэнмэ ичэм.

Чаңит, минэвэ ичэксэ, тэвкэллэн. Сōмамат тэвкэд'эвкӣ. Тар тэвкэксэ, гӯллэн:

— Кэ, мата, минэ экэл вāра. Би синдӯ хавалд'ад'аңāв.

Бэркэ улгучэнэн:

— Би сōмат нуңардуктин, нэкӯнмэв вāналӣтин тикӯлд'ачāв. Би тар чаңитва уткэнд'иви дилвāн хōӷим. Би, упкатва чаңитӣлва вāксā, нэкӯнми д'ōним. Тар д'ōниксā, ӯд'аливи гэлэктинэм. Минцивэ нэкӯнмэв вā'дāккэтин бакам. Нэкӯнми вād'āктӯтин āчӣн. Тар вād'āктӯтин арай сэксэлин. Би эмӯкин эмэнмум. Би ахӣдукки, нэкӯндукки эмэнмум. Эмӯкин эмэниксэ, соңоктод'очōв, энэйӣд'эчэв. Энэйӣд'энэ, ахӣви иӷэхӣннэвэн д'ōнд'ачāв. Тāдук тёруви умӯкэн бёга бичэн. Би ахӣви сōмат д'ōнд'ачāв, иманна дōӷидāлӣн дīнэви д'ōнилим. Би, чаңитӣлнун кухӣксэ, ёкӯна-дā этэм сād'эми. Ахӣви д'ōниксā, чуйӯр эрэлӣн дīнэткӣви сурухӣнэм. Ахӣви бид'эккэн ихим. Ахив бид'эктӯви āчӣн. Чуйӯрдук йӯчэ. Би ахӣви йӯд'эккэн октойōн гэлэктилим. Нулгӣхӣннэвэн ичэм. Ахӣви октойōлӣн ахалим. Сōва горово нуңанмāн ахад'ачāв. Минци ахив сōмат амӣнми

тӗрулӑн нулгӳдʼэчӗ. Би ахӳви дʼӑҕӳдӳви тирганӳдӳви бококим. Тар боконӳксӑ, тӗрулӑвэр нулгӳхинэв. Илӳдӳвар тирганӳдӳ тӗрувар истав. Тар тӗрудӳвун кэтэмэмэ матал урӳнчэдʼэрэ. Эр маталдӳ минӈи кирнив билдӗдʼэрэн. Би, эр маталва бакалдӗксӑ, улгучӗлим. Маталдӳ илан самӑхэл бичӗтин. Бу, уринӳксӑкил, самӑнма нимӈӑнмукӑнэв. Тар самӑн, ичӳчӳксэ, гӳнэн:

— Чаӈитӗл сӧма кэтэ октолӳхун ахадʼара.

Гӗ самӑн гунӳвки:

— Сӧма-дӑ улӗк бихӳнни!

Сӧткутин самӑн гӳнэн:

— Амӑкӑрдӳ, иргичӳлдӳ самӑнӈӳлтин эмэдʼэрэ. Сӧма кэтэ чаӈитӗл эмэдʼэрэ, — гӳнэн нʼӑн. — Бэ, бэйэл айат бэлэннэкэллу. Чаӈитӗл сӧӈилтин эмэдʼэрэ.

Тар нʼӑн эвэнкӳлду сӧӈилтин бичӗтин. Тар сӧӈилтин ӑлтин ӗкӳндук-та эвкӳл ӈӗлэрэ. Матал тирганӳтикӳн чаӈитӗлва этэйӗвкӳл бичӗтин. Матал сӧткувар самаӈивар нимӈӑнмукӑхина. Самӑн нивӈӑндʼаракин, чурэктэлин пэхимиллэ, гихикин окоргорон. Самӑн нивӈӑндʼамӳ этэрэн. Этэксӗ, гӳнэн:

— Чаӈитӗл галдʼара.

Тар долбонӳдӳ самаӈилтин бутӳчӑл, эвэнкӳл ӈӗлэллэ. Тар ӈинакиртин гоҕоллоктин, умӳкӗн ахӳ идэҕӗлтикӳ йӳрэн. Тар идэҕэлдӳн чаӈиткӑкӳр уклӗдʼэкӗкӳттэ. Тар ахӳ, эхӳҕэчин ичэттэ нуӈарватин, дʼӳлӑви ӳрэн. Эвэнкӳлӈи пэктирӗвӳртин тулӳндӳ бичӗтин. («Тар нонон эвэнкӳл бэркэрвэр тулӳлӗ нӗкчэвкӳл, илӳлтин эдӗтин котороро. Дʼӳдӳ нӗмӳ, бэркэрӈи илӳлтин которовкил»). Эвэнкӳл пэктирӗвӳрвэр ӧн-дӑ гадӑтин албачӑтин. Тар тикӗ нʼэкэдʼэрэктин, чаӈитӗл гарпачилла. Эвэнкӳл пэктирӗвӳрэ ӑчир туксакталла. Нуӈартин тирга эчӗтин этэйӗтчэрэ. Чаӈитӗл сӧва кэтэвэ эвэнкӳлвэ вӑра. Эвэнкӳл нʼӑн кэтэвэ вӑра. Эвэнкӳлӈи бэркэртин дʼӳдӳ бирэктин, чаӈитӗлва давдӳмчӑл. Чаӈитӗл кэтэ бичӗтин.

37. Бэйэ, чаӈит

Билир, билир тар бичӗн. Эгдӏ иӈарӑгдӏ бира нӑлдин даптудӳн гугда урэ эрэдӳн умӳн дʼӳкчӑн типӳдʼэчӗн. Дʼӳкчӑкӑн тулгӳдӗдӳн дʼӳр орор тоҕотчочӧтин. Сӧнан дʼавкадӳн элэкэс гиркӳкталдʼарӳ омолгӳчӑн эвӳдʼэчӗн. Дʼӳкчӑкӑн тулгӳдӗлӳн инмэкӳл умнӳдʼэчӗтин. Тар дʼӳкчӑкӑндӳ ахӳ тэҕэтчэчӗн, унтава саӈӑнадʼачӑн. Тар ахӳ эдӏви алӑтчачӑн. Эдӏн бэйӳчӗ бичӗн. Ахӳ дʼалдӳви гундʼэчӗн: «Буҕакӳн буйӳнэ-вэл эвкӳ нʼэхӳрэ, бурдукиӈив-да манавдʼаран». Тар ахӳ эдӏн илаллава бэйӳктэксӗ, ӗкӳна-да энэ вӑрэ, дʼӳлӑви мучӳхинчӑн. Тар мучӳдʼана икӗнӈӗктӳ бэйэвэ, нӑлдӏптикӳ эмэдʼэрӳвэ ичэчӗн. Тар бэйэ чаӈит бичӑн. Бакалдӏксӑл, дороволдӏчӑл, тӑкӏндӳ тэҕэчӗл, дамгатӏлчӑл. Чаӈит бэйэдук анӈӳктачӑн:

— Си ӗкӳндʼи бэйӈӗлэ бэйӳктэӈнэнни?

Бэйэ гунчӗн:

— Би диӷин-нун алгачӣлва бэйцэлвэ, чунивкӣлвэ, суӷӣнэктэвкӣлвэ, туӷэнивэ ӑтчамӑрва бэйӯктэд'эцнэм.

Чаԥит гӯнэн:

— Би таргачӣр бэйцэлвэ эчэв сӑрэ. Би д'ӯр алгачӣва бэйӯктэцнэм. Би синэ бакам, би эдӯ-дэт д'эвӯцнэм.

Бэйэ, сӧт цэлэликсэ, гунилчэн:

— Си минэ экэл вӑра, минԥи утэв бихин. Си тімӣ д'ӯлӑв эмэдэви. Д'ӯлӑв энэ ӣрэ, си, аԥави аԥаксӑ, уркэлӣв сиӷиндӑви, би утэви амԥалӣс нӧдад'эцӑв.

Чаԥит элэксӣчэн. Тікэ гунмэчиксэл, д'ӯлӑвар суручэтін. Бэйэ, д'ӯлӑви эмэксэ, ахйдӯви улгучэнилчэн:

— Би чаԥитпа бакалдім. Чаԥит минэвэ д'эвдэви н'экэрэн. Би утэвэр бӯцэт ӧм. Тімӣ нуԥан эмэд'эцэн.

Энӣ, тарӑ дӧлдіксӑ, утэви мулӑниксӑ, сӧмат соԥолчӧн, долбонӣва соԥод'очӧн. Тэӷэлтэнэ тэӷэксэ, килєбэйэви ахӯлчӑн. Эгдівэ честэвэ ахӯчӑн. Чаԥитва алачилчан. Арай дӧлдічӑл чаԥит эӷэд'энэ эмэд'эрэн:

Д'он, д'он, д'он, д'он!
Д'эп, д'эп, д'эпчэлим!
Ай, ай, айакӑн!
Ул, ул, уллэйэ!
Им, им, имӑйат!
нод, нод, нӧдӑкаллу
Ут, ут, утэвэр!
Бил, бил, билгайӑв!
ка, ка катад'аран!
Э, э, энэйӧл!
Ул, ул, уллэйэ
Д'эп, д'эп, д'эптэ!

Тікэ эӷэд'энэ, чаԥит умнэт аԥави аԥаксӑ, уркэлӣтін сиӷӣнчӑн. Тар сиӷӣнчаракин, бэйэ умнэт аԥалӣн чєстэвэ нӧдачӑн. Чаԥит амԥан чєстэт д'алуптан. Чаԥит эгэлчэн:

Э! Чол, чол, чолдон!
Э! Лич, лич, личар!
Э! Тіп, тіп, тіпар!
Э! Эр, эр, эрӯкэн!
Э! ул, ул уллэкӯн!

Тікэ эӷэд'энэ, чаԥит энчэн, Чаԥит энд'экєнин, бэйэ орорви д'аватічӑн, горол буӷаткӣ нулгӣсӣнчэн.

38. Маԥи-чаԥит

Билир, ноноптидӯ эвэнкӣл д'авит цэнэцкӣтін. Уӷучакӣлтін ачир биԥкӣтін, орортін-дэ ачир биԥкитін. Нуԥартін бэйӯктэцкӣтін. Элэкэс маԥил бичэл. Маԥил-чаԥитіл бичэл. Мурирдӯ уӷучад'аԥкӣтін.

Тӑдук бэйумэ бичэн. Хактіралд'аракин, маԥил бэйэлэ эмэчэл. Тӑдӯ бэйэдӯ хунӑткан, ахйн бичэ. Чанмӣчӑ, имурэԥмэн гадӑви н'экэчэ. Тар арай чанмӣха, уӷӣскэкӣ ичэчэ. Тар чаԥитілба кадарилдӯ ичэчэ, аракӯкӑн гунчэ:

— Чаԥитіл эмэрэ!

Этіркэнин д'авлӑви тэвучэ. Нуԥан хутэви сєндукин кимискад'эчӑ, тэпкэчэ:

— Ӧн бӑнни бакара сӑхӑвӑ? Тӑдӳ лугӑр нӗрӳв! Тариҥин арай д'уҫуд'ӑчӗ. Ӑдӳ луҫӑр бихин! Ӑдӳ луҫӑр бихин!

Хутӑви ҫӑлихинчӑ, д'авдук йӳхӗ. Тӑдук д'авут хуручӗл эйӗкӗкӣ, «Кукку пурул! — гуннӑ. — Ун'аптук долӣн!», — гунчӗ.

Чаҥиткӑкӳртӣн тӑпкӑлчӗл:

— Абаккавун суптӑвчӑ!

Чаҥитӑл хуҥтултӑкӣ ӑмӑчӗл. Тадук ахи н'ӑн бичӗ хуҥту.

Чаҥитӑл хуҥтултӑкӣ ӑмӑчӗл, бирака̄ндулӣ хуклӗхинчӗл. Ахӣ мӳлӗчӗ. Ичӑчӗ, гӗткӣ аракӳка̄н гунчӗ:

— Чаҥитӑл ӑмӑчӗл! Ӑмнӑк тухалла, халлаҫа̄т хайӣкталавар!

Эхилӗ тар гӗ гӳнӑн:

— Чаҥитӑл н'уриктӑлбӑтӣн халлаҫа̄т!

Хуклӗд'ӑрӣлбӗ халлад'ачӑл. Чаҥитӑл гунчӗл:

— Сирӑгӑс-мӑл бинӗ!

Ахӑ̄л чаҥитӑлдук тухачӑ̄л, чаҥитӑл суптӑвчӑ̄л.

39. Куривул, маҥи

Бӗйӗ бичӗн — Куривул. Нуҥанҥин д'ӳр нӑкнӣлин. Куривул асӣчӣ, гӣл — омолгӣл. Бӗйӳсчӗрӗ, бултӑд'ара. Асӣн гунд'ӑҥӗн:

— Ҥӗлӗчим ӑмӳкин д'ӳдӳви. Ӑмӗнд'ӑнни минӗ. Ӑҥнӑкӑл ӑмӗнӗ, буливсӣпчу!

Уҫӣлӗ гулӑвӗ брӑн — нӑкувӗ. Тӑлӑ̄ асӣҥиви туктӑврӑн. Д'ӳн тӑлӑ̄ дуннӑдӳ ӑмӑдӑлӗн. Долболтоно, гиркуд'аксӑ̄, бултӑд'ана ӑмӑд'ӑрӑн. Бӗйӳсинӗ тӣрга хӑрӑкӑлтӑтӣкӣн бӗйӑл иланӣ. Куривул тӑлӑ̄ бӗйӳнмӗ багдакава вӑрӑн, ҫинакин амӑкӑвӗ вӑрӑн. Куривул хиҫӣллӑн бӗйӳнҫиви. Ӧкин-дӑ̄ мурдунӗд'ӑнӑл хӑргӣскӣ хигд'ӑрӑн, ӑси-вӑл угӣскӣ гӑлӳсиллӑн. Илӗ хӑҫкӑчӣллӑн, Ичӑчӣллӑн — маҥи тар асӣвӑ̄н Куривулҥӣва дӑгӣвд'ӑрӑн. Асӣн гӳнӑн ӑсӣлӗ:

— Ке, ӑмӗннӑкис минӗ ӑсӣлӗ ӑмӳкинд'и, кӑсӑ̄д'ӑнни амардӳв!

Куривул н'урви гадан, гарпакӑ̄кӳттӑн нуҥанмӑ̄н, дулиндӳ абуллан. Дӑгрӑн тар маҥи нӑкӳндулӗн. Ӑси-вӑл тук-сӑ ичӑчӣллӑн уҫӣскӣ. «Си-вӑл минӗ, гиркӣв, этӑйӗҥнӑкӑл!». Н'уритви гарпаран нуҥанмӑ̄н аран абуллан. Никалӣтӣн дӑгрӑн нӑкӳндулӗн. Ӑсӣ-вӑл ичӑрӑн н'ӑн дилганмӑ̄н тӑҫрӑн. Н'урви гаран, бӑрви, гарпакӑ̄кӳттан нуҥанмӑ̄н, иргиҥивӗн чуптӳттан. Лупумнак дӑгрӑн.

Бӗйӗл тар д'ӳлӑвӑр ҫӑнӳрӗ. Нуҥанмӑ̄н сӑрӗ, йдӳ-вӑл бикичин. Н'ур ӑд'ӑҥӗ тӑптӣрӗ, олдосолин упкачин сӑлӑчӣл. Куривул тар тавин. Нуҥан тар ӑмҥан ӑмӳкин сӑлӑ ӑчӣн. Куривул тавӣттан ӑсӣлӗ сӑлӑвӗ амҥадӳви. Тавӣттан мӗндӳви, нӑкнӣлдӳви тавӣттан, Никӑдӳви тавӣттан. Нӑкӳнӣн тар Никатӣн — бӗйӗ ӑҥӑсӣ. Сурурӗ ӑсӣлӗ маҫилӑ̄ тарил. Иста нуҥанмӑ̄н, гулӑдӳви бид'ӑкӑкӳттӑн. Ӑрӣрӗ нуҥанмӑ̄н — йӳрӑн. Маҥи тари бӑричӣ хата н'уричӣкӑкӳн. Ӑсӣ-вӑл Никӑ̄тӣн гӳнӑн:

— Амцалд'ивар н'урилвар товочилгāт, уґйскй нэмкинэ буруллэкин н'ури.

Маци тар гарпакāкўттан н'урви уґйскй. Никатін н'урви амцатви товоллон буруд'эрйвэ. Н'уркāкўн амцалāн бурурэн. Тарвāлй Никатін, н'āн гарпаран уґйскй. Мацикāкўн амцави ацаран, н'урвэ товодбви. Н'уркāкўн тар маци амцалйн бурурэн, лупумнэк эмугдэлйн цэнэрэн, мукэтэлйн йўрэн. Вāрэн нунанмāн тāдў. Гулэлбн маци йрэ. Ашйтін нуцарватін эчэ тацматіра. Эри хоронмбн угєчича тар Маци. Асйвар гада, д'ўлāвар цэнэврэ. Албавкй тэґэтчэмй — буруптумэ. Хоронин йацумчā. Нуцанмāн Куривул тавйттан, суруппэ бран, хоронмбн суруптэн. Анцанйкāнмэ иниттэн, суруптэкин, тāдук буддэн.

40. Чакиптулā

Чакиптулā д'ўр ахйн бичэ. Гён гамакта бичэн, гён — холоктон. Чакиптулā хуручэ, бэйумйлчэ. Цинакинтін хутэцчэ. Чакиптулā д'ўлāви эмэчэ. Тар ахйн гунчэ:

— Ахйс хутэлин гёцād'эрэ.

Чакиптулā хуручэ, эмэчā ахйви холоктови д'ўкчамйлā. Ичэчиксэ ахйнан гёнунми д'ўктэ хуручэл, амўткāнтікй. Эмэннэн ахйн хутэн балдічā, д'ўкчадўви бид'эрэкин. Бирайалдулй гэлэктэд'эчэ хёцахāла. Умўкэн хёцанмā бакачā. Тар ханцўкталчā:

— Ёс бихинни?

— Минэ Чакиптулā эмэчэ д'ўкчадўви. Хутэйи ёт-тā эд'ицэ иргйрэ.

Тар хёцашāн гўлчэ:

— Ёкум-дā āшин, элэ хаким бихин.

Тар гўчэ:

— Тарицмāтід'ис иргйґэт!

Иргйлчэл д'ўктэ хёцашānун хутэвэ. Тāдук хутэтін хэгдіхбчā. Нйтікйн вāвкй очā. Умнэ энйнин гўчэ:

— Амйндулāйи хурўкэл. Нуцан āмудіптікй нулгихичэ. Икэд'энэ цэнэкэл, энэ омцоро: «Чакиптулā, Чакиптулā!», — энйнйн гўнэн.

Туґ икэд'энэ хуручэ. Цэнэд'энэ икэд'эвкй. Бирава микчāнд'ана омцочэ. Н'āн энйндулэви мучўхичā. Энйнин гўчэ:

— Ёмандı? Элэ эмэндı?

— Омцом.

— Экэл омцоро, луху икэд'экэл!

Тарицйн, икэд'энэ, н'āн хуручэ. Эшэ омцоро икэнми. Тар ишша бэйэлдулэ. Ишша, тар бэйэ гўчэ:

— Ёмандı?

— Амйм эмэчэн эр д'укчāдўви, Чакиптулā гэрбичй, — гўчэ, — тар-ґу бихиндı?

Тэлй бэйэ ахйви дуктэлчэ, эмэнмукэчэ хутэвэн, хуручэ хутэнэн.

41. Бэйэткэн

Эвэнкийчэн бэйэчэн бичэн. Асалин д'ури. Гэ асин сэлэд'эрэн, эрупчут эксэд'эрэн, гэйа айат эксэд'эрэн. Бэйэ таравэ эвкй тэпурэ. Асин хутэтэрэн куцаканмэ, тадук гэн асин д'айаран, куцаканмэ, хитэнмэ хутаканмэ нэрэн. Эдитин эмэрэн, гэ асин гунлэн:

— Асис хутэтэрэн хитэнмэ хутаканмэ.

Хутаканмэ гунэкин, эдин сэлиллэн, гунэн:

— Асива эрупчу эксэд'эм, эмэнд'эм синэ!

Гэва асива эмэнэн д'укчадуви. Тадук гэтпи аситпи нулгисинэн. Куцаканмэ д'айанайи тар аси бирала эйирэн. Куцаканмэ тар бирадў бакаран сецан, иргичиллэн. Куцаканмэ иргиттэн. Гиркулан одан. Эвэнкй-энинин ичэрэн куцакан уд'аван инадў, д'апкадў, гуллэн, цадиллан:

— Минци хутэв уд'ан эр бинэн?!

Унталан куцакан оран, хуйукукэрд'и: гэва унтава хуйукукэнд'и, гэва хэгдит. Куцакан мудў бивкэ одан. Н'ан иналй гиркукталлан д'апкалй. Тадў бакаран унталва, эниимми оналван. Тарилва тэтиллэн куцакац. Гэва хуйукукэнмэ албаран тэтчэмй, гэва тэтитчэн айат. Куцакан тар соноиллан, албамй тэтитчэмй. Эниинин соморвон долдиран. Туксамалчаран, хутэйи тэтитчэрйвэ д'аваран. Сецан гунэн:

— Минци хутэвэв сурувунни! Ёвунави н'экэлинни?

Эвэнкй гунэн:

— Минци бисин! Бирала суручэн-да си д'аванни!

Тадук эвэнкй тар хутэйи иргичиллан. Хутэн бэйэ одан. Хэгдикэкун одан. Бэйурэ бэйусивкй одан. Вавкй одан. Эниинин гунэн:

— Амйнми хоктовон цэнэд'эцэт, хоктовон уд'ад'ацат!

Уд'асина. Амйндулайи эмэрэн, боконо. Амйндуйи анцэттэн. Амйнйн д'эбд'эцэн — екун-да ачин. Асилд'энэ гунэн тар бэйэ амйнми:

— Мит улгучэмэтчэцэт сагдила?

Тар эмэд'эрй бэйэ улгучэллэн:

— Минци улгур бисин! Бэйэ асйн хутэтэрэн, гэ асйн хутэвэн д'айаран, хутакачанмэ нэрэн, куцаканмэ бирадў эйимй. Сецан иргиттэн. Эниинин бакаран. Бирадў уд'аван ичэксэ, унталан оран. Соцод'орйва эниинин д'аваран, д'улайи увасинан- Д'авакайим, иргиллэн хутэйи, бэйэ одалан. «Кэ, — эниинин гунэн хутэйи, — амйнми уд'аван, илкэнмэн уд'ад'ацат!». Тар бэйэ эсилэ амйнми боконон. Си тар улгурвэ санни? Асин тар эмэнэн д'укчадуви?

Тар бэйэ амйнин илгэллэн эмугдэдуви:

— Ника, — гунэн, — би асийи эмэчэв д'укчадуви хутаканмэ хутэтэрэкин!

Тадук тар бэйэ гунэн:

— Минӈивэ энӣнмэв си эчэс эмэнэ, — тӑдук гӯнэн: — Эр би бэйэ ӧдам. Тар хоктово ӯд'асиним.

Тар бэйэ чуӈурэдӯн солото балдiран. Нуӈан ичэвкэнэн амӣнтикӣви чуӈурэви солотово. Тар бэйэ тiмӑнна бэйӯстэн, багдакава вӑрэн, халганмӑн амӣндулӑйи эмэврэн. Амӣнин халганмӑн ӧсаван хӣгиллэн, д'эвулдэйи. Хӣгрэн, этэрэн. Асӣви халганӈитпи иктэрэн, эллэвэн капуран. Асӣн буддэн.

— Хутэвэв эсикис д'айанӑра, эмчэв д'эмуд'эрэ. Минэ улэкчутчэс, «Хутакӑнмэ хутэтэчэн», — гӯннэ.

Бэйэ гӗлайи асӣлӑйи сурурэн, мучӯсинэн.

Тэлӣ хутэн солото чуӈурэтэрӣ буддан. Тӑрӑ дуннэдӯ суӈтадӯ нэрэ. Тариптидук солото дуннэ хэрэдӯн балдiран. Эсиктiн бунируква тукалат даста, солото эситкэндулэ ойогӣдӑнӯн бимчэ.

42. Д'эптiл

Д'эптiл нулгӣрэ эвэнкӣлдулэ. Эвэнкӣл эчэл тiллэ, эрӯл бэйэл бишӣвэтiн. Нуӈарнунтiн урӣнчэллэ, гиркӣлэтчэнэл. Д'эптiл дӑлӣллэ хунӑд'илватiн. Эвэнкӣл бӯрэ, дӑлиллэ нуӈарӈиватiн. Дӑлӣрэ. Д'эптiл нулгӣшинэ хэрэкэт. Хунӑд'иватiн айамамат д'авучилла: эвкӣл хавӑлӣвканэ, улӣд'эвкӣл айаткут д'эптiлэт. Хунӑт эвкӣ тiлд'эрэ, ӗдӑ нуӈанмӑн туӷ айат д'авучӣлла, гунд'эвкӣ: «Таргачир айал!». Эвэнкӣлдук бэйэ матамӑрэн Д'эптiлдулэ.

Эвэнки нэкӯнми гӯнэн:

— Би айамамат бид'эм, эвкӣл минэ хавалӣвкӑнэ, айаткӯла д'эптiлэйэ улӣвкӣл миндӯ.

Энӣндулэйи нэлйэн унрэн. Нэкӯнин мучӯшинан.

Эвэнкӣл хунӑд'итiн, Д'эптiлдӯ бид'энэ, тiлиллэн нуӈанмӑн сэвэнчэптiнэвэр вӑмӯд'эривэтiн.

Умнэ шэвэнчэллэ, умӯкэндӯ д'ӯдӯ умӯнӯптэ, хунӑтвэр гӗла д'ӯлӑ нэрэ куӈакӑрнун хуйукӯрнун. Куӈакӑр дагамӑра; ӈалэвӑн д'авӯчад'анал, гунд'эвкӣл:

— Эр минӈи бӑбкэ ӧд'аӈӑн!

Гӗ гунэн:

— Минӈи!

Хунӑт ханӈӯктаран:

— Ӗдӑ гамуд'араш бӑбкэлвэв, инд'эрӣдукив?

Куӈакӑр гӯнэ:

— Шинэ тiмӑтнэ вӑд'эллэ сэвэнчэптiнэвэр.

Хунӑт тiллэн, куӈакӑрвэ улэкчирэн:

— Ӑшилкэллу! Би йӯд'энэшчэлим.

Тулишкӣ йӯкэйим, шунми мугдэкэчэндӯ нэрэн. Мэнин хуӈтулвэ тэтiлвэ тэттэн. Тукшад'ашинан хоктолӣ. Куӈакӑр ичэнэвкӣл, ичэтчэрэ — мугдэкэнмэ, гунд'эвкӣл:

— Нуӈан чукчулэд'эрэн!

Тiмӑтнэ эмэрэ, хунӑтвэ вӑлдӑвэр. Хунӑд'итiн ӑчӣн. Хунӑт, хоктолӣ тукшад'ана нэӈирӣлэ дагамӑран, тӯктiрэн. Таргит мик-

чāнэн иманналā, иманнадӯ хӯррэн. Д'эптīл гэлэктэнэшинэ, ӯд'алӣн ашад'анал. Нэңирӣлэ ишта, тāдӯ ӯд'ан манавран. Д'эптīл тāдӯ албалла бакад'амӣ. Нэңирӣвэ мурэлӣ киңлэчушэл гиркуктара, албара бакад'амӣ. Шамāнтīн шэвэнчэрэн, албаран бакад'амӣ. Гӯнэ:

— Нуңаңңītīн шамāнтīн эңэшӣ. Эвэт нуңарн'унтīн кушимӯрэ!

Нулгишинэ хуңтулэ урӣкӣттулā.

Хунāт йӯрэн иманнадук, тукшашинан энтīлтīкӣви. Эмэкэйим, улгучэллэн упкатвāн, хэңкэчӣллэн амӣнми, энӣнми:

— Ēдā минэ эрӯлдӯ илэл бӯчэшун?

Энӣнин гӯнэн:

— Ēдā тīлулэд'эчэш, айат бид'эрӣви?

Эвэнкӣл тэтīлвэн лукта, тэтīврэ д'эптīл хунāттӯтīн. Дīкэнд'эктулэн нэнэврэ, вāрэ, дэрэвэн чипчӣрэ, эдэтīн тāгрэ. Мэртīн нулгӣд'эшинэ.

Д'эптīл мучӯктара д'ӯкийалāвэр, гэлэктэнэрэ, гӯнэ:

— Хунāт йӯчэ бинэн.

Бакара бӯчэвэ, гӯнэ:

— Эр-ка нуңан бинэн?

Д'ӯлавэр эмэврэ. Тарā, шэвэнчэд'энэл, сэвэнчэптīнэвэр вāрэ. Туӈи эвэнкӣл Д'эптīлвэ улэккирэ.

43. Д'эптīгир

Эвэңкӣл айал бичэтīн. Кутэтīтīн Д'эптīгир бичэн. Хунāтвар Д'эптīгирду бӯрэ. Кукинмэр вāптīнтāмучāл, киннивар хуйэчихэл. Уринихэллэ. Куңакāр гунчэл:

— Бэйэкэнтэд'иңāвун ун'акāчāрбас.

Ахӣ ханңӯчā:

— Минэ вāглāд'ас?

Мэндӯви гунчэ: «Кэңурэктӯ игэхиним». Бэлэннэчэ, билгакāрайэ нэчэ кэңурэктӯ. Эхӣлэ āхилтāна эмэчэл бэйэңӣлтīн, Д'эпиглэлчэл. Тар ахӣ гунчэ:

— Чикэннэктэ тулӣлэ.

Йӯчэ. Мугдукэчэндӯ куңуви тэтīпчэ, мэнин кэңурэклӣ игэхинчэ. Тариңилӣн ойойолӣн киңлэлд'ивэр гэлэктэлчэл, эчэл бакара.

Илаллава бихэл, нулгӣчэл. Тар ахӣ илаллава хуклэчэ иманнадӯ, тāдук кургэкӯн, эдīкӯн бчā. Тар хунāт иманнава богород'оро, ойолӣн тухачā. Эдīн ӯд'аван липкӣчā. Энтīлтīкӣви эмэчэ.

— Ēдā эмэнни?

— Минэвэ вāптīнтāмуд'эчāтīн.

Тар эхӣлэ айаннāхикӯтчāл, нулгӣкӯтчāл.

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда земля только становилась, когда небо с тройной радугой было, когда вода рек впервые из земли, как ручейки, потекла, на самой середине средней земли, на берегу одной реки, на холме с крутыми склонами был один чум-утэн.[1] Там жил один мата-богатырь.[2] Не было у него ни олененка, ни собаки. Была у этого человека только младшая сестра. Жили они охотой на зверя. Лук у этого человека был сделан из креня лиственницы. Были [у него] и стрелы. Поэтому он ни одного зверя перед собою не пропускал, всегда убивал. Перелетной птице, над тремя облаками летающей, пролететь над собою не давал. И вот жил там этот человек, питаясь мясом животных, а одежду из шкур изготовляла сестра. И в каждое возвращение брата делала она запасы. Брата звали Кодакчон-мата. Имя же сестры было Секак. Так живя, стали они задумываться. Однажды вечером [брат] обратился к сестре со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Ну, сестренка,
Мы на средней земле,
Когда она только становилась,
Начали жить.
Мы оба, в лесных зверей превратясь,
На средней Сивир-земле[3]
Живя, откуда произошли?
[Разве] мы сироты? Как это
Нет у нас ни отца, ни матери?
Если бы мы вышли из лужи земной (т. е. с берегов озера),
То это оставило бы след.
Если бы мы вышли из дупла древесного (т. е. из тайги),
То это оставило бы след.

Если бы мы упали сверху, с неба с тройной радугой (т. е. с гольцов),
То на макушке у нас был бы иней.
Я думаю — весной все птицы
Стайками летают
И звери имеют детенышей.

Тогда сестра обратилась [к нему,] со словами:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Кодакчон-братец,
У нас, вероятно,
Были мать и отец.
На краю Кидан-земли,[4]
Вероятно, имеются
Подобные нам люди.
Как бы то ни было,
Мы сиротами родились.
Вероятно, имеются
Подобные нам уранкаи.[5]

Он спросил сестру: «Ты, если знаешь, расскажи». Сестра Секак к брату обратилась с речью:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Я, братец-друг,
Увидела свет солнца
После тебя.
Как мне знать то,
Чего ты не знаешь?
Если уж знать, то ты
знал бы!

Сестра кончила, начал говорить он. Мата-богатырь опять обратился к сестре с речью:

Кудэргие! Кудэргие!
Секак-сестрица!
Я по средней земле
Надумал походить:
Очень хочется мне
На мир посмотреть!
Ты, вероятно, заготовила
Мясо зверей для питания.
Будешь жить на одном
месте
В чуме-утэн.
Утром, встав рано,
Приготовь еду! — говорит.
Пространствую-ка [я] по
средней земле!

Ну, так поговорив, они легли спать. Утром Секак-девица очень рано встала, еще до зари. Встав, она приготовила еду. Тогда брат встал и вышел из чума по своей надобности. Потом вошел в чум, омыл лицо. Съел утренний завтрак. Поев, собрал лук и стрелы. Потом вышел из чума. Когда он выходил, сестра речь держала, так говоря:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Кодакчон-братец,
Как, меня одну здесь
Оставив, уходишь?
Ну, как я здесь
Одна останусь?
Кодакчон-братец,
Хорошо бы тебе побыть
Здесь пару дней!
Прислушайся к словам
[моим]!

Так говоря, она кончила речь. Тогда заговорил брат. Встав против нее и прощаясь, он сказал:

Кудэргие! Кудэргие!
Какой злодей-людоед,
Придя сюда, убьет тебя? [6]
Сестрица Секак,
Если злодей, придя,
Начнет убивать-пожирать,
Я ведь мужчина —
По следам его пойду!
Не печалься, не плачь
[И] живи [себе] на одном
месте!
На долго ли, на коротко ли
Прими мой привет!
Через пять переходов вернусь,
Если буду жив.

Сказав и распрощавшись, он вышел вон. И вот отправился прямо в сторону восхода солнца. А у сестры, когда он уходил, скатилась слеза. Так и осталась она там. Брат пошел вверх по реке. Охотясь, он еще не дошел до истока реки. Двигаясь вверх, наш парень дошел до гольца, поднялся на вершину [его]. Взойдя на вершину, сел отдохнуть. Отдыхая, рассматривал местность. «Вот там исток реки. А там устье этой реки», — так говоря, рассматривал. Когда он собирался пойти, вдруг до его уха словно птичий голос долетел. «Что это за птица кричит?», — подумал он. Прислушался хорошенько. Когда он слушал, вверху послышалась речь. Стал слушать: слышна вверху речь. А речь была такова:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Средней земли мата,
Привет услышь!
Какой Сивир-земли
Ты человек?
Расскажи-ка мне,
Что видел, что слышал.
Из каких мест
Держишь путь?
Куда направляешься?
Скажи-ка, мата, кто ты
по имени?
Отца, мать [твоих] как звать?

Спрашивает она. Кончила говорить. Тогда мата-богатырь, говоря: «Ты расскажи», вверх смотрит, так вот рассказывает:

Кудэргие! Кудэргие!
Я один родился,
Ни отца, ни матери нет,
Сиротинка я.
Одна младшая
Сестра у меня есть.
Я, не зная местности,
Сюда направился.
О моем звучном имени
Если спрашиваешь:
Я средней земли молодец,
Кодакчон-мата.
А ты откуда родом?
Где твоя земля?
Расскажи же!
Как твое имя?
Твоих отца, матери
Назови имена!
У меня новостей нет (букв.:
виденного, слышанного
нет)!

Он кончил говорить. Затем та девица, что над ним летала, стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Я, девица, расскажу!
Слушай, внимай
Своими обоими ушами!
Я, странствуя
По краю Сивир-земли,
По окраине Кидан-земли,
Много мучений испытала.
Над Онон-землей[7] пролетая,
Я попала в безвыходное
положение.

Она продолжала:

О какой же заботе
Мне рассказать?
Слушай! Если спросишь
О моем звучном имени —
Слушай хорошенько! —
Я средней земли дочь,
Монгукчон-девица.
О чем, [о какой] забаве я расскажу?
День и ночь я ухожу [от погони],
Приходит мне конец.
Устала я двигаться вперед,
Не осилила я этой погони.
Если бы ты оказал мне добро,
Потом, когда-нибудь я отплатила бы.

Мое волшебное слово[8] останови!
Разбойник собирается убить меня.
С тех пор, как за мною
Гонится враг-авахи,[9]
Прошло три года.
Глава нижнего мира,
Враг-авахи в своей погоне
Меня не нашел.
Под водою уходить
Я устала.
Вот скоро нагонит он.

Сказав, женщина кончила речь. Тогда парень обратился к этой женщине со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Девица Монгукчон,
Чем я могу тебе помочь?
Твой рассказ когда слушал,
Жалость большая к тебе родилась.
Что бы ни случилось,
Рассказ твой на землю не брошу
(т. е. не забуду).
А тот-то [твой враг] когда придет?

Он кончил. Эта женщина опять держит речь:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
«Когда придет?», — спрашиваешь.
Лишь солнце начнет появляться,
Он придет, громадина,
Ну, живы будем, встретимся!
Мне хорошо было бы
Три-четыре дня протянуть.

Она кончила говорить. Звук ее крыльев послышался в направлении к полуденной стороне (т. е. к югу), и сама она блеснула на солнце.

Парень продолжал сидеть на камне. Сидел там день и ночь, на вершине крутого гольца. И вот, когда он сидел, утром, когда солнце всходило, с той стороны, с которой прилетела девица, послышался шум. Словно гром был этот шум. Прислушиваясь и приглядываясь, парень смотрит в сторону этого шума. Что-то приближалось, заслоняя солнце. Подумал парень: «Видно, враг-авахи приближается». Посмотрел и думает: «Да он богатырь!». Вот враг-авахи приблизился к нему. На вид это был трехголовый орел. Прилетел, стал рассматривать. Этот авахи такую речь держит:

Дынгды, дынгды![10]
Дынгды, дынгды!
Мата, здоро́во!
Ты не видел девицу,
За которой я гонюсь?
Здесь недавно [она]
пролетела.

Вот он кончил говорить. Тогда обращается тот человек к врагу-авахи:

Кудэргие! Кудэргие!
Авахи-друг, привет тебе!
Я не сторож девицы,
За которой ты гонишься!
За какое зло
Ты преследуешь
Эту девицу?
Чем эта девица
Провинилась?

Он кончил. Вот у врага-авахи волосы стали дыбом. Рассердился он и заговорил. Громким, очень громким голосом заговорил:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Молодец-мата,
Хорошо известный
Кодакчон-богатырь,
Я стольких видел,
Но мимо тебя не пройду!

Сказал [и] спустился на землю. Когда он спустился, Кодакчон такую речь произнес:

Кудэргие! Кудэргие!
Громкий (т. е. известный всем)
враг-авахи, богатырь,
От того, что ты громаден,
Я не попячусь от страха
И на расстояние пальца ноги!

Вот они договорились:

Столкнемся!
Если ты меня съешь,
Скажи: «Съем!».
Если убьешь меня,
Скажи: «Убью!».

Вот они крепко [на земле] встали друг против друга. «Ну, ударь кулаком! Ты начинай!», — договорились. Врагу-авахи сказал богатырь Кодакчон:

Кудэргие! Кудэргие!
Ты, авахи, богатырь человек,
Первым начинай!

Вот враг-авахи ударил кулаком. Ударил он, парень удержался на ногах. Тогда, после того как авахи ударил, парень говорит: «Теперь я ударю кулаком». Ударил врага-авахи, ударил в основание уха. Авахи удержался на ногах. Вот они начали биться. Впадины взрыхляют, холмы во впадины превращают. Они, топчась, с высокой горы скатились. Чащу в поляну превратили, равнину — в чащу с валежником, деревья поломали. Битва продолжалась. Бились они равно. День и ночь бились. «Я, авахи, таежного человека не могу одолеть». И таежный человек не может одолеть врага-авахи. Равно борются. Сколько дней прошло с тех пор, как начали бой, неизвестно. Вот они лбом в лоб, плечом в плечо оперлись, смотрят — чей сустав задрожал, чья кость неустойчивой стала. Посмотрел [мата], а суставы врага стали слабнуть. Кости авахи дрожат. Авахи увидел, что кости дрожат, о [своей] слабости узнал. Вот враг-авахи речь повел:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли мата,
Кодакчон-друг,
Из-за какого зла
Мы деремся?
Зла не было
В прежние годы.
Чтб отнимая друг
у друга,
Мы деремся?
Прекратим-ка друг!

Когда он сказал, наш богатырь, средней земли Кодакчон, говорит:

Кудэргие! Кудэргие!
Если я одолею, [то] убью тебя,
Не сказав и слова.
Если же я поддамся,
Не жди от меня и слова [о пощаде].
Ты, одолев, убей меня!
Я, одолев, убью тебя!

Он кончил речь, и они продолжали бой. Вот он стал одолевать врага-авахи. Каждым ударом стал добивать. Вот авахи говорит:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Богатырь-молодец,
Кодакчон-мата,
Ты победы достиг.
Кто мне теперь поможет? —

сказал он. [Мата] бросил врага-авахи на спину и сел ему на печень. Сев, собрался перерубить [ему] горло. Убил он врага-авахи. Убив, развел костер. Врага испек на костре, [тот] пеплом стал. Сжег [он его] и [пепел] бросил в воду.[11] «Пусть впредь на среднюю землю враги-авахи не выходят из-под земли!».

Парень нашел взятые с собою лук и стрелы и пошел. Пошел своим первоначальным путем, в сторону восхода солнца. Идет себе. В пути он присел отдохнуть на колоде. Отдохнув, встал. Когда вставал, услышал какой-то голос. Словно сверху послышался ему голос. Прислушался этот человек: действительно, вверху [кто-то] говорит. Посмотрел человек вверх: над четвертой тучей, под девятой тучей [кто-то] летит. Прислушался этот парень — это речь его младшей сестры. Сестра такую речь повела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Кодакчон-братец,
Услышь [мой] привет!
Долго же ты путешествуешь:
Уже третий месяц пошел,
[С тех пор как ты] отправился сюда.
[Я] этот твой путь
За три дня
Пролетела [бы].
Ты ведь отправился, говоря:
«Так странствуя,
До какой земли дойду я?».
Долго же, долго ты добирался сюда.
Ну, Кодакчон-братец,
На долго ли, на коротко ли
Мой привет прими!

Лишь сказала она так, как брат рассердился и к сестре обратился со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Кто же тебе
Сказал: «Приходи»?
Чего добиваясь,
[Ты] отправилась [в путь]?
Жалкий [ты] человек!
Потом когда-нибудь увидев [тебя],
Обдеру тебе спину!
Куда [ты] отправилась?
Возвращайся-ка
Поближе к дому!

Так сказав, [он] ушел в сторону. Этот парень пошел себе вперед. Впереди его ничего не видно. Он спустился вниз по реке. Когда шел вниз по реке, в одном месте кто-то пробежал. Наш

парень погнался. Гнался, гнался, вот-вот нагонит. Когда он стал нагонять — [это], оказывается, [домашний] олень. Тот, задохнувшись [от бега], вывалил язык. Вот наш парень бежал, стараясь поймать. Пытаясь поймать, он дошел до одного дома. Дом был деревянный. Подходя и увидев дом, пошел тише. Посмотрел, а около входа дома на восьми столбах железный помост-ла́баз.[12] На ла́базе девица расчесывает волосы серебряным гребнем, сидя на серебряной скамье. Когда он посмотрел, девица убрала гребень в стол, а волосы покрыла шелковым платком. Увидела богатыря. Увидев, вошла в дом. Лишь только она собралась войти, как в дверях встал молодец. Спросил:

Кудэргие! Кудэргие!
Я — таежный человек,
Из далеких мест пришел.
Далекие страны пройдя, пришел.
Ты пригласишь
Меня на обед к себе?

Он кончил. Когда он стоял у двери, внутри жилища раздался голос. Он прислушался — это девица обратилась к работнице:

Кемонин! Кемонин!
Молодец-мата пришел.
Открой дверь
И введи [его] в дом.

Сказала [она], и работница открыла. Когда она открыла, [девица] ввела его. Введя, усадила [его] на почетное место. Усадив, начала спрашивать его:

Кемонин! Кемонин!
Из каких мест ты, мата-богатырь?
Как твое имя?
Что видел, что слышал?
Расскажи же о том,
Что видел, что слышал.

Парень рассказывать им начал:

Кудэргие! Кудэргие!
Нет у меня ни отца, ни матери.
Я сирота, одиноким жил.
А вот ты, девица, имеющая дом,
Расскажи, что видела, что слышала.
Как имя твое?

Мата сказал. Так разговаривая и расспрашивая, девица села против молодца и стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Если о моем звучном
Имени ты спросишь,
Скажу: мое имя
Монгукчон-девица.

Вот парень, когда [она] рассказала, узнал [ее имя]. Монгукчон-девица — это та девица, за которой гнался враг-авахи. Девица накормила его хорошей едой. У нее были [домашние] олени. Была забита яловая важенка, что ходила под тремя вьюками, под четырьмя седлами. Ее мясом и угостила. От этого мяса остался только один кусочек, от жира остался только один глоточек, а навару осталось с ложку. Поев, он сказал: «Спасибо».

В первый раз после ухода из своих мест он наелся. Ему дала [она] соболью постель и рысье одеяло. Он заночевал там. Двое суток он ночевал там, отдыхал. Вот однажды утром, переночевав, он сел напротив и повел рассказ:

Кудэргие! Кудэргие!
В дальние места я пришел.
Я сирота, одиночка,
Я человек, который
Друга себе
Ходит [и] ищет.
Если бы [ты] согласилась,
Если бы [мы] вдвоем
Объединились бы,
То что бы случилось?
Как думаешь ты?
Если согласишься,
Скажи: «Согласна».
Если не согласишься,
Я, человек странствий,
Пойду своим путем.

Он кончил, тогда речь повела девица:

Кемонин! Кемонин!
Ты, мата средней земли,
Молодец, Кодакчон-мата,
Что ты уничтожил
Моего обидчика,
Я этого не забуду.
Сказанных слов мне довольно.
И у меня нет ни отца,
ни матери.

И вот они соединились. Соединившись вдвоем, устроили свадьбу. Забили оленя. Забив, сварили. Сходили за соседями. Три дня свадебное угощение ели. Потом зажили по-хорошему.

2. Кодакчон

Семен Савин (мать — эвенкийка Эдян, отец — якут), род. в 1894 г., малограмотный.
1960 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

В давние годы, когда река впервые потекла, когда трава только вырастала, на средней земле жили два паренька. Жили-поживали, откуда они появились — не знали; упали ли с верхней земли — не знали. Одно дело только и знали они — бродить по средней земле.

Если взглянуть вокруг, то увидишь чум-утэн [1] такой большой, что не видны ни ближняя (т. е. передняя), ни дальняя (т. е. задняя) стороны его. В нем жили два человека, один из них был больным. Звали больного парня Боскондяриндя,[2] другого парня звали Рожденный от дуплистого дерева Кодакчон-богатырь, силач человек.

Тридцать лет болел младший брат. «Больной лежишь», — [говоря], кормил его старший брат, принося разных зверей. Бродил он по тайге, очень выносливый человек был этот богатырь.

Как-то раз он говорит:

— Ты что-то долго [болеешь], сколько же лет болеешь?

Вот уже тридцатый год подходил, как он болел. Старший брат говорит:

— Вот уже тридцать лет я кормлю тебя, а ты продолжаешь болеть.

— Надо мной уже много людей смеялось, говоря: «Какой же ты хилый!».

— В этом году я тебе помогу, — сказал брат. — Но если ты не встанешь через три года, я тебе покажу!

Он отправился на охоту. Когда он ушел, парень задумался: «Не быть же все время немощным, больным человеком! Попробую я как-нибудь встать и пойти», — говорит он себе. Вот ползком, ползком, привставая, все подвигался, почти два дня до порога он добирался. Наконец, добрался до ограды. Добравшись, он встал и пошел.

Были там красивые деревья. На каждом дереве он пробовал оставить знак. Вдруг в то время, когда он передвигался, залетела откуда-то красивая птичка и села на вершину дерева. Села и заговорила, запела:

Геруканен! Геруканен!
Вот теперь я пою!
Словно умирающий,
Тридцать лет проболев,
Лежишь ты у корня дерева.
Расскажи, откуда ты родом.
Геруканен! Геруканен!
Открой-ка рот! Я окажу тебе помощь.
Ты, собравшись в путь,
Уже стал здоровым.
Когда встанешь на ноги,
То неподалеку
Будет очень большой дом.
В нем самая разнообразная одежда,
Которую носят богатыри, говорю,
Разная соболья одежда, говорю,
И серебряная и железная одежда.[3]
Геруканен! Геруканен!
Рот открой, говорю.

Когда он услышал и открыл рот, [туда] упало что-то вроде яйца.[4] Как только оно упало, парень стал сильным и очень красивым человеком. «Вот ты и встал! — сказал он себе, встав. — Ведь мне так говорила эта птичка. Вот, попробую-ка пройти вперед!», — сказал он и пошел. Прошелся вперед, смотрит — стоит дом с замком величиной больше, чем голова собаки. Потянул он [его] да так, что вырвал. Очень сильным человеком стал. Начал он надевать соболью и железную одежду — разорвал, надел еще — опять разорвал. Наконец, самую крепкую одежду — боевое одеяние — нашел и надел.

Надев, «куда же идти?», — говорит. Шагая, увидел — стоит еще дом. «Иди туда!», — говорила птичка. Пошел туда — стоит дом на земле, замок с собачью голову. Потянул [его] с силой, оторвал. Смотрит — стоит красавец-конь с естественным седлом и крыльями (букв.: с седлом из себя), стоит на привязи. Потянул богатырь на себя цепь, порвалась она. Вышел на улицу. Выйдя, вскочил на коня, сжав своими икрами бока (букв.: грудную клетку) коня, кнутом ударил по крупу. Конь три дня пытался его сбросить, мучил его, бросая туда и сюда, думая: «Упадет богатырь».

Но богатырь ни разу не упал. Он выдержал, промучившись три дня. Остановившись, [конь] сказал:

— Ну, будь моим хозяином. Теперь поедем, куда захочешь!

Он, сделавшись богатырем человеком, пустил коня рысью. Три дня ехал, доехал до дома. Приехав домой, привязал своего коня. Привязав, пошел к чуму-утэну. Вычистил всюду и развел огонь. (*Повествователь добавил по-русски: «Выбросил все остатки болезни»*). Развел огонь. Тем временем пришел старший брат — сильный человек, Рожденный из дуплистого дерева Кодакчон-богатырь. Подходя, он уже издали усмехался. Усмехаясь, сказал: «Вот, действительно, мой брат стал здоровым человеком. Огонь горит, обрадовался [он], что может по-настоящему ходить». Говоря так, он вошел в дом. Брат совсем изменился. Старший говорит братишке: «Здоро́во!»; тот не оглянулся и не произнес ни слова.

— Что это такое? — спросил старший и, рассердившись на младшего, сказал: — Если в течение трех дней не станешь человеком, я тебе покажу!

Младший брат (букв.: этот человек) тоже рассердился и убежал. Отбежав, пошел к своему коню. Придя к нему, он сел на него и очень быстро поехал.

— Ну, — говорит старший брат, — вот так здо́рово! Что же ты за человек! Давно ли ты начал ходить, [а уже] зазнаешься, эх ты!

Старший брат пошел, долго шел. В это время братишка его доехал до большого моря. Добравшись до моря, конь его остановился. Конь такую речь пропел:

Лэргек! Лэргеникен-хенгуй!
Лэргек! Лэргекен!
Вот теперь и пой [о том, что]
Тридцать лет жил
И болел ты.
Боскондяриндя, послушай
Слова старшего брата!
[Если же] не послушаешь, не спросишь,
Когда старший брат, придя,
Говорить будет, [худо тебе станет]!
Я тебе говорю:
Когда он вниз посмотрит,
Ты вверх смотри;
Когда он вверх посмотрит,
Ты вниз смотри![5]
Очень сильный он человек,
Очень хороший человек!
Против его советов
Ничего не говори, знай себе слушай!
Я перескочу через море-матушку.
Сидя верхом во время быстрой езды,
Ты узду (букв.: железо) хорошенько держи
И крепче сиди!
Когда, доехав до моря и перепрыгнув,
На тот берег попадем,
Там будет четыре камня.
Если я встану на них четырьмя ногами,

Дальше поедем хорошо.
Но если я ступлю двумя ногами,
Упадем в море-матушку!
Ну, сильнее гони вперед! — сказал.

Вот [конь] перескакивает море. Перескочив, полетел [и] летел очень быстро. Человек хотя и крепко сидел [на коне], но чуть-чуть не упал. Очень быстро уж [конь] летел. Там было четыре камня, конь четырьмя ногами прыгнул. Конь прыгнул четырьмя ногами и соскользнул. Зацепившись [только] двумя ногами, упал в море и поплыл (букв.: начал двигать ногами).

Тем временем, откуда ни возьмись, появился сильный человек Кодакчон. Когда они попали в море, он правой рукой подбросил их вверх. Подбросил вверх — и человек с конем упали на землю, сразу умерли. [Когда они упали], этот сильный человек плюнул на ладонь и потер рукою, и они стали такими же [живыми], как и прежде.

— Ну, вот, — говоря, дал он совет младшему брату: — я тебе укажу — поедешь ты в далекие места. Расстояние до них так велико, что семь птиц семь раз родятся прежде, чем доедешь (т. е. через семь лет доедешь). Иди на восход солнца.

Так старший брат советовал младшему, так он пел:

Генгдэ! Генгдэронен!
Генгдэ! Генгдэронен!
Богатырь человек,
Боскондяриндя-братишка,
Ты послушай меня!
Когда доедешь до земли,
До которой надо ехать
Столько лет, что перелетная [птица]
Успеет семь раз снести яйца,
Встретишь богача старика.
У него есть одна дочь,
У него есть один сын.
Не доходя до дома,
В двух километрах от него,
Будет большое жертвенное дерево —
Место жертвоприношений,
Дерево добрых людей — эвенков.
Дерево, которому поклоняются.
Дойдя до того дерева,
Отрывают, сломав, ветку.
Разведя большой костер, говорят:
«Скот и оленей сохрани
Нам для питания (букв.: для вертела)!».
[Ты] кусок мяса величиною с шапку хорошего человека,
Величиною с рукавицу плохого человека,
Оторвав [от убитого оленя], съешь!
Потом, когда сожжешь [ветку] и отправишься,
Там будет старый вождь, богач,
Там будет его сын-парень.
Тот, придя, [скажет]:

«Из каких мест придя, разбойник
Сломал все жертвенное дерево и ест?».
Говоря, поведет [тебя] к отцу-старику.
Когда сын старика, так говоря, [станет] приглашать к себе,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он крикнет:
«Ты, из дальних мест пришелец,
Иди-ка своим путем!»,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он позовет: «Идем к отцу!»,
Тогда отец его скажет:
«Вот ведь Хоролден,
Наш слуга, прогневал
Богатыря из дальних мест,
Пришедшего обидел!».
Вот, не дойдет Хоролден
До стола, [как его] побьют.
Потом старик пошлет свою дочь.
Дочь, надев лучшие одежды,
Стесняясь, войдет.
Он скажет вежливо:
«Посмотри на хорошего богатыря,
Пригласи его в дом!».
Ты не рассматривай ее.
«Устал ведь ты.
К отцу пойдем», — скажет.
Тогда отец, старик хозяин,
[Сам] придя, скажет: «Куда пойдем?».
«Отдохни!», — скажет он,
Но ты не слушай его.
Потом придет с нижней земли
Богатырь, враг-авахи,[6]
Сэлэлунде с нижней земли.
Прибыв, он унесет девицу.
В пути, превратившись
В трехголового орла,
Посадит девицу на шею.
Тогда девица скажет:
«Грех мне сидеть на жертвенном дереве!
Прихватим его в попутчики», —
Врагу она скажет.
Действительно, он сильный богатырь!
Ни с какой стороны его не убьешь,
Ни с какой стороны его не сдавишь!
У него около сердца, вероятно,
Особых два куска мяса.
Днем смерти своей [он]
Сам распоряжается.
На лету, зацепив тебя лапой, [орел]
Посадит на шею себе.
Сидя на нем, плюй в него так,
Чтобы глаза его не могли видеть,
[Рот] не мог плюнуть или сказать.
Потом, рассердившись,
Ты [все-таки] его одолеешь.
«С чего это ты на меня плюешь?
Убей!», — говоря, он спустится [на землю].
Ну, сказав [так] и спустившись [на землю],
Сэлэмэндя сядет, став человеком.

Тогда ты скажи ему: «Сейчас приду».
Вероятно, ты сам убежишь от него.
Я буду в том месте.

Этот человек [Боскондяриндя], сидя на коне, быстро поехал. Много ли, мало ли ехал — не знает. Ехал сквозь туманы. Летел, летел очень долго [на крылатом коне]. Сколько-то времени пролетев, этот человек остановился. Там стояло одно дерево. «Старший брат правильно, — говорит, — рассказывал». Остановившись у дерева, он отпустил коня. Пройдя, влез вверх по дереву и поломал все ветки. Наломав, развел большой костер. Поймал самого лучшего из оленей, убил, обжарил на рожне и начал есть.

Во время его еды подошел слуга Оролдин, пришел и смотрит, говоря: «Ты, разбойник, из каких мест прибыл, что так поступаешь?». Рассердился на него и выругал.

Человек ест и не смотрит даже. Слуга подошел к богатому старику и говорит: «Разбойник пришел, сломал все дерево и убил самого лучшего оленя (букв.: оленей).[7] Плохой человек пришел», — жаловался [он] старику. Старик, рассердившись, сказал: «Обижаешь ты богатыря, пришедшего из дальних мест». Потом побил [слугу] палкой.

Утром рано [старик] послал сына. Отправляя сына, он сказал: «Поди посмотри (т. е. узнай), о чем тот расскажет. У этого человека есть старший брат». [Старик] отправил сына. Тот пошел: «Что это за человек пришел?». Смотрит он — на вид хороший человек, а дерево сломал да еще оленину (букв.: оленей) ест. Тогда он сказал:

Дынгдэ, дынгдэ, дынгдэронин!
Дынгдэ, дынгдэ, дынгдэронин!
Из дальних стран богатырь,
Матерый, хороший человек,
С талантом (букв.: с духом-хозяином) человек,
Приходи-ка [к нам] в гости!
Старик хозяин
Тебя приглашает,
«Войдя в дом, отдохни», — сказав, зовет.
«Из каких мест изволил прибыть?», — говорит.

Но человек [Боскондяриндя] и не взглянул, знай себе ест. Устал [сын] звать. До каких же пор звать? Пошел парень к отцу. И думает: «С чего это богатырь человек сломал все дерево, оленя убил?».

Старик забеспокоился. «Почему не идет этот человек? — говорит. — Он обязательно должен прийти в гости. Дочь, сходи-ка ты [за ним]!». Посылает он свою дочь. Заставил надеть лучшую одежду. Девочка была очень стыдливой, хотела было не пойти. И другого боялась: «Отец начнет ругать», — думала.

Вот надела [она] нагрудник и пошла к богатырю. Приближалась, стесняясь. Посмотрела, а богатырище жарит их оленя на

рожне. Придя, подошла. Подойдя, так начала петь, стесняясь, свою речь:

Кедайканен! Кедайканен!
Дальних стран житель,
Дальних стран богатырь,
Вождь-старик, мой отец,
Послал меня сюда.
Из дальних мест придя,
Ты, видно, проголодался?
Под теплый кров
Зайди отдохнуть!
Из каких мест
Идешь ты, человек?
Что скажешь теперь? —
Сказала тогда девица.

Этот богатырь и не смотрит, хотя и хочет посмотреть. «Если не выполню слов брата, быть беде», — говорит и не смотрит. Хотел улыбнуться. «Как брат говорил, так я и не стану смотреть», — подумал. Девушка устала приглашать и чуть не заплакала; вернулась домой, сказала: «Не смотрит. Что это за человек?». Тогда старик сказал: «Пойду-ка я сам позову!». «Кто бы ни пришел, не подходи, не смотри на него», — [вспомнил парень слова брата].

Старый вождь, облачившись, пошел к богатырю. Пришел, смотрит — [тот] все дерево поломал, огонь развел, сидит и ест оленину (букв.: их оленей). Еще издали раскланиваясь, [старик] говорит ему: «Ну, приходи в гости!». Нацевая так, продолжает: «Из дальних мест ты пришел. Отдохни у меня!». Долго просил его, устал приглашать. Звал, звал, не уговорил. Пошел старик домой.

После его ухода [парень] пробыл недолго. Через три дня затряслась вся земля. Пришло время появления атамана врагов-авахи из нижнего мира. Прибыв, он мигом вывел из-под земли нескольких быков, запряженных в повозку. Сел на повозку одноногий, с одним глазом на правой стороне лба, очень страшный, в железном одеянии. Никакой человек не мог его одолеть — везде железо. Прибыл никем не побежденный авахи. Еще издали авахи говорил, такую речь он пел:

Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Старик Угоян, вот теперь —
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин! —
Красивую девушку с длинной косой,
Девушку Нюрдяк возьму.
Надень красивые одежды,
Приготовься к поездке!
Еду хорошую приготовь!
Пока не отзвучит моя речь,
Отдай свою дочь, старик!
(Но отдаст ли старик?) [8]
Если не отдашь, сокрушу твою землю!
Все твое владение уничтожу!
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Пока не исчезли звуки моей речи,
Скорей собери свою дочь, говорю.

Что делать старику? Дочь с плачем нарядилась в одежды. Отдал он в руки врага свою дочь. Авахи со словами: «Надо скорее уезжать из этих мест», покатавшись по земле, обернулся трехголовым орлом.[9] Этот орлище усадил девицу себе на шею. Усадив, полетел. Направился авахи в свои места. Во время его полета девушка такую речь пела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Сэлэлунде-авахи,
Ты послушай меня!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
В пути у нас
Огромное дерево будет,
Там человек огонь развел,
Там человек оленину ест.
Схвати его за ворот!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Брось его на шею себе!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Тогда ты будешь молодцом! — говорит.

— О! — сказал [авахи]. — Я положу его на шею себе!

Летит авахи, [видит] — у дерева богатырь. Схватил его лапой (букв.: рукой) и посадил себе на шею этого богатыря. Этот богатырь в пути так ругался и говорил:

Авахи-парень, когда ты взял хорошую девицу?
Ты, авахи, меня в нижний мир несешь,
Ах ты, такой-сякой!

Говоря, он плевал ему в глаза до тех пор, пока тот не перестал видеть. Авахи очень рассердился.

— Каким образом хочешь ты одолеть такого богатыря, как я? Я сейчас превращусь в каменного человека. Тогда с какой стороны ты ударишь палкой? Чем заколешь меня?

Авахи со злости спустился на землю и превратился в каменного человека.

[Парень] вспомнил: «Мой старший брат предупредил, [говоря]: „вот сейчас приду“». Побежал туда [парень], а там стоит старший брат — сильный человек, Из дуплистого дерева рожденный Кодакчон стоит. Вот он, приняв вид человека, взяв железное копье, побежал к авахи. «Он знает, что [авахи] меня убьет», — [подумал младший]. Авахи испугался и говорит:

— Кто тебя знает! Приняв вид младшего брата, ты собираешься убить меня железным копьем. Не убивай меня! Я сделаю тебе добро. Куда бы ни пошел, помогу! Раз сказал, сделаю!

— Ну, теперь я скажу! — и Кодакчон-богатырь запел:

Генг, генгронин! Генг, генгронин!
Богатырь Сэлэлэнде,
Авахи, слушай!
Силач человек, Сэлэргун,
Моего братишку, взяв на спину,
Никого не задевая,
Вывези-ка в то место, [откуда он пришел].
Тогда я тебя не убью!
Послушай-ка мою речь!
Если хорошо довезешь, не убью! —
Так сказал старший брат.

Как только он сказал, авахи перепугался:

— Ты куда попросишь свезти, я свезу, не трону его, — говорит.

Он повез младшего брата в его места. Отправившись в его места, благополучно довез. Оставив его там, авахи направился в другую землю.

Кодакчон-богатырь отправился в дальние места. Он был пешим охотником (букв.: человеком); у него не было ни коня, ни другого средства передвижения, только железный посох. На хождения в дальние края он был мастер.[10]

Однажды полил сильный дождь, выпал град, но человек все шел. Всем было слышно, как он шел. «Кто, откуда богатырь идет?», — говоря, смотрели. В талой земле увязая до таза, в мерзлой земле увязая до колен, бежал он. Бежал он очень долго, много лет. Кончилась еда, сносилась одежда. И все еще продолжал путь. От такого движения он стал хуже всех людей. Измучившись вконец, оставшись без одежды, голодный, собрался умирать. Но он шел и шел. Силы стали покидать его, а он все шел. Вот смотрит он — стоит чум. Человек этот, едва-едва дойдя, постучал в дверь так, что весь дом задрожал. На все это смотрела богатырь-девица.[11] Она сказала ему:

— Ты такой сильный человек. Из каких мест ты пришел? Страшный, не входи в мой дом! — сказала и не впустила.

Ничего не сделаешь! Страдая, он опять пошел вперед. Вот на пути у него опять встал большой дом. Дойдя до этого дома, он опять постучал со словами: «Впусти в дом». Тогда великан-девица с лицом величиною с луну, страшная девица сказала:

— Ты такой паршивый, [что], придя в наши дома, испачкаешь их. Иди! Иди!

Что поделаешь — чуть не заплакал он. Пошел человек дальше. Шел, шел, дошел до одного чума. Вот-вот умрет, уже дыхания не хватает. Шел, шел, едва дошел до двери. Подойдя, постучал. Девица открыла дверь. Открыв, усмехнулась:

— Из каких далеких мест идя, таежный человек, человек из эвенков, богатырь, таким ты стал? — сказала. — Ну, входи в дом!

Взяла его за правую руку и с трудом ввела в дом.

Вот он живет и жиром покрывается. Откармливает [она] его самой лучшей [едой]. Поправляясь, съедая пищу, он совсем изменился и принял прежний вид. Между тем девица такой рассказ повела:

Кимо, кимоку! Кимо, кимоку!
Кто же это?
От дерева рожденный
Кодакчон-богатырь?
Кимо, кимоку!
Из дальних стран придя,
Очень измучившись,
Ты настранствовался.
Кимо, кимоку!
Страшный авахи —
Кемо, кемоку! —
Придя сюда,
Меня унести хочет.
Кимо, кимоку!
Что ты думаешь об этом?
Кимо, кимоку!
Страшен уж очень —
Кимо, кимоку! —
С дыханием огненным,
Огненный авахи идет.
Теперь если ты силен,
То выдержишь [встречу].

Сказав, так спросила:

— Ну, как поступишь?

— Если придет, немного подеремся. Победивший будет иметь счастье.

Вот после этого через три дня нижний мир весь перевернулся; сильный гул послышался с самого нижнего мира, песнь, такая речь раздалась:

Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Железный конь мой,
Быстрее лети!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Из нижнего мира быстро
проникнув,
Мы доедем до средней земли.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Красавицу Шекак
Увезем в свою землю.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Моя громовая речь
Далеко разнеслась.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!

«Быстрее», — говоря, [авахи] погоняет коня. Лишь только [он] сказал, как богатырь стал готовиться. Тем временем богатырь надел одежды. Приготовясь, сильный богатырь, От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь вышел навстречу. Авахи, шагая навстречу, выйдя из нижнего мира, не успел хорошо взглянуть, как перед ним встал великан-богатырь. Тогда авахи выкрикнул:

— Гнусавый ты человек.[12]

От дупла рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генге! Генгеронин!
Авахи-богатырь,
В какие страны держишь путь?
Скорей рассказывай!
А на первый день
Мой привет услышь!
Вот я, человек,
О встрече с тобою
Давно мечтаю! — сказал так.
Богатырь я средней земли,
Кодакчон-мата, человек.
Как тебя звать, ты
Атаман [врагов]-авахи, поведай!
— говорит.

— О, я — силач Сэлэргунде с огненным дыханием, я — Тогондор-богатырь,[13] — говорит. — Я пришел сюда, чтобы взять в жены красавицу Секак.

— Ты не возьмешь эту девицу! Сначала договоримся. Кто сильнее из нас и не сможет [другому] поддаться, тот и возьмет.

Они немногими словами раздразнили друг друга и начали кулачный бой. Они были страшными и сильными кулачными бойцами. Авахи в железной одежде ничего не боялся. Ровную землю они превращали в рытвины, рытвины выравнивали, ничто их не сдерживало — бились, как на войне. Во время поединка с верхнего мира начался сильнейший ливень с градом — такой, что уничтожил всех зверей, всю растительность и малых детей. Точно они хотели разбить всю землю, так сильно они боролись, схватившись. Бились они, бились, но авахи не поддается, богатырь тоже не поддается. Бьются они наравне четверо суток, конца не видно.

Вот однажды силач Кодакчон-богатырь такую речь произнес:

Генгер! Генгер! Генгеронин!
Тогондор-богатырь,
Авахи, послушай!
В далекую землю
Лучше пойдем-ка, говорю.
Не станем землю портить,
Не станем людей мучить.
Пойдем-ка на площадку
Поединков богатырей!
Вот есть где-то
Железная площадка,
Босой человек

На ней не устоит:
Как огонь горяча
Эта горячая площадка.
От моря-матушки
Она близка, говорю.

Вот если пойдем туда,
Узнаем, кто кого одолеет:
Ты меня одолеешь
Или я тебя одолею.
Согласен или нет?

Задумался авахи над сказанным и сразу ничего не ответил. Потом говорит:

— Хо! Пойдем туда, друг. Кто из нас одолеет, тот и есть силач.

Превратился этот человек в перелетную птицу, в сильную, большую [птицу], и полетел. Второй, [авахи], стал трехголовым орлом. Они полетели в те места. Летели они так быстро, что искры сыпались из крыльев. Быстрее летел сильный человек, Кодакчон-богатырь. Авахи хотя и быстро летел, но отставал.

Вот долетели до площадки у моря. Остановились там. [Кодакчон] где-то нашел два конских волоса из гривы и бросил. Они превратились в двух коней и направились к духу — хозяину моря. [Кодакчон] поблагодарил [духа моря] и ждет. Авахи в железном одеянии прибыл с опозданием. Прибыв с опозданием, таким же [человеком] стал. Силач Кодакчон встал против него, и они схватились. Схватившись, немного побились, и авахи сказал:

— Через три года [14] я тебя брошу [на землю]. Если ты силен — выдержишь, если слаб — упадешь в море, — говорит авахи.

Противник поднял богатыря вверх. Таким образом держал и перебрасывал его трое суток. Не бросил [на землю] и не победил.

— Ну, — говорит Кодакчон, — [теперь] брошу-ка я тебя. Если выдержишь — держись! Вот посмотрим! — крикнул Кодакчон-богатырь, силач человек. Три дня, будучи поднятым вверх, кричал богатырь [-авахи]. Трое суток так подбрасывал [Кодакчон] и бросил [авахи] в глубину морскую, в пылающее пламя.

Уходя в свой мир, [враг] такую речь держал:

— Когда твой сын впервые будет играть белкой, когда твоя дочь станет резать ножницами, я приду к тебе.

Авахи с громким плачем стал спускаться в нижний мир.

Сильный человек Кодакчон-богатырь повалялся, покатался. Став перелетной птицей, полетел к себе обратно, Так он, добираясь до родины, прибыл к Секак-девице средней земли, там отдохнул немного. Девица, обрадовавшись приходу богатыря, встретила и поздоровалась. Встретив, она повела его в свой теплый дом и накормила его разными блюдами. «Отдохни!», — говорит.

Прожив немного, несколько дней отдохнув, он говорит:

— Я хочу вернуться на свою родину, на просторы Тарундяк-земли, — говорит девице богатырь. — Красавица Секак-девица, пойду-ка я в таежные места. Был у меня младший брат. О нем соскучился, — говорит, — хочу пойти туда.

В тот же день он сказал девице:

— Собери-ка мелкие вещи, — говорит, — мы станем мужем и женой,[15] вместе пойдем в далекие места. Перелетная птица семь раз снесет яйца — столько времени надо идти до моей земли. Из таких далеких мест я прибыл, — говорит.

Собрались в путь.

— Вот мы собрались в путь! Не бери с собой ни еды, ни одежды,[16] — говорит он. — Ну, пошли из этих мест.

Секак-женщина сказала:

— Пойдем, дружок, я здесь одна не останусь; на это нет моего согласия.

Они, собравшись, приготовились в путь и собрались ехать в свою землю. Эта богатырша на себе (букв.: на своем седле) носила вещи, а друг ее имел хорошего коня. Женщина, подойдя к коню, подозвала [его]. Она, сев верхом, отправилась. Сильный человек Кодакчон-богатырь повалялся, покатался и превратился в большого орла. Жена [его] поехала на коне. Она не взяла из дома одежду. «Там найду одежду», — говоря, двинулась. От движения богатыря дул ветер, выла буря. Они двигались, летели, одним ухом слушая звуки сверху, другим — снизу. Летели, смотрели на все плохое, происходящее на земле. Долго летели. Много ли, мало ли летели — не знают. Осень по холоду узнавали, лето — по росе, так и двигались. «Ну, далекие же места», — говорит [она].

За то время, как они летели, у младшего брата родился сын. Подрос он и пошел искать дядю. «Какой-то быстрый человек идет», — [подумал он]. Идагурчан-богатырь вышел навстречу. Чуть мимо дяди не пробежал. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генге! Генгеронин!
Вот теперь пусть споет,
Из каких мест пришел
Богатырь паренек.
Что за земля у твоих
предков (букв.: корней)?
Расскажи-ка мне! —
быстро сказал он.

Сын младшего брата такую речь произнес:

Тынгтэ! Тынгтэронин!
Тынгтэ! Тынгтэронин!
Давно, давно, много лет прошло —
У моего отца был старший брат.
Счастья в пути он искал.
А я, сын Боскондяринди, ищу [его].

— Эй, малыш, да ты сын моего младшего брата! Ну, поговорим!

Они остановились в пути и поцеловались.[17] Расцеловавшись, вместе полетели домой. Вернулся обратно парень. Этот паренек долго ходил, в далекие места зашел.

Давно, давно, много лет назад, когда [Кодакчон] ушел, там людей было мало; [вернулся] — людей стало много. Вот они, старший и младший братья, обрадовались. Младший вышел навстречу старшему. Жена его привязала коня к телеге. Поцеловались, поздоровались и с радостью вошли в дом. Этот человек [Кодакчон], оказавшись без чума-утэн, сделал хороший чум-дю.[18] Обрадовавшись, [Кодакчон с женой] говорят: «Ну, теперь домой пришли, хорошо жить будем».

Прожив немного, созвали разных людей, говоря: «Уже годы прошли, как мы соединились (букв.: как нам годы стали), теперь устроим угощение». Забили оленей, созвали всех ближних и дальних соседей. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь пропел:

Генгер! Генгеронин!
Генгер! Генгеронин!
Люди, все слушайте!
Странствуя по дальним странам,
Среднюю землю,
Онгчор-землю
Всю прошел я.
Везде странствуя,
С разными богатырями
Встречался в пути, — говорит.
Вот рядом сидящую
Девицу, друга себе нашел.
Начав хорошо свою жизнь,
Мы вместе теперь жить станем.
Играйте, пляшите!
Вот сегодня наступил день,
Когда я настоящим человеком
стал, — говорит.

Наставив разные блюда, устроили угощение. Некоторые люди опьянели. Все старики и старухи, немного подравшись, плакали. Молодежь играла.

Так живя, говорили: «На одном месте теперь жить будем». *(«Это конец, окончилось сказание», — сказал повествователь).*

3. Секак

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, давно, когда средняя земля, словно шкурка с головы оленя-мойки,[1] расстилалась, когда верхнее небо, словно радуга в шесть рядов, только становилось, на берегу девятой большой реки, на вершине горы с крутыми склонами стоял одинокий чум-утэн.[2] Жили в нем одна женщина и один мужчина — муж и жена. Он и она достигли среднего возраста — сорокалетнего.

Жили они [и] имели оленей полную долину. Была у них одна дочь. Только что начала ходить. Жили они, воспитывая дочь. Мужчину звали Нингтони-мата,[3] жену — Эрокчон. Постепенно дочь стала говорить. Заговорив, обратилась к матери:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Эрокчон-матушка,
Нингтони-батюшка!
Имя мне
Найдите, прошу!
Как без имени
Жить я стану?

Она кончила речь, мать ответила: «Пусть отец даст имя!». Отец сказал: «Пусть твоя мать [тебя] наречет!». Тогда мать, чтобы имя назвать, такую речь держала:

Оле, доле! Оле, доле!
Доченька, малышка,
Назову-ка я твое имя;
Если ты не забракуешь,
Назову я тебя именем.
Как же (букв.: кем же)
назвать тебя?
Нингтони-богатыря
Дочь, говорю я,
Эрокчон-старушки [дочь],
Под четвертым ложным ребром
Созревшая,
Под восьмым ребром
[Созревшая],
Девочка, имя которой даю.
Широко известное,
Благозвучное имя
Имей ты, хорошая девочка;
По имени Секак
Девочка будь!

Кончила она речь. Обрадовалась девочка имени, выскочила на улицу и хвастливо крикнула: «А у меня красивое имя!».

Живут они. Девочка уже начала играть в игрушки. Она, играя, режет ножницами, шьет иглой. Хорошей, очень красивой девушкой становится. За водой ходит, дрова носит. Так они жили, разговаривали и не знали счета оленям. Когда наставало лето, период мошки и комаров, олени приходили домой. Подошедших важенок доили. Когда же не было мяса, они забивали оленя. Забив, ели мясо.

Однажды девушка держала такую речь:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Нингтони-папаша,
Эрокчон-мамаша,
Наша жизнь вот такая
Мне наскучила.
Большая тоска
Напала на меня.
Жить в одном месте
Наскучило мне.
От скуки мне кажутся
Дни без конца
И годы очень длинными.

Сказав, она продолжала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Я, девушка, хочу
Океан-моря [и]
Равнинной земли
Основание узнать.
Надумала я
Недалеко пойти.
Что бы случилось,
Если бы я пошла?!

На речь ее отец отвечает:

Орель, орель![4]
Я говорю —
Орель, орель! —
Секак, дочь моя,
Ты, направившись,
До конца
Какой земли
Дойти надумала?
Не ходи, прошу!

Кончил он, а дочь говорит: «Я пойду, что бы ни случилось». Говорит дочь, не слушая отца, и в путь собирается:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Мать и отец,
Я пойду!
Что бы ни случилось,
Я двинусь в путь!

Мать ей говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Дочь моя, Секак,
Не ходи ты сейчас!
У тебя на костях
Хрящи еще не
отвердели,
Молодые мышцы
Еще не окрепли,
Твой мозг еще
Не заполнил черепа.
Года через два
Если бы пошла,
Было бы хорошо.

Она кончила. Девушка упрямится: «Что бы ни случилось, я отправлюсь». Уж очень настойчива была девушка. Сказала она и одежды надела. Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила.[5] Так нарядилась и вышла. Выйдя вон, такую речь держала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Секак-мамаша,
Я, девица, ухожу!
Что бы ни случилось,
Я вернусь, лишь посмотрев
Основание земли.
Ну, на долго ли,
На коротко ли
Попрощаемся (букв.: пусть
будет прощайте)!
Не печалясь
И не плача,
Оставайтесь, — говорит.

Кончила речь она. Кончив, направилась к верховью реки. Девушка, в пути оглянувшись, подумала: «Далеко я пошла». А чум еще виднелся. Девушка идет и идет. Кажется, далеко, а от дома еще и не удалилась.

Вот продолжает девушка свой путь. Дорогой она присела на колоду. Солнце уже было на полдень. Взглянула на солнце — самый полдень. Девушка проголодалась в пути. Подумала: «Есть хочется!». Захотела есть. Подумав так, заговорила:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Вот отец и мать,
«Не ходи», — говоря,
Отговаривали меня.
Только полдня
Прошла я,
А уже проголодалась.
Но я, девица,
Назад не оглянусь!
Только вперед пойду.
Мой шелковый платок,
Мое слово сделай
волшебным![6]
И ты, вверху видимое,
С радугами небо-матушка,
Мое слово послушай!
Дух средней земли,
И ты послушай
Мою речь!
Хорошенько слушай!
Я своим сильным ртом
Громко прокричу.
Моего широкого горла
Мою веселую речь
Послушай!
Вот я, из белого серебра
Оперением покрывшись,
Белым журавлем-гаха,[7]
С темными каймами на
крыльях, полечу.

Сказав так, полетела. Летит она в небо. Летит — видит очертания земли. Вот таким образом совершает она свой путь. Когда она летела, перед нею и птичка не пролетала. Летит она в сторону восхода солнца. В пути вдруг услышала звуки. Прислушалась к звукам. То, что она услышала, была речь:

Дэнгдэлэ, дэлэ!
Дэнгдэлэ, дэлэ!
Чьей земли, каких мест
Ты, девица-красавица?
С оперением из
Белого серебра,
Красивая, хорошая
Птица-гаха
Путешествует.
При первой встрече
Прими мой привет.
Подожди, остановись!
Поговорим-ка!
Уж если встретились,
Познакомимся,
О себе расскажем.

Сказав, окончил он речь. Девушка взглянула — с полуденной (т. е. южной) стороны железный ястреб-птица,[8] говоря, подлетает. Когда он подлетел, она стала говорить:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб-птица,
На твой привет пусть
будет мой!
Ну, если спрашиваешь,
Я тебе расскажу.
Давно на средней земле
Жил богатырь
Нингтони по имени.
Слыхал, вероятно,
Об этом старике?
Об Эрокчон-старушке
Ты, видно, слышал?
Так вот — я дочь их
По имени Секак.

Железный ястреб речь держит:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Ну, дочь Нингтони-богатыря
Со средней земли,
Секак-девица,
Я расскажу!
Я сын
Из рода Оха,[9]
Утольдина-старика
И Утакан-старушки.
[Я] железный ястреб-птица,
По имени Дюпкулкон-
Дюпкулдин,
Мата-богатырь.
Я, услышав весть
О том, что ты пустилась в путь,
На этот слух прилетел.
Куда же ты направилась?
В какую страну,
Зачем ты пошла?

Кончил он речь. Начала девица свою:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Мата, железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,
Ты, мата, о моем, пути,
О моей цели для чего
Расспрашиваешь?
Тебе совсем не нужно
Знать, куда я лечу.
Я направляюсь сама,
Своим путем.
Ну, мата, конец далек,
А пока прощай!

Сказала и вперед двинулась. Своим путем полетела. Дюпкулдин-мата продолжал:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Почему не хочешь
Говорить?
Чего испугавшись,
Улетела ты?
Друг, обожди!
Поговорим еще!
Куда торопишься,
День ранний,
Год долгий![10] —

говорит. Секак-девица отвечает:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Не надоедай ты
Далеко странствующей девице!

О далеких местах
Я мечтала.
А сам ты
Своего пути держись!
Очень нужно мне знать,
Куда летишь ты!

Я куда надумала (букв.: своим умом),
Туда и буду путь держать,
А ты лети [туда],
Куда сам надумал, говорю.

Сказала и полетела. Железный ястреб за ней полетел. Летя следом, запел:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Ты, девица-друг,
Постой, обожди!
Почему со мною
Не хочешь говорить?
Спеша, до какой земли
Скорее добраться
Торопишься ты?
Как бы ты ни торопилась,
Я — мата-человек,

По твоему свежему следу
Следующий!
Когда долетишь
До основания земли,
Встретишь меня, который
Не может быть не встречен.
Я тот, который летит
Над тобою в небе,
украшенном радугами,
Тот кто не спускается.

Кончил он, запела Секак-девица:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,
Для чего ты меня
Задеть собираешься?
Если силу мою узнать
Собираешься ты,
То попробуй догнать.[11]
Если силу мою узнать
Попробуешь, то потом
Не плачь, не сердись на то,
Что Секак-девица

За собой следовать заставила,
Такой длинный путь
Пройти заставила!
Если не заплачешь,
Пожалуй, следуй [за мной]!
Я тебя, как ни говори,
Во время первой встречи
Дурным словом
Не отругала.
На это ты сам
Напросился.

Девица кончила речь. После этого оба, соревнуясь, полетели. Секак-девица тогда речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин-мата!
На край какой Кидан-земли
Мы держим путь?
Я, девица, говорю:
Девять океанов,
Восемь морей
Встретим мы;

Над восемью крутосклонными
Мысами, морскими мысами
Мы пролетим, соревнуясь.
Кто же первым долетит?
Ты сам знаешь, [куда]
лететь].
А я сейчас полечу.
Может, и обгонишь [меня].

Сказала и кончила. «Вот завтра долетим до мест, где восходит солнце. Кто первым долетит?», — сказав так, они разошлись в двух направлениях. Каждый летел своим путем. Летит девица и ускоряет свой полет. Вот долетела до морского мыса. Долетев, вытерла пот. Только справилась, как подлетел железный ястреб. Долетев, так запел:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Ты когда собиралась
Сюда прилететь?
Я думал, что
Не долетит она.

Он, мата, продолжал:

Секак-девица,
Ты послушай,
Что я тебе скажу!
Ты первой долетела,
Ты быстрее прилетела.
Несмотря на это,
Что бы ни случилось,
Я не тот человек,
Который задерживает
Тебя в пути.
Но я не отстану от тебя.

Кончил. Секак так ответила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,
Ты не только со мною,
Но и около меня
Лететь не пробуй.

Сказала и вперед полетела:

Ну, мата,
Конец далек,
А пока прощай.

Девушка отправилась в сторону восхода солнца. Мата остался на месте. Девушка движется вперед и вперед, она [ведь] путница. Летит и летит. О лете узнает по выпавшей росе, о зиме — по выпавшему инею, об осени — по всплеску весел. «Осень настала», — думает. О весне — по выросшим листьям. «Весна наступила», — думает. Летит вперед. Не знает, когда ушла от отца, от матери.

Летела, летела, стала подлетать под самое солнце. Долетела до одного очень хорошего места. Пошла по красивому лугу. Посмотрела перед собою: «Вероятно, это белый голец», — говорит. Приблизилась к нему — это деревянный дом. Хорошенько разглядела — белый, четырехгранный, серебряный дом.[12] С неба (букв.: с верхнего мира) на тройной серебряной веревке спускается меч. Из-под земли (букв.: с нижнего мира) появился с восемью железными подпорами дом. Долетела до них. Долетев, спустилась. Спустившись, посмотрела на дверь. Дверка — в сторону восхода [солнца]. Войдя, такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Четырехгранный
Айгурский[13] дом,
Я издалека
Путь держу.
Если внутри есть хозяин,
Звук моего голоса
Услышь, говорю.
Я со средней земли,
Из очень далеких мест
Путь держу.
На ночлег меня
В дом впусти!
Едой я обеднела,
Одеждой обносилась.
Ну, пусти погреться!

Сказав так, окончила речь. Послушала девица — внутри речь раздалась:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Сумколдин,
Работник мой,[14]
Открой дверь,
Скорей, скорей!

Дверь открыли. В открытую дверь [девица] вошла. Войдя, прошла три двойных помещения и вошла в четвертое. В четвертом помещении сидит хозяйка. [Девица] сказала ей: «Здравствуй». Поздоровавшись, села. Когда села, хозяйка дома спросила:

Геревлакан!
Геревлакан!
Девочка-девица,
На какой земле [ты]
Родилась и жила?
Каких старика
И старухи ты дочь?
Как имя твое?
Что видела
В пути, что слышала?
Обо всем расскажи!

Она кончила. Девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Я, девица, расскажу,
Если ты о новостях
Расспрашиваешь.
Где мои предки (букв.: корни),
Спрашиваешь ты;
Чья дочь я,
Спрашиваешь ты.
Я расскажу.
Давно, давно, на средней земле —
Вероятно, ты слышала —
[Жил] Нингтони-богатырь;
О старике, вероятно,
Слыхала ты.
Об Эрокчон-старушке,
Видно, слышала ты.
Богатством прославился [он],
Много оленей
Было у старика.
Вот его дочь я,
По имени Секак-девица.

Окончила [девица] свое обращение к ней. Хозяйка дома девицу угостила. После угощения две женщины обо всем говорили. Пока они говорили, настал вечер. [Секак] тут заночевала, три или четыре дня гостила. Нагостившись, она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,[15]
Тыргакчан-тетушка,
Послушай-ка ты,
Что я расскажу!
К твоему доброму имени
(т. е. к тебе)
Из далеких мест
Я по небу прибыла.
Для чего? — если
спросишь,
То отвечу тебе:
Я прибыла сюда,
Думая: «Она меня
Всякому научит,
Разным обычаям
Научит она.
Край земли она, зная,
покажет», — думая,
[Я] сюда прибыла.
Ну, как ты смотришь?
Меня с собою вместе
Если бы ты увела,
Что бы случилось?

На речь ее Тыргакчан-девица ответила:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Со средней земли
Богатством известного
Нингтони-маты
Девица-дочь,

Эрокчон-старушки
Хорошему обученная
Девица-дочь,
Секак по имени.
Я знаю конец земли,
Основу земли —
Все знаю я.
Разные хорошие народы
Видела я.
Я знаю все,
Что рождено
Под солнцем;
Для меня нет неизвестного.

Сказала она. После этого они опять говорили о разном. Потом дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Секак-девица,
Слушай хорошенько.
Открой свои
Оба уха!
На ус намотай (букв.: умом своим хорошенько запомни)
То, что я расскажу тебе.
Какой земли край
Хочешь ты посмотреть?
Какой земли народ
Хочешь посмотреть?
Я знаю уранкаев
Всех трех земель,[16]
Как свои пять пальцев.
Где проходит
Анюй-река,[17] знаю, все знаю.
Где [надо тебя] провести —
Это место я знаю.

Она кончила. «Если хочешь в путь пуститься, — говорит, — пойдем сегодня же». Сговорившись, собрав мелочи на дорогу, сказав: «Пойдем!», отправились. Вышли вон. Выйдя и превратясь в белых журавлей, полетели. Летят они. Вот они сколько-то пролетели. Летят, подымясь ввысь. Подымаясь вверх, они добрались до верхнего мира. Добравшись, пошли по верхней земле (т. е. по горной тундре). Земля с хорошими местами. От мест [Секак] они отличаются — красивые места. Идя, дошли до одного дома. Дом хорош, четырехгранный. Дойдя, там остановились. Тыргакчан-тетушка такую речь держала:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Девушка верхнего мира,
Догикчон-дружок,
В твои места прибыла.
Дошла, говорю.
Открой дверь!
Я пришла узнать, говорю.

Когда сказала она, та открыла. Когда открыла дверь, они вошли. Войдя в дом, сели. Хозяйка дома так начала свою речь:

Доги, дэрокон!
Доги, дэрокон!
Дочь солнца, дружок,
Что видела ты?
Что слышала ты?
Это подруга твоя —
Какой земли
Она дочь?
Чье имя носит
Девица?
Как ее имя?

Секак-девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица,
Если ты спрашиваешь,
Я расскажу,
Откуда происходят мои предки (букв.: корни),
Где родилась я.
Если спросишь,
Какого старика,
Какой старухи

Дочь я,
Как имена их,
Расскажу я.
И о своем имени
Тоже скажу.
Отец мой со средней земли,
Богатством известный —
Нингтони-старика
Дочь-девица я,
Секак-девица
По имени я.
Моей матери имя
Эрокчон-старушка.
[Я] ничего нового
Не видела, не слышала.
Может, ты расскажешь,
Что видела, что слышала?

Она кончила. Заговорила Догикчон-девица:

Доги, доги, доракан!
Средней земли девица,
Секак-дружок,
Что я видела,
Что слышала — не ново.
Рассказы одного
Другому не новы.
А имя мое —
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица.

Она кончила. Девица угостила подруг. Там [они] заночевали. Переночевав, утром встали. Встав, «куда направимся?», — обсуждали. Догикчон-девица подругам говорит:

Доги, доги, доракан!
Друзья, этого верхнего
мира
Богатыри на игрища[18]
На нашей земле соберутся.
Приезда их и игрищ
Наступает день.
Сегодня на игрище
Придут разные
Маты-богатыри.
День сбора и встречи
Сегодня настал.
Не пойти ли нам
Всем трем туда?

Она кончила. Секак-девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-дружок,
Я ведь человек, еще
Не видевший юношей.
Мне хочется их
посмотреть.
И игрищ я не знаю,
Познакомиться
С игрищами я хочу;
С рождения игрища
Не видела я.
Посмотреть я хочу,
Разным играм
Научиться хочу.

Она кончила. Все три собрались в путь. Надели новые одежды и отправились. Девица верхнего мира знала место игрищ. Направились туда. В знакомое ей место пошли. Догикчон знала все места [игрищ]. Вот понемногу они дошли. Место игрищ было красивым. Юноши собрались, богатыри верхнего мира. Продолжают играть, петь и плясать. Догикчон-девица, паря вверху, такую речь держала:

Доги, доги, доракан!
Богатыри верхнего мира,
Маты, здравствуйте!
Мы добрались
До мест ваших игрищ.
Мы девицы трех миров.
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица —
Это я, говорю.
Под солнцем живущая
Тыргакчан — одна из нас.
А одна из нас —
На средней земле
выросшая

Нингтони-старика
Дочь, по имени
Секак-девица.

Вы нас пустите
Играть вместе с вами?

Кончила речь. Тогда один юноша произнес:

Дэнг, доле, доле!
Дэнг, доле, доле!
Вот, друзья, говорю,
Верхнего мира
Богатыри, к нам
Пришли трех земель
Девицы-кедак [19]
На наши игрища.
Как, мы допустим
Пришедших, я думаю?
Если спросите меня,
Я ведь тоже среднего мира

Старика Утольдина
Из рода Оха сын,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,
Мата я.
Секак-девица,
Здравствуй!
Ведь давно уж,
Как встречались мы.
Как странствуешь?
Что видела?

Он кончил. Секак-девица речь начала:

Чими, чими, тороканен!
Вот среднего мира
Старика Утольдина
Из рода Оха сын,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,

Мата-человек,
В верхний мир
Когда ты прибыл?
Я же ничего
Не слыхала, не видала.

Она кончила. Все продолжали свои игры. Три дня они пели. Напевшись, стали они собираться в свои места. Секак-девица вспомнила отца и мать. Вспомнив, стала собираться в обратный путь, к отцу, к матери. Вот она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,
Тыргакчан-тетушка,
Настало время
Вернуться к себе.
Отца и мать вспомнила,

Как-то живут
Теперь отец и мать?
Уже много времени
прошло,
Как я ушла от них.
Конец далек, прощай!

Она кончила речь. Отправилась, полетела. В свои места направилась. Вот летит она, летит, очень далеко залетела. Долго летела, наконец добралась до дома. Состарившиеся отец и мать обрадовались возвращению дочери, обнимали дочь. «Ну, как путешествовала, дочка? По каким местам ходила?», — спрашивают. Дочь в ответ запела:

Чими, чими, тороканен!
Матушка, батюшка,
Я прошла две земли,
Богатырей всех
Встретила, видела.
С дочерью солнца
Тыргакчан-девицей,
Богатырь-девицей,
Вместе путешествовала

В верхний мир.
Добрались до дома
Догикчон-девицы
Из верхнего мира.
Добравшись, втроем
Отправились
В места верхнего мира,
В места игрищ
Богатырей верхнего мира.

Там в игры
Поиграв, разошлись.
Все наши друзья
Вернулись к себе.
Вот и я тоже
Вернулась домой.

Она кончила речь. Так они жили и много оленей у них было.

4. Три девицы

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда над землей небо только зарождалось и было словно пуповина, в одном чуме-утэн [1] жили три девицы. Три девицы, и у каждой из них по одному котлу было, [каждая] сама себе готовила, варила. [Каждая] свою еду ела. Все три в лес ходили за дровами. У них не было ни одного оленя, ни одной собаки. Все три они не разговаривали между собой, ни о чем друг друга не спрашивали. Сами по себе жили.[2] Так и жили от рождения. Одна — по имени Секак-девица, средняя — Монгукчон и одна из них — Догикчон-девица.

Вот однажды Секак-девица к подругам, к младшим обратилась:

Дэвэдареко! Дэвэдареко! [3]
Монгукчон-сестрица,
Послушай, что скажу.
Выросши под
Светлым солнцем,
Мы нисколько не разговаривали.
Сегодня я поведу разговор!
На какой земле выросли [мы]
Сиротами, без матери и отца?
Как мы родились? — спросите [вы]
Мы уранкаи — люди тайги.[4]
Как одинокими [все] три
Выросли мы?
Если подобные нам
Уранкаи имеются,
То вы, может быть, знаете?

Она кончила, тогда Монгукчон повела речь:

Кемонин! Кемонин! [5]
Сестрица, я говорю:
Ведь ты первой свет
увидала (т. е. ты старше)!
Если знать, уж [ты] знала бы!
А мне как знать?

Она кончила. Тогда Секак-девица речь повела:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Я говорю,
Монгукчон-сестра,
Если бы мы
По средней Сивир-земле,[6]
По Кеян-земле [7]
В путь направились бы,
То мы, девицы,
До основания земли
Прошли бы.
Если бы мы отсюда
В путь отправились бы,
То куда бы пришли?

Сказав, она кончила. Монгукчон-девица продолжала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Я из этих мест,
От теплого чума
Не отдалялась.
Если ты умна,

Если ты собралась в путь
По Кеян-земле,
По Сивир-земле,
И если ты отправишься,
То я не задержу, говорю.

Она кончила. Секак-девица сказала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Вы послушайте
Мое девичье слово!
По средней земле,
По неизвестной далекой земле,
По неизвестной широкой земле
Завтра утром
Я, девица,
Завтра утром
В путь отправляюсь.

Она кончила. Монгукчон-девица сказала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Секак-сестра,
Ты в какую
Далекую сторону
Идти собираешься?

Она кончила. Одна из них не говорила, сидела, [смотря] вперед, и слушала. Вот они поужинали. Поели, легли спать. Утром встали рано. Позавтракали, опять сами себе порознь сварили. Эта женщина [Секак] кончила есть, собрала посуду. Одежду вверх подобрала, хорошенько связала волосы, набросила платок и подвязала вязки на унтах. Вышла, чтобы в путь отправиться. Выйдя, встала против двери. Встав, речь повела:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Сестрицы [мои],
На долго ли, на коротко ли
Давайте простимся.
Живите хорошо!
Если буду жива,
В каком-нибудь месте
На краю Кидан-земли[8] встретимся.
Всем сердцем, всей душой[9]
Я стремилась
По средней земле отправиться.
Разве подобная мне девица
Может быть задержана
коряжинами[10] в пути?
Где я буду идти,
Когда силы мои истощатся?
Пока силы есть, буду идти.
Прощайте, [сестры]!
Ну, конец пути далек,
распростимся.
Живите хорошо!

Она кончила речь и отправилась. А эти остались. Двинулась в путь Секак-девица. Идет своим путем. Вот уже полдень. В пути она, говоря: «Пить хочу», не остановилась. Говоря: «Пить хочу», воды не пьет и пути не прерывает. Вот дошла она до одного места. Красивое, удобное для стоянки место — лужайка. Дошла до места, где листья не желтеют. Девица, дойдя, осмотрелась хорошенько. Видит — там озеро. Хорошее, с чистой водой, зимой не замерзающее озеро. Посмотрела туда — это место зимовки (букв.: посадки) разных уток и гусей. Удивилась девица. На берегу песок, села она на него. Сев, такую речь держала:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
На средней Сивир-земле
Есть различные места!
Здесь растут деревья-лэкэннэ[11]
С тройными стволами,
С нежелтеющими листьями.
С чистой, прозрачной водой,
С незамерзающей зимой водою
Ключи и озеро [здесь] такие.
Здесь кормится
Очень много перелетных [птиц].
Это места, через которые
Они дальше не летят.

Эта девица свое желание высказала: «Я, девица, здесь остановиться хочу». Кончила речь. Эта девица еще из дома принесла пальму́.[12] Принесла и ящик рукодельный. [Она] взяла кольцо. Взяв его, правой рукой схватила пальму́ и повела речь:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Хороша, красива земля.
Если бы я, девица,
Здесь остановилась
И поселилась,
То сколько бы птиц узнала!
Столько разной птицы ходит здесь!
Как бы там ни было,
[Я] до таких мест дошла,
Что придется мне
Птицей питаться.
Может быть, какой-нибудь
Зверь когтистый
Мне попадется?
В этих местах
Несущая яйца птица
Когда яйцо снесет,
[Я], вероятно, [его] съем.
Вот в какое место я попала!

Кончила и опять продолжала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Если волшебством я владею,
То подброшу-ка я
Односторонне острую
Пальму́ к небу!
Четырехстолбовым
Железным помостом для меня
Сделайся! Сделайся!
Потом подброшу-ка я
Мое колечко!
Слово мое волшебное![13]
Кольцо мое, стань
Чумом-чорама![14]
С едой внутри,
С одеждой внутри!

Сказав, девица подбросила кверху свою пальму́ и кольцо. Подбросив, посмотрела вверх. Только взглянула вверх — и по ее желанию на середину лужайки упали четырехстолбовый помост из железа и чум. Она вошла в чум. Внутри все приготовлено: хорошая одежда и разные явства. Девица там поселилась, переночевала. Переночевав, утром встала и вышла по своей нужде. Выйдя, посмотрела на озеро — [там] полно уток. Вошла девица в чум. Села, дверь прикрыв. Приготовила как следует утренний завтрак. Только собралась есть, как снаружи звук послышался. Она в дырочку дверки посмотрела. Прислушалась: у дверки шум — словно какой-то человек упал. Тем временем он там, снаружи заговорил:

Кудария! Кударгея!
Кудария! Кударгея!
Чей это дух-хозяин пришел
На мое озерко?
Прежде всего,
Кто бы ты ни был,
Дверку открой!
Если людоед,
То быстро съешь.
Если убийца,
То быстро убьешь.
Если спаситель,
Быстро спасешь!

Он кончил. Девица быстро открыла дверку. В открытую дверь вошел мата.[15] Когда он вошел, девица усадила его на почетное место. Когда он сел, она начала речь:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата, здоро́во!
Что видел ты?
Что слышал ты?
Чьего ты племени?
Где твои предки (букв.: корни)?
С кем ты родня (букв.: откуда ты кровь имеешь)?
Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Куда путь держишь,
Мата-молодец?
Как имя матери, отца?

Она кончила. Заговорил мата:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
На твои вопросы,
Девица-друг,
Я отвечу тебе.
Я — мата по имени Умусни,
Живу одиноким.
А ты, девица-друг,
Из каких мест?
Как имя твое?
Расскажи-ка.
С тех пор как пришла сюда,
Сколько лет [прошло]?

Спросил он. Девица ответила:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я расскажу.
Я птичья [дочь],[16]
У меня нет матери,
Отца я не знаю.
Мое имя Секак-девица.
Моя родина
На средней Сивир-земле.
У меня две сестры,
Они живут на одном месте
В чуме-утэн.

Сказав, она замолчала. Мата заговорил:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Я, человек, говорю:
Твои вести я выслушал.
Прежде передавали
Рассказы птиц о том,
Что три девицы Сивир
Втроем вместе живут, —
Так рассказывали.
С тех пор как я ищу их —
Трех [женщин]-матов
[из племени] Сивир, —
Исполнилось три года.
Гоняясь за множеством птиц,
Наконец, я, придя, [их] нашел.

Он кончил. Она угостила, дала мате всякой [еды]. После угощения он лег спать. Лежали, разговаривали. Переночевав, мата встал пораньше. Поел. После еды, сев против девицы, он такую речь держал:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Слушай, девица,
Мой рассказ, пойми его.
Ты сама знаешь,
Что́ надо молодцу.
Я — сирота-человек,
Одиноким жил.
Родни у меня нет,
Нет и дома.
В поисках дома
Я путешествую.
Если бы были мать и отец,
Я спросил бы у отца.
Если бы друга имел,
То [с ним] посоветовался бы.
Ты, девица, сама
Уже в возрасте,
Сама раскинь
Умом своим.
Если ты не согласна,
Скажи только «нет».
Правду сказать нетрудно
(букв.: твердым слово не бывает).
Ты не стесняйся!
Кудэрей! Кудэргие!

Он кончил. Заговорила девица:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я ничего не имею
Против твоих слов.
Я — сирота-девица,
Чего же мне не
согласиться?

Она кончила. Дала свое согласие:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Ты, мата-молодец,
Всем своим существом (букв.:
честным сердцем, своей печенью)
Ты обо мне думал!
Действительно, если
Мы должны соединиться,
То не плохо бы к свадьбе
Что-либо поискать [на угощение].

Она кончила. Начал мата:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Угощение к свадьбе
Найти нетрудно.
Вот сегодня же
Подготовим свадьбу.

Он кончил. Вышел вон, взял в руки лук и одну стрелу [17] и ушел. Пошел добывать угощение к свадьбе. Пойдя за добычей, сразу же, еще до полудня, принес жирного лося. Этим они угостились. Потом нашли место [для чума]. Появились у них дом и хозяйство. Муж был хорошим охотником: бил много зверей и птиц. Долго бил, и вот вокруг стали кончаться звери и птицы. Им стало страшно жить здесь. Сколько лет они здесь жили, неизвестно.

Между тем у них родился сын. Сын был красивым, чистым ребенком. Вот он начал сидеть в колыбели. Вначале ползал, потом ходить стал.

Однажды рано утром послышался какой-то шум. Муж (букв.: старик), открыв дверь, вышел посмотреть. Со стороны захода солнца подходит медведь. По тропинке прямо к чуму идет. Человек взял лук, стрелу. Взяв, вышел и выстрелил в медведя. Пущенная стрела была удачной, он попал в ухо. Стрела прошла [голову] насквозь. Зверь упал. Человек подбежал к медведю. Волоком подтащил его к двери. Положив, отделил шкуру. Медведь был жирным. Стали они есть его. Трое суток прожили. Когда они переночевали третью ночь, рано утром послышался снаружи звук, словно речь послышалась:

Дэнгдэ, дэнгдэ, дэнгдэ, дэнгдэ!
Ты, мата-молодец,
Мой ровесник (букв.: вместе
рожденный) Умусни,
Здоро́во, друг!
Моего щенка
Кто убил?
Я в прежние годы [о тебе]
Ничего не слыхал!
Жаль, жаль щенка!
За какую вину
Ты убил его?

Он кончил. Умусни речь держит:

Кудэрей! Кудэргие!
Мата, шумный враг-авахи,[18]
Я не знал, что это твой щенок.
Если это твой щенок, зачем
отпустил?
На какое воровство отпустил?
Я бы его не убил.

Он кончил. Враг-авахи начал петь:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Я спрашиваю тебя,
Чем заплатишь за щенка?
Брось-ка мне в рот
Своего сына-парнишку.
Я не ел уже третий месяц!

Дынгдэ! Дынгдэ! Дынгдэ!
Дынгдэ!
Отдашь мне и жену!
Если отдашь, унесу [ее]!
Если не отдашь,
То Секак, жену твою,
Любым способом отниму.

Он кончил. Тогда человек [Умусни] выскочил вон. Выскочив, мата показал кукиш врагу-авахи.[19] Авахи обиделся. От обиды начали они биться. Авахи был очень сильным богатырем. Умусни-мата собрался его одолеть за три дня, но не мог победить авахи. Во время боя заплакал сын, ворочаясь в колыбели. Сын, плача, говорил:

Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Секак-матушка,
Посмотри-ка на них!

Секак-матушка,
О чем ты думаешь?
Что же ты сидишь?
Умусни-папашу
Враг-авахи убить
пытается!

Он кончил. Через некоторое время раздался голос врага-авахи:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Умусни, мужа твоего,
Я убил.
Скорей собирай все добро,
Мы пойдем.

Скорее приготовь в дорогу
своего сына.
Зачем таскаешь с собою
Сына плохого человека?
Вот я сейчас же
Съем его печень и сердце.

Он кончил. Женщина заплакала. Плача, заговорила:

Давэдареко! Давэдареко!
Вот несчастье пришло!
Для того ли я жила,
Чтобы быть съеденной
врагом?

Если я и жива останусь,
То что мне делать?
Если ты должен съесть,
Ешь меня скорее.

Она кончила. Вышла женщина вон. Выйдя, начала биться с врагом-авахи. Бьются двое суток, не поддается женщина, не сгибается. Три дня бьются. После трех дней авахи говорит:

Дынгдэ! Дынгдэ!
С разными богатырями
На средней земле
Бился я.
В течение трех дней

Я оставался непобежденным.
А здесь что за смелая
женщина!
И родилась же такая
Сильная женщина!

Так сказав, он кончил говорить. Тогда женщина заговорила:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Враг-авахи,
Я — такая женщина,

Что в твоем рту
Не помещусь.

Так сказала она. Они бьются еще три дня. Опять она не поддается. Вот женщина как будто стала одолевать врага. Тогда враг заговорил:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Секак-женщина,
Раньше [между нами] зла
ведь не было.
Давай кончим бой!
Ты дошла до победы.
Я прошу тебя добрым
словом!

Он кончил. Заговорила женщина:

Дэвэдареку!
Дэвэдареку!
Я, женщина, говорю:
За убийство мужа
Чем заплатив,
Оправдаться ты хочешь?
Я не остановлюсь,
Пока не разобью тебя.
Вот если бы мужа
Как прежде дышащим,
Как прежде живым
Ты бы сделал,
Тогда не убила бы тебя!

Она кончила. Враг-авахи говорит:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Не убивай меня,
Я мужа тебе оживлю.

У врага была такая сильная мазь. Он начал его оживлять. Авахи помазал Умусни, тот ожил. Стал человек-человеком. После оживления женщина, схватив врага за горло и бросив, прижала его к земле. Придавив, пальмóй распорола живот и убила. Убив, пошла домой. Женщина, Умусни и сын стали жить по-прежнему.

5. Мокигдын

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда на самой середине земли дерево, как травка, вырастало, [а] гора, как холмик, подымалась, когда уранкаев [1] не было, когда зверей было мало и лиственниц больших не было, жил один парень. Этот парень сделал себе жилище — чум из маленьких стволов полярной березки. Таким образом живя, он в пищу употреблял всякого [зверя]. Когда он жил [здесь], деревья стали подрастать. Над парнем стало много птиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: «Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог [их] убить?». Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли. Сделав, он пошел на одно озерко и насторожил [петли] на том месте, где птица питалась ягодами. Насторожив, он пошел домой. На следующее утро встал рано, пошел осматривать петли. Смотрит — утки в петли попали. Взвалил их на плечо и вернулся домой. Дома очистил и приготовил поесть. Ест — до чего [пища] вкусная! Вот и начал он питаться птицей. Опять

задумался: «Вот убить бы лося и поесть, это вкусные звери». Вот задумался парень и сделал лук-самострел. Пять самострелов сделал. Пошел на речку. Там тропа, хорошо протоптанная. Там и насторожил самострелы. Насторожил и пошел домой. Дома переночевал, утром встал и пошел смотреть самострелы. Смотрит — в одном самостреле олень попал под стрелу и тут же упал. Так он [его] убил. Не освежевав целиком, он потащил [его]. Принес домой. Придя, освежевал его. Попробовал мясо. Вот охотник теперь нашел свое [охотничье] счастье. Так, привыкнув [охотиться], парень стал дальше думать. Вот он сделал лук. Сделав, стрелы приготовил. Начал охотиться с луком, стрелять стал. Затем он свой чум покрыл на зиму шкурой лося.

Звали его средней земли молодец Мокигдын. Младшего брата у него не было. Задумался он. Стал он думать о далеких местах. «Много зверей я убил. Заготовил мяса, но нет у меня никого, кто бы ел это все. Только я сам. Пойду-ка поищу сотрапезника (букв.: поищу себе рот). Что это я на одном месте в чуме, по земле не пространствовав, собрался состариться что ли? Не повидав основы земли, состариться собрался что ли?». Вот и надумал: «Я должен пойти посмотреть край земли». Думая так, он заснул. Выспавшись, встал рано. Вот встал и утром начал кое-что собирать. У него была сделана сумка из шкуры, в нее он уложил еду. Взвалил ее на спину и собрался в путь. Выйдя и отойдя на три шага от входа, встал лицом к нему. Встал и обратился к чуму со словами:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!
Пожив на одном месте,
Я отправлюсь в путь.
Чум ты, чумик,
Если ты живой (букв.: если внутри есть живое),
То на долго, на коротко ли
Распрощаемся!

Сказав, этот парень отправился в дальний путь. Пошел Мокигдын-мата.[2] Вот в пути на одном месте застал его вечер, он заночевал. Переночевав, рано утром встал; перед тем как отправиться, завязал свою суму. Завязав, взвалил на спину, чтобы идти. Взвалил и посмотрел вперед. Видит — кто-то идет прямо к нему. Посмотрел на приближающегося, а это, оказывается, медведь. Огромный медведь идет к нему. Парень, подумав, произнес: «Если я его в поединке убью, то поем его мяса». Он натянул лук; натянув, собрался пустить стрелу. Думая так, начал к нему приближаться. Собрался выстрелить, а этот медведь сел.[3] Сев, он повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурил!
Средней земли
Парнища-молодец
Мокигдын, сыночек-друг,
Что это на меня
Этот лучище
Нацелил ты?
Первую стрелу из лука
Приготовился спустить?
Лучше в меня
Не стреляй, не стреляй!
У меня на шее

Трехсаженная
Железная цепь
Висит, говорю.
Ухватись за нее!

Тогда я тебя
Признаю, говорю,
За хозяина тебя
Признаю, говорю.

Вот парень опустил лук и стрелу. Когда опустил, медведь подошел близко. Когда тот приблизился, Мокигдын смотрит — действительно, трехсаженная длинная железная цепь волочится. Медведь говорит:

— За меня, за цепь ухватись; если ты добрый человек, садись на меня, хорошенько упрись. Если ты не будешь бить меня, я тебя повезу.

Ухватился парень [за цепь]. Ухватившись, хорошенько о твердую землю ногами уперся. Медведь рванулся вперед — [цепь] не пускает. Парень тянет медведя назад. Трижды вперед рванувшись, медведь повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурил!
Средней земли
добрый молодец,
Мокигдын-мата,
Крепко, крепко
Ты уперся ногами!
Ухватился ты
Крепко, крепко!
Уж очень ты
Тяжел парень!

Лурил, лурил!
Мокигдын-мата,
Прислушайся-ка
К своим думам!
Ведь я же хорошо [тебе] говорю!
По краю средней
Сивир-земли
Мы вдвоем
Должны пройти!

Отправились в путь. Странствуя, парень добрался до большой дороги. Отправился по этой дороге. Добрался до разветвления на три дороги. Парень, остановившись, стал рассматривать разветвления пути. На левом ответвлении дороги насажена голова волка. Посмотрел человек на среднюю дорогу — с правой стороны дороги голова духа-хозяина [4] насажена. Посмотрел он на правую дорогу — на ней конский хвост с шелковым волосом [к палке] привязан, [палка] направлена в сторону восхода солнца. Тогда парень подумал: «По какой дороге отправиться?». Раздумывая и собираясь двигаться, он сказал медведю:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!

Ты, медведь, как думаешь:
Уранкай поблизости будет?

Медведь хорошенько улегся. Улегшись, стал нюхать и прислушиваться. Ничего не почуял — не мог. Парень, рассердившись на него, выдернул огромную лиственницу вместе с корнем. Выдернув, переломил пополам; переломив, парень ударил медведя по голове так, что она треснула. Убил медведя и голову его отрубил. Отрубив, повесил мордой в сторону захода солнца на шесте, где висела голова волка.[5]

Повесив [его голову], парень в путь отправился. Подумал: «Пойду по средней дороге». Отправился по средней тропе. На ней

были следы шедших вперед и не было следов [ни одного] возвращавшегося человека. Это были следы очень больших людей. Парень стал двигаться дальше. Вот в одном месте появились свежие (т. е. сегодняшние) людские следы. Парень подумал: «Далеко ушли эти люди! Хорошо бы их догнать!». Вчерашних следов не было. Идя по следам, нагнал. Догнал, видит — люди, такие же, как и он, большие. Догоняя, парень такую речь повел:

Доки, доки, доонин!
Доки, доки, доонин!
Вот говорю теперь,
Богатыри-маты,
Друзья, привет примите!
Чьей земли вы маты?
Чье имя носите?
Ну-ка, друзья,
Расскажите-ка,
Что видели, [что] слышали, говорю.
Куда путь держите?

Он кончил речь. Заговорил [повстречавшийся] человек:

Гуруканен! Гуруканен!
Странствующий человек,
[В ответ] на свой привет
Прими мой привет!
Если о моем звонком имени
Спрашиваешь ты,
То я по порядку
Все расскажу.
Геруканен! Геруканен!
Вот ты, друг,
Если вопрос
О новости задаешь,
Я скажу тебе:
Там, где соединяются
Девять больших рек-енэ,[6]
Там, где встречаются
Восемь морей-океанов,
На вершине лиственницы
Жилище-настил имеющий,
Живу я, Иронучон,
Богатырь человек.

Спросил тогда его товарища наш парень Мокигдын: «Как твое имя?». Другой человек рассказал:

Даву, давукенин!
Даву, давукенин!
Мокигдын-мата,
Друг-человек,
Ты послушай,
Я расскажу.
На средней земле выросший,
На восьмой скале живущий,
По имени Каданучан-мата я.
Куда, спрашиваешь, иду я?
В сторону восхода солнца,
К дочери солнца[7]
Путь держу я.

Они, поговорив, втроем вместе пошли. Идя, вниз по реке направились. С двух сторон утесы. Парни прошли по ущелью. Дошли они до конца ущелья. При выходе из ущелья с двух сторон стоят высокие богатыри с железными палицами.[8] Мокигдын шел последним. Дошли они до богатырей. Когда дошли, те увидели их. Наш парень обратился к богатырям:

Геруканен! Геруканен!
Геруканен! Геруканен!
Где бы перейти людям
Большую реку-енэ Котор?
Кого вы караулите,
Кого поджидаете,
Стоя на двух сторонах [ущелья]
У подножия гор?

Они ответили:

Нерэги, нерэги!
Тыли, тыли!
Мы, *люди*, охраняем
[границу].
Если спросишь: «Зачем?»,
Отвечу: по распоряжению
Дочери солнца,
Нюнгурмок-красавицы.
Она, услышав, что
Средней земли
Парень-богатырь,
Мокигдын-мата придет,
Сказала нам:
«Караульте проход!
[Враг], придя на мою землю,
Добра не сделает.
Не давайте перейти
На эту землю», — сказав,
Поставила нас сторожить.

Парни, рассердившись, начали [со стражей] переругиваться. [Стража] сказала:

— Мы разобьем ваши головы железными палицами.

Тогда Иронучон говорит:

— Я первым пойду. Если меня раньше убьют, то убьют старого человека.

И вышел вперед Иронучон. Вышедшего человека Сэлэргун-богатырь сверху ударил. Тот увернулся, но одно плечо [он] разбил ему. Человек [Иронучон] тут же упал. Тогда Каданучан-богатырь Мокигдыну говорит:

— Друг, жаль! Убили нашего товарища. Пойду-ка я, — сказал он и вышел.

Подошел к Сэлэргуну. Сэлэргун-богатырь приготовился к удару палицей. Ударил подошедшего, и хотя тот увернулся, но одно бедро разбил. Тут же [Каданучан] сел. Тогда Мокигдын говорит:

Доке, доке, донин!
Доке, доке, донин!
Друзья, как же быть?
Ведь мы были [богатырями]
С известными именами.
Сэлэргуны, говорю,
Два Сэлэргуна-богатыря
Меня одного
Для чего оставили?
Моих друзей убили,
А меня одного [вам]
И на зуб
Не хватит!

Сказал так парень и пошел. Сэлэргун-богатырь приготовился ударить Мокигдына. Говорит Сэлэргун-богатырь:

Нериги! Нериги
Мокигдын-мата,
Прощайся ты
Со светлым днем!
Если от прежнего
Что и осталось,
Если родня была,
Старшие и младшие,
Скажи им: «Прощайте!».

Сказал и ударил палицей. Но Мокигдын увернулся от удара. Увернулся, и [Сэлэргун] промахнулся и ударил по большому камню, который был перед ним. Пятипудовую железную палицу разбил о камень на четыре части. Остался Сэлэргун без палицы. Подошел он [к противнику]. Когда он подходил, Мокигдын ударил его кулаком. По основанию уха ударил Сэлэргуна. У того от удара потекла кровь из другого уха. Второй Сэлэргун подошел и

ударил палицей. Мокигдын схватил его палицу, схватил и отнял. Отняв, его же палицей разбил ему голову. Убил обоих Сэлэргунов. Дом Сэлэргунов был недалеко. «У товарищей ноги поломаны», — сказал, взвалил обоих на плечи и понес в дом Сэлэргунов.[9] Принеся туда, положил их. «Когда раны на ногах заживут, возвращайтесь домой! Сами же знаете!», — сказал он и пошел дальше.

6. Нивонинде

Никус Арсенов (Эдян), род. в 1917 г., неграмотный.
1948 г., р. Амгунь, Верхне-Буреинский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля словно брошенный мокрый коврик-кумалан была, словно брошенный коврик-тэнинэ [1] была, жил в то время один уранкай [2] в чуме. Чум его был утэн.[3] Сказал бы этот человек «мама», но не было у него матери; сказал бы «папа», но не было у него отца. Жил сиротою. *(Пояснение сказителя: «Эта часть — основа сказания»).*

Если послушать его звучное имя, то имя его было Нивонинде-богатырь. Откуда он вышел — не знал. Устал думать об этом. Сам про себя думал: «Большой я богатырь. Такого, как я, нет. В местечке Егинде,[4] на земле Онон, нет такого человека, как я», — думал он. За все время, что он жил, к нему не пришел [ни один] человек-уранкай, не встретился с ним. Рассердился он из-за этого. Утром, когда еще иней был, выйдя, он закричал: «Если бы в нижнем мире жил Халдяркай, было бы хорошо! Если бы билось много людей и сильный человек победил, то я побился бы с ним!». Так кричал. Переночевав, утром проснулся, и, когда на постели-бе [5] лежал, снаружи женщина-бэйэ [6] закричала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Силач Нивонинде,
Привет прими!
Слова: «На средней земле
Сильного человека нет!» —
Выкрикиваешь ты.
Не отходя никуда
От чума, ты уже хвалишься!
На свете разные богатыри есть.
Вот, если бы ты пошел и
побился!

Женщина кончила речь, слово взял Нивонинде:

Генге, генгерой!
Твоих-то [богатырей] нет!
Если найду их, побьюсь!

Кончил. Женщина сказала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Все равно не одолеешь!

Когда она это сказала, сильно рассердился Нивонинде-молодец. А женщина рассказала про бьющихся людей:

— Есть богатырь нижней земли, атаман всех [врагов]-авахи,[7] богатырь по имени Гарагалтун-Силин[8] и верхней земли богатырь по имени Катан. Пойди и побейся с этими богатырями.

Когда она так сказала, Нивонинде собрался в путь к бьющимся богатырям. Перед уходом такую речь держал:

Генге, генгерой!
Я, парень-молодец,
Средней земли богатырь,
Во что бы то ни стало
дойду!

Вот, наклонившись вперед, в путь пустился. Идя, так он говорил:

Генге, генгерой!
Средней земли богатырь,
Я, Нивонинде,
Пошел к богатырю.

Отправился на бой. Распрощавшись со своим местом, пошел пешком: у него ни оленя, ни скотины никакой не было. Пешком пошел к богатырю нижнего мира. Отойдя от чума, пошел в сторону захода солнца. Долго шел он. Когда шел, впереди прозвучали слова. Нивонинде прислушался. Вот так прозвучало:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Конец пришел
Моей борьбе.
Одолевает меня
Гарагалтун-Силин,
Нижней земли богатырь.

Бежит [человек] и говорит:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Авахи-богатырь
Вот-вот [нагонит и] одолеет
меня.[9]
Какой земли богатырь,
Придя, выручит меня?

Вот это услышал Нивонинде-богатырь. Услышав, побежал навстречу. Побежал и сразу встретил. Встретив, посмотрел — авахи-богатырь вот-вот настигнет, вот-вот схватит богатыря тайги. Увидев людей, Нивонинде такое слово сказал:

Генге, генгеронин!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,
Что это ты преследуешь
Человека тайги, [Катана],
собираясь убить?
Вот одолей меня,
Тогда покажешь свою силу!

Они, встретившись, начали договариваться. Богатырь [Нивонинде], держась за ухо,[10] начал речь:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,
За преследование человека
тайги
Я тебе морду разукрашу!

Когда он кончил, авахи-богатырь, держа себя за ухо, такую речь произнес:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
дынгды!
Богатырь тайги,
Нивонинде-мата,[11]
Привет [мой] услышь!

Лишь только он так сказал, Нивонинде стал бить кулаком авахи-богатыря, не давая ему покоя. От этих ударов [авахи]-богатырь зашатался, но не падал. Покачавшись, авахи-человек такую речь держал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Нивонинде-силач,
От твоих кулаков
Что-то стало [меня] шатать.

Разные уранкаи
Меня били кулаками,
Но я не шатался.
Впервые от ударов
Твоих я зашатался.

Они продолжали бой. Бьются и так и эдак. Вот после трех дней Нивонинде-богатырь стал одерживать верх над авахи. Кончив поединок и одолев авахи, он собрался его убить. Авахи такую речь сказал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Нивонинде-мата,

Не убивай меня!
С этих пор я не пойду
Против человека тайги.

Но тот, не слушая, добивает. Добив, такую речь держит:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Не приходите,
Впредь не спорьте

С человеком тайги.
Все равно убью!
Все равно одолею!

Одержав победу, сказал тому, [врагом]-авахи побежденному человеку [Катану]:

— Иди домой! А придя, помни обо мне, если кто заденет. Если вспомнишь, где бы я ни был — услышу.

Они разошлись. Катан пошел домой. Нивонинде пошел своим путем. Расставшись, Нивонинде пошел в направлении к югу (букв.: на полдень).[12] Очень долго шел. Когда он шел, вверху, в небе прозвучала речь. Нивонинде прислушался:

Ненедареку! Ненедареку!
Средней земли богатырь,
Привет услышь!

Сказала [женщина] и продолжала:

Ненедареку! Ненедареку!
Нивонинде, богатырь человек,
Средней земли богатырь

Меня обижает.
Спаси меня!
Освободи меня,
Нивонинде-богатырь!

Когда она сказала, заговорил Нивонинде:

Генге, генгеройин!
Генге, генгеройин!
Как-нибудь я доберусь до него!

Сказал и пустился в путь. Двигаясь вперед, быстро дошел до [того] человека. Дойдя, такую речь держал:

Генге, генгерой!
Какое зло она сделала,
Что ты девицу обижаешь?
За обиду я тебе
Морду набью!

Человек, обидевший девицу, [был] Отани-богатырь. Встретились [они]. Отани-богатырь такую речь держал:

Орель-да, орель-да! [13]
Силач человек,
Не зная, меня
Встретил ты.
Пришедшего ко мне
Побив, я буду преследовать.

Рассердившись на эти слова, Нивонинде сразу же биться начал. Вот бились, бились они. И так, и сяк долбили кулаками. Нивонинде начал одолевать. Тогда Отани такую речь произнес:

Орель-да, орель-да!
Не убивай меня!
С этого дня и впредь
Не стану забывать.
Отпусти живого!
Если не убьешь,
Сестру отдам! [14]
Красивая сестра у меня.

Нивонинде перестал бить. Нивонинде-богатырь, взяв в жены сестру Отани, отправился домой. Вот с такими словами он обратился:

Генге, генгерой!
Отани-шурин,
Я в свои места
Собираюсь пойти.
Если какой проходимец
Тебя заденет,
Вспомни обо мне.[15]

Расставшись, он направился домой в свой чум, ведя за собой жену. Шли они, шли, вдруг вверху раздалась речь:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Силач человек
Нивонинде-богатырь,
Привет услышь!
Сколько раз за обиду
Ты расплачивался!
Такого, как ты, нет.

Нивонинде-богатырь с женою домой пришел. Там стали жить.

7. Отани

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, давно, когда основа земли с головную шкурку оленя-мойки [1] была, когда море словно большая река было, когда большая река-енэ [2] только начинала из земли выходить, когда хребет высоких гор только становился, на холме у реки чумутэн [3] стоял. В нем жил один-одинешенек мата.[4] Не было у него ни оленя, ни собаки. Не знал он ни матери, ни отца, выкормив-

ших его от рождения. Парень задумался. Говорит вслух: «Если бы я родился в диком месте средней земли, на правых ребрах у меня была бы земля. Если бы появился из дерева, на середине [моего] позвоночника прилипла бы кора. Если бы я упал с едва видимого радужного неба, на макушке у меня был бы иней». Так он рассуждал. [Покров] его зимнего жилья был из камысов с ног оленя-куе [5] с пушистой шерстью; его летнее жилье покрыто шкурками перелетной птицы.

Вот перестали в его места прилетать птицы. Перестала кричать бурая зимующая ворона. Не стало и перелетных птиц — перевелись. Узнав об этом, и лось перестал попадаться.

Жил человек одинешенек. Поговорить — товарища нет, порасспросить — никого нет. Заскучал человек от одиночества. Очень надоело жить одному. Этот мата был по имени Отани-молодец. Стал он раздумывать, как по средней земле побродить, в путь пуститься по средней земле. Вечером, раздумывая, он заснул. Утром встал рано. Поел, одежду надел. Из шкуры лося-ирэ [6] у него был кафтан. Из сухожилия важенки был у него пояс. Опоясавшись, он вышел на улицу. Выйдя, встал против дверки чума-утэн. «Ну вот, — говорит, — пусть будет как будет». Он запел:

Доки, доки, дон, донин!
Чум мой, чумик-утэн,
С остовом из трех жердей,
С грузом из четырех
жердей,[7]
[Ты] оставайся не
разваливаясь!
Через сколько-то лет приду!
Срок не изменю!
Я, человек, иду
За тем, что мне нужно.
Летний чум, крытый
Оперением птиц,
Зимний чум —
Чум-чорама,[8]
Конец далек, прощайте!

Кончил речь он. Направился в путь наш молодец. Пошел вверх по большой реке. Идет он, очень быстро идет. Перед ним и черная ворона, пролетев, «гак» не [успевала] прокричать. Вот путник-молодец дошел до истока реки. Очень крутая горица. Поднялся он на вершину. Поднявшись, отдохнул и огляделся. Посмотрел он в сторону захода солнца, посмотрел в сторону восхода солнца, видит — [на востоке] красивое светлое место. Подумал человек: «Куда пойду?». Подумал и речь произнес:

Доки, доки, донин!
Доки, доки, донин!
Звучным голосом (букв.: ртом)
крикну-ка!
Широким горлом заговорю-ка!
В стороне восхода солнца
Хорошие, красивые, веселые
Места показались.
Хорошо бы до солнца дойти,
говорю.

Сказал и кончил. «Я, мата-молодец, пойду!» — и встал. Встав, собрался шагнуть. Только хотел шагнуть, как [вдалеке] что-то, словно комариное жужжание, зазвенело, что-то, не похожее на пение птицы. Удивился молодец: «Где же это?», — говорит и

смотрит вверх. Видит — со стороны восхода солнца [что-то] движется к нему. Удивился молодец: «Как это птичьи слова похожи на речь уранкая?».[9] Вот такая речь была:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Средней земли молодец,
Отани-богатырь,
Здравствуй, говорю.
Расскажи, что видел, что слышал!
В такое время мы встретились!
В такой день мы свиделись!

Сказав, кончила [птица] речь. Мата заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Доки, доки, дон, донин!
Ты, летящая вверху,
Перелетная птица-мата,
Твоя речь на мою,
Уранкая речь, похожа.
А голос твой на мой похож.
Ты, видно, уранкайка,
Крылатой стала.
На какой земле
Ты родилась? Расскажи.
У меня новостей (букв.: слышанного, виденного) нет.
Я сирота, одиноким жил.
Нет ни матери, ни отца.
Что ты слышала?
Откуда ты родом?
Как тебя звать?

Он кончил речь. Перелетная птица начала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Мата-молодец,
Под небом с тройной радугой
Странствуя по земле,
Знакомясь с корнями земли,
Я много новостей собрала.
Разное я видела,
Разное я слышала.
Если есть глаза и уши,
Не видя, не слыша, как пройдешь?
На поверхности средней земли
Разное можно увидеть.
Я видела, как человек
Человека убивает.
Если ты будешь расспрашивать,
Я расскажу тебе.
Под ярким солнцем
Над четырьмя землями летающей,
Под солнцем выросла я,
Тыргакчан-девица.
Ну, а пока конец далек,
Распрощаемся-ка (букв.: пусть будет «прощай»)!

Сказала и назад оглянулась:

Мата, мата,
Лети за мною (букв.: смотри на мой след)!
Следуй по невидимому следу!

Сказала и исчезла в выси, улетела. Рассердился человек. В сердцах сказал:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Ты, бедняжечка птица,
Тыргакчан-девица,
Под ярким солнцем живущая,
Девица-красавица,
По невидимому следу
По твоему погонюсь-ка!
На свежий след твой наступлю-ка (букв.: след твой растоплю, уничтожу).

Сказал и бросился в погоню. Бежит и бежит. Бежал он в сторону восхода солнца. Бежал он так [быстро], что вершины невысоких деревьев, [теряя листву], в нити превращались, что большие деревья с корнем вырывались. А человек все бежит и бежит. В конце бега стала одолевать его усталость, [он] уже едва-

едва бежит. Добегает он до одной большой глыбы. Споткнувшись, ударился в нее лбом. Да так ударился (букв.: упал) лбом, что камень разбился. Лоб его чуть не треснул пополам. Человек же продолжает свой путь, хотя и спотыкается. В конце своего пути он полетел, превратившись в железного ястреба.[10] И в воздухе он продолжал свой путь в сторону восхода солнца. Поднялся он в небо с тройной радугой. Поднявшись, он спустился прямо к месту, где восходит солнце. Из двух крыльев его огонь, как молния, взметнулся (букв.: каннул), раздался треск. Там, на месте соединения семи морей, на месте слияния девяти больших рек, он спустился на середину сопки на белом море. Это был голец, достигающий неба. Сел [он] на вершину его. Сев, хорошенько осмотрелся. В это время услышал откуда-то идущую речь. Такую речь услышал:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Кто же это воду выпил?
Кто же это траву съел?
Это мата появился (букв.: родился),
Должно быть, весть принес.
Что же это за мата, [который],
Прожив на средней земле,
Очень мало странствовал?
На трех Сивир-землях
О таком мате не слышала,
Не попал [он] мне и на глаза.

Сказав так и коснувшись крылом вершины гольца, доходящего до неба, она перебралась, едва протиснувшись [между небом и вершиной гольца]. Вот парень увидел, как она полетела, и пошел следом за ней. Пройдя, он дошел до неба. Пройдя [через] голец, парень пошел дальше. Вот попал в такое место, где назад не вырваться и вперед не выйти. Ну, парень застрял там. Застряв, он заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Семь морей, девять океанов,
Белое море-матушка,
Дух — хозяин гольца,
[Всяк], имеющий уши, послушай!
Здесь, на окраине этой Кетан-земли,[11]
Я попал в безвыходное положение.
Пусть место под солнцем [как-нибудь] расширится!
Я мечтал увидеть еще места под солнцем,
Когда шел из своих мест.

Сказав [так], кончил [говорить]. Когда он кончил, откуда-то послышались слова. Повернулся в ту сторону. Взглянул парень Отани-мата — стоит неподалеку от него одна старуха. Стоит и говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Что это, средней земли
молодец,
Отани-сынок,
Что это ты размечтался
О таких далеких местах?

Кончила говорить. Потом продолжала старуха: [12]

Оле, доле! Оле, доле!
Вот что, сынок Отани,
За дочерью солнца —
Тыргакчан,
За девицей [из племени]
кедак,
За девицей [из рода] Девильго-Кувульгат,[13]
Мечтая: «Как бы догнать мне»,
Гонишься ты и
Долго будешь мучиться.

Сказав, старуха только посмотрела, где бы он мог пройти. Парень взглянул вперед — ровная земля и нет гольцов. Пошел он вперед. Идет Отани и идет, потом, превратившись в железного ястреба, летит. Вот мата стал слушать правым ухом: «О верхнем пути своем по небу правым ухом услышу-ка, — говорит, — левым ухом услышу-ка, когда житель нижнего мира — враг-авахи [14] вылезет на среднюю землю», — подумал он. Парень идет в сторону восхода солнца, на пути слышит какой-то шум. Что это прозвучало? Отани-мата идет, прислушиваясь. Хорошенько прислушался — земля гремит. «Это гром прогремел, — говорит, — значит чужой [приближается]». Еще хорошенько прислушался — удары кулачного боя, топот пяток человека, разрыхляют (букв.: обдирают) землю. Еще прислушался, стал подходить. Услышав людской шум, глядя вперед, пошел. Вот стало видно — это бьются люди. Один — чулуро,[15] один — мата, бьются двое. Чулуро уже одолевает мату. Мата говорит:

Генге, генгей! Генге, генгей!
Сэлэргун-друг,
Ты дошел до победы
И меня одолеть (букв.: съесть) собираешься.

Тогда Сэлэргун сказал, а человек слушал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Богатырь верхнего мира,
Дёлони-богатырь,
Три года пробившись,
На четвертый [я] одолеть [тебя] собираюсь!

Он кончил. Отани-мата слово взял (букв.: слово его настало):

Доке, доке, дон, донин!
Ну, друзья, здорóво!
В какую игру вы играете?
Красиво вы играете!
Богатырь парень Сэлэргун,
Нижнего мира чулуро,
За какие обиды и вину,
За что плохое
Этого мату обижаешь?
Расскажи-ка ты мне!

Отани кончил речь. Враг-авахи заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Я собираюсь взять [в жены]
У известного богатством
Средней земли богатыря,
Монгруни-старика,
Младшую из его семи дочерей.

Много народу он перебил.
Я, одолев старика,
Собираюсь дочь его взять.

Этот же [Отани], придя [сюда],
Сам это хочет сделать.

Отани-мата ему тут отвечает:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Нижнего мира враг Сэлэргун,
Богатырь-чулуро,
А известно ли тебе,
Чтобы враги-авахи когда-нибудь
Дочерей жителей леса [в жены]
брали? [16]
И жители леса никогда
[Себе жен] от врагов-авахи не
брали.

Он кончил, авахи отвечал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Обо мне, говорят, авахи узнавали,
Каким талантом я отличаюсь от людей.

Сказав, он продолжал:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
дынгды!
А тебя, хотя бы ты и был
Средней земли Отани-богатырем,
Я быстро одолею!

Сказав, кончил. Они, поругавшись, начали биться. «Ну, враг-богатырь, ты начинай! Ударь!», — говорит Отани. Враг-авахи кулаком ударяет. Кулак при ударе отскочил [от Отани]. Начали они биться. Звуки от ударов кулаками по верхнему миру, словно гром, раздаются. В нижнем мире звук их [топчущихся] пяток отдается. Они бьются и бьются. Холмы во впадины превращают, места с валежником — в поляны, а поляны — в места с валежником. Они гальку в мокрый песок превратили. Стоят молодцы, равными друг против друга, никто противника одолеть не может. Сколько месяцев, сколько лет прошло с тех пор, как начали биться, не знают. Во время поединка они продвинулись вниз по реке. Тогда враг-авахи, богатырь, заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Однако с тех пор как мы,
Два богатыря, встретившись,
Начали биться друг с другом,
Прошел уже целый год.
Дынгдэ, дынгдэ!
Мы землю перерыли,
Теперь не вырастет то,
Что могло расти.
Авахи с нижних мест
Все испугались.
Богатырь верхнего мира,
Я говорю — [мы ни разу] не
присели.
А что бы случилось,
Если бы мы бой приостановили,
Если бы мы помирились?

Он кончил речь. Отвечая, Отани-мата сказал:

Доке, доке, дон, донин!
Раз я начал биться, не отступлю
(букв.: мысль мою не свернуть).
Если же суждено быть
побежденным,
Не перестану биться до поражения!
Если суждено умереть — я человек,
Который умрет без слов [о пощаде].
Я мата-сирота,
Одиноким человеком вырос.
Нигде нет у меня родни,
Ни младших, ни старших.

Где бы я ни умер,
Плача по мне не будет,
Одинокий я.
Враг, ты столько
Лесных людей прикончил!

При встрече с тобой
Хорошо бы мне тебе отплатить
За зло и все худое, что ты
причинил!

Кончил речь. Опять продолжают борьбу. Вот бьются они, долго бьются. Тогда авахи-богатырь говорит:

Дынгдэ, дынгдэ!
Богатырь средней земли,
Отани, мата-богатырь,
Хочу я спросить у тебя:
Какой воды напившись, ты вырос?
Раскоряка, ты страшен!
Нет [у тебя] уставших суставов!

Нет [у тебя] и голенных
сухожилий!
От какого уранкая
Ты, парень, рожден?
Вот приходит время
Моего поражения.

Кончил он. Тогда заговорил Отани-мата:

Доки, доки, дон, донин!
Нижнего мира чулуро,
Мата-богатырь Сэлэргун,
Я, человек, говорю:
Упругие сухожилия

Сводить уж начало,
Крепкие мозговые кости
Нагреваться стали.
Ну-ка, держись
хорошенько!

Кончил он, сказав, и опять они продолжали биться. Отани напряг все силы. Стал бить врага-авахи повсюду, его железную одежду во всех местах разрывая, стал ударять. От кулачных ударов изо рта авахи кровь потекла. Авахи обессилел. Когда он совсем ослаб, [Отани] стал его одолевать. И сразу же бросил его на спину. Бросив, вспомнил о старом ноже, выхватил из ножен, что за пазухой были. Оказалось, нож заржавел. Взяв его, [Отани] стал перерезывать [авахи] горло. Перерезал, убил. Убив врага, развел огонь. На огне его изжарил. Сжег его на огне и весь пепел разбросал по воде.[17] Потом сказал: «Пусть не приходит громкий авахи на среднюю землю!».

Убив [врага], парень ушел. По тем следам, где бился, пошел обратно. Возвращаясь по своему следу, в одном месте он увидел много жилищ. В некоторых чумах шел дым от костров. Он пошел туда. Стоит большой дом. Парень пошел к этому дому. «Вероятно, это дом хозяина, руководителя и начальника», — подумал. Дошел до него и остановился у двери. Когда он остановился, к нему подошел один мата и поздоровался. Тогда Отани спросил мату:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, мата, друг-человек,

Скажи, где дом вашего
хозяина?
Поведай мне!

Кончил он, говорит тот: «Вот как раз он, я сообщу хозяину». Отани слышит его слово: «Хозяин, Монгруни-мата, пришедший, спрашивает о твоем доме». Старик Монгруни, хозяин-мата, гово-

рит: «Если мата пришел, скорее его впустите». Мату ввели в дом. За руку ввели и [усадили]. Когда он вошел, старик так сказал:

Гени, гени, гени, геней!
Мата-парень, что [ты] слышал?
Из каких мест пришел?

Кончил. Мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Я живу на средней земле,
Отани-мата по имени.

А ты, старик, что слышал?
Расскажи, я спрашиваю.

Он кончил. Старик речь держит:

Гене, гене, гени, геней!
Отани-мата,
Жизни моей, старика,
Долгие годы прошли.
Здесь я состарился.
Много оленей вырастил я,
Многие люди приходили сюда.
Разбогател я, живя здесь.

Пока я жил, сюда
Богатырь-чулуро,
Авахи, Сэлэргун-мата
Сюда приходил
И много моих людей побил.
Ты, сынок, сделал добро.
Чем я тебе отплачу
За доброе дело?

Кончил он. Старик говорит своим сыновьям: «Парни, забейте яловую важенку с тремя изгибами (букв.: седлами) на позвоночнике угостить мату. Забейте холощеного оленя с четырьмя изгибами на позвоночнике угостить мату». Он кончил. Забив [оленей], его угостили. Впервые он наелся после того, как из дому ушел. Мясо двух оленей сварили сразу. Вот его-то за один присест он и съел. Наевшись, он там заночевал. Переночевав, встал утром. Отдохнул там один день. Отдохнув, переночевал еще. Старик хорошо угостил и дал разную красивую одежду. Еще переночевал он. Переночевав, встал рано утром. Встал, позавтракал и обратился к старику:

Доки, дони, дон, донин!
Ну, хозяин, дедушка,
Давно, давно, много лет назад [ты] пришел.
Ты старый человек,
Многое [ты] видел и слышал.
Послушай-ка мою речь,
Теперь я стану говорить.
Ты такое большое стадо
Оленей вырастил,
Много детей родил
И вырастил ты!
Я сирота, одинокий человек,
Бродяга, с одним лишь желанием.
Если спросишь: «Что тебе надо?»,
Я скажу: мне нужен друг,
Который рядом может жить.
В поисках жены себе
Я стал бродягой.
Говорят, из семи дочерей
У тебя есть младшая,
Солнцем не опаленная,
Морозом не обмороженная,
Воспитанная тобою за семью оградами,
За семью двойными оградами,
Девица Дарпекчан
Дочь [племени] кидан.
Вот ее-то я и прошу [в жены].

Тогда старик заговорил:

Гени, гене! Гени, гене!
Отаникан-сынок,
Твоего слова достаточно!

Я ничего не скажу против.
Дарпекчан, дочь моя, об этом
Сама знает, если ее спросишь.

Сказал и добавил: «Сходите за дочерью». За ней пошли, девушка пришла. Привела ее под руку одна женщина; эта женщина шла перед ней с опахалом. Приведя девушку, с двух сторон взяли ее под руки и усадили. Когда посадили, отец спросил:

Гени, гене! Гени, гене!
Моя младшая дочь,
Дарпекчан-дитя,
Чужеродец-молодец
Пришел сватать тебя.
Он оказал нам
Большую помощь.
Этот человек дал
возможность
Нам увидеть светлый день.
Он спас нас от чулуро,
От врага, Сэлэргуна-
богатыря.
Ты подумай об этом.

Кончил речь, заговорила девушка:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Монгруни-папаша,
Секалан-мамаша,
Если вы [меня] спросите
[об ответе],
Если вы [меня] отдадите
[замуж],
Я не стану перечить.

Она закончила: «Если я должна выйти [замуж], я выйду». Тогда заговорил Отани-мата:

Доке, доке, дон, донин!
Я доволен данным тобою словом.
Когда же мы свадьбу сыграем?
Я уранкай, и у меня нет скота.
Какой зверь водится в этих местах?
Лось есть или нет?

Он сказал. Заговорил отец:

Гени, гене! Гени, гене!
Сынок Отаникан,
Вероятно, охотник знает,
Какие здесь звери водятся.
Давно, давно, когда я был молод,
Я охотился и зверя бил;
Состарившись, перестал охотиться.
Уж много лет прошло,
И оленей в стаде у меня немало,
Много оленей, говорю.
Скажи, можно ли
Из моего богатства
Справить свадьбу?
Забейте оленей сколько нужно
И устраивайте свадебное угощение.

Он кончил [и] стал готовиться к свадьбе. Забили четырех оленей. Парни, девушки и слуги — все собрались: одни за дровами ходили, другие носили воду, часть их резала мясо, часть — его варила. Быстро сварилось [мясо]. Все из котлов перенесли в дом. Много людей пригласили на угощение. Пошли за богатырями верхней земли. Богатыри верхнего мира привели девушек. Привели их и богатыри со средней земли. Старик Монгруни такую речь держал:

Гени, гене! Гени, гене!
Такое большое количество людей
Собралось, приехало на свадьбу.
Танцуя, веселясь,
Устраивайте игрища!
Устройте круговой пляс!
Пусть [всяк] живущий запомнит
И потомству расскажет.

Он кончил речь. Парни договариваются: «В какую игру станем играть?». Собрались соревноваться в прыжках на одной ноге. В этом соревновании богатыри верхнего мира не устояли перед

Отани-матой. Окончив прыжки, перешли к борьбе. И в борьбе не было человека, который бы устоял перед Отани. Окончив борьбу, играли в разные игры. Потом устроили круговой хоровод. Много народу встало в круг, много народу пело и плясало. Но у Отани-маты были тонкий слух и острое зрение. В этой массе людей он услышал чьи-то слова. Услышанная им речь раздавалась сверху:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Старик Монгруни,
Дарпекчан-дружок,
Привет мой примите!
Жаль, жаль!
О таких хороших играх
Почему не оповестили меня?
Когда собралось столько
богатырей,
Почему мне не сообщили?
На свадьбу [почему] не
пригласили?

[Девица] речь продолжает. А люди пляшут и пляшут, часть их совсем ее не слышит. Она же речь продолжает:

Гырывлаканын!
Гырывлаканын!
Отани-мата, привет!
Из своей земли когда шел,
После нашей встречи в пути,
Как путешествовал дальше,
говорю.
Я, девица, тебе на свидании
Золотое кольцо дала (букв.:
уронила).
Давая, сказала: «Сохрани!».
Серебряную нитку [к кольцу]
привязав,
Бросила его, «Лови!», — говоря.
Дарпекчан-дружок,
Я твоему мужу золотое кольцо
Подарила, не сердись, говорю.

Кончила речь. Когда она кончила, Отани-мата вверх посмотрел. Смотрит — сверху что-то, словно огонь, падает. Парень привскочил, подхватил правой рукой и понесся. Поймав, как будто держал в руке. Что же случилось — сам не понял. Пляшущие люди остались. Куда направился парень — сам понять не может.

Вот он пришел в себя. Движется [он] по какой-то темной земле. Не может понять, куда движется. Только свист в ушах стоит. Парень пришел в себя, осмотрелся. Смотрит — [а под ним] конь с крыльями по бокам, он сидит верхом на коне. Смотрит — земля внизу осталась, величиной с котел. Поняв, парень заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Что это за разбойник,
Что это за девица [из рода]
Кувульгат
Унесла меня, не предупредив?
Может, [ты] убить собираешься?
Может, съесть собираешься
Без всякого предупреждения?
Если бы я знал,
То тебе не поддался бы, говорю.

Он кончил. Она заговорила:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мата, я не разбойник.
Не бойся! Не обижайся!
Чего бояться?
Я — под солнцем живущая,
По восьми землям ходящая
Дочь солнца, говорю,
Тыргакчан-девица я!

Она кончила. Отани-мата понял тогда [в чем дело]. Только успел понять, как девица, охватив его за талию, полетела. Двое на одном коне летят. Тогда парень заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, девица, почему
хитришь?
Девица Кувульгат, почему
Ты так поступаешь?
В какие места
Ты увозишь меня?
Для какой цели? говорю.

Он кончил. Когда парень кончил, девица сильнее погнала коня. Ехали, ехали, доехали до ее мест, до дома. Она, взяв за руку Отани-мату, ввела в свой дом. Отани-мата сел. Сев, осмотрел внутренность дома. Уж очень красиво внутреннее убранство. Весь дом выкрашен серебряной краской (букв.: водой). Парень, усадив девицу против себя, спросил:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, девица, зачем меня привела?
Я тебя женою сделаю, говорю.

Кончил. Заговорила девица:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Мата-богатырь,
Отани-мата,
Если бы я боялась тебя,
Тогда бы не привезла тебя.

Сказав, она окончила речь. Они легли спать. Этот молодец взял ее в жены. Остался там жить. Неделю он прожил. Однажды в полночь молодец услышал сверху слова. Услышал и узнал, что это речь Дарпекчан-девицы [из племени] кидан:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Тыргакчан-девица,
Дружок, привет!
Для первой встречи
В твой дом
Я гостьей пришла.
Дорогая девушка,
Я пришла, услышав о тебе.
Дочь солнца,
Тыргакчан,
Девица-дружок,
Открой скорее дверь!

Она кончила. Тогда Отани-мата заговорил:

Доке, доке, доон, донин!
Тыргакчан-друг,
Чья это речь?
Проснись, встань!
Открой дверь!

Сказал и разбудил [ее]. Тыргакчан-девица заговорила:

Гырывлаканын!
Гырывлаканын!
Друг Отани,
Кто ночью
Говорить будет?
Это шуршит
Дух — хозяин дома.
Спи, не вертись! говорю.

Сказав, она обняла мужа. Девица Дарпекчан опять заговорила:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Тыргакчан, девица-друг,
Дейдо-Девильгон-Кувульгат,
В серебряном доме твоем
Я долго не задержусь!
Я не боюсь твоей силы.

Разве я не хуже
Женщина, чем ты?
Я — девица, которая
Сделала то, что ты делаешь:
Взяла то, что ты берешь!

Я, девица, лечу по твоему следу.
Вот я сейчас ударю ногою
И дверь расколется пополам!

Сказала и смолкла. Девица Дарпекчан спустилась. Спустившись, разбила пинком дверь и через нее прошла. Вошла в дом. Когда вошла [Дарпекчан], женщина встала. Отани-мата тоже встал, оделся. Эта женщина [Дарпекчан] заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Девица-друг Тыргакчан,
Моего мужа

Для какой цели
Ты украла?
По следам мужа
Я сюда прилетела!

Она кончила. Тыргакчан-девица заговорила.

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мату
Я еще до тебя
Женила на себе.

Дарпекчан-дружок,
Известный мне раньше
Отани-мата не муж тебе!
Возвращайся своим путем!

Девица речь кончила. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Тыргакчан-друг,
На твою жалость
Я не отвечу жалостью.
Что бы ни случилось,

Я, девица, потревожившая тебя,
Твоей силы я не боюсь!
Я тоже имею дар не меньше твоего!

Она кончила. Когда кончила, обе женщины начали ругаться. Поругавшись, стали драться. Обе вышли вон. После этого Отани-мата, одевшись, вышел. Вышел — а две женщины, схватив друг друга за волосы, дерутся, не уступают друг другу. Мата стоит и смотрит. Смотрит и думает: «Что еще выдумали женщины?». В это время засветило солнце. Отани-мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Женщины, друзья,
Послушайте-ка!
Мои слова вы
Поймите хорошенько!

Чтó стремясь отнять друг от друга,
Начали вы драку?
Прекратите скорее!
Если не кончите по добру,
Хорошего не будет!

Он кончил речь. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареку!
Дэвэдареку!
Ой, мата-парень,
Послушай-ка

Мою девичью речь!
Которую из нас
Ты взял раньше?

Она кончила. Отани речь держит:

Доке, доке, дон, донин!
Дарпекчан-дружок,
Это ты, которая,
Как вначале мы
договорились,
Должна стать моей женой.

Он продолжал:

Как я могу взять
Вас обеих, не знаю.[18]

Человек рассердился. Рассердившись, он разругал обеих женщин. Слушают женщины, но дерутся. Он смотрит. Смотрел, смотрел, схватил сразу обеих за волосы. Схватил и связал их косы. Связав, начал бить. Обеих бьет по спинам. Когда он бил, девица Дарпекчан заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Человек, обожди!
Послушай меня!
Если бить, то обеих
Нас равно бей!
Если убивать, то обеих
Нас насмерть убей!
Я, девица, умолять не стану!
«Если убить, то убью», —
говорят;
«Если жить, то жить буду», —
говорят;
«Если спасать, то спасу», —
говорят.
Я была женой,
Взятой тобою
По твоей воле, говорю.

Мата побил обеих. Бил, бил и обеих подвесил на дерево. Вися, они сильно кричали и плакали, переругиваясь. Тогда Дарпекчан-девица речь держала:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Тыргакчан-друг,
Я не обижусь (букв.: злу не отдам
свое будущее),
Я ведь всегда
Рассудительной была, говорю.
Я — женщина,
Которая пощады не просит.
Если [надо] умереть, то здесь
Тыргакчан вместе [со мной] умрет.
Живой она не останется.

Дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканин!
Геревлаканин!
Отани-мата,
Страшно! говорю,
Больно! Обидно!
Прости мне зло!
Я действительно
Виновата одна!
Возьми себе в жены
Дарпекчан-девицу!

Она кончила речь. Человек прошел около них. Проходя, спросил женщин:

Доке, доке, дон, донин!
Ну, женщины, оставите
Теперь эту привычку?

И добавил:

Впредь так поступать
Не станете вы?

Сказал [так]. После этого заговорила девица Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
С этих пор и впредь
Женщины не должны
Так поступать!
Девица с парнем
Впредь пусть не ссорятся!
Я своим глупым умом
Думала: «Выше меня
Нет ничего». Я думала,
Что никогда не ошибаюсь
(букв.: не сгибаюсь)!

Она кончила. Тогда парень снял их обеих с сука и опустил. Когда опустил, все трое вошли в дом. Войдя, начали втроем разговаривать. Задумался человек Отани. Он подумал: «Я, парень, вначале должен был взять в жены Дарпекчан. Что бы ни случилось, я ее должен взять». И он взял в жены Дарпекчан. Взяв, мата такую речь держал:

Доке, доке, дон, донин!
Дочь солнца,
Тыргакчан-друг,
Я должен был взять себе
Женою Дарпекчан,
Я ее и возьму!
Ты меня привезла
В эти места,
[Ты] по этим путям
И отвези меня!

Он кончил. Заговорила Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мата,
Я виновата!
Если говоришь, что я привезла,
Если я виновата,
То я и отвезу.

Кончила речь она. «Сейчас, пока еще светло (букв.: чтобы день захватить), отвезу», — говоря, пошла за конями. Они втроем поехали на конях. Долго ехали. Доехали до дома Монгруни. Когда доехали, Отани там стал жить. Немного пожив, привезшая их женщина вернулась обратно. Вот там [он] и жил, вероятно.

8. Хургочон

Апанас Пудов (Бута), род. в 1917 г., неграмотный.
1947 г., р. Алгома, Якутская АССР.

Когда земля [размером] с коврик под седло была, когда небо берестяным коробом [еще] охвачено было, на средней земле жила старуха Нюнгурмок. Жила она в то время, когда на этой земле стланик-кедр только начинал топорщиться, когда багульник только зацветал. Если внимательно вглядеться — мелкорослый березняк только подымал пушистые ветви.

Однажды она подумала: «Кто же живет без товарища, близким другом называемого? Откуда-нибудь же я появилась? Ну, —

думает, — может быть, я жила всегда одна?». Долго она думала.

Раздумывая, взглянула вверх — кто-то над нею недвижим парит. Это не кукующая кукушка, это не крикливый ворон летит.

Живет она и живет на большой реке. Вот она стала обладательницей двух оленей. Кто их послал ей — не знала. Об этом она думала: «Во сне, что ли я [их] поймала?». Так и жила старуха с двумя оленями-важенками около проруби на озерке у большой реки. [Важенки] паслись в траве. Назывались они оленухами с раздваивающимися рогами. «Воспитаю-ка из них себе товарищей», — думая [так], ловила их.

Каждое утро рано приходили они. А чум у нее был — получум-утэн из жердей.[1] Одной едой ей были половинки ягодок, другой — половинки кедровых орехов. Старуха думала: «Век живу я одна». Думать [так она] не переставала.

Вот однажды утром взяла она большой чуман[2] и выскочила вон со словами: «Надою-ка я молока». Вышла она и начала доить важенку. Вдруг в ее получуме-утэн что-то никогда не слышанное пискнуло: «Ты-ый!». «Ахти! Кто это крикнул?», — подумала [она], подбросила свой чуман и побежала домой. Вот прибежала старуха домой. Вбежала в дверку — никого нет. «Ты-ый!». «Ахти! Кто это произнес? Кто это говорящий пришел?», — подумала она и выскочила вон. Выскочив, обошла свое жилище. «Кто же крикнул?», — не переставая говорить, обошла еще раз жилище. Обойдя, пошла — что бы там ни было — доить важенок. «Каренгак, смотри, как течет твое молоко!», — говорит [важенке]. С чего-то она обрадовалась. Доит. Во время доения опять что-то запищало, но как-то иначе. А то, что пищало, став человеком, перестало быть слышным. Опять бросила она чуман и побежала. «Ну, уж если я должна его увидеть, посмотрю, как он выглядит», — думая [так], бежала она. Она очень быстро бежала и толкнула плечом дверку так, что сломался ее угол. Входит, осматривает свой получум. Смотрит, а тот, [что пищал], превратился в человека — никогда не виданный ею мальчик валяется на ее постели. «Ах, бедняжка, кто тебя бросил?», — подумала [она]. Обрадовавшись, она развернула свой лучший шелковый платок [и] хорошенько завернула в него [мальчика]. «Ну, теперь надою молока и буду кормить его молоком». Принесла [молоко] и все скормила. Он только ночь переночевал, как стал годовалым. «Ты-ый! Действительно, птичий ребенок, житель тайги», — думает она. Три ночи переночевал он и, став трехлетним, начал хорошо разговаривать со старухой. «Ух, что за милый, хороший! Он по земле ходил или с неба упал?», — долго думала старуха. Чей родом, откуда появился он — не знает.

Вот однажды утром этот мальчик речь произнес. Заговорив, он стал просить бабушку:

— Найди мне имя! На средней земле разные люди, придя, будут дивиться: «Как твое имя?», — будут они спрашивать. Когда спросят они, что отвечу, как назову я свое имя?

Кончил речь мальчик. Нюнгурмок-старушка ответила:

— Да, по правде сказать, я должна назвать тебя птичьим именем.[3] Пусть у тебя впредь будет имя — средней земли Хуругочон. Когда чужеродцы спрашивать будут, назовись Хуругочоном средней земли. Потом я тебе сделаю лук и стрелы, приготовлю [их] рано утром. Тогда ты ими будешь играть.

Мальчик очень обрадовался. Старуха сделала ему лук-аланга.[4] Он очень хорошо стрелял. Пошел вверх по большой реке, держа в руках лук. Уйдя из дома, он увидел то, чего никогда еще не видел на средней земле.

— Что это? — говорит.

Присмотрелся хорошенько, а у этого неизвестного четыре ноги и вверх раздваиваются веточки. Вот он выстрелил из лука.

— А ну, покажу-ка я бабушке! Кто это такой?

Он, взвалив [животное] на себя, бросился бежать. Ну, долго ли ему бежать? Быстрехонько дошел. У дверки наклонившись, сбросил [ношу]. Старуха в стертой одежде от неожиданности вздрогнула. Она даже упала от испуга. «С чего это я испугалась?», — подумав, посмотрела. Подумала хорошенько: «Да это лось!» — и выскочила наружу. Начала большим ножом [лося] свежевать. Сняла шкуру, полный котел [мяса] для варки наложила. Сварила все. «Внучка накормлю», — думает. Средней земли Хуругочон схватил всю вырезку с позвонков. Начал есть, проглотил сразу кусок величиною с черного тетерева; [он] с черного рябчика куски глотал, с зайца величиною куски жира жевал. Когда кусок был величиной с куропатку, проглатывал. «Что за великан? Действительно, житель тайги». Вот он кончил есть. Тогда такую речь держал и бабушку свою спросил:

— Если бы в далекие места отправился я, то что бы случилось? — говорит он и спрашивает у бабушки: — На средней земле ходящее двуногое существо с ногтями, вероятно, имеется? Я хочу поискать себе товарища, — говорит. — А что если я в сторону восхода [солнца] пойду, как ты думаешь? — так он говорил.

Старуха Нюнгурмок ответила ему:

— Подожди с годок, пока мышцы не окрепнут, пока кости мозгом не наполнятся. Не ходи! Подожди! — говорит она.

Сказала она, и он стал ждать. Хуругочон взял большой лук и пошел вверх по большой реке. Он натянул до уха тетиву лука, сделанного из шестнадцати (букв.: из дважды по восемь) пластин. Выстрелил в ствол лиственницы. Стрела, пробив, застряла в задней части коры. Бродя, он не знал, сколько ночей провел на охоте — три или тридцать. Когда он, так играя, охотился, вдруг над ним что-то пролетело, чего он никогда не видал. Посмотрел он на небо. «Что это?», — говорит он. А что-то неизвестное тоже

заговорило. Он прислушался — слова настоящие. «Что же это?», — думает он. Пока неизвестные [существа] летели вверху, он бежал, прислушиваясь к словам. Земля была вязкой, болотистой, и быстро бежать он не мог. Устал бежать. Бежит он, они обгоняют. Направился он к местам, куда они летели.

На пути у него показался дом. Оказывается, он пришел домой. «Войду-ка!», — говорит. Там сидели никогда не виданные им [девушки]. Войдя, он спросил: «Кто вы?». На его вопрос они назвали свои имена. Первая из прибывших начала рассказ:

— Мы — дочери Секардина, — говорит она. — Я старшая дочь по имени Монгукчон.

Затем средняя дочь свое имя — Дарпекчан — назвала. А самая младшая — Секакчан.

— В нашу страну, которая там, где восходит солнце, должны прибыть разные богатыри. Узнав об этом, мы [сбежали и] прибыли сюда. Сейчас мы на повозках прибыли. Сюда, в эти места, [за нами] скоро придут Сэлэргуны с нижней земли.

Они спросили бабушку Нюнгурмок:

— Где бы нам побыть, чтобы нас не нашли?

Нюнгурмок-старуха ответила:

— Не уходите, подождите, пока они не придут. В этом месте едва ли найдут.

Старуха Нюнгурмок кончила говорить. Юноша богатырь Хуругочон ничего не спросил и, услышав о богатырях, сильно задумался. Совсем смутился и думает: «Кто же, кто же придет?». Вдруг слышит: «Дверь открой!», — кто-то говорит. Дверь по просьбе открыли, [Сэлэргун] вошел в дом. Ему поставили восемь железных нар. Хуругочон средней земли к пришедшему с такой речью обратился, говоря:

— Сначала поздороваемся! А затем уж по порядку ты расскажешь, из какой страны в эти места ты пришел! О звучном имени [своем] поведай!

Кончил он свою речь, и заговорил Сэлонтур-богатырь:

— Сэлонтур я с нижней земли. Я ищу дочерей солнца Секардина. Монгукчон ищу.

Он кончил говорить. Лишь только он кончил, как Хуругочон средней земли рассердился так, что толстые кишки [у него] чуть не лопнули, тонкие кишки чуть не порвались. Так, что в объеме на пядь растолстел, так, что вверх вырос на одну четверть. Так он рассердился на Сэлонтура.

— Что это, нижней земли Сэлонтур, вид у тебя такой страшный! Посредине лба один глаз, посредине груди одна рука, посредине лобка одна нога. Глазище с озерко, взгляд страшен!

Взглянул [Хуругочон] хорошенько, а в глазу у того торчит сучок с пядь величиною.

— Возвращайся-ка ты поскорее по своим следам! Или я в тебя выстрелю из восьмипластинчатого лука. А ну, убирайся

скорее! Если не пойдешь, я твой позвоночник молодым деревом обдеру. А ну, скорее выходи.

На эти слова Сэлонтур нижней земли так ответил, такую речь держал:

— Ты, такой-сякой, средней земли Хуругочон! Для чего ты жил? — говорит. — Кому страшны твои слова? Если я надумал взять, возьму [в жены] Монгукчон. Я тебя самого, негодник, кровь твою выпустив, игрушкой сделаю! Почками твоими, подбрасывая, буду играть!

На эти слова средней земли Хуругочон сильно обиделся. Так разговаривая, со словами: «А ну-ка, побьемся!» — оба выскочили вон.

Тогда средней земли Хуругочон говорит:

— Вначале поиграем стрелами.

И они поставили перед собою луки на расстоянии одного локтя.

— Ну, кто из нас начнет? — [спросил Хуругочон].

Сэлонтур сказал Хуругочону:

— Ну, начинай ты!

— Ну, ладно, — сказал Хуругочон.

Три ли дня они нацеливались, четыре ли дня приготовлялись, не знали. Пять дней устанавливались. Наконец, Хуругочон подумал: «Сейчас человек нижней земли вниз увернется!». Подумал и спустил стрелу в лобковую кость. Выстрелил так, что вышиб какандю.[5] От выстрела Сэлонтур вздрогнул:

— Эх ты, такой-сякой, ведь больно! — говорит. — А ну-ка, я выстрелю!

Говоря [так], он взглядом своего глаза величиной с озерко насквозь [того] пронзил. «Эх ты, такой-сякой! — говоря, подумал: — Средней земли человек вверх увернется» — и натянул тетиву до уха. В лоб Хуругочона со словами: «Вверх будет увертываться» — стрелу пустил. Выстрелил, сорвав с головы [того] кожу. Они побежали в направлении горы с двойной седловиной. Но [они] не стали биться мечами, а начали биться кулаками. Бьются и так, и сяк, топчутся. Холмистая земля в равнину превратилась. Бились, бились, до чего дошли — сами не знают. Голени в твердую землю до половины увязли. Тогда Хуругочон-богатырь говорит:

— Кто же из нас задрожал?

Посмотрели на колени. Оба опираются лбами, оба качаются вверх и вниз. Вот у Сэлонтура одна единственная нога задрожала. Вот-вот упадет, едва стоит. Хуругочон говорит:

— Если ты такой, зачем же со мною бьешься?

Он отбросил его далеко. О горелую лесину сильно ударил и поволок. Вот уже обнажились кости позвоночника Сэлонтура с нижней земли. Сэлонтур с нижней земли просит, говоря: «Добей!».

Но средней земли Хуругочон не думает [его] добивать, волочит его. Когда он тащил его, раздался голос с нижней земли.

— Кто это? — сказал Хуругочон и выпустил. Лишь только он [отпустил], Сэлонтур с нижней земли бросился прямо вниз, в свои места. Убегая, он наворожил. Хуругочон так понял [его слова]: «Я вернусь, когда сын твой будет играть лучком, когда дочь твоя будет играть ножницами», — сказал Сэлонтур с нижней земли и, измученный, исчез в нижнем мире.

Хуругочон-богатырь пошел один. «Где же я шел? — думает. — Здесь, по-видимому». Следы свои и здесь и там узнает. Пошел. Показался получум. Подойдя, присел он снаружи у дверки. Присел и такую речь держал:

— Бабушка, Нюнгурмок по имени, дверку открой!

При его словах старуха Нюнгурмок изо всех сил подскочила к дверке. Открыла и смотрит: внук пришел, едва [его] узнала. Очень обрадовалась. Соболью шкурку, ковер-кумалан[6] бобровый, никакого добра не жалея, постелила ему.

— Вот, сынок, входи, — говорит.

Вошел он. Разной еды, не жалея, наставила. Хорошенько угощает его. Спрашивает:

— Куда, сынок, ходил, откуда пришел?

Хуругочон-богатырь своей бабушке долго рассказывает; потом спрашивает:

— Куда ушли дочери Секардина?

На это отвечает старуха Нюнгурмок:

— Монгукчон живет далеко. Тебе, сынок, не дойти.

— Почему же не дойти? — говорит. — Укажи только. Дойду, — говорит.

— Иди в сторону восхода солнца, перейдешь две больших реки, за рекой будет чум-чорама.[7] Найдешь его. Вот там [она] и живет.

Лишь сказала она, лишь указала, как он, забыв о еде, собрался в путь. «Дойду», — говорит, всю одежду надев на себя. Нюнгурмок-старуха крепко обняла [его]. Распростились [они].

— Возвращайся через год, — сказала она.

Ну вот, отправился он. Идет, а лук в руке держит. Побежал. Бежит в сторону восхода так [быстро], что крылатые [птицы] отстают, что молодые лиственницы [от ветра] в волокна разрываются. От движения его ближайшие деревья ветром вырывает с корнем. «Возьму-ка я себе посох», — думает он. Но никакое дерево для посоха ему не подошло. Мнет он траву и следы большие оставляет, чтобы не стерся след. Издалека будут видны старые следы, где он шел. «В следующем году должен я вернуться, все следы еще будут заметны», — думает [и] бежит вперед. Вдруг на пути у него показалась неизвестная ему река с красивыми берегами. «Не та ли [это река], о которой говорила бабушка?». Противоположного берега не видно. Вот он переходит [реку].

Перейдя на тот берег, побежал в сторону восхода [солнца]. Бежит, вот опять показалась большая река. Побрел он, глядя на тот берег. Смотрит — красивая девушка появилась, говоря: «Я кольцо потеряла». Хуругочон со средней земли подумал: «Как-нибудь я должен его найти».

— В каком месте? Укажи мне место, где потеряла.

На эти слова она сказала:

— Иди в сторону восхода [солнца]. За третьей большой рекой есть трехголовый орел.[8] У берега купаясь, я уронила кольцо. Возможно, о нем знает трехголовый орел. Найди [кольцо] и принеси. Если принесешь, возьмешь меня в жены.

Вот побежал он дальше. Почти добежал. Перешел вброд одну реку, по тому берегу бежит. Показалась вторая река, [он] и ее перешел. «Здесь заводь, — говорит он, — у нее не остановлюсь». Бежит дальше, обрадовавшись, [что] что-то показалось. «Вероятно, это и есть [та река]», — подумал он. Очень большая река показалась. Смотря на тот берег, он пошел к ней. Здесь жил очень большой орел. «Вероятно, [это] он и есть», — подумал и вышел на песок. На тот берег направился. Побежал к гнезду орла. Добрался, смотрит — одни яйца, а самого орла нет. Орел улетел. Взял он яйца и спрятал. Поджидает орла. Сколько-то [времени] прошло, орел прилетел. Подлетев, орел начал парить над ним.

— Кто унес яйца? — говорит.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Я взял. Золотое колечко найдешь — отдам.

— Найду, конечно, — говорит [орел]. — Если оно в воде, найду. Жди один год.

И [собрался] лететь за кольцом. Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго.

— Много дней в пути проведя, через полгода приду, — сказал [орел]. Взлетев в небо, сказал: — Через четыре месяца принесу, — и нырнул в синеву, под верхней тучей исчез.

Хуругочон со средней земли ждет, поджидает. Начал ходить вверх и вниз по [берегу] реки. Когда он шел, поднялся ветер. «Что это?», — сказал, удивившись. Взглянул вверх — под нижней тучей никого нет. Кто-то взволновал поверхность воды в заводи. «С чего это волны ходят?».

Взглянул на реку — остался один песок. «Кто это ныряет?», — удивился он. Хуругочон со средней земли уже забыл о том, что трехголовый орел улетел. Между тем трехголовый орел вернулся, спустился около него. Спустившись, такую речь держал:

— Кольцо твое донес ли я? Вначале осмотри мою левую лапу. Если там нет, осмотри правую. На самом маленьком пальце должно быть твое кольцо.

Показал он Хуругочону вначале левую лапу, улегшись на спину и вытянув лапу. Посмотрел Хуругочон — не нашел [кольца], нет [его], только глина в лапе.

— Осмотри правую лапу, — сказал [орел].

Осмотрел ее — [орел] золотое кольцо принес, держа его в правой лапе. Найдя кольцо, [Хуругочон] обрадовался так как никогда. Тогда яйца орла хорошенько уложил туда, где они лежали. И такую речь сказал ему:

— За то, что слетал, большое тебе спасибо. За то, что ты нашел кольцо, я застрелю тебе лося. Убью и уйду. Приходи на тот берег большой реки, там и найдешь [его]. Я же спешу к себе.

Распрощались [они], и он ушел. «Как будто [я] с этой стороны пришел», — [долго] думал он, лишился сна и аппетита. В пути он кого-то увидел. Побежал, смотрит — лось. Убил [его]. Вырвал небольшую жердину, просунул [через лося], повесил [на дереве] и оставил. «Прилетит трехголовый орел и заберет, детенышам скормит», — сказал, оставляя.

Теперь в свои места побежал. В пути не знал, сколько дней осталось [идти] до своей земли. Но разве может он долго идти? Увязая в болоте до половины голеней, бежит он, большими прыжками перепрыгивая через стволы. От звука его шагов не осталось поблизости ни одного живого зверя. Медведи моментально убежали, с таким грохотом он бежал. На бегу он едва узнавал местность. Места похожи на его землю. Присмотрелся хорошенько — стоит красивое жилище, высокий дом.

Подойдя к двери, он такую речь держал:

— Дверь откройте! Сразу же расскажу все по порядку.

На эти слова Монгукчон открыла дверь. Открыв, постелила для Хуругочона со средней земли ковер из соболей. За руку [с ним] поздоровалась. Повела и усадила в своем доме. Монгукчон такую речь держала:

— Долго ходил. Мое кольцо нашел?

Хуругочон, сказав: «Нашел» — и радуясь, рассказал обо всем.

— Ну хорошо, теперь год мы оба будем готовиться к свадьбе, — говорит она.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго ждать.

Они договорились. Устроили свадьбу и жили хорошо.

9. Умусни

Майя Пикалева (Эдян), неграмотная.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Жил мата[1] Умусни. Он не знал ни отца, ни матери. Жил один-одинешенек. Чумом ему служил получум.[2] Если посмотреть внутрь, то там ничего не было. Так он жил-поживал. Ходил охо-

титься вверх и вниз по реке. Однажды он ничего не убил на охоте. Вернувшись, лег спать и заснул от обиды. Ночью он видит сон. Послышался голос во время сна:

Дэвэрдаканен! Дэвэрдаканен!
Ну, мата-парень,
Вставай-ка!
Дэвэрдаканен!
Молодец мата,
Я к тебе прибыла!
Вот опять в верхнем мире
Большое несчастье
Опять случилось.

Говорит [девица] и продолжает громко петь:

Дэвэрдаканен!
Молодец мата,
Пойдешь [на помощь] или нет?
Что думаешь?
Добро если сделаешь,
Я не забуду.

Мата так отвечал:

Героканен! Героканен!
Женщины между собою говорят:
Героканен! Героканен!
К чему же мужчине
Идти к женщине? — [Ясно]!
Героканен! Героканен!
Вот, девица, я без сил,
Пойти на помощь или нет?

Но девица увела мату. В свои места повела. Шли они, впереди девица шла. Долго шли. Пришли на родину девицы. Вошли к ней в дом. Увидели людей-[врагов]. Начал [он] с ними биться. Долго не бился — разбил [врагов]. Он взял ее в жены и стал жить с женою.

10. Умусликон

Семен Чепалов, род. в 1917 г., грамотный.
1936 г., пос. Тугур, Чумиканский район, Хабаровский край.

В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки,[1] когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо — верхняя земля, словно радуга, своими цветами сверкало, на самой середине средней земли, на устье большой реки-енэ [2] жил-поживал богатырь средней земли Уму-Умусликон. Один-одинешенек жил он. Чум-утэн [3] его покрыт был шкурой оленя-мойки, [шкуры] прижаты бедренными костями лося, порог [из костей]. Котелок у него был из черепа дикого оленя, нож — из кости дикого оленя.

Этот человек, отправившись охотиться вверх по большой реке, обратно притаскивал на десяти вязках [кафтана] десять туш оленных.[4] Действительно, Умусликон был сильным человеком: он не давал мимо пробежать четырехногому бегуну — оленю-куе с шестнадцатью копытами; [5] не давал над собою пролететь птице, летающей в выси. Он, Умусликон, считал себя большим силачом: «На средней земле не найдется такого сильного, как я», —

думал он. Умусликон сказал: «Вот я хожу, а вокруг все звери парами живут: и по земле ходящие [звери], и по воздуху летающие птицы». Умусликон вслух произнес: «Откуда же я произошел? Если бы с верхней земли (т. е. с высоких гор) упал, на макушке у меня был бы иней; если бы я из нижней земли (т. е. с открытых низин) вышел, на пальцах ног моих была бы земля; если бы я со средней земли (т. е. из тайги) пришел, на ребрах у меня была бы кора».

Однажды, когда Умусликон-богатырь, вернувшись с охоты, пил чай, в небе прозвучали слова. Он хорошенько прислушался — речь такая же, как у него. Голос произнес:

— Дэги, дэгинин! Богатырь средней земли, привет! Я пришел с верхней земли. Если скажешь: «Спустись», я спущусь; если [скажешь]: «Не надо», не стану.

Умусликон, не ответив, посмотрел через дымовое отверстие. Произнесший эти слова пролетел мимо. Рассердившись, парень бросил чайник на малу,[6] привязал лук и обратился к чуму-утэн:

— По моей земле никто не ходил, кто это осмелился прийти? Какая птица прилетела? Пойду-ка я туда, куда глаза глядят (букв.: куда моя передняя сторона направлена). Если мне будет удача, то вернусь через три года. Оставайся, будь здоров!

Сказав, Умусликон побежал в сторону восхода солнца. От движения его маленькие деревья словно нити извивались, большие деревья с корнями вырывались. Во время бега перед ним встал одноногий, однорукий, одноглазый чулуро.[7] На рожне [он] обжаривал зайца. Богатырь, подойдя, обратился к половинчатому [существу]:

— Дай-ка я обжарю зайца.

— Ну-ка, братишка, обжарь, — сказал тот и отошел к колоднику.[8]

Не успел он посторониться, как парень убежал с зайцем в руках. Пока тот гнался за ним, Умусликон-богатырь съел всего зайца. Умусликон побежал дальше. Повалялся [он] по земле и превратился в серебряного ястреба, полетел в сторону восхода [солнца]. Летя, он узнавал об осени по инею, о зиме — по изморози, о лете — по росе. Так он пролетал над разными землями. Уж очень большое пространство этот верхний мир! Летел, летел, наконец долетел до места игрищ в верхнем мире. На игрище много разных деревьев, куда спускались разные птицы-богатыри.

Умусликон-богатырь спрятался у комля большого дерева. Пока он находился в засаде, вечером прилетели разные птицы-богатыри. Прилетев [и став людьми], играли в разные игры: борцы боролись, певцы пели, прыгуны прыгали на двух ногах. Только один богатырь из такого количества богатырей ни в одной игре не выиграл — сын Юлтони, Гарпавулчан. Играя, богатыри начали зазнаваться. Они говорили:

— Если придет богатырь средней земли, выпустим его красную кровь на серединку лука,[9] а самого разбросаем на четыре стороны!

Говоря так, они хвастались. Во время их хвастовства в небе раздалась речь киданская. Дочь Юлтони — Дарпек-девица, паря в воздухе, так говорила:

— Нэмэдарекой! Нэмэдарекой! Богатыри верхнего мира, с чего это вы так расхвастались, словно не чувствуете [присутствия] человека? Уже двойной день (т. е. сутки) прошел с тех пор, как пришел богатырь средней земли — Умусли-мата. А сейчас он прячется у комля, где вы спускаетесь.

Богатыри верхнего мира сказали:

— Средней земли богатырь, когда же он пришел? Если уж пришел, то зачем прячется от нас? Выходи, выходи, давай поиграем! — говорят.

Тогда девица со слезами сказала:

— Спою-ка я в последний раз! — и спустилась.

Лишь только они разыгрались, как Умусликон-богатырь, закричав громким голосом, выскочил из засады с такой силой, что в месте спуска [земля] затрещала в трех местах. Увязнув в твердой земле по колени, он обратился тогда [со словами]:

— Я — богатырь средней земли Умусликон. Выходите, выпустите кровь мою на серединку лука!

Богатыри верхней земли друг на друга посмотрели. Кое-кто, испугавшись, убежал. Из всех один только Гарпавулчан-богатырь вышел вперед и произнес:

— В какую игру мы станем играть? Кончиком ли стрелы друг друга попробуем, острым ли краем лука друг друга рубанем или кулаком (букв.: большим пальцем в кулаке) друг друга ударим? Из всех игр выбирай любую!

Умусликон-богатырь сказал:

— Что за напасть такая, что [мы], богатыри, друг друга боимся? Давай воткнем копья в самую печень. Давай пустим друг в друга стрелы.

Тогда богатыри начали сговариваться.

— Кто из нас начнет первым: я или ты?

Умусликон сказал:

— Начинай первым ты!

Гарпавулчан-богатырь, приложив кончик стрелы к самому уху, со словами: «Вверх будешь прыгать» — натянул лук. Стрела вырвалась в небо. Тогда [он] выстрелил вторично со словами: «Вниз будешь прыгать, спасаясь». Выстрелил так, что сорвал [с Умусликона] кожу. Тогда Умусликон-богатырь со словами: «Выстрелю-ка я! Вверх будешь прыгать» — натянул лук и выстрелил вверх так, что сорвал кожу с черепа противника. Выстрелил вторично — у того отлетел палец. В третий раз выстрелил — разбил плечо. После таких выстрелов Гарпавулчан-богатырь взмолился:

— Не убивай меня, я сестру мою Монгункон [из рода] Кимонори [10] отдам тебе в жены.

Лишь только он так сказал, как Умусликон-богатырь произнес: «Действительно, для чего мне его убивать?». И плюнул [он] в обе стороны. Противник стал таким же, каким был.

Омыв пот, они отправились в места Гарпавулчана. Они так быстро шли, что гром прогремел 18 раз (букв.: дважды по девять) и выпал град. Много красивых мест они пробежали, прошли серединой три-четыре болота с одичалыми оленями. Когда они одолели все трудности пути, раздались шум, крик и кулачные удары. Это враги-авахи [11] напали на родину Гарпавулчана.

Богатыри, услышав шум, увидали, что окружены. «Как нам выйти», — говорят. Гарпавулчан-богатырь говорит: «Как я пройду?» — и бросился бежать. Умусликон-богатырь, превратившись в хвоинку, понесся по ветру. Двигаясь так, добрался до жилища [врагов-авахи] и прилип к углу дома. Прилипнув, Умусликон подсмотрел, как дерутся богатыри с врагом-авахи. Авахи действительно очень силен. Железнотелый Сэлэргун — авахи с нижнего мира, держа меч в руках, побил богатырей из разных мест. На земле старика Юлтони все люди мертвы, дерутся только три богатыря: сын моря Уговнор-богатырь, на земле выросший Отаникан-богатырь и сын Юлтони — Гарпавулчан-богатырь. Три дня бились они с Сэлэнтуром, тот всех одолел. Тогда Дарпек-девица, громко плача, спросила:

— Кто же спасет меня теперь? Все богатыри, которые могли помочь, разбиты. Умусликон-богатырь со средней земли далеко, не придет. Прошел уже год, как он направился сюда, отдав меня врагу.

Враг-авахи тогда сказал Дарпек-девице:

— Сложи хорошенько одежды, отправимся через три дня.

И, поднявшись в свайное жилище, [он] лег отдыхать.

Умусликон-богатырь, превратившись в человека, подошел к врагу-авахи. Подойдя, начал дразнить его:

— Брось в меня железным шаром!

Сэлэргун сказал:

— Подожди умирать, не поймаешь его — пострадаешь! Ни один человек до тебя не поймал еще.

Как только сказал, Умусликон-богатырь, вырвав с корнем пень, бросил ему прямо в лицо. Сэлэмтун, разозлившись, сказал: «Снесу-ка я ему голову железным шаром» — и бросил [шар] в него. Умусликон-богатырь поймал его одной рукой и говорит:

— Брошу-ка я, а ты лови! — и бросил в него.

Тот, не поймав, упал, да так, что столкнул ла́баз-жилище.[12] Встав, враг-авахи набросился [на него] с кулаками. Вот начали они кулачный бой. Врагу-авахи ни разу не удалось ударить Умусликона. Промахиваясь, он ударял кулаком по пням и разбивал

их. Бились они, бились долго. Во время боя твердую землю в болото превращали, болото — в твердую землю, холмы — во впадины, впадины — в холмы. От трехмесячной борьбы притупился кулак Умусликона-богатыря. С каждым ударом [Умусликона] в тело Сэлэргуна-богатыря впивались железки его панциря. Наконец, Сэлэргун начал кричать и плакать.

— Умусликон, ты сильный, — говорит, — таких кулаков, как твои, авахи нижнего мира никогда не видали.

Враг, сказав это, упал на спину. Умусликон перерубил ему шею, сжег его [тело] на огне [13] и тогда вошел в дом Юлтони-старика.

Красивая девица, взяв Умусликона за руку, усадила его на почетное место. Потом убили одного оленя-манщика [14] и одного кастрированного оленя — пороза и угостили [Умусликона]. Умусликон-богатырь женился на дочери Юлтони [из рода] Кимонори, на Монгункон-девице. Три дня собирали народ на свадьбу. Собрав, устроили свадьбу. После угощения устроили разные игры. Долго играли, переиграли во все игры.

Умусликон жил один год у жены.[15] Потом однажды говорит тестю:

— С тех пор как я оставил свои места, прошло больше двух лет. Настала пора отправляться в свои места.

Юлтони-старик ответил:

— Уходящего человека я не задерживаю. Если должен уйти, уходи, — сказал.

Целый день собирались к отъезду. Утром привели на поводу одну одичавшую важенку и собрались в путь. Монгункон-девица, распрощавшись с родными, пошла впереди, ведя два нагруженных каравана. Умусликон погнал неездовых оленей. Шли, шли, наконец дошли до своей средней земли. Дойдя до дома, Умусликон рядом с чумом-утэн поставил чум-чорама.[16]

Зажили Умусликон с Монгункон. Хорошо и долго жили в тайге. Разбогатели Умусликон и Монгункон. Умусликон-богатырь нашел удачу. Утром рано вставал и шел охотиться, с охоты без зверя не возвращался. Приходил всегда, убив какого-нибудь зверя. Хорошо они жили.

Между тем однажды в самую полночь подруга Умусликона Монгункон забредила, закричала во сне. Умусликон-богатырь, вскочив, сказал: «Что случилось?» — и посмотрел на подругу. Монгункон громко сказала:

— Ужасный, страшный кто-то начал меня есть! Дружок Умусликон, хорошенько слушай! Завтра в половине утра придут враги-авахи нижней земли. С тех пор как они ушли из своих мест, прошло три дня. Дружок муженек, приготовься хорошенько! Приходит день нашей смерти! Держись крепче! ... *(Далее кусок текста утрачен).*

Умусликон разделал тушу. Разделав, завернул мясо в шкуру, взвалил на плечо и понес. Добежал до дома [с добычей]. Дойдя, смотрит — жены нет нигде, все одежды ее в кучу свалены. Умусликон, расстроившись, со слезами начал кружить в поисках следов [авахи и жены]. Три дня ходил вокруг — ничьего следа не нашел. На четвертый день нашел след — он шел на север (букв.: на полночь). [Враги] уехали на нарте, которую тащил огромный бык. Умусликон с громким плачем бросился бежать по этим следам. Пять дней плакал, на глазах у него образовались [от слез] волдыри величиной с зайца. Бежал, бежал Умусликон, наконец дошел до отверстия, через которое [авахи и жена] провалились в нижний мир.

Дойдя, стал думать, как попасть в нижнюю землю. Мучился, мучился Умусликон, наконец, став каплей олова,[17] скатился в нижний мир. Падал, падал, наконец добрался. Нижний мир — очень темное место: там только половинка солнца, половинка луны.[18] Умусликон-богатырь по железным следам [авахи] пошел от скалы к скале. Так, идя наугад, дошел до одного жилища. Начал искать дверку четырехгранного дома. Ее нигде не видно. Умусликон-богатырь остановился отдохнуть, опершись на стену жилища. Опираясь, он услышал слова внутри жилища. Вслушался хорошенько — говорит его собственная жена, Монгункон-девица. Она произносит:

— Кимонин-матушка! Страшно! В чью землю меня [авахи] увел и зачем мучает меня? Настал день, когда мне надо варить головы людей. Долго не идет выручать меня дружок Умусликон!

Как только она произнесла это, Умусликон-богатырь сказал:

— С тех пор как я пришел, прошло три дня; я мучаюсь в поисках дверки твоего железного жилища. Открой дверку, дружок Монгункон!

Он сказал, и Монгункон подбежала открыть дверь. Умусликон-богатырь вошел в жилище. Смотрит — Монгункон, его жена, варит головы людей. Умусликон-богатырь спросил жену:

— Куда ушел Сэлэргун? Когда придет?

На вопрос его Монгункон-девица ответила:

— Вечером придет, пошел охотиться за людьми, чтобы съесть их. Из всех сильных самый сильный — железнотелый Сэлэргун, — сказала она. — Если ты, мата, силен, то его победишь! Дружок Умусликон, не поддавайся ему ни в чем!

На слова ее Умусликон-богатырь ответил:

— Каким бы я ни был от рождения, но без боя отсюда не уйду!

Умусликон, сказав, стал ждать. Вечером перед закатом солнца раздался звук железа. Когда он прекратился, прозвенел железный болт дверки, и [авахи] обратился к Монгункон-девице с громкими словами:

— Дынгды! Дынгды! Монгункон, дружок, скорее открой дверь! Усталый пришел я. Скорее открой!

Лишь только он произнес это, как Умусликон-богатырь без слов выскочил вон. Когда он выскочил, Сэлэргун, вздрогнув, вскрикнул:

— Ой, страшно! Откуда [ты] пришел? Умусликон-богатырь, здорóво! Давай встретимся добром и станем жить вместе.

В ответ на это Умусликон-богатырь, разозлившись, сказал: «Вот тебе!» — и ткнул ему под нос кулаком, а правой рукой ударил в основание уха. Сэлэнде рассердился и попробовал схватить противника, но Умусликон-человек вывернулся, вскочил, говоря: «Паршивая собака, сейчас я раздеру тебе сердце и печень!», и ударил кулаком врага-авахи.

Вот богатырь и враг начали биться. Во время боя все авахи и духи поумирали от страха. Повсюду в верхнем мире отдавался звук их кулачных ударов. Так бились Умусликон и Сэлэргун. Бились долго. Наконец, Умусликон начал одолевать врага. Авахи закричал:

— Умусликон-богатырь, ты полегче ударяй! Действительно, ты сильный богатырь! Я такого мату [19] не встречал. Не убивай! А что за польза для тебя, если ты убьешь меня? — говорит.

Умусликон-богатырь, не останавливаясь, бросил [авахи] на спину, зажал горло и перерубил его. Убив, [он] сжег его тело на костре. Затем, разыскав всех других врагов, перебил и их. Сжег всех и пепел развеял по ветру.

Победив, он пошел с женой в свои места [на среднюю землю]. Шел, шел, насилу дошел до поверхности средней земли. В пути хорошенько отдохнув, отправились [дальше] домой. Долго шли, наконец дошли до своих мест. Оставленный ими чум-утэн был в хорошем состоянии, как и прежде. Утром, встав, Умусликон пошел посмотреть оленей. Смотрит — хороши, против прежнего [их] в два раза прибавилось.

Тем временем у них родился мальчик. Умусликон, став отцом, очень обрадовался. На радостях словно помолодел. Хорошо воспитывал сына. Сын, раз переночевав, годовалым стал; дважды переночевав, двухлетним стал. «Такой ребенок, став мужчиной, в десять раз сильнее Умусликона будет», — говорили они между собою.

Умусликон с Монгункон хорошо жили, имели большое стадо.

11. Умун-Умусникон

Н. Федорова.
1936 г., пос. Чумикан, Чумиканский район, Хабаровский край.

Давно, давно жил один человек. Его имя было Умун-Умусникон. Этот Умусникон в чум заглянул — против входа лежит сумка. Взял эту сумку — внутри выдолбленная трубка. В трубке

трут. Зажег огонь с помощью трута. Покровом чума служила ровдуга из шкуры дикого оленя. Очень беден был этот Умусникон. У него не было собаки, чтобы «чо!» сказать, вокруг не бродили домашние олени. Едой ему было мясо дикого оленя. Он бывал сыт, если убивал, и голодал, когда никого не убивал. Этот Умусникон был настоящим богатырем: не давал пройти мимо себя четырехногому, не давал пролететь над собой летающему по воздуху.

Однажды он задумался: «На средней земле только я живу», — говорит. Поговорив с родными местами, этот богатырь собрался в путь. Пошел он пешком. Дошел Умусникон до одной большой горы. Сидя на вершине горы, он любовался окружающей местностью. Насмотревшись, говорит: «Интересно, как становилась земля?». В это время к нему подошел медведь. Умусникон спрятался в засаде, спустил стрелу и убил его. Разделал тушу, поел мяса. Потом Умусникон двинулся дальше. Дошел до одного места. [Там] стоит жилище. Вошел он в это жилище. Живут там старик со старухой, очень старые. Старик спросил:

— Что тебя принесло в эти места? Здесь [никакая] пташка «чип» не произнесла. А ты-то как пришел? Как тебя звать? В каких местах ты родился?

Умусникон-богатырь сказал:

— Если тебя моя жизнь интересует, я расскажу. Я пришел из далеких мест. Мое имя Умун-Умусникон. Ты, старик, старый человек, несомненно ты много знаешь, много видел и богатырей-молодцев знаешь, вероятно.

Старик сказал:

— Я родился в то время, когда эти места только становились. Видел я и слышал о многом. Когда был молодым, встречал разных врагов-харги,[1] людей и страшных зверей. Вот если пойдешь в этом направлении, [там] будет море-океан, там живут три брата-богатыря и сестра. Сильные богатыри. Если в поединке ты их одолеешь, будешь настоящим богатырем. Не одолеешь, приходи сюда!

Пошел этот Умусникон, дошел до одной реки. Там след человека ушел вниз по реке. Умусникон пошел по этому следу. Дошел — стоит жилище. Умусникон сказал:

— Здоро́во, домище! Открой дверку!

В доме кто-то спросил:

— Кто это говорит?

Из чума вышел человек, и Умусникон с ним начал драться.[2]

Оказывается, это настоящий человек-богатырь. Умусникон одержал верх. Богатырь океана говорит:

— Мы отдадим тебе сестру.

Сестра сказала:

— Я не пойду за Умусникона!

Сказав, девица убежала. Умусникон погнался за ней. Добрался до одного места. Здесь стоит каменный дом. Умусникон в поисках дверки трижды обошел вокруг дома и говорит:

— Каменный домище, если внутри тебя кто-либо есть, привет!

Внутри никто не произнес ни слова. Тогда Умусникон вошел в этот дом. Вошел, смотрит — спит человек. Очень большой человек, сбоку у него молот. Умусникон говорит:

— Долго спишь, вставай!

Человек не просыпается. Тогда Умусникон взял молот и ударил им спящего человека. Когда он слегка трижды ударил по лбу, тот проснулся. Проснувшись, спросил:

— Кто занес тебя в эти места? Я тебя сейчас же убью.

Умусникон сильно испугался и говорит.

— Я сюда попал в погоне за женщиной.

Этот человечище набросился на Умусникона, чтобы убить. Это оказался враг-авахи. Тогда Умусникон стал с ним биться. В поединке он победил. Победив, Умусникон вышел вон. Вдруг в небе раздались слова. Умусникон [в ответ] произнес:

— Матушка — верхнее небо, батюшка — средняя земля, мне силу прибавьте!

Умусникон подумал: «Была [у меня] такая стрела, что пробивала семь туч». Взял он эту стрелу, отточил и пустил вверх, а сам зацепился за ее конец.[3] Эта стрела унесла его вверх. Вот летит Умусникон на стреле. В верхнем мире он нагнал эту женщину. Женщина привела его в свои места. Добрался он. Там [стоит] чум-утэн [4] и горит костер. Он поставил около чум-дю.[5] Потом пошел к чуму-утэн. Внутри место мужа [этой женщины]. На почетном месте лежат шкура медведя — постель, лук и стрела. Взял Умусникон этот лук, натянул его до пояса, но не мог натянуть до конца за один раз. Вечером пришел муж женщины, на семи вязках [одежды] принес семь убитых зверей.[6] Придя, спросил:

— Кто это пришел в мои места?

Вошел в дом, где сидел Умусникон. Оказывается, это был младший брат Умусникона.

12. Гарпаникан

Григорий Чинков (Эдян), род. в 1919 г., грамотный.
1938 г., Сахалин.

На самой середине земли в то время, когда земля с ковер-кумалан [1] расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани. Откуда он произошел, неизвестно. У него не было отца, чтобы произнести «папа», не было матери, чтобы произнести «мама». «Если бы я на земле родился, на макушке у меня

росла бы трава; если бы я сверху свалился, на макушке у меня был бы иней», — думал [он]. Жил он так, поживал. Перед ним ни одна ворона, спустившись, не могла произнести «гак», ни одна кукша, опустившись, не могла произнести «кук» — всех убивал.

Гарпани-богатырь ежедневно вставал рано и уходил на охоту. Перебив всех зверей вокруг дома, он начал уходить подальше. Так живя, он стал задумываться о дальних местах. Думая о будущем, смотрел на свой чум-утэн.[2] Долго думал, наконец обратился к чуму-утэн:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Хорошенько слушай!
Как молодцу до старости
На одном месте усидеть?
Есть ли богатырь
Сильнее меня?

Богатырь-мата,[3] долго не раздумывая, взял лук и привязал к спине. Надев прокопченный кафтан и на голову шапку-мета[4] и обращаясь к чуму, опять сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Прощай-ка!
Если б я знал,
Когда вернусь,
То предупредил бы!
Если я далеко уйду,
То через два-три года
Я не вернусь!

Средней земли Гарпани, расставшись с чумом-утэн, как хороший олень-пороз бежит по твердой земле, взрыхляя твердую землю как олененок. Оставляет он свои места. От быстрого движения у богатыря-маты в ушах свистит и волосы ветер относит назад. На пути у него маленькие деревья в кольца извиваются, большие деревья, вырвавшись с корнями, шумно падают. След богатыря-маты похож на след от бегущего оленя-пороза. Земля взрыхляется тут и там.

Гарпани-богатырь не знал, долго ли, мало ли шел [он]. Очнулся только тогда, когда оказался, словно загнанный зверь, на вершине хребта Кодорос. Вершины Кодорос-хребта покрыты туманом и преграждают путь. Гарпани сквозь туман, навстречу ветру по вершинам бежит, оставляя хребет позади. Но и дальний путь имеет свой конец. Хребет Кодорос истощил его силы (букв.: кончает его дальний путь). Богатыря-мату теперь ничто не задерживает. Преодолевая трудности в пути, он ищет противника. Вот на пути у него на ровном месте стоит большой чум-чорама.[5] Стены восьмигранного чума-чорама освещает солнце. Гарпани-мата в обе стороны смотрит: где вход — не знает. Куда бы ни посмотрел, большой чум-чорама со всех сторон подпирает плавниковый лес. «Словно кости людей», — думает он.

Гарпани-мата вокруг чума-чорама бегает и ищет вход. Не найдя дверки, останавливается снаружи. Не найдя основного

столба, начинает рубить жерди остова. Тогда из дымового отверстия выскакивает мата.

Кэдэрэнинде средней земли, выскочив из дымового отверстия и идя по земле, смотрит на Гарпани. Средней земли Кэдэрэнинде шире, сильнее и выше, [чем Гарпани]. В упор он смотрит, черен как уголь, только зубы белеют; волосы у него вьются, а глаза, словно кольца, вращаются. Остановившись против Гарпани, он такую речь держит:

Кэдэрэгойкон! Кэдэрэгойкон!
Средней земли Гарпани,
С чьего разрешения ты
Жилище мое начал рубить?
Убирайся по доброй просьбе,
Пока я не свернул тебе шею!

Гарпани средней земли, услышав его слова, натянул лук и прицелился в противника. Приготовился и противник. Взяв стрелы, смотрит на Гарпани и ждет его выстрела. Гарпани средней земли натянул лук до пояса. Спустив стрелу, смотрит — совсем не попал. Только с третьего выстрела стрела вонзилась [в серединку лука противника]. В гневе схватив лук, глядя на противника, [Гарпани] ждет его выстрелов. Средней земли Кэдэрэнинде прицеливается не хуже его. Средней земли Гарпани от стрел его отскакивает. Из трех стрел ловит он [серединкой лука] третью стрелу. Богатыри-маты, бросив луки, начинают поединок на мечах.

Во время их боя днем туман подымается, ночью искры [от мечей] сверкают. Чащу в гладкое поле [они] превращают, а поляну — в чащу, холмистое место — в овраги, а овраги — в холмы. Но вот от боя их мечи начали тупеть. Бросив мечи, схватились [они] за пояса. Пробуют силы — упругость сухожилий. Потом, сцепившись руками и нажимая друг на друга, с силой упираются головами.

Ну, бились [они] и так, и этак. Сколько времени прошло с тех пор, как начался поединок, никто не знает. Об осени узнавали по инею, о весне — по траве. Но вот то один, то другой начинает падать. Силы кончаются, они ждут, кто кого одолеет.

Вот средней земли Гарпани бросает противника и оказывается на нем. Нажимая на него, сидит на груди. Взял меч и собирается перерубить горло [врагу]. Противник плачет, жалея о жизни, и так говорит Гарпани:

Кэдэрэгойкон! Кэдэрэгойкон!
Средней земли Гарпани,
Не убивай! Может быть, отпустишь?

Но средней земли Гарпани совсем не жалеет [его]; взяв меч, он хочет перерубить [ему] горло. Но не успел перерубить, как в синем небе по ветру речь раздалась:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпаникан,
Жаль мне! Моего брата не
убивай!
Если убьешь брата,
Меня ты больше не увидишь!

Средней земли Гарпани долго не думал, перерубил мечом шею противника. Убив, сел на колоду отдохнуть. В это время в тучах раздались слова и пронеслись над ним:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпани,
Прощай, говорю!
Меня больше не увидишь!

Средней земли Гарпани, разбив двойную дверку восьмигранного чума-чорама, вошел в него. Во всех отделениях искал и задержался при входе в восьмую дверку. Но разве остановится средней земли Гарпани? Он выбил луком железную дверку. Разбив дверку, вошел внутрь. А в восьмом отделении у железного пенька стоит, хоркая, верховой олень врага. Топорщится шерсть, торчат копыта.[6] От роду не видел зверя такого: [7] с двух боков двойные крылья, на спине естественное седло, [на голове] серебряный недоуздок. Средней земли Гарпани повел его на поводу. Выведя, привязал к лиственнице.

Зверь с хорканьем ходит вокруг лиственницы. Смотрит в упор на Гарпани и говорит:

Энгтони! Энтэни!
Средней земли Гарпани,
Если ты должен стать моим
хозяином,
Если упадешь, один пойдешь!
Не падай с меня!

Гарпани-богатырь, сев на него, стал подыматься вверх и вошел в тучи. Летя по небу, он взад-вперед качается. [Олень], хоркая, по небу летит. У средней земли Гарпаникана глаза слезами наполняются, в ушах свистит, но он сидит на [олене], совсем не падает. По синему небу он гонится за Конгакчан.

Над семью тучами [поднимаясь], под восьмой тучей спускаясь ниже, гонится он по следу. Богатырь человек на седле оленя, как почка [к дереву] прильнув, проходит сквозь тучи. Соревнуясь с тучами, сквозь туман летит по небу.

В это время против ветра звучат слова Конгакчан:

Гуруканин! Гуруканин!
Устала, надоело мне!
Орел мой верховой,
Скорее лети вперед!
Средней земли Гарпаникан
Гонится по моему следу!

Конгакчан-девица сильно плачет, на середине пути из сил выбивается. Усталые, они приближаются к океану. За океаном живет Воршенде. Летят они и не знают, где пролететь над океаном.

Средней земли Гарпаникан, гоняясь по следу, заставляет девицу спуститься. Поверхность океана в тумане, а другой берег океана едва виден. На том берегу стоит домище. Туда летит Гар-

паникан-богатырь. Паря над домом, как орел, он спускается на землю и привязывает своего верхового [оленя]. Взяв в руки меч, он останавливается у двери. Глядя на дверь, обращается к дому:

Куюкоко! Куюкоко!
Железный домище,
Если внутри кто-либо есть,
Познакомь меня с ним!
Если не познакомишь,
Дверку изрублю!

Немного [времени] прошло и в дверях показался Воршенде с молотом в руках. Железным молотом,[8] цепью привязанным к руке, замахивается он на Гарпани. Но средней земли Гарпаникан от молота отскакивает. Обоюдоострый меч при каждом ударе [о молот] искры рассыпает. Средней земли Гарпани, борясь с молотом, разбивает его железную цепь. И железный молот, отделившись от цепи, падает на землю. Житель океана Воршенде, потеряв молот и отскакивая от меча, прыгает вверх. Средней земли Гарпаникан ударяет Воршенде, но убить мечом не может. Куда бы ни ударил — не может попасть. Меч, падая на одежду, высекает искры, и в синем небе звон раздается.

Но, несмотря на это, средней земли Гарпаниндя рубит мечом железную одежду [противника]; от железного одеяния осколки железа, вспыхивая огоньками, падают на землю. Снимая с врага понемногу железное одеяние, он приближается к его телу. Когда из голого тела кровь потекла, богатырь человек разрубил плечо. Красная кровь, вытекая из раненого плеча, обагряет (букв.: разрисовывает) меч. Силы раненого врага иссякают. Весь в крови, он падает на землю. [Гарпани], придавив врага, сел ему на грудь и собирается перерубить ему горло мечом. В это время над ним в небе прозвучала речь:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли богатырь,
Теперь прощай!

Средней земли Гарпаниндя, не задумываясь, убил врага и сжег его дом. Богатырь человек взлетел в небо и погнался по следу за Конгакчан. Он полетел вперед в тумане сквозь тучи. Опять в пути ветер донес ему слова Конгакчан. Горько плачет она. Измучилась в пути и силы иссякли:

Гуруканин! Гуруканин!
Орел мой верховой,
Скорее лети!
Средней земли Гарпани
По следам моим гонится!

Средней земли Гарпани, после того как послышались слова, долго не летел — нагнал Конгакчан. Нагнав, схватил ее за косу. Намотав [косу] на руку, он ударил девушку плоскостью меча.[9] Ударив по бедру, довел девушку до слез. Вытирая слезы, Конгакчан-девица говорит Гарпани:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпани,
Не бей меня,
Пожалей меня!

Средней земли Гарпани, услышав слова и жалея девушку, перестал ее мучить. Найдя в пути жену, по небу путь продолжает. Летят в места Гарпани. Богатырь человек свой трехгодичный путь в три дня проехал, дошел до своих мест. Придя, около старого чума поставил новый и зажил с женой.

* *
*

Вот уже остались позади молодые годы средней земли Гарпани. Ходит он по своим местам и бьет зверей. Вот и старость наступила. Проходят годы и белеют волосы.

Появился сын у Гарпани-богатыря. Ежедневно возясь с мальчиком, он кормит его только лакомством.[10] Не дает мальчику вчерашнего мяса. Сын начал играть с луком, каждый день бегает и стреляет в птичек. Не прошло и нескольких лет, а сын Гарпани уже бьет зверей. Бродя по тайге, в оленя-мойку [11] стреляет.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь, не имея близкого противника, мечтает о далеких местах. Придя домой с охоты, обращается к отцу с матерью:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан!
Я думаю о далеких местах.
Как могу я,
Словно девушка,
состариться
На одном месте?
Отец Гарпаникан,
Ты, вероятно, знаешь,
В каком месте живет
Богатырь человек?
Как добраться
До этих далеких мест?

Гарпаниндя-отец, услыхав слова его, глядя на сына, обратился к нему:

Куюкоко! Куюкоко!
Чиндони-сынок,
Твоему походу
Я не препятствую.
Если пойдешь отсюда,
То за девятью океанами
Найдешь богатыря.
Чиндони-сынок,
Далеко до тех мест.
Вверху летающая птица
Трижды снесет яйца,
Пока доберешься до этого
места.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь долго не думал, отправился в путь. Полетел на верховом [олене] своего отца. Вверху кружа, он произнес:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан,
Я предупрежу, если узнаю,
Когда должен вернуться!
А пока прощайте!

Чиндони-богатырь, расставшись с родителями, сквозь тучи полетел по небу.

Гарпаникан-старик бродит по тайге. Бьет зверей вблизи жилья. Конгакчан-старушка и Гарпаникан-старик ежедневно по

утрам ждут своего сына. Сколько лет прошло, как ушел их сын, неизвестно.

Вот однажды небо потемнело. Тучи покрыли небо, поднялся ветер, упал железный град. Через некоторое время после этого раздались слова:

Яргудеро! Яргудеро!
Ястреб, [ты] мой верховой,
Скорее лети!
Приближаются места
Средней земли Гарпани!

Прошло немного времени после того, как прозвучали слова, и мата спустился. Спустившись на землю, он обратился к Гарпани:

Яргудеро! Яргудеро!
Средней земли Гарпани,
Привет мой услышь!
Из далеких мест
К твоему звучному имени,
К тебе я прибыл.
Средней земли Гарпани,
Не побиться ли нам
По традиции?

Гарпаникан-богатырь, услышав его слова, взял лук и выскочил в дымовое отверстие.[12] Смотря в упор, натянул лук. Противник также натянул. Богатыри долго не стояли, натянув луки, друг в друга прицелились. Верхней земли богатырь, глядя на Гарпаникана и взяв стрелу, в противника прицелился. Средней земли Гарпаникан увернулся от [пущенной] стрелы. Из трех пущенных стрел он поймал [серединкой лука] третью. Верхней земли богатырь, натянув [лук], смотрит на Гарпани. Стоя напротив, ждет, когда тот спустит стрелу. Тот стреляет подобно ему. Из трех пущенных стрел [богатырь верхнего мира] ловит третью.

Молодцы-богатыри решили испробовать крепость сухожилий и, схватив друг друга за пояса, уперлись плечами. Сколько времени прошло с тех пор, как они начали поединок, никто не считал. Во время боя средней земли Гарпани начал время от времени падать и кровью истекать. Вот уже кровь кончается и он ждет смерти. От усталости со слезами сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Усталость моя очень велика!
Горло мое пересохло!
Видно, пришел конец жизни!
Как не слышит моих слов
Сын мой Чиндони?
Пусть мои слова
Отзовутся в его левом ухе!

Верхней земли богатырь трижды бросил его на землю. Сев ему на грудь, собрался перерубить ему горло мечом. Тогда Гарпани сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Чиндони-сынок
Как это не слышит меня?

Немного [времени] прошло, поднялся вихрь. Начался железный град и проливной дождь, подул ветер. Когда кончился дождь, прозвучали слова:

Чиндоло! Чиндоло!
Двукрылый верховой,
Быстрее двигайся!

У отца Гарпани
Дыхание на исходе!

Прозвучали слова, и скоро прибыл сын Гарпани — Чиндоникон. Взяв лук, он прицелился во врага. У присевшего вниз [врага] снес кожу с головы. Когда же тот подскочил вверх, [на миг] лишил его сознания. Когда же тот отскочил в сторону, пробил ему восемь ребер. Выстрелив, он ждет выстрела противника. Противник, целясь, стреляет не хуже его. Но как ни стреляет, не может попасть. Из трех стрел [Чиндони] ловит третью.

Тогда они начали биться мечами. Во время боя только искры летят [от мечей]. Но Чиндони долго не бился, выбил меч [у противника] и разбил ему руку. Ранив [противника], он ударил его еще раз мечом. Попав в макушку [головы], разрубил [врага] пополам. Потом сжег [тело] на огне.[13] Собрав пепел его, развеял по ветру.

Спас отца Чиндоникон средней земли. Отдохнув дома, опять собрался в путь. Поднявшись в высь, паря, как орел, в синем небе, исчез в тучах.

Гарпани жил до старости. Старость придавила и Конгакчан. Никто не знает, куда улетел их сын Чиндони.

13. Гарпас-мата-Гарпануучан

Варвара Диадорова (Монго).
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля только становилась, когда небо-матушка подобно опрокинутому чуману [1] было, жил один человек. Когда земля, словно ковер-кумалан,[2] расстилалась, жил он, собирая ягоды. Появившаяся гора с холмик была, когда он жил; появившаяся река как ручеек была, когда он жил. Трава только пробивалась, а дерево величиною с четверть [3] было, когда жил мата.[4] Если посмотреть, что за жилище было у этого маты, оказывается чум-утэн [5] из плах. Звали этого молодца Гарпас-мата-Гарпануучан. Он не давал дважды пробежать мимо шестнадцатикопытному оленю [6] — такой мата был. Так жил он, и надоело ему охотиться на одном месте. Взял он лук и собрался пойти посмотреть мир. Вот заговорил он:

Генге, генго-ёй!
Генге, генго-ёй!
В мире, вероятно,
Живет человек-уранкай? [7]

Один я жить не стану!
Искать их надо!
Наступил день
Начала похода!

В поисках направился парень в сторону восхода [солнца]. Шел, шел, рассматривал мир. Искал он коричневоголового человека [8] — уранкая-эвенка. В поисках переходил из одной горной

тундры в другую и увидел дикого оленя-ирун.[9] Выстрелил в него из лука. Во время спуска стрелы сказал: «Берегись!». Когда он собрался пустить стрелу, зверь, почуяв, заговорил:

Онгтор, онгтонин![10]
Богатырь-мата,
Гарпануча-богатырь,
Убьешь [меня], вероятно?

Парень выстрелил. На месте того [оленя], в которого он стрелял, вскочили два раненых оленя-ирун. Погнался парень за ними. Звери убежали так быстро, что он не успел даже ни «ах!» произнести, ни почесать затылок. Но он продолжал погоню. В это время впереди него послышались слова:

Геруканын! Геруканын!
Геруканын! Геруканын!
Вот подлец — убил моего оленя!
Не увижу [я] бедняжку [оленя]!
А тебе морду сверну
[За то, что] убил моего оленя!
Больше не придешь сюда!

Говорит тот человек. Гарпас-мата-Гарпануча, услышав слова, обрадовался [встрече]. Быстрее побежал. Бежал, бежал, стал приближаться. Увидев вблизи человека, пошел к нему. Гарпас-мата шел к нему навстречу. [От быстрого движения] с двух сторон его появилось пламя. Дальний человек, подойдя, схватил его десятью пальцами и ударил кулаком, говоря: «За что ты убил моего верхового оленя?». Гарпас-мата тоже ударил кулаком. Оба парня равно дрались. Полмесяца дрались, [более] десяти дней равно дрались. Через полмесяца Иронуде-мата стал выдыхаться. Выдохнувшись, сказал:

Геруканен! Геруканен!
Гарпас-мата,
Не убивай меня (букв.: мою душу)!
У меня есть сестренка,
Красавица девица,
Секакчан по имени.
Если не убьешь,
Я ее отдам тебе!

Ну, конечно, Гарпас-мата, чтобы получить девушку, и не подумал убивать его. Окончив поединок, оба отправились к сестре Иронуде. Идут пешком, бегут. На восход солнца бежали, бежали, три дня бежали, наконец добежали. Иронуде позвал сестру:

Геруканен! Геруканен!
Я тебе товарища привел!
Не желая быть побежденным,
Я отдал тебя Гарпас-мате.
Чтобы живым быть,
Гарпанучану отдал я!
Быстрей выходи,
Приготовляй угощение
И одежду быстрей приготовь!

Тогда девушка, выйдя [из жилища] к брату, взяла за руку Гарпас-мату-Гарпануча и ввела [в дом]. «Что же делать, — сказала она, — ну, если он одолел тебя, я выйду [за него]». Введя, угостила его разными яствами, приготовила одежду. Поев, они собрались спать.

Переночевав, встали утром. Пошли за убитым оленем, [чтобы приготовить] угощение к свадьбе. Принесли его. Приготовили

яства, разослали парней-[гонцов]. Одного парня в нижний мир послали, одного — в средний мир, одного парня в верхний мир отправили. Пошли [они] за гостями. Посланные на третий день привели [гостей]. Со средней земли (т. е. с лесных склонов) на свадьбу пришли эвенки-уранкаи. С верхней земли (т. е. с горных вершин) пришли эвенки. С нижней земли (т. е. с низин и долин) пришли авахи.[11]

[Авахи], захватив когтями [одного] парня, потащили его. Парень тогда говорит: «Что за народ? Не дают покоя человеку!». Когтями его всего разодрали. Авахи покончили с тем парнем. После угощения [авахи] отняли жену Гарпас-маты. Гарпануча погнался за ними. Унесли они [ее] в сторону захода солнца. Там было озеро. На середине озера [авахи] нырнули в нижний мир и превратились в железо.

Гарпас-мата, догнав, нырнул туда же. Нырнув, добрался до мест авахи. Дойдя, превратился в мальчика-сиротку,[12] попытался войти. Вошел в каменный дом. У авахи одна рука на середине груди, один глаз посреди лба. Авахи, увидев его, сказал: «Покормите-ка мальчишку, сиротку-ребенка». Женщина Секакчан спросила мальчика:

— Откуда ты пришел? Что ты собираешься делать у авахи?

Мальчик сказал:

— Тетушка, я за тобою гнался, — говорит. Затем, обратясь к авахи, парень сказал: — Вот, познакомлюсь с Секакчан.

Авахи говорит:

— Хорошо, мальчик, познакомься.

Мальчик, познакомившись, сказал:

— Тут есть разные плоды. Попробуем их, — говорит.

[Отправились]. Сойдя с коня, они влезли на дерево полакомиться плодами. Влезли, а их [конь] превратился в огромного оленя.[13] На себе обоих унес. Отобрал [Гарпас-мата] у авахи [жену свою]. Домой ее везет. Олень говорит: «Крепче держись, чтобы авахи не нагнали». Повез домой. «Скоро до дому доедем, вероятно». Добрались до дома. Как только доехали домой, полил ливень, прогремел гром, выпал град, закружил вихрь. Это следом за ними атаман-авахи шел со словами:

Дэнгдэ, дэнгдэ-бунин!
Дэнгдэ, дэнгдэ-бунин!
Гарпас-мата-Гарпануча,
Отдашь или не отдашь —
Все равно возьму твою жену!
По-хорошему или по-худому
отдашь!

Гарпас-мата рассердился. Рассердившись, в столб около дверки так пнул ногою, что поломал его, и выскочил. Нос одному авахи вырвал с корнем. Авахи-парень сильно обиделся. Тогда [Гарпас-мата] ударил [его] кулаком [величиной] с голову лосячирак.[14] Авахи, вытянув [руку], ударил кулаком с голову осеннего лося-анам.[15] Начался поединок. Гарпануча уложил на

спину авахи-парня. Бросив его, сел на горло. Режет и смотрит, говорит: «Кончил». Видит — вместо авахи он [давно] рубит гнилую колодину. Авахи-паренъ ушел в нижний мир, говоря:

Дэнгдэ, дэнгдэ-бупин!
Гарпас-мата, прощай!

Ускользнул авахи, ушел домой. Гарпас-мата пошел к себе домой. Бежал, бежал, дошел до дома, до жены. Придя к жене, дома отдыхал.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганэй

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жил один мальчик с матерью. Чума у них не было, жили они у костра. Он охотился. Однажды мать пошла недалеко, сказала сыну:

— Если кто-нибудь придет, если кто-нибудь будет меня спрашивать, ты не говори, [куда я ушла]. Если попросит что-либо сделать, ты не делай.

Когда старуха ушла, к костру пришел медведь и спросил:

— Где твоя мать?

Мальчик ответил:

— Я не знаю.

Тогда медведь сказал:

— Ну, если так, то ты привяжи меня на цепь вон к той лиственнице.

Мальчик пошел привязывать. Когда он привязывал, медведь бросил парня к себе на спину. Паренек словно прилип [к нему], и медведь побежал. Бежал, бежал, очень долго бежал медведь. Добежал до каменистой россыпи. На ней девушки играли, набрасывая арканы друг на друга. Паренек увидел девушек и говорит:

— Девушки, девушки, набросьте аркан на медведя! Спасите меня!

Девушки с арканами в руках забежали впереди медведя, арканом не поймали, промахнулись.

Медведь шел, шел и пришел к своим сородичам. Принес паренька в самую толпу их. Медведи собрались его съесть. Тогда паренек сказал:

— Дайте мне местечко, чтобы почиститься, вам лучше будет меня есть.

Медведи немножко раздвинулись. Тогда мальчик говорит:

— Мне не поместиться, дайте немножко больше места.

Медведи пошире раздвинулись. Лишь только они дали ему побольше места, как он бросился бежать, перепрыгивая с одного медведя на другого. Медведи погнались, но не догнали. А он бежал да бежал. Добежал до старых кострищ, где жила мать. Но мать уже умерла. Тогда он пошел в дальние страны, отправился искать девушку Торганэй.[1] Шел, шел и нашел маленький чум. В нем жила старушка.[2] Юноша спросил:

— Как найти место, где живет Торганэй?

Старушка говорит:

— Ты на своем пути встретишь много трудностей. Если ты их преодолеешь, то возьмешь [в жены] девушку Торганэй. Если же не сможешь [преодолеть], не возьмешь, — говорит старушка. — Я тебе дам верхового оленя.

Она дала ему верхового оленя, и он поехал. Ехал, ехал, [видит] — густая чаща. Остановился он и спрашивает:

— Как мне проехать?

Верховой олень заговорил:

— Мы превратимся в мышей и пройдем через чащу.

Пролезали, пролезали, наконец дошли до конца [чащи]. Опять поехали по ровному месту. Ехали, ехали, доехали до такого места, где ножницы сдвигаются и раздвигаются. Юноша говорит:

— Как мы проедем?

Олень отвечает:

— Сделаем железные унты и проедем.

Проехали. Опять поехали дальше. Ехали, ехали, доехали до места, усеянного остриями иголок. Через них перескочили. Ехали, ехали, смотрят — огромный пожар. Юноша говорит:

— Как мы проедем через пожар?

Верховой олень отвечает ему:

— Превратимся в птиц.

Превратились в птиц и перелетели через пожар. Поехали дальше. Ехали, ехали, опять [препятствие] — топоры рубят. Куда ни поедешь, везде страшно. Снова говорят:

— Как мы проедем через них?

Но проехали — олень придумал. Поехали. Ехали, ехали — вода, кругом вода, конца нет.

— Как нам проехать? Вода без конца.

Верховой олень его говорит:

— Превратимся в рыб. Рыбами проплывем.

Преодолели они и эту преграду в пути. Тогда олень сказал:

— Ну, теперь трудного пути не будет. Скоро доедем до девушки Торганэй.

Ехали, ехали, доехали. Показался огромный дом, блестящий, как солнце. Когда доехали, из дома вышла женщина и говорит:

— Я Торганэй.

На это юноша сказал:

— Как же так — ты Торганэй, а некрасива? А дом твой красив.

Тогда женщина сказала:

— Подождите до вечера, я скоро приду.

И ушла. Вечером пришла. Стемнело. Когда настала ночь, она сказала:

— Ну, надо спать!

Пошла в дом. А под платьем у нее что-то потрескивает. Юноша удивился:

— Что это потрескивает?

Легли спать. Ночью все тело юноши было исколото. Едва доспал до утра. Когда они спали, послышался звон — колокольчиком [кто-то] звонил. Он спросил:

— Кто это идет?

Тогда женщина сказала:

— Я тебя обманула. Я — работница Торганэй. А под одежду я насовала корья.[3] Торганэй сейчас начнет меня бить. Когда поломается это корье, она скажет: «Ну вот, я побила работницу».

Торганэй, подходя, закричала:

— Открой дверь! Кто это привязал своего верхового [оленя] к столбу?

Работница вскочила и пинком ноги открыла дверь. Торганэй схватила свою работницу и начала бить. Била, била, только треск раздается. Тогда Торганэй говорит:

— Ну, я забила свою работницу, все кости ей переломала.

Отвернула она одеяло, а там лежит юноша.

— Как, ты спал с моей работницей?! — говорит она. — Я — Торганэй-девица. Ты преодолел все трудности в пути. Я должна стать твоей женой. Много юношей пытались прийти ко мне. Никто не преодолел препятствий в пути, ты же сумел. Я твоя. Но за то, что ты спал с моей работницей, я дам тебе трудные работы. Если ты их выполнишь, ничего не испугавшись, я выйду за тебя замуж. Если не преодолеешь, не справишься [с ними] из-за страха, вернешься обратно к себе.

Юноша этот сказал:

— Сделаю.

Вначале она сказала ему:

— У меня есть звери, ты их попаси.

Он начал пасти. Зверей у нее было очень много, без счета.[4] Увидев впервые такое количество, он вначале испугался. Звери хотели его покусать. Юноша пришел к Торганэй и говорит:

— Твои звери собираются меня покусать.

Торганэй пришла и говорит им:

— Вы не кусайте, он наш.

Долго он пас их и не боялся, звери слушались его. После того как он кончил пасти, Торганэй говорит:

— Ну, покарауль березки. В березняке есть медведи. Ты их не бойся. Если они захотят себя съесть, ты скажи: «Я муж (букв.: человек) Торганэй».

Пришел он в березняк, березки начали его бить ветвями. Юноша заплакал. Тогда березки спросили:

— Ты чей человек? Эта земля принадлежит Торганэй. Торганэй велела нам не пускать чужих людей.

Когда они разговаривали, пришли медведи. Как только они показались, юноша сказал:

— Я — жених Торганэй.

Березки и медведи не поверили. [Березки] отправились спросить Торганэй:

— К нам пришел чужой человек. Мы его царапаем, медведи хотят съесть.

Торганэй ответила:

— Не трогайте его, это мой человек.

Березки вернулись и говорят медведям:

— Это свой, человек Торганэй.

Долго стерег юноша медведей и березки. Когда он кончил стеречь, Торганэй сказала ему:

— Найди своего верхового оленя. Найди и убей. Убив, мойся в его крови две недели, [чтобы очиститься]. Тогда ты возьмешь меня в жены.

Юноша убил [своего] верхового оленя и две недели мылся в его крови. Потом женился на девице Торганэй. Они хорошо зажили.

15. Торганэй и Чаникой

Иван Романов (Бута), грамотный.
1936 г., пос. Бомнак, Зейский район, Амурская область.

Давно, давно, когда мать-земля меховым ковром расстилалась, когда небо, величиною с беличий глаз, поблескивало, жили два паренька. Старший по имени Торганэй, младший — Чаникой. День им казался минутой, год — ночью. Так они жили и поживали. Один из них, подрастая, сделал игрушки и лучок. Стреляя из этого лучка, он не давал пролететь над собою птичке, кричащей «чип-чип», и кукше, кричавшей «кук-кук», — всех убивал. Младший парень был очень неловким, грязнулей и сопливым.

Вот Торганэй начал охотиться. Ходит на охоту, бьет зверей. Убив и привязав на вязку [от кафтана],[1] приносит их домой. Однажды, придя, посмотрел на друга-брата, а тот красавец-красавцем стал. Спросил Торганэй Чаникоя:

— Что ты сделал, что стал таким гладким и белым?

Чаникой ответил:

— Вероятно, я побелел и пригладился, когда валялся по снегу и по коре.

Торганэй опять ушел на охоту. Охотясь, убивал зверя и возвращался домой. [Смотрит] — Чаникой [опять] белый и гладкий. Спросил Торганэй:

— Что ты делал, что так пригладился и побелел? Расскажи подобру. Не расскажешь — побью.

Чаникой сказал:

— Братец, расскажу, только не бей. Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца; они меня причесали и намыли,[2] вот я и побелел.

Тогда Торганэй сказал:

— А ты поймай одну из двух.

Чаникой ответил:

— Непременно поймаю.

Торганэй спрятался в стороне от дома. Пока он сидел в засаде, в полдень прилетели две журавль-девицы. Спустились на том месте, где Чаникой рубил дрова, потом вошли в чум. Войдя, стали Чаникоя расчесывать и намывать. Пока мыли, Чаникой схватил старшую. Держа ее, он позвал брата:

— Торганэй, скорее иди!

Торганэй прибежал и повесил на вершинку жерди оперение журавль-девицы. Вот таким образом Торганэй получил жену.

Женившись, он прожил с женой три дня. Пошел на охоту. На охоте он пробыл долго. Вернулся домой. Дома никого нет: ни жены, ни брата. Посмотрел на дверной столб — тот уже упал.[3] В заржавленном котле брата нашел что-то пересохшее.

Остался Торганэй один. Сидит и думает: «Что же мне делать одному?». Пошел тогда Торганэй в сторону восхода [солнца]. В пути встретил трехголового орла.[4] Запел он:

Генге, генге, генге-коен!
Лови привет, орел-великан!
От избытка сил [я] в путь направился.
Трехголовый орел, расскажи мне, что знаешь!
Я, оставшись один, сюда пришел.

Отвечает на это трехголовый орел:

Дынгды, дынгды, дынгды-коен!
Человек тайги, здоро́во!
С тех пор как две журавль-девицы
К восходу солнца пролетели.
Уже три дня прошло.

Торганэй спросил:

— А как ты поможешь мне?

Трехголовый орел отвечает:

— Я тебе расскажу. Иди-ка ты прямо в сторону восхода солнца. Пойдешь, там будет три реки. Если ты сметливый и сильный, перейдешь их. На противоположном берегу третьей реки будет десять зверей — [оленей]. У десятого из них рог сломан пополам. У него серебряное седло, серебряный трехсаженный недоуздок. Если ты его поймаешь, то будешь силен.

Отправился Торганэй в сторону восхода солнца. Дошел до реки. Посмотрел — река очень широкая. А у него нет ничего, на

чем он мог бы переехать. Посмотрел он вниз и вверх и бросился бежать [к реке], задевая ветки. Насадил кору на пятки[5] и перешел по реке. Вот таким образом он перешел все три реки. На противоположном берегу третьей реки он увидал следы зверей. Торганэй потихоньку стал выслеживать их. Звери почуяли его. Увидев его, они убежали. Торганэй погнался за ними. Гнался, гнался, догнал. Догнав, нашел [среди них] оленя с серебряным седлом и с серебряным недоуздком. Схватив его за оба рога, Торганэй [вскочил на него] и перевернулся. Горушка показалась ему марью,[6] а впадины показались ему холмами — так он кувыркался. Три дня держался [на олене], пять дней отдыхал.[7] Устав, взмолился:

— Олень с серебряным недоуздком! Устали мои сухожилия, задохнулись мои легкие. Ведь все равно тебе не одолеть меня!

Вот так приучил он оленя к себе; Торганэй получил верхового оленя. На этом олене охотился на зверей. Нагнав, он убил одного теленка для еды в дороге.

Поехал Торганэй дальше, в сторону восхода солнца. Доехал до большой серебряной горы. Доехав до горы, он толкнул пяткой оленя, говоря: «Стань колодиной!».[8] Верховой олень стал колодиной, а сам он превратился в маленького ребенка,[9] плачущего у подножия горы.

Пока он плакал, огромный орел, услышав плач ребенка, слетел с вершины серебряной горы и со словами: «Какой бог послал мне сына?», обрадовавшись, захватил его. Принес домой. Оставив его в гнезде, орел улетел на охоту. Без него Торганэй из костей животных сделал себе игрушки, бубен сделал.

Орлу надоело охотиться, он вдруг очень устал, вернулся в гнездо и сразу заснул. Когда он спал, Торганэй потихоньку привязал себя к ноге орла. Привязав, ударил в бубен. Орел взлетел. Когда тот долетел до вершины горы, Торганэй, [отвязавшись], упал.

Упав, Торганэй направился с горы вниз и услышал чей-то плач. Услышав, подошел. Подойдя, видит — на высохшем озерке [птица] Чиркимай качает новорожденного [и поет]:

Чивер, чивер, чивер-коен!
Баю, баю, баю-коен, не плачь!

Торганэй подошел к Чиркимай и спросил ее:

— Чей это сын?

Чиркимай говорит:

— Я забавляю оставленного журавль-девицами сына.

Тогда Торганэй спросил:

— А сами журавль-девицы куда улетели?

— Журавль-девицы улетели на свою землю, сегодня в два часа прилетят.

Торганэй, вспомнив, подумал: «Да это мой сын!» — и говорит Чиркимай:

— Ты его посильнее раздразни, чтобы плакал — быстрее придут журавль-девицы.

Чиркимай довела ребенка до слез. Торганэй спрятался в чаще. Увидев, как подлетели журавль-девицы, Торганэй подошел сбоку к жилищу и спрятался. Спрятался и слушает, как поют журавль-девицы. Старшую звали Гелтынгачан Кувульгат. Старшая сестра, Гелтынгачан, говорит:

— Скорее спустимся, мой сын плачет!

Чиркимай не успела ответить. Младшая девица запела:

Генг, генг, генге-койон!
Не будем спускаться!

Торганэй пришел
И находится поблизости.

Первая, Гелтынгачан Кувульгат, спустилась на сухое озерко. Подбежала к сыну. Взяла от Чиркимай сына и собралась кормить грудью. Лишь только она начала кормить, как подбежал Торганэй. Трехпудовым топором разрубил крылья-одежду журавль-девицы. Тогда младшая сестра Гелтынгачан сказала:

— Теперь прощай! Не послушала меня, спустилась, ведь паренек не плакал по-настоящему. Теперь живи век со своим мужем (букв.: стариком)! — сказала так и улетела в сторону восхода [солнца] младшая сестра.

Вот Торганэй, вторично найдя жену, остался с ней жить. Сын их каждую ночь подрастал. Отец делал ему игрушки, сделал лучок. С помощью этого лучка мальчик не давал пролететь над собою птичке, произносящей «чип-чип!», — охотником стал. На охоте он встретил разных зверей, птиц. Они спрашивают:

— Как твое имя?

А у мальчика имени нет. Никакого не назвал — нет имени. Парнишка приходит домой и говорит матери:

— Я на охоте встречал птиц, те меня спрашивали: «Как твое имя?». Потом смеялись над тем, что нет имени. Как же я должен жить без имени? Дайте мне имя! — просит парень у отца и матери.

Мать говорит своему мужу:

— Ну, дружок, дадим имя нашему сыну. Я дам сыну имя Хуругочон. Пусть будет это имя у нашего сына.

— Хорошо, — сказал он.

Мальчик, получив имя, обрадовался, взял лук и пошел на охоту. На охоте опять встретил птиц. Они спросили его:

— Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Хуругочон.

Вот Хуругочон охотится и бьет зверей. Убьет десяток и весь десяток принесет домой. Однажды на охоте он увидел бурундука. «Что за зверь?», — говоря, стал его рассматривать. Посмотрел: «Уж очень красив он», — говорит. «А ну-ка я поймаю его живым», — подумал, погнался и схватил бурундука. Поймал,

обрадовался и побежал домой, расталкивая ельник, так что шишки падали и коряжины выворачивались. Сильным человеком стал [он]. Пробежал он тальником, прибежал домой. Спросил у отца:

— Что это за зверь? Съедобный или нет?

Отец говорит:

— Это божий слуга.[10] Его нельзя есть.

Пошел опять охотиться Хуругочон. Когда он шел, послышался вой ветра. Сквозь этот вой ветра вдруг кто-то заговорил:

— Сильный паренек, что ты ищешь? Где твоя мать? Расскажи. Если не скажешь, я тебе сверну шею (букв.: я тебя с твоим ухом возьму).

Смотрит Хуругочон — никого не видно. Он подумал: «Кто это и где говорил?». Подумал, осмотрелся — нигде никого. Ничего не понимает. Пошел вперед. Идя, увидел следы зверей. Их кто-то уже вспугнул. Так он никого и не убил. Пришел Хуругочон домой. Придя, спросил мать:

— Когда я шел и охотился, поднялся вихрь, потом кто-то спросил: «Ты, паренек, чего ищешь? Где твоя мать?».

Мать сказала:

— Это дочь солнца Секакчан Кувульгат, вероятно.

Хуругочон спросил мать:

— А эта дочь солнца, красавица Секакчан Кувульгат, где живет? Расскажи мне. Я пойду к ней. Она меня сильно рассердила, разогнала всех зверей передо мной.

— Я тебе расскажу. Иди на юг (букв.: на полдень), к подножию горы. Когда пойдешь, увидишь серебряный дом со столбом, достигающим неба. В этом доме живет дочь солнца Секакчан-девица. Там же однорукий мата-авахи[11] живет, у которого еда — пол-ягоды и который ест половинкой ложки. Если ты его одолеешь, то получишь девушку в жены.

Вот поставил Хуругочон по сторонам входа в материнский дом двадцатипудовые железные балки и говорит:

— Если это железо заржавеет, считайте, что я умер.

Распрощался Хуругочон с отцом и матерью и отправился в путь. Идет он и идет, день и ночь идет. Идет, сам с собой разговаривает: «Если бы я с нижнего мира пришел, на пятках у меня была бы глина». Посмотрел он на пятки — глины нет. Говорит дальше: «Если бы я со средней земли пришел, мой старый кафтан сносился бы». Посмотрел — кафтан сношен.

Вот шел он и дошел до серебряного дома. Придя, попробовал открыть дверь — никак не открывается. Превратясь в птичку, Хуругочон сел на дерево. Смотрит — богатырь-авахи лес рубит, ставит бревна к дому. Вот открывает авахи дверь. Как только открыл, Хуругочон, превратясь в муху, влетел. Влетел и остался жить внутри дома.

16. Алтанэй

Анисья Павлова (Булдэ), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давно это было. Жили три молодца — Илихагдэн, Алтанэй и Тывьенэй; это были три брата. [С ними] жила одна сестра. Жили они в одном доме. У них не было ни отца, ни матери — умерли. Вот такая была семья. Они жили охотой. Во время охоты двое из них оставались дома. Сестра их вечно скучала. Как-то вечером братья пришли с охоты и сестра говорит им:

— Братцы, скучно мне! Поймайте мне зайчонка и принесите вместо игрушки!

Утром [братья] отправились охотиться. Принесли с охоты зайчонка, дали его сестренке. Она играла с зайчонком целый день. Наступила вторая ночь. Охотники пришли домой. Тогда она говорит:

— Братец, братец! Мне с ним не справиться. Сделай для него ящик, такой, чтобы в него не проникла вода.

Брат сделал ящик и дал сестре.

— Я посажу, — сказала она, — в этот ящик зайчонка.

Братья опять ушли охотиться, опять дома остались двое. Когда они ушли, девушка побежала к реке. Река была большая. Взяла она ящик, сунула в него зайчонка и закрыла его. Пришла к реке и спустила ящик на воду со словами: «Кто хочет меня взять в жены, пусть возьмет этот ящик». [Вернулась], сидит дома. Брат ее спит против нее. Проспал весь день, не проснулся ни разу. Сколько времени спал, неизвестно.

Когда он спал, прилетела большая птица. Спустилась и села, сломав девять верхних ветвей у лиственниц. Села и запела. Услышав пение, девушка выскочила из дома, посмотрела. Птица, увидев ее у двери, спросила:

— Кто отправил [ящик], ты или кто другой?

— Это я отправила, — сказала девушка.

Тогда птица схватила полчума вместе с девушкой и унесла все это на крыльях. А брат Илихагдэн во второй половине чума весь день проспал, ничего не чувствуя. Вечером пришли с охоты Алтанэй и Тывьенэй. Пришли — половины жилища нет. Только во второй половине спит Илихагдэн.

— Илихагдэн, соня, — говорит Алтанэй, входя. — Посмотри, что случилось с чумом! Ты что — не чувствуешь что ли?

Когда тот сказал, [Илихагдэн] начал ругаться. [Алтанэй] говорит тогда своему товарищу [Тывьенэю]:

— Нашу сестру унесла птица Керальто-Гаральто. Мы должны собраться в погоню. Илихагдэн же пусть спит крепким сном.

Отправились в погоню два брата, Алтанэй с Тывьенэем. Направились вниз по реке. Шли они, шли, очень долго шли. Устали

идти, присели на кочку. Сидят и видят старичка. Этот старик Танкахэт гадает.

— Ну-ка, пойдем к нему, — говорят.

Пошли к гадальщику. Тот испугался, подпрыгнул. Сел против молодцев и спрашивает их:

— Чьи вы дети? Куда идете?

— Мы, — говорят, — идем [по следам]. Нашу сестру люди увели. Мы гонимся [за ними]. Вот, старик, если ты знаток, то ты, вероятно, знаешь про все это. Расскажи, по какой дороге нам идти, чтобы найти ее? Объясни нам хорошенько! — говорят они.

Тот погадал, потом сказал:

— Расскажу, — говорит. — Нагоняйте по средней дороге. [Там] найдете. Когда пойдете, встретите тальники, в них будет скот, который «ш-ш» произносит. Скот как бугорки сгрудится. Тогда покажется [то, куда идете].

Пошли они. Вот уже видно [стадо]. Стадо огромное, кажется холмиками: много коров и много лошадей. Дошли до середины, [смотрят] — девушка, выскочив [из дому], стоит у двери. Выйдя запела:

Братец Алтанэй,
Ты ли пришел?

— Я пришел, — говорит он.

— Ну, если так, соберем угощение, разными кушаниями накормим. Входите в дом.

— О, мы не войдем, — говорят они, — пусть твой муж выйдет.

Муж ее вышел навстречу, поздоровался. Когда он здоровался, [брат] ударил его пальмóй[1] на длинной палке так, что голова слетела. Убили Керальто-Гаральто. Когда они убивали, сестра была в доме. Брат Алтанэй схватил ее за руки, вывел на улицу, а брат-товарищ Тывьенэй поймал коня.

— Давай накажем ее, — говорят.

Сестра закричала:

— Братец Тывьенэй, я боюсь, я всегда боюсь брата Алтанэя. Братцы, не убивайте меня!

— О, пусть говорит! — сказали.

— Тывьенэй, скорей привяжи ее за косу к хвосту коня. Привязав, отпустим [коня]!

Конь побежал, поволок привязанную к хвосту женщину.[2] [Испугавшись], бросился со всех ног. Так и убили девушку.

17. Алтанэй и Тывьенэй

Петр Михайлов (Булдэ), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно (букв.: в начале жизни) с низовья вдоль реки летели пестрые утки. Девушка поймала утку и начала с ней играть. Немного погодя прилетела птица. Прилетела и спустилась

неподалеку от дома. Посмотрела девушка, а птица эта Моксовул. Птица запела, девушка стала слушать. Птица пела так:

С реки, на которой ты живешь,
С низовья этой реки могут
прибыть!
Вот придет человек,
Уж очень красивый на вид;
Придет он и скажет:
«Я тебе игрушку-оленя дам!
Я тебе игрушку-зайца дам!».
Даст он и скажет:
«Иди ты со мною!
Пойдем и станешь моею женою!
Я тебя уведу», — скажет он.

Птица, [пропев], улетела. Улетела она, пришел человек. Пришел, дал девушке зайца.

— Я тебя уведу, — сказал он. Дал игрушку и увел.

Тывьенэй охотился с Алтанэем. Охотясь, Тывьенэй убил лося. Когда он свежевал лося, послышалось пение. Алтанэй говорит Тывьенэю:

— Ты слышишь что-нибудь?

— Что мне слышать? Звук мне послышался, что кто-то, как будто глотая почку лося, «бульк» произнес.

Пошли они домой. Пришли домой — сестры нет.

— Вот, — говорит младший, — кто-то с пением направился вниз по реке.

Переночевали Алтанэй с Тывьенэем. Алтанэй задумался. Утром Алтанэй встал, навьючил на коня седло, потом обуздал коня и сказал: «Братец, поедем». Потом запел:

Тывьенэй, Тывьенэй, Тывьенэй!
Поедем, поедем, поедем!

— Братец, братец, сплю я, — ответил Тывьенэй.

Спи, спи, коли так!
Я один, коли так,
Поеду, поеду!
Спи крепким сном!

[Тывьенэй запел]:

Подожди, подожди,
Справимся, отправимся.

Отправились, поехали они к реке и [запели]:

Утки, утки
К соседям летят! [1]

Смотрят — дом. В доме живут старик со старухой. Остановились на ночевку в их доме. Спросили их Тывьенэй с Алтанэем:

— Что вы знаете? К чему у вас способность?

— Мой талант — предсказание.

— Ну, если ты предсказатель, то ты, вероятно, знаешь, куда нам идти.

Старик со старухой знали, к кому те едут. Они рассказали о том, что знали:

— Вы направляетесь к Кирэ-богатырю. Это он украл вашу сестру. Если у вас есть счастье, то вы, направившись, до-

беретесь до следующего соседа. Доехав, спросите человека: «Какой у тебя талант?». Он сообщит о своем таланте, сказав: «Я Мукилту-[водоглотатель]».

Как только старик рассказал, они отправились. Доехали и спросили богатыря:

— Сообщи нам о своем таланте!

— Я Мукилту-[водоглотатель].

Тывьенэй говорит:

— Иди с нами!

Мукилту отправился. Направились они вниз по реке. Ехали, ехали, доехали до следующего соседа. Ночевали у него.

— Здесь должен был быть ведун, — говорит Алтанэй. — Старик говорил нам: «Когда доедете до следующего соседа, спросите его, каким талантом обладает»; старик говорил, что когда мы спросим, то тот ответит: «Талант у меня, Курбэлтуна, — [круглым камнем бросаться]. Я большим камнем играю».

[Встретили они Курбэлтуна]. Тывьенэй с Алтанэем увели этого человека. Дорогою они думали: «Ведун говорил, что впереди еще что-то будет. Будем следить».

Между тем показались большие дома. Много жилищ, там-то и [должна] находиться их сестра. Там же их зять.

Сестра вышла навстречу. Поздоровалась, обрадовалась встрече: «Мои братья приехали». На радостях наготовила разной еды для угощения. Муж, придя, предупредил жену:

— Ты уложи спать братьев вон в том доме, — сказал он.

Они пошли туда ночевать. Когда они заснули, пришел большой человек. «Спите?», — говорит он. Когда он, войдя, сказал, Тывьенэй и Алтанэй сразу проснулись. Алтанэй говорит старшему брату:

— Как ты думаешь, [зачем] нас замкнули? Может быть, нас убьют? Теперь ты спи чутко!

Когда они заснули, дом подожгли с четырех углов.

— Просыпайся. Настало то, о чем я говорил!

Тогда Тывьенэй крикнул:

— У кого талант есть, выходи, спускайся к нам.

Курбэлтун бросил свою глыбу. Дом сломался, и огонь сразу охватил его целиком.

— Мукилтун,[2] — закричали [братья], — спасай нас!

А у Мукилтуна во рту было воды с целое озерко.

— Лей! — кричат, чтобы тот загасил пожар.

Выскочили они, не умерли. Забрали сестру и все добро, весь дом. Перестреляли людей Кирэ. Самого Кирэ обратили в бегство. Сбежал Кирэ. Тывьенэй с Алтанэем после бегства Кирэ забрали сестру и направились обратно. Домой возвращались втроем. Когда доехали, [смотрят] — на оставленном жилище выросли мох и трава.

— Сколько же лет прошло с тех пор, как мы уехали, что жилище так обветшало? — сказал Алтанэй.

Не прошло и года, как прилетела птица Моксо. Спустилась на лиственницу около двери и запела:

Тывьенэй, Алтанэй,
Остерегайтесь!
Кирэн подходит
С войском.
Если есть товарищи [для помощи],
Тогда не будете убиты.

Сказала птица и улетела. После ее пения, спустя несколько дней, пришел [Кирэ] с криком: «Берегитесь!».

Реку, текущую вниз, [Кирэ] заставил течь вверх. Смотрят [они] — подходит двухголовый [орел] Кирэлту. Когда подошел, Алтанэй с Тывьенэем начали стрелять. Не убили, не попали в него. Тогда тот сказал:

— Вам все равно не убить меня!

Лишь только он сказал так, как Тывьенэй обратился к Курбэлтуну:

— Вступай в бой с тем, что у тебя есть.

Курбэлтун бросил свой камень — снес одно крыло. Очутившись без крыла, Кирэлту ослаб. Тывьенэй с Алтанэем продолжали стрелять. Уничтожили Кирэлту. Это конец.

(Добавка сказителя: «У эвенков, живущих здесь, богатырями были: Тывьенэй, Алтанэй, Мукилту, Курбэлту, Кирэ, Киралту. Тывьенэй с Алтанэем были братья. Кирэ украл их сестру»).

18. Курэнгой

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жила сестра с двумя братьями. Братья охотились. Сестре приносили с охоты игрушки — птичку, утку, лучок, чтобы не скучала. Сами опять уходили. Однажды после их ухода сестра говорит:

— Есть где-то далеко богатый человек [Курэнгой]. Вот этому человеку я бы написала письмо.[1]

Но чтобы написать, не было бумаги. Долго она думала: «На чем бы мне лучше написать? Заставлю-ка я братьев убить зайца, высушу его шкурку и напишу на ней письмо». Вот пришли ее братья с охоты. Сестра сидит дома и плачет. Братья спросили:

— Почему ты, сестрица, плачешь?

Сестра сказала:

— Братцы, братцы, мои птичка и утка улетели, белка убежала. Скучно мне одной. Поймайте мне живого зайца поиграть.

Сказала она, и братья рано утром пошли искать зайца. Поймали и принесли его сестре. Через два дня братья опять пошли охотиться. После их ухода сестра убила зайца и содрала с него

шкурку. Содрала ее и высушила. На высушенной шкурке написала письмо Курэнгою: «Курэнгой, я одна. Братья охотятся. Я тебя прошу взять меня в жены. Ты убей свою жену». Написав, сделала ящик, сунула в ящик письмо. Хорошо обшила ящик [замшей] и спустила его в реку по течению. После того как она отправила письмо, вернулись братья.

— Сестричка, где твой зайчонок? — спросили они.

Сестра ответила:

— Я была с зайцем около жилища. Летел орел. Он и унес. Теперь, братцы, не приносите мне ничего и не убивайте [никого] для меня. Я не стану плакать и не стану скучать.

[Братья опять собрались на охоту].

— Ну, малышка, мы будем на охоте десять дней. Оставайся и будь здорова.

Ушли. Сестра осталась одна. Письмо, которое она отправила к Курэнгою, дошло через пять дней. Оно застряло в заколе и закрутилось. В то время когда оно вращалось [в заколе], на берег пришла за водою старушка, работница [2] Курэнгоя. Она заметила [ящик], оставила свои котлы и бросилась бегом к Курэнгою. Прибежала и говорит:

— Курэнгой, Курэнгой, в твой закол ящик попал!

Курэнгой не поверил ее словам и отправил пять богатырей.

— Если она не соврала, возьмите [ящик], пройдите по берегу двадцать сажен и положите его. Если же старуха обманула, суньте ее в железную бочку и утопите.

Пять богатырей пришли на реку. Смотрят — ящик действительно вертится в водовороте. Вытащили ящик, положили на коврик. Положив этот ящик, сами пошли к Курэнгою. Ящик распаковали. В нем была шкурка зайца с письмом. Принеся, попробовали прочесть, но никто не умел читать. Тогда Курэнгой сказал:

— Сходите за старухой, за моей работницей. Она прочтет.

Старуха прочла. Курэнгой, прослушав ее чтение, убил свою жену.

— Убейте двадцать пять коров, двадцать пять лошадей, приготовьте угощение, — сказал Курэнгой, — пригласите ко мне в дом тридцать богатырей.

Когда позвал, пришло тридцать богатырей. Курэнгой обратился к богатырям:

— Сходите и приведите эту девушку, а братьев ее убейте. Потом приходите за мною.

Богатыри ушли к девушке. Когда они пришли, братья были дома. Они все начали угощаться вином. Братья опьянели. Старший говорит:

— Сестра, что ты делаешь? Нас собираются убить!

Сестра ответила:

— Вот тебя сейчас убьют эти богатыри, а я выйду за Курэнгоя!

Братья бросились бежать. Богатыри, перед тем как они выбежали, натянули в двери сетку. Один из братьев превратился в муху и пролетел, другой, старший, превратившийся в бабочку, застрял в сетке. Старшего брата поймали, связали и повезли к Курэнгою. Младший, бывший мухой, превратился в ястреба. Когда те ехали, он летел над ними и кричал старшему брату:

— Говорил же я тебе, говорил: «Давай скорее уйдем, пришли наши убийцы». Ты считал, что брат обманывает тебя. Вот намучаешься, хорошо. Не слушал меня, ну и оставайся так! Но, чтобы ни случилось, ты найди меня. Ты ведь знаешь наши места, наши угодья.

Между тем [богатыри] добрались до Курэнгоя. Курэнгой встретил их. Пять богатырей выстроились около его дома. На дороге разостлали материи. По ним прошла девушка в дом Курэнгоя. Ее старшего брата убили, вырвали [у него] один глаз и зарыли в землю. Долго справлял свадьбу Курэнгой. Справил свадьбу и перекочевал на другое место. Когда они перекочевали, на старую стоянку пришел младший брат. Никого не нашел. Идя по берегу реки, он увидал могилу. Когда он проходил, из могилы, из-под земли, послышался [женский] голос:

— Кто ты? Мужчина или женщина? Если ты мужчина, сходи убей лося и принеси мне его одну ногу! Во дворе Курэнгоя есть конские волосы. Ты их собери, свей веревку и принеси мне.

Человек ушел, пошел охотиться. Убил лося, принес одну ногу. Собрал конский волос, принес. Остановился около могилы. Женщина опять заговорила:

— Воткни конский волос в землю моей могилы. Я превращусь в иголку и продену [в себя] волос. Ты меня вытащи.

Опустил человек волос. Женщина превратилась в иголку и была вытащена. Иголка превратилась в человека. Это оказалась первая жена Курэнгоя. Разговорились они. Она и говорит ему:

— Ногу лося ты приложи ко мне, как мою ногу. Я найду твоего брата. А ты не думай ни о чем и иди охотиться.

После разговора с ней он отправился на охоту. А жена Курэнгоя отправилась на старую стоянку. Курэнгой давно перекочевал. Недалеко от стоянки похоронили брата этого парня. Женщина нашла могилу брата этого человека. Она собрала конский волос. Собрав, свила веревку и опустила в могилу. Человек, превратившись в иглу, вышел из могилы. Когда он вышел, женщина увидала, что у него нет одного глаза, и говорит:

— Ты подожди здесь, а я пойду поищу зверя, которого убил твой брат. Найду и принесу глаз зверя. Сделаю тебе глаз.

Сказала она и ушла. Нашла зверя, вырвала один глаз и принесла. Вставила ему глаз и говорит:

— Ну, догоняй своего брата! Он бродит по своим угодьям. Ты найдешь.

Парень отправился искать своего брата. Шел, шел, дошел до старых кострищ. Пошел дальше. В кострище едва теплится огонь. Он подумал: «Ну, скоро найду». Переночевал там. Утром рано опять пошел. Идет и видит — дымок подымается. Обрадовался: «Догнал брата», — думает. Пришел наконец. Огонь горит. Брата нет. По краю костра печется мясо на вертелах. Поел он мяса. Когда поел, то пришел брат. Увидел его и заплакал.

— Я думал, что больше не увижу тебя.

Старший говорит:

— Не плачь, братишка! Мы будем ходить на охоту, найдем Курэнгоя, убьем его вместе с сестрой.

Они отправились и встретили богатыря. Тот подбрасывал большие камни. Они спросили:

— Кто ты? Что делаешь?

Богатырь ответил:

— Я большой богатырь. Я подбрасываю каменные глыбы, чтобы увеличить свою силу.

Братья говорят:

— Если ты богатырь, будь нам товарищем.

Богатырь ответил:

— Хорошо, я буду им. А каменные глыбы буду держать в руках.

Они отправились втроем. Шли, шли, вдруг видят на дороге лежит человек. А рядом с ним течет река. Они спросили:

— Что ты за человек? Что ты делаешь?

Человек ответил:

— Я богатырь. Я набираю в рот воду и выпускаю.

Тогда богатырь, державший каменную глыбу, сказал:

— Если ты богатырь, забери в рот всю реку.

Тот сказал:

— Что же, заберу и выпущу!

Забрал воду в рот и река сразу высохла. Выпустил, река опять появилась. Два брата и говорят:

— Будь ты нам товарищем. Забери в рот речную воду. Пойдем искать нашу сестру с мужем по имени Курэнгой.

— Ну, что же, — ответил он, — пойдемте!

Отправились они. Шли, шли, долго шли. Вот показался дымок чума. Рядом с чумом стоял русский дом. Они говорят:

— Сегодня вечером дойдем, когда они будут спать.

Вечером все четверо дошли до чума. Курэнгой хорошо встретил их, ввел в русский дом. Заставил убить десять коров, угостил вином. Они долго пили, оба брата опьянели. И один богатырь, с каменной глыбой в руке, тоже опьянел. Другой богатырь не ел, не пил, не угощался вином. Курэнгой спросил:

— Почему ты не хочешь есть?

Богатырь только рукой махнул. Курэнгой разговаривал, потом сказал:

— Вы оставайтесь, ешьте, пейте, а я пойду спать в чум.

Вышел и замкнул русский дом на замок. Люди продолжали пьянеть в доме, ничего не подозревая. Только один богатырь был трезв, тот, что воду во рту держал. Вдруг почему-то в доме показался дым. Этот богатырь заметил и показал [на дым] рукою:

— Почему дом дымится?

Два брата взглянули в окно. Дом дымится. Оба брата бросились бежать. Богатырь, державший во рту воду, выпустил ее и погасил пожар. Второй богатырь глыбой открыл дверь. Выйдя, они погнались за Курэнгоем. Догнали. Догнав, [убили и] зарыли в землю обоих, Курэнгоя с женой.

Зарыв, стали вместе жить и охотиться.

19. Мокогдыр и Сигундар[1]

Анисья Павлова (Булдэ), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Ехали верхом трое юношей. Начали они петь Мокогдыру:

Мокогдыр, Мокогдыр!
Поедем-ка мы
К дочери Сигундара!

Говорят [они]: «Ну, скоро ли соберешься?». — «Вот поеду», — говорит Мокогдыр [и запел]:

Товарищи, друзья!
Товарищи, друзья!
Подождите, подождите!

Моего верхового [оленя]
Среди сотни оленей
Арканом не поймать!

— Багдакэ, багдакэ,[2] — отвечают ему эти люди.

Поехали на оленях арканить. Мокогдыр поймал одного верхового [оленя].

— Ну, скорее едем к дочери Сигундара!

Поехал Мокогдыр на верховом олене.

— На этом не езди, — говорят [юноши].

Его верховой олень одичал. Вот надо переезжать через реку.

— Сейчас здесь не переезжайте, — говорит Мокогдыр. — Вначале жертву принесите, — говорит он.

— Ха! Ха! Ха! — засмеялись они. — Ты сам принеси жертву, мы не станем.

Мокогдыр сам принес жертву. Ехал он позади их и повесил лоскуток на берегу реки. Переехали они через реку. Поехали дальше. Опять запел Мокогдыр:

Товарищи, друзья!
Осторожнее, осторожнее
Двигайтесь [вперед]!

Тихонько, тихонько —
К реке подъезжаем!
Сейчас, сейчас!

— К какой реке мы подъезжаем? — [спрашивают они].
Он говорит:

Вода этой реки — кровь человеческая, вероятно!
Берега ее — спина человеческая, вероятно!
Кочки на берегу — головы человеческие, вероятно!
Галечник — зубы человеческие, вероятно!

— Ну, вот и подъезжаем, — говорит Мокогдыр.
Поехали толпою. Доехали до широкой реки. Когда доехали, Мокогдыр запел:

Друзья, товарищи,
Остерегайтесь
Этой реки!

Вот, переезжая через реку, говорят они:
— Жертву принесем сейчас же.
— Сейчас не переезжайте! — говорит Мокогдыр.
— Ну вот еще, будем ждать тебя! — сказали они.
И три парня поспешили к дочери Сигундара. Мокогдыр повторил:
— Остерегайтесь реки!
— Ну, мы-то переедем! —говорят.
— Ну, поезжайте, — сказал Мокогдыр, — а я посмотрю, как вы, молодцы, переедете.
Спустились парни к броду. Пробуют, пробуют и не могут переехать. Опять едут, подъезжают к другому берегу, подымаются на берег. Подымутся до половины и падают обратно [в реку]. Плывут по воде на верховых оленях со всем добром. Мокогдыр беспокоится:
— Я остался на этом берегу, ну попробую [и я] как-нибудь переехать.
[Стал заклинать]:

На копытах
Верхового оленя
Шилья появитесь!
Появитесь! Появитесь!

На тот берег он переплыл. Перебрался и поднялся на берег. Поднялся хорошо. Теперь направился к дочери Сигундара. Едет и смотрит вокруг. Вот стоит серебряный домище. Поехал он туда. Доехал, привязал своего верхового [оленя] и вошел. Сидит там одна женщина.
— Ты что за женщина? — спрашивает он.
— Я дочь Сигундара, — отвечает эта женщина.
— Я приехал к дочери Сигундара, — говорит человек.
— А зачем ты приехал к дочери Сигундара? — спрашивает она.
— Жениться, — говорит [он].
Они сидели вдвоем в доме, разговаривая.
— Ну, надо спать, — говорит Мокогдыр.

Легли спать. Настала полночь. Вдруг кто-то громко запел. Мокогдыр говорит:

— Друг, кто это поет?

— Ничего, это домовой. Обними меня хорошенько, — говорит эта девушка.

А дочь Сигундара приехала на коне и поет снаружи:

Тонгколдин, служанка моя,
Открой же дверь!
Серебряный дверной столб
Только не сломай!
Мокогдыра, моего супруга,
Ты не отнимешь, — говорит.

— Мокогдыра, мужа твоего, я выпущу из рук, — говорит [Тонгколдин].

— Кто это? — спрашивает Мокогдыр.

— Домовой, — отвечает девица.

А дочь Сигундара продолжает петь снаружи:

На молодых зверей
Луки настораживая,
Я поздно вернулась.
Тонгколдин, служанка моя,
Открой, открой! — говорит.

Наконец, она рассердилась.

— Серебряный дверной столб сломаю! Откроешь ли ты мне дверь? По-видимому, ты что-нибудь задумала! Ну, берегись же! Вот сейчас сломаю, — поет дочь Сигундара.

Ударила и сломала [столб]. Со звоном упал серебряный столб. Тонгколдин-служанка отскочила к двери. У двери лежала кочерга. Дочь Сигундара наступила на нее и сломала. Дочь Сигундара прижала служанку, вырвала у той ногу и отбросила ее.

— Мокогдыр, — сказала она, — что ты сделал?

Тот ответил:

— Я пришел к дочери Сигундара.

— Зачем?

— Жениться.

— Почему же ты запачкался о мою служанку? Иди скорее на реку, — говорит она, — пролежи три дня в воде.

Мокогдыр пошел, три дня пролежал в воде, тогда опять пришел к ней.

— Ну, если ты должен жениться на мне, сходи-ка за моими щенятами. У меня два щенка недалеко от дороги.

Мокогдыр пошел за ними. Идет по дороге и видит — два медведя. Два огромных медведя. Поймал он их за уши и повел. Держа за уши, прибежал к ней.

— Вот я привел твоих щенков, — говорит Мокогдыр.

— Ну, пусть будет так, — говорит дочь Сигундара, — сходи приведи двух бычков, — говорит она. — Когда пойдешь по краю той дороги, увидишь двух бычков, приведи их.

Пошел за ними Мокогдыр. Идет и видит двух огромных лосей с широкими рогами. Человек подбежал, уцепился за их рога. Вот бежит он по берегу. Довел-таки их Мокогдыр до дома.

— Ну, я привел твоих бычков, — говорит он.

Тогда дочь Сигундара сказала:

— Ну, я выйду за тебя замуж, раз ты силен. Но уж если ты должен на мне жениться, — говорит, — поди поохоться, чтобы я узнала твою силу.

Так она и не дает лечь спать Мокогдыру.

Пошел охотиться Мокогдыр, но не нашел зверя. Не нашел, заплакал, сел на колодину [3] и задумался. Вернулся домой, пришел к невесте. Она спросила:

— Ну как, Мокогдыр, убил зверя?

— Нет, — говорит.

— Мокогдыр, а почему у тебя распухли глаза? Иди еще поохоться.

Ну, пошел он [опять] охотиться. Не смог найти зверя. Совсем нет зверя. Устал он. Опять сел на колодину. Сидит, думает и поет:

Место, где мой чум был, землею стало.
Олени мои дикими стали.
Кумаланы [4] мои мхом стали.
Тэнины [5] мои мхом стали.
Сумы-торсуки мои кочками стали.
Недоуздки мои тальником стали.
Подпруги мои марниковым березняком стали.

Говорит он и плачет, все еще сидя на колодине. Опять он вернулся домой. Женщина спросила:

— Мокогдыр, ты убил зверя?

— Нет, — говорит.

— А почему у тебя опухли глаза?

— Кустарники и тальники поцарапали, — говорит Мокогдыр.

Женщина, варя саламат,[6] поет:

Кустарники, тальники,
Идите есть саламат!

Кустарники и тальники пришли. Дочь Сигундара спросила:

— Кустарники и тальники, зачем вы поцарапали Мокогдыра?

— Мы не царапали, — говорят они.

Дочь Сигундара побила кустарники и тальники.

— Мокогдыр сам плакал, сидя на колодине и жалея свои сумы-торсуки.

— Ты что же обманул? — говорит она.

Тогда Мокогдыр сказал:

— [Я скучал]. У меня был дом, там были у меня олени.

— Сколько оленей у тебя было? — спросила дочь Сигундара.

— Я имел сотню оленей, — говорит Мокогдыр.

— А ну, пойдем к ним, посмотрим, — сказала дочь Сигундара.

Отправились они. Направившись, дошли до матов.[7] Мокогдыр вошел в чум матов. Жена осталась снаружи. У сватов был медвежий праздник, они устроили сэвэн.[8]

— Садись, Мокогдыр, угостись сэвэном.

Мокогдыр позвал жену, крикнул:

— Женщина, женщина, будешь угощаться сэвэном?

Тишина, [никакого ответа].

— Куда это ушла женщина? — говорят они.

— Пойду-ка за женой, — сказал он и вышел.

Жены нет — [она] ушла. Дочь Сигундара вот такая была: она ударила трижды по земле и разбила ее. Появились три птицы и улетели. Сама будучи божественной, она тоже улетела. Прежде она была божеством[9] и не ела мяса медведя. И сейчас улетела вверх на небо, чтобы не есть сэвэна.

20. Сирбут-Сирбунэй

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жили брат и сестра. Отец и мать их умерли. Жили они, поживали. Когда Сирбут-Сирбунэй стал подрастать, сестра сделала ему из тальника лучок. Сирбут-Сирбунэй стал охотиться с этим лучком. Первый раз выйдя на охоту, убил рябчика. Убил, прибежал к сестре и говорит:

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Глаза спереди и сзади красные. Шуршит при вспархивании.

Сестра говорит:

— Братец, братец, эта птица называется рябчик. Ее едят.

Начал он бить их и вялить на вешалах.

Опять пошел на охоту Сирбут-Сирбунэй, пошел бить зверя. Убил тетерева. Опять пришел к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Сам черный, шейка длинная, шум сильный. По краям глаза красные. Клювом «так-так» делает и кусает.

Сестра сказала:

— Братец, братец, это тетерев-глухарь. Ты добывай его.

Сирбут-Сирбунэй принес [тетерева] и повесил на вешала. На другой день опять пошел на охоту, шел по марнику.[1] Когда он шел, выскочила кабарга. Выстрелил он в нее и сразу убил. Побежал к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? На макушке головы у него выросли две лиственницы. На заду у него белое пятно, ноги длинные.

Сестра сказала:

— Братец, братец, этот зверь называется кабаргой.

Принес он кабаргу и повесил на вешала. На другой день опять отправился на охоту, пришел на озеро. Когда он сидел на озере, прилетели два гуся и стали играть на озере. Сирбут-Сирбунэй начал на них охотиться, выстрелил. Один гусь поймал стрелу. Поймал и нырнул в воду. Выстрелил он в другого гуся. И другой, поймав вторую стрелу, нырнул в воду. Нырнули гуси и вынырнули из воды. Сирбут-Сирбунэй остался без стрел. Заплакал он.

— Отдайте мне стрелы!

Гуси говорят:

— Если догонишь нас, отдадим стрелы обратно.

Сказали, засмеялись и улетели. Сирбут-Сирбунэй расплакался. Прибежал к сестре, вырвал маленькую лиственницу и говорит:

— Сестричка, сестричка, я тебя сейчас побью. Ты меня направила на озеро и из-за тебя я потерял стрелы. Вот я побью тебя сейчас!

Сестра говорит:

— Братец, братец, не плачь, я тебе сделаю другие стрелы. Когда я тебе сделаю стрелы, ты отправляйся в далекие страны. Догонишь гусей, унесших твои стрелы. Теперь ты не охоться. Я тебе покажу куда идти: отсюда на девятой горке есть конь по имени Чоколдой. Этого коня никто никогда не ловил. Всякого, кто пытается поймать, конь съедает. Если ты ловок, иди!

Сирбут-Сирбунэй отправился. Расстался с сестрою со слезами:

— Вернусь я или нет?

— Если ты не вернешься, как я буду одна жить? — плача, сказала сестра.

Пошел он. Шел, шел, показалась гора. Подошел он. Это были кости людей. Прошел он восемь горок. Всё кости людей, остатки еды коня. Шел, шел, дошел до девятой горки. Смотрит — на вершине горки стоит конь-конище. Весь разукрашен, сам рыжий. Похрустывает костями. Сирбут-Сирбунэя услышал издалека, поднял уши. Сирбут-Сирбунэй испугался и говорит:

— Как я подойду к нему?

Сказал так и превратился в мышь. Влез под кости. Полз, полз и все слушал, где жует кости конь. Подумал он: «За что бы мне лучше ухватиться?». Подумав, прыгнул ему на шею, зацепился. Лишь только он зацепился, как конь пнул ногой свою горку — рассыпались по сторонам кости. Конь начал кататься на спине, но Сирбут-Сирбунэю ничего не сделалось. Покатавшись, конь побежал к скале. Добежал до скалы и опять начал кататься. Сирбут-Сирбунэй не упал, ничего ему не сделалось. Скатившись со скалы, [конь] поплыл по воде. Выскочил из воды, но Сирбут-Сирбунэй не упал. Тогда конь сказал:

— Сколько лет я живу и никакой человек меня не поймал. Кто ты? Стань человеком и садись ко мне на спину. Поедем вперед. Ты будешь моим хозяином, будешь мною владеть. На том месте, где ты жил, осталась сестра. Она плачет и думает, что ты

умер. Да и ты вспоминаешь свою сестру. Около малу[2] в доме, в котором живет твоя сестра, есть два столба, украшенные золотом. Эти столбы стоят на куске ткани. Под этой тканью находится золотой конь. Этот конь принадлежал твоим отцу и матери. Увидев этого коня, ты пожелаешь его и бросишь меня. Когда заплачешь, сбрось одну слезу на правый столб, вторую — на левый. Тогда ткань сама подымется, и конь встанет. Тогда ты бери [из нас того], кого хочешь.

Сказал так Чоколдой-конь и побежал. Бежал так, что только деревья мелькали, очень быстро бежал. Доехал [Сирбут] до дома, сестра встретила его и заплакала. Сирбут-Сирбунэй тоже заплакал. Заплакал, уронил слезу на столб, как говорил Чоколдой-конь. Лишь только он уронил слезу, как ткань поднялась. Ткань поднялась, и вышел золотой конь. Лишь только вышел конь, как Сирбут-Сирбунэй вскочил на него. Чоколдой-конь стоит и говорит:

— Я тебе говорил, что около твоего дома есть конь лучше меня. Какого же коня ты станешь владельцем?

— Я буду хозяином двух коней.

Переночевали они. Наутро Чоколдой-конь говорит:

— Я знаю, зачем ты поймал меня. Ты потерял две стрелы. Твои две стрелы находятся у двух гусей. Ты собираешься гнаться за стрелами. Я знаю, кто взял твои стрелы: это не гуси, это две дочери Сигундара. Дойдя до них, ты обеих возьмешь в жены.[3]

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, поедем, я обоих [коней] возьму. Когда устанете, я буду менять вас.

Отправились они. Чоколдой-конь все быстрее и быстрее бежал. Золотой конь отставал. Сирбут-Сирбунэй поджидал. Ждал, ждал, а тот, поблескивая, тихо шел. Когда тот подходил, опять быстрее бежали, но золотой конь опять отставал. Стали они ждать, долго ждали. Золотой конь пришел, догнал их. Сирбут-Сирбунэй рассердился и говорит ему:

— Почему ты отстаешь? Вот я тебя убью!

Чоколдой-конь говорит:

— Не убивай, садись на него, а я пойду тихонько позади.

Сирбут-Сирбунэй сел на золотого коня. Ехал он, ехал. Очень медлительный был конь. Так дошли до реки. Река большущая, вода в ней красная. Начали переезжать эту реку. Золотой конь побежал. Не смог он переехать, затонул на середине реки. Чоколдой-конь на бегу пнул ногою [золотого] коня с человеком. Перебравшись, поехали дальше. Сирбут-Сирбунэй сел на Чоколдоя-коня. Оставил он золотого коня. Ехали, ехали, показались коряжины. Подъехали, оказывается — это лошади и коровы. Проехали мимо. Опять показались бугорки. Они оказались людьми. Проехали и их, опять показались кочки. Кочки оказались головами людей.

Тогда подумал Сирбут-Сирбунэй: «Я доехал до Сигундара. Возьму свои стрелы». Смотрит — поблескивает золото. Это дом Сигундара. Подъехал. Снаружи стоит золотая коновязь. Привязал коня к коновязи, вошел в дом. Сигундар сидит на золотом кресле за золотым столом. Весь дом окрашен золотом. Увидев Сирбут-Сирбунэя, [Сигундар] сказал:

— Остановись у двери! Откуда ты, человек?

— Я Сирбут-Сирбунэй. Гонюсь за двумя своими стрелами. Твои дочери унесли две [мои] стрелы.

Сигундар говорит:

— Если догонишь моих дочерей, я тебе обеих отдам в жены. Подожди немного, я сейчас приду. Пойду сказать, чтобы тебе дали хорошие одежды.

Он ушел, пришли два человека и принесли нарядные одежды, все вышитые золотом. [Когда Сирбут-Сирбунэй] нарядился в одежды, начали готовиться к свадьбе. Сигундар сказал работникам:

— Забейте сто коров и сто двадцать лошадей.

Их всех заставил приготовить разные хорошие кушанья. Затем велел привести дочерей. Они пришли со звоном: одежды их, светящиеся на солнце, колокольчиками звенят. Они держат две стрелы. Сирбут-Сирбунэя усадили между ними. Сирбут-Сирбунэй опьянел; опьянев, встал и упал, разбив стенку. Пробует садиться — ломает скамью. Опирается на стол — ломает стол. Сигундар говорит:

— Сведите его спать в двенадцатый дом.

Девушки увели. Уложили его между собою. Когда [все] уснули, Сигундар пришел в их дом, чтобы выстрелить из лука. Нацелился в лоб Сирбут-Сирбунэя. Тот проснулся, смотрит — Сигундар собирается убить его. Он превратился в муху и вылетел через окно. Став мухой, он летал на улице и в доме:

— Сигундар, — говорит, — тебе меня не убить.

Садится [муха] на стол, на тарелку. Тогда Сигундар сказал:

— Ты меня не раздражай! Помиримся! Стань человеком и садись за стол!

Сирбут-Сирбунэй превратился в человека. Сел за стол, начал пить вино и охмелел. Охмелев, начал все ломать. Тогда Сигундар пригласил двадцать богатырей. Они схватили Сирбут-Сирбунэя и связали. Сунули в железную бочку и пустили в реку. Долго он плыл, затем заржал Чоколдой-конь. Сорвавшись с коновязи, он по берегу направился искать Сирбут-Сирбунэя. Смотрит — плывет железная бочка. Увидев, пнул ее ногою так, что она оказалась на другом берегу и раскололась. Сирбут-Сирбунэй вышел, сел на Чоколдоя-коня. Отправился опять к Сигундару. Доехал до его дома, привязал коня к другой коновязи, сам превратился в муху. В щель окна жилища девиц влетел. Украл стрелы и вылетел. Полетел к Сигундару и говорит:

— Если ты действительно силен, одолей меня. Пойдем, побьемся!

Сигундар сказал:

— Хорошо, но ты будешь один, а нас будет трое.

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, буду биться с тремя. Вам ведь меня не одолеть!

Сигундар сказал:

— Нет, тебе не одолеть! У меня есть девятиголовый змей И того ты не одолеешь!

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, пойдем, побьемся, посмотрим, кто кого одолеет. Тогда и узнаем.

Пошли биться на гладком месте. Бились три года. Сирбут-Сирбунэй всех одолел. После того как он победил, пришел девятиголовый змей. Шесть лет он бился со змеем, снес восемь голов и все еще стрелял в него. Когда он собирался снести девятую голову, пришел парень и говорит:

— Я твой сын! Я пришел сказать: стреляй в среднюю голову, тогда ты убьешь этого змея.

Как только он сказал это, Сирбут-Сирбунэй выстрелил в эту голову, убил. Одолел змея. Сел и спросил:

— Каким образом ты приходишься мне сыном? Ведь у меня нет жены.

Мальчик сказал:

— Я расскажу все. Меня мать послала к тебе рассказать. Ты одолел Сигундара. На дочерях его женился. Одна из них — моя мать. Мне девять лет. Когда мать мне рассказала, я нашел тебя.

Сирбут-Сирбунэй усадил сына на коня. Они отправились в места Сигундара. Доехали. Там хорошо жили.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко[1] начал враждовать и затеял войну. [Он] рассорился с Нюрумнялями.[2] Поссорились они из-за лосей. Люди рода Нюрумня приметили следы лосей, [Ховоко же их убил]. Рассорившись, Нюрумняли пошли, чтобы встретить Ховоко. Народу [на стоянке] было много. [Нюрумняли] окружили чум с людьми. Ховоко, когда еще все люди были в чуме, [успел] убежать — пролез под снегом;[3] пролез он вместе с младшими братьями. Младших братьев семь, он [был] восьмым. За людьми, за [родственниками Ховоко], тогда же устроили погоню. Гнались за одним бой-

цом, за сонингом [4] Лонгко. Старикашка Нюрумня толкнул Лонгко, привязывавшего лыжи. Одну лыжину тот успел привязать [к ноге], а другую [Нюрумня] толкнул. Не успел он привязать, как подошли люди [Нюрумняли]. Не смог он привязать, опоздал. Побежал по следам [к братьям]. Люди [Нюрумняли] погнались по этим следам за Лонгко, чтобы нагнать (букв.: придавить).

Жена Лонгко, по имени Деко, была шаманкой. Нюрумняли убили Лонгко. Пришли к его жене. Начали разговаривать Нюрумняли. Но увидели Деко, сидящую на колоде, только одни шаманы. Смотрят — Деко превратилась в шаманского духа. На том месте, где она сидела, ползает паук. Нюрумняли так и не нашли никого. Паук был только до тех пор, пока они не ушли.

Нюрумняли отправились по домам. После их ухода Деко опять превратилась в эвенкийку. Пока она была пауком, она насылала болезни (букв.: ела души) [5] на Нюрумнялей. Деко сказала дочери:

— Принеси-ка бересту для подстилки! [6]

На бересте она начала ощипывать, [подобно дичи], души Нюрумнялей. Говорит дочери:

— Принеси-ка нож!

На подстилке начала рубить души Нюрумнялей на мелкие куски. Когда рубила, окровавила подстилку. Тогда Деко сказала дочери: «Разрезала». Ночью во сне вместе с духами-помощниками ела их души. В то время умерло много Нюрумнялей потому, что она их резала на мелкие части. [Ушедшие Нюрумняли] об умерших не знали.

Когда [Нюрумняли] погнались за Лонгко, Ховоко выскочил из-под снега и сбежал, испугавшись, к Пачаки, чтобы не быть убитым. Ховоко сказал своей жене, чтобы она сообщила Нюрумнялям, что он сбежал к Пачаки. Ховоко сказал:

— Иди и жди меня у Пачаки! [Враги же] пусть приходят туда.

Ховоко добрался до Пачаки. Пачаки — стрелок-сонинг,[7] настоящая гроза людей. Ховоко два года учился стрельбе у Пачаки. Ховоко платил Пачаки: они [и их люди] обменивали друг у друга девушек и женились [на них]. Это называлось таманан.[8] Таким образом, платя, они жили дружно, не ссорились. Перестали друг с другом воевать.

Так вот Пачаки учил Ховоко два года. Была у них одна игра: [они] перепрыгивали через дерево-бадяка (букв.: раскоряка), держась прямо и не шевелясь. На том месте был большой луг на несколько километров. По этому лугу Пачаки и Ховоко вели на поводу важенку. Важенку отпускали, она бежала к стойбищу, [а они] руками пытались удержать ее. Пачаки погнался за важенкой, схватил за ногу бегущую по лугу. Схватив, Пачаки повел ее. Передал ее Ховоко и говорит:

— Ну, теперь ты поймай важенку за ногу!

Ховоко отпустил важенку, чтобы убежала. Сам погнался [за ней]. Гнал оленя дольше, чем Пачаки. Только тогда схватил за ногу.

Пачаки учил и братьев Ховоко. Два года обучал [их] увертыванию от стрел.[9] В конце второго года Пачаки сказал:

— Теперь кончим обучение! Научились вы! Стрелы не должны губить вас.

Ховоко сказал Пачаки:

— Завтра [я] собираюсь идти к своим врагам, к Нюрумнялям.

Пачаки сказал:

— Не пойти ли и мне бить Нюрумнялей?

Ховоко заметил:

— Остерегайся, народ многочисленный, говорят — их так много, что за один год не перебить (букв.: им не кончиться).

Ховоко не захотел вести Пачаки, пожалел, [боясь], чтобы не убили [того]. Сказал [ему]:

— Остерегайся! [Ты уже] навоевался, не враждуй!

На утро Ховоко с младшими родственниками ушел, пошел бить Нюрумнялей. Долго шел. Он знал их места. Там встретил шамана. Бедный старикашка этот шаман — только один сын был у него. Сын его тоже сонинг — мастер увертываться от стрел. Этот старикашка был чужой, не из рода Нюрумня.[10] А чужеродца Ховоко не убьет, убивает только врагов.[11] Ховоко попросил старика пошаманить для него и узнать, как избавиться от [нападений] Нюрумнялей. Жил там один Нюрумня — старик, свойственник Ховоко.[12] Ховоко узнал в нем своего врага — Нюрумню.

Старуха, [бывшая в чуме], сказала этому Нюрумне:

— Чего сидишь? Жена рожает!

Нюрумня выскочил вон и побежал к своим. Ховоко даже подскочил, услышав слова старухи. [Он понял, что] она дала знать Нюрумне. [Ховоко] побежал, чтобы тот не успел добраться до своих. Погнался, чтобы тот не успел [им] сообщить [о Ховоко]. Сын этого старика-шамана пошел сопровождать Ховоко. Шаман пошаманил для Ховоко. Ховоко погнался за Нюрумней. Сын старика бежит, бежит, но отстает от Ховоко. Наконец, бегом нагоняет [Ховоко]. Там в низине [они] нагнали Нюрумню. Ховоко говорит спутнику:

— Ты встань здесь! Я один подойду, а ты будь позади меня (букв.: на моих следах).

Потом оставил спутника. [Ховоко] ушел с мечом. Ударил мечом в стоящего [Нюрумню]. Ховоко, убив его, вернулся к старику. Возвращаясь, они увидели лося. Ховоко приказал своему спутнику:

— Иди, убей лося!

Товарищ подкрался и убил. Потом пришли домой. Заставили шаманить старика. Шаман, камлая, сказал:

— [Ты в походах] встретишь один чум-семью.

Он предсказывал [с помощью] бугорков [на обечайке бубна].[13] Ховоко пошел к Нюрумнялям, убивать [их]. Шаман сказал:

— Одну семью перебьешь. Расскажу так, как [мой дух] говорит.

Потом шаман обратился к своему духу-помощнику:

— Сосчитай людей на стойбище.

[Духи] сказали, что народу много. Шаман, [шаманя], ходит, с духами-помощниками разговаривает. Потом шаман, проходя по [воображаемому] стойбищу, сказал при помощи духов:

— Много чумов я прошел. У Нюрумнялей будет один чум Кордаку. Там, на этом стойбище, ты будешь убит одним младшим родственником.

Духи — помощники шамана кончили [свое хождение]. Шаман сказал:

— Иди теперь сам!

Ховоко пошел. Начал искать Нюрумнялей, нашел один чум. У Нюрумнялей [один из] сонингов был по имени Оптокон. Сонинг Оптокон по силе почти равен Ховоко. Ховоко знал Оптокона. Узнал [и] его оленей. Говорит Ховоко братьям:

— Это олени Оптокона, убейте теленка для еды, для шашлыка.

Они выстрелили в бычка и убили. Бычок, захрапев, побежал и увел с собою оленей. Олени побежали домой, к чуму Оптокона. Ховоко, [находясь] между оленями, навьючил [одного] оленя. Побежал к чуму Оптокона, олени тоже побежали. Оптокон увидел Ховоко среди оленей, узнал Ховоко и говорит:

— Ховоко, что ты делаешь? Стой!

Ховоко сказал:

— Я-то?

Остановились [оба]. Начали задевать друг друга, собираясь стрелять друг в друга. Оптокон сказал:

— На площадке для стрельбы вставай, равный мне!

У них существовала игра стрелами.[14] Вначале обменивались стрелами. Ховоко бросил свою стрелу Оптокону, Оптокон бросил свою стрелу Ховоко. Они обменивались стрелами, вызывая друг в друге злость, чтобы не примириться. Ховоко вернулся к младшим братьям, жарящим на рожне мясо бычка. Говорит:

— Я нашел Оптокона, вызвал его на бой (букв.: дал ему знать). Будем есть сушеное мясо, данное его женой (букв.: женами).[15]

Оптокон убежал к своим. Ховоко сказал жене Оптокона, чтобы положила в карман немного сушеного мяса. Потом Ховоко погнался за Оптоконом. Нагнал, когда тот подходил к сородичам. Оптокон вызывал лодку, чтобы переехать через реку. Ховоко услыхал [его], услыхал [и] крик старух. Старухи на том берегу говорят:

— На чем переехал? Вероятно, это пришел Ховоко.

Оптокон переехал к своим и говорит:

— Ховоко к нам пришел. Остерегайтесь! — Потом добавил: — Поварите [слегка] гусей и обжарьте на рожнах, чтобы оттянуть перестрелку.

Ховоко подслушал [разговор] людей. Пошел вместе с братьями осторожно через реку, остерегаясь Оптокона.

Начался дождь. [Люди] вошли в чум есть гусей. Ховоко бросился бежать под дождем, открыл луком тиску[16] шалаша сторожа,[17] изломал его и убежал. Сторож не успел и разглядеть [Ховоко]. [Ховоко с братьями] бросились бежать, чтобы убить людей, бывших в чуме. Откинул [Ховоко покров чума] — Оптокон стоит и ест крыло гуся. Ховоко пустил стрелу в кадык Оптокона. Оптокон, откусив от крылышка гуся, умер. Тогда начали бить людей, рубить их в чуме. Ховоко перебил всю родню Оптокона.

Потом опять ушел, пошел искать других [Нюрумнялей]. В пути он начал пить воду и услышал эхо. Это пели и плясали женщины. Услышал он в воде [звуки] и говорит брату:

— Слушай-ка!

Младший брат послушал и говорит:

— Действительно, вот и огни их видны, — младший брат Ховоко сказал. — Ты прав: стойбище большое.

Ховоко подкрался к поющим женщинам на расстояние выстрела и стал выслеживать. Ночью пошел посмотреть на их сонинга. Увидел сонинга в белом кафтане. Ховоко вернулся к братьям и говорит:

— Я видел молодого сонинга. В красивом белом кафтане их сонинг.

Ховоко побежал к чумам, к спящим. Один из Нюрумнялей вылез через дымовое отверстие.[18] Из дымового отверстия спрыгнул подальше от Ховоко к человеку в белом кафтане. Ховоко сказал:

— С чего это он побледнел?

Ночью Ховоко погнался за парнем. Гнался всю ночь. Уже задохся Ховоко. Оба [они] задохлись. Добрались до упавшего дерева. Ховоко задохся попозже того; он был немного сильнее и пришел в себя от одышки раньше. Говорит:

— Э-э! Что случилось? Я еще силен!

Пошел большим шагом, по следу Нюрумни пошел. И нашел его без сознания — [тот от бега] задохся. Голова его еле шевелится. Ховоко ткнул ножом его в затылок и тут же добил. В это время брат [Ховоко], прячась за кастрированного оленя, подкрался к Нюрумне. Нюрумня выстрелил поверх оленя в подкрадывающегося, убил его брата. [Ховоко] пошел к своим братьям. Пришел. Увидя Ховоко, один из братьев сказал:

— Нашего брата победили.

Ховоко побежал к Нюрумнялям. Нюрумня сказал Ховоко:

— Я отомстил (букв.: рану прорезал). Поступай как знаешь!

Ховоко ударил Нюрумню. Тогда Ховоко сказал:

— Ну, теперь мы квиты! [19]

Договорились возвратиться и перестать убивать Нюрумнялей. [Ховоко] предложил унести мертвого брата в горы, чтобы Нюрумняли не издевались над ним.

После этого Ховоко еще долго жил у себя дома. Состарился. Когда он уже состарился, Нюрумняли встретили Ховоко, нашли [его следы] в тайге. Он гнался за лосем. Нюрумняли погнались, спросили [о Ховоко]:

— Далеко он?

— Далеко.

Погнались по его следам. Ховоко убил лося, здесь его и догнали. Он свежевал лося. Подбежали к Ховоко сзади и стрелы прижали [к луку]. Ховоко не смог вытащить свою стрелу, убежал на лыжах. Они погнались. Когда они гнались, лыжа Ховоко застряла между ветвями дерева. Ховоко упал. Тут-то Нюрумняли и выстрелили в него. Ховоко сказал:

— Эх, пришли вы к старику, к седому! Что же вы делаете? Нет у меня силы.

Они убили Ховоко и говорят:

— Сварите его мясо в котле.[20]

А мясо оказалось тощим. Начали искать костный мозг, а мозг уже стал жидким. Навар нежирный — одна жидкая вода.

— Как он по земле ходил, такой тощий? [21]

(Рассказчик три раза похлопал в ладоши, говоря: «Кончилось. Я кончил»).

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

Павел-Калтан Кувачонок (Чапагир), род. в 1780 г., неграмотный. 1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Оптокон был сонингом [1] у Куркогиров. Пачаки был [из рода] Момо. Оптокон [и] Пачаки разбили Кордуялей. Люди Пачаки голодали. Не было у них мяса. Они убивали оленей Кордуялей [и] ели. Потом стали искать других [эвенков] — Хорболей. У тех перебили оленей — молодняк.

* * *

У Момолей сонингом был Ульбимчо. Он тоже воевал с Кордуялями, чтобы съесть их оленей [во время голода]. В боях убивали мужчин, забивали оленей, а женщин забирали себе.

3. Олени

Семен Куркогирский (Момо), род. в 1894 г., неграмотный.
1960 г., пос. Куюмба, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Когда жил Пачаки и после него оленей здесь еще не было. Во время межродовых столкновений оленей еще не знали, не знали и русских. Оленными [эвенки] стали после Пачаки, после прихода русских. Вначале оленными, вероятно, стали жившие на Оскобе. Прежде на Катонге жили ганальчи.[1] Иногда они воевали между собою из-за оленей. Безоленные люди убивали [чужих] оленей [для еды].

Некоторые Момол прежде были [из рода] Кимол. Кимол ушли далеко за Енисей.

4. Ховоко

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко был сонингом[1] у ганальчей.[2] Вот он пошел мстить (букв.: охотиться) за родню. Шаман ему шаманил.[3] Шаман сказал:

— Ты встретишь двух человек в одном чуме.

Потом обратился к человеку, сидящему подальше:

— [Враг] вырвется и ты не сможешь его убить. Будешь гнаться за ним до стойбища, состоящего из десяти чумов. Когда дойдешь до десяти чумов и посмотришь на тот берег реки, подойдет маленькая тучка и начнется дождь. Тогда бросишься бежать за ним и убьешь. Тебя же убьет третий свойственник.

Ховоко убил всех, но двух парней не заметил, дал [им] убежать. По следам на траве в дождь погнался. Наконец догнал их [Ховоко]. Оба эти парня повернулись лицом к Ховоко. Он пустил в них раздвоенную стрелу, когда они перепрыгивали через речушку. Попал одному в сухожилие.[4] Раненый упал на том берегу. Ховоко сел там. Парень начал стрелять в сидящего. [Парень] стреляет, а [Ховоко] продолжает сидеть, увертываясь [от стрел]. Парень пустил все восемнадцать стрел.[5] Потом [Ховоко] сказал парню:

— Иди ко мне!

И начал передавать [ему] свои девять стрел. Обманул парня, чтобы схватить его. Парень не поддался. Начал стрелять в него со стороны. Выстрелил в него и тогда же убил.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко был [из рода] Момочар. Был еще сонинг[1] Топоко[2] [из рода] Момо. Молодым Ховоко пришел к людям. Встретился с парнями, [чтобы испробовать силы]. Встретились [противники] и, стоя на лыжах, начали пускать стрелы друг в друга. Ховоко перебил эвенков. Убив восемь человек, [он] встретил одного парня. Двое же парней ушли вперед на лыжах. В одного из них, который был поменьше, [Ховоко] выстрелил. Сразу же убил его. Убив, погнался за другим, за старшим. Во время погони [они] пускали друг в друга стрелы. [Ховоко] не смог того убить. [Парень] тогда сказал:

— Приготовься![3]

— И ты приготовься!

[Тот] приготовился. Ховоко сказал:

— Стреляй!

Приготовился и Ховоко [к выстрелу]. Парень выстрелил. Выстрелив, сказал:

— Ну, вот видишь, [куда попала стрела]?

Ховоко сказал:

— По краю черепа [скользнула].

Третий год уже мстят (букв.: охотятся за) Ховоко. Ховоко состарился. У Ховоко есть мать, жена. Мать Ховоко спросила [пришедшего парня]:

— Ты кто?

Тот говорит:

— Ховоко давно отдал женщину [в чужой] род. Я, — соврал парнишка, — сын Ховоко. Вероятно, старик состарился.

Эта старуха сказала:

— А ты что собираешься делать?

— Куда старик ушел? — спросил он старуху.

Старуха ответила:

— Здесь были его следы.

Парень пошел по его следам. Нашел следы диких оленей. Ховоко охотился за оленями. Пришел парень [к нему]. Ховоко свежует [оленя]. Вынимает печень оленя. Парень спросил:

— Ты [Ховоко]?

— [Это] я.

Парень схватил меч. Схватив, ударил парень, но не смог зарубить Ховоко. Парень взял меч [и] надел лыжи. Ховоко попятился задом.[4] Быстро пятился по паледи, [вдруг] лыжа его в полынье [оказалась]. Ховоко упал на спину в самую полынью. Тогда парень перерубил ему горло мечом. Взял за волосы его голову, понес к его матери. Сказал матери:

— Налей воду в котел.

Мать налила воду в котел, сварила голову сына.[5] [Парень] говорит:

— Вот ведь разбойник! Ишь как у него вылезли глаза!

6. Лонгко

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Я расскажу о своем предке — стрелке-гатакта [1] Пачаки. Во времена Ховоко бывали [межродовые] столкновения.

Жил тогда боец-гатакта Лонгко. В то время жили ганальчи.[2] Они тогда часто обижались друг на друга. Убьют свата — начинается война. [Когда] убьют бойца, люди [его рода] убивали [кого-либо из] родни убийцы.

Лонгко убил эвенка [из другого рода], началась взаимная распря. Лонгко послал человека поговорить и посватать женщину у другого рода.[3] До этого [эти два рода] не враждовали. Брата Лонгко, отправленного сватом, [те] убили. Лонгко ждал, когда [сват] вернется. Ждал год, год беспокоился, думая: «Убили». [Он] чувствовал, что [того] убили.

Лонгко рассердился, начал обдумывать, как бы им отомстить [за убитого]. Встретилась [семья] Лонгко с [семьей] убийцы. Остановились маты на одном стойбище, не признавая друг друга. Там была и жена Лонгко. Развьючивая оленей, она узнала оленей своего рода; она знала, что люди будут убивать друг друга. Медленно развьючивала она оленей. Муж ее Лонгко ходил в стороне от стойбища. Чужие ходили [за ним] следом. Жена Лонгко знала о гневе (букв.: о сердце) своего мужа. Она сказала:

— Мой муж начнет убивать, лишь только придет.

Жена Лонгко чувствует, [что начнут биться], и не хочет подойти к костру. Собирает она свой скарб. Боится быть узнанной. Жена Лонгко прикрывает свое лицо платком, прячет, чтобы [ее] не узнали. Опасается, чтобы они [ее] не напугали. Сидит у своих вещей, пока не придет ее муж. Муж, придя, [сразу] бросится в бой. Узнала она оленей рассерженных врагов. Лонгко прибежал, ругаясь:

— Где [свата] похоронили? Я убью вас и разорю стойбище вместе с оленями!

Когда он начал убивать, один враг очищал жерди от веток. Это был самый ловкий боец-гатакта. Лонгко бросился к несущему жерди и говорит:

— Давно ли убивал, [а сейчас] очищаешь жерди! *(«Вот сердитый», — добавил рассказчик по-русски).*

Погнал он этого человека, заставил его расстрелять все свои стрелы. Потом убил [его], всех перебил. Так кончилось.

7. Ибде

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У ганальчей [1] был еще Ибде.[2] Он женился и стал ибде. Отделился Ибде [от своих] и вошел [в семью жены]. У жены этого отделившегося человека были отец и мать. В душе они презирали, не любили парня. Старуха ненавидела, муж ее ненавидел [его]. Был у этого старика сын, хороший боец-гатакта.[3] [Отец] надеялся на своего сына-бойца, как на защитника, и говорил: «Мой сын будет сонингом».[4] Так он верил. О храбрости и ловкости Ибде они не знали. Парень чувствовал такое [отношение к себе]. Его ненавидели, дома следили [за ним]. Плохо кормили мужика: для еды насаживали ему на плоскую палочку первый шейный позвонок с горлышком.[5] Парень обижался на них и сердился. Целый год жил отделившимся [от своих] этот Ибде, на следующий год не вытерпел, рассвирепел. Рассердился, и весной, когда снег начал покрываться настом, он решил [родителей жены] убить.

Старик ушел без тропы [охотиться]. Парень этот пошел стороною — надумал обмануть. Старик пошел [со своим] сыном. В пути [недалеко от стойбища] они убили лося. Парень шел стороною. Пришел, когда они на стоянке у костра уже жарили мясо на рожнах. Парень подошел сзади. Они не заметили своего Ибде. Сидят и едят мясо с рожнов. Луки со стрелами они повесили. [Парень], стоя за деревьями с луком, выстрелил в них. Убил сына старика, убил и старика. Потом пошел навстречу женщинам и своей жене. Идя навстречу и подходя к женщинам, он начал петь песню.

Старуха, услышав [песню] и поняв [ее] содержание, догадалась, [что он задумал]. Он встретил жену, которая остановилась, и в сильном гневе ударил ее [топором], а старухе завернул губы в рот со словами: «Худыми словами ты ругалась».

[Так] кончилось.

8. Пачаки

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Это было после Ховоко,[1] после ганальчей.[2] В то время эвенки не были знакомы с хлебом. Жили, питаясь мясом, рыбой, тетеревами и утками. Русского [языка] не знали. Жили так же, как и прежде. *(Реплика рассказчика: «Глупые были, вероятно»).* Два человека встретили русского. Они искали лосей. Только за лосем гнались, русских не искали. Нашли они [русских] на Ангаре, [в районе] Кежмы. Нашли они только двух человек. Один [из эвенков] был умным (букв.: самостоятельным),[3] другой — глуповатым. Эвенки русского языка никогда не знали. *(Реплика рас-*

сказчика: «Глухари, глухари!»). Удивляются [эвенки] следам саней [на снегу].[4] Один встал и говорит:

— Кто это след оставил (букв.: дорогу сделал)? Свежий след — это русские ездили по дрова. Давай убежим!

Товарищ его говорит:

— Пойдем, посмотрим на людей. Что представляют собою?

Пошли, немного прошли. Открылась поляна. Это место [поселка] Кежма. Стали рассматривать деревянные дома. «Что это?». — «Не знаю», — [говорит другой]. Встретили русского. [Тот] идет смотреть палатку. Самостоятельный, умный предупреждает [другого], чтобы не убил [русского]. Он хочет поздороваться. Русский [человек] тоже впервые увидел эвенка. Пока они стояли, [другие] русские подошли. [Они] здороваются, а [эвенки] не хотят. [Эвенки] боятся, чтобы их не убили. Русские разговаривают по-своему. Эвенки не понимают. Глупый говорит [русским]:

— Я тебя убью.[5]

Товарищ [эвенка] предупреждает [его], чтобы не убивал. Долго сидели они. Русские их не понимали. Увели [их] в деревню, никак не могут понять. Привели на обед к купцу. На стол поставили всяких кушаний. «Тунгус, садись!», — говорят. [Те] не понимают. «Давай чай пить!». Эвенки думают: «Вероятно, собираются [нас] убить». И сами тоже хотят убить русских. «Садись пить чай», — [говорят те]. Никак не понимают [эвенки]. Начали [разговор] русские. [Эвенк], что поумнее, стал осматриваться. У [русских] есть чашки. Подал [русский] хлеба умному. Жевал, жевал тот — понравилось. Говорит по-эвенкийски: «Хорошо». Потом взял сушку, съел: «Вкусно». Съел сахар. «И не думай убивать хороших людей», — говорит [он]. Бросили [они] луки и начали есть. Товарищ стал подражать, тоже начал есть. «Вкусно, — говорит, — хорошую еду мы нашли».

Обед прошел, животы наполнены. Купец говорит:

— Ложись, отдыхай!

[Солнце] начало спускаться. Еще раз [их] накормили. На обратный путь подарили им еды. [Русские] друзья попросили эвенков бить белку.

Русские начальники думали: «Вероятно, эвенков много». Показали им белку — будем обменивать на хлеб. Тогда один [из эвенков] понял и говорит:

— Предлагают убивать белку.

Задумался [тот] эвенк и понял. Дали [им] хлеба столько, что [они] едва снесли. Попросили [их] прийти на другой день. Пошли эти эвенки домой, принесли хлеб. Родичи их удивляются. Умный стал учить своих. [Все] пробуют, [говоря]: «Вкусно». [Пришедшие] эвенки сказали:

— Предлагают бить белок и соболей. На них обменивают продукты. Завтра набьем много.

Набив [белок], начали приносить их и обменивать. С тех пор русские стали звать [эвенков] «нирушками»,[6] а те стали называть русских «лу́чами».[7]

На утро много [эвенков] пришло. Каждый пошел к купцу, неся белок и соболей. Надавали им [русские] продуктов, ружей, пороха, пистонов. Сами учили [их], как стрелять.

Потом русские устроили перепись (букв.: ревизию). Эвенки назвали [им] имена дедов. Записали всех Куркогиров и Момолей. Рассказывали [им русские] про царя.

Пачаки научился русскому языку. Уже после Пачаки [эвенки] познакомились с табаком. Пачаки был умным хозяином. Он враждовал с Кунгногирами.[8] У него была большая обида [на тех].

Тогда было много Момолей. У Пачаки с Кунгногирами было столкновение — лучный бой. Пачаки сказал русским:

— Начали Кунгногиры. Они и виноваты.

Начальство судило [их]. Пачаки сказал:

— На меня напали [Кунгногиры], чтобы начать войну.

Кунгногиры оправдывались: [они] делали вид, что не желали биться. [Их] судили начальники. Кунгногиры сказали:

— Мы не приходили биться. Сам Пачаки начал бой.

Пачаки оказался виноватым: многих убил. Бо́льшую часть Кунгногиров перебил. Убивая Кунгногиров, он погнал [их] к русским. Кунгногиры испугались Пачаки и убежали к русским. Пачаки погнал их на речку Чадобец. Старики начали платить [русским] подать (букв.: душу).[9] Все перешли на сторону русских. После этого [эвенки] перестали убивать друг друга, испугались.

Потом русские целый год не ходили за Пачаки, [ждали], что сам придет. На следующий год казаки увезли его на суд (букв.: в плен). *(Реплика рассказчика: «Пачаки хитрый»).* Казаки увезли его в губернский город. В то время был царь. Тогда [виновных] наказывали прутьями. Начальник осудил Пачаки, его побили железными прутьями, чтобы боялся. Прижали к полу и били (букв.: царапали) по спине. Побили и поставили [на ноги]. Положили в больницу, лечили лекарствами. Через неделю он поправился. Дал обязательство не убивать ни одного [эвенка]. Позже его сделали князем(т. е. старшиной). Он умел [говорить] по-русски и был умным. В должности князя он был долго.

9. Пачаки Момо

Дюлипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде жили ганальчи.[1] У нас, [в низовьях Чуни], жили Куркогиры и Момоли, других не было. Уже позже пришли Кочонили, Хорболи [и] Лопоколи. [Они] стали ганальчами.

У Куркогиров сонингом [2] был только один Пачаки.

Ганальчи начали войну с Чемдалями.[3] В этом месте (т. е. в верховьях Подкаменной Тунгуски) эвенков было много. Куркогиры [и] Момоли очень рассердились [на Чемдалей]. Раньше они были в хороших отношениях. [Момоли] убили много Чемдалей. У Чемдалей были ружья, у Момолей — только стрелы. Когда начали биться, появились русские. [Они] нашли князя (т. е. старшину) Момолей. Одного куркогирского князя — младшего брата Пачаки — Чемдали убили. Пачаки рассердился [и] перестрелял много Чемдалей.

Чемдали пришли к русским на Ангару. Подали в русский суд. Момоли и Куркогиры [в этом деле] проиграли. Момоли не понимали по-русски, Чемдали понимали. Когда [Чемдали] пожаловались, они послали царю бумаги. Русские наказали Момолей железными прутьями. На Ангаре был русский начальник. Он написал царю: «Если будем наказывать эвенков, [они] все вымрут». Царь написал: «Бейте потихоньку прутиком». Начали бить прутиком, чтобы, поссорившись, [они] не стреляли друг в друга. Стало хорошо. Пачаки сделали князем, он стал начальником.

С тех пор из луков били только белку. [Эвенки] начали покупать ружья.

10. Пачаки Момо

Дюлипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

С тех пор как жил Пачаки, прошло две сотни лет. В то время началась русская казна.[1]

Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умирали) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень трудно, они голодали. Оленей было мало: у кого пять, у кого шесть. Начали эвенки есть глину. Они сушили глину на костре, говоря: «Пусть хорошенько просохнет», и мешали глину с мукой. Казенных запасных магазинов не стало. Порох кончился, [только] свинец остался. В то время появились купцы и начали торговать. Они стали продавать (букв.: давать) эвенкам много пороха. Эвенки начали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки. Купцы стали лучше кормить их. Олени стали размножаться, их перестали есть. Много зверя — лосей стало.

Прошла еще сотня лет. Тогда родился мой отец. Мой отец был бедняком. Ничего не имел, и оленей [у него] не было. Когда женился, взял [он] в приданое двух теленков. Потом выросло десять оленей. Дальше он стал лучше промышлять.

Все эвенки забирали хлеб на Ангаре. Мой отец отсюда (т. е. с устья Чуни) ходил на Ангару. В большой мороз ездил за про-

дуктами. Купцы за один раз давали много муки. Отсюда до Ангары ходили два месяца. Купцы говорили: «Ранней весной белкуйте, добывайте лосей, оленей!». Когда же наступал второй холод,[2] они говорили: «Принесли прошлогоднюю весеннюю белку?». И опять давали [муку в долг], чтобы эвенки [на охоте] имели пищу.

Тогда я родился. Что дальше (т. е. до моего взрослого состояния) было, не знаю. Вот я стал взрослым.[3] Отец хорошо учил меня тогда: «Работай, ничего худого не говоря. Говори только хорошее и хорошо живи. Верь в бога — будет лучше». Нас было много: три брата старше меня, я, четыре брата младше меня — двое из них родились сразу — и три сестры младше меня.

11. Момоли и Чемдали

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Вначале Пачаки [с эвенками] втроем отправился к Чемдалям. Отправил [вперед] гонца, чтобы сватать жену. [Тот], пуская стрелу-сэлэ,[1] сказал:

— Сэлэ!

Чемдали увидели его гонца. Один [из них] ответил:

— Химилгон! Химилгон! [2]

Другой сказал:

— Пачаки посылает [свата]. Зачем ты отвечаешь: «Химилгон! Химилгон!»? [Надо отвечать]: «Сэлэ! Сэлэ!».

Чемдали еще раз ответили:

— Химилгон! Химилгон!

Пачаки не смог сосватать. Тогда попробовал сватать [для Пачаки] Хорбо, [говоря]:

— Жену просит Пачаки!

Чемда сказал:

— Как я им дам женщину? Кровь свою лакают! [3]

Хорбо рассердился:

— Ах вы такие-сякие, что вы говорите! К русским [жаловаться] ходите! Над народом смеетесь (букв.: народом играете), — и продолжал: — Приходите-ка туда к скалам!

Чемдали влезли на скалы. Пачаки оказался у подножия. Пачаки сказал [своим парням]:

— Будьте позади!

Отец его пошел вперед. Чемда выстрелил в отца Пачаки, в Багдарикана. Пачаки отскочил от стрел Чемдалей, ползком начал [к ним] приближаться. Как только Пачаки подошел, Чемдали убежали, испугавшись. Люди его с криками погнались [за Чемдалями]. Пачаки тоже погнался за другими. Один человек [из рода] Пачаки не смог бежать, будучи раненным стрелою. Пачаки сказал:

— Зачем же ранил? Выстрелю-ка я в ранившего!

Натянул [Пачаки] стрелу до виска и спустил. Пачаки нашел Багдарикана и сказал:

— Побудь здесь! [Не ходи]! Кости растеряешь.[4] Жди здесь!

Потом убежал. Пачаки рассердился на Чемдалей. Пачаки нашел старикашку [Чемда], спрятавшегося в [долине ручья] Ангкулак. Спрятался тот [давно]. Попробовал [Пачаки] выстрелить в него, в старикашку. Чемда стал упрашивать не стрелять, сказал:

— Мальчишка, сам будешь убит!

Пачаки сказал ему:

— Сложи кости (т. е. сам умри)!

Потом Пачаки ушел. Парни его шумели [своими] доспехами. Пачаки перестрелял все свои стрелы, подсчитал — только три осталось. Одна стрела у него была дятловая. Выстрелил он в колено Чемды. [На колене] на железной пластинке образовалось отверстие. Чемда сказал:

— Сэлэ! Давай породнимся! Перестаньте стрелять!

На это Пачаки ответил:

— Где же были [раньше] эти свойственники? Если бы [сразу] отдали женщину, мы бы не воевали. Давайте жить хорошо. Если отдадите [ее], будет лучше.

Старикашка из рода Чемдаль пришел туда, к Пачаки. Когда старикашка пришел туда, [Пачаки] начал тыкать мечом в кольчугу. Меч соскользнул, Пачаки проколол кольчугу старикашки. Пачаки был сердит на [Чемду] и зарубил его.

Перебив Чемдалей, Пачаки направился домой, в свой род, чтобы взять стрелы (букв.: собрать колчан). Чемдали убежали к русским. Чемдали жаловались русским, говоря:

— Пачаки нас разбил.

Русские сказали:

— Приведите [людей Пачаки].

Пошли [они] за Топоко и Пачаки. Стали [Чемдали] жаловаться русским. Чемдали знали русский язык, Момоли не знали. После суда Момоли уступили Чемдалям. Пачаки сильно не били. Потом комиссар сказал:

— Назначьте (букв.: запишите) его князем (т. е. старшиной).

12. Чемдали и Хорболи

Илья Чемда, по прозвищу Лучаткан, род. в 1865 г., неграмотный. 1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чемдалей [было] два ружья. Зло выросло между Чемдалями и Хорболями. Раньше у них были шаманы. У Хорболей — три шамана, у Чемдалей — одна шаманка. У Хорболей умер человек. Шаман говорит:

— Этот, однако, не простит.[1]

[Чемдали] согласились дать [Хорболям] за того умершего девушку. Девушка живет у своих полгода, ее не отдают. Потом эта девушка забеременела, стала тяжелой. Тогда к ним пришли [Хорболи], стали [они] просить девушку; знают они, что она потяжелела, и стесняются [просить]. А эти-то [Чемдали] говорят:

— Беременную не отдадим.[2]

[Хорболи] опять пришли и стали просить, чтобы отдали в жены. Те не желают отдавать, собрались дать другую. Хорболи не желают соглашаться.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да![3] — отвечают [Хорболи], желая начать [с ними] войну. — Если не хотите отдать эту, мы вас всех перебьем!

Рассердились [Чемдали]. Сонингом[4] у них был Гаданча. У него и старший и младший брат были одеты в броню. Договорились в тот же день начать бой. У Чемдалей только восемь мужчин, у Хорболей — восемьдесят. В тот же день пришли [на бой]. Хорболи расположились за речкой, Чемдали — на этой стороне. У Чемдалей два ружья, у Хорболей только луки. На том берегу развели костры, на этом берегу тоже [горит] костер. Сидят, разговаривают между собою. Хорболи послали одного старичка узнать: хотят ли те драться или не хотят. Старик этот пришел, спросил:

— Ну, что будете делать, отдадите [девушку] или нет?

— Другую отдадим, — сказали Чемдали.

Старик вернулся к своим, сказал:

— Отдают другую.

Жениха спросили:

— Ну как, возьмешь другую в жены или нет?

Он сказал:

— Не желаю брать в жены другую, кровь ее пролью — убью. *(Реплика сказителя: «Он ту любил, другой не желал»).*

Когда Чемдали собрались отдавать [другую], [Хорболи] захотели убить ее. Тот старик еще раз пошел сватать [беременную]. Чемдали опять не захотели отдавать [ее]. [Старик] начал считать их, говоря:

— Один, два, три, четыре, пять! Ведь мало [вас], как [вы] нападете на людей?[5]

Чемдали рассердились, говорят:

— Отдадим небеременную вместо беременной. Не будем воевать!

У Чемдалей была стрелка малюсенькая (т. е. пуля). Ею выстрелили вверх. Пролетела [она] над ними со свистом. Пачаки испугался, говоря:

— Что это за стрелка? Пожалуй, не устоять [мне против нее]!

Испугался, увидев ее. Начали они стрелять друг в друга [из луков и ружей]. Младшему брату Пачаки попали в кишки.

Пачаки сидит у костра. Брат Пачаки пришел к старшему, таща кишки в поле́ [кафтана]. Пачаки сказал:

— Ой, ой, говорил тебе, [что будет] тяжело!

Схватил он лук и начал сильно бить Чемдалей. Чемдалей стало мало, испугались [они] и бросились бежать. [Пачаки] погнался [за ними]. Во время боя сонинг Чемдалей влез в дупло коряжины. Потом уже нашли его спрятавшегося. Четыре человека, гонясь за ним, нашли. Четыре человека не смогли убить [сонинга Чемдалей] — он увертывался [от стрел]. Никак не могли убить [его]. Убегавшему Гаданче стрела попала в ляжку. Он вытянул стрелу за оперение, но, охромев, не смог бежать. Посмотрел он вперед — четыре человека [Хорбо] не смогли убить сонинга [Чемдалей]. Он, охромев, выстрелил четвертому в легкие. Они все убежали, когда один из них упал. Сонинг [Хорбо] увидел, что Гаданча хромает. Подошли другие, погнались за Гаданчей. Стрелы их падали как град. Гаданча хотел их задержать подольше. Долго бежал Гаданча вперед. Стрелы продырявили весь его кафтан, но его не убили. Он был в броне. Убежал далеко и спрятался Гаданча.

У Пачаки был младший брат Лонгко. Ему прострелили палец. Он сказал:

— Чем [я] буду стрелять?

Потом промахнулись, выстрелили в лоб ему, но [не убили]. Он сломал древко стрелы и убежал. Потом пришел к своим. Перестал воевать, сказал:

— Выньте из меня стрелы! Как птичек насобирал [их].

Начали вытаскивать стрелы, он [и] умер.

(Здесь рассказчик пояснил: «Прежде воевали друг с другом. Если человек в чем-нибудь нуждался и если младший или старший брат не давал, сильно воевали друг с другом. Воюя с чужим родом, убив сонинга, съедали его сердце»).

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

Павел-Калтан Кувачонок (Чапагир), по прозвищу Баликан, род. в 1870 г., неграмотный.

1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Все эвенки Момоли и Куркогиры, жившие здесь (т. е. на Подкаменной Тунгуске, у устья Чуни), назывались ганальчами.[1] Момочо, отец Пачаки, пришел к Дюрунге свататься. Момочо взял жену у Куркогиров, а Момоли отдали Куркогирам свою девушку. Прежде обменивались женщинами. После Момочо пришел [к Нюрумнялям] Чолко свататься. Начал он сватать.

У горных жителей был род Нюрумняль. Нюрумняли жили дальше (т. е. севернее) Туры.[2] Они испугали Чолко. Момочо убежал к Куркогирам, за ним — Чолко.

Нюрумняли были раньше во враждебных отношениях с Куркогирами. Для примирения [Куркогиры] взяли от Нюрумнялей двух женщин. На одной женился Пачаки, другую взяли Куркогиры. После этого [Куркогиры] перестали враждовать [с Нюрумнялями]. Тогда Нюрумняли соединились[3] с Куркогирами, и они перестали бояться друг друга.

14. Кордо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давным-давно, во время войн и взаимных убийств, жил Кордо. Жили вместе три человека: один Хоркигир, другой Саремикта, третий Кордо. Был [у них] орел. Перьями орла они оперяли стрелы. У Хоркигиров был сонинг[1] Гильбовуль. Люди Гильбовуля были плохими. Они жили на Ирикте и Катонге. Убив орла, [они] не выделили [часть] оперения [для] Кордо. Из-за орла и произошла ссора. Тогда, [отделившись], сюда (т. е. на Чуню) пришел Кордо. Дети его стали жить здесь.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

Лепчикан Пангкагир, род. в 1912 г., грамотный.
1935 г., р. Учами, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Куркогиры и Нюшкагиры начали большую войну. С шаманами [на место боя] пришли. На середину реки Вояв вышли Куркогиры. У Нюшкагиров вождем-куривоном[1] был куркогирский эвенк. Куривон Нюшкагиров по ошибке изогнул железную подвеску.

— Понапрасну [я] тебе шаманю, напрасно удачу [тебе] на своих дорогах ищу.

Куркогиры [и] Нюшкагиры отправились на бой. Пришли, развели огонь на виду друг у друга. Начали пускать друг в друга стрелы. Куркогиры попали стрелой в лоб нюшкагирского человека. Куривон Нюшкагиров стал ходить, ругая своего шамана. Нюшкагиры были разбиты.

(Пояснение рассказчика: «Это было у эвенков с самоназванием илэ; стрелы их торчат в коре деревьев»).

16. Сергунго Кордуяль

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Сергунго был сонингом[1] у ганальчей.[2] Сергунго жил уже после того, как эвенки узнали русских. Состарился он, очень старым стал. Родственников у него было очень мало. Родственники

его повезли ясак.[3] Ушли только мужчины — ушло восемь человек[4] Кордуялей. На стойбище семьи и сонинга оставили. [Эвенки] своих боялись[5] — враждовали с ними. Сергунго стал охранять жен ушедших. Живут [они] потихоньку, перегородили реку у подножия хребта. Вдруг женщины увидели на том берегу восемь человек, снимающих унты. Пошли эти женщины к своему сонингу. Сергунго греет спину у костра, [прикрывшись одеялом]. Выглянул он из-под одеяла, говорит:

— Сумучокор! Сумучокор![6]

Сказал, влез под одеяло [и] продолжает греться у костра.

Пришли мужики и начали пускать стрелы в него, лежащего. Он, лежа, увертывается. Никак [они] не попадают; долго стреляли, все мимо. Израсходовали [все] стрелы. Перед тем как кончить стрельбу, схватили пальмы,[7] а мечи и луки положили. С пальма́ми подбежали, начали рубить его. Но так и не убили. Он, Сергунго, убивал ганальчей. Наконец, убив его, увели женщин. Оставили только одну старуху, чтобы она замерзла. Был там парнишка, только что начал ходить. Оставили его, говоря: «Замерзни и ты!».[8]

Вернулись ганальчи, отвозившие ясак. Добыли в пути для старухи еду: рыбу, птиц, гусей. Сами отправились догонять [нападавших]. Погнались и нагнали их. Одна женщина [из уведенных] собирала ягоды. Увидела мужа, тихонько показала ему на чум врагов,[9] чтобы [он] не подходил к врагам.

Вот вечером легли они спать. Когда уснули, [пришельцы] быстро прибежали [к ним]. А женщина, которая показывала, надела, [чтобы обмануть], кафтан на пень. Муж ее пустил стрелу в бегущего врага. Женщина подошла к мужу. Враг, умирая, попробовал кольнуть ее ножом. Но женщина прикончила его. Они перебили всех [нападавших].

17. Гильбовуль

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давно, давно жили Мачаку [и] старик Бонгачо. Хороший старик был. Тогда же жил Гильбовуль. Он поссорился с младшим родственником. [Гильбовуль с ним] начали играть, бросая аркан. Они, набрасывая [аркан] друг на друга и прыгая, поругались.

В то время, вероятно, жил Оптоко [из рода Хоркигир]. Он пустил стрелу в Гильбовуля. Гильбовуль увернулся от [стрелы] Хоркигира. [Люди Гильбовуля] перебили Хоркигиров. От Хоркигиров остался один человек. Гильбовуль побежал

к своим, взял [с собой] шесть человек. На следующий год [он] вернулся. Встретил сонинга, [с которым играл в аркан], пустил стрелу в его оленя-важенку. Этот товарищ выследил Гильбовуля-сонинга,[1] когда тот обжаривал мясо на вертеле, и крикнул:

— Ты кто? Гильбовуль? Мы были равными, когда упражнялись в набрасывании друг на друга аркана!

[Гильбовуль] сказал:

— Да, да, мы были равными.

«Не стану-ка я с ним разговаривать», — подумал [сонинг] и убежал к своим родичам. [Гильбовуль] пошел следом к его жене. Придя к ней, спросил:

— Куда ушел [муж]?

Жена ответила:

— Не знаю, куда ушел.

Шел дождь. [Гильбовуль] все бродил в окрестностях чума, искал его следы. Вот увидел следы на траве, покрытой росой, пошел по следам. Шел, шел и пришел к своим родичам.

Другой [сонинг] тоже ходил по следам и дошел до них же. Родичи его набили гусей. Когда они набили, старуха сказала:

— Приведите-ка (букв.: вытащите-ка) [Гильбовуля].

Тот другой сказал:

— Не придет [Гильбовуль] — [он] далеко́. Скажите девочкам, чтобы следили за ним, если придет. Чтобы [они] не прозевали его прихода.[2]

А [Гильбовуль] спрятался в траве. Спрятал и их еду — гусей. Побежал он, откинул луком дверную занавеску и говорит:

— Это ты, парень?

— Я, — ответил второй сонинг.

Стоя, он ел крылышко гуся, отрывая куски мяса. Гильбовуль пустил ему в грудь стрелу. Гильбовуль убил в этом чуме восемь человек. Перебил [он] мужчин и в других чумах. В стороне [был еще] чум, [в нем] старик делал луки.[3] Перебив [мужчин, Гильбовуль] пошел в чум посмотреть. [Тогда] старик пустил [в него] стрелу, чуть не убил Гильбовуля. Гильбовуль, разозлясь, выпрыгнул через дымовое отверстие.[4]

Тот [старик] сказал:

— Эх ты, такой-сякой! Что делаешь?

[Гильбовуль] выстрелил [и] ударил мечом старика. Подальше стоял еще чум. Там тоже жил старик. Он пошел в хоровод и начал ругать [пляшущих]:

— Разве вы встретились для того, чтобы со слезами играть в хоровод?[5]

Гильбовуль подбежал к пляшущему старику и убил его. Прикончив, он вернулся на стойбище. Туда [люди] притащили человека — убитого им старика, сказав:

— Окурите-ка его кости и сожгите на костре.[6]

[Он] пошел за лосем вдвоем с тем, который хотел убить [Утышку]. Брат Утышки пошел впереди на лыжах, убийца — за ним. Брат Утышки положил вещи на лыжу,[5] наступил на нее [и] упал. Долго шли на лыжах. Брат Утышки начал отставать, не стало сил. Тогда парень выстрелил в спину того, который хотел убить [Утышку], промахнулся и попал ему в ухо. Этот убийца упал [без сознания]. Упав, [он] пришел в себя. Придя в себя, сказал:

— Пусть скажут «хавун».[6]

Когда он так сказал, брат Утышки ослаб [и упал]. [Утышка] начал было обвязывать его голову. В это время он ударил убийцу ножом, но промахнулся. Как только он промахнулся, убийца бросился бежать на лыжах. Уходя на лыжах, убийца взял ружье. А парень помочился на его ружье — оно намокло. Идя на лыжах, [убийца] выстрелил назад, [ружье] только пикнуло. Брат Утышки, когда тот приближался к дому, выстрелил в него. Тут же и убил.

20. Деерок

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Во времена ганальчей,[1] еще до существования Ховоко, были шаманы. Уже после Ховоко начали узнавать предания. [Шаман] шаманил вместе со своими духами-сэвэн,[2] превратясь в невидимку-мэлкэн.[3] В то время шаманы незаметно поедали души эвенков. Душа была почти невидима, ее видел только шаман. Они ели только души врагов.

Были [тогда] шаман Чичико и шаманка Деко, а также Деерок — жена Арчамки, дочь Апчоды. Арчамка был сыном Пачаки, жил в Кежме. Все старики знали Деерок. Она шаманила, будучи беременной. В животе у нее был ребенок, который должен был родиться. Эвенк говорит Деерок:

— Мой ребенок болеет.

Деерок отвечает:

— Как же я беременная буду шаманить?

Эвенк говорит:

— Умрет ребенок, если не пошаманишь. Скорее шамань! Не дождется он родов, умрет. Если умрет, то и с духами своими не нагонишь [его]. Доберется до нгеви,[4] тогда не сможешь [его душу] догнать [и] не сможешь вылечить.

Тогда Деерок забеспокоилась и начала шаманить, будучи беременной. Начала камлать вместе с духами-помощниками, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа. Деерок перестала быть беременной. *(Реплика: «Интересно!»)*. Плод переложила в мужа, говоря: «Хэ-эк!». Смотрят

на мужа — беременный он. Деерок начала лечить больного. Больной начал поправляться. Пока она не кончила шаманить, муж ее был беременным. Больной [ребенок] на утро поправился. Перестав болеть, утром же начал ходить. Пищу хорошо принимал. Деерок повесила на дерево [жертву] — теленка, повесила и кусок ткани.

Окончив шаманить, она взяла плод от Арчамки. Стала [снова] беременной. Только во время родов Деерок сошла с ума. Сумасшествие было сильным — слов не понимала. Испортили [ее] духи. Двух ее детей испортили, одного по имени Нюрик, другого — Хагданча, оба стали сумасшедшими. С тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной.

21. Юргины

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жили эвенки-ганальчи.[1] Молодец Юргины был у них сонингом.[2] Он пришел к жившим за водоразделом, по реке Ероме.[3] [Ошикиры] тех мест договорились [с Юргины] биться, стрелять друг в друга. Юргины, поджидая [их], стал жить на одном, назначенном месте. Ошикиры оттуда (т. е. с Нижней Тунгуски) начали подходить в срок. Таким образом, Юргины и Ошикиры стали врагами. У Юргины был младший брат Лопкончо. [Ошикиры] пришли в срок. Лопкончо тогда привел сватов. Он говорит им:

— Помогите мне!

Ошикиры тоже привели своих сватов; послали сватать Хикчингу. [Они] прибыли в срок. Пришли в чум Юргины. Этот Юргины большой сонинг. Стали [Ошикиры] сватать. Вот сели они, начали разговор. Ошикиры спросили Юргины:

— Ну, как, отдашь женщину?

Юргины, стоя в середине, говорит:

— Дать мне или нет? Не хочу отдавать! Они пролили кровь (т. е. убили нашего сородича)!

Сразу после этого он начал стрелять в Ошикиров. Ошикиры выстрелили в самую середину его лука, стрелой попали в центральный клинышек.[4] Серединка лука сломалась. Убили Юргины. Брат его Лопкончо начал стрелять в них. Лопкончо выстрелил раз, а их стрелы падали на панцирь Лопкончо как дождь. Тогда они закричали Лопкончо:

— Лопкончо, давай сватать!

Лопкончо бросился бежать, пробежал мимо своих сватов. Потом сваты [Ошикиров] опять начали стрелять в него. Лопкончо выскочил и пробежал сквозь толпу. Парни погнались, стреляя в него, но отстали [от него]. Далеко убежал Лопкончо. Стоит там

женщина, держит пальмý.[5] Пробежал [он] мимо той женщины. Ударила она [его] пальмóй. Эта женщина попробовала снять стрелы с его панциря. Попадали [стрелы], Лопкончо убежал.

Ошикиры-женщины пришли к Лопкончо. Лопкончо убежал, очутился в другом месте. Пришли [женщины] к его сватам.

— Лопкончо где? — спросили.

— Упустили его.

[Женщины] отправились тогда к своей родне.

Утром Лопкончо пошел посмотреть убитого брата. [Враги] топором разрубили Юргины на куски. Собрал он разрубленные части в куль и хотел хоронить. Положил в дупло.[6]

Пробыл [он] дома четыре дня. Тогда Лопкончо отправился мстить за брата. Пошел по оставленным следам. На полпути нагнал двух женщин. Увел [их] домой. Женщин [Ошикиры] отправили [к ним] за [убитого] брата. Лопкончо женился на одной из [этих женщин]. Вторую отдал своему свату. Вот тогда помирились они с Ошикирами.

22. Юргины

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Был еще большой сонинг[1] Юргины. Тоже убивал эвенков. [Юргины] жил на стойбище вместе с ними, как и Лонгко. Врагами его были два человека. Юргины рассердился на эвенков — они убили его свата.

Жили они на стойбище вместе, были свойственниками-матами.[2] У Юргины была дочь. Она [выросла], стала женщиной. Юргины подговорил свою дочь, чтобы убить матов посредством обмана.[3] Враги его — сильные бойцы — узнали [об этом]. Юргины почувствовал это и говорит:

— Меня убьют!

Он знал сонинга [матов] и говорит дочери:

— Ты сделай вид, что хочешь иметь его мужем. Попытаемся его обмануть, чтобы убить.

Дочь Юргины пошла в гости к парню. Сделала вид, что хочет иметь его мужем. Молодой человек надумал жениться [на ней], захотел взять ее в жены. Перестал бояться и говорит:

— Я женюсь.

Хотя его и обманули, он в душе любил [ее]. Женился молодой человек. Пошел следом за женой в ее дом. Женщина привела мужа в свой дом. Юргины следил за дочерью.

Днем [молодые] начали искать вшей в волосах друг друга.[4] Юргины в это время попросил сына поискать оленей. Парней там было двое. [Юргины] одному [из сыновей] сказал:

— Идем-ка искать вдвоем, потом убьем его.

Женившийся [на дочери] не знал [об этом] и не боялся. Откуда же знать ему, что товарищ убьет его? Жена Юргины вывела вон детей. Дочь же продолжала искать вшей. У Юргины был маленький сын. Та девица сказала мальчику:

— Пойди, посмотри оленей.

Жена Юргины сказала:

— Долго же они ищут оленей! Кто столько времени ищет?

Жена Юргины вышал вон. А Юргины, вместо того чтобы пойти искать оленей, побежал домой к ищущим в волосах, чтобы убить [зятя]. Жена Юргины попросила дочь принести дрова для дымокура.

— Важенки пришли! Подои! Что так сидишь!

Тогда дочь, оставив волосы мужа, выскочила вон. Муж догадался и схватил жену за полу [платья]. Юргины сидел у дверки снаружи, подстерегал. Он отрезал ножом полу дочери и тогда же в чуме напал на ее мужа. Муж стал защищаться от стрел. Так и убил Юргины этого человека в чуме. Обманул и убил.

23. Нурговуль и чангиты

Андрей Коненкин (Хуннгикал), неграмотный.
1931 г., р. Ика, Катангский район, Иркутская область.

Жил человек Нурговуль,[1] было у него две жены и восемь сыновей. Ночью к нему пришли враги-чангиты,[2] окружили его чум, потом начали концами луков тыкать в покровы чума (букв.: луками давать знак), чтобы Нурговуль вышел. Сыновья его повыскакивали. Чангиты их всех перебили. Перебив, чангиты начали разговаривать:

— Мы убили теперь Нурговуля.

Один чангит сказал:

— Убили или не убили, я видел [его] вон там, как будто мелькнули его волосы.

Потом они сосчитали [его] сыновей — их восемь, отец убежал. Чангиты [от досады] заплакали.

Нурговуль нашел своих сородичей, потом отправился мстить чангитам. [Люди его] нашли в тайге оленя [чангитов] и убили его, чтобы съесть. Человек [чангитов], когда искал оленя, увидел Нурговуля и побежал домой. Пришел домой и рассказал:

— [Я] видел, что неподалеку мелькнули волосы великого Нурговуля.

Люди приготовились выслеживать его. Тот мужик сказал:

— Я очень далеко видел, скоро не придет. Давайте сейчас есть.

Люди поверили ему, начали есть в одном чуме. Лишь только они начали есть, как на них напали враги. Начали стрелять в евших, всех перебили.

Нурговуль позже ушел один. Сорок человек нашли его, спящего на камнях. Все направили луки, потом сказали:

— Давайте предупредим, ведь грешно.[3]

Лишь только они сказали так, как Нурговуль вскочил. Они и не заметили, как он побежал по камням. Начали стрелять, так и не могли убить. Тогда они начали искать его при помощи шаманов, нашли его на реке. Направили мужиков, чтобы сходили убить его. Люди пришли, смотрят — камни все разбросаны, дрался он перед смертью со злыми духами. Принесли мертвого домой. Мужики сказали:

— Давайте разрежем его, посмотрим, что он за силач.

И разрезали его — у него два сердца. Потом сердца сварили;[4] в котле не оказалось ни одной капли жира.[5]

24. Олувуль и Нурговуль

Иван Каплин (Пангаракай), род. в 1890 г., неграмотный.
1959 г., пос. Бугоркан на Нижней Тунгуске, Катангский район, Иркутская область.

Прежде были сонинги[1] Олувуль и Нурговуль. Олувуль был здесь (т. е. на Кочоме и Нижней Тунгуске), Нурговуль — на Лимте (т. е. на реке Илимпее). Стреляя друг в друга, они ловили стрелы.[2]

Олувуль жил в то время, когда были первые шуленги.[3] Олувуль убил немало людей. Его много раз ловили, но Олувуль убегал домой. Олувуль гонялся за людьми по их следам. У Олувуля была жена. Он отправил ее в кочевку без стрел и сам откочевал. Люди хотели убить Олувуля. Отправились в кочевку, обошли гору, вернулись обратно. Одна мать закричала [Олувулю]:

— Войди в мой чум!

Он вошел. У нее было три сына. Сыновья сказали:

— Дед пришел, забейте оленя!

Один парень выскочил, забил оленя. Мать угостила старика мясом.

Олувуль спросил:

— Почему вы боитесь меня?

Поев, он сказал:

— Пойду-ка я принесу дров.

Парни сказали:

— Хорошо!

Олувуль рубил сухую лесину. Парень, прорезав ровдужный покров, наставил лук, чтобы убить Олувуля. Они приготовили лыжи и собрались выстрелить в него. Средний парень говорит:

— Я, пожалуй, попаду.

— Ну, ну, [попробуй]!

Парень выстрелил ему в живот, не попал. Олувуль побежал по тропе. Парни вышли в тундру на водоразделе, смотрят — Олу-

вуль бежит как лось. Начали они догонять Олувуля, окружили. Олувуль сел и говорит:

— Парни, я к вам добром пришел. Вы хотите прикончить мою жизнь? [4] Стреляйте! Во что вы хотите выстрелить?

Парни выстрелили ему в грудь, но не убили. Он говорит:

— Парни, пустите ко мне старуху-жену.

Пустили. Олувуль сказал ей:

— Вынь из груди вонзившуюся стрелу. Вонзи в отверстие мою стрелу.

Она сделала, как он просил. Тогда только он умер. Когда [Олувуль] умер, она отдала парням все три стрелы, сказав: «Выполнила [просьбу]».

— Бабушка, ты не бойся, тебя не станем убивать.

Старуха пошла с парнями в тундру. Вместе с ними весну и лето кочевала. Где-то жила ее родня. Потом она пошла к ним одна. Парни ушли на [реку] Лимты. Там была большая тундра. С тех пор эту тундру, на истоках речки Дэткон, называют тундрой Олувуля.

25. Урон

Мария Комбагир, род. в 1922 г., Григорий Хукочор, род. в 1920 г., грамотные.

1935 г., озера Неконгда и Агата, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил старик. Его сын был женатым. У него был новорожденный внук. Сын этого старика пошел к ганальчам.[1] Там убили сына этого старика. Сонинг [2] Урон [3] убил. Жену его увел к себе в жены. Старик спрятал внука под котлом. Пришел Урон. Взял жену, а внука не мог найти. Старик сказал:

— Нет внука.

[Урон] увел жену [сына]. Старик этот начал учить внука увертываться от стрел и стрелять, чтобы убивать ганальчей. Научил его и говорит:

— Иди, приведи мать.

[Внук] пошел за ней. Самые плохие одежды надел, самые лучшие одежды и луки взял с собою. Отправился. Пришел, вошел в чум, где жила его мать. Много семей ганальчей было там. Урон сказал:

— Приготовьте чай.

Пока чайник кипел, [парень] играл с детьми Урона. Играл в стрельбу. Он разбил лиственницу от вершины до корня. Другие ребята не попали в нее. Опять он вошел в чум, начал пить чай. Во время чая он отскочил от стола, говоря:

— Не тот ли ты, который убил моего отца?

Урон бросил [в него] нож. Он увернулся. Потом погнались за ним и стреляли в него. Парень добежал до места, где была

[спрятана] его одежда. Он в Урона выстрелил и убил. Убив Урона, увел [свою] мать. Дошел до деда. Дойдя, сказал:

— Кто-то там ходит.

Дед сказал:

— Не говори так.

Когда он сказал, мальчик ответил:

— Я их не боюсь.[4]

Потом встретил медведя, прикрылся полой [своего кафтана] и погнался [за ним]. [Медведь] обломал ему половину бока. Парень посмотрел на свой бок. Посмотрев, начал рубить медведя. Этот парень отрубил ему одну ногу. Медведь упал замертво.

Вернулся [внук] к деду без половины [бока]. Посмотрел дед на этого парня — у того два сердца; оба сердца были волосатыми. Дед стал шаманить, начал лечить. Тот поправился. Когда дед вылечил, этот парень опять ушел. Шел и увидел двух лосей, бегущих по болоту. Погнался за ними. Гонясь, одного убил. Убив, приволок его к деду. Дед сказал:

— Ну, ты теперь очень силен!

26. Урон и Унгковуль

Николай Хирогир, род. в 1894 г., неграмотный.
1960 г., оз. Агата, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил Урон, этот человек был сонингом.[1] В него стреляли, но не убили. Увертывался он, когда стреляли. Он убивал людей, его же не могли убить.

Урон говорил так:

— Есть человек — сонинг Унгковуль.[2] Я пойду к нему.

Урон пошел к Унгковулю, дошел за три дня. Дошел до чума Унгковуля. Вошел [туда]. Унгковуль, увидев его, спросил:

— Кто ты, человек?

— Я — человек Урон.

— Да-а, — сказал он, — силен ты! Для чего пришел, когда я уже состарился? Если бы я был молодым, мы бы поиграли.[3] Почему не пришел, когда я был молодым?

Унгковуль продолжал расчесывать свои длинные волосы. Урон тут же рассердился на Унгковуля. Рассердившись, выстрелил в Унгковуля, расчесывающего волосы. Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся.[4] Урон промахнулся, не убил. Увернувшись, [Унгковуль] вышел вон. На улице Урон погнался [за ним], начал стрелять, Унгковуль стал увертываться. [Урон] не смог попасть стрелой. Лишь когда вокруг дерева закрутились волосы [Унгковуля], тогда он попал под стрелу. Урон тут же его победил. Унгковуль сказал:

— Я зацепился за лиственницу, поэтому тебе удалось попасть в меня.

Урон пошел обратно, очень многих он убил. Родня Унгковуля узнала, что тот убит. Двое людей сказали:

— Пойдемте-ка убьем Урона.

— Да, — говорят родственники, — Урона не убьешь — сильный мужик.

— О-о! Мы заставим шамана пошаманить!

Шаман пошаманил. Пошаманив, сказал:

— Пойдемте втроем. На той стороне, где его чум, заночуем. Утром рано ястреб сядет на вершину дерева. Этого ястреба [вы] убьете. И идите в горы. Но если не убьете, не ходите. Этот [ястреб] — его душа.[5]

Они пошли. На этой стороне горы сел ястреб. Выстрелив, они сломали ему крыло. Пошли к чуму Урона. Чум Урона на том берегу речки.

Утром рано был туман. Подняв луки, как рога, [они] начали переходить реку. Перешли. Урон увидел их и говорит:

— Три зверя перешли [через реку]. Сейчас, когда туман рассеится, пойду [туда].

Обратился он к одному из своих:

— Друг, сходи-ка за водой.

Идя за водой, тот нашел на реке трех человек — [они] прятались. Они схватили этого парня и говорят: «Не рассказывай [Урону]!».

Пришел этот человек к Урону, принес воду. Урон спросил:

— Ты что подпрыгиваешь, тебе плохо?

Человек сказал:

— Брюхо болит.

Урон, сидя [около чума], начал есть. Люди подкрались к нему, выстрелили. Урон увернулся. Увернувшись, не нашел своего человека. Увидел чужого [шамана]. Со словами: «Вот и поешь этим ртом» — Урон спустил в него стрелу. Попал ему прямо в рот. Шаман умер. [Урон] хотел еще выстрелить, да лук сломался. Тогда он побежал — испугался, оставшись без лука. Когда он побежал, за ним погнались двое людей. На бегу он бросил [в них] нож. Второй человек погнался [за ним]. Урон в пути к реке наткнулся на вал из валежника. Поднялся на склонившуюся сухую лесину и, спрыгнув на берег реки, завяз. Выстрелил в самого шамана. Люди перешли реку, [подошли] к Урону. Когда они перешли, Урон сказал:

— Не станете же вы убивать меня живого. Закройте мне глаза.[6]

Закрыли [ему глаза] и убили. Умер Урон. Вскрыли его — у него два сердца. Посмотрели костный мозг в ногах: мозг жидкий, совсем негодный.[7] Пошли обратно к его отцу в чум. Старик, увидев их, прикрыл котлом парнишку-[внука]. Они сказали отцу:

— Вот какого зверя мы убили. Урона убили. Посмотрели на его мозг, а он жидкий.

— О, — отец сразу догадался: много людей выкормил он, охотясь, поэтому и стал жидким [его костный мозг].

Пошли эти люди обратно домой. Потом говорят отцу:

— Пусть отомстят нам (букв.: приходят к нам) в будущем.[8] Мы наставим меток по пути. Идя по этим следам, придут [к нам].

После их ухода отец Урона начал воспитывать его сына. Начал охотиться сын Урона. Дед, обучая внука, стрелял в [него] тупыми стрелами, а внук увертывался. Стал он мастером увертываться. Тогда спустил дед стрелу, задерживающуюся в полете, тот увернулся. Внук играл во все игры Урона (т. е. освоил все его приемы).

— Теперь довольно, [ты] почти равен отцу и даже немножко лучше, — говорит дед, — ты даже лучше отца.

Внук однажды спросил:

— А от кого я родился?

Дед сказал:

— От меня родился.

Внук сказал:

— Как от тебя родился? Ты очень стар. Вот на тропах есть метки. Кто их сделал?

Дед сказал:

— Это мои, сделал, когда еще был молодым.

Внук не поверил:

— Свежие они. Ты лучше мне [правду] расскажи!

Тогда дед рассказал:

— Твоего отца убили и мать увели [чужие] люди.

Тогда он сказал:

— О-о! Я пойду к ним!

Внук хотел пойти, дед говорит:

— Не ходи, людей много — сорок [человек].

Ушел внук, дед не смог задержать его. Так и ушел он.

— Внучек, — сказал [дед], — на середине пути (букв.: земли) живет кузнец.[9] Закажи ему стрелы и лук. Военные стрелы закажи.

Пошел наш парень. Дошел до кузнеца.

— Дедушка, я поохочусь, чтобы принести тебе мяса (букв.: для твоей еды). Ты сделай мне стрелы.

Кузнец сказал:

— Много [врагов] — сорок человек. Ты и не пробуй считать этих людей.

Сделал он ему сорок стрел. Отправился парень. Дошел до чумов — много их, сорок. Спрятал [он] стрелы. Сделал себе стрелу из клюва гагары, сделал плохенький лук. А свой спрятал. Потом пошел к чумам. Есть там один чум, самый большой и хороший. Подошел он к дверке. Поставил лук у дверки,[10] сам вошел. Вошел, [видит] — в чуме одна женщина. Женщина удивилась, когда он

вошел. Сел [он]. Когда он сидел, снаружи разговаривало много людей. Выйдя вон, [он] посмотрел. Видит — один человек подплывает в лодке. Переехав, подъехал к берегу. Придя домой, тот увидел его лук.

— Ой! Что за человек пришел? О! — сказал тот, увидев лук.

Потом этот человек вошел в чум — на малу[11] сидит парень. Спросил он парня:

— Откуда идешь?

— Я, — говорит [парень], — сирота.

— Что ты ешь? Принесите-ка ему поесть ножку теленка.

Мальчик сходил за ножкой, принес кишку, желудок, [насадил на вертел], обжарил у огня. У [парня] на ноге не было ножа.[12] Тогда тот человек спросил:

— Есть ли у тебя нож?

— Нет, — говорит парень.

Тот человек выхватил длинный нож и говорит:

— Ешь этим ножом.

Мясо поспело. Желудок, [который дали парню], плохой. Разрезал [сын Урона] желудок и бросил этот горячий кусок тому в глаза. Попал в глаза этого человека. Тогда тот хотел заколоть парня ножом. Парень увернулся, убежал. Когда он побежал, человек крикнул своим:

— Люди, к нам пришли [чужие]!

Пришли [люди], посмотрели на парня. [К ним], в эти места, он пришел со стрелами. В него начали стрелять все сорок человек. Он увертывается, луком своим отбивает стрелы. Потом [сын Урона] начал стрелять. Спустил десять стрел — умерло десять человек. Четыре раза выстрелил, всех перебил, только одного оставил, самого сильного. [Сын Урона]с ним пошел в чум и сказал:

— Ну, теперь давай играть (т. е. биться) вдвоем. Ты будешь там, я — здесь, на шкуре.

Начали стрелять. [Сын Урона] выстрелил в его железные пуговицы — сломал их.

— Оставь мне только дыхание! Не убивай! — просит тот.

[Сын Урона] не убил его. Увел свою мать, откочевал к себе. Три дня еще ждал сын Урона. На третий день он начал охотиться. Лишь только он ушел на охоту, как следом пришел тот [человек и спрятался].

[Сын Урона] вернулся затемно, ночью. Когда он, придя, начал есть, мать его приоткрыла дверку [чума]. [Сын Урона] спустил стрелу. Тот человек увернулся. Не удалось убить его. Встал он, схватил на бегу стрелу [и] сказал:

— С этого дня я перестану стрелять. Ладно?

Человек этот побежал. [Сын Урона] погнался за ним. Нагнал его и выстрелил ему в спину. Этот человек умер. [Сын Урона] откочевал. Добрался до деда. Когда пришел, дед сказал ему:

— Ну, и храбрый же ты человек! Такой же, как Урон. — И добавил: — Страшно одному на земле. Не мсти им.

Внук задумался. «Что он собирается делать?», — подумал [дед]. Говорит тогда внук:

— Я видел на реке беременную самку, на кого-то похожую.[18] Как бы не случилось чего!

Посмотрел внук на реку — по берегу идет медведь. Начал скрадывать его. Когда тот подошел, он снял кафтан, накрылся им. Медведь начал драть его когтями. «Я от него увернусь», — подумал. Вдруг заныло ребро. Смотрит — ребро видно. Побежал [он] скорее домой. Добежал до чума, трижды перевернулся и умер.

Об Уроне много народу рассказывает. Все рассказы немного отличаются друг от друга.

27. Ганальчи

Петр Комбагир, род. в 1924 г., грамотный.
1936 г., оз. Неконгда, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Люди отправились стрелять [чужеродцев]. У чужих [им людей, к которым они пришли], было две женщины. Женщины спрятали своих мужей и говорят [пришедшим]: «Вон туда ушли наши мужики». [Женщины] продырявили лодки пришельцев. Показали на озеро и сказали: «Ушли туда». Пришедшие сказали: «Убьем их». Поехали [они] в лодке и на середине озера утонули. Погибли. [Женщины] сказали своим спрятанным мужьям: «Выходите. Те пропали».

28. Захребетные жители

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Среди живших на водоразделе (т. е. между Нижней и Подкаменной Тунгусками) были плохие люди. Водились там мелкие олени — мелеле.[1] [Эти люди] поймают арканом зверя и с живого чулком сдирают шкуру. Брали они только шкуру, зверя же пускали голого. Побежит голый зверь, а они смеются. Таким образом убивали много зверей. У этих людей были и собаки, они только жирели. [Люди] убивали собак со словами: «Летнюю еду будем есть». Ловили они удочкой рыбу. Поймают рыбу и едят сырую. Съев, [остатки] бросают в стрежень реки со словами: «Рыба, рыбой стань!». На следующий год опять ловят удочкой рыбу. Рыба сухая, как вертел, подойдет к отверстию во льду и не хватает приманку. Тогда они бродят в поисках зверя. А зверь убегает голый. Так и кончился этот народ. Жил он на реке Верхней Катонге (т. е. на Нижней Тунгуске).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Александр Афанасьев (Монго), неграмотный.
1936 г., р. Бурея, Верхне-Буреинский район, Хабаровский край.

На одной реке жили Огинкогиры.[1] Когда они жили, пришло очень много Мокогиров.[2] Придя, [Мокогиры] остановились стойбищем перед [Огинкогирами]. Потом отправили они одного старика к Огинкогирам и сказали:

— Прежде вы вместе со своими сородичами вели войну против наших сородичей. После войны отняли одну женщину. За эту женщину, которую отняли, отдадите [нам] женщину или нет? Ответьте нам, — сказали Мокогиры.

На это Огинкогиры ответили:

— Мы не знаем ту, прежнюю, о которой вы говорите.

Тогда старик сказал:

— С того случая, [когда забрали] мокогирскую женщину, прошло уж очень много времени; в то время я был ребенком, когда об этом говорили.

Огинкогиры заметили:

— Вы, вероятно, старое вспоминаете. Мы же этого не помним.

Тогда Мокогиры сказали:

— Если вы не знаете, то мы знаем.

Потом добавили Мокогиры:

— Что бы ни случилось, мы возьмем женщину. Отдадите [вы] или нет?

На это Огинкогиры возразили:

— Не хотим отдавать женщину. Если победите и убьете нас в борьбе, тогда возьмете.

Мокогиры сказали:

— Давайте биться завтра. Вы или мы — кто-нибудь да победит.

На это Огинкогиры ответили:

— Ну, давайте биться. Мы-то не боимся, у нас хорошие, сильные люди.

Тогда в эту ночь каждый мужчина из Огинкогиров сделал себе лук. Потом, встав утром, устроили изгородь, чтобы через изгородь стрелять друг в друга стрелами.

Перед боем Мокогиры договорились:

— Кто окажется победителем, пусть не оставит никого [в живых]. Если вы победите, не оставляйте [нас], если мы победим, то не оставим [вас].

Тогда начали биться. У Огинкогиров было два хороших молодца-сонинга.[3] Один был сиротой, сыном старухи.[4] Эта старуха [была родом] из Мокогиров. Когда-то после боя она была взята Огинкогирами у Мокогиров. Потом [у нее] родился парень этот. Во время боя старуха сказала парню:

— Не дерись! Ты же знаешь, что Мокогиры твои сородичи.

В битве перебили Мокогиров, очень много людей. Тогда сын старухи, перескочив [изгородь], бросил вызов Мокогирам.

— Ладно! — сказал сонинг Огинкогиров.

Перескочили через изгородь вдвоем. Сын старухи, падая, сказал:

— Я ваш, не убивайте!

Мокогиры сказали:

— Наш товарищ пришел, не убивайте его!

— Это сын той старухи, — сказал старик Мокогиров.

Мокогиры сказали:

— Ну, убьем другого.[5]

На другого напало много людей. Схватили этого человека живым, связали его ремнем. Потом, подправив изгородь, пришли к Огинкогирам. Придя, перебили, убили всех Огинкогиров. За одну женщину, отнятую, убили много мужчин. Мокогиры были невиноваты.

30. Побоище

Григорий Лонтогир, неграмотный.
1931 г., р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Жили два брата. Один из них боец-иничон (букв.: подвижной, бойкий). Тогда была весна. Они жили в чумах. Во время обеда услышали шуршание подходивших на лыжах свойственников. Луки и стрелы тех братьев были снаружи. Подошли пришельцы к лукам и стрелам, взяли стрелы и унесли. Мужики-[братья] сказали:

— Ну, [мы] пропали теперь!

Старший [брат] начал обдумывать, [как быть], начал рыться в коробе для инструментов. Нашел там клюв ястреба, сделал из него стрелу [и] говорит брату:

— Ну, теперь бежим!

Старший взял жерди [и] начал прыгать с помощью их, [чтобы не оставить следов]. Младшему брату сказал:

— Ты иди по реке вниз, на этой реке есть наледь, там у наледи поджидай того, который гонится. Я здесь буду подстерегать со стрелой — клювом ястреба.

Старший, упершись на жерди, спрыгнул к подножию [холма]. Увидал перед собой большую колодину,[1] покрытую снегом. Он хотел было перескочить через колодину, но прыгнул под нее, не задев снега; под колодиной стал подстерегать [свойственника]. Немного спустя услышал, что кто-то подходит, и подумал: «Что это за человек?». Тот подошел к месту, где он подлез [под колодину], поискал вокруг — нигде нет, только следы от прыжка. [Прибежавший] сказал: «Может быть, [спрятался] за колодиной?». Потом ступил на колодину. [Старший брат] из-под колодины сразу же выстрелил ему в грудь. Этот парень тут же упал.

Тогда [старший брат] взял его стрелы, надел лыжи и скрылся в направлении наледи. Быстро дошел до наледи. С опушки услышал, как стреляет [из лука] его младший брат: «Тсс! Тсс!». Стал он вглядываться. Смотрит — младший брат сломал сухой лиственничный сук и им ловит стрелы, совсем не увертываясь.[2] Он подумал: «Ну, что же тут с братишкой поделаешь!».

Начал [младший брат] ждать, пока [противник] перестреляет свои стрелы. Тот перестрелял стрелы, осталась только одна; тогда он сказал:

— У меня осталась одна стрела, ею я теперь убью тебя!

Младший брат сказал:

— Попытайся убить, мне уже настал конец.

Тот пустил изо всей силы последнюю стрелу, [младший брат] поймал ее своим суком. Он сказал:

— Если бы у тебя были и [еще стрелы], то ты [все равно] ничего бы со мною не сделал.

Старший брат подъехал на лыжах по наледи, дал лук младшему, говоря:

— Ну, теперь расправься с ним!

Тогда [противник] сказал:

— Возьму-ка и я сук!

Он взял сук, приспособился [и] сказал:

— Ну, пускай стрелу!

[Младший брат] сразу же спустил в него стрелу, но тот, хоть и попробовал поймать, не смог — в самую середину груди вонзилась [стрела]. Братья взяли лыжи и стрелы [и] пошли домой. Вот они уже подходят к дому. Из чума подымается дым. Стали прислушиваться, слышат слова, которые говорит старик (т. е. отец убитых):

— Где они? Далеко ли уйдут без лыж!

У этого старика парни убили важенку, начали есть костный мозг, разбивая кости: «Паг! Паг! Паг!». Братья прошли на лыжах мимо чума, вдоль спального места. Старик, услышав, сказал:

— Идут!

Они сняли лыжи, открыли дверку. Старик, увидев, воскликнул:

— Кто это принес [этих парней]? Ну, теперь мы пропали!

Братья убили старика и старуху, женились на их невестках. Женившись, начали жить [хорошо].

31. Чангиты

Андрей Коненкин (Хуннгикал), неграмотный.
1931 г., р. Ика, Катангский район, Иркутская область.

Простояв на [одном] стойбище, сорок хозяйств откочевали, остановились на месте побоища. Стойбище устроили на вершине

яра. Одна женщина [на стоянке] забыла аркан. Эта женщина пошла на старое стойбище искать аркан. Дойдя до стойбища, услышала шум камлания. Привязав верхового оленя, [она] пошла незаметно посмотреть; смотрит — пришли сорок человек и шаманят на [их] старом стойбище. Шаманили, шаманили эти сорок мужчин, потом начали рубить [оставленные] остовы чумов. Эта женщина поехала на олене к своим чумам. Приехав, рассказала:

— [Я] видела много чангитов.[1]

Этой женщине не поверили. У мужа этой женщины был старший брат. Эта женщина начала обматывать [ремешком] волосы[2] брата своего мужа [и], напевая, сказала:

— [Жаль], вот скоро эти волосы будут лежать подо мхом.

Сердце этого человека почувствовало недоброе. Он взял себе в товарищи мальчика, пошли они на озеро ловить рыбу. Забрали они луки, стрелы. В самую полночь услышали громкий крик [чангитов]. [Он] загасил водой из котелка огонь, чтобы не светил.

У одного человека чум стоял на самом краю яра. Он подскочил к малу[3] чума, [схватив] и размахивая покрышкой чума, скатился по откосу и нырнул в реку, бросив покрышку вниз по течению. Чангиты начали стрелять по берестяной покрышке. Пока не ушли [они], человек пробыл на берегу. [Они] перебили всех мужчин на стойбище. По самой середине яра протекал ручей, на другом берегу тоже стояли [эвенки] стойбищем. Чангиты этих не видели. Один старик [из стойбища], выйдя по нужде, закричал:

— Чего это шумите?!

Чангиты услышали старика, пришли на это стойбище, всех убили. Мужик, нырнувший [в воду], тихонько вышел из воды, пошел к рыбакам, к своим товарищам. На рассвете они услыхали, что [чангиты] откочевали, увели их жен. Слышат — сильный плач раздается. Когда [чангиты] ушли, рыбаки пришли домой. Этот мужик начал собирать людей в погоню за чангитами.

Собрали стрелы с убитых. Старухи им указали, [куда чангиты ушли]. Мужики погнались. Чангиты остановились на отдых посреди мохового болота. Мужики, зайдя вперед, на краю болота стали следить за ними. Чангиты зашевелились. Старший [из мужиков] указал своим товарищам:

— Впереди [каравана] будет шаман, за шаманом пойдут их главари. Постарайтесь убить их.

Вот идут чангиты. Когда подошли к [спрятавшимся] очень близко, старший выстрелил прямо в шамана. Другие выстрелили в их главарей. Одному главарю, который увертывался, попали в икру [ноги]; остальные от стрел начали разбегаться по болоту. Перебили всех чангитов, вернули своих жен. Один чангит, убегая сказал:

— Женщины, женщины, возвращайтесь [домой]!

32. Женщина и чангит

Иркума Лопа, род. в 1923 г., грамотная.
1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина, выйдя [из чума] по нужде, увидала чангита.[1] Чангит прижал голову к земле.[2] Женщина пошевелила его волосы, сказала:

— Что это за кочка со мхом? Что это такое твердое?

На чангита, на кочку помочилась. Женщина, увидевшая чангита и потрогавшая его голову, сказала соседке-свойственнице:

— Я видела чангита. Стаскаем одеяла в один мой чум.

Другая женщина сказала:

— Чего это ты на все обращаешь внимание!

[Первая] женщина уложила детей другой женщины на вьючные сумы. Мать же их легла спать у себя в чуме.

Женщина, увидевшая чангита, поставила большой чум. Внутри его положила одеяла. Сама спряталась с топором под покрышками внутри чума. Чангит пришел, соседку-свойственницу убил. Потом пошел в другой чум. Вошел в чум, загасил огонь. Женщину не видит. Женщина незаметно ударила топором чангита. Чангит закричал: «Хулангаик! Хулангаик!».[3] Потом он умер.

33. Женщина

Аркалик Мукто, грамотная.
1935 г., р. Нидымкан, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина у колодины[1] мочилась. Чангит[2] забрался в дупло колодины. Женщина потеребила его голову, сказала подруге:

— Женщина, я видела чангита. Точи топоры!

Другая женщина сказала:

— Чего это ты следишь за чангитами? Не верю [тебе]! Не стану точить!

[Первая] женщина положила детей вдоль вьючных сум, стоявших в ряд. Детей уложила спать и укрыла их. [В чуме] сунула в одеяло кафтаны; у края костра положила два полешка. Пришел чангит. Убив другую [женщину], не поверившую, он пришел к той, которая мочилась. Загасил покрышкой огонь в чуме. Тогда женщина эта ударила чангита по голове топором. Чангит сказал: «Хулагаик».[3]

На утро эта женщина вытащила вон чангита. Сыновья ее пришли домой. Эта женщина сказала [одному]:

— Твоя жена, мне не поверившая, убита.

Муж той женщины сказал:

— Ты-то как спаслась? Ты же не убита.

Мужчина этот разрубил чангита и сжег на костре.[4] Начал плакать по жене.

34. Эвенк и чангит

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1916 г., грамотная. 1945 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Жил эвенк с женой. Домик у них был высоко [от земли], как ла́баз,[1] [для защиты] от чангитов.[2] Когда муж уходил на охоту, жена подымала бревно-лесенку к себе вверх; когда он приходил, сбрасывала вниз.

Однажды муж ушел на охоту. Собаки его начали лаять на лося. Он погнался. Вспотел, бросил рукавицы, бросил шапку. Чангит подобрал их и надел. Побежал к его жене. Добежал до жены, начал кричать:

Бабонька-дружок,
Лесенку сбрось!
Борболе! Борболе![3]

Жена услыхала. Испугалась изменившегося голоса. Запела:

Не стану, не стану бросать!
Борболе! Борболе!
Голос у тебя чужой!
Борболе! Борболе!

Враг запел:

Дружок бабонька!
Борболе! Борболе!
А что скажешь —
Борболе! Борболе! —
Если брошу рукавицу?
Борболе! Борболе!
Посмотри на свою работу!
Борболе!

Бросил женщине рукавицы. Женщина посмотрела. Узнала рукавицы, свою работу. Но все еще не верит, поет:

Почему у тебя такой голос?
Борболе!

Враг запел:

На собак кричал —
Борболе! Борболе! —
Голос потерял!
Борболе! Борболе!
Брошу-ка шапку —
Борболе! Борболе! —
Наверняка поверишь!
Борболе! Борболе!

Женщина поверила, сбросила лесенку. Враг поднялся со смехом:

— Ха! Ха! Ха! Как же мне не обмануть такую хорошую женщину? — сказал женщине: — Теперь я уведу тебя домой как свою жену.

Женщина сказала:

— Возьми все вещи, меня оставь!

Враг сказал:
— Я не хочу брать вещи, я хочу взять тебя.
Взял и увел [ее]. Скоро пришел муж. Закричал:

Женушка-дружок! Борболе! Борболе!
Лесенку сбрось! Борболе!

Жены нет. Тишина. Опять закричал со слезами:

Жива ли ты или нет? Борболе! Борболе!
Очень устал я! Борболе!

Никого нет. Сделал другую лесенку, поднялся. Жены нет. У сосны спросил:

Сосенка-братишка! Борболе! Борболе!
Не видала ли жены? Борболе!

Сосна сказала:

Нет, не видала! Борболе! Борболе!
Спроси у лиственницы! Борболе! Борболе!
Лиственница счастливая, Она все знает. Борболе!

Спросил у лиственницы:

Лиственница-братишка! Борболе! Борболе!
Не видала ли жены? Борболе!

Лиственница запела:

Видела! Видела! Борболе! Борболе!
Чангит увел ее. Борболе!

Человек запел:

Куда увел? Борболе! Борболе!

Лиственница сказала:

[В сторону] захода солнца ушел! Борболе! Борболе!
Туда иди! Борболе!

Человек пошел к шаману. Пришел, спросил:
— Что мне делать? Чангит увел мою жену.
Шаман сказал:
— Сейчас не ходи. Иди через девять месяцев.
Дал человеку три лучины, сказал:
— Зажги одну, оставь дома. Сам в три месяца обойди землю. Вернувшись, посмотри на лучину. Если вся сгорит, найдешь жену. Если нет, то плохо. Ходи так три раза.

Человек зажег лучину, отправился. Вернулся через три месяца, лучина не сгорела — осталась с палец. Зажег вторую. Второй раз пошел в обход. Вернулся опять через три месяца. Лучина осталась с наперсток. Человек рад — его лучины предсказывают хорошее. В третий раз пошел в обход. Опять вернулся — лучина сгорела. Человек пошел к шаману, рассказал обо всем. Шаман сказал:

— Теперь хорошенько приготовься. Сделай себе хороший лук, стрелу с железным наконечником. Иди искать жену.

Человек хорошо приготовился, наделал много стрел. Крепкий лук сделал. Пошел в сторону заката солнца. Три дня шел, дошел до чангита. Подойдя к его двери, закричал:

Чангит! Чангит!
Борболе! Борболе!

Ну, если ты силен, выходи!
Борболе!

Враг запел:

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Зубы наточу —
Борболе! Борболе!

[Чтобы] укусить, если ослабну!
Борболе!

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Детей поцелую (букв.: понюхаю).

Борболе! Борболе!
Может быть, побежден буду.
Борболе!

Человек не ждал. Открыл с силой дверку. Видит — чангит пытается убить его жену. Выстрелил он в него, попал в ухо. Убил чангита, освободил жену, увел ее домой.

35. Киндыгир и чангиты

Николай Шаньгин, грамотный.
1936 г., р. Верхняя Ангара, оз. Байкал, Северо-Байкальский район, Бурятская АССР.

Жили четыре брата, одна сестра и двое мальчишек [из рода Киндыгир]. Они очень боялись чангитов.[1] Ребятам сказали, чтобы [они, сидя на деревьях], смотрели хорошенько, не прозевали бы [чангитов].[2] [Братья] вошли в чум. Сестра нашла табак, братья закурили. Ребята, забравшись на деревья, кричат повороньи:

— Близко не видно, поблизости нет!

Дети прозевали чангитов. Три брата слишком много курили, у них закружились головы. В их чумы начали стрелять чужие — чангиты. Они выскочили из чумов. Начали биться с чангитами. В конце концов старший сказал [своим братьям]:

— [Вы] стреляете, не очень-то увертываясь.

Лишь только он так сказал, средний [брат] ослаб и упал без чувств; [враги] его застрелили, убили. Потом убили второго брата, и только тогда убили и [старшего]. Сестра, когда братья были убиты, убежала, надев их одежды.[3] Теперь чангиты выстрелили в нее и убили.

Чангиты пришли, посмотрели — [оказывается], они убили девушку. Заплакали по девушке.[4]

— Откуда мы могли знать, что она может попасть под выстрел? Если бы следовала традиции (букв.: была бы настоящим человеком), сидела бы в чуме!

Парнишки убежали, спрятались от чангитов. Чангиты зовут их, чтобы убить. Среди чангитов был один человек, взятый от Киндыгиров. Этот Киндыгир, ища [ребят], увидел парнишку. Увидев, остановился, начал мочиться, чтобы другой чангит не обратил внимания. Когда его товарищ обошел [его] стороной, Киндыгир подошел к парнишке, сказал:

— Поведай о Киндыгирах, я когда-то и сам был Киндыгиром.

Дал парнишке кремень для высекания огня. Этот парнишка вернулся к Киндыгирам. С тех пор и стали об этом рассказывать.

36. Бэрко и чангиты

Никита Сахаров (Чакигир), род. в 1916 г., грамотный.
1937 г., р. Тунгир, Тунгирский район, Читинская область.

Летом много матов (т. е. эвенков), стоя на одном стойбище, пели песни, веселились. Эти маты, веселясь, целое лето ничего не делали. Они только и знали одно веселье. Прежде эвенки зиму охотились, а летом отдыхали. Они летом ели то, что заготавливали зимой. Среди них был один мата. У него были жена и младшая сестра; детей не было. Имя его было Бэрко, имя сестры — Тоган, имя жены — Чипа.

В то время они веселились все лето. Бэрко был сильным человеком, мастер бить зверя; он ничего и никого не боялся. Каждого зверя, которого Бэрко видел перед собою, он убивал. Он был сыном Буллэтов.[1] Бэрко взял жену от Нгангагиров;[2] Чипа была из рода Нгангагир. Летом они жили с родней жены.[3] Родня очень любила зятя. Буллэты были очень богатыми. Нгангагиры отдали дочь богачу.

Пока они так веселились, приближалась зима. Настала зима, пошел снег. Бэрко-мужик, когда началась зима, уехал от родных. Они сговорились встретиться весной. Уезжая, Бэрко говорил тестю:

— Ну, старик, хорошенько бей белок. Весной встретимся.

Тесть, уйдя вперед, вернулся к зятю. Подойдя, сказал:

— Ну, зять, если найдешь что-нибудь для еды, принеси гостинца — часть туши убитого зверя.

Бэрко-мужик, уехав от родных, всю зиму охотился. За эту зиму он [с семьей] съел много зверей. Они за зиму съели пять медведей. Пока они кочевали зимой, подошла весна. Бэрко на охоте встретил мату. Этот мата тоже охотился. Бэрко начал его спрашивать:

— Чьего ты рода?

Мата сказал:

— Я нгангагирский.

— Я этих Нгангагиров знаю.

Сказав так, Бэрко спросил:

— Кто твой отец?

— Мой отец человек по имени Хонгта.

Бэрко голову почесал, почесал и сказал:

— Я такого родственника не знаю. Никогда не слыхал о Хонгте, — и добавил: — Завтра познакомимся.

Мата сказал:

— Ну, завтра познакомимся. Вот, мата, завтра прикочевывайте к нам.

— Прикочуем, — сказал Бэрко.

Бэрко, придя домой, своим рассказал:

— Я встретил мату, встретил человека из рода Нгангагир. Они стоят вверх по той речке. Я ему сказал: «Мы завтра прикочуем к вам».

Жена [4] сказала:

— Хорошо, откочуем.

На утро они отправились в кочевку. Бэрко-мужик пешим пошел вперед. Тоган привела оленей. Чипа начала складывать вещи. Бэрко дошел до маты, начал ставить жерди чума. Поставив остов, пошел за дровами. Подрубил дерево около задней стороны чума матов. Около их вещей свалил дерево. Прошел Бэрко около вещей матов. Проходя, увидел на вещах матов что-то страшное. Увидев, сказал:

— Ну, к худым [людям] пришел.

Сказав так, пошел к приготовленному остову чума. Доносятся уже звуки каравана. Бэрко-мужик задумался, как уйти от чангитов.[5] Пришли его хозяйки.

— Вот, — начал он рассказывать, — мы пришли к худым людям: на их вещах я видел что-то худое. Чангиты-то, вероятно, людоеды. Давайте откочуем. Вы покройте половину чума,[6] поймайте оленей, навьючьте их и отправляйтесь кочевать. Я же пойду к [этим] людям в гости.

Уходя в гости, он сказал:

— Отправляясь кочевать, привяжите для меня самого быстрого верхового оленя.

Бэрко-мужик взял нож, пошел в гости. Семья его начала собираться откочевывать. Тоган пошла за оленями. Чипа накрыла половину чума, ту сторону, которая выходила к чангитам. Тоган

привела оленей. Когда начало темнеть, они навьючили оленей, отправились. Всю ночь шли. Для своего мужика привязали самого быстроногого оленя.

Когда Бэрко пришел в гости к чангитам, они посадили его на малу[7] за костром. Бэрко, войдя и сев, начал рассматривать. В котле у них варилось мясо. Сидели двое мужиков. Один мужик очень широкий, похож на сонинга.[8] Они угостили гостя чаем. Стали варить мясо в котле. Пока он сидел как гость, другой мужик рассказывал о том, что он якобы видел. Когда стемнелось, пришло еще два человека. Оба сильные мужики. На Бэрко напал страх. Он уже порядочно сидит у чангитов. Бэрко собрался домой. Они говорят:

— Посиди, еще выпьем чаю.

Опять начали пить чай. Бэрко опять собрался уходить, попив чаю. Они не пускают. Мать чангитов у дверки посматривает. Она сказала:

— Твоя семья уже спит.

Бэрко сделал попытку выйти. Когда добрался до дверки, они поймали его. Бэрко ударил ножом схватившего. Другие вскочили, пытались ударить ножом Бэрко. В тот момент, когда они замахнулись, Бэрко заслонился их детьми. Они закололи своих детей. Таким способом Бэрко еле-еле выскочил через дверку. Когда он вышел, они подняли крик. Начали драться друг с другом. Один сказал:

— Это ты выпустил его!

Бэрко в тот момент, когда они дрались, побежал к своему чуму. Там привязан его верховой олень, рядом висит его лук. Бэрко взял лук и поехал на олене по следам своих. Ехал, ехал, потом, объехав свои следы, вернулся [назад]. Начал подкарауливать чангитов. Вот чангиты идут на лыжах.[9] Передний быстро катится. Третий из чангитов тащит груз на себе. Самый сильный из них говорит:

— Смотрите, не потеряйте чайников. Сейчас встретим и убьем его.

Бэрко-мужик очень рассердился, услышав слова чангитов. Начал стрелять в шедших. Всех чангитов перебил. Убив трех чангитов, вернулся к их чумам, убил их жен, пошел обратно. Зашел вперед, прислушался. Старуха бормочет, чистя котел: «Эх, жирного человека упустили».

Он вошел в чум. Схватил за голову эту чистившую, сунул головою в огонь. Пока он возился со старушонкой, из глубины вылезла девочка. Бэрко не видел выходившую девочку. Он сказал:

— Я всех чангитов и их женщин перебил.

Перебив всех, он погнался по следам своих. Долго гнался за ними. Хозяйки ушли очень далеко. Наконец догнал Бэрко-мужик своих хозяек. Его родные боялись, думая: «Нашего мужика убили».

Придя, он начал пить чай. Кончил пить чай, говорит:

— Я прикончил всех чангитов. Теперь они не придут.

Семья его обрадовалась. «Цел наш мужик, не убили его», — говорят. Они собрались кочевать. Сложив покрышки чума, начали есть. Во время еды Тоган посмотрела вверх по реке. Глядя, увидела кого-то, [идущего] вверху по [льду] реки. Она сказала брату:

— Брат, кто-то там мелькает на льду.

Брат спросил:

— Где?

Начал смотреть. Вглядываясь, увидел — много чангитов катится по льду на лыжах. Бэрко-мужик сказал:

— Это идут чангиты.

Начал он думать, как поступить — бежать или стрелять. Бэрко сказал жене:

— Не будем стрелять, их очень много. Ты ложись под застругу.[10] Мы останемся с Тоганой, — объяснил [Бэрко] жене.

Он сказал Чипе:

— Если чангиты убьют меня, ты откочевывай к своим братьям.

Чипа не глупа (букв.: Чипа как Чипа), влезла под застругу. Бэрко и Тоган остались. Вот чангиты стали приближаться. Вот уже совсем близко подходят чангиты. Их было восемь. Чангиты окружили Бэрко. Чангиты, запугивая их, сказали:

— Будете плохо разговаривать, убьем! Наших сородичей кто убил? — спросили они у Бэрко.

Бэрко сказал:

— Я ничего не знаю.

Тогда чангиты сказали им:

— [О том, что] наших сородичей убили, нам рассказала одна девочка. Убежала она, когда они бились. Эта девочка едва пришла.

Один чангит сказал:

— Ну, тогда вы помогите нам отомстить убийце.

Чангиты, запугав их, увели. Бэрко дали очень хорошие лыжи. И Тогане дали очень хорошие лыжи. Оба они были быстроходами, а брат был особо быстрым [на ходьбу]. Чангиты очень торопились. «[Убийцы] могут далеко уйти», — говорили.

Ну вот, все отправились на поиски убийц. Идут, дошли до следов оленей [сородичей]. Сородичи (букв.: враги) долго жили на одном месте, их олени разбежались очень далеко. Чангиты очень долго искали следы убийц. Они не нашли их следов. Поэтому очень рассердились. Один чангит очень быстро пошел вперед. Идя впереди, он остановился. Чангит сказал [Бэрко]:

— Иди ты впереди!

Бэрко пошел впереди. Сестра идет за ним. Бэрко пошел быстро, он подумал: «Мою сестру чангиты убьют, [если догадаются]». Идя, посмотрел назад, в направлении сестры. Сестры не видно, только чангиты идут. Он пошел быстрее. Бэрко сильно

рассердился, когда убили его сестру. Он отскочил в сторону. Отскочив, начал стрелять в чангитов. Тогда Бэрко убил много чангитов. Трое из них убежали.

Чангиты, проголодавшись, направились затем домой. Чангиты потеряли Бэрко и, потеряв, пошли домой. Бэрко тоже пошел к их чуму. Там на улице его подстерегал один человек. Бэрко-мужик увидел его. Увидев, начал прислушиваться. [Слышит] — в чуме проголодавшиеся насыщаются. Бэрко выстрелил в их сторожа. Этот сторож сразу упал. Евшие в чуме говорят:

— Стереги хорошенько!

Сторож не откликнулся. Бэрко спустил стрелу в лоб сторожу. Из чума спрашивают сторожа:

— Ты не замерз?

Сторож не отвечает. Чангиты говорят:

— Почему не отвечает?

Один чангит вышел. Вышедшего Бэрко убил. Чангиты говорят:

— И этот мужик ушел.

Они посмотрели на своего мужика. Мужик их мертв. Чангиты подняли шум. Главный из них сказал:

— Я ничего не боюсь.

Сказав так, он выскочил. Падая [после выстрела], чангит сказал Бэрко:

— Если ты хочешь убить (букв.: съесть) меня, то убивай уж всех!

Бэрко убил главаря чангитов. Чангиты очень испугались Бэрко. Ни один из них не вышел из чума. Чангиты всю ночь прятались в чуме от Бэрко. Бэрко-мужик всю ночь подстерегал чангитов. Чангиты ночью не выходили. Бэрко-мужик задумался. В ту ночь была сильная вьюга. Бэрко сильно замерз. Продрогнув, он сказал:

— Чангиты, выходите из чума! Если выйдете, я не стану вас убивать; если не выйдете, я сейчас же перебью вас!

Чангиты поверили ему. Поверив, они вышли. Когда они выходили, Бэрко-мужик начал стрелять.

Бэрко рассказывал:[11]

— Я начал убивать всех выходящих чангитов. Я перебил чангитов. Но один из чангитов не вышел, остался. Я, перебив чангитов, вошел в чум. Входя, я увидел одного чангита. Чангит, увидев меня, закричал, громко закричал: «Эй, мата, не убивай, я на тебя буду работать!». Я, — рассказывал Бэрко, — был очень сердит на тех за то, что убили мою сестру. Я этому чангиту отрубил пальмóй[12] голову. Убив всех чангитов, я вспомнил о сестре. Вспомнив, я везде искал ее следы. Нашел то место, где убили сестру. На этом месте сестры нет, только ее кровь. Я остался один. Я остался без жены и сестры. Оставшись один, плакал и скучал. Скучая, вспомнил, что жена влезла [под застругу]. С тех пор как договаривались, прошел один месяц. Я много раз вспоминал

жену, вспоминал, как она влезла в снег. В то время, когда я бился с чангитами, я никого не вспоминал. Вспомнив о жене, я направился к тому месту, где она влезла под застругу. Дошел до того места, где была жена. Жены нет на этом месте. Она вылезла из-под заструги. Я начал искать дорогу, по которой пошла жена. Увидал, что она откочевала. Погнался по следам жены. Очень долго гнался за ней. Моя жена торопилась прийти к сроку, назначенному ее отцом. Я догнал жену на десятый день. Догнал, и мы направились кочевать в назначенное место. На третий день добрались до места. На этом месте стояло очень много матов. У этих матов жил и мой тесть. Я рассказал [обо всем], встретив этих матов.

У матов было три шамана. [Эвенки] остановились на стойбище, заставили шамана шаманить. Шаман, посмотрев, сказал:

— Очень много чангитов гонится по вашим следам.

Другой шаман сказал:

— Ты большой лгун!

Самый большой шаман сказал:

— Медведи, волки шаманов ведут.[13] Очень много чангитов идет, — и он добавил: — Ну, мужики, хорошенько готовьтесь, идут сонинги чангитов.

У эвенков тоже были сонинги. Некоторые из эвенкийских сонингов ничего не боялись. Маты ежедневно поджидали чангитов. Маты опять заставили шаманить самого главного шамана. Когда шаман шаманил, порвались кисти-бахрома его плаща, сломалась колотушка. Шаман кончил шаманить. Кончив, сказал:

— Чангиты подходят.

В ту ночь шаманы эвенков умерли. На эвенков напал страх. Когда залаяли собаки, одна женщина вышла к вещам. У вещей залегли чангиты. Женщина, как бы не заметив их, вошла в чум. У эвенков луки были снаружи.[14] Прежде эвенки держали луки снаружи, чтобы тетивы не пересыхали. Если оставить в чуме, тетивы пересохнут. Эвенки никак не могут взять свои луки. Тем временем чангиты начали спускать стрелы. Эвенки выскочили без луков. Они в этот день не выставили сторожей. Чангиты убили очень много эвенков. Эвенки тоже много их убили. Если бы у эвенков луки были в чуме, то они победили бы чангитов. Чангитов было очень много.

37. Человек и чангит

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Это было очень давно. На устье притока большой каменистой реки, у подножия большой горы подымался дым из одного чума. Около чума лежали два оленя. У костра [в чуме] играл ребенок, начинающий ходить. Около чума стояли ряды вьючных сум.

В чуме сидела женщина и штопала унту. Эта женщина поджидала мужа. Муж был на охоте. Женщина думала: «Бог не посылает зверя, мука уже кончилась». Муж этой женщины охотился три дня и, никого не убив, возвращался домой. Возвращаясь, он увидел в долине человека, шедшего к притоку [реки]. Этот человек был чангитом.[1] Встретившись, они поздоровались, сели на колодину[2] и закурили. Чангит спросил человека:

— Ты за каким зверем охотишься?

Человек ответил:

— Я охочусь только за четвероногими зверями — свистящими, шипящими и зимой спящими.

Чангит сказал:

— Я таких зверей не признаю, я охочусь за двуногими. Я нашел тебя. Сейчас я тебя съем.

Человек очень испугался и говорит:

— Ты не убивай меня, у меня есть сын. Ты приходи ко мне завтра. Еще не входя в чум, открой рот и загляни в чум. Я брошу тебе в рот своего сына.

Чангит согласился. Сговорившись, оба разошлись по домам. Человек, придя домой, начал рассказывать жене:

— Я встретил чангита. Чангит собрался съесть меня. Я должен отдать ему сына. Завтра он придет.

Мать, услышав об этом, расплакалась, жалея сына. Ночь проплакала. Утром, встав, стала месить тесто. Много теста приготовила. Начали поджидать чангита. Вот слышат — чангит идет, распевая:

Дён, дён, дён, ден!
Поем, поем, поем!
Вку-вку-вкусное
Мя-мя-мясо!
Ско-ско-скорей
Бро-бро-бросайте
Сы-сы-сына
В гло-гло-глотку!
Ис-ис-иссохла она,
Мя-мя-мяса не, не, не поев!

Распевая, чангит вдруг разинул пасть и заглянул в дверку. Как только он заглянул, человек бросил ему в пасть тесто. Пасть чангита наполнилась тестом. Чангит запел:

Эх, чол-чол-чолдон!
Эх, лич-лич-личар!
Эх, тып-тып-тыпар!
Эх, пло-пло-плохое!
Эх, мя-мя-мясо!

С этой песней чангит исчез. Лишь только чангит исчез, человек переловил оленей и откочевал в далекие места.

38. Манги-чангит

Екатерина Маркова (Чакигир), род. в 1900 г., неграмотная.
1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Прежде эвенки передвигались на лодках. У них не было верховых оленей, не было оленей вообще. Они охотились.

Давно жили манги.[1] Манги были чангитами.[2] Они ездили верхом на конях.

Тогда же жил охотник. Когда начало темнеть, манги пришли к человеку. У человека были дочь и жена. Жена вываривала кости, собиралась получить жир. [Вываривая], взглянула вверх. На скалах увидела чангитов. Тихонько произнесла:

— Чангиты пришли!

Муж ее нагрузил лодку. Она дернула дочь за ухо, закричала:

— Как это ты не можешь найти оленью кровь? Вон туда я всегда клала, едва [пузырь с кровью] притащила. Всегда на том месте лежит! Всегда там лежит!

Она взяла дочь на руки и вышла из лодки. Потом они поплыли вниз по реке со словами: «Вот, просверлили все-таки лодки».[3]

Чангиты закричали:

— Упустили добычу!

Была еще женщина из чужого рода. Чангиты пришли к другим [эвенкам], у речушки залегли [между кочками]. Женщина пришла за водою. Увидала, тихонько сообщила второй:

— Чангиты пришли. Давай не убегать, а рвать увядшую траву для стелек.

Вторая сказала:

— Давай выдирать их волосы.

Начали выдергивать [волосы] у залегших. Чангиты говорят:

— Ах ты, такая-сякая!

Тогда женщины бросились бежать от чангитов. Чангиты отстали от них.

39. Куривуль и манги

Кокотой Нюшкагир, род. в 1875 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил человек Куривуль. У него было два младших брата. Куривуль женат, те холостые. Они жили охотой. Жена бывало скажет:

— Боюсь я — оставляешь меня дома одну. Не оставляй, страшно!

[Тогда] он построил ей высокое жилище — ла́баз,[1] поднял туда жену. А чум остался на земле до его прихода. Вечером, набродившись и наохотившись, он возвращался. Все трое днем охотились в разных местах. Куривуль на охоте убил дикого оленя, собака его задрала медведя. Начал Куривуль свежевать зверя. Обычно при свежевании он сдирал шкуру от головы. А сейчас по ошибке начал сдирать к голове. Ругнулся мужик. Посмотрел, а манги[2] уносит его жену. Жена крикнула:

— Вот, оставлял меня, теперь один без меня намучаешься!

Куривуль взял стрелу и пустил [в манги], но промахнулся. Манги этот улетел к его младшему брату. Посмотрел [Куривуль] вверх, [вспомнил слова жены]: «Ты, друг, меня стереги!». Пустил

он стрелу [в манги], немного промахнулся. К младшему брату — Нике полетел. Взглянул [Куривуль], услышал голос [жены]. Схватил лук, стрелы, выстрелил и задел хвост [манги]. Пролетел [тот] мимо.

Братья-мужики вернулись домой. Они знали, где [манги] живет. Стрела не может его пробить — все бока железные (т. е. в броне). Куривуль кузнец. У него [тоже все железное], только рот без железа. Тогда Куривуль выковал железо для рта. Выковал для себя и для младших братьев, [включая] Нику. Младший брат Ника — сильный мужик. Пошли они тогда к манги. Дошли до него. Живет он в деревянном доме. Позвали его, вышел [тот]. У манги есть большие лук и стрелы. Тогда Ника сказал:

— Давайте ловить ртами стрелы, когда они, пущенные вверх, будут падать.

Манги пустил вверх стрелу. Ника поймал ртом падающую стрелу. Упала стрела ему в рот. Тогда Ника пустил вверх стрелу. Манги открыл рот, чтобы поймать стрелу. Стрела упала в рот манги, прошла через все внутренности и вышла в анальное отверстие. Сразу же убила его. Вошли [братья] в избу манги. Жена никак не узнает их. Манги испортил ей зад. Взяли жену, увели домой. Она не может сидеть — падает. Испорчен у нее зад. Тогда Куривуль выковал шуруп, вставил ей в зад. После этого она прожила только годик и умерла.

40. Чакиптула

Мария Комбагир, род. в 1922 г., грамотная.
1935 г., оз. Неконгда, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чакиптулы было две жены. Одна была только что взятая, другая — старая. Чакиптула ушел, пошел охотиться. [У них] ощенилась собака. Чакиптула пришел домой. [Вторая] жена сказала:

— У твоей жены ребенок щенком пищит.

Чакиптула пришел в чум старой жены. Посмотрел и, [увидав щенка], ушел вместе с другой женой на озерко. У оставшейся жены родился сын, пока она жила в старом чуме. Искала [она] по речкам налимов. Нашла одного налима. Тот спросил:

— Что с тобой?

— Меня Чакиптула бросил в чуме. Нечем кормить сына.

Этот налим сказал:

— У меня ничего нет, у меня только печень.

Она сказала:

— Давай ею кормить.

Начали выкармливать сына вдвоем с налимом. Потом сын подрос, всякого [зверя] начал бить. Однажды мать сказала:

— Иди к отцу. Он откочевал на озеро. Иди и не забывай напевать: «Чакиптула! Чакиптула!», — сказала мать.

Так, напевая, он ушел. Идет и поет. Перепрыгивая через реку, забыл [слово]. Опять вернулся к матери. Мать сказала:

— Что с тобой случилось? [Зачем] сюда вернулся?

— Забыл [слово].

— Не забывай, все время пой.

Так, напевая, опять ушел. Не забыл песни. Дошел до людей. [Отец] спросил его:

— Что тебе?

— Мой отец, по имени Чакиптула, пришел в этот чум, — сказал он. — Не ты ли это?

Мужик, [увидев сына], побил свою жену, которая заставила оставить сына, и с ним ушел.

41. Мальчик

Дюлинча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил мужичишка эвенк. У него было две жены. Одна жена сердится, плохо обращается, другая хорошо обращается. Муж эту жену не бил. [Эта] жена его родила мальчика. А первая жена спрятала мальчика, подложила [взамен] мешок. Пришел муж (букв.: человек), первая жена сказала:

— Жена твоя родила пустой мешок.

Как только она сказала о мешке, муж рассердился, сказал:

— На худую жену сержусь; оставлю тебя!

Оставил он одну жену в старом чуме. С другой женой откочевал. Спрятанного ребенка та женщина утопила в реке. В этой реке ребенка нашел налим, начал его воспитывать. Выкормил ребенка. Он начал ходить. Эвенкийка-мать увидала на берегу, на песке следы ребенка, сказала, догадываясь:

— Уж не моего ли сына след?

Сделала для ребенка маленькие унты: одну сделала совсем маленькой, другую побольше. Ребенок стал жить в воде. Он по песку начал ходить, по берегу. Там нашел унты, сделанные его матерью. Мальчик начал их надевать. Одну, которая поменьше, не смог надеть, другую надел хорошо. Мальчик заплакал, не сумев надеть. Мать услыхала его плач. Прибежала, схватила сына, надевавшего унты. Налим сказал:

— Моего сына уносишь! Что ты собираешься делать?

Эвенкийка сказала:

— Мой он! На реку пошел, а ты поймал.

Потом мать начала воспитывать сына. Сын стал мужчиной. Большим стал. Начал охотиться на зверей. Стал их убивать. Мать говорит:

— Пойдем по следам отца!

Пошли по его следам. Пришел он к отцу, догнав его. У отца заночевал. Отцу нечего есть. Ложась спать, этот парень говорит отцу:

— Давай-ка поговорим о прошлом.

Пришедший парень начал рассказывать:

— Вот мой рассказ. Жена [одного] мужика родила. Вторая [жена] спрятала ее сына, подложила мешок, утопив ребенка в реке. Налим воспитал ребенка. Мать нашла его. Увидав на реке след, сшила унты. [Когда ребенок вышел на берег], мать схватила плачущего, утащила домой. Схватив, начала сына воспитывать, пока он не стал мужчиной. «Ну, — сказала сыну мать, — пойдем по меткам и следам отца». Этот парень теперь нашел отца. Ты знаешь этот рассказ? Жена его, которую он оставил, в старом чуме.

У отца этого парня дрогнуло сердце.

— Малыш, — сказал он, — я оставил свою жену в чуме, когда она родила мешок.

Потом парень сказал:

— Мою мать ты оставил не одну, — говорит парень. — Я стал мужчиной, пошел по этой дороге.

У этого парня в пупе появилось золото. Он показал отцу пуп-золото. Утром этот парень ушел охотиться, убил дикого оленя, принес отцу ногу. Отец содрал камыс с ноги, чтобы съесть. А ногой этой ударил жену-[обманщицу] так, что у той треснул череп. Жена умерла.

—Если бы ты не спрятала сына, [мы] бы не голодали. Меня обманула, говоря: «Мешок родила».

Муж вернулся ко второй жене. Тогда сын, у которого было в пупе золото, умер. Его положили глубоко в землю.

С тех пор золото появилось на дне земли. Если бы не покрывали могилу землей, золото до сих пор было бы на поверхности земли.

42. Дептылы

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная. 1946 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Дептылы прикочевали к эвенкам. Эвенки не знали, что те были худыми людьми. Дружили с ними, жили на одном стойбище. Дептылы начали сватать [у эвенков] девушку. Эвенки отдали [девушку], стали сватать их девушку [для себя]. Посватали. Дептылы откочевали отдельно. Они берегут девушку: не заставляют работать, кормят хорошим мясом. Девушка не может понять, почему за ней так ухаживают, говорит: «Такие хорошие!».

Эвенк пришел в гости к Дептылам. Эвенкийка, [жена Дептыла], сказала брату:

— Мне хорошо жить. Меня не заставляют работать, кормят меня лучшим мясом.

Она послала матери [подарок] — нагрудник. Он ушел домой.

Девушка эвенкийка, живя у Дептылов, узнала, что ее хотят принести в жертву.

Однажды они начали шаманить, собрались в одном чуме. Девушку вместе с детьми отправили в чужой чум. Дети подошли к ней. Держа ее руки, говорят:

— Это будет моя игрушка.

Другая говорит:

— Нет, моя!

Девушка спросила:

— Почему вы хотите взять мои бабки от меня живой?

Ребята сказали:

— Утром тебя принесут в жертву.

Девушка поняла и обманула детей:

— Вы спите, а я пойду по нужде.

Выйдя вон, положила на пень свой кафтан. Сама надела другую одежду и побежала по тропе. Дети пошли посмотреть. Увидели пенек [с кафтаном] и говорят:

— Вон она присела.

Утром пришли Дептылы, чтобы ее убить. Но девушки нет. Девушка подошла к склонившемуся дереву и влезла [на него]. Затем с него спрыгнула и нырнула под снег. Дептылы пошли искать, гоняясь по ее следу. Дошли до наклонившегося дерева, там след исчез. Дептылы так и не смогли найти ее. Вокруг дерева ходили на лыжах, не смогли ее отыскать. Шаман их шаманил, тоже не смог найти. Говорят они:

— Шаман [эвенков] сильнее. Не станем с ними воевать.

Откочевали они на другое стойбище.

Девушка вышла из-под снега, побежала к родителям. Придя, рассказала обо всем, спросила мать и отца:

— Почему вы отдали меня худым людям?

Мать сказала:

— Почему же ты сообщала, что живешь хорошо?

Эвенки сняли с нее одежду, надели на девушку Дептылов. Свели ту на то место, где пряталась эвенкийка, убили, а лицо ободрали, чтобы [Дептылы] не узнали. Сами откочевали.

Дептылы опять вернулись на старое стойбище, пошли искать, говоря:

— Вероятно, эта девушка вышла?

Нашли мертвую и говорят:

— Вот, вероятно, она.

Принесли домой. Во время камлания принесли ее в жертву. Так эвенки обманули Дептылов.

43. Дептыгиры

Евдокия Маркова (Чакигир), род. в 1910 г., грамотная. 1947 г., р. Тунгир, р. Тында, Читинская область.

Жили хорошие эвенки. Невестка у них была из рода Дептыгир. Они же отдали свою дочь Дептыгирам. Разъехавшись со свойственниками, [Дептыгиры] решили принести свою невестку в жертву. Остановились на стоянке. Детишки говорят ей:

— Кости твоих пальцев будут для нас куклами.

Женщина спросила:

— Меня хотят убить?

Сама думает: «Заберусь-ка я в пустоту каменистой осыпи».[1] Пошла, положила в пустоту продукты. Вот вечером пришли охотники, проголодались. Эта женщина говорит:

— Я выйду по своей нужде.

Вышла. Повесила свой кафтан на пень, сама влезла в пустоту. Те ходили на лыжах по поверхности осыпи, искали ее, не нашли.

Простояли они три дня и откочевали. Та женщина три дня пролежала в снегу. Потом поднялась вьюга, начался ветер. Девушка эта вылезла из-под снега, побежала по поверхности его. Ветер замел ее следы. Прибежала она к родителям.

— Почему пришла?

— Меня собрались принести в жертву.

Тогда они собрались и далеко откочевали.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Кодакчон — уранкай, житель горной тайги. Он пеший охотник, живет на средней Сивир-земле. Он отправляется по всем трем Сивир-землям, на восток от родных мест. Героиня Монгукчон, спасаясь от врага, путешествует южнее средней Сивир-земли, рядом с Кеян-землей, по окраинам Кидан-земли и других Сивир-земель (верхней и нижней). Встретившись с Кодакчоном, она просит его защитить ее от преследования врага. Кодакчон убивает ее врага и сжигает его труп. Разделавшись с врагом, Кодакчон направляется дальше на восток. В пути, заметив оленя, он гонится за ним и попадает в места героини: это один из ее домашних оленей. За оказанную ей помощь в борьбе с врагом Монгукчон соглашается стать женой Кодакчона.

[1] Чум-утэн — конусообразное жилище, составленное из тонких жердей и покрытое дерном, землей, а иногда корой хвойных деревьев и шкурами. У некоторых эвенков из сказаний утэн служил летним жилищем; в XVIII—XIX вв. это было зимнее жилище.

[2] В сказаниях термин «мата» употребляется в значении «человек» и как самоназвание. В последнем значении он употреблялся в начале советского периода среди эвенков верхней части бассейна Олекмы, предки которых были связаны с верхним Приамурьем. В преданиях подкаменно-тунгусских эвенков этим термином называют род жены и всех его членов (см., например, предание 34). В современных говорах словом «мата» называют инородца, соседа, гостя, пришельца, богатыря. Из других языков это слово известно только в эвенском в значении «пришелец», «путник», «чужеродец». Но в чукотском и корякском языках от корня «мата» образуются все термины свойства и глагол «брать в жены». Это не случайное совпадение, а, как и многие другие факты, общие для языка и этнографии чукчей и коряков, с одной стороны, и тунгусов — с другой, свидетельствует о древних связях отдаленных предков тунгусов с сибирскими предками современных чукчей и коряков (оленных).

[3] Сивир — название земли и племени. В сказаниях упоминаются три земли Сивир. Средняя Сивир-земля граничит с Кеян-землей; через Кеян-землю попадают в Кидан-землю. В горной тайге средней Сивир-земли живут охотники-уранкаи. К югу от Сивир-земли находится теплая местность: там «деревья не желтеют и вода не замерзает, это места зимовок птиц» (см. сказание 4).

Название племени сивир может быть сопоставлено с названием шивеи (VII в.) — названием предков современных сибинцев (шибо), по языку родственных маньчжурам и в настоящее время в большинстве своем живущих в Синьцзяне и имеющих свою письменность. В летописях VII в. термином «шивеи» назывались различные по языку и по культуре племена (южные, северные, бо, шеньмохын, большие); язык больших шивеев, которые жили севернее всех других, отличался от языков остальных групп.

Поскольку в сказаниях основные герои живут в районах к западу от рек Онона и Анюев (в верхней части бассейна Амура), рядом с Сивирземлей или на ней самой, можно указать на записанные Д. Г. Мессершмидтом в 1725 г. в том же районе топонимы: р. Кара-Шибир (приток Уды), степь Шибир, р. Нарин-Шибир (в бассейне Онона); село Удинское в то время называлось Шивиган.

В новой Танской истории (VII в.) о шивеях говорится, что «их язык есть язык мохэ», что они имеют только старейшин, которые называются «мохэду» (племя мохэ относят к тунгусам; см.: Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62). Южные шивеи, согласно старой Танской истории, являются особым родом киданей на северной границе народа дун-ху. В истории Бэйши (VII в.) говорится, что язык шивеев «один с кумохским, киданским и дэулэским», что «поколения их, обитающие на юге, называются кидань» (Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 76).

[4] Кидан (~ *кеда* ~ *кедан* ~ *китан*) — название земли и племени. В сказаниях кидане по языку близки эвенкам-уранкаям («твоя речь на мою, уранкая речь, похожа»; «я услышал речь, похожую на мою»). Но наряду с указанием сходства языка киданей и уранкаев, в сказаниях отмечаются и кидане с особым языком («послышалась речь киданская»). От киданей эвенки-уранкаи берут себе жен. В некоторых сказаниях слово *кидани* ~ *кедайканен* является словом запева. О том, что отдельные представители киданей вошли в среду эвенков, дав начало роду Кидань (мн. ч. Кидар), говорит название рода — Кидарский, записанное в документах XVII в. среди амгунских и охотских тунгусов.

В сказаниях фигурируют представители разных родов из племени кидань, например Нингтони из рода Орель (Орельский род также был зафиксирован среди амгунских тунгусов XVII в.), коневодка Тыргакчан из рода Дейдо-Девульгон (название Девульго ~ Дебульго сохраняется до настоящего времени среди верхнеамгинских эвенков Якутии; современные Марфусаловы также считают свое происхождение из рода Девульго), оленевод Монгруни (он же Юлтони) из рода Немедар, Монгукчон из рода Кемони, живущая на Сивир-земле. Кидане отличаются от пеших охотников тем, что содержат коней для езды и оленей, которых убивают на мясо. Жилищем им служат деревянные четырехгранные айгурские (=уйгурские) дома.

Языковая близость некоторых киданей и эвенков-уранкаев и отсутствие кочевого скотоводства у киданей, по-видимому, являются отражением очень раннего времени, когда группы киданей, жившие рядом с тунгусами — сивирами и уранкаями, продолжая охотиться, только начинали становиться коневодами.

Первые сведения о киданях появляются в IV в. По данным истории Бейши, кидане были одного корня с кумохи и западными соседями (Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т. II, стр. 74), «обычаи их сходны с мохэскими» (там же, стр. 75), некоторые из них содержали оленей (Н. В. Кюнер. Китайские данные о народах Сибири. Рукопись. Архив Инст. этнографии, № 3). В X в. это сильное племя скотоводов, покорив и объединив другие племена, образовало киданское государство Ляо.

[5] Уранкай — житель горной тайги. Этот этноним в эвенкийских сказаниях встречен впервые; он имеется в якутских олонхо, встречается и в негидальских преданиях. Уранкаи сказаний — это группа эвенков, живущая в горной тайге Сивир-земли и Онон-земли (в местечке Егиндя), на границе с Кеян-землей. Они пешие охотники, не имеющие никакого скота. Их бродячему образу жизни мешает даже легко переносимое имущество. Живут они в коническом чуме, питаются мясом зверей и птиц. Одеждой им служат шкуры зверей. Они оказывают помощь всем охотникам горной тайги, соседним коневодам и оленеводам, родственным им по языку, в борьбе против врагов Сэлэргунов из племени чулуро. Уранкаи берут в жены девиц киданей и сивиров. С чулуро же горные охотники тайги в брачные отношения не вступают. Но чулуро нападают на них и выкрадывают их женщин.

Уранкаи (китайск. *улянха*), по правильному, с нашей точки зрения, замечанию Палладия (к переводу «Сокровенного сказания» монголов), «не были каким-либо особым родом или племенем. Это имя обозначает жителей вообще без различия племен». По нашему исследованию (Г. М. Василевич. Эвенки-уранкаи. Этнографические доклады Всесоюзн. геогр. общ., № 3, Л., 1966), слово «уранкаи» было названием или самоназванием разноязычных и разнокультурных племен как в XIII в., так и в XVIII—XIX вв. Одна любопытная деталь: на рисунках, приложенных к «Саньцайтухуй» («География»), одежда уранкая отличается от одежды других тюрко- и монголоязычных народов (курыканы, кума, кидане и др.) (Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковедн. наук, вып. 7, 1958). У последних одеждой служит длинный, покрывающий обутые ноги халат с двойной запашной полой. Уранкай же одет в короткий распашной, не сходящийся на груди кафтан из целой шкуры, короткие штаны-натазники; спереди имеется маленький передничек из листьев. Эта одежда напоминает костюм эвенков, которые также всегда носили распашной, не сходящийся на груди кафтан, сделанный из целой шкуры, и нагрудник. На мужских штанах-натазниках спереди пришивался маленький передничек *хан'н'и* или *ханд꞉* в виде длинной бахромы из ровдуги (оленной замши). Этот костюм мы застали в 1925 г. у стариков (Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Таким образом, на рисунке из «Саньцайтухуй» скорее изображен уранкай-тунгус, чем урянхаец-монгол. В связи с этим можно говорить и о самом названии. Слово «уранкай» просится на сопоставление с тунгусским (эвенкийским, эвенским) *урэ* (*ура*, акающая огласовка), обозначающим «гора, покрытая лесом», а суффикс *-нкан → нкай* обозначает «житель»; таким образом, слово «уранкай» буквально переводится из эвенкийского как «житель горной тайги». Так в сказаниях часто называют себя герои.

Документы XVII в. в районе Присаянья выделяют урянков, соеонов, и тувинцев. Б. О. Долгих, указывая, что в 1682 г. небольшая группа платившихся ясак тувинцев возглавлялась шулегой Унтанеем (Унтанай — эвенкийское имя) и устойчиво называлась урянками, пишет: «Возможно, это были ассимилированные тувинцами тунгусы... термин „урянки“ не имел этнического значения: в XVII в. так назывались балаганские тунгусы, а в начале XVIII в. — самые разные группы населения Сибири и даже иройские хамныганы (тунгусы, — *Г. В.*) Монголии» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 298).

[6] «Какой злодей-людоед, придя сюда, убьет тебя?». Слово *д'эпнэд'э* (букв. «людоед») употребляется в значении «злодей», «убийца». Глагол «съесть» в сказаниях употребляется в значении «убить», «разрушить», «захватить». Такая семантика слова характерна для языка охотников, питавшихся мясом. Охота — уничтожение зверя — имела целью только удовлетворение своих потребностей, и главным образом в пище. Для других целей охотники не били копытных зверей. Поэтому «убить», «съесть» и

«уничтожить» в представлении охотника были одним понятием; таким образом, одно слово выражало целый комплекс понятий.

[7] Онон-земля — горная тайга в бассейне р. Онон, образующей вместе с р. Ингодой (эвенк. *аньӣдӑ* — «правая сторона») р. Шилку (эвенк. *шилки* — «выжимать», «отжимать»). В 1897 г. по Онону еще жили эвенки.

[8] «Волшебное слово» (эвенк. *итӈэ-турэнмэв*, букв. «табуированное слово»), т. е. слово, в которое введена волшебная сила. Эвенки верили в силу слов и одушевляли их, обращаясь к ним как к живым существам.

[9] Авахи — враг. По-эвенкийски «враг» — *булӭн*. В преданиях синонимом этого слова стало название древней группы *чаӈит*, постоянно нападавшей на тунгусов — охотников тайги. Третьим синонимом слова «враг» в сказаниях является якутское слово *авахи* (из якутск. *абаахы*). Эвенки, среди которых распространены эти сказания, исторически или в позднейшее время были связаны с якутами; большинство их знало якутский язык, а часть — и якутские олонхо. В олонхо главные противники богатырей происходят из племени злых чудовищ *абаасы* ~ *абаахы*, жителей нижнего мира. В эвенкийских же сказаниях самыми страшными врагами всех охотников тайги являются конные Сэлулэнде ~ Сэлэргуны ~ Сэлэмэнде ~ Сэлэнтуры (букв. «одетые в железо») из племени чулуро, которые живут на запад от охотников. Связи эвенков с якутами привели к появлению синонима «авахи» в языке сказаний, а в некоторых из них и к якутскому образу извечного врага.

[10] «Дынгды, дынгды» — запев и припев злейших врагов. Слово, образованное от звукоподражания *дынг* (звук металла). Припев постоянный для всех сказаний.

[11] Сжечь тело врага и развеять его пепел или бросить в пучину — правило полнейшего уничтожения врага, характерное для сказаний, распространенных на восток от линии Лена—Байкал. Вместе с выходцами из Забайкалья—Приамурья этот мотив проник и в предания эвенков бассейна Енисея. Сжигание тела убитого противника описывается и в якутских олонхо, но в эвенкийских такое уничтожение относится только к злейшим врагам всех лесных охотников, а в якутских — ко всем побежденным противникам. В бурятских улигерах — это только один из способов уничтожения врага.

[12] Ла́баз — свайная постройка. У охотников ла́баз был временным жилищем для семьи, когда глава уходил на охоту. В сказаниях ла́баз характерен для сивиров и киданей. В нем живут только женщины. Возможно, жилища на деревьях у одной из групп шивеев VII в. и были такими ла́базами (ср.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 76).

2. Кодакчон

Это сказание сказитель слышал от эвенка Соготока Эдян во время отдыха на охоте. Сам сказитель считает себя эвенком, хотя только мать его эвенкийка, а отец — якут. Сказитель говорит на якутском, русском и эвенкийском языках и слышал якутские олонхо. Возможно, под влиянием последних он несколько изменил сказание, введя образы, мотивы, эпизоды, слова и даже суффиксы якутских олонхо. Поэтому сказание отличается от всех остальных. Текст сказания полностью записан на магнитофонную ленту. Запись хранится в фонограммархиве Института литературы АН СССР (Ленинград).

Два брата живут на земле Тарундяк: старший — Кодакчон-богатырь, являющийся в то же время шаманом, и младший — Боскондяриндя-болящий. Они охотники. У старшего все имущество составляет железный посох, он мастер ходить; это эвенкийский образ. Имя же младшего, его немощь, его конь, являющийся помощником и советником, его богатырские одежды — все это заимствовано из якутских олонхо. Якутское происхождение имеет и описание поединка на «горячей площадке».

Младший брат, выздоровевший с помощью птицы-девицы, находит богатырские одежды и богатырского коня и отправляется на восток по Ингчор-земле. Путешествие его тянется семь лет. Дойдя до оленевода Угояна, он, проделав все, что предсказывал его брат, спасает дочь Угояна от врагов, которые постоянно нападают на землю ее отца. За эту помощь Угоян отдает ему в жены свою дочь. Кодакчон, оказав помощь брату, когда тот на своем коне не смог перепрыгнуть через волшебную реку, двинулся дальше. В пути он встречается с богатыршами и спасает одну из них от врага. После всяческих злоключений он женится на ней и возвращается в свои места. Там встречается с сыном брата.

[1] См. сказание 1, прим. 1.

[2] Боскондяриндя — имя, заимствованное из якутского языка. По-якутски *босхо* означает «слабо держащийся»; *босхоҥ* — «не могущий вставать на ноги и держать легкие вещи в руках; слабый, расслабленный» (Э. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I. Л., 1958, стр. 508—509).

[3] Большой дом с богатырской одеждой и с богатырским конем нехарактерен для эвенкийских сказаний и в данном случае заимствован из олонхо.

[4] Роль яйца как источника жизненной силы показана в разных сказаниях. См., например: «Килдынакан рот открыл, яйцо проглотил. Стал силач-силачом» (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 110 и др.). Отразилось это представление и на поговорке: «Одно яйцо где бы ни упало, смерть одна» (т. е. двум смертям не бывать, одной не миновать).

[5] «Вверх посмотрит — вниз смотри, вниз посмотрит — вверх смотри» — якутская формула подчинения старшему, нехарактерная для эвенков.

[6] См. сказание 1, прим. 9. В данном сказании образ половинчатого человека заимствован из олонхо.

[7] В тех случаях, когда сказитель хочет подчеркнуть что-либо важное, он, говоря об одном предмете, животном или человеке, употребляет слово в форме множественного числа вместо единственного. В данном случае речь идет, вероятно, о табуированных оленях, пасущихся у священного дерева.

[8] «Но отдаст ли старик?» — фраза, свидетельствующая о существующем запрете отдавать девиц в жены конным соседям, имеющим металлическую броню. Эвенкийским охотникам Приамурья запрещалось отдавать девиц в жены скотоводам. Но последние часто выкрадывали жен у охотников. Один из таких случаев отмечен и в документах XVII в. Так, тунгусский князь Томкони Лалигир сообщил, что «у нево была взята жена ево в полон в ту орду, где руда серебряная, на Омур-реку, и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томского обл. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963). С. Широкогоров в 1912 г. записал, что оленные нерчинские тунгусы не вступали в брачные связи с конными кочевыми тунгусами.

[9] Извечные враги охотников при передвижении превращаются в орлов — пережиток представления о происхождении от орла и культа орла, имевшегося у тюркских и других народов Сибири (см. подробнее: Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, 1925).

[10] Обычная характеристика охотника: пеший обладает только посохом и мастер ходить на дальние расстояния.

[11] В эвенкийских сказаниях богатырями бывают как мужчины, так и женщины (см. сказания 3, 4; см. также: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 115—117). В отличие от богатырей-мужчин женщины-богатырши не принимают активного участия в игрищах.

[12] У эвенков существовало правило раздражать противника перед поединком или перед состязанием жестами или обидным словом.

[13] Тогондор (букв. «огневой») — имя богатыря. Суффикс *-дор*, с помощью которого образуются мужские имена, характерен для монголов.

[14] Для сказаний характерно преувеличение признаков и времени. Здесь три года упомянуты вместо трех дней. См. ниже: «подбрасывал [в схватке] три дня».

[15] «Мы станем мужем и женой», букв. «мы станем людьми». При разговорах между собою муж и жена не употребляли ни собственных имен, ни терминов «муж» (*эдэ̄*) и «жена» (*асӣ*); вместо них говорили «дружок» (*эдэ̄*), «товарищ» (*гиркӣ*), «человек» (*бэйэ*).

[16] «Не бери с собой ни еды, ни одежды» — это выражение характеризует пеших охотников, которым мешало все лишнее из одежды и еды. Гардизи, характеризуя лесных охотников Приангарья VIII—X вв., писал: «Обитатели болот не имеют домашних транспортных животных, все кладут себе на спину» (В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927). Об этом же говорил в XII в. и Марвази (Sharaf al Zaman Marvazi. China on the turk and India. Transl. V. Minorsky. London, 1942, p. 31).

[17] «Поцеловались», букв. «понюхались». Вместо поцелуя эвенки прикладывали нос и принюхивались.

[18] Чум-дю — конусообразное жилище, покрытое «тисками» — полосами, сшитыми из вываренной бересты, или «нюками» — двумя покрышками, сшитыми из ровдуги (оленной замши).

3. Секак

Героиня Секак — дочь обладателя оленей Нингтони из рода Орель, из племени кедак. Оленей они держат для мяса. Девочка, начав ходить, просит мать и отца дать ей имя. Имя дает мать. Получив его, она начинает мечтать о дальних походах и, не слушая родителей, отправляется на восток. В пути встречает юношу Дюнкульдина из рода Оха, держащего путь с юга. Встреча происходит на окраине Кидан-земли. Героиня добирается до всезнающей Тыргакчан из племени кедан. Тыргакчан живет на юге («под солнцем»; ср. описание земли Кидан в сказании 4), в четырехгранном айгурском доме с четырьмя покоями, и имеет работницу. Она знает уранкаев всех земель и путь по Анюям. Секак с Тыргакчан отправляются на мужские игрища, прихватив по пути девицу Догикчон из племени кедак, жительницу гор («верхнего мира»). Познакомившись с играми, Секак возвращается домой.

[1] Олень-мойка — одно из возрастных названий оленя (годовалый дикий олень).

[2] См. сказание 1, прим. 1.

[3] См. сказание 1, прим. 2.

[4] «Орель, орель» — запев и припев. Орель — название рода амгунских тунгусов, зарегистрированное в XVII в. и не забытое амгунскими эвенками еще в 1948 г. Озеро в нижней части бассейна на Амгуни также называется Орель.

[5] «Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила». Для удобства ходьбы петлю на середине подола кафтана привязывали к поясной тесемке, загибая подол. Девица привязала подол нижнего кафтана, а подол верхнего кафтана не подняла.

[6] «Мое слово сделай волшебным». Эвенки верили в силу слова. В таких случаях слово называлось *мусучӣ турэ̄н* ~ *мухулкэ̄н турэ̄н* ~ *итчилкэ̄н* (из якутского *итчин*) *турэ̄н*, букв. «слово, имеющее волшебную силу». Человек произносил такое слово-пожелание и невозможное становилось возможным (например, с неба падал чум или лодка и т. д.).

[7] Журавли-гаха (*гаша* в шекающих говорах) — серые, с темными полосами по краям крыльев — фигурируют в восточных сказаниях и в шаманских мифах сымских эвенков. Но если в сказаниях в гаха превращаются все девицы-героини, то в западных шаманских мифах птицами-

гаша становятся враждебные охотникам люди. В одних мифах гаша помогают героине уйти от мучителя-кета, в других — пытаются выкрасть ее от мужа-охотника. Фигурирование гаха в мифах потомков ангарских неших охотников и в сказаниях потомков забайкальских неших охотников свидетельствует о древних связях и былой общности этих групп, одним из выражений которой является общий тотем — журавль.

[8] Превращение в ястреба также, вероятно, является пережитком тотема у племен, близких по языку к горным охотникам.

[9] Оха можно сопоставить с названием рода урянхитов-монголов во время Чингисхана — Ухэ (в переводе О. И. Смирновой, см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 270) или Оха (в переводе И. Березина, см.: Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. V, СПб., 1858, стр. 145). Среди дархатов в XVII в. был род Уха-Дархат (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 259). О том, что Дюнкульдин Оха из сказания не был эвенком, говорит суффикс его имени *-дин*, характерный для языков тунгусов нижнего Приамурья и для монгольского языка; в эвенкийском языке этому суффиксу соответствует *-гин*.

[10] «День ранний, год долгий» — обычное выражение в значении «времени хватит».

[11] «Попробуй догнать» — один из способов добывания невесты, распространенный на крайнем северо-востоке. Если юноша, погнавшийся за девушкой и нагнавший ее, дотрагивался до нее, она должна была стать его женой.

[12] Белый четырехгранный дом (айгурский дом) с несколькими двойными покоями был характерен, по сказаниям, для близких по языку соседей охотников тайги, содержателей оленей и коней. Жилище на сваях было характерно для всех тунгусоязычных охотников. В таком жилище находилась семья охотника во время его ухода на охоту.

[13] Слово «айгурский» указывает на связь соседей горных охотников с древними уйгурами, в то время жившими в Забайкалье.

[14] «Сумкольдин — работник мой» — речь идет о пленном, захваченном еще в детстве. В составе эвенкийского рода были женщины, взятые во время межродовых столкновений и мужчины — дети этих женщин, захваченные вместе с матерями или рожденные позже. Судя по суффиксу *-дин*, Сумкольдин мог быть захваченным у монголов (см. прим. 9).

[15] «Дочь солнца» — довольно широко распространенный эпитет в эвенкийских и эвенских сказаниях: дочь Юлтэни (*юлтэн* по-эвенски «солнце»), дочь Сигундара (*сигун* по-эвенкийски «солнце»), дочь Монгруни из племени кидан. Все эти имена относятся, по-видимому, к одному и тому же лицу — жителю южных широт (см. ниже: «под солнцем живущая»). С другой стороны, это название указывает на связь с культом солнца. По сообщению Ауфи (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2. СПб., 1900, стр. 417), у киданей и частично у уйгуров существовал культ солнца. Возможно, этот культ и отразился в имени одного из первых оленеводов.

[16] «Уранкаи всех трех земель». См. сказание 1, прим. 5. Представление о трех землях уранкаев, возможно, отразило более позднее административное деление на три округа территории на правых притоках Амура. В маньчжурский период Канси, в XVII в., в северо-западной Маньчжурии было три округа — Тайнин, Фуюй, Доянь (Н. В. Кюнер. Китайские исторические данные о народах Севера. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковедн. наук, вып. 1, 1929, стр. 97).

[17] Анюй — река (букв. «дорога», так как обычно эвенки ходят по долинам рек). Так называются притоки Шилки и Аргуни. Топоним Анюй из Верхнего Приамурья был вынесен, по-видимому, тунгусами на восток (один из нижних правых притоков Амура называется Анюй) и тунгусами-орочол на северо-восток (нижний приток Колымы — Анюй имеет свое чукотское название).

[18] Игрища юношей-богатырей происходили в определенное время и в определенном месте. В данном сказании они происходили в «верхнем мире», т. е. в горной лесотундре, где жили охотники эвенки и где иногда могла быть своя средняя (племенная) земля.

[19] Кедак — название племени кедан, употребляемое в тех случаях, когда говорят о женщинах.

4. Три девицы

Девицы-уранкаи — жительницы леса, пешие охотницы. Каждая живет самостоятельно. Одна из них, Секак, отправляется в путь по средней Сивир-земле, по Кеян-земле и по Кидан-земле. Последняя находится в южных широтах. Здесь Секак находит мужа — охотника со средней Сивир-земли и остается. В поединке мужа убивает враг всех охотников — Сэлэргун. Жена продолжает с ним поединок и начинает одолевать врага. Чтобы спастись, тот обещает оживить мужа. Но, как только он оживляет мужа, она убивает врага.

[1] См. сказание 1, прим. 1.

[2] «Сами по себе жили». Описание самостоятельной жизни девиц охотниц, по-видимому, является отражением жизни охотников, для которых жизнь большими группами была невозможна, так как мешала охоте. Все источники указывают, что эвенки кочевали маленькими группами, по 2—3 семьи, объединяясь только для коллективных работ во время отела оленей и в период гнуса.

[3] «Дэвэдареко! Дэвэдареко» — запев и припев Секак. Название рода Дэвэдар(ский) сохранялось у охотских эвенков еще в XVII в.

[4] См. сказание 1, прим. 5.

[5] «Кемонин-кемонин (~ кимонин)» — запев и припев. Название рода Кима (~ Кимо) имеется у потомков ангарских эвенков, в современной сымской и подкаменнотунгусской группах. У удэгейцев существовал род Кимонко. Названия Кемо ~ Кемони просятся на сравнение со словом «кемунь» в имени предка Агуды — Рай Кемунь Агуда. Агуда, живший в XII в., был родом из племени джурджи (Рашид-ад-дин. История Чингисхана. Перевод И. Березина. Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. XV, СПб., 1888, стр. 18). Джурджи ~ Джурджени — первое тунгусоязычное племя Северо-Восточного Китая, образовавшее государство.

[6] См. сказание 1, прим. 3.

[7] Кеян-земля — по сказанию, она граничит на западе со средней Сивир-землей. Кеян ~ Кеот ~ Кият — название рода Чингисхана. Следовательно, Кеян-земля сказаний — это земля монгольского рода Кият. Юртом их были долины рек Онона, Кэрулена и Тоглы (см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 32—34, 10). Ранние связи тунгусов с монголами отражены в названии нижнего притока Ангары — Киянка и в собственном имени Кеот, записанном в XVII в. наряду с именем Ангара у юкагирского племени (Дополнения к актам историческим, т. IV, стр. 3, 10, 16, 26), к которому эти имена могли быть принесены из Забайкалья тунгусами-орочол (предками современных эвенов).

[8] См. сказание 1, прим. 4.

[9] «Всем сердцем, всей душой», букв. «крепким сердцем, крепкой печенью» — обычное выражение, обозначающее сильное чувство, желание.

[10] Коряжина (*такэн*) — вывороченное дерево, валежник.

[11] Деревья-лэкэнне — деревья с тонкими, свисающими (плакучими) ветвями.

[12] Пальма́ — длинный односторонний нож, привязанный к палке. В тайге заменяет топор и оружие охоты (на медведя).

[13] См. сказание 3, прим. 6.

[14] Чорамный чум, чум-чорама — в сказаниях так называется жилище с зимним выходом через дымовое отверстие, характерное для культуры

амурских племен, от которых охотники берут жен. Это название распространено среди охотских (аянской и чумиканской групп) эвенков и среди эвенов. Чорама обозначает всю нижнюю цилиндрическую часть остова чума и каждую палку этой части. Иногда этим словом называют весь чум типа чукотской яранги (остов из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической; покров такого чума сшит из шкур).

[15] См. сказание 1, прим. 2.

[16] «Я птичья дочь», букв. «птичья по происхождению» — прямое указание на тотема — журавля. О птичьем происхождении героя говорится и в других сказаниях.

[17] «Взял... одну стрелу». В сказаниях и преданиях настоящий стрелок стрелял в цель только раз и всегда попадал. Поэтому количество стрел в колчане было небольшим — чаще всего одна-две стрелы.

[18] См. сказание 1, прим. 9.

[19] См. сказание 2, прим. 12.

5. Мокигдын

Мокигдын — пеший охотник. Усовершенствовав свои орудия охоты, он отправился по средней Сивир-земле на восток. Дойдя до разветвления трех дорог, он свернул на юг. В пути он встречается с другими богатырями. Они идут по Котор-реке до ущелья, где хозяйка местности установила стражу, вооруженную палицами и никого не пропускающую. Стража одерживает победу над богатырями. Но Мокигдын разбивает палицы стражников и уходит дальше.

[1] См. сказание 1, прим. 5.

[2] См. сказание 1, прим. 2.

[3] Здесь мы встречаемся, по-видимому, с пережитком культа медведя. Среди эвенков и эвенов Охотского побережья бытует миф о двух братьях — медведе и человеке (см. подробно.: Г. М. Василевич. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957).

[4] Духом — хозяином всех зверей у амурских тунгусов считался тигр.

[5] Культ медведя был широко распространен среди народов Сибири. Культ волка бытовал у монголов. В сказании интересен факт вешания на один шест голов медведя и волка, что, возможно, является пережитком двух культов. Следы двух этих культов сохранялись у коряков.

[6] Река-енэ — большая река. В тунгусо-маньчжурских языках общим словом для понятия «река» является *бира*. Но наряду с ним есть и другие слова. В эвенкийском языке для обозначения очень большой реки служит слово *йэнэ*. Производное от него — *йэннэзи* служит названием Енисея (*иоапдеви* — по записи Мессершмидта 1723 г.).

[7] См. сказание 3, прим. 15.

[8] Установка стражи в ущельях для защиты проходов была широко распространена у народов Центральной Азии. Палицы в вооружении стражи нехарактерны для эвенков.

[9] «Взвалил на спину и понес домой». У эвенков существовало правило: раненому сопернику, но не врагу, надо помочь. Стражей были захваченные в плен охотники, поэтому и отношение трех богатырей к ним было таким же, как к другим охотничьим племенам.

6. Нивонинде

Пеший охотник уранкай Нивонинде живет на Онон-земле в местечке Егинде. На запад от него живет враг Гарагальтун Силин. Нивонинде оказывает помощь богатырю тайги, разбив его врага. Затем Нивонинде направляется на юг, чтобы оказать помощь встреченной им девице. Ее пре-

следует богатырь Отани из рода Орель. Нивонинде вступает в поединок с Отани и начинает одерживать верх. Но он щадит противника, за что получает его сестру в жены. С этого момента он берет на себя обязательство защищать Отани от врагов.

[1] Коврик-кумалан, сшитый из шкуры с головы оленя или лося, служит для покрывания вьюков. Коврик-тэнинэ, сшитый из шкурки с боков животного, подкладывают под седло.
[2] См. сказание 1, прим. 5.
[3] См. сказание 1, прим. 1.
[4] Егинде — название места на реке Онон, где живут уранкаи.
[5] Бе — место в чуме, на котором обычно спят; поэтому оно названо в сказании постелью. Бе находилось с правой или левой стороны от центрального места — малу́.
[6] Словом *бэйэ* — «человек», «мужчина» в сказаниях и преданиях называют и женщин.
[7] См. сказание 1, прим. 9.
[8] Гарагалтун Силин — имя богатыря врагов охотников — Сэлэргунов. Имена, образованные суффиксами *-лга*, *-лгун*, были характерны для монголов.
[9] «Вот-вот нагонит и одолеет меня», букв. «съедание меня богатырем-авахи подходит к концу». Глагол «съесть» употребляется в значении «победить», «одолеть».
[10] Держаться за свое ухо — один из способов раздражения противника в сказаниях.
[11] См. сказание 1, прим. 2.
[12] Заход на юг во время движения на восток имел целью погоню за девицей. Почти во всех сказаниях жены героев происходят из южных мест.
[13] См. сказание 3, прим. 4. Этот припев показывает, что Отани был из рода Орель.
[14] Традиция за пощаду в поединке (соревновании) отдавать сестру (или дочь) встречается и в других сказаниях.
[15] «Если какой проходимец тебя заденет, вспомни обо мне». Беря в жены сестру противника, герой брал на себя обязательство защищать ее брата.

7. Отани

Отани — пеший охотник. Во время своего похода на восток он встречается с девицей из племени кедак, из рода Дейдо-Девильгон. Эта девица, по имени Тыргакчан, говорит на его языке. Она путешествует по всем трем Сивир-землям. В знак согласия стать его женой она дает ему кольцо и улетает. Он гонится за нею, преодолевает высокие горы на окраине Кидан-земли. Далее в пути он видит бой лесного богатыря с врагом чулуро. Чулуро хочет взять в жены дочь оленевода Монгруни из племени кидан. Отани помогает Монгруни разбить врага. За помощь Монгруни отдает ему в жены свою дочь. Отани, забыв об обещании, данном им Тыргакчан, соглашается жениться. Во время свадебного пиршества на коне приезжает Тыргакчан и увозит Отани. Через некоторое время к ним приезжает дочь Монгруни. Отани не знает, как поступить: «Как человек может иметь двух жен», — спрашивает он. Дочь Монгруни отказывается от него и отвозит обоих на своем коне домой, к Отани.

[1] См. сказание 3, прим. 1.
[2] См. сказание 5, прим. 6.
[3] См. сказание 1, прим. 1.
[4] См. сказание 1, прим. 2.
[5] Олень-куе — одно из названий дикого оленя.

[6] Лось-ирэ (*ирун*) — сезонное (осеннее) название лося или оленя.
[7] Груз — наружные жерди, придавливающие покров чума.
[8] См. сказание 4, прим. 14.
[9] См. сказание 1, прим. 5.
[10] См. сказание 3, прим. 8.
[11] См. сказание 1, прим. 4.
[12] Образ старухи-помощницы заимствован из якутских олонхо и нехарактерен для эвенкийских сказаний.
[13] Девильго-Кувульгат — девица из рода Девильго. Среди томмотской группы эвенков имеются потомки рода Девульгэ (~ Дебульгэ — губная огласовка; см.: А. Н. Мыреева. Очерк томмотского говора. В кн.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томмотского диалектов. М.—Л., 1962).
[14] См. сказание 1, прим. 9.
[15] Чулуро (они же Сэлэргуны ~ Сэлэлунде, букв. «в железо одетые») — извечные западные враги (авахи) всех охотников горной тайги. Они коневоды, живут к западу от р. Онон. В настоящем сказании вместо обычного имени Сэлэргуну дано имя Гарагалтун Силин. В сказаниях 2 и 8 образ чулуро (авахи) и представление о местах, где они живут («нижний мир»), по-видимому, заимствованы из олонхо.

Название чулуро (у западных эвенков — чулугды; см.: Г. М. Василевич. Фольклорные материалы и названия эвенкийских родов. Труды 2-го Всесоюзн. съезда Геогр. общ., т. III, М., 1949) можно сопоставить с именем западного тюркского кагана Чуло, нападавшего на племя тьеле в VII в. (Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 36), или с именем Чулохоу — военачальника восточной части тюркского каганата (VI в.). Но может быть и иное объяснение. В ранние периоды врагами-чулуро могли быть и тюркоязычные группы гуннов, вышедшие к Байкалу в первые века нашей эры, а позднее (V—VI вв.) — уйгуры (айгуры). В сказании забайкальских эвенков, записанном в XVII в. Георги (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 233—235), враг Кураткан, похитивший дочерей Долодая, также живет на западе.
[16] Существовала традиция, запрещающая дочерям охотников вступать в брак со скотоводами, одетыми в железную броню. О запрете выдавать девиц лесных урянхитов замуж за скотоводов говорит и Рашид-ад-дин (Рашид-ад-дин. Летописи. Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. V, 1858, стр. 90).
[17] См. сказание 1, прим. 11.
[18] «Как я могу взять вас обеих, не знаю» — фраза свидетельствует, что для эвенков того периода двоеженство было нехарактерно.

8. Хуругочон

Это сказание записано у нижнеучурских эвенков, среди которых бытовали сказания алдано-зейских эвенков. Поэтому оно несколько отличается от остальных. Рассказчик передавал его прозой. Герой сказания появляется у старухи чудесным образом. Появление его предваряется птичьим звуком, поэтому старуха дает ему «птичье имя» — Хуругочон. Старуха живет с двумя приученными ею важенками и их молоком кормит мальчика. Мальчик растет очень быстро («за день увеличивается как за год»). Став взрослым, Хуругочон отправился искать себе товарища. Вернувшись, он узнает, что к старухе приходили три дочери Секардина и просили ее спрятать их от преследования Сэлэргуна. Хуругочону не удается убить их врага. Последний пользуется оплошностью Хуругочона и убегает. Вернувшись, Хуругочон не находит девиц. Одну из них ему удается догнать. За то, что он выполнил ее задание, она соглашается стать его женой.

[1] Получум-утэн — полуконусный чум. У эвенков с верхней части бассейна Алдана до сих пор сохраняется летом теневой навес в виде половины конуса, составленного из лиственниц.

[2] Чуман — берестяной квадратный короб.

[3] «Я должна назвать тебя птичьим именем». По сказаниям зейских эвенков, девицы-гаха (журавли) оставляют рожденных ими от охотников мальчиков в тайге. В этом сказании старуха вначале услыхала птичий звук, потом уже детский голос, и поэтому она догадалась, что птица оставила ей своего ребенка. В связи с этим она и говорит, что должна назвать его «птичьим именем» — Хуругочон.

[4] Лук-аланга. По воспоминаниям современных эвенков, этот лук делался из одного куска дерева, куда вклеивалось сухожилие. В отличие от этого лука лук-бэр мог склеиваться из пластин разных деревьев.

[5] Какандя — penis.

[6] См. сказание 6, прим. 1.

[7] См. сказание 4, прим. 14.

[8] Трехголовый орел — образ, нехарактерный для эвенков; он заимствован из монгольских или тюркских сказаний.

9. Умусни

Охотник Умусни однажды услыхал призыв о помощи. Девица просила спасти ее от нападения врага. Он не очень хотел помогать ей, но она увела его в свои места. Ему пришлось вступить в бой с врагом и разбить его. За эту помощь она согласилась стать его женой.

[1] См. сказание 1, прим. 2.

[2] См. сказание 8, прим. 1.

10. Умусликон

Герой — пеший охотник услыхал однажды речь, похожую на его, и бросился бежать на восток, откуда доносился голос. Он добежал до места игрищ богатырей и спрятался. Но Дарпек, дочь оленевода Юлтони из рода Кимонори, из племени кидан, указала на спрятавшегося. Ему пришлось выйти и принять участие в играх. Во время борьбы с ним брат Дарпек, чувствуя себя не в силах, стал просить пощады, обещая за это отдать победителю свою сестру в жены. Поединок был приостановлен. Продолжая путь, Умусликон помог Гарпавулче разгромить врагов, напавших на его народ. Умусликон женился на Дарпек и пробыл у тестя два года. Отправившись в свои места, он увел два каравана оленей, подаренных ему тестем. Дома он поставил для себя привычный ему чум-утэн, для жены — чум-чорама. Однажды во время его отсутствия враг увел его жену. Умусликон пробрался в страну врага, разбил его и вернулся домой с женой.

[1] См. сказание 3, прим. 1.

[2] См. сказание 5, прим. 6.

[3] См. сказание 1, прим. 1.

[4] «Притаскивал на десяти вязках [кафтана] десять туш оленных». Кафтан, сделанный из целой шкуры, стягивался на груди вязками. Иногда к этим вязкам охотники привязывали убитую дичь. В сказании мастерство охотника сильно преувеличено.

[5] «Олень-куэ с шестнадцатью копытами». См. сказание 7, прим. 5. У оленя на каждой ноге по два основных копыта и по два маленьких задних.

[6] Малу́ — центральное место в чуме, у противоположной входу стороны, за очагом.

[7] См. сказание 7, прим. 15.

[8] Колодник, колодина — лежачее толстое дерево, бревно.

[9] «Выпустим его красную кровь на середину лука», т. е. зарубим луком. Края лука были настолько остры, что им можно было рубить.

[10] Здесь происхождение определяется по матери.

[11] См. сказание 1, прим. 9.

[12] См. сказание 1, прим. 12.

[13] См. сказание 1, прим. 11.

[14] Олень-манщик — олень, с помощью которого охотятся в открытых местах на диких оленей. Охотник подзывает зверя подражанием хоркань самки и пускает к нему манщика, у которого рога опутаны ремнем. Манщик и дикий олень начинают драться, сцепившись рогами. Когда дикий олень запутается в ремне, охотник подходит и стреляет в него. Сюжет об олене-манщике добавлен позднее. По-видимому, он попал к эвенкам из тундры, через якутов-оленеводов.

[15] Жизнь в семье жены в течение одного-двух лет — пережиток матрилокального брака.

[16] См. сказание 4, прим. 14.

[17] Превращение в каплю олова — заимствованный из якутских олонхо мотив.

[18] Описание нижнего мира здесь заимствовано из якутских олонхо.

[19] См. сказание 1, прим. 2.

11. Умун-Умусникон

Умун-Умусникон — пеший охотник отправляется в горы искать богатырей. Дорогой он убил медведя, затем встретил старика со старухой. Старик указал ему путь и место, где он встретит богатыря. Дойдя до богатыря, Умун попробовал свои силы и оказался сильнее. Богатырь обещал отдать ему в жены свою сестру. Та не согласилась и убежала. Умусникон отправился дальше. Дошел до дома, в котором спал богатырь; рядом с ним лежал молот. Умусникон ударил богатыря молотом, тот проснулся. Это был враг-авахи. В поединке с ним Умусникон одержал верх. Услышав слова, раздающиеся в небе, он пустил стрелу и сам зацепился за ее конец. Таким образом он догнал женщину. Она привела его в свои места. Там он узнал, что мужем этой женщины был его младший брат.

[1] Харги — враг. Враг здесь назван эвенкийским словом. Это слово до сих пор в некоторых говорах сохраняет свое первоначальное значение — «тайга», «низкий, мелкий лес», «дикий олень», а в нерчинских говорах — «земля». Отражая первоначальное представление о трех землях (верхней, средней и нижней), это слово одновременно обозначало и духа — хозяина этих земель. Одно из этих значений — «дух нижнего мира», «черт», «враг» — сохранилось в эвенкийских говорах до сих пор наряду со значением «олень», «тайга».

[2] При встрече мужчины и юноши по традиции вместо приветствия начинали драться, пробуя свои силы.

[3] «А сам зацепился за ее [стрелы] конец» — сказочный элемент, характерный для сказаний зейских эвенков.

[4] См. сказание 1, прим. 1.

[5] См. сказание 2, прим. 18.

[6] См. сказание 10, прим. 4.

12. Гарпаникан

Г. Чинков, рассказывавший это сказание, позже переработал его стихами (ср.: Г. Чинков. Гарпаниндя. Сказание с подстрочным переводом Г. Василевич. Л., 1936).

Герой — пеший охотник. Он отправился в путь на восток. Перевалив через хребет, он увидел чум-чорама с выходом через дымовое отверстие.

В нем жил непривычный по виду человек — с черными кудрями и круглыми глазами. Гарпани вступил с ним в поединок. Оба ловили серединками луков пущенные друг в друга стрелы, бились мечами. Герой победил. Он вошел в чум-чорама и там увидел оседланного оленя. Выведя оленя, он с трудом освоил езду на нем. Дальше на восток он едет на олене. Езда на олене ему кажется полетом. Он следует за девицей Конгакчан. В пути он встречает исконного врага эвенков, одетого в железные латы. В поединке убивает его и сжигает. Погоня за девицей продолжается. Догнав ее, он хватает ее за косу и слегка ударяет плоскостью меча. Женившись, он отправляется с женой в свои места. Дома он ставит для жены чум-чорама. У них рождается сын. Подросши, он, как и отец, отправляется в путь. В это время к отцу приходит богатырь пробовать свои силы. Но герой уже состарился и не может одолеть врага. Тогда он вспоминает о сыне и зовет его. Сын слышит и приходит помочь отцу. Он убивает противника, сжигает его и пепел развеивает.

[1] См. сказание 6, прим. 1.
[2] См. сказание 1, прим. 1.
[3] См. сказание 1, прим. 2.
[4] Шапка-мета — шапка из шкурки с головы оленя, лося.
[5] См. сказание 4, прим. 14.
[6] «Торчат копыта» — имеется в виду пара задних маленьких копытец у оленя.
[7] «От роду не видел зверя такого». Пешие охотники, не имевшие связей с оленеводами, удивлялись, впервые увидев верхового оленя. Скорость передвижения верхом на олене для привыкшего ходить пешком казалась скоростью птичьего полета. Поэтому воображение сказителей наделило первых верховых оленей крыльями.
[8] Железный молот на ремне, привязанном к локтевой кости руки, — оружие, неизвестное охотникам и употреблявшееся восточными племенами, с которыми встречались охотники.
[9] «Ударил девушку плоскостью меча». См. сказание 3, прим. 11.
[10] Самым лучшим лакомством у эвенков считался костный мозг, вынутый из длинных костей неостывшей туши оленя или лося.
[11] См. сказание 3, прим. 1.
[12] Зимний выход в чорамовом чуме сказаний был через дымовое отверстие.
[13] См. сказание 1, прим. 11.

13. Гарпас-мата-Гарпануучан

Герой — пеший охотник отправился по горным тундрам искать эвенка-уранкая. В пути он убил домашнего оленя, приняв его за дикого. За это Иронуде вызвал его на поединок. Но, почувствовав слабость, Иронуде просил пощадить его и в награду обещал выдать за Гарпас-мату свою сестру. Тот согласился. На свадебное угощение пригласили эвенков-уранкаев из горной тайги, эвенков — с гольцов, врагов — с низин. Последним удалось увести невесту. Герою, погнавшемуся за ними, после преодоления различных препятствий удается отнять свою жену.

[1] См. сказание 8, прим. 2.
[2] См. сказание 6, прим. 1.
[3] Четверть — мера длины, расстояние между большим и указательным пальцами.
[4] См. сказание 1, прим. 2.
[5] См. сказание 1, прим. 1.
[6] См. сказание 10, прим. 5.
[7] См. сказание 1, прим. 5.

[8] «Коричневоголовый человек» — речь идет о коричневоголовых уранкаях, живших на Сивир-земле. Это название, по-видимому, является отражением названия больших шивеев в танское время — *хуантоу шивеи*, т. е. «желтоголовые шивеи» (Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62).

[9] См. сказание 7, прим. 6.

[10] «Онгтор, онгтонин» — запев и припев от звукоподражательного слова *онгты* — «хоркать» (об олене).

[11] См. сказание 1, прим. 9.

[12] Превращение в мальчика-сиротку характерно для сказок амурско-зейских эвенков.

[13] Превращение коня в оленя отражает более позднее явление — переход от коневодства к оленеводству и наоборот, что неоднократно имело место среди амурских групп эвенков.

[14] Лось-чирак — возрастное название лося; четырехлетний лось.

[15] Лось-анам — сезонное (осеннее) название лося.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганэй

Герой — юноша, сын медведя и женщины. Его воспитывала мать. За ним пришел медведь и увез его в свои места (см. о братьях — медведе и мальчике, детях одной женщины: Г. М. Василевич. Древние охотничьи образы эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1958, стр. 168). Но юноша оказался хитрее и сбежал от медведей. Когда он вернулся, мать уже умерла. Тогда он отправился искать девицу Торганэй. Старуха-помощница дала ему волшебного верхового оленя. Он с помощью оленя преодолел ряд препятствий и доехал до девицы. Девица Торганэй в сказании рисуется как хозяйка тайги, которой подчинены все звери и деревья. У нее есть работница. Желая стать женою парня, работница выдала себя за Торганэй. Когда Торганэй вернулась, она наказала служанку за обман, а парню дала ряд поручений, которые он с трудом выполнил. Последнее из поручений — вымыться в крови своего волшебного оленя. После этого она стала его женой. Сюжет об охотнике, принявшем работницу за девицу, ради которой он преодолел много трудностей, встречается в текстах верхнеленских эвенков (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936) и подкаменнотунгусских эвенков (Г. М. Василевич. Ранние представления о мире у эвенков. В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, стр. 165).

[1] Торганэй — так называются в сказаниях мужчины и женщины (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 170). Это имя сопоставляется с названием группы дауров — торгачин, известным по сведениям Идеса (XVII в.). Б. Бранд, спутник Идеса, писал, что язык торгачинов сходен в большей части с тунгусским (B. Brand. Boschreibung der Chinesischen Reise, welche vermittelst ist einer Zaris Gesandschaft durch der Ambassador Herrn Ides Anno 1693—1694 von Moscau über gross Ustiga, Sibirien, Dauren, durch Mongolischer Tartarey verrichtet worden. Hamburg, 1648). Идес сообщал, что аргунские конные тунгусы считали себя родственными с торгачинами (E. Isbrandss Ides. Three Jears Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103). Миссионеры XVII в. считали, что торгачины, мергенчены и солоны являются обозначением одного и того же народа (J. H. Plath. Geschichte des Ostlichen Asiens, T. I, Bd. I. Die Völker der Mandschurey. Göttingen, 1830, p. 955). Северные торгачины, родственные даурам, были конными охотниками, южные занимались земледелием. Русские документы XVII в. называют северных торгачинов лесольскими людьми (В. Огородников. Туземное и русское земледелие на

Амуре в XVII в. Труды Дальневост. унив., сер. III, № 4, 1927, Владивосток). Возможно, этноним *торган* своим происхождением связан с названием монгольского рода *торга + (г)ут → торгут*.

[2] Мотив встречи с советником — стариком или старухой, от которых герой получает волшебного коня (здесь — верхового оленя), нехарактерен для эвенкийских сказаний и, по-видимому, заимствован из монгольских сказаний.

[3] Одежда из коры — пережиток далекого прошлого; упоминается только в фольклоре.

[4] Образ женщины, которой подчинены все звери и деревья, имеется в мифе о трех девушках — девушке-солнце, девушке-луне и серебряной девушке (Г. М. Василевич. Ранние представления о мире у эвенков, стр. 165).

15. Торганэй и Чаникой

Два брата, из которых младший неряха и неудачник, а старший — хороший охотник, живут вместе. Младшему, Чаникою, помогают журавль-девицы, прилетающие с востока. Старший брат, охотник Торганэй, хитростью берет в жены старшую из них — Гелтынгачан. Однажды, вернувшись домой, Торганэй никого не нашел. Он направился на восток. Встретил трехголового орла-предсказателя, который указал ему, как научиться ездить на диком олене. С большим трудом объездив дикого оленя, Торганэй поехал дальше на восток. В пути он преодолел множество препятствий. Журавль-девица Гелтынгачан — жена Торганэя держала сына в тайге. Ухаживала за ним утка-девица Чиркимай. Мать приходила только кормить его. Торганэй подстерег жену, разрубил ее крылья и начал с ней жить. Его сын Хуругочон, став взрослым, уходит на юг за невестой, которую охраняет враг-авахи. Хуругочон, превратившись в муху, остается в доме девицы Секак. (Сказание не закончено).

[1] См. сказание 10, прим. 4.

[2] «Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца, они меня причесали и намыли», см. также ниже: «Журавль-девицы сегодня прилетят покормить ребенка». Жительницы долин и равнин оставляли в тайге детей, рожденных ими от охотников, и время от времени приходили их навещать. Чаникой, брат Торганэя, был сыном младшей дочери скотовода из рода Кувульгат.

[3] «Посмотрел на дверной столб — тот уже упал». В сказаниях восточных эвенков герои, уходя в походы, ставят с двух сторон двери столбы — деревянные или железные. По этим столбам оставшиеся узнавали о судьбе героя. Если столб заржавеет или сгниет и упадет, героя считали погибшим. Но если герой отсутствовал много лет, то столбы могли падать и от времени.

[4] Трехголовый орел в этом сказании играет роль волшебника-помощника, дающего герою волшебного верхового оленя. Помощники, как уже отмечалось, характерны для тюрко-монгольского эпоса.

[5] «Насадил кору на пятки», т. е. привязал к ногам куски бересты и при помощи их перешел через реку — древнейший способ перехода через реку.

[6] Марь, марник — долина, покрытая низкорослым березняком, ольшатником или ивняком.

[7] Описание приучения дикого оленя к верховой езде соответствует действительности. Эвенки-орочоны из верхней части бассейнов Алдана и Зеи считают, что олени, рожденные от диких оленей, сильнее и быстрее бегают. Они приучают их к вьюку и упряжке в нарте. Если приучение к езде в караване не представляет затруднений, то приучение к езде передовиком является очень длительным и трудным процессом.

[8] См. сказание 10, прим. 8.

[9] В данном сказании охотник Торганэй наделен сверхъестественной силой; кроме того, он еще шаман, умеющий превращаться.

[10] По представлениям эвенков, некоторые животные после сотворения людей и животных остались у духа — хозяина верхнего мира («бога») в качестве посредников между ним и людьми.

[11] См. сказание 1, прим. 9.

16. Алтанэй

Данное и последующее сказания превратились в сказки. Три брата — пеших охотника и сестра живут вместе. Два брата охотятся, один остается дома с сестрой. Сестра просит братьев принести ей для игры зайца, те приносят. После их ухода она, сунув зайца в ящик, пускает его по течению реки. Ниже по реке живет скотовод Керальто-Гаральто из рода Курэнгой. Он уводит девочку к себе и делает ее своей женой. Братья, узнав об этом, отправились мстить. В пути они встретили старика-предсказателя. Добрались до Керальто-Гаральто, убили его, а сестру привязали к хвосту коня и отпустили. Случаи краж женщин у тунгусов полуоседлым населением Забайкалья и Верхнего Приамурья отмечались в исторических источниках XVII в. Например, мы узнаем из расспросных речей Копылова и Москвитина, что у тунгуса Томкони Лалигир, кочевавшего в верхнем течении Алдана и неоднократно выходившего на Шилку и Амур, «была взята жена ево в полон в ту орду... на Омур-реку и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. П. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томск. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963, стр. 30).

[1] См. сказание 4, прим. 12.

[2] Привязывание женщины к хвосту лошади как наказание заимствовано из тюркских сказаний; этот мотив нехарактерен для эвенкийского фольклора.

17. Алтанэй и Тывьенэй

Братья — конные охотники живут вместе с сестрой. Однажды прилетает птица-вестник Моксовул и сообщает девушке, что придет жених Киро. Следом за ней приезжает жених, дает девушке игрушку и уводит к себе. Братья, вернувшись, не находят сестры. Тогда они едут вниз по реке к Киро. По пути встречают стариков-предсказателей и богатырей Мукилту и Курболтуна, которые присоединяются к ним. Киро встречает их, угощает вином и укладывает спать в доме. Ночью Киро поджигает дом. Курболтун, проснувшись, разбивает дом глыбой, а Мукилту гасит пожар водой. Они перебивают много людей Киро. Через год к братьям прилетает птица Моксовул и предупреждает, что скоро Киро придет к ним с войсками. Курболтуну удается убить Киро.

[1] Песенка «Утки, утки к соседям летят» очень древняя и сохраняется как у восточных, так и у западных (с бассейна Енисея) эвенков. Сейчас ее полный текст уже забыт и поют только две строки.

[2] В собственных именах с окончанием на *-н*, как и в ряде предметных слов, конечный звук может сохраняться и опускаться, например: Кирэлту и Кирэлтун, Мукилту и Мукилтун.

18. Курэнгой

Два брата жили с сестрой. Уходя на охоту, они оставляли сестре игрушки. Однажды она написала Курэнгою письмо на шкурке зайца, в котором просила увезти ее. Письмо она спустила в ящике по течению реки. Ящик попал в водоворот и был замечен работницей Курэнгоя. Его вытащили. Прочесть письмо смогла только работница, взятая в плен от охотников. Курэнгой убил свою жену и послал богатырей за девушкой. Братья вернулись, смотрят — сестры нет. Они направились к Курэнгою. Их встретили, напоили вином и собрались убить. Тогда младший превратился

в муху и улетел. Старший, превратившись в бабочку, тоже полетел, но застрял в натянутой вокруг дома сетке. Его вынули, ослепили и убили. Первая жена Курэнгоя была колдуньей. С помощью колдовства она вышла из могилы и, вытащив оттуда же старшего брата, вставила ему глаз лося. Он нашел младшего брата, и оба пошли мстить Курэнгою. По пути встретили и пригласили двух богатырей — Курболтуна, подкидывавшего глыбы камня, и Мукилту, набиравшего в рот воды объемом с целое озеро. Курэнгой встретил их, напоил вином и уложил спать в доме. Ночью дом был подожжен. Но Мукилту, который не пил вина, погасил пожар водой изо рта. Курболтун открыл глыбой замкнутую дверь. Богатыри погнались за Курэнгоем. Догнав, они зарыли живыми в землю Курэнгоя и его жену.

[1] «Я бы написала письмо». О грамотности аргунских тунгусов писал Идес: эта группа тунгусов считала себя родственной с торгачинами и вела с ними переписку (E. Isbrandss I d e s. Three Jears Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103).

[2] Работницами обычно были женщины, взятые в плен. У Курэнгоя работницей была женщина из среды охотников.

19. Мокогдыр и Сигундар

Мокогдыр и трое юношей отправились к дочери Сигундара. По пути они переезжали через две реки. Вторая из них описывается как река из мира мертвых. Мокогдыр переехал, товарищи же его не смогли перебраться. Мокогдыр доехал до Сигундара. Там его встретила служанка Тонгколдин и выдала себя за дочь Сигундара. Дочь Сигундара ночью вернулась с охоты, узнала, что Мокогдыр спит со служанкой, побила ее, а ему дала ряд заданий. Дочери Сигундара в сказании частично придаются черты хозяйки тайги, у которой вместо щенков — медведи, вместо домашнего скота — лоси; в ее распоряжении были все кустарники и тальники. Мокогдыр рассказал ей о своих местах, об оленях и доме, и она отправилась с ним. Когда они проходили мимо его сородичей, Мокогдыра и жену пригласили угоститься сэвэном. Она отказалась и, превратясь в птицу, исчезла.

[1] Имена эвенков, оканчивающиеся на *-дыр, -дар*, имеют монгольское происхождение. Эти суффиксы, образуя собственные имена, добавляются к основам эвенкийского происхождения: *Моког* + *дыр* (*Мокогир* — название рода), *Сигун* + *дар* (*Сигун* — «солнце»).

[2] «Багдакэ, багдакэ» — непереводимое слово; по-видимому, ранее было началом запева.

[3] См. сказание 10, прим. 8.

[4] См. сказание 6, прим. 1.

[5] См. сказание 6, прим. 1.

[6] Саламат — тюркское блюдо из жаренной в масле муки. От якутов перешло к восточным эвенкам.

[7] Слово «мата» в данном сказании, как и во всех преданиях, обозначает каждого члена рода, с которым действующее лицо находится в отношениях свойства. Следовательно, слово «мата» можно перевести как «свойственник», «сват», «сватья».

[8] Сэвэн — обряд съедания головы медведя. На этот обряд съезжались члены двух родов, находящихся во взаимнобрачных отношениях. К празднику варили голову медведя и в большом количестве сала жарили мелко изрубленное отварное мясо; это блюдо также называлось сэвэн (см. подробнее: Г. М. В а с и л е в и ч. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957). Кроме того, слово «сэвэн» обозначает духа — помощника шамана. Производное слово «сэвэнчэ» переводится как «шаманить» (букв. «находиться в состоянии сэвэн»). Эти три значения

свидетельствуют о том, что первоначально окуривание дымом горящего сала и понималось как обращение к духам.

[9] «Прежде она была божеством». Слово *Тангара* — «божество» заимствовано из якутского. Образ дочери Сигундара в этом сказании вобрал в себя черты древнего образа духа — хозяина земли и всех зверей.

20. Сирбут-Сирбунэй

Жили сестра с братом. Брат постепенно приучался к охоте, принося сестре птиц и зверей. Однажды две гусыни-девицы, дочери Сигундара, унесли его две стрелы, предложив ему догонять их. Сестра в ответ на его жалобу указала, где он сможет найти волшебного (богатырского) коня. Брат ушел, добрался до коня, укротил его и стал его хозяином. Этот конь указал, как найти другого коня — золотого, и предложил ему выбрать одного из них. Но Сирбут захотел быть хозяином двух коней. С двумя конями он отправился на поиски дочерей Сигундара. Золотой конь стал отставать. В пути первый конь помогал и Сирбуту, и золотому коню. Наконец, они добрались до Сигундара-скотовода. Сигундар предложил ему нарядные одежды. Начались приготовления к свадьбе. После угощения дочери Сигундара увели Сирбута на ночлег. Во время сна Сигундар хотел убить его. Сирбут почувствовал и проснулся; он превратился в муху и вылетел в окно. Сигундар опять предложил ему превратиться в человека и помириться. Сирбут согласился. Опять устроили угощение. Но, когда Сирбут напился, Сигундар велел своим богатырям сунуть Сирбута в железную бочку и утопить в реке. Выручил его первый конь: пнул бочку ногою так, что она раскололась. Сирбут вернулся к Сигундару и, превратясь в муху, влетел в покои. Он выкрал свои стрелы и вызвал Сигундара на поединок. Сигундар предложил ему биться с тремя богатырями, затем с девятиголовым змеем. Когда Сирбут снес восемь голов змея, пришел его сын и указал отцу, как надо стрелять, чтобы убить. Так Сирбут убил змея. Отец и сын вернулись к матери — одной из дочерей Сигундара.

[1] См. сказание 15, прим. 6.

[2] См. сказание 10, прим. 6.

[3] «Ты обеих возьмешь в жены». Традиция двоеженства была характерна для скотоводов, с которыми охотники находились во взаимнобрачных отношениях.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон

В предании говорится о столкновении между родами Момочар и Нюрумняль. Столкновение было вызвано нарушением правил охоты: Ховоко Момочар убил лося, за которым гнался Нюрумняль. У Нюрумнялей умер человек, и они, считая, что смерть вызвана шаманом из рода Момочар, «съевшим» душу умершего, собрались отомстить этому роду. Таким образом, описываемая в предании вражда вызвана двумя причинами. Когда с каждой стороны было убито поровну, произошло примирение. В предание включено описание способа подготовки бойцов-сопингов.

[1] Ховоко был воином-охотником и военным вождем в роде Момочар. В местах, где он кочевал, осталось название хребта Ховоко, расположенного в районе Илимпеи, в 7 км ниже р. Кочочума (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873—1875 гг. Записки Русск. геогр. общ. по общей географии, т. XX, вып. 1, 1896).

[2] Нюрумняли — люди рода Нюрумня. Название состоит из слова *Нюру* + *-мня* (суффикс, обозначающий принадлежность женщины к роду) + *-л* (суффикс множественного числа). Места кочеваний рода Нюрумня отмечаются сохранившимися топонимами: хребет Нюрумняды (букв. «относящийся к Нюрумне»), расположенный справа от р. Иритки и р. Гарадукана; озеро Нюрумняды — к северу от Нижней Тунгуски; обнажение Нюригды (букв. «нюрижский») на хребте Онгкочо, ниже пос. Наканна (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского...). Таким образом, древние места кочеваний этого рода находились в районе Нижней Тунгуски, между реками Кочочума и Онгкочо, и в бассейне р. Илимпеи. Д. Г. Мессершмидт, проехавший в 1723 г. по Нижней Тунгуске, писал, что тунгусы, кочующие южнее этой реки, охотились и севернее, в 3—4 днях от Нижней Тунгуски (D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Teil 2. Berlin, 1964). По преданиям сымских эвенков (потомков нижнеангарских тунгусов XVII в.), пешие охотники Нюригды (букв. «нюрижский») жили в землянках (букв. «в нижнем мире»), в местности у оз. Ламу (Байкал), где не было ни берез, ни лиственниц. Они обменивались ножами и женщинами с эвенками другого рода.

Так как эвенки ходили на охоту к северу от Нижней Тунгуски, группы, кочевавшие в этих местах, во время выделения административных волостей (управ) стали называться нюрумняльским административным родом (волостью, управой). Б. О. Долгих, принимая административный род (волость, управу) за племя, считает в своих работах род Нюрумняль племенем.

В данном предании слово «люди» (люди-Нюрумняли) выражено термином *тэгэ*, обозначающим «семья», «род», «племя», «народ».

[3] «Успел убежать — пролез под снегом». В тайге между Енисеем и Леной всегда существует мощный слой рыхлого снега, так как оттепелей почти не бывает. Поэтому во всех преданиях одним из способов ухода от врага является бегство под снегом. При нырянии в снег след терялся и преследуемые таким образом оставались незамеченными. Этот способ спасения эвенки заимствовали от боровой дичи, которая также уходит под снег, прячась от врагов.

[4] Если во всех сказаниях слово «сонинг» равнозначно русскому «богатырь», то в преданиях сонингом (или *сэнэ*, букв. «силач») называют лучшего охотника, который снабжает мясом всю группу, кочевавшую вместе. Чаще всего эта группа состояла из двух больших семей, находившихся во взаимнобрачных отношениях друг с другом. Во время военных столкновений сонинг выходил на поединок с противником или становился главою отряда. Сонинги назывались также *гагакта* и *иничэн*.

[5] Эвенки в прошлом объясняли болезнь человека тем, что шаман враждебного рода начинал есть его душу. Когда шаман съедал душу, заболевший умирал. С таким представлением у эвенков встретился сержант Попов в 1794 г., проезжая по Нижней Тунгуске среди тунгусов той группы, от потомков которой записаны эти предания (Акты архивов Якутской области за 1650—1800 гг., т. I. Составил Е. Д. Стрелов. Якутск, 1916).

[6] Разделку туш диких и домашних животных производили на толстой подстилке из бересты или ветвей, чтобы кровь не попала на землю, так как, по представлениям эвенков, это могло привести к несчастью.

[7] «Пачаки — стрелок-сонинг». Пачаки, охотник-вождь рода Момо, был, по преданию, первым «князем» (т. е. старостой) у группы тунгусов, живущих между Кежмой, Ангарой и Подкаменной Тунгуской. Момо — название рода, широко расселившегося в начале XX в. по бассейну Подкаменной Тунгуски. В преданиях этот род упоминается впервые в то время, когда началась организация административных управ (родов). Род Момо выделился из древнего рода ангарских тунгусов — Кима. К. Рычков записал от сымских эвенков из рода Кима, что Кима и Момо были одним родом. В предании 3 прямо указывается, что род Момо (Момоли) были раньше родом Кима (Кимали). Мы здесь остановились подробно на этом

роде потому, что Б. О. Долгих в своей работе «Родовой и племенной состав народов Сибири» считает, что Момо (множ. число Момоль) и Мамугат — один и тот же род (Мамагат ~ Мамугат, букв. «житель реки Мама ~ Маму», нижнего притока Витима). Основывает он этот вывод на записях П. Малых (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269) и С. Широкогорова (S. Shirokogoroff. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929, p. 158), но толкует их неправильно. Б. О. Долгих пишет, что «в преданиях северобайкальских эвенков Мамугиры выступают как род тунгусов на Лене, с которыми борются предки забайкальских тунгусов» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Л., 1960, стр. 171). Записи же Малых произведены не от северобайкальских тунгусов, а от баргузинских, относящихся к другой группе. У него читаем: «Воевали мы (т. е. баргузинские тунгусы, — *Г. В.*) с Мамугирами». Ссылаясь на Широкогорова, Долгих пишет: «По этим преданиям, Мамугиры жили вместе с Чилчагирами в Иркутской губернии». У Широкогорова же говорится: «По преданиям, баргузинские тунгусы до прихода русских имели столкновения с Мамугирами, жившими севернее их, где-то в Якутском уезде. Столкновения были длительными и тяжелыми и продолжались до тех пор, пока Мамугиры не были вытеснены с территории баргузинских тунгусов... часть Мамугиров жила рядом с Чилчагирами» (там же, стр. 158; Чилчагиры жили в нижней части Витима). Территориальное название «житель Мамы» могло распространиться на витимских Сичогиров (сичугов XVII в.) и Чилчагиров, которые перешли на Нижнюю Тунгуску. Поэтому в 1794 г. сержант Попов указал, что рядом с кюндягирскими тунгусами (якутская огласовка — Кунгдогир) живут и мамагатские (якутская огласовка — Мамагир). Но в 1873 г. А. Л. Чекановский отмечал, что члены рода Мамагир уже вымерли; это вполне могло быть, поскольку на новом месте название Мамагат ~ Мамагир («жители Мамы») было постепенно забыто как территориальное, но сохранялось еще как родовое. Таким образом, название рода Момоль и территориальное название Мамугат не имеют ничего общего.

[8] Таманан, букв. «плата», «он заплатил» — в этом предании обозначает обмен девушками в знак примирения, будущей дружбы и взаимопомощи.

[9] Обучение воина-охотника начиналось в детском возрасте. У западных эвенков в мальчика бросали горячие угольки, камни, наконец пускали стрелу, ставя его на разные расстояния, и он должен был суметь отскочить. Затем он влезал на дерево и учился вовремя спрыгивать оттуда, чтобы увернуться от пущенной в него стрелы. Аналогичный способ воспитания упомянут в преданиях коряков (С. Стебницкий. Фольклор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии). На востоке эвенков учили ловить серединкой лука пущенную в них стрелу, что также требовало ловкости и умения подскакивать.

[10] У эвенков шаманы и сонинги могли быть чужеродцами. В межродовых столкновениях убивали только мужчин, женщин же и детей не трогали. Если все мужчины были перебиты, их жен и детей победители были обязаны взять в свой род. Иногда родичи захваченных отбивали и возвращали их. Но часто дети вырастали в чужом роде. Эти мальчики могли стать сонингами и шаманами, если они отвечали всем необходимым для этого требованиям, и новый род их признавал. Таким чужеродцем и был шаман у рода Нюрумня.

[11] Во всех преданиях сонинг убивает только врагов, только тех, кому надо отомстить. Никогда он не убивает мужчин, являющихся чужеродцами во враждебном сонингу роде. Иногда эти чужеродцы бывают одного рода с сонингом.

[12] Свойственник — здесь употреблено слово *ибден* (букв. «введенный»). Данное понятие является отражением древнего матрилокального брака.

[13] Бугорки на обечайке бубна назывались «ушами» и «глазами» бубна. С помощью этих бугорков шаман предсказывал будущее.

[14] Перед поединком эвенки «играют стрелами», т. е. обмениваются стрелами.

[15] Об употреблении множественного числа вместо единственного см. сказание 2, прим. 7.

[16] Тиска (эвенк. *тікса*) — покрышка чума, сшитая из трех полос бересты и обшитая берестяной каймой. Обычно остов жилища покрывают 4—5 тисками.

[17] В каждом родовом стойбище прежде всего выделяли сторожей (*этэйэмнил*) — стариков или молодежь, которые должны были следить за приближением врага. Старики устраивали себе шалаш, а молодые сидели на деревьях. О приближении врага они давали знать криками ворона «Ку! Ку!». Предания говорят, что эти сторожа не участвовали в охоте. Этому не соответствует указание А. Ф. Анисимова, согласно которому сторожа «были из наиболее сильных и ловких охотников, отличающихся теми или иными доблестями и имеющих известные заслуги перед родом» (А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков. Л., 1936, стр. 87).

[18] «Вылез через дымовое отверстие». На Подкаменной Тунгуске жили пешие, т. е. береговые, тунгусы, не имевшие оленей. Зимой они жили в чуме-голомо, построенном из плах, составленных конусом и снаружи покрытых дерном или снегом. Особенно тщательно обсыпали снегом нижнюю часть. Насыпь достигала в высоту одного метра и более. Таким образом, входя в дверное отверстие, приходилось внутри чума спрыгивать вниз. Такое жилище сохранялось и в начале советского периода. В древнее время голомо ставилось над ямой, и, по рассказам эвенков, входить в жилище приходилось через дымовое отверстие. Следы таких ям найдены в районе Байкита, недалеко от устья Чуни.

[19] Столкновения между представителями разных родов могли быть вызваны разными причинами. В этом предании Ховоко убил лося, за которым гнались Нюрумняли, т. е. нарушил охотничью традицию. За это Нюрумняли убили человека Ховоко, посланного к ним сватом. Позднее Ховоко за смерть свата убил одного Нюрумню, а те в ответ убили брата Ховоко. Тогда он убил еще одного Нюрумню. Таким образом, с каждой стороны было убито по два человека, после чего и произошло примирение.

[20] Традиция варить тело (или его часть) убитого была характерна для преданий западных эвенков, живущих в бассейне Енисея.

[21] Эвенки объясняли это тем, что такой сонинг был уже старым, всю свою жизнь он охотился и кормил большое количество людей.

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

В этом предании столкновение произошло из-за того, что Куркогиры забивали оленей, принадлежавших Кордуялям.

[1] См. предание 1, прим. 4.

3. Олени

В предании рассказывается, что у пеших эвенков Подкаменной Тунгуски олени появились после Пачаки. Первыми оленеводами стали верховские группы эвенков.

[1] Ганальчи — так назывались все эвенки Нижней и Подкаменной Тунгусок, к северу от Ангары. Слово условно переводят как «стрелок», имея в виду основу *ганат* — «стрелять» (из лука). Но слово *ганальчи* состоит из корня *гана-* и суффиксов *-л, -чи*; последний при предметной основе обозначает владение чем-либо, при глагольной (по аналогии с монгольским) — образует имя деятеля. Таким образом, этимология слова остается пока невыясненной.

4. Ховоко

Рассказ о мести Ховоко своей родне.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] Здесь в значении «шаманить» употреблено слово *гулирэн*, что буквально означает «положить кости зверя на помост».
[4] «Попал одному в сухожилие» — стрельба в ноги убегающему противнику характерна для всех преданий эвенков.
[5] «Восемнадцать стрел», букв. «две девятки». Счет девятками (две, три, четыре девятки) был распространен среди эвенков, имевших ранние связи с монголами; счет семерками — среди эвенков, имевших ранние связи с тюркоязычными группами.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Описывается столкновение родов Момочар и Момо.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] Топоко — сонинг рода Момо. О кочевании его в этих местах свидетельствует название возвышенности Ховоко у р. Онгнекон, против современного поселка Кислокан на Нижней Тунгуске.
[3] Перед поединком эвенки обращались к противнику, предлагая тому «приготовиться» — быть готовым отскочить от пущенной в него стрелы.
[4] Обычно эвенки, отходя от могилы, пятились задом на определенное расстояние.
[5] См. предание 1, прим. 20.

6. Лонгко

Предание о столкновении двух родов из-за убийства свата.

[1] Стрелок-гатакта — стрелок, убивающий с первой стрелы и умеющий так отскакивать, что в него не попадали стрелы противника.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] Род здесь назван словом *тэдэл* (во множ. числе).

7. Ибде

В предании говорится о жизни зятя в семье жены и о его мести родителям жены за плохое отношение к нему. В предании отразились семейные отношения более позднего времени: зять живет и работает в семье жены, чтобы оплатить калым.

[1] См. предание 3, прим. 1.
[2] Ибде — собственное имя, данное по термину *ибдери*, т. е. «зять», букв. «введенный».
[3] См. предание 6, прим. 1.
[4] См. предание 1, прим. 4.
[5] Первый шейный позвонок оленя или лося считался у эвенков плохой пищей.

8. Пачаки

В предании описано начало торговых отношений между русскими и тунгусами в районе Кежмы на Ангаре, а также столкновение ангарских Момолей с нижнетунгусскими Кунгногирами. После столкновения Кунгногиры пожаловались в русский суд на Пачаки Момо. Его наказали. Но так как он был умным и способным человеком, его назначили «князом»

(старостой). Исторические источники зарегистрировали неоднократные столкновения между тунгусами Подкаменной и Нижней Тунгусок, например столкновение Кунгногиров с тэтэрскими (подкаменнотунгусскими) эвенками в 1653 г., нижнетунгусских Мучигиров с ангаро-илимско-ленскими Нялягирами в 1672 г. и др.

[1] У эвенков распространен способ определения времени событий по отношению к какому-либо известному лицу («до» или «после» него).

[2] См. предание 3, прим. 1.

[3] Употребление слова «самостоятельный» в значении «умный» заимствовано из местного русского говора.

[4] Эвенки с бассейна Подкаменной Тунгуски до советского периода не знали партяной упряжки, а до прихода русских и вообще не знали саней.

[5] Рассказчик ошибочно употребил русское слово «куплю» вместо «убью».

[6] «Нирушка» — так стали называть русские торговцы эвенков и эвенки русских. Слово *ниру* по-эвенкийски значит «друг», *-шка* — русское окончание.

[7] «Лу́ча» — эвенкийское произношение слова «русский». В эвенкийском языке нет слов с начальным *р-* и с окончанием *-ский*.

[8] Кунгногир — эвенкийский род, в XVII в. кочевавший по бассейну Нижней Тунгуски, между реками Кочомо и Эйко. Часть их вышла к западу, в бассейн Верхней и Нижней Чунь и на приток Чуни — Чунку. Часть их попала на среднюю часть Подкаменной Тунгуски, между реками Тайга и Комо, куда они пришли с Чадобца (приток Ангары). А на р. Чадобец их во время столкновения оттеснили Момоли с Пачаки. Столкновение Кунгногиров с тэтэрскими тунгусами (подкаменнотунгусские Момоли) отмечено в 1653 г. (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 175). Все Кунгногиры (Кунгдогиры ~ Конгногиры ~ Конгдогиры) были членами одного рода, а не различных, как предполагает Долгих (там же, стр. 165—166).

[9] Эвенки с XVII в. стали выплачивать ясак, который в XVIII в. был заменен ежегодным денежным взносом с каждого охотника.

[10] Эвенкийское представление о наказании железными прутьями, вероятно, основано на одном случае в 1685 г., когда ангарских тунгусов Рыбинской и Чадобской волостей (в которые, вероятно, входили Момоли с Пачаки) наказали за неуплату ясака за 1684—1685 гг. (причиной чего явилось исчезновение зверя из-за хищнической охоты пришельцев). «И мы, холопи ваши, — сообщали в донесении енисейские служилые люди, — тех ясачных людей всех двухсот человек велели поставить на правеж и били на правеже день» (цит. по: Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 12).

9. Пачаки Момо

Во времена организации первых волостей, т. е. во времена Пачаки, в низовьях р. Чуни жили два рода — Момоли и Куркогиры. Они находились во взаимнобрачных отношениях и выступали вместе против Чемдалей, живущих в верховьях реки. У последних были ружья, а у первых — только луки. Момоли с Куркогирами мстили Чемдалям за убийство брата Пачаки. Чемдали подали в русский суд на Ангаре жалобу на Куркогиров с Момолями. Момолей осудили и наказали. Потом Пачаки был назначен «князем» (т. е. старостой). Так эвенки представляли себе назначение русскими властями «князя». Они считали его представителем русских властей и никогда не путали административный «род» (т. е. управу, волость), который они называли русским словом «орда», с кровным родом.

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Чемдали (ед. ч. Чемда) — эвенкийский род, расселенный в XVII в. по Ангаре, в районе Кежмы, и севернее. В настоящее время потомки его живут в верхней половине бассейна Подкаменной Тунгуски.

10. Пачаки Момо

Хотя этот текст является рассказом, а не преданием, он относится к тому же времени, что и предыдущий. Представляет интерес отклик, который получил в этом рассказе случай неурожая хлебов на Ангаре. Это в свою очередь говорит о том, что эвенки быстро привыкли к русскому хлебу. Кроме того, здесь интересен способ приобретения оленей пешими охотниками — в виде приданого жены. К этому же времени относятся факты, рассказанные Калтаном Баликаном М. Ошарову, который на их основании написал книгу «Большой аргит» (Красноярск, 1935).

[1] «Русская казна» — так эвенки называли русскую власть и казенные запасные магазины.
[2] «Второй холод» — так эвенки называли вторую половину зимы.
[3] «Вот я стал взрослым». Здесь употреблено слово *бэйэ* — «человек», «тело», «сам».

11. Момоли и Чемдали

В предании описана процедура сватовства между членами родов Момоль и Чемдаль. Чемдали отказались принять сватов, что привело к столкновению. Чемдали подали в русский суд жалобу на Момолей. Подробно описано наказание, после которого оба рода примирились.

[1] Сваты, подходя к стойбищу, пускали маленькую стрелу — сэлэ, которая обозначала, что идут люди с мирными целями, и кричали «Сэлэ!» — традиционное слово, возвещающее о приходе сватов.
[2] «Химилгон» — традиционное слово, обозначающее отказ сватам.
[3] «Кровь свою лакают!» — ругательство.
[4] «Кости растеряешь!» — образное выражение, обращенное к старику.

12. Чемдали и Хорболи

Смерть одного из Хорболей стала причиной столкновения двух родов. Чемдали обещали отдать за умершего свою девушку. Но беременность этой девушки позже стала причиной нежелания отдавать ее в чужой род. В предании описываются боевое одеяние Чемдалей, приготовление к бою, бой и смерть брата Пачаки — Лонгко.

[1] «Этот, однако, не простит». Считалось, что неожиданная смерть человека была вызвана духами шамана враждебного рода. Сородичи умершего мстили роду шамана.
[2] Девицу, забеременевшую до брака, род не выдавал замуж в другой род, пока она не разрешалась от бремени. После этого она могла выйти замуж в другой род, оставив ребенка в своем роде, но ее могли и не отдать.
[3] «Си-ри-да! Да-ли-да!» — клич, не переводимый из современного языка, служащий как бы объявлением о начале военного нападения.
[4] См. предание 1, прим. 4.
[5] Здесь слово «люди» обозначено термином *тэгэ* — «семья», «род», «племя», «народ».

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

В предании Нюрумняли отказались выдать девушку объединению Момолей и Куркогиров. Это привело к столкновению. С целью примирения Нюрумняли отдали этим двум родам двух женщин. После этого все три рода объединились и начали кочевать вместе.

[1] См. предание 3, прим. 1.
[2] Тура — центр Эвенкийского национального округа.
[3] По преданиям и историческим источникам XVII в., эвенкийские роды (и части их) объединялись чаще всего по два. Иногда объединялись и три рода, как в данном предании. Это были роды, бравшие взаимно женщин в жены. Объединения не были постоянными и при любом случае быстро распадались. Но и столкновения довольно быстро прекращались, если побежденные в знак примирения отдавали женщин в жены победителям. После этого роды обычно объединялись и кочевали вместе до следующего столкновения.

14. Кордо

Описывается отпочкование частей рода, характерное для преданий всех групп эвенков. По традиции, это объясняется тем, что братья не сумели поделить перья птиц для оперения древков стрел, поссорились и разошлись. Разойдясь по новым местам, они дали начало новым родам.

[1] См. предание 1, прим. 4.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

У Нюшкагиров сонингом был человек из рода Куркогир. По ошибке он изогнул металлическую подвеску на костюме шамана. Это послужило причиной ссоры и столкновения Куркогиров с Нюшкагирами. В столкновении участвовали все мужчины, включая и шамана. Два лагеря остановились друг против друга и развели костры. Затем начали пускать друг в друга маленькие стрелы, сообщая о предстоящем бое. Куркогиры разбили Нюшкагиров (ср. предание сымских эвенков о столкновении двух родов, в котором участвовали шаманы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 90).

[1] Куривон — синоним слова «сонинг».

16. Сергунго Кордуяль

Действие происходит после введения ясачных сборов. Мужчины рода Кордуяль повезли ясак на Ангару, в Кежму. Для охраны женщин и детей остался старый сонинг Сергунго. На оставшихся напала группа враждебного рода. Враги убили сонинга и увели женщин и детей, оставив для обратной мести старуху с мальчиком. Мужчины, ходившие с ясаком, вернулись. Не найдя жен и детей, они пошли мстить. Отбили женщин и детей и вернули их обратно.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] На Подкаменной Тунгуске не было таких ясачных изб, какие были на Нижней Тунгуске (Мангазейский уезд). Здесь сами эвенки должны были привозить ясак на Ангару — в поселки Богучаны, Чадобец или Кежму.
[4] С ясаком ушло восемь мужчин, а для охраны женщин и детей остался один мужчина. Это говорит о том, что группы эвенков одного рода,

жившие вместе, были небольшими. Члены одного и того же рода могли жить такими группами в разных местах. Такую же картину дают исторические источники. Так, в «Книге приходной ясашной мягкой рухляди» Енисейского острога за 7130 (т. е. 1621—1622) г. перечисляется количество соболей, сданных «князьями», т. е. главами групп ангарских тунгусов. По количеству сданных ими соболей можно судить о численности мужчин в группе (роде) — 3—5 человек (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 274).

[5] Столкновения между разными группами эвенков происходили и после введения ясачных сборов. Боясь нападения враждебной группы, мужчины, уходя сдавать ясак, оставляли сонинга, хотя бы и старого, который в случае нападения мог бы защитить женщин и детей.

[6] «Сумучокор! Сумучокор!» — один из военных кличей.

[7] См. сказание 4, прим. 12.

[8] Мотив оставления врагами в живых старого человека и мальчика, который мог бы в будущем отомстить за смерть своих сородичей, встречается в разных преданиях эвенков.

[9] Уведенные женщины обычно помогали своим мужчинам, которые приходили их выручать. Они потихоньку указывали, где были враги, подрезали тетивы их луков, иногда они действовали пальмóй или топором, как в данном предании.

17. Гильбовуль

В предании рассказывается о столкновении двух родов.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] Сторожами могли быть и девочки. См. предание 1, прим. 17.

[3] В каждом роде (позже территориальной группе) был мастер по изготовлению луков, который делал луки для всех мужчин. Жил он всегда отдельно. Мясо для еды ему доставляли охотники-заказчики.

[4] См. предание 1, прим. 18.

[5] Караваны эвенков, встретившись в тайге, день-другой стояли вместе на одном стойбище и по вечерам обычно устраивали хороводы — *йэхэрйэ*. Приведенный здесь оборот означает, что радость встречи была омрачена слезами по убитому.

[6] Сожжение тела врага на костре — традиция, характерная для восточных эвенков. Восточная традиция в преданиях западных эвенков указывает на то, что в их составе имелись и восточные эвенки.

18. Бакадя Момо

Предание об одном члене рода Момо — шамане по имени Бакадя (букв. «найденыш»). Однажды Бакадя и другой шаман поспорили о том, чьи духи-помощники сильнее, и устроили их состязание. Оба в полном облачении сели на лед реки и сидели до тех пор, пока второй шаман не замерз. Бакадя же просидел еще два дня. Потом он предложил своей жене уйти из этих мест. Они должны были отправиться в путь без металлических предметов. Жена нечаянно забыла вынуть из пояса металлический игольник. Тогда Бакадя потерял ее в пути, а сам стал невидимкой-мэлкэном.

[1] Мэлкэн — невидимка. У эвенков Нижней и Подкаменной Тунгуски мэлкэном назывался дух души покойного — невидимка, лишь иногда появляющийся в виде огонька или головешки или в виде множества огоньков — миража. В маньчжурском языке слово *мэлкэнь* означает «марево», «призрак» (И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. 882). В значении «огонек» это слово может быть сопоставлено с чукотским *милгын* — «огонь».

[2] По представлениям эвенков, вдовец приносил несчастье.

[3] Шаманские кафтаны — плащи имели сзади «хвост» — в виде острого мыса на подоле (или спускающейся со спины узкой полосы) с колокольчиком на конце (Г. М. Василевич. Тунгусский кафтан. Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958).

[4] Согласно традиции, при захоронении шамана нельзя было класть в гроб металлические подвески. Их вместе с шаманским костюмом вешали около захоронения. Полет «на край земли» обозначает переход души шамана в мир мертвых.

19. Утышка

Два рода матак, находящиеся во взаимнобрачных отношениях, жили вместе. В одном из этих родов решили убить главу другого рода, чтобы захватить вьючные сумки и оленей. Разговор об этом происходил на якутском языке. Парень, бывший при разговоре, все понял и сообщил своим.

[1] Матак — род свойственников.

[2] «Человек из этого рода». Здесь в значении «человек» употреблено слово *тэгэ* — «семья», «род», «племя», «народ».

[3] Слово «люди» здесь также выражено термином *тэгэ*.

[4] См. предание 6, прим. 1.

[5] У непских и верхнеленских эвенков широкая лыжа *келчи* служила охотничьей нартой, на которой перевозили необходимые охотнику вещи. Вероятно, такая же *келчи* была и у ангарских групп, перешедших на Подкаменную Тунгуску.

[6] «Хавун» — традиционное слово, которое говорят кому-либо перед тем, как его убить.

20. Деерок

История про шаманку, которая шаманила, будучи беременной. Во время камлания она передала свой плод мужу, а затем снова возвратила его себе. От этого она во время родов сошла с ума. Сошли с ума и двое ее детей. Сумасшествие шаманки и ее потомства эвенки объясняли тем, что ее испортили духи-помощники.

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. сказание 19, прим. 8.

[3] Словом *мэлкэн* называли и шаманов, которые могли становиться невидимыми.

[4] Нгеви — мир нерожденных душ.

21. Юргины

Предание о столкновении ангарских эвенков из рода Чемдаль с нижнетунгусскими из рода Ошикир. Ошикиры шли с Нижней Тунгуски на Подкаменную через реку Ерому. Юргины — глава рода Чемдаль не захотел отдать Ошикирам в жены девицу, потому что те убили его сородича. Это дало толчок к столкновению. Юргины был убит, но брата его, Лопкончо, убить не смогли, потому что он был в броне. Лопкончо хотел мстить Ошикирам, но встретил в тайге двух женщин, отправленных Ошикирами в уплату за убитого. На одной из них женился Лопкончо, на другой — его сват. Тогда Чемдали и Ошикиры помирились. Сержант Попов в 1794 г. записал у эвенков из района, где жили Ошикиры, данные о количестве женщин, которое побежденный род должен был выдавать победителям за убитых и раненых мужчин (Акты архивов Якутской области, т. I. 1650—1800. Якутск, 1916, стр. 294).

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Ерома — левый приток Нижней Тунгуски.

[4] Этот обычай свидетельствует о восточном происхождении Ошикиров.
[5] См. сказание 4, прим. 12.
[6] Древним способом захоронения у эвенков было помещение трупа в вертикальном положении в дупло. Такого типа захоронение было найдено Вилюйским отрядом геологической экспедиции в верховьях Вилюя в 1925 г. Позже гроб из дупла дерева стали плашмя укладывать на столбы или на подрубленные стволы деревьев.

22. Юргины

Предание о мести Юргины за убийство отправленного им свата. Мстя, он должен был убить одного человека. Он дважды прибег к хитрости. Во-первых, он уговорил свою дочь, чтобы та взяла в мужья одного парня из рода, которому он должен был отомстить. Когда парень в качестве мужа поселился в чуме Юргины, последний придумал вторую хитрость, чтобы его убить.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 1, прим. 12.
[3] Убийство с помощью обмана нехарактерно для эвенков. Этот мотив, по-видимому, заимствован от якутов.
[4] Искать вшей в волосах друг друга у эвенков было своего рода лаской. В отдельных случаях этим пользовались, чтобы неожиданно уколоть ножом в затылок и убить.

23. Нурговуль и чангиты

Тема о Нурговуле распространена в средней части бассейна Нижней Тунгуски и севернее, в озерном районе. Она попала и в оленекский хосунный эпос. В предании чангиты ночью напали на семью Нурговуля и убили его сыновей. Родичи Нурговуля начали мстить за убитых. Нурговуль же ушел один в тайгу. Чангиты его увидели, хотели убить, но он сбежал. Они погнались за ним и нашли его уже мертвым.

[1] По рассказам тетейских эвенков, Нурговуль из рода Монгол кочевал по бассейну р. Илимпеи и в верховьях р. Тетеи; в верховьях Илимпеи, как указывали, находится его могила. Жил он, по преданию, во время организации административных волостей. Возможно, это имя совпадает с именем Нурговуля из списков ессейских тунгусов (1768 г.) (Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952, стр. 22).
[2] Чангиты — так названы в этом предании враги. Предания, в которых говорится о чангитах, распространены у эвенков, живущих от западной границы на восток до линии Алдан—Зея. Чангит (эвенк. *чан* + *гит*), по-видимому, название какого-то очень древнего племени *чан*, которое постоянно нападало на эвенков; поэтому слово стало синонимом врага (см. подробнее о чангитах: Г. М. Василевич. Фольклорные материалы и родоплеменной состав тунгусов. Труды Второго всесоюзн. геогр. съезда, т. 3, 1949).
[3] Существовало правило — не убивать спящего без предупреждения.
[4] См. предание 1, прим. 20.
[5] См. предание 1, прим. 21.

24. Олувуль и Нурговуль

По рассказам ербогоченских эвенков, Олувуль и Нурговуль были сонингами у эвенков с р. Илимпеи. Жили они во время организации административных управ, т. е. во время первых пятилет. Оба сонинга были ис-

кусными стрелками и не могли друг друга убить. Олувуль перебил много эвенков. Поэтому эвенки искали его. Однажды Олувуль пришел в чум к обиженным им людям. За ним погнались и окружили. Тогда он сказал, что состарился и пришел к ним, чтобы его убили. С его же помощью им удалось его убить. Жена Олувуля отдала им стрелы мужа и некоторое время кочевала с ними. С тех пор тундра на истоках р. Лимты стала называться его именем.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] «Стреляя друг в друга, они ловили стрелы» — эта традиция, характерная для амурско-забайкальских эвенков, говорит о восточном происхождении как Олувуля, так и Нурговуля. Род Нурговуля Монгол имеет амурское происхождение. Группы этого рода вышли на запад от Лены задолго до прихода русских в Сибирь. В XVII в. семьи этого рода зарегистрированы в районе оз. Ессей и на среднем течении Ангары. Потомки рода Монгол на Нижней Тунгуске разделились на три группы, дав начало родам Монгол, Пангаракай (или Павгиракай) и Голе; они расселились по Катангскому району и Эвенкийскому национальному округу (см. подробнее: Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1962).

[3] Шуленги — так эвенки данной группы называли «князей», т. е. старост.

[4] По преданиям, сонинги на старости лет часто приходили к тем, кого они преследовали при жизни, и просили тех убить их и взять их стрелы. Возможно, эти предания и дали повод некоторым авторам (К. Рычков, С. Широкогоров) писать, что эвенки оставляли стариков умирать в тайге. Обычай убивать стариков по их просьбе характерен для чукчей и коряков.

25. Урон

Предание илимпейских эвенков, попавшее в оленекский якутский эпос.

Сонинг Урон убил у одного старика сына, а невестку увел. Старик успел спрятать внука. Он воспитал из внука ловкого стрелка и послал его вернуть свою мать. Внук, переодетый в старье, вооруженный плохим луком, пришел к Урону. Там он играл с сыновьями Урона, состязаясь с ними в стрельбе из лука. В чуме во время еды он бросил нож в Урона и выскочил из чума. Урон погнался за ним. Но парень убил Урона и увел домой свою мать. Однажды он встретил медведя и пошел на него с пальмбй. Ему удалось его убить, но и сам он был основательно ранен. Дома дед вылечил его (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 91, 246—248).

[1] См. предание 3, прим. 1. Ганальчами назывались не только эвенки с бассейна Подкаменной и Нижней Тунгусок, но и группы, кочевавшие по бассейну Котуя и верховьям Оленека.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Урон — это имя можно сопоставить с именем оленекского тунгуса XVII в. — Урия Эдяна, в детстве захваченного эвенками из рода Ванадыр (Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 345).

[4] «Я их не боюсь» — так говорить о звере, на которого охотишься, у эвенков запрещалось. Поэтому парню не удалось сразу убить медведя.

26. Урон и Унгковуль

Урон был большим мастером увертываться от пущенных в него стрел. Он собрался, наконец, посостязаться с Унгковулем. Унгковуль был уже стар и удивился, почему тот не пришел, когда он был молодым. Урону не удалось стрелой убить Унгковуля. Но во время его погони за Унгковулем волосы последнего запутались в ветвях, и тогда Урон убил его. За

смерть Унгковуля начали мстить родичи. Они пытались убить душу Урона, местопребывание которой указал шаман, но неудачно. Они погнались за Уроном и убили его. Отомстив Урону, они предложили сыну Урона, когда тот подрастет, найти их по оставленным на деревьях меткам для обратной мести. Дед вырастил внука, по силе и ловкости равного Урону. Родовой кузнец выковал ему стрелы, и он отправился мстить. Ему удалось отбить луком все стрелы врагов и перебить их, оставив в живых лишь одного. Он увел мать, но позже сам погиб от медведя.

Столкновения тундровых оленных эвенков — выходцев из Забайкалья и Приамурья с таежными охотниками получили отражение в нганасанском фольклоре (Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952).

Сюжет всех преданий об Унгковуле, Уроне и Нурговуле один и тот же: один богатырь убивает богатыря другого рода и уводит его жену; дед спасает внука, воспитывает его как мстителя; выросший внук отправляется мстить за смерть отца, убивает врага и уводит мать. В основе своей этот сюжет характерен для героических сказок народов тюркоязычного мира. Вероятно, он привнесен оленными эвенками из Забайкалья и верхнего Приамурья, где предки тунгусов могли иметь связи с ранними тюркоязычными группами.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] Унгковуль (в олонхо оленекских якутов — Юнгкеебиль) — имя сонинга оленекских эвенков. О пребывании его в бассейне Оленека свидетельствует название одной из протоков Оленека — Юнгкеебиль (в якутской огласовке).

[3] «Мы бы поиграли». Термин «играть» (*эви-*) во всех сказаниях обозначает состязание друг с другом в стрельбе из луков, в кулачном бою и т. д.

[4] «Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся». Соединение двух традиций — восточной и западной — говорит о смешении групп восточных пришельцев с западными, аборигенными.

[5] По представлениям эвенков, душа человека могла переселяться в любой предмет. Слово *маин*, синоним слова *ӧмӣ* («душа»), также забайкальско-амурского происхождения. В забайкальско-амурских говорах, по материалам С. Широкогорова, душа и охотничья удача называются одним словом — *магин* ~ *магун*.

[6] Согласно традиции, нельзя было убивать стариков с открытыми глазами.

[7] См. предание 1, прим. 21.

[8] По существующей традиции, убившие предлагали отомстить им в будущем мальчику, который подрастет, для чего они делали на своем пути отметки на деревьях.

[9] Родовой специалист — кузнец всегда жил между стойбищами рода.

[10] «Поставил лук у дверки». Луки никогда не вносили в чум, чтобы тетивы не нагревались. Оставление луков снаружи часто использовалось подошедшими врагами, которые подрезали на них тетивы.

[11] См. сказание 10, прим. 6.

[12] Эвенки к западу от Лены привязывают до сих пор ножны к бедру. Ношение ножа на бедре унаследовано от энеолитического населения Приангарья и Прибайкалья. Кроме эвенков, оно характерно для кетов, а также встречается у некоторых энцев и нганасанов.

[13] «На кого-то похожую». Существовало правило не называть медведя во время охоты.

27. Ганальчи

В предании говорится о нападении одной группы эвенков на другую. Женщины, спрятав мужей, чтобы их не убили, незаметно продырявливают лодки врагов и те тонут.

28. Захребетные жители

Фрагмент рассказа об аборигенах, живших в енисейской тайге до прихода тунгусоязычных групп. Они отличались от тунгусов тем, что ели сырую рыбу, мясо собак и снимали чулком шкуру с диких оленей. Эта тема встречается в фольклоре долганов и вошла в фольклор оленекских якутов (оякученных тунгусов).

[1] Мелеле — название мелкого тундрового дикого оленя. Слово не тунгусского происхождения. В чукотском и корякском языках В. Иохельсон записал слово *мелле* — дикий тундровый олень (W. Jochelson. The Yukagirs. New York, 1926, pp. 362—363).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Два рода эвенков из аянской (Мокогир) и чумиканской (Огинкогир) групп, бывшие во взаимнобрачных отношениях, пришли к столкновению из-за отказа одного из них отдать ранее сговоренную женщину. Огинкогиры перебили всех мужчин Мокогиров.

Рассказ о столкновении Огинкогиров с Мокогирами бытует и среди негидальцев (К. Мыльникова и В. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. Тунгусский сборник, Л., 1930, стр. 201—207). Столкновение между аянскими и амгунскими эвенками зарегистрировано в 1794 г.

[1] Огинкогиры (эвенк. *Хэгинкэгир>Эгинкэгир*) — род амгунских эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в течение XVII—XX вв. Представители этого рода, войдя в состав негидальцев, дали начало негидальскому роду с этим же названием.

[2] Мокогиры ~ Макагиры (эвенк. *Мэкэгир*) — род аянской группы эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в XVII—XX вв. Этот же род в XVII в. был записан как Макагский (Дополнения к актам историческим, т. XI, стр. 204). П. Шимкевич отметил этот род в Приамурье, где кочевали манегры. С. Широкогоров встретил представителей этого рода также в Приамурье, среди бирарченов, где они кочевали вместе с родом Манягир. Ему сообщили, что старинный род Макагир ~ Мокогир жил на Зее (эвенк. *Д'ейа ~ Д'ийа ~ Д'ейу*), поэтому его называли также еще *д'ейчер ~ д'ейучер* — «жители Зеи». Выйдя к югу от Амура, род Макагир ~ Мокогир размножился и разделился на Макагир и Мокогир.

[3] См. предание 1, прим. 4.

[4] «Один был сиротой, сыном старухи». В роде Огинкогир сонинг был родом из рода Мокогир, поскольку он был рожден от беременной женщины, взятой в плен Огинкогирами; поэтому его называли сиротой.

[5] Существовало правило во время столкновений убивать мужчин только из того рода, против которого выступали. Мужчин другого рода, выросших или родившихся в этом роде, не трогали.

30. Побоище

В предании говорится о столкновении двух родов нижнетунгусских эвенков. Интересно отметить, что в данном предании впервые описываются переход на ходулях, прятание под колодой для подстерегания врагов.

[1] См. сказание 10, прим. 8.

[2] Удивление и возражение старшего брата вызывает то, что младший брат, вместо того чтобы увертываться от стрелы противника, ловит ее сухим лиственничным суком, т. е. действует по восточному способу, нехарактерному для западных эвенков.

31. Чангиты

В предании рассказывается о нападении ангарских эвенков на непских и об уводе ими женщин. Впервые в этом предании эвенк, чтобы обмануть противника, прыгает в воду с берестяными покрышками; покрышки плывут по течению, а эвенк, нырнув, всплывает совсем в другом месте, против течения. Противник принимает покрышки за преследуемого и стреляет по ним. Предание дает возможность судить о порядке движения в кочевке: сначала идут шаманы, за ними главари, а затем уже следуют все остальные.

О столкновениях непских тунгусов с ангарскими документы XVII в. упоминают не раз. Вариант этой темы использован А. Салаткиным для написания поэмы «Гегдаллукэн, Улгэриккэн» в стихах (перевод с сохранением ритма стиха опубликован, см.: журн. «Звезда», 1939, № 4). Столкновение это имело место, по-видимому, в конце XVIII в. О нем токминские эвенки хорошо помнили в 1925 г. А одна старуха показывала нам меч, якобы сохранившийся со времени столкновения.

Название рода Хунгниканн, которое указал Коненкин, рассказавший нам предание, было в XVII—XVIII вв. хозяйственным названием всех эвенков верхней половины бассейна Нижней Тунгуски и в переводе значило «собачьи». Это название группы эвенков существовало еще в XVIII в. Д. Г. Мессершмидт, проезжая по Нижней Тунгуске, записал в этом районе название группы эвенков *хундышал* («собачьи»), а в низовье этой реки — *оротонг* («оленные»).

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] Эвенки, живущие между Енисеем и Леной, обматывали ремешком волосы от макушки головы до конца косы; коса при этом стояла в виде дуги.

[3] См. сказание 10, прим. 6.

32. Женщина и чангит

Рассказ о том, как одна женщина убила подкравшегося врага. Подойдя к стойбищу, враг залег между кочками. Одна женщина заметила его и, вернувшись домой, предложила другой спрятать детей. Но та не послушала. Первая женщина спрятала своих детей, сама же с топором присела под покрышкой в чуме. Враг, придя, убил соседку. Когда же он вошел в чум первой женщины, та зарубила его топором. В основе этого предания лежит действительный случай, о котором рассказывали в разных местах на притоках Подкаменной и Нижней Тунгусок.

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] «Чангит прижал голову к земле». Обычай прятаться между кочками, чтобы незаметно напасть ночью, упоминается в фольклоре коряков (С. Стебницкий. Фолькор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии).

[3] «Хулангаик ~ хулагаик» — древнее слово, не переводимое из современного языка. Употребляется для выражения досады, возмущения, гнева.

33. Женщина

Другой вариант предания 32.

[1] См. сказание 10, прим. 8. Забираться в пустоту колодины — один из способов спрятаться от врагов.

[2] См. предание 23, прим. 2.
[3] См. предание 32, прим. 3.
[4] См. сказание 1, прим. 11.

34. Эвенки и чангит

Это предание находится на стадии превращения в сказку.

Эвенки в прошлом строили свайные жилища, где жили семьи в то время, когда мужчины охотились. В предании один эвенк в погоне за зверем бросил свои рукавицы и шапку. Враг, подобрав эти вещи, приходит к свайному жилищу охотника. Бросив наверх рукавицы и шапку, которые сшила для мужа жена, он заставляет последнюю сбросить ему бревно-лесенку. Тогда он уводит ее с детьми к себе. Вернувшийся охотник, не найдя семьи, обращается за помощью к шаману. Тот указывает ему способ, при помощи которого он может вернуть жену. Охотник так и поступает.

[1] См. сказание 1, прим. 12.
[2] См. предание 23, прим. 2.
[3] «Борболе, борболе!» — припев-запев, характерный для преданий токминских, верхнеленских и северобайкальских эвенков (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 187).

35. Киндыгир и чангиты

Эвенки из рода Киндыгир воевали с витимско-мамскими (Мамагатами или Мамугирами; см.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269—270). В данном предании рассказывается об одном столкновении между ними.

[1] См. предание 23, прим. 2.
[2] См. предание 17, прим. 2.
[3] Мотив переодевания девушки в одежду брата имеется только в преданиях эвенков с Верхней Ангары и левых притоков Витима. Этот мотив заимствован из бурятского фольклора.
[4] «Заплакали по девушке». Женщин и детей во время столкновения не убивали. Потому, когда эвенки сняли платье с убитой девушки и увидели, что это не мужчина, они заплакали.

36. Бэрко и чангиты

Бэрко из рода Буллэт был женат на эвенкийке из рода Нгангагир. Две семьи свойственников летом кочевали вместе, на зиму разъезжались. В предании описывается встреча Бэрко с незнакомыми семьями Нгангагиров. Семья Бэрко бежит от них. Сам же Бэрко для отвода глаз пришельцев остается. Чтобы Нгангагиры не думали, что все ушли, был оставлен наполовину покрытый чум, за которым привязали верхового оленя для Бэрко. Нгангагиры хотели его убить, но он вырвался. Они откочевали на лыжах, в караване их были только вьючные олени. Бэрко удалось перебить всех Нгангагиров. Незамеченной осталась только одна девушка, которая убежала и сообщила сородичам о случившемся. Родные Нгангагиров, узнав, отправились мстить Бэрко. Во время этого второго столкновения были убиты люди с каждой стороны.

[1] Буллэт (множ. число от Буллэ) — название рода, потомки которого расселились по бассейну Олекмы и в верхней части бассейна Алдана. Остальные семьи жили восточнее, в бассейне Зеи.
[2] Нгангагир — название многочисленного и широко расселенного рода. В XVII в. члены этого рода расселились по бассейну Вилюя и другим левым притокам Лены выше Вилюя. В XVIII в. они перешли в бассейн Олекмы и на правые притоки Витима.

[3] Обычно на лето семьи из родов, взаимно бравших девиц в жены, объединялись, а осенью разъезжались.

[4] Вместо слова «жена» употреблено «член семьи», «семья». Муж никогда не называл свою жену по имени или обычным словом «жена». Вместо этого употреблялись другие слова: *нулгӣв* — «кочевка, ведущая караван», *гиркӣв* — «товарищ», *д'ӯган* — «семья» и др.; жена также не называла по имени мужа, употребляя для этого термины «человек», «мужчина».

[5] См. предание 23, прим. 2.

[6] «Вы покройте половину чума». Это было своего рода обманом врага. Чум, покрытый наполовину, создавал впечатление, что жители его не ушли. В действительности же семья откочевывала, а подальше от чума обычно стоял верховой олень, готовый увезти последним хозяина.

[7] См. сказание 10, прим. 6.

[8] См. предание 1, прим. 4.

[9] «Чангиты идут на лыжах». Речь идет о тех пеших охотниках, которые употребляли оленей только под вьюк, сами же переходили пешком во время кочевок.

[10] «Ложись под застругу», букв. «лезь на дно» — способ прятания в горных местах, где снегу наметает столько, что под застругами остаются глубокие впадины.

[11] Повествователь, рассказывая предание, мог передавать рассказ от первого лица — от лица своего героя, а затем снова переходить на обычное повествование (в 3-м лице).

[12] См. сказание 4, прим. 12.

[13] По представлениям эвенков в прошлом, духи — помощники враждебных шаманов (медведи, волки) могли помогать врагам найти преследуемых.

[14] Оговорка рассказчика: снаружи эвенки держали только луки, ружья же всегда находились в чуме.

37. Человек и чангит

Данное предание также находится в процессе превращения в сказку.

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] См. сказание 10, прим. 8.

38. Манги-чангит

Это предание распространено среди эвенков Подкаменной Тунгуски, от которых оно попало на Витим и Олекму. Описывается случай неудачного нападения группы из рода Хуладал на семью эвенков. Последние, заметив врагов, сделали вид, что не видели их, и продолжали свою обычную жизнь. Неожиданно для врагов они собрались и уплыли вниз по реке. Хуладали названы в этом предании манги и чангитами потому, что те и другие постоянно нападали на эвенков. Но в отличие от западных вариантов здесь враги — конный народ, что характерно только для зейско-амурских групп. Это предание записано на одной из рек (Тында) бассейна Зеи. Сюжеты западных эвенков могли проникнуть на Олекму и Тунгир через эвенков из рода Чилчагир и Хачакагир, основная масса которых кочевала по рекам бассейна Витима, а часть ушла на запад на Нижнюю Тунгуску и западнее (Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Связи между семьями одного рода сохранялись, и широко расселенные родичи, хотя и редко, ездили друг к другу в гости. Это и способствовало распространению сюжетов. В этом предании интересно сохранение памяти о безоленном прошлом олекминских эвенков.

[1] Манги (множ. число Мангил ~ Мангит) — реально существовавшая группа центральноазиатского населения. В XIII в. мангыты — одна из час-

тей гвардии Чингисхана, хорошо вооруженная и храбрая в боях. В XVI в. мангыты вошли в состав ногаев — тюркской народности. Позднее они дали начало родам Мангыт и Манги в составе разных тюркоязычных, а на востоке — маньчжуроязычных народов (S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the tungus. London, 1931). Начинающие шаманы маньчжуров должны были знать биографии шаманов-предков. Значительная часть предков этих шаманов происходила из рода Манги. Группа верхнеленских эвенков считает свое происхождение от рода Мангиян. Все эти факты свидетельствуют о том, что манги вошли и в состав древних тунгусов, когда те жили в районе Прибайкалья—Приамурья.

[2] См. предание 23, прим. 2.

[3] В подлиннике непереводимое выражение.

39. Куривуль и манги

Кузнец Куривуль жил с женой и двумя холостыми братьями. Во время их охоты жена жила одна в жилище на сваях. Однажды манги увел ее. Как Куривуль, так и манги имели боевые доспехи и броню. Но Куривуль решил убить манги, послав ему стрелу в рот. Он выковал железные чехлы в рот для себя и для братьев, и они отправились к манги, который жил в деревянном доме. Придя, предложили ему соревноваться в ловле ртом пущенной вверх стрелы. Манги согласился. Упавшая стрела прошла насквозь и убила манги. Куривуль вернул свою жену. Но она, побывав у манги, стала ненормальной.

[1] См. сказание 1, прим. 12.

[2] См. предание 38, прим. 1.

40. Чакиптула

Охотник Чакиптула имел двух жен — молодую и старую. У молодой родился сын. В это время ощенилась собака, и старая жена сказала, что у молодой родился щенок. Чакиптула оставил жену с ребенком, сам со старой женой откочевал. Мать пошла на реку и пожаловалась налиму. Вместе с налимом они начали воспитывать мальчика. Он вырос, и мать послала его к отцу. Найдя отца, он рассказал ему обо всем. Отец оставил старую жену и с сыном вернулся к другой.

Тема о воспитании ребенка налимом распространена среди эвенков Подкаменной и Нижней Тунгусок (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 131—132). Сюжет о налиме как воспитателе брошенного в реку мальчика был вынесен ангарскими эвенками на северо-восток и попал к юкагирам (ср.: W. Jochelson. The yukagirs, t. I. New York, 1926, pp. 39—41). Налим — тотемный предок бурят-эхиритов, с которыми ангарские эвенки были связаны (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883; М. Н. Зобанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1926, стр. 6). Предания кетов, соседей ангарских эвенков, объясняют происхождение рода Конэн от налима. Таким образом, в бассейне Ангары у двух народов (кетов и бурятов) был ярко выраженный тотем-налим; это представление попало и к древним тунгусам Приангарья. По-видимому, культ тотема-налима был у аборигенного населения Приангарья и Прибайкалья и от них попал к кетам и тунгусам, а позже — к бурятам. Попал он вместе с группами аборигенов, вошедших в состав указанных групп.

41. Мальчик

Другой вариант предания о Чакиптуле, записанный южнее.

42. Дептылы

Эвенки Дептылы остановились на стойбище с другой семьей эвенков и обменялись невестами. Затем Дептылы откочевали. Они берегли невестку, хорошо кормили и не давали ей работать. Они хотели принести ее в жертву и стали уже готовиться к жертвоприношению. Но невестка узнала об этом от детей и сбежала. Дептылы не нашли ее, шаман также не мог им указать, куда она делась. Тогда они решили, что чужой шаман сильнее, чем их, и откочевали. Сбежавшая женщина прибежала к своим и обо всем рассказала. Тогда родичи сняли с нее одежду, нарядили в нее девицу Дептылов, отвели последнюю на то место, где пряталась убежавшая, убили ее и ободрали ей лицо. Дептылы, вернувшись, нашли ее и, приняв за свою невестку, принесли в жертву.

Случай жертвоприношения девушки, по-видимому, был исключительным и произвел большое впечатление. Поэтому рассказ о нем распространился из района верхней части бассейнов Подкаменной и Нижней Тунгусок на восток, до р. Зеи.

43. Дептыгиры

Восточный вариант предания о Дептыгирах.

[1] В горах, в местах нагромождения каменных глыб, между ними остаются большие пустоты. В этих пустотах эвенки прятались от врагов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

УЛГУРЙЛ

1. Агдӣ

Кэтэннукэкӯр бичэ̄тин. Тымāнна агдӣва дӧлдӣра. Мигдымэ агдӣмйкāкӯн эмэллэн, д'ӯлватӣн йэ̄нэн, илэлвэ дэ̨ривӯсинэн. Хэрэлгэрдӯ мэ̄рвэр бакатта. Иргит-тэ̄ эмэнэвэр эчэ̄л сāрэ. [Агдӣ] ороровотӣн силаттан, а̨ива бадарāнэ. Тоҧо д'эгдэллэн. Умӯн илэ д'ӯн бичэ̄н. Бэйэ д'ӯдӯви бимуд'эрэн. Намадӯн денгин бид'эрэн. Бадарāва ичэмӣ, денгилви ганāсинан. Биралā туксасинан, д'ӯлāтӣн. Ичэд'эрэн — д'ӯватӣн тоҧо д'эбд'эрэн. Илэл биралā хуррэ. Тоҧо мӯвэ д'эвуллэн. Лургид'ад'ан — хурд'эрэ. Хурипкйлвэ хата д'э̨гдэвкӣ. Дӏлилватӣн д'эгдӏвкйл. Буддэ упкат.

2. Агдӣ

Асӣ тар тӏксайи аййнāсчā. Тӏгдэд'эрэн. Аййнāсшā тар ахӣ. Умнэ̄т агдӏллан. Асӣ тар тӏксадӯйи д'икйлчā. Тӏксавāн йэ̄чэ̄ агдӏ. Асӣ тар хунин хорин бичэ̄. Ахйва дэ̨ривӯсчэ̄ уҧйскйкāкӯн тар агдӏ.

3. Энӯмук

Умнэ̄кэ̄н йдук-вэл эвэнкйлдулэ̄ эмэрэн энӯмук кор. Упкат ухэ̄ллэ. Шамāн аййчйллан. Аййттан, аййттан, албаран. Бунйл кэтэтмэшэл бд'ара. Эвэнкйл гёва шамāнмэ гэлнэ̄рэ. Хуҥту шамāн эмэрэн, Шанайак гэрбйн. Тэтӏн хуҥту — н'эливсйпчу. Ичэтмӣ — эҥэсӣ. Шэвэнчэллэн. Этэкэ̄ймгӯнэн:

— Упкат авгарад'аш!

Эвэнкйл урӯнэ, д'ӯтэлд'и орор бӯрэ. Ухэ̄мук эвкӣ этэд'эрэ. Эвэнкйл манад'авкйл. Мэ̄нин шамāнтӣн бӯрэн. Упкат бурэ, эмэнмурэн умӯкэ̄н атӏркāн Корболик. Йлй-дэ̄ албаллан бд'амӣ. Да̨гат орор бичэ̄тӏн. Оноҧкйн, тэпут-чэҧкйн, д'эптэйи. Гороллокин, албаллан.

Умнэ̄ долболтоно дӧлдӏран илэ гиранйвāн. Шукэкэ̄нми гаран, орєллан:

— Гакал минэ! Гакал! Ёдā кэсэ̄ҧйтчанни? — д'алдӯви гунд'эвкӣ. — Эр энӯмук мучӯшинан.

Ӧкйлла-вал биксэ, д'алдачйллан «эвэнкйлвэ гэлэктэнэшиктэ. Эр бирайа шолйлā бикичйтӏн».

Тӏмāтнэ хулладӯви ад'энэ, д'алдад'эчāн. Умнэ̄т дӧлдӏран н'уҥн'акйл орєлватӏн. Илмалчаран, дӧлчачйллан. Тулйшкӣ йӯрэн — ёкӯн-дā ачйн. Д'алдӯйи гӯпэн: «Эр айакйтчара, бодонми хуҥтупчэ̄н». Тэ̄рэрэн, тэттэн, урйлэндулэ̄ шурурэн, гэлэктэнэшинэн бунил тэтилэ̄тӏн. Бакаран инмэквэ бурдукатайва, урӯнэн увашнан д'ӯлāйи. Колобоҥроҥ, иргйшэви итигāран, шурурэн бирайава шолокӣ, гуннэ: «Тāлā эвэнкйл бикичйлтӏн».

Тэ̄лӣ нэлкэнӣ ӧлчā. Тӏрга киҧлэт ҥэнэмӣ ургэпчӯ — иманна хулулчā.

Корболик тымāтнэ унэ утэгэвкӣ, шуруммєн. Тырга иманна хулуллэкин, дэрумкӣчиливкӣ. Долболтоно н'āн шōт шурувкӣ. Туги наданма тырганӣл нэнэрэн, д'апкӣдӯтын бакаран эвэнкӣл, орор ӯд'алватын. Корболик мāнңилви бакаран. Нуңардутын айат биллэн. Ōкӣлла-вал биксōл, н'āн ухōллэ кордӯ. Шамāнтын шэвэнчэллэн. Ичэгшэ ōрāн, Корболик эмэврӣвэн энӯмуквэ. Эвэнкӣл хэңкэчӣллэ. Корболик гӯнэн:

— Би бунӣлнун иланма бēгал бичēв, эчēв бурэ. Энӯмук мушӯнин миндук шурурэн. Эчēв эмэврэ.

Ōн-дā гунд'эрэкин, эчōл тэд'ēрэ. Корболиккэ бувкēнэ. Энӯмук хата эвкӣ этэрэ. Урӣлēн манавд'авкӣ. Туг-дэ манавран упкачӣн. Упкат бурэ, эмēнмурэ иланӣ: бэйэ ашӣнун, хунāт; Мучанчā, Гарпалик, Холоңо. Нулгӣрэ гēлā урӣкиттулэ. Мучанчā Гарпалиткӣ гӯнэн:

— Колобойо колобоңкол! Мōтӣмāсчалим.

Гарпалик колобоңрон иргӣшэйэн. Мучанчā мотӣмāшинан. Кутудӯви мōтӣва вāрэн. Иниңрӣрэн умāрва, хакинма, уллэвэ ашӯкāн. Шурурэн д'ӯлāвӣ, бирайава дāгишӣнан. Тāкэлāвунин капургаран, Мучанчā бурурэн мӯлэ. Мӯдук йӯрэн, упкачӣн улаптан. Гулувӯнайи иларан, āнңэчиллэн, олгӣчӣллан тэтыгēлви. Дōвуви луктан, ойовуви тэттэн, улапкунма. Доңоторон. Тымāтнэ химāт шурурэн д'ӯлāви. Д'ӯлāви эмэрэн. Гарпалик арчамкана, гӯнэн:

— Би эшӣ толкӣнма айава толкӣтчāв — мōтӣва вāд'иңāш.

Мучанчā гӯнэн:

— Эчēс толкӣтта, ōн аран эчēв эйēрэ? Тынэвэ эмэчэ бимчēв. Аңңэчилим тэтилви олгӣтчана. Эшӣткēн улапкӯн, хуңтуйэ тэтийэ бӯкэл.

Гарпалик бӯрэн. Тāдук уллэвэ улēрэн. Мучанчā эшӣн ēва-дā д'эпшэ гунд'эвкӣ:

— Дилив энӯд'эрэн.

Тариптидук ухēллэн, бурэн. Гарпалик айат нēрэн, авшайан ōран. Тāдук нулгирэ дагамāкӣкӣкāн. Ōкӣлла-вал бикшōл, Гарпалик толкӣтан — Мучанча эмэрӣвēн, тырукēнми цāлид'ана. Эмэкēйим гӯнэн:

— Дилдув тилēкэл!

Болгодӯн хуклēсинэн. Тāдук тар-дā н'āн бурэн. Гарпалик гӯллэн д'алдӯви: «Тар минэ Мучанчā гэлнēд'эчēн». Тариптидук ухēллэн, бурэн. Эмēнмурэн умӯкēн Холоңо. Эмукин бид'энэ, албаллан йлē-дē ōд'амӣ. Горово туги бишин. Умпē дōлдiран бирайа баргӣдāдӯн ашӣ цачирвāн ororво. Холоңо тукшашнан, эрйд'энэ: «Эке-е, минэ гакал! Буд'элим!»

Ашӣ эрйллэн:

— Экэл эмэттэ! Эмэрэкиш, вāд'эм!

Тар ашӣ сāчāн, урӣлēн манавнавāн энӯмуктӯ кордӯ. Тарит ашāткāнмэ эшин эмэвкēнэ. Холоңо н'āн эмӯкин эмēнмурэн болодолōн. Боло бэйэ кэрэмēд'энэ, бакаран, шуруврэн Холоңово д'ӯлāви.

4. Эвэнкӣл Кāтэнцāлдук

Кешмадӯ нонон Момол бичēтин; Кешмаду дилӣбд'ачāтин. Хāлтин Байакāннун элē эмэчēтин. Эмэкēйим, Байакӣл бчāтин. Кешмадӯ Момол, Куркēгир, Лопокол, Момōчар, Кордуйал дилӣбд'ачāтин. Кордуйал Куркēгирилдук йӯчēтин. Амākāтин Кордуй бичēн. Момōчар — Куркēгирилдук. Упчумēчилкēйим, хāлтин хуйēттэ. Хуйēткēйим, Момōчāр бчāтин. Амākāтин бэрин ирēктэмэ мōма бичēн. Тарит пуцан Момōчāн гэрбӣчивӯлчāн. Хутēлин Момōчāр ōлчāтин. Паңкагир дīгēр бичēтин. Амākāтин Паңка бичēн. Гунӣвкӣл — Куңнэгир нонон Н'урумн'ал бичēтин. Кēмукāгирва н'āн Чēмукāгир гунӣвкӣл. Гунӣвкӣл, тарил нонон Паңкагир биңкӣтин.

* * *

Агдиңӣ хуркэкēн бичēн, йэкēдивэ хāлчāн. Ахӣн йэкēмиӣ бичēн. Кāтэнңā эд'ӣлē бид'эчēн. Илан бэйэл ичэхинэ багдакā ӯд'алвāн. Вāмуд'эвки

н'ӧрӑхинан, д'ӯр бэйэл амардукин. Агдынӣ пэктырӧнэн, урӑрэн. Нуӈанмӑн пэктырӧнэлӣн хиӈилгэкӧн дӧлӣн хичӣрэ. Ӣксӧ, чумиллан. Ӣӯрэн. Пэктырӧвӯнми тэврэн, гӧврэн пэктырӧнэн, албаран вад'эми.

* * *

Чилчагир, киранма вӑксӑл, эчӧтӣн асакӣлва борӣра. Аксалдычӑл; гӣл сурурэ Киренӈалӑ, тӑдук Байкал чаӷидалӑн. Гӣл ӧдӯ, Витим эвгидӧдӯн эмӧнмурэ.

Коӈногирил Йоромоткӣ холйлӑ, Чилчагирилнун умӯкэндӯ бид'эӈкӣтӣн Хиркэгир, Хачакагир Йоромо даӷадӯн бид'эӈкӣтӣн. Тарил ӧлӧ эмэксэл, Чичэгир ӧчӑтӣн.

Нонон умӯкӧн бэйэ Чинмӧнчэ д'апкӯн хутэчӣ бичӧн. Хутэлин ахилӑттэ-дӑ хэрэкӧлтэд'эчӧл. Паӈарӑкай, Чинмӧнчэ хутэн. Утышкаткӑн, Агдынӣ, Лэвушкӧткӧн, Пайгакӑн, гӣлвэ омӈом. Акаригир Чайкадӯ дуниэтӧӈкитӣн.

5. Вил'уй илэлин

Амим Ойогир ӧдук горолӧ балдычӑн. Вил'уй бирайадӯн. Нуӈан эвэнкӣ бичӧн. Амим Хологолнун умӯндӯ нулгӣктэд'эчӧтӣн. Хологохол орочӣл бичӧтӣн. Тарил йэкӧл бичӧтӣн. Мунӈэчир бид'эвкӣл бичӧтӣн. Бу Чириндадӯ, Н'экэӈнэдӯ. Би Марка бирадӯн балдычӑв.

Кочонӣл нонон Чун'адӯ нулгӣктэд'эӈкӣтӣн. Хӑлтӣн Таймурӑлӑ цэнэчӧтӣн. Тӑлӑ Муктэл ӧчӑтӣн. Мирэшкэл Чӑпэгирдук йӯчэл. Потɛ йэкӧл, Бɛт'идук йӯчӧл. Емидӑкил нонон Бахтадӯ дуннэтӧд'эӈкӣтӣн.

* * *

Н'амад'и аӈанӣл амаскӣ илэл ороро ачир биӈкӣтӣн. Гиркумат нулгиктэӈкӣтӣн. Ирӯвӯрдӯ куӈакӑрвэ ирӯӈкӣтӣн. Мэнӧд'эӈкӣтӣн умӯн дуннэдӯ. Муннукӑрвэ, хорокӣлва лукит вӑӈкӣтӣн. Диливӯн тунӈа арублил биӈкӣн. Сулакӣкӑрд'и, кэрэмкӧрд'и тамаӈкӣтӣн. Йӯдулӧ укӣӈкӣтӣн, пурчандӑвэр. Хомӧтӣлва авдундуктӣн вӑӈкӣтӣн.

Увачӑн ороно ачин бичӧн. Увамат гиркӯктаӈкин, тарит увачӑнд'и гэрбичӧл. Эвгӯ хутэн асӣн йэкӧмнӣ бичӧн. Увачӑр Чӧнадук элӧ эмэчӧл.

* * *

Бордоӈил нонон Ӈэкэӈнэдӯ бид'эӈкӣтӣн. Упкат мэкчэрэчӧл. Бордоӈ мӧнин йэкӧ бичӧн, хамӑн бичӧн н'амад'и аӈанӣл амаскӣ. Хутэн-хунӑт войнадӯ мэкчэрэчӧн. Д'ур куӈакӑрин-ахӑткӑрин эмӧнмучӧл. Тикин нуӈартӣн Ӈӧкэӈнэдӯ хавалд'авкӣл. Ошикир бирайалдӯ Курйа, тӑдук Чӧнаткӣ Лима бирайадун бид'эӈкӣтӣн.

6. Эвэнкӣл буӷаӈӣлтӣн

Ноноптидук ӧдӯ Чулмандӯ Кеӈас бид'эчӧ. Кеӈас эр буӷадӯ бд'акин, тэкӧнин ӧчӑ. Кеӈастук эвэнкӣл омӯкилтӣн ӧнатӣн. Эвэнкӣл йэкӧлнун эр буӷадӯ сэвэкӣчӧнмэ ӧчӑтӣн.

Ӧдӯ бид'эрӣл эвэнкӣл буӷаӈӣлтӣн нонон хуӈтутӧнэлдӯ биӈкӣтӣн. Лоӈоркӣл буӷатӣн билир Алдан эйӧкӧкӣн бид'эрӣн. Н'урмаган буӷатӣн. Буллэтӣлнун умӯкэндӯ Амуртикакӣ бид'эрӣн. Бɛтум Битимдӯ бид'эӈкӣтӣн Сологон буӷатӣн билир Алдан эйӧкэкӣ бид'эрӣн. Буйагир буӷатӣн Гил'уйдӯ, Амур эд'йӣкӧндӯн бид'эрӣн. Бутанун майскэйӣл эвӣдӧдӯтӣн. Деӈмал буӷатӣн Учӣрвэ эйӧкӧкӣ. Доӈӧйил Олокиодӯ Букочарнун умӯндӯ бид'эӈкӣтӣн. Доӈӧйил сӧ кэтэ бихӣтӣн. Буйагирил иландӯ хуйэттэ: Баттак, Куртак, Кэптуткӧр.

* *
*

Лоӈоркӣл буҕатын нонон Йакӯскайгӣдӑдӯн бичӭн. Амаргӯт кин'аситын Алдандулӑ хуручӭн. Ӭдук амаргут Лоӈоркӣл Д'эйэ бирайӑлдулӑн эмэчӭл. Эхӣткӭн Лоӈоркӣл ахӯкӑн ӧчӑтын. Эмӣхин тэкӭнтын Булдэ бичӭн. Булдэ хунӑт пӑхэннэйвэ эдӀлӭчӭ. Тӭлӣ Эмихин ӧлчӑл.

Пҽрҽворӧт ӧдалӑн Д'эйэ эд'ӣҕӣкӭндӯн Маӈ'агӣрил бид'эӈкӣтын. Муричӣл бинэл, нуӈартын эвэнкӣлгэчӣр нулгӣктэд'эӈкӣтын. Турӭнтын син умӯн. Пҽрҽворӧт ӧллакин, Маӈ'агӣрил Китӑйлӑ суручэтын, Амурва хэдэхӭл.

* *
*

Эр буҕадӯ — Ӑлгэмӑдӯ, даҕадӯн бихӣл биралдӯ, ӣдӯ-кэт Бута бид'эӈкӣтын. Бута-Колесовил нонон Учӣрдӯ, Катун'ӣадӯ бид'эӈкӣтын. Тӑдук Ӑлгэмӑлӑ нулгӣчӭтын. Бута-Наумовил нонон Ӑлгэмӑ дэрӭнмӭн Нуйам, Налурак дэрӭрвэтын буҕатӑӈкӣтын. Бута-Пудовил нонон Гӭлтамдадӯ, Ӑлгэмӑдӯ бид'эӈкӣтын. ТӀкин упкачӣтын колхосилдӯ бид'эрэ.

* *
*

Бу аймакӣлвун ӭдӯ Учӣрдӯ эд'ӣҕӭкӭндӯ бичӭл: Кэлтэкӣ, Кӭӈдэ, Бута, Бҽтум, Каӈаҕи. Кэлтэн буҕаӈӣтын Учӣр дӧдӯн бичӭн, н'ӑн Алдандӯ бичӭтын. Кэӈдэ буҕаӈӣтын Амӈӑдӯ бичӭн. Кэӈдэ амӣнӣн йэкэ бичӭн. Эр буҕадӯ эвэнкӣ ӧна, хутэлби балдӀчӑн. Хутэлин эвэнкӣл ӧчӑтын. Бута, Бҽтум — Учирдӯ, Алгэмӑдӯ, Гӧнамдӯ буҕатӑд'аӈкӣтын. Каӈагил — Учир дантудӯн, Алдандӯ, Д'агдадӯ солокӣ буҕатад'аӈкӣтын. Эхӣткӭн бикӣчитын Даркилак — Д'агдаӈ солокӣ илан нулгӣ. Лоӈоркӣ Колтокӣнун умӯндӯ каначӣ Амгагӣдӑлӑ.

7. Атӏркӑн хутэн

Атӏркӑн бичӭн. Хутэн бичӭн хуркӭнӭн. Мӭнӭйӭдӯн д'алин бид'эчӭл. Илан бэйэл бэйумӭчиллэ, хуркэкӭн н'ӑн илнӑрӭн. Бэйун нуӈандулӣн эмэрэн. Тар хуркӭкӭн гарнаран. Йӯрин туркэврэн бэйунмэ, албаран вӑд'эми. Тар д'алин хуркӭкӭндулӭ эмэрэ. Д'аваксӑл, сиӈилгэндулӣ йэнӯрэ, киглэлд'ивэр хэкимнӭрэ, гӯпэ:

— Ӭсӣлэ вӑпи.

Тӑдук сурурэ. Илан бэйэл эмэрэ атӏркӑп д'ӯлӑн, энӣндулӭн. Умӯнтын гӯнэн:

— Атӏркӑнма вӑҕӑт.

Илӣтын гӯнэн:

— Эҕӭт вӑтчэрэ, тоҕовӧн элэ сӣҕӭт, атӏркӑн доӈотовдӧн тоҕойо ачин. Тоҕово силлактын, атӏркӑн тар хутакӑнми дӧгӣдӑлӣн ӧллава нӧдӑран. Бэйэл гулувӯнма хэкимнӭрэ, сурурэ.

Хуркӭкӭн, арӯкса, сиӈилгэндук йӯрэн. Д'ӯлӑви эмэрэн, энӣндулӭви. Эмэксӭ, энӣнэн бэйунмэ ӯд'асинэ. Бэйунмэ тӑлӣ бучӭвэ бакара, хигӣллэ, тэлӣллэ. Тэлӣд'эрэктын, д'алин, илан бэйэл, эмэрэ. Илэлдӯ улирэ. Д'ӯрдӯ бэйэл эрӯпчут, умӯндӯ — айамамат. Эрӯпчэвэ д'эвд'эрӣл буддэ, анаврa. Айава д'эбд'эчӭ эчӭ буддэ. Атӏркӑн тар абгарачиллан, эдэн буддэ. Тар хуркӭкӭнинун эсӣлэ тар бэйэ гиркӣ ӧдан. Бэйурэ умӯндӯ, гиркулла умӯндӯ.

* * *

Кэтэ бэйэл бичэ̄л. Д'ӯтин бичэ̄ тадӯ. Умӯкэ̄н атиркан бичэ̄. Тар хутэн мӧтива ичэчэ̄, ахалгача̄. Ахалгакайим, хуручэ̄л тар бэйундулэ̄вэр упкат бинэл, хувӯлитин. Тар ичэ̄л мӧтиӈмар, мурукэ̄чэ̄л, ганачиндавэр. Тар куӈакан бичэ̄, тар хуйукӯкэ̄н, урача̄ мӧтиӈивар.

— Ёда̄ урани? — гуннэл, идакалчэ̄л нуӈанма̄н.

Тоӷово хивкил бичэ̄л. Эд'эликтэнтин хирэ, коколлодӯйи дичэ̄ тоӷово — элдава. Кучува бакача̄ тар атиркан, тадӯ илача̄. Мӧтиӈми бакача, бушшэ-д'эривэ̄. Н'энчэ̄, хигчэ̄, д'эпчэ̄ куӈакан энинин. Д'ӯр бэйэл, д'алин, эмэчэ̄л. Эмэкэйимил, тэгэчилчэ̄л, хилэнд'эрэкин. Атиркан этэчэ̄ хилэнд'эми. Тар гунд'энэ, «Эбэй! Эбэй!» балилдад'ана, эхалдулитин хилэтпэр энтичэ̄. Тар хутэн хоӈнашша̄ бэрилбэтин. Тар ганатча̄, нуӈарватин вача̄ хувӯлитин.

РАССКАЗЫ

1. Гроза (о подкаменнотунгусском метеорите)

Иван Куркогир, род. в 1914 г., неграмотный.
1936 г., р. Чуюнго, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Стояло много чумов. Утром услышали гром. Разразилась невероятно шумная гроза. Она разбила чумы, унесла по воздуху людей. Люди очутились на марниковом болоте. Не могли понять, куда их перенесло. Гроза, сжигая тайгу, сжарила и их оленей. Огонь распространялся. Там стоял чум одного человека. Мужик хотел попасть домой. У него в торсуке — вьючной суме были деньги. Увидев пожар, он бросился к деньгам. Побежал к реке, к чумам. Смотрит — огонь сжигает чумы [соседей]. Люди бросились в реку. Огонь пошел по воде. [Плавники] вспыхивают, они ныряют, а [огонь] зажигает и ныряющих. Обжигает [их] головы. Так все [они] и умерли.

2. Гроза

А. Мукто, род. в 1922 г., грамотная.
1935 г., р. Нидымкан, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Пошла женщина поправить берестяные покрышки [на жилище]. Шел дождь. Пока она поправляла, раздался гром. Женщина спряталась под покрышки. Гроза разбила покрышки. У женщины был красный кафтан. Гроза унесла эту женщину вверх.

3. Болезнь

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная.
1945 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Однажды к эвенкам откуда-то пришла болезнь — корь. Все заболели. Шаман начал лечить. Лечил, лечил, не смог [вылечить]. Мертвых очень много становилось. Эвенки сходили за другим шаманом. Пришел чужой шаман по имени Шанаяк. Облачение его иное — страшное. Со стороны посмотреть — сильный [шаман]. Начал он шаманить. Окончив, сказал:

— Все поправитесь.

Эвенки обрадовались, дали [ему] по два оленя [от каждой семьи]. Но болезнь не прекращалась. Эвенки умирали. Умер и сам шаман. Все

умерли, осталась одна старуха Корболик. Некуда ей было деться. Поблизости были олени. Ходила она за ними, забивала для еды. Но если они уходили далеко, она не могла [их догнать].

Однажды вечером она услышала шаги людей. Взяла топорик и закричала:

— Возьми меня! Возьми! Для чего мучаешь?

А сама думает: «Это болезнь вернулась».

Спустя некоторое время стала думать: «Пойду-ка я поищу эвенков. Их стойбище вверх по этой реке». Так думала она утром, лежа в одеяле. Вдруг услышала крик гусей. Вскочила, прислушалась. Вышла вон — никого нет. Думает: «Это — хорошее предзнаменование: моя жизнь изменится». Встала, оделась, пошла на стойбище искать одежду умерших. Нашла вьючную сумку с мукой, обрадовалась, притащила домой. Напекла хлеба — подорожников, собралась и пошла вверх по реке, думая: «Там стойбище эвенков».

Тогда начиналась весна. Днем на лыжах идти трудно — снег мокрый. Корболик вставала рано утром и шла. Днем, когда снег размягчался, отдыхала. Ночью опять быстро шла. Так шла она семь дней. На восьмой день нашла следы эвенков и оленей. Корболик нашла своих. У них стала хорошо жить. Но сколько-то дней прошло, и эти начали болеть корью. Шаман шаманил. Сделал вид, что Корболик принесла болезнь. Эвенки начали ее ругать. Корболик говорит:

— Я жила с мертвецами три месяца, не умерла. Мушун — [дух] болезни ушел от меня. Не принесла я [болезнь].

Но как ни говорила, не поверили. Корболик заставили покончить с собой. Но болезнь не прекращалась. Стойбище вымирало. Так и вымерли все. Все умерли, осталось трое: муж с женой и дочь — Мучанча, Гарпалик и Холонго. Откочевали они в другое место. Мучанча говорит Гарпалик:

— Напеки колобков. Я пойду охотиться за лосем.

Гарпалик напекла ему подорожников. Мучанча отправился на охоту. Ему повезло, он убил лося. Привязал к поняге (т. е. заспинной дощечке) мозг, печень и немного мяса. Пошел домой, начал переходить через реку, колодина, [по которой шел], сломалась. Мучанча упал в воду. Вышел из воды весь мокрый. Развел костер, заночевал, начал сушить одежды. Снял нижнюю одежду, надел верхнюю, мокрую. Замерз. Утром пошел быстро домой. Когда пришел домой, Гарпалик, встретив, сказала:

— Я сегодня хороший сон видела — ты убил лося.

Мучанча сказал:

— А ты не видела во сне, как я чуть-чуть не утонул? Я бы вчера пришел. Заночевал, суша одежду. Сейчас я весь сырой, дай другую одежду.

Гарпалик дала. Потом начали варить мясо. Мучанча ничего не ест, говорит:

— Голова болит.

В этот же день заболел и [затем] умер. Гарпалик сделала ему гроб, хорошо похоронила. Потом все откочевали недалеко. Прошло несколько дней. Гарпалик увидела сон — подходит Мучанча, держа в руках подушку. Придя, говорит: «Положи под мою голову». Лег к ней на колени. Потом опять умер. Гарпалик подумала: «Это за мной пришел Мучанча».

После этого дня она заболела и умерла. Осталась одна [дочь] — Холонго. Одна она ничего не могла сделать. Долго так жила. Однажды услыхала, что за рекой женщина зовет оленей. Холонго побежала, крича:

— Тетя! Возьми меня, умираю!

Женщина закричала:

— Не приходи! Придешь — убью!

Эта женщина знала о том, что стойбище вымерло от кори. Поэтому не пригласила девочку. Холонго опять осталась одна до осени. Осенью человек, белкуя, нашел и увел Холонгу [к себе] домой.

4. Эвенки с Катанги

Павел Баяки.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде Момоли жили в районе Кежмы. В Кежме платили ясак. Часть их с Баяканом пришла сюда (т. е. в район Полигуса). Придя, они стали называться Баяки.

В Кежме платили ясак Момоли, Куркогиры, Лопоколи, Момочары, Кордуяли.

Кордуяли выделились из [рода] Куркогир. Дед их был Кордуй. И Момочары выделились из [рода] Куркогир. Поссорившись, часть [Куркогиров] отделилась. Отделившись, стали [называться] Момочарами. Лук их деда был из лиственницы. Поэтому он и назывался Момочан. А потомки его стали Момочарами. Пангкагиры были горными жителями. Дед их назывался Пангка. Говорят, что Кунгногиры раньше были Нюрумнялями. Кемукагиров называют также Чемукагирами. Говорят, что [Кемукагиры] первоначально были Пангкагирами.

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., р. Тетея, Катангский район, Иркутская область.

Агдыни еще мальчиком знал якутский язык. Жена его была якуткой. Он жил ниже [Тетеи] по Катанге. Трое мужчин пошли смотреть следы дикого оленя. Тот, который хотел стрелять, пошел вперед, двое шли сзади. Агдыни выстрелил и промахнулся. Его за промах затоптали в снег. Когда он очутился в снегу, начинало таять. Агдыни выбрался, зарядил ружье, выстрелил вторично, но не смог убить [оленя].

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., пос. Хомокор, Катангский район, Иркутская область.

Чилчагиры, убив орла, не поделили его маховых перьев. Рассорились. Одни ушли на Киренгу и дальше за Байкал. Другие здесь, по эту сторону Витима, остались. Конгногиры жили вверх по Ероме вместе с Чилчагирами. Хиркогиры и Хачекагиры жили недалеко от Еромы. [Хачекагиры], придя сюда, стали называться Чичогирами.

Давно один человек, Чинмончо, имел восемь сыновей. Сыновья его женились и расходились [в разные стороны]: Пангаракай, Утышкаткан, Агдыни, Голе, Левушкоткон, Пагьякан, а других забыл.

Акарингиры бродили по притокам (букв.: речкам) Чайки.

5. Эвенки с Вилюя

Михаил Ойогир, род. в 1896 г.
1960 г., р. Нидым, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Мой отец Ойогир родился далеко отсюда, на одном притоке Вилюя. Он был эвенки. Мой отец кочевал вместе с Хологонами. Хологоны были оленными. Они были якутами, но жили как мы. Мы кочевали в районе [озер] Чирингда и Неконгда. Я родился на реке Мархе.

Кочонили вначале кочевали по Чуне. Часть их ушла на Таймуру. Там они стали называться Муктолями. Мирошко вышли из [рода] Чапогиров. Потэ — якуты, вышли из [рода] Бети. Эмидакили прежде жили на Бахте.

* * *

Семен Кунгногир, род. в 1879 г.
1959 г., пос. Наканна, Катангский район, Иркутская область.

Сто лет тому назад эвенки не имели оленей, кочевали пешком. На волокуше они перевозили детей. Жили они долго на одном месте. Били стрелами зайцев и глухарей. Ясак тогда был равен пяти рублям. Платили также лисицами и белками. Ельцов промышляли мордами и вялили их. Медведей били в берлогах.

Увачан не имел оленей. Ходил, [кочевал], таская [все] на себе. Поэтому его прозвали Увачан. Жена его младшего сына была якуткой. Они пришли сюда с Чоны.

Бордонгили прежде жили в Наканне. Все они вымерли. Бордонг сам был якутом, шаманом; жил лет сто тому назад. Его дочь скончалась в последнюю войну. Остались две девочки. Теперь они работают в Наканне.

Ошкиры жили по рекам Курья и Лима, в направлении к Чоне.

6. Места, освоенные эвенками

Павел Михайлов (Нюрмаган), род. в 1883 г., неграмотный.
1947 г., пос. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно здесь, на Чульмане, жил Кенгас. Когда Кенгас поселился на этой земле, начался его род (букв.: корень). От [потомства] Кенгаса начались роды эвенков. Эвенки с якутами устроили в этом месте камлание. Места здешних эвенков были в разных сторонах. Земли Лонгорков были вниз по Алдану. Земли Нюрмаганов вместе с Буллэтами были в направлении к Амуру. Бэтумы жили на Витиме. Земли Сологонов были прежде ниже по Алдану. Места Буягиров были на Гилюе, по эту (т. е. левую) сторону от Амура, и на запад [от реки Учур, где жили] Бута вместе с майскими [эвенками]. Земли Дэнгмалов находились внизу по Учуру. Донгоили жили вместе с Букочарами на Олекме. Донгоилей было очень много. Буягиры разделились на три группы: Баттак, Куртак, Коптуткор.

* * *

Николай Николаев (Буягир), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Токарикан, Алданский район, Якутская АССР.

Места Лонгорков прежде были в направлении к Якутску. Потом их «князь» (т. е. старшина) ушел на Алдан. Отсюда позже Лонгорки ушли на притоки Зеи. Теперь Лонгорков стало мало. Родоначальником Эмихин, говорят, был Булдэ. Дочь Булдэ вышла замуж за [русского] крестьянина, [говорящего по-якутски]. После того они стали родом Эмихин.

До революции вниз по Зее жили Манягиры. Они были лошадными, но кочевали как эвенки. Язык их такой же, [как у эвенков]. После революции Манягиры ушли в Китай, перейдя через Амур.

* * *

Семен Наумов (Бута), род. в 1877 г., неграмотный, р. Сутам, 1947 г., Алданский район, Якутская АССР; Дмитрий Колесов (Бута), род. в 1913 г., грамотный, р. Алгома, 1947 г., там же.

На Алгоме и на соседних речках всюду кочевали Бута. Бута-Колесовы прежде жили на Учуре и Катуни. Потом откочевали на Алгому. Бута-Наумовы прежде жили на истоках Алгомы, на истоках Нуяма и Налурака. Бута-Пудовы прежде жили на Гелтамде и на Алгоме. Теперь все живут в [одном] колхозе.

* * *

Наши роды здесь на Учуре, по нижнему течению его, жили: Колтоки, Конгдо, Бута, Бэтум, Кангаги. Места Колтоков были на самом Учуре и на Алдане. Места Конгдо были на Амге. Отец Конгдо был якутом. Поселившись в этих местах, он народил детей. Дети его стали эвенками. Бута и Бэтум имели места на Учуре, Алгоме, Гонаме; Кангаги — в устье Учура, на Алдане и вверх по реке Дягде, на расстоянии трех нулги (т. е. около 30 км); сейчас их место — Даркилак. Лонгорки вместе с Колтокилями имели родню на Амге.

7. Сын старухи

Калтан Кочони, род. в 1922 г., грамотный.
1935 г., р. Варгома, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жила старуха. Был у нее сын. На постоянной стоянке — мэнэене жила их родня. Трое мужиков пошли на охоту. Парень встал в засаде. Зверь шел на него. Этот парень выстрелил. Стрела ударилась в зверя, но не убила. Родственники [парня] пришли к нему, схватили его, зарыли в снег и на лыжах затоптали, сказав:

— Теперь мы его убили.

Потом ушли. Пришли трое мужиков к старухе в чум, к его матери. Один из них сказал:

— Убьем и старуху.

Третий сказал:

— Не станем убивать, загасим только ее огонь, чтобы старуха замерзла без огня.

Когда они стали гасить огонь, эта старуха спрятала в мешочек уголек. Мужики затоптали костер и ушли.

Парень, очнувшись, вылез из-под снега. Пришел домой, к матери. Придя, вместе с матерью пошел по следу зверя. Нашли там мертвого зверя, [в которого парень стрелял]. Освежевали его, стали заготавливать мясо. Когда заготавливали, пришли те трое мужиков — родственников. Их накормили. Двум мужикам дали худое мясо, одному — хорошее. Евшие худое умерли, упали. Евший хорошее [мясо] не умер. Старуха эта лечила его, чтобы не умер. С парнем этот мужик стал тогда дружить. Вместе ходили на охоту, вместе бродили.

* * *

Д. Чапагир, оз. Амо, 1936 г.

Было много людей. Был у них там чум. Жила одна старуха. Сын ее увидел лося, но не погнался за ним сразу. Пошли к тому зверю все [охотники] вместе. Вот дошли до зверя, окружили зверя, чтобы стрелять. Этот парень был еще мал и промахнулся, [только ранил].

— Почему ты промахнулся? — говоря, начали бить его.

Они погасили огонь [у старухи]. Но пока они гасили, сунула она уголек в рукавицу. Нашла трут та старуха, разожгла огонь. Нашла умиравшего лося. Освежевала его, накормила мать парня. Пришли два мужика, родственники. Придя, присели, пока она варила суп. Кончила варить старуха. Крикнув: «Обой! Обой!», она ослепила их, плеснув им в глаза. Сын ее разрубил их луки, выстрелил в них и убил всех.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НАПЕВЫ СКАЗАНИЯ О КОДАКЧОНЕ

Для наиболее древней традиции эпических сказаний характерно сочетание двух способов звукового произнесения — мерной речи и пения. При всем разнообразии форм эпоса в них условно можно различить два основных вида: сказания, которые поются, как например руны Калевалы, русские былины, ненецкие ярабц, и сказания с эпизодически появляющимися музыкальными частями, как якутские олонхо, туркменские сказания, башкирские легенды об узюн-куях, бурятские и монгольские улигеры. К последнему типу относятся и эпические сказания эвенков. Эти два вида эпоса не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать в фольклоре одного и того же народа, однако в таких случаях всегда можно наблюдать преобладание одного из видов или придания каждому из них особого значения.

Если поющиеся сказания имеют довольно большое количество нотных публикаций и фонограмм, то сказания с эпизодическими музыкальными частями известны только в единичных и далеко не полных записях, не дающих цельного представления о всем драматургическом комплексе поэтической и музыкальной речи. Между тем изучение этого вида эпоса чрезвычайно важно для выяснения путей развития национальных литератур и театрального искусства. Достаточно сказать о многочисленных стихотворных вставках в эпических сказаниях эвенков, которые, возможно, некогда пелись, так же как песенные реплики в русской волшебной сказке (что встречается и в фольклоре других народов), а также вспомнить русскую народную и классическую китайскую драмы, насыщенные музыкальными номерами, древние формы театральных представлений, как греческая трагедия со вставными репликами Хора, средневековые мистерии, затем более поздние формы — зингшпиль и комическую оперу, где действующие лица поют монологи, и, наконец, водевиль и оперетту. Вполне вероятно, что возникновение таких видов литературы и театральных спектаклей было связано в ряде случаев с существовавшими некогда эпическими повествованиями с поющимися эпизодами, которые являлись монологами персонажей. Здесь надо отметить, что именно эта форма эпоса, сохранившаяся у некоторых народов до настоящего времени, иногда превращается в подобие театральных пьес в концертном исполнении, как например пение реплик героев улигера помощниками сказителя или включение в сказание песен других жанров, что наблюдается при исполнении рун Калевалы.

Музыкальные эпизоды в эпических сказаниях эвенков имеют специальные напевы (как в улигерах и олонхо) и исполняются тем же лицом, которое ведет повествование. Поются только наиболее пространные реплики, которые можно условно назвать монологами; диалоги же персонажей остаются в составе прозаического или ритмизованного сказа. Монологи поются на напевы-формулы, равные одному-двум стихам. Напев пред-

ставляет собой формулу в виде двойного произношения названия рода, племени или собственного имени персонажа и выполняет роль поэтического зачина монолога. Весь последующий текст монолога исполняется на варьированное повторение заданной формулы. Иногда музыкально-поэтическая формула повторяется несколько раз внутри монолога, создавая впечатление постоянного припева.

Сказание о Кодакчоне в исполнении С. М. Савина, записанное целиком на магнитофонную ленту, дает возможность проследить некоторые закономерности соотношения музыкального и поэтического текстов и высказать предположения об их драматургической роли в эпической композиции.

Для 15 музыкальных эпизодов, содержащихся в сказании, исполнитель пользуется пятью напевами. Напев I исполняется с текстами, начинающимися словами «Геруканен! Геруканен!» (1-й эпизод — монолог женщины-птицы, матери Кодакчона) и «Кедайканен! Кедайканен!» (5-й эпизод — монолог Нурдяк — дочери старика из племени Кидан, поется на мотив отца); напев II, начинающийся словами «Генгдэ, генгдэронен!», общий для Кодакчона и Боскондяринди; напев III — «Дэвэдарэко! Дэвэдарэко!» (7-й эпизод — монолог Нурдяк, жены Боскондяринди); напев IV — «Кимо, кимоку!» (9-й эпизод — монолог Секак, жены Кодакчона); напев V — «Гунгер! Гунгер!» (10-й эпизод — монолог врага).[1]

Перед началом пения исполнитель каждый раз делает небольшую паузу и начинает первую музыкальную фразу, значительно форсируя звук; последующие фразы он поет несколько мягче. Повествовательный текст после музыкального эпизода сказитель произносит сначала на повышенном звуке, как бы продолжая финальный тон напева, что создает впечатление постепенного перехода пения в речь.

Последовательность музыкальных эпизодов напоминает форму рондо — постоянного возвращения к главной теме, которой является напев II: I—II—II—II—I—II—III—II—IV—V—II—II—II—II. Правда, эта схема должна бы быть несколько иной, так как исполнитель ошибочно спел две реплики врага (4-й и 6-й эпизоды) на основной героический напев, но все-таки принцип рондообразной последовательности и при таком распределении напевов сохраняется: I—II—II—V—I—V—III—II—IV—V—II—II—II—II—II.

При отсутствии звукозаписей от других исполнителей, конечно, нельзя говорить об обязательном применении такой схемы, однако можно полагать возможность ее использования, так как она обусловлена большим количеством реплик главного героя повествования.

Знатоки эвенкийской эпической традиции утверждают, что у каждого персонажа свой напев. В исполнении С. М. Савина это правило не выдержано. Однако, если не считать указанной выше ошибки, появление которой легко объяснимо, распределение напевов по эпизодам соответствует строгой логике:[2] напев I является темой родителей, чьи дети вступают в брачные отношения, напев II — тема мужчин одного рода, связанных кровными узами, главный герой которого Кодакчон (сюда же относится и реплика коня брата Кодакчона), напевы III и IV — темы женщин разных родов и напев V — тема врага. Таким образом, напевы являются некими родовыми музыкальными иероглифами, несомненно очень древнего происхождения (в особенности напев IV — «Кимо, кимоко»).

Все напевы построены на пентатонической (бесполутоновой) основе, однако у них различные диапазоны, разные опорные звуки и ритмика (ср.

---

[1] Нотации напевов I, II и IV приводятся во фрагментах, III и V — полностью.

[2] Замена напевов произошла, возможно, вследствие неоднократного замещения звуков при произнесении слов «Гэндэ» и «Дендэ», которые имеют самостоятельные напевы-формулы; в 6-м эпизоде эта ошибка, вероятно, произошла по закону повтора главной темы рондообразной формы.

ритмические схемы каждого напева). Наибольшим диапазоном обладают напевы I и II. Оба они производят впечатление большой энергии и силы. Но если в напеве I подчеркнуто значение нижнего тона, что создает характер устойчивости и покоя, и центральная часть его отягощена обильными мелизмами, что, правда, не лишает этот напев некоторой танцевальности, то напев II звучит более просто. Все его основные звуки украшены равномерно, а резкий взлет на септиму не закрепляется, как в напеве I, в верхней точке, что придает ему более порывистый характер, делает его похожим на боевой клич. Напев III несколько у́же по диапазону (секста) и экономнее в интонационных средствах. В отличие от первых двух он равен полустишию. При первом звучании напев со словами «Дэвэдарэко! Дэвэдарэко!» украшен мелизмами, при повторах он становится проще и скромнее. Его четкая ритмика кажется ритмом танца. Напев IV по характеру мелизмов временами напоминает напев II, но он необычайно узок по диапазону. У него фактически нет звукоряда — это только два устоя, существующих на равных правах; напев может заканчиваться на любом из них. Сам характер напева героини Секак служит своеобразной характеристикой ее рода женщин-воительниц. Напев V резко отличается от всех предыдущих. Он намного меньше по диапазону, чем основной напев героя сказания, но настойчивое повторение музыкальной формулы, постепенное нарастание верхних звуков создают впечатление большой силы и угрозы. Этот напев, характеризующий врага, исполнители эвенкийского эпоса называют «грубым», что следует понимать как «жесткий», «жестокий».

Следует отметить, что Савин строго сохраняет ладо-тональность каждого напева. Это ярко обнаруживается при частых повторах главной темы, появляющейся достаточно точно на тех же звуковысотах, несмотря на соседствующие с ней другие, звучащие в иных тональностях темы. Тонально-звуковысотная последовательность первых звучаний напевов (как в редакции Савина, так и при исправлении ее) идет по восходящей линии, как бы подчеркивая напряженность развивающихся событий. Постоянное возвращение к главной теме делает всю композицию цельной и устойчивой, завершение сказания пятикратным повтором главной темы создает звуковой финал, подчеркивающий победу героя и членов его рода.

Сказание о Кодакчоне, как, вероятно, и другие, является отшлифованной веками поэтическо-музыкальной композицией, замечательным памятником древнего искусства эвенков, который, несмотря на частичные разрушения и утраты, не теряет своего художественного и научно-исторического значения.

Впервые подготавливая для публикации напевы эвенкийского эпоса, записанные на магнитофоне (до сих пор были известны только слуховые записи), нам пришлось столкнуться с рядом трудностей нотации звучания, при преодолении которых мы шли тем же путем, что и ранее, при работе над ненецкими эпическими песнями. Основные, контурные звуки напева выделены крупными головками, украшения выполнены петитом. Тактовые черты выставлены в соответствии с реально слышимой акцентуацией, которая в большинстве случаев совпадает с долгими гласными. Размещение согласной под звуком или группой звуков означает продолжение ее звучания при уже сомкнутых губах, своеобразное явление «долгой согласной». Скрипично-теноровый ключ показывает звучание октавой ниже. Слова в круглых скобках — ритмические вставки, не имеющие смыслового значения.

Б. М. Добровольский.

I

Спокойно ♪=144
Гē - ŋу - кā - нын! Гē - ŋу - кā - ны-н!
Э-р(l)-кэн э - шī - лэ̄й(и) кэ - д'(э)-эм
Сō - (ŋи) бэ - йэ (йа) (ц)э - ŗе (ŋ)и-лан дʼāр
Ан - ŋа - нī - ма - ктӯ - та - (ŋу) - (н)
Бӯ - лу - рī - кāн ō - дʼа - кса - кāн
Мōн - дʼа - ŋŋи (ŋан) тэ - кэн - д(э)-(и)ӯн
Бук - сэ - дʼэ - рī ō - кā - кӯ - нан-ни
Й - дук тэ-кэн-ни ул - гу - чэ - кэл!
Спокойно ♪=120
II
Лэр-гɛк! Лэр - гɛ - ни - кɛн - (хɛ) (куй)!
Эр - кэй э - шī-лэй и-кэ - кэл - гу!

и-лан д'ā́р ан-ңа-нū-йа - дӯ
ос-кє - д'а-чā (ңан- гу)
Спокойно ♪=100
IIа
Ген-дє! Ген-дє-рō-не-н
Подвижно ♩.=69
III
Дє-вє-дā-рє-кэй! Дє-вє-дā-рє-кэй!
Өэ-лэ-лун-да
а-ва-хин-да-ми-йа, дō-л-чāт-чэ-кэл!
Дє-вє-дā-рє-кэй! Дє-вє-дā-рє-кэй!
Эр-кэ мит дэң (й)-д'э-рэ-ки-т(э)

Ē - кӯн - дук - тан хэч - ди - цэн - д'а (йа) - гу
Мӧн - д'а - (йа) - гу би - д'э - цэн - (цу) - цэн
тā - дук - кār - (цан) э - рε бэ - йэ
то - го - во и - лат - ча - рӣ о - рор - во д'эт - чэ - рӣ
бэ - йэ би - д'и - цэн
са - га - ду - кин - (цу) д'а - вак - са - кāн,
Дε - вε - дā - рε - кэй! Дε - вε - дā - рε - кэй
Н'и - ким - н'а - йа - дӯ - ви н'ō - дā - дā - ви
Дε - вε - дā - рε - ку!
Сō бэ - йэ би - д'и - цэс, гу - нит - тэн О! Та - ра ба - гас, гу - нит - тэн

IV

Свободно ♪=160
Ки - мэ, ки-мэ-ку! Ки-мэ ки-мэ-ку!
Эрē-кӯн э-шӣ-ла ē-кӯн би-нэ-н
мӣ-йа-дук бал-дӣ-чӣ Кӣ-дӣк-чэ-н (йо)
Ки-мэ, ки-мэ-ку!
Эр-кэ го-ро бу-ца-йа-дук
э-мэ-д'э-коэ̄-кэ̄н, э-рэй-дэ-ник-сэ̄-кэ̄н, н'э-кэ-шӣ-д'э-кэ-кӯ-нэн-ни?
Ки-мэ, ки-мэ-ку!
Эр-кэн са-та-ру (н) ē-кӯн-дук-тӣ

V

Скоро и решительно ♩. = 72

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ПЛЕМЕННЫХ, РОДОВЫХ НАЗВАНИЙ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН[1]

Агдыни, с. и. 381.
Акаригир, р. н. 381.
Алгома, р. 382, 383.
Алдан, р. 382.
Алтанэй, с. и. 268—272, 354.
Амга, р. 383.
Амур, р. 344, 382.
Ангара, р. 296, 360—363.
Анюй, р. 204, 339, 343, 344.
Апчода, с. и. 306.
Арчамка, с. и. 306.

Багдарикан, с. и. 297.
Байкал, оз. 381.
Бакадя, с. и. 304, 305, 364.
Баттак, р. н. 382.
Баякан, с. и. 381.
Бети, р. н. 382.
Бонгача, с. и. 302.
Бордонгил, р. н. 382.
Боскондяриндя, с. и. 185—190, 341, 342.
Букочар, р. н. 382.
Булдэ, Буллэ, Буллэт, р. н. 325, 371, 382.
Бута, р. н. 382, 383.
Буягир, р. н. 382.
Бэрко, с. и. 325—330, 371.
Бэтум, р. н. 382, 383.

Витим, р. 381, 382.
Воршенде, с. и. 253, 254.
Вояв, р. 301.

Гаданча, с. и. 299, 300.
Гарагалтун-Силин, с. и. 219, 346—348.
Гаршавулча, Гаршавулчан, с. и. 243—245, 349.
Гарпалик, с. и. 386.
Гарпани, Гарпаникан, с. и. 250—257, 350—351.
Гарпас-мата-Гарпаникан, с. и. 257, 351.
Гельтамда, р. 383.
Гельтынгачан-Кувульгат, с. и. 266, 353.
Гильбовуль, с. и. 301—303, 364.
Гилюй, р. 382.
Гонам, р. 383.

Дарпек, Дарпекчан, с. и. 228—236, 244, 245, 349, 350.
Дебульго, Девульго, Девильго, Дейдо-Девильгон, Дейдо-Девильго-Кувульгат, с. и. 225, 231.
Деерок, с. и. 306.
Дейдо см. Дебульго.
Деко, с. и. 285, 306.
Делони, с. и. 225.
Догикчон, с. и. 204—207, 343.
Донгоиль, р. н. 382.
Дэнгмал, р. н. 382.
Дэткэн, р. 311.
Дюпкулкон-Дюпкулдин, с. и. 200—206, 343, 344.
Дюрунго, с. и. 300.

---

[1] Условные обозначения:
оз. — озеро
п. н. — племенное название
пос. — поселок
р. — река
р. н. — родовое название
с. и. — собственное имя
хр. — хребет

Егинде-земля 218, 346, 347.
Енисей, р. 290, 346.
Ерома, р. 307, 365.

Зея, р. 382.

Ибде, с. и. 293, 360.
Идагурчан, с. и. 196.
Илимпея, р. 356, 366.
Илихагдэн, с. и. 268.
Ингчор-земля 342.
Ирикта, р. 301.
Иронуде, Иронучон, с. и. 216—218, 258, 351.

Каданучан, с. и. 216, 217.
Кангаги(р), р. н. 383.
Катан, с. и. 220.
Катанга, Катонга, р. 290, 301, 381.
Катунь, р. 383.
Кеда, Кедак, Кедан, п. н. 206, 225, 339, 343, 345, 347. См. также Кидан.
Кежма, р. 293, 306, 360, 363.
Кемо, Кемони, р. н. 339, 345 (ср. припев).
Кемукагир, р. н. 381.
Кенгас, с. и. 382.
Керальто-Гаральто, с. и. 268, 354.
Кеян-земля, 208, 338, 340, 345.
Кидан, Кедан, Кидани, п. н. 179, 180, 201, 208, 224—228, 339—344, 347.
Кидан-земля, Кетан-земля 179, 180, 201, 208, 224, 228, 338, 339, 343—347.
Кимо, р. п. 345.
Кимо-Кимонин, р. н. 207, 208, 247 (ср. припев).
Кимол, Кимал, р. п. 290, 345, 357.
Кимонко, р. п. 345.
Кимонори, с. и. 245, 349.
Киндыгир, р. н. 324, 325, 371.
Киренга, р. 381.
Киро, Кирэ, Кирэлту, с. п. 270—272, 354.
Киянка, р. 345.
Кият, р. п. 345.
Кодакчон, с. и. 178—197, 338, 341.
Кодорос, хр. 251.
Колтоки(л), р. п. 383.
Конгакчан, Конганкан, с. и. 253—256.
Конгдо, Конгдогир, р. п. 381, 383 (см. Кунгдогир).
Коптуткор, р. п. 382.
Корболик, с. и. 380.
Кордаку, с. п. 287.
Кордо, с. и. 301, 363.
Кордуял, р. н. 289, 301, 302, 359, 363, 381.
Котор, р. 216, 346.
Кувульгат, р. н. 230, 231, 266.
Кунгдогир, Кунгногир, р. н. 295, 360, 361, 381, 382.
Курболтун, с. и. 291, 354, 357.
Курвул, с. и. 332, 373.
Куркогир, р. п. 289, 295, 296, 300, 301, 359, 361, 363, 381.
Куртак, с. и. 382.
Курэнгой, с. и. 272—276, 354.
Кэдэронинде, с. и. 252.

Лалигир, р. н. 342.
Лимты, р. (русск. Илимпея) 310, 382.
Лонгко, с. и. 284, 285, 300, 308, 356.
Лонгорки, р. н. 382.
Лопкончо, с. п. 307, 365.
Лопоко(л), р. н. 295, 381.

Мамагат, Мамугир, р. н. 358, 371.
Манги, п. н. 332, 333, 372.
Манягир, р. н. 382.
Мархa, р. 381.
Мачаку, с. и. 302.
Мирошко, р. н. 382.
Мокигдын, с. и. 213—217, 346.
Мокогдыр, с. и. 276—280, 355.
Мокогир, р. н. 317, 318, 369.
Моксо, Моксовул, с. и. 270, 272, 354.
Момо(л), р. н. 289—296, 298, 300, 304, 357, 360—364, 381.
Момочан, Момочар, р. н. 291, 356, 360, 381, 382.
Момочо, с. и. 300.
Монгол, р. п. 257, 366.
Монгруни, с. и. 225—229, 334, 339, 344, 347.
Монгукчон, Монгункон, с. и. 180—184, 209, 237—248, 338—340.
Мукилту, с. и. 354—356, 271.
Мукто(л), р. п. 382.
Мучанча, с. и. 380.
Мучугир, р. п. 362.

Наканна, пос. 357, 382.
Налурак, р. 383.
Нгангагир, р. н. 325, 371, 382.
Нивонинде, с. и. 218—221, 346.
Нидым, р. 381.
Нингтони, с. и. 198, 203—206, 339, 343.
Нурговул, с. и. 309, 310, 366.
Нуям, р. 383.
Нюнгурмок, с. и. 217, 234—237.

Нюрдяк, с. и. 191.
Нюрмаган, р. н. 382.
Нюрумня(л), р. н. 284—288, 300, 356, 357, 359, 363.
Нюшкагир, р. н. 301, 363.
Нялягир, р. н. 361.

Огинкогир, р. н. 317, 318, 363.
Ойогир, р. н. 381.
Олувул, с. и. 310, 311, 366.
Онгкочо, р. 357.
Онгчор-земля 197.
Онон, Онон-земля 180, 218, 339—347.
Оптоко(н), с. и. 284—289, 302, 356, 359.
Орель, р. н. 339, 343.
Оролдин, с. и. 190.
Отани, с. и. 223—234, 245, 347.
Оха, р. н. 200—206, 343—345.
Ошикир, р. н. 307, 308, 365, 382.

Пагьякан, с. и. 381.
Пангка, с. и. 381.
Пангкагир, р. н. 381.
Пачаки, с. и. 285, 289—300, 306, 357—360.
Потэ, р. н. 382.

Секак, Секакчан, с. и. 178, 179, 194—210, 212, 237, 258, 259, 267, 343, 345.
Секардин, с. и. 237, 239, 348.
Сергунго, с. и. 301, 302, 363.
Сивир, Сивир-земля, Шибир 178, 207—210, 215, 224, 338—347.
Сигундар, с. и. 276—284, 344, 355, 356.
Сирбут-Сирбунэй, с. и. 280—284, 356.
Соготок, с. и. 341.
Сологон, р. н. 381, 382.
Сумкольдин, с. и. 203, 344.
Сэлулэнде, Сэлэнтур, Сэлэмэнде, Сэлэмтун, Сэлэргун, с. и. 189, 192, 194, 217, 225—228, 237, 341, 345—348.

Тарундяк-земля 195, 341.
Тоган, с. и. 325, 328.
Тогондор, с. и. 194, 342.
Томкони, с. и. 342.
Тонгколдин, с. и. 278, 355.
Топоко, р. н. 291, 360.
Торганэй, с. и. 260—266, 352—354.
Тура, пос. 300, 363.
Тывьенэй, с. и. 268—272, 354.
Тыргакчан, с. и. 203—205, 223—234, 339, 343, 347.

Увачан, р. н. 382.
Уговнор, с. и. 245.
Угоян, с. и. 191, 245, 342.
Ульбимчо, с. и. 289.
Умусли(кон), Умусни(кон), с. и. 210—212, 241—250, 349, 350.
Унгковул, с. и. 312, 313, 367, 368.
Уптанэй, с. и. 340.
Уранкай, п. н. 179, 204, 207, 213, 215, 218, 223, 227—229, 257, 259, 339—346.
Урон, с. и. 311—316, 367, 368.
Утольдин, с. и. 206.
Утышка(ткан), с. и. 305, 306, 381.
Учур, р. 382, 383.

Хагданча, с. и. 307.
Халдяркай, с. и. 218.
Хачикагир, р. н. 381.
Хиркогир, р. н. 381.
Ховоко, с. и. 284—293, 306, 356—360.
Хологон, р. н. 381.
Хорбо(ль), р. н. 289—301, 362.
Хоркигир, р. н. 301, 302.
Хоролден, с. и. 189.
Хуладал, р. н. 372.
Хуругочон, с. и. 234—241, 266, 348, 353.

Чадобец, р. 295, 361.
Чакинтула, с. и. 333, 334, 373.
Чангит(ы), п. н. 319—331.
Чаникэй, с. и. 263—266, 353.
Чапогир 382.
Чемда(л), р. н. 296—300, 361—365.
Чилчагир, р. н. 381.
Чиндони, с. и. 255, 256.
Чиямончо, с. и. 381.
Чипа, с. и. 325.
Чирипгда, оз. 381.
Чиркимай, с. и. 265, 353.
Чичогир, р. н. 381.
Чоколдой-конь 282, 283.
Чолко, с. и. 300.
Чулуро, Чулугды, п. н. 225—229, 348.

Шанаяк, с. и. 379.

Эмидакль, р. н. 382.
Эрокчон, с. и. 197, 203, 204.

Юлтони, с. и. 243—245, 344, 349.
Юргины, с. и. 307—309, 365, 366.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

Учӣр, Урмӣ, Чумукэн, Сахалин, эвэнкӣлин нимцакӑртин 19

1. Кӧдӑкчэн 19
2. Кӧдӑкчэн 27
3. Сӗкак 39
4. Илан ахӑкӑр 49
5. Мэкигдын 57
6. Нивэнӣнд'э 62
7. Ӧтанӣ 66
8. Хуругэчэн 82
9. Умӯснӣ 89
10. Умӯслӣкэн 90
11. Умӯн-Умӯснӣкэн 96
12. Гарпанӣкӑн 98
13. Гарпас-мата-Гарпанӯчӑн 105

Алдан, Д'эйэ эвэнкӣлин нимцакӑртин 108

14. Тӧргӑнэй 108
15. Тӧргӑнэй, Чаникэй 111
16. Алтӑнэй 115
17. Алтӑнэй, Тывйӑнэй 117
18. Курєңэй 120
19. Мӗкэгдыр, Сигундар 123
20. Сирбут-Сирбӯнэй 127

Кӑтэнцӑл эвэнкӣлтин нимцакӑртин 131

1. Хэвэкэ, Лоцко, Эптэкэн 131
2. Эптэкэн Куркэгир, Пачакӣ Момо 135
3. Орор 136
4. Хэвэкэ 136
5. Хэвэкэ Момӧчар, Тэпэкэ Момо 137
6. Лоцко 138
7. Йбд'э 138
8. Пачакӣ 139
9. Пачакӣ Момо 141
10. Пачакӣ Момо 141
11. Момол, Чӗмдӑл 142

Стр.

12. Чӗмдӑл, Хэрбэл 143
13. Момол, Куркӗгир, Н'урумн'ал 145
14. Кордо 145
15. Куркӗгир, Н'ушкӑгир 145
16. Сэргуӈэ Кордӯйал 146
17. Гилбӗвул 146
18. Бакад'а Момо 147
19. Утӏшка 148
20. Д'эйэрэк 149
21. Йургинӏ 150
22. Йургинӏ 151
23. Нургӗвул, чаӈитӏл 152
24. Олувул, Нургӗвул 153
25. Урӗн 154
26. Урӗн, Уӈкӗвул 154
27. Г'аналчӣл 158
28. Дӏгэр 158
29. Эӷинкӗгир, Мӗкӗгир 159
30. Вӑлдӏкӣт 160
31. Чаӈиткӑкӯр 161
32. Асӣ, чаӈит 162
33. Асӣ 162
34. Эвэнкӣ, чаӈит 163
35. Киндӈир, чаӈичӣл 165
36. Бэркэ, чаӈитӏл 166
37. Бэйэ, чаӈит 171
38. Маӈи-чаӈит 172
39. Куривул, маӈи 173
40. Чакиптулӑ 174
41. Бэйэткӗн 175
42. Д'эптӏл 176
43. Д'эптӏгир 177

Сказания дальневосточных (учурских, урмийских, амгуньских, чумиканских и сахалинских) эвенков 178

1. Кодакчон. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 178
2. Кодакчон. *С. Савин, 1960 г., р. Урми* 185
3. Секак. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 197
4. Три девицы. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 207
5. Мокигдын. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 213
6. Нивонинде. *Н. Арсенов (Эдян), 1948 г., р. Амгунь* . . . 218
7. Отани. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 221
8. Хуругочон. *А. Пудов (Бута), 1947 г., р. Алгома* 234
9. Умусни. *М. Пикалева (Эдян), 1948 г., р. Урми* 241
10. Умусликон. *С. Чепалов, 1936 г., пос. Тугур* 242
11. Умун-Умусникон. *Н. Федорова, 1936 г., пос. Чумикан* . . 248
12. Гарпаникан. *Г. Чинков (Эдян), 1938 г., Сахалин* 250
13. Гарпас-мата-Гарпануучан. *В. Диадорова (Монго), 1948 г., р. Урми* 257

Сказания верхнеалданско-зейских эвенков 260

14. Торганэй. *А. Бояровская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* 260
15. Торганэй и Чаникой. *И. Романов (Бута), 1936 г., пос. Бомнак* 263

Стр.

16. Алтанэй. *А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* 268
17. Алтанэй и Тывьенэй. *П. Михайлов (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* 269
18. Курэнгой. *А. Бояркoвская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* 272
19. Мокогдыр и Сигундар. *А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* 276
20. Сирбут-Сирбунэй. *А. Бояркoвская (Хэбгимнгу), 1947 г., р. Тында* 280

Предания 284

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 284
2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо. *П.-К. Кувачонок (Чапагир), 1935 г., пос. Байкит* 289
3. Олени. *С. Куркогирский (Момо), 1960 г., пос. Куюмба* 290
4. Ховоко. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* 290
5. Ховоко Момочар и Топоко Момо. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 291
6. Лонгко. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 292
7. Ибде. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 293
8. Пачаки. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 293
9. Пачаки Момо. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 295
10. Пачаки Момо. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 296
11. Момоли и Чемдали. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 297
12. Чемдали и Хорболи. *И. Чемда, 1936 г., пос. Вановара* . . 298
13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли. *П.-К. Кувачонок (Чапагир), 1935 г., пос. Байкит* 300
14. Кордо. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 301
15. Куркогиры и Нюшкагиры. *Л. Пангкагир, 1935 г., р. Учами* 301
16. Сергунго Кордуяль. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* 301
17. Гильбовуль. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 302
18. Бакадя Момо. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 304
19. Утышка. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 305
20. Деерок. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 306
21. Юргины. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* 307
22. Юргины. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* 308
23. Нурговуль и чангиты. *А. Конепкин (Хунгикикал), 1931 г., р. Ика* 309
24. Олувуль и Нурговуль. *И. Каплин (Пангаракай), 1959 г., пос. Бугоркан* 310
25. Урон. *М. Комбагир, 1935 г., озера Некопгда и Агата* . . 311
26. Урон и Унгковуль. *Н. Хирогир, 1960 г., оз. Агата* . . . 312
27. Ганальчи. *П. Комбагир, 1936 г., оз. Некопгда* 316
28. Захребетные жители. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 316
29. Огинкогиры и Мокогиры. *А. Афанасьев (Монго), 1936 г., р. Бурея* 317
30. Побоище. *Г. Лонтогир, 1931 г., р. Непа* 318
31. Чангиты. *А. Конепкин (Хунгикикал), 1931 г., р. Ика* . . 319
32. Женщина и чангит. *И. Лопа, 1935 г., пос. Байкит* . . . 321
33. Женщина. *А. Мукто, 1935 г., р. Нидымкан* 321
34. Эвенк и чангит. *А. Салаткина (Вакувагир), 1945 г., р. Дэткон—р. Непа* 322
35. Кингыгир и чангиты. *Н. Шаньгин, 1936 г., р. Верхняя Ангара* 324

Стр.

36. Бэрко и чангиты. *Н. Сахаров (Чакигир), 1937 г., р. Тунгир* 325
37. Человек и чангит. *А. Бояркoвская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* 330
38. Манги-чангит. *Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., пос. Тында* 331
39. Куривуль и манги. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Ванавара* 332
40. Чакинтула. *М. Комбагир, 1935 г., оз. Неконгда* 333
41. Мальчик. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 334
42. Дептылы. *А. Салаткина (Вакувагир), 1946 г., р. Дэткон—р. Непа* 335
43. Дептыгиры. *Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., р. Тунгир, р. Тында* 337

Примечания 338

Сказания дальневосточных (учурских, урмийских, амгунских, чумиканских и сахалинских) эвенков 338
Сказания верхнеалданско-зейских эвенков 352
Предания 356

Приложения 375

Приложение I 375

Улгурӣл 375
1. Агдӣ 375
2. Агдӣ 375
3. Энӯмук 375
4. Эвэнкӣл Катэнңӓлдук 376
5. Вил'уй илэлин 377
6. Эвэнкӣл буґаңӣлтӣн 377
7. Атӏркӓн хутэн 378
Рассказы 379
1. Гроза 379
2. Гроза 379
3. Болезнь 379
4. Эвенки с Катанги 381
5. Эвенки с Вилюя 381
6. Места, освоенные эвенками 382
7. Сын старухи 383

Приложение II. Напевы сказания о Кодакчоне *(Б. М. Добровольский)* 384
Указатель географических, племенных, родовых названий и собственных имен 392

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ

* * *

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

* * *

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Р. Е. Зендель*
Корректоры *Л. М. Бова*, *Ш. А. Иванова* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 6/XII 1965 г. Подписано к печати 22/IV 1966 г. РИСО АН СССР № 152—118В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 12⁵/₈. Печ. л. 25 + 1 вкл. (¹/₄ печ. л.). = = 25¹/₄ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.59. Изд. № 2742. Тип. зак. № 636. М-27674. Тираж 1500. Бумага типографская № 2.

Цена 1 р. 90 к. + переплет 10 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
37	5 снизу	буŋалāн	буŋалāви
92	11 »	Бу	Би
137	7 »	тукаландӯ	тулакāндӯ
174	4 »	эмэчӗн	эмӗчӗн
334	11 сверху	пришел в этот чум	оставил [меня] в этом чуме